

Министерство образования и науки Российской Федерации
Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
Нижневартовский государственный университет

КУЛЬТУРА НАУКА ОБРАЗОВАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции

г.Нижневартовск, 7 февраля 2014 года

Часть I

Издательство
Нижневартовского
государственного
университета
2014

ББК 72я43
К 90

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

К 90 **Культура, наука, образование: проблемы и перспективы:** Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г.Нижевартовск, 7 февраля 2014 года) / Отв. ред. А.В.Коричко. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2014. Ч. I. — 347 с.

ISBN 978–5–00047–128–9

Часть I издания включает статьи участников конференции секций «История идей и история общества», «Отечественная история и методика обучения истории», «Документационное обеспечение в системе управления», «Актуальные вопросы филологии и массовых коммуникаций», «Когнитивно-дискурсивная парадигма: теория и практика». Авторы освещают актуальные проблемы всеобщей истории, теории истории, историографии, проблемы отечественной истории и документоведения.

Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

ББК 72я43

ISBN 978–5–00047–128–9

© Издательство НВГУ, 2014

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Позиционирование России в системе координат современной мировой культуры является одним из приоритетных направлений работы руководства страны. Ближайшие годы во многом будут определяющими для развития российского государства в социально-культурном плане. Одним из самых масштабных проектов, призванных способствовать формированию положительного образа России, несомненно, станут Зимние Олимпийские Игры 2014 г. в Сочи.

Само по себе Олимпийское движение — это, прежде всего, идеология, где особое значение приобретают знаки и символы. Безусловно, символика каждых Олимпийских игр проходит процедуру тщательного отбора, в первую очередь с точки зрения этнокультурной составляющей.

Официальными талисманами Сочи-2014 были выбраны Белый медведь, Леопард и Заяц: «... впервые в истории Олимпийского движения их выбирала вся страна! По результатам голосования было принято решение, что победителями конкурса по олимпийскому принципу станут вошедшие в первую тройку при народном голосовании. Эти персонажи — выбор всей нашей страны. Это *Белый мишка, Зайка и Леопард*, и они уже стали частью истории мирового Олимпийского движения!» (Президент Оргкомитета «Сочи-2014» Д. Чернышенко, 26/02/2011).

Каждому из персонажей создана своя биография, детали которой профессионально продуманы и соответствуют социальным реалиям сегодняшнего дня, при этом, заметим, особый символизм несет ИМЯ каждого героя.

В современной лингвистике существует понятие «*прецедентного имени*». Под этим термином понимается индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, или с прецедентной ситуацией. Прецедентные имена являются сложными знаками, которые включают яркий эмоционально-экспрессивный компонент. Таким прецедентным именем для большого количества россиян уже многие годы остается имя символа летней московской Олимпиады-80 — *Олимпийского Мишки*.

При выборе героя новой Олимпиады этот символизм получает второе рождение. Одним из олимпийских талисманов становится не просто *Белый медведь*, но *Белый Мишка*. Принципиальное отсутствие агрессивности субъекта, обозначаемого деминутивным именем, является важным семантическим элементом в общей структуре знака. Однако реализация этого значения возможна только на уровне определенной лингвокультуры. Уникальность русского языка заключается в возможности создания вариативных уменьшительно-ласкательных форм имени, что типологически не представляется возможным во многих других языках, к числу таких относится, например, английский язык. Как следствие, при вхождении подобных языковых единиц в другую лингвокультуру, происходит значительная смысловая утрата на уровне эмоционально-экспрессивного компонента (ср. рус. **Белый мишка** — англ. **Polar Bear** «**Полярный медведь**»).

Прагматический потенциал имени другого талисмана Сочи-2014, которое создано по аналогичной словообразовательной модели: к начальной форме добавлен деминутивный суффикс -к- → Заяц — **Зайка**, является еще более широким. В русскоязычной лингвокультуре существует гендерная «диффузия» в отношении субъектов, именуемых «зайка»: «Трусиха зайка **серенький**...» (мужской род), «Зайку бросила хозяйка, под дождем **остался** зайка...» (мужской род) vs. «Зайка **моя**...» (женский род). Данная особенность позволяет ввести дополнительную детализацию персонажа с точки зрения гендерных характеристик.

Таким образом, в качестве талисманов Сочи-2014 позиционированы не Белый медведь, но **ласковый** Белый Мишка, не Заяц, но **милая** девочка Зайка. Эти значения легко прочитываются носителями русского языка, но утрачивают коммуникативно-прагматический эффект при передаче на иностранный язык, в частности, на английский.

Сохранение внешней формы имени, несомненно, возможно с использованием приемов транскрипции-транслитерации (ср. способ передачи имен талисманов Паралимпийских игр — 2014 г. Снежинка — Snezhinka, Лучик — Luchik), однако в таком случае значение имени становится непрозрачным, смысл чаще всего передается средствами переводческого комментария, что в пределах конкретного фрагмента курса не всегда представляется возможным.

Одним из ключевых символов современных Олимпийских игр является **слоган**. Лексема «слоган» вошла в русский язык в конце 1990-х гг., ее основное значение — *лаконичная, легко запоминающаяся фраза, выражающая суть рекламной привлекательности товара* [Энциклопедический словарь 2009], что определяет стандартную сочетаемость лексемы — «рекламный слоган».

В качестве слогана Олимпиады-2014 выбрана фраза «Жаркие. Зимние. Твои.», сочетающая в себе, по мнению организаторов Игр, новизну и динамику: «**Жаркие**» отражает накал спортивной борьбы и зрительских страстей. А также указывает на место проведения Игр — южный курортный город. Слово **Зимние**» говорит о времени проведения Игр, их типе, а также отражает традиционность восприятия

России в глазах всего мира. Слово — **“Твои”** — символизирует сопричастность и сокращение расстояний до порой очень далеких событий» (URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/933965-echo/>).

Однако общественное восприятие слогана оказалось неоднозначным. По данным социологического опроса, проведенного исследовательским центром рекрутингового портала Superjob.ru (1600 респондентов старше 18 лет): 67% опрошенных раскритиковали слоган. Наибольшее количество негативных отзывов фразы получила в возрастной группе от 35 до 44 лет. Некоторые респонденты отметили, что фраза «больше подходит для распродажи в обувном магазине». Положительные отзывы — 20% россиян, из них только 5% «однозначно» одобрили выбор. Наибольшую симпатию предложенный олимпийский слоган вызвал у людей в возрастной группе до 34 лет (<http://lenta.ru/news/2012/10/11/hotcoolyours/>)

В большом количестве интернет-комментариев было высказано мнение, что в англоязычной версии (*Hot. Cool. Yours.*) слоган воспринимается более гармонично, и создается ощущение, что оригинал слогана был сделан именно на английском языке, а затем уже подыскивался его эквивалент на русском.

С точки зрения канонов построения рекламного текста русскоязычный вариант олимпийского слогана, действительно, вызывает определенные возражения, поскольку предполагается, что целевая аудитория данного текста будет максимально широкой, однако использования притяжательного местоимения **«ТВОИ»** вызывает отрицание на уровне эмоционально-личностного восприятия среди людей среднего и старшего возраста в границах русскоязычной лингвокультуры: *«А Вы мне не тыкайте!»*

Вместе с тем в отношении представителей молодого поколения такой стилистический прием снятия коммуникативного дистанцирования часто успешно работает. Нельзя не сказать и о том, что в приложении к англоязычной версии слогана эта лингвокультурологическая особенность не может обсуждаться, поскольку в современном английском нет различия местоимений ТЫ и ВЫ.

Во многом лингвистическая составляющая того, что сопутствовало формированию олимпийского стиля Сочи-2014, адресована не собственно только русскоязычной аудитории, что, естественно, объясняется самим форматом мероприятия — событие планетарного масштаба, многоязычная зрительская аудитория, для которой средством общения принципиально является английский язык.

Так, лексико-грамматические модели, по которым созданы русскоязычные названия самих олимпийских объектов, начиная с названий **«Прибрежный кластер»** и **«Горный кластер»**, показывают значительное влияние английского языка (в современном русском языке английское по происхождению слово *кластер* начинает сравнительно широко использоваться только с конца 90-х гг. XX в.).

Например, такие олимпийские объекты как **Сноуборд-парк, Фристайл-центр, Экстрим-парк, Роза Хутор, Адлер-Арена, Горки-город** получили свое название по модели, которой в русском языке нет, но она существует в английском и является чрезвычайно продуктивной: атрибутивное словосочетание, где функцию атрибутива выполняет имя существительное (в форме именительного падежа) в препозиции к главному слову.

«Втягивание» данной конструкции в орбиту русского языка становится неизбежным по нескольким причинам. С одной стороны, пословный перевод данной конструкции на русский язык довольно часто вызывает затруднения, так как переводчику бывает сложно подобрать столь же лаконичный с точки зрения синтаксиса и морфологии вариант. С другой стороны, перевод таких словосочетаний часто становится избыточным, поскольку в современном российском обществе знание основ английского языка является нормой.

Как правило, активные процессы взаимодействия языков выступают объектом так называемой «креативной стилистики». Ярким примером тому служит вариант передачи названия олимпийского горнолыжного комплекса «Русские горки» на английский язык. В англоязычном названии обыгрывается соединение аббревиатуры **«Rus»** (фрагмент англ. Russian — русский) и слова **«Ski»** (англ. Лыжи): RusSki Gorki.

Таким образом, желание России быть влиятельным игроком на мировой арене и оставаться в центре глобальных общественно-политических процессов в значительной степени определяет и складывающуюся систему лингвокультурных координат.

В.Н.Видинеев

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

О ПРОБЛЕМАХ ГОДА КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Понятие «культура» очень многогранно. По сути, все связанное с жизнедеятельностью человека. Нас не удивляют такие словосочетания, как культура земледелия, культурная политика и т.д. В последние несколько лет мы видели, какое пристальное внимание в нашем государстве уделялось и уделяется физической культуре. Но нас, прежде всего, интересует духовно-нравственная составляющая понятия.

Первые лица в государстве говорят о важности культуры в жизни общества. Хотя проблемы культуры в нашей стране, как правило, всегда на втором плане и финансируются правительством по остаточному принципу. Необходимо понять, что на современном этапе общественного развития проблема сохранения национальной культуры — это вопрос выживания и сохранения государства.

Президент, наконец-то публично выступил о важности развития культуры и объявил 2014 год — годом культуры (1).

В современной политике существует понятие «мягкая» сила. Америка в целях доминирования вкладывает огромные средства в информационные технологии и средства массовой информации, в многочисленные неправительственные фонды. И тратится средств на это не меньше, чем на обычные вооружения. Вот последний пример наступления на наши традиционные культурно-нравственные ценности. Лауреатов Нобелевской премии «организовали» написать письмо с обращением к В.В.Путину об отмене закона, запрещающего гей-пропаганду среди несовершеннолетних. Более важных проблем у лауреатов не осталось. Писатель Захар Прилепин назвал это нобелевским мракобесием.

Патриарх на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре сказал: «Сегодня нам надо создавать такие условия, при которых наше общество, в первую очередь молодежь, само будет отказываться от пошлости, от засилья того, что сейчас называется попсой, гламуром. Настоящая культура, то огромное богатство, которым мы обладаем, должна быть привлекательнее глянца, привлекательнее попсы. Главное — у общества должен быть реальный выбор между настоящей культурой и псевдокультурой. Книжные прилавки и эфирное пространство не должны заполняться только легкой, «жареной», коммерчески выгодной продукцией. Человек должен видеть вокруг себя не только глянец, но и настоящее творчество, искусство. Тогда можно будет сказать, что людям дан реальный выбор». То есть настоящее искусство должно иметь равный доступ к средствам массовой информации.

Для того чтобы в России проводилась национальная культурная политика, руководить средствами массовой информации должны патриоты-государственники. Внушает оптимизм назначение на должность главы создаваемого информагентства «Россия сегодня» Дмитрия Киселева. А сейчас характерны такие примеры. На популярном круглосуточном канале «Россия 24» за пару месяцев прошло два репортажа о киноактере Сильвестре Сталлоне. В одном из них рассказывается о его персональной художественной выставке. В залах Русского музея выставляется самодеятельный художник Сильвестр Сталлоне. В очередной раз происходит дискредитация национального Храма искусства. Американский актер, который в десятках фильмах убивает «злых» русских людей, «крошит» их направо и налево, удостоен чести представить свои опусы в сокровищнице русского искусства. Государственные чиновники проявляют поразительную беспринципность. В этом же ряду пример со скандальной выставкой братьев Чапман в залах государственного Эрмитажа (сцены насилия, половые уродства и глумление над христианскими символами).

Чтобы спасти национальную культуру, многим кажется, что для этого требуются лишь деньги. Но, острее проблему чувствует Русская православная Церковь. Как отметил архимандрит Тихон Шевкунов, отсутствует внятная концепция государственной политики в области культуры. Особенно это сказывается на нашем подрастающем поколении. И с этим трудно не согласиться. Конечно, можно построить еще десяток театров, культурных центров, и потратить на это не один десяток миллиардов рублей, но кто будет туда ходить, если у большинства молодых людей сейчас такая потребность отсутствует.

Разрушение культуры происходит и под лозунгами поиска новизны и свободы творчества. Чаще это превращается в свободу от совести. Пример: МХАТ убрал из названия слово академический, чтобы была возможность экспериментировать молодым режиссерам. Закончилось пока скандалом. Возмущенные зрители пытаются остановить сценическое действие, где в откровенном виде представлена однополая любовь, стриптиз и глумление над чувствами верующих — в образе распятия стоит на возвышении обнаженная женщина (спектакли «Идеальный муж», «Братья Карамазовы»). Назвать это иначе, чем «сатанизмом» нельзя. Возмутительным также является выбор фамилии режиссера — «богомолов».

Другая проблема — отсутствие единства во властных структурах различного уровня, как государственных, так и церковных. Вот яркий пример. Уже отлит в бронзе и готов к установке памятник митрополиту Иоанну. Он был исключительно смел и честен. Он не побоялся в годы вакханалии беспробудного пьянства Ельцина, заявить: «...государство предано и брошено на разграбление бессовестных и алчных стяжателей, жрецов новой официальной религии — культа духовного и физического разврата, культа безудержной наживы — любой ценой... Антихрист как реальная политическая возможность наших дней уже не вызывает сомнений».

Автором памятника является всемирно известный скульптор Вячеслав Клыков. И тут начинается скрытый саботаж — длительное время памятник не забирают из московской мастерской. Памятник отцу Иоанну являлся последним произведением Клыкова, над которым он работал безвозмездно. Как следует из статьи под названием «Иоанна не пускают в Самару», виновниками представлены новый мэр города Азаров и нынешний митрополит Сергей в миру Полеткин Виктор Моисеевич.

При этом в городе установлены без проблем памятники: Деточкину, вымышленному герою кинокомедии, бравому солдату Швейку, Буратино — глупой деревянной кукле. Как говорится — комментарии излишни [2].

Угрозой культуре является так же «абсурдизм», как явление современного искусства постмодернизма. В экспозициях современных выставок все чаще можно видеть произведения, смысл которых понять невозможно. Он представляет угрозу развитию общества в целом. Разве не абсурд, что современная экономика будет развиваться лишь в том случае, если будет возрастать потребление. А природные ресурсы при этом истощаются и возникают экологические проблемы.

Попытаюсь проанализировать культурную среду, в которой предстоит жить и работать молодым художникам — выпускникам нашего факультета.

В культурном пространстве России сложилась парадоксальная ситуация. Все профессиональное обучение искусству основано на традиционном классическом искусстве. В качестве образцов и примеров, студент видит античную скульптуру и живопись эпохи Возрождения. Так же примером являются известные художники отечественного искусства. В России сильны традиции классического реалистического искусства, огромным интересом пользуются постоянные экспозиции Третьяковской галереи в Москве и Русского музея в Санкт-Петербурге.

Традиционная эстетика рассматривает главной задачей искусства — служение красоте и гармонии. Но, если обратиться к современным учебникам эстетики, мы переживаем в искусстве период постмодернизма, который предрекает конец искусства, отрицает академизм и «школу». Современные художники используют публичные акции, чаще скандальные. Задачей современного искусства провозглашается поиск новых способов самовыражения. Телевизионные репортажи посвящены скандальным акциям, а через аукционы современного искусства пропагандируется дегенеративное искусство. Современный молодой художник, я думаю, находится в растерянности от того, что для провозглашения себя художником, вовсе не требуется умения рисовать. Тем самым снижается мотивация для занятий академическими дисциплинами.

С сожалением узнал о том, что не выполнено завещание Павла Третьякова о бесплатном посещении Галереи и о неизменности экспозиции и не пополнении фондов. Это неуважение к памяти подвижника.

Либеральная идеология проповедует индивидуализм (в конституции России провозглашается свобода в обществе от какой бы то ни было идеологии. Коммунистический лозунг — «искусство — в массы» в наше время не приемлем. Искусство понятное зрителю уже не является важным элементом общения художника со зрителем. Приветствуется новое прочтение режиссером «закостенелой» классики. Пусть даже, если это новое граничит с абсурдом. Например, я смотрел пьесу «Вишневый сад» в постановке Красноярского театра на Чеховском фестивале в городе Санкт-Петербурге в 2009 году, вместо декораций использовались старые автомобильные резиновые покрышки. Перенестись в эпоху и вникнуть в суть происходящего, стоило большого труда.

Противники Академии обвиняют ее в косности. Мы привыкли воспринимать миф, будто передвижники взбунтовались против традиций, существовавших в Академии. Возглавил передвижничество Иван Николаевич Крамской, с которым И.Е.Репин был дружен. Но так ли консервативна была Академия?

Давайте обратимся к воспоминаниям И.Е.Репина — богатыря русской живописи: «... Вообще в интеллигентных кругах утверждали, что старая наша Академия художеств не признает ничего, кроме псевдоклассики, и неспособна понять ничего нового ... Но справедливость требует сказать, что все мало-мальски художественное, если оно носило отпечаток новизны и оригинальности, стариками беспристрастно поощрялось и награждалось».

И для нынешних студентов приведу еще один любопытный отрывок об отношении к занятиям: «В середине шестидесятых годов Академия была ... грязной закоптелой, душной и тесной... В рисовальных классах номерованных мест не хватало, ученики сидели даже на поленьях, кое-как положенных у самого пьедестала натурщика... Сидело более полутора человека в одном натурном классе. Тишина была такая, что скрип стапятидесяти карандашей казался концертом кузнечиков, сверчков или оркестром малайских музыкантов» [3].

Роль художника в обществе значима. Недавнее прошлое называют тоталитарным. Но как Андрей Тарковский сумел снять в безбожное время фильм «Андрей Рублев». Ведь Хрущев обещал своим современникам показать последнего попа. Вот что по этому поводу сказал народный артист России Николай Бурляев.

«Как наше кино пронесло христианскую веру, как режиссеры выживали в тех условиях? Абсолютно верно, что на протяжении всей советской атеистической власти наше искусство было на 99% христианским. Поскольку и власть-то добивалась образов героев — образов жертвенных, подвижнических, чистых, возвышенных, без пошлости. Поэтому все художники делали религиозное дело, даже имея партбилет в кармане, такие как Довженко, Бондарчук, Шукшин, Озеров, Чухрай, Ростоцкий. Они все были членами партии и все делали христианское дело. Сейчас все круто поменялось: партию упразднили, в Бога верить можно, а фильмы на 70% безбожные, пошлые, рыночные» [4].

Надежду вселяет понимание существующих проблем президентом России.

Владимир Путин подписал перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по культуре и искусству, состоявшегося 2 октября 2013 года.

Вот выдержки из документа:

1. Администрации Президента Российской Федерации совместно с Советом при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству обеспечить разработку проекта Основ государственной культурной политики.

2. Правительству Российской Федерации: г) обеспечить принятие нормативных правовых актов, направленных на реализацию принципов непрерывности и преемственности при осуществлении образовательной деятельности по основным профессиональным образовательным программам в области искусств; Ответственные: В.Р.Мединский, Н.А.Никифоров [5].

Это все, несомненно, вызывает оптимизм, но реальность настораживает. Принято решение о строительстве и уже строятся Дома новой культуры на окраинах России. Сокращенно ДНК. Разве культура может быть новой? Или она тем самым противопоставляется старой и не является продолжением традиционной [6]. Если новую культуру будут внедрять такие деятели культуры, как М.Гельман, или бывший министр культуры М.Швыдкой, то надежды на это мало. А если мы сможем привить нашей творческой молодежи любовь к классическому искусству и мастерам русской художественной школы, то сможем сохранить преемственность и противостоять духу стяжательства и наживы, убивающими ростки духовности.

Литература

1. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай».
2. Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай». Стенограмма заседания.
3. Газета «Советская Россия» от 14.01.2014 «Иоанна не пускают в Самару».
4. Репин И.Е. Академии художеств СССР. 1960.
5. Файл-РФ — ежедневная электронная газета, 2013. 26 дек. 12.30 «Культура-это духовно-стратегическое оружие».
6. Источник: сайт «Президент России» 17 ноября 2013 года. 18:00.
7. Слово редактора // Русский Дом. 2013. № 1.

О.Ю.Михайлова

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный университет

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы девиантного поведения подростков и молодежи чрезвычайно актуальны в современной России. В кризисные периоды в обществе заметно учащаются случаи неадекватного, дезадаптивного поведения, дезорганизационных изменений на личностном и групповом уровнях. Эти феномены, обозначаемые понятиями «социальные девиации» и «социальная патология», не могут не привлекать внимания — как широкой общественности, так и специалистов-практиков.

Особую тревогу вызывает распространение социальных отклонений в среде молодых людей и подростков, которые являются наиболее незащищенными с социальной точки зрения и наиболее психологически уязвимыми членами общества.

Надо заметить, что проблема девиантного поведения подростков и молодежи носит междисциплинарный характер. В настоящее время эта проблематика широко освещается в научной литературе. Следует отметить рост количества публикаций, касающихся изучения различных внутренних и внешних причин нарушений нормального развития и функционирования отдельных личностей и социальных групп, в том числе затрагивающих общественные интересы и требующих принятия мер профилактики и противодействия. Перечень таких общественно опасных нарушений также весьма широк — это преступность в различных формах, алкоголизм, наркомания и иные виды деструктивных зависимостей, суицидальное, самоповреждающее и виктимное поведение, экстремизм и аномическое поведение, социальный паразитизм в форме бродяжничества, попрошайничества, проституции и т.д.

Эти и многие другие проблемы формирования поведенческих девиаций молодежи и подростков представляют далеко не академический интерес и требуют широкого обсуждения и практического решения. Надо заметить, что в этом направлении большая работа как в теоретическом, так и в практическом направлении разработки программ профилактики и коррекции деструктивных тенденций в подростковой и молодежной среде, проводится профессорско-преподавательским составом НВГУ.

Однако мне хотелось бы поставить рассматриваемую проблему в несколько ином ракурсе.

Прежде всего, надо заметить, что неоднозначным и дискуссионным является уже сам и используемый термин «девиантное поведение».

К отклоняющимся или девиантным формам поведения традиционно относят любое отклонение от общепринятых и регламентирующих норм, принципов и правил [Змановская Е.В., 2003; Клейберг Ю.А., 2001; Менделевич В.Д., 2005]. В настоящее время термин «социальные девиации» приобрел устойчивый негативный смысл. Более того, понятия «социальные девиации» и «социальная патология» часто используются как синонимы. Между тем, это, конечно, неверно.

Прежде всего, сам факт наличия отклонений в поведении отнюдь не указывает на их социально негативный оттенок. Именно за счет достаточно широкого «разброса» различных вариантов человеческого поведения и происходят не только модификация и развитие норм и ценностей нынешнего общества, но и движение к обществу будущего. С этой точки зрения далеко не все поведенческие вариации требуют немедленной коррекции и профессионального вмешательства.

Кроме того, понятие отклоняющегося поведения включает как негативные, так и позитивные (с точки зрения общества) отклонения от нормы. Преступление и подвиг, грех и святость — отнюдь не обыденные явления в нашей жизни — носят явный характер отклонений от «нормального» поведения, но отклонений с разным знаком.

И, наконец, в ситуации широкого социального, финансового и этнического расслоения населения, массовой маргинализации индивидов становится весьма проблематичным однозначный ответ на вопрос «что есть норма?» То, что соответствует ролевым ожиданиям, ценностям и нормам, признанным в одной социальной среде, в другой может рассматриваться как отклонение и даже извращение. Так, например, в Ставропольском крае девушкам-мусульманкам запретили в школе носить хиджаб. С точки зрения департамента образования Ставрополя ношение хиджаба — девиантное поведение, а с точки зрения исповедующих ортодоксальный ислам девиантным является поведение администрации.

Представляется, что следует точнее определить понятие «негативное девиантное поведение».

С нашей точки зрения, глобальным признаком негативного девиантного поведения является его деструктивность по отношению к коренным жизненным целям самого субъекта, его ближайшего окружения, общества в целом [Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б., 2008; Целиковский С.Б., 2007].

В качестве таких целей можно рассматривать само существование субъекта (или метасубъекта), сохранение его целостности, прогрессивное гармоничное развитие, удовлетворение потребностей, самореализацию, и т.п. Если поведение субъекта объективно препятствует достижению этих целей, оно девиантно независимо от того, осуждается или одобряется действующими в настоящий момент правовыми, этическими, эстетическими нормами.

На наш взгляд, научный подход к данной проблеме всегда должен учитывать, что принятые в том или ином обществе нормы отнюдь не являются непосредственным выражением объективных индивидуальных, групповых или общественных нужд, а лишь их частичным отражением, полнота и адекватность которого всегда ограничены набором привходящих обстоятельств (политической и экономической конъюнктурой, неполнотой знаний, культурными, религиозными и прочими ограничениями и т.п.).

В этом плане возможен и необходим профессиональный, научный (а не конъюнктурный) анализ таких разнородных феноменов, как, например, феминистские выступления по типу Pussy Riot, гей-движение, самоцельное экстремальное поведение и т.д.

Представляется необходимым обсудить и достаточно широкий спектр вариантов поведения, которые рассматриваются как девиации, хотя, по сути, таковыми не являются, поскольку не регулируются специальными нормами, а являются результатом свободного выбора человека. Сюда относятся вкусы, предпочтения, увлечения, мода и т.п.

В моей практике был молодой человек, перекрасивший волосы в зеленый цвет. Что это? Специфические эстетические предпочтения или стремление эпатировать окружение? С позиций предложенного определения речь, прежде всего, должна идти о мотивах и целях поведения. Если дело в эстетических предпочтениях, то, по большому счету, какое нам дело до его цвета волос?! В то же время, скорее всего, в цели этого юноши входило именно намерение эпатировать свое окружение, а, следовательно, деструктивным образом повлиять на сложившиеся отношения. Тогда его поведение должно быть оценено как девиантное. Присвоение «знака» этой девиации может быть основано только на взвешенной оценке социально-психологических последствий для самого субъекта и его окружения, но не на вкусовых, эстетических и прочих предпочтениях того, кто оценивает.

Кроме того, представляется, что психологи и педагоги должны начать работать на «опережение». Профессиональное сообщество не может, на мой взгляд, упускать из виду те негативные тенденции, которые могут со временем выйти на уровень широких социальных патологий, хотя в текущий момент выглядят локализованными.

В качестве примера можно привести психологические феномены, проявляющиеся в IT-пространстве.

Теперь трудно представить себе жизнь без мобильной связи, интернета, социальных сетей. Это существенно изменило нашу жизнь, сделало ее более интересной и насыщенной, позволило проще и на другом уровне решать многие повседневные задачи. Однако это же стало почвой для возникновения и распространения новых поведенческих феноменов.

Так, характерное для молодежи стремление выделиться, стать популярным, самореализоваться сегодня приобрело форму «накрутки лайков». Самый простой способ — набрать много друзей и выкладывать интересные оригинальные записи и фотографии в микроблог. Однако дальнейшее развитие этой тенденции приобретает явно девиантные формы. Поражает и настораживает «бесчувственность», с которой молодые люди фотографируют различные чрезвычайные происшествия, несчастные случаи и катастрофы, не пытаясь помочь пострадавшим и даже сообщить о происшествии в службы спасения. Известен даже случай, когда житель Липецка, наблюдавший в опасной близости за сносом здания, снял на мобильный телефон собственную смерть! С той же «бесстрастностью» фиксируются на видео преступления: драки, разбойные нападения и пр. Более того, уже известны случаи, когда преступление (например, жестокое избиение одноклассников) организуется специально для того, что сделать соответствующий клип и выложить его в Интернет.

Еще одной негативной тенденцией в IT-пространстве является широкое распространение так называемого «секстинга», который представляет собой пересылку личных фотографий, сообщений интимного, зачастую непристойного содержания посредством современных средств связи, таких, как сотовый телефон, электронная почта, социальные сети, а также графические изображения, видеоклипы, чаты и телевизионные чаты соответствующего содержания. Причем, помещение молодыми (и не очень молодыми) людьми в Интернете подобного материала откровенного содержания часто не является вариантом сексуального поведения [Целиковский С.Б., Романко О.А., 2012]. Зачастую ими, прежде всего, движет желание приобрести популярность, стремление к самопродвижению (self-promotion) и тому подобные мотивы.

Представляется, что психология должна вовремя обнаруживать новые тревожные тенденции в поведении различных социальных групп и слоев общества, подвергать их глубокому научному анализу с целью прогноза их дальнейшего развития, социально-психологических, демографических и других последствий, и предложения эффективных, психологически обоснованных мер предупреждения, ограничения, введения в социально приемлемое русло.

В целом проблемы девиантного поведения подростков и молодежи носят системный характер, и требуют соответствующего подхода к их изучению. Они относятся к той категории социальных проблем, где невозможно предложить универсальных решений, где необходимо тщательно взвешивать все «за» и «против», с одной стороны, стремясь предотвратить или смягчить деструктивные влияния, с другой — распознать и сохранить возникающие «точки роста» и необходимые факторы дальнейшего развития человека и общества.

Литература

1. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М., 2003.
2. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. М., 2001.
3. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб, 2005.
4. Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Сексуальная агрессия: норма и патология. М., 2008.
5. Целиковский С.Б. Девиантность и ответственность личности // Материалы IV съезда Российского психологического общества. Ростов н/Д, 2007.
6. Целиковский С.Б., Романко О.А. Девиантное поведение подростков в IT-пространстве // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». М., 2012. С. 34—36.

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А.А.Бельцер

г. Самара

*Самарский институт — высшая школа
приватизации и предпринимательства*

ПЕРИФЕРИЯ МОНАРХИИ ТЮДОРОВ В «ОПИСАНИИ АНГЛИИ» ДЖОРДЖА РЕЙНСФОРДА

В европейском мире раннего нового времени произошел целый ряд серьезных изменений в различных сторонах общественной жизни. Создание колониальных империй, «военная революция» и появление постоянных армий, процессы централизации и бюрократизации — все это выдвигало на первый план взаимоотношения центра и периферии. Изменения в области мировоззрения придали этой проблеме новый смысл. Периферия стала местом, которое было не только подчинить политически, но и освоить культурно, «цивилизовать». Причем приобщению к «цивизованности» подлежали часто не только обитатели заморских колоний, но и жители территорий, находящихся значительно ближе, но отличающихся от политического ядра обычаями, системой управления, а часто языком и этнически. Один из наиболее ярких примеров подобного рода являет собой Англия эпохи Тюдоров.

Процесс политического, административного, культурного освоения английских окраин неоднократно привлекал внимание исследователей [1; 2; 3; 4]. Однако, в первую очередь, интерес вызывали материалы, связанные с деятельностью лиц первого плана. Именно их действия, произведения, документы подвергались пристальному анализу. Люди «второго» и «третьего» плана до сих пор чаще остаются вне поля зрения историков. В то же время именно их представления и влияли на то, насколько глубоко проникали и как претворялись в жизнь новые веяния в политической и культурной жизни. Небольшое сочинение Джорджа Рейнсфорда дает возможность выявить представления об английских окраинах человека далеко не первого плана.

Труд Рейнсфорда был опубликован П.Доналдсоном [5, С. 49—111]. Он сохранился как приложение к труду Стефана Гардинера, человека гораздо более известного, одного из ведущих государственных и церковных деятелей тюдоровской эпохи. О самом Джордже Рейнсфорде известно очень мало. Как установил П.Доналдсон, Джордж был сыном джентльмена из графства Оксфорд. Он женился на дочери преуспевающего йомена из Эссекса. Рейнсфорд был даже вовлечен в тяжбу по поводу фермы своего тестя. В 1559 году Джордж Рейнсфорд умер [5, С. 51].

Двое из старших братьев Джорджа служили при дворе Генриха VIII. Через них Джордж, вероятно, тоже был принят при дворе. Публикатор «Описания», П.Доналдсон, предполагает, что труд Рейнсфорда был составлен с политическими целями и был призван уравновесить «Наставления» Гардинера, предназначенные для Филиппа II и написанные в происпанском духе, а, кроме того, содержащие положения, противоречащие политическому курсу, который отстаивал другой видный государственный деятель тюдоровской эпохи, У.Пэджет, покровитель племянника Рейнсфорда, Дж. Бассета [5, С. 52].

В представлении Дж. Рейнсфорда Англия делится на четыре части. Кент — центральная часть, Северная страна, Уэльс и Корнуолл — окраины. Север, по Рейнсфорду, самый большой регион, он простирается от Темзы до Твида и от Северного моря до Херефорда. Столицей Северных земель является Йорк. Северные земли изобильны овощами и фруктами. Северяне — искусные воины, особенно те, кто живет на границе с Шотландией. Их повседневность — грабежи и разбойные рейды. Правосудие там зависит от силы, нежели от разума [5, С. 90].

Уэльс, по мнению Дж. Рейнсфорда, представляет собой почти остров — он окружен с трех сторон морем, а с четвертой рекой Северн. Значительная часть Уэльса представляет собой холмы и горы, что осложняет жизнь местных жителей и делает ее крайне трудной. Автор отмечает, что валлийцы отличаются и хорошиими военными качествами. Они бесстрашны в битве и ненавидят тихую жизнь. Валлийцы даже выше по росту, чем англичане. Валлийцы сохранили свои собственные обычаи и законы. Прежде валлийцы неоднократно бунтовали, но теперь подчинились. В Уэльсе много замков и крепостей [5, С. 90].

Третий регион, Корнуолл — территория, бедная по качеству земли и все, что там произведено — результат упорного труда. Жители Корнуолла усердны в различных физических упражнениях [5, С. 91].

Таким образом, можно выделить несколько отличительных черт периферии по Рейнсфорду. В первую очередь, автор выделяет наличие своих законов и обычаев. Природные условия на окраине, по мнению Рейнсфорда, тяжелее, чем в центре. В результате население окраин больше развито физически и более воинственно. Джордж Рейнсфорд неоднократно подчеркивает склонность к военному делу у жителей Уэльса и северных земель. Хорошие воинские качества, по мнению Рейнсфорда, отличительная черта жителей окраин. «Наиболее умелые всадники — валлийцы и те, кто живет на севере, на границе с Шотландией, — пишет

автор, — они скорее умрут, чем побегут от врага, или в страхе бросятся на землю» [5, С. 99]. Воинственность жителей окраин, кажется, распространяется и на животных, которых они выращивают. Именно отсюда выходят не только лучшие воины, но и наилучшие боевые кони [5, С. 92].

Подобные заключения справедливы и в отношении Ирландии. Она не является составной частью Англии, но подчинена ей. В описании Рейнсфорда Ирландия — страна преимущественно горная. Жители ее нецивилизованны и ненавидят обычные человеческие занятия. Питание ирландцев большей частью связано со скотоводством — они предпочитают молоко и сыр. Обитатели Ирландии также любят охоту и рыболовство. Дж. Рейнсфорд выделяет два наиболее любимых жителями Ирландии занятия — охоту и войну. Ирландцы прекрасные воины, беспощадные, физически крепкие. Автор подчеркивает их жестокость во время войны, отмечая, что за пределами Ирландии они не берут пленных [5, С. 105]. У ирландцев нет законников, они предпочитают решать споры с помощью оружия [5, С. 105].

Как мы видим, владения английской Короны в восприятии Дж. Рейнсфорда распадаются на две части: небольшой, но богатый и развитый центр и большую, но значительно менее богатую и более трудную для жизни периферию. Причем, чем дальше от центра, тем сложнее природные условия, грубее и дики люди. Они не очень спокойные подданные, но зато хорошие воины. Автор в данном случае повторяет хорошо известную в тудоровской Англии истину. Эта дилемма постоянно ставила королевскую администрацию перед сложным выбором: унифицировать подвластные территории по единому, южному, образцу, или сохранить определенную самобытность, исходя из военных соображений. Весь XVI век и был наполнен метаниями тудоровского правительства между этими двумя крайностями.

Литература

1. British consciousness and Identity: The Making of Britain, 1533—1707 / Ed. by B. Bradshaw and P. Roberts. Cambridge, 1998.
2. Conquest and Union: Fashioning a British State 1485—1725/ Ed. by S. Ellis, S. Barber. L., 1995.
3. Ellis S.G. Civilizing the Natives: State Formation and the Tudor Monarchy, C. 1400—1603// Imaging frontiers, contesting identities/ Ed. by S. Ellis and L. Klusakova. Pisa, 2007. P. 77—92.
4. Ellis S.G. Crown, community and government in the English territories, 1450—1575// History. 1986. V. 71. P. 187—204.
5. George Rainsford's «Ritratto d'Ingliterra» (1556) / Ed. by P.S. Donaldson // Camden Miscellany. L., 1979. V. XXVIII. P. 49—111.

Л.Н.Беспалова

г. Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

ВЛИЯНИЕ НАПОЛЕОНА III НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ О.БИСМАРКА

Внутренняя политика О.Бисмарка как в отечественной, так и в зарубежной историографии часто именуется бонапартистской. Понятие «бонапартизм» стали использовать еще современники О.Бисмарка, являвшиеся противниками его стиля управления. В исторических трудах оно представлено в различных формах, таких как, например, «бонапартистская диктатура», «плебисцитарная диктатура» и «цезаризм».

Чтобы выяснить, насколько соотносится внутренняя политика О.Бисмарка с понятием «бонапартизм», необходимо четко определить, что представлял собой бонапартизм у власти, воплощенный в образе Второй империи во Франции и, конкретно, в личности Наполеона III.

Это был авторитарный режим, который утверждал сильную исполнительную власть, опиравшуюся через плебисциты на свободное волеизъявление народа. Впервые он был установлен в 1799 г. Наполеоном Бонапартом. Спустя полвека его племянник Луи Наполеон попытался продолжить эксперимент своего великого предшественника. Бонапартизм подвел черту под революционными потрясениями 1789—1799 и 1848 гг., обозначив собой окончание революции, возвращение к законности, восстановление национального единства. Это была попытка соединить элементы старого строя и революционных завоеваний — права новых собственников, политическое равенство, всеобщее избирательное право, индивидуальные свободы, социальную ответственность государства и т.д. Идеология бонапартизма эклектично сочетала в себе постулаты национализма, консерватизма, либерализма и даже социализма (сен-симонизма) [1, С. 207—208].

Характерной чертой бонапартизма, свойственной, кстати, и социальной политике О.Бисмарка, являлось балансирование между интересами различных классов и социальных групп. До поры такая политика обеспечивала режиму определенную устойчивость. Кроме того, провозглашение империи совпало с экономическим подъемом в стране и улучшением положения крестьянства и рабочих, что также способствовало укреплению позиций режима.

Во внутренней политике Вторая империя сочетала экономический либерализм, популизм и жесткие меры административно-полицейского характера. Луи Наполеон был твердо уверен, что партии выражают не упования народа, а интересы отдельных фракций элиты, навязывающей обществу нужные им решения. К тому же узкий круг избирателей, по его мнению, ни в коей мере не мог отражать настроения всего общества [1, С. 208]. Эта мысль получила отражение в статье Р.И.Сементковского от 1892 г. «Вильгельм II и социальный вопрос». Он пишет, что «...независимо от внешних катастроф ни одно французское правительство не могло продержаться, основывая свое влияние только на поддержке так называемых правящих классов, будь это военное сословие, родовая аристократия, духовенство или буржуазия». Наполеон III, на его взгляд, не только старался поддерживать фикцию, но и отчасти действительно руководствовался принципом, что «только то правительство прочно, которое основано на благополучии широких народных масс» [2, С. 533]. И сам Луи Наполеон еще в 1845 г. писал Жорж Санд, увлекавшейся социальным вопросом и являвшейся поклонницей идей Луи Блана, что желал бы «вводления какого бы то ни было правительства, которое постаралось бы ввести во Франции демократические учреждения, которое заботилось бы о благосостоянии большинства и которое помогло бы восторжествовать свободе, добродетели и справедливости» [3, С. 272]. Именно поэтому он сделал ставку на плебисцит. Введенное им всеобщее избирательное право дало возможность консультироваться с нацией по основополагающим вопросам.

Еще задолго до того, как появились реальные шансы вернуться со славой во Францию, Наполеон III стал серьезно работать над своим политическим будущим. После неудачно организованных государственных переворотов в 1836 и 1840 гг., он дважды оказывался в тюрьме (в первый раз его выслали из Франции в США, во второй — он бежал из заключения). В перерывах между попытками захватить власть Наполеон жил сначала в Швейцарии, а затем в Лондоне, где тогда находили приют эмигранты разных мастей. Будущий император впитывал разные политические идеи, читал политическую и экономическую литературу, занимался исследованиями. В результате, еще в 1832 г. он написал книгу «Политические мечты», где начерно была представлена конституционная система, введенная позднее во Франции: три власти, поддерживающие равновесие, должны были стать основой государства — народ, законодатели и император. Летом 1839 г. он опубликовал книгу «Наполеоновские идеи», изобразив своего великого предшественника не просто полководцем, но и крупным социальным реформатором. Во Франции эта книга стала бестселлером [4, С. 290]. Он писал, что «наполеоновская идея — это не война, а социальная, промышленная, торговая и гуманитарная идея».

Вторая империя, рожденная в результате государственного переворота, отметила свой первый период в истории подавлением оппозиции и устранением противников режима путем репрессий. Преобладающим влиянием на императора в это время пользовались консервативно-реакционные силы. Но начав правление с нарушения конституции, государственного переворота и жестких репрессий, уже в 60-х гг. Луи Наполеон осознал необходимость реформ. Вопреки консервативному влиянию ближайшего окружения император сумел найти компромисс с «пятеркой» либералов для предотвращения нового социального взрыва [5, С. 24].

Наполеон III стал первым из европейских правителей, увидевшем в социальной политике важное условие национального согласия и процветания государства. Реальная деятельность в этом направлении проявилась в принятии конкретных решений, нацеленных на улучшение положения трудящихся и обездоленных слоев населения.

Еще будучи президентом республики, Луи Наполеон в 1851 г. запретил трудовую деятельность в выходные и праздничные дни. Этот закон действовал до 1880 г., когда был отменен республиканскими властями как «клерикальный», поскольку праздничные дни были связаны с церковным календарем. Затем, под давлением протестного рабочего движения Третья республика в 1906 г. вынуждена была вернуться к этому закону, уже не упоминая его инициатора.

8 июня 1853 г. был принят закон о пенсиях для государственных служащих всех уровней со стажем от 30 лет. 154 тыс. госслужащих получили материальные гарантии на обеспеченную старость, так как размер пенсии составлял три четвертых от ежемесячного жалования чиновника. Тот факт, что данный пенсионный закон был пересмотрен лишь в 1924 г., доказывает его действенность.

В том же 1853 г. правительственным декретом были учреждены примирительные советы для урегулирования производственных конфликтов, а годом ранее в каждом департаменте были созданы трудовые инспекции. В августе 1868 г., император инициировал принятие закона о равенстве свидетельских показаний работодателей и наемных работников при рассмотрении судом трудовых конфликтов.

В 1854 г. была учреждена система так называемой «кантональной медицины» для оказания бесплатной медицинской помощи на дому деревенским жителям. В 1860 г. ее услугами воспользовались уже более 300 тыс. крестьян.

К другим мерам социального характера, принятым по инициативе Наполеона III, следует отнести учреждение в феврале 1853 г. «Общества материнского милосердия» для попечения над одинокими и немущими матерями, создание в 1855 г. оздоровительных центров («национальных приютов») для рабочих, получивших производственные травмы или профессиональное заболевание, а в июне 1856 г. приюта для детей-сирот в Париже. 1862 г. был отмечен строительством 172 приютов и лечебниц для инвалидов.

25 мая 1864 г. Наполеон утвердил закон, предоставивший французским рабочим — первым в Европе — право на забастовку. Оно было ограничено двумя условиями: бастовавшие должны были избегать насилия и уважать право на труд тех, кто не намеревался бастовать. В 1867 г., по прошествии трех лет, рабочие получили право создавать профсоюзы и объединяться в профсоюзные федерации.

Луи Наполеон предпринимал попытки создать систему социального страхования и обеспечить максимальную занятость трудоспособного населения, в частности, на общественных работах в качестве меры сокращения безработицы. Этим усилия оказались небезрезультатны. В апреле 1870 г. Франция стала единственной европейской страной, обеспечившей полную занятость работоспособного населения. За время правления Наполеона III заработная плата наемных работников возросла на 47%. Средний доход француза увеличился с 442 фр. в 1850 г. до 602 фр. в 1869 г. [1, С. 209]

Последовательно проводимая социальная политика стала важным залогом политической стабильности бонапартистского режима, который почти до самого своего крушения не знал серьезных потрясений, собственных Июльской монархии (Лионские восстания) и Второй республике (Июньское восстание 1848 г. в Париже). Не исключено, что именно эта стабильность и вызывала негодование у противников и недоброжелателей Луи Наполеона как внутри страны, так и за рубежом.

Изучив опыт Наполеона III, извлекавшего из программы социалистов наиболее яркие призывы и лозунги, О.Бисмарк решил пойти подобным путем [6, С. 230]. Подобно французскому императору, О.Бисмарк использовал тактику репрессий и ограниченной обходительности по отношению к отдельным общественным группам в избирательной борьбе и парламентской политике. Эта тактика стала особенно явной после 1873 г., в годы экономической депрессии, когда социальное напряжение и реальность классового расслоения индустриального общества привели к усилению власти правительства над партиями. Тем не менее, не следует упускать два решающих отличия бисмарковской системы власти от бонапартистской модели [7, С. 373].

Во-первых, господство прусской монархии основывалось на иной социальной базе. Прорыв индустриальной революции совершался в тогда еще, в значительной степени, феодально-консервативном, авторитарном государстве, в котором аграрная аристократия Пруссии, несмотря на предшествующую фазу «бюрократической революции сверху», пыталась утвердиться во властных структурах. Социальная проблема О.Бисмарка заключалась не в усмирении революционных масс и недовольных крестьян, а в примирении либерально-буржуазных интересов с традиционной феодальной общественной организацией Пруссии. В результате рефеодализация политики и общества и, соответственно, стабилизация господствующего положения аристократии в период так называемого «второго основания империи» изнутри в 1878/79 гг. принципиально отличалась от наполеоновской программы социального уравнивания, которое было рассчитано на послереволюционное и эгалитарно-демократическое общество.

Во-вторых, косвенное избирательное право, основанное на имущественном цензе, означало, как выразился О.Бисмарк в 1866 г. в споре со своими коллегами по министерству «теоретически — дистиллированную буржуазию, практически — организованную революцию». Т.О.Бисмарк видел во всеобщем голосовании не революционное, а консервативное средство для стабилизации прусского государства и его феодальной доиндустриальной олигархии. При этом именно идея подчинить «высшую власть» «массе народа» или, как позже выразился Фридрих Науманн, «власть и массы поставить в непосредственную связь» бесспорно выдает плебисцитарно-цезаристский ход [7, С. 374].

В 1850 г. Наполеон III учредил государственное страхование по старости. Участие в страховании было, в целом, добровольным, но для рабочих государственных мастерских и отдельных крупных предприятий — обязательным. О.Бисмарк считал, что Наполеон III создал свою систему народной диктатуры с помощью государственного социального страхования.

18 мая 1889 г., выступая в рейхстаге по вопросу страхования по старости и инвалидности, О.Бисмарк привел в качестве положительного примера французское социальное законодательство. Он заявил следующее: «Я довольно долго жил во Франции, чтобы знать, что привязанность большинства французов к правительству, но, конечно, и к стране, существенно связана с тем, что многие французы являются получателями пенсий в маленьких, зачастую очень маленьких суммах...» [8, С. 1835]. О.Бисмарк, находя опыт Наполеона III удачным, хотел путем введения системы социального страхования сделать немецких рабочих лояльными государству, консервативно настроенными и дорожащими своим положением рентнерами, равнодушными к политическим аргументам социал-демократии.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальные эксперименты Наполеона III оказали определенное влияние на социально-политическую деятельность О.Бисмарка. В то же время, политику Бисмарка нельзя рассматривать как «бонапартизм», исходя из содержания этого понятия, поскольку, во-первых, в основе ее не лежал плебисцит, а во-вторых, немецкий канцлер не опирался на крестьянство и рабочий класс, как социальную базу, стремясь лишь сделать их лояльными правительству. Сугубо негативное восприятие социальной политики как Наполеона III, так и О.Бисмарка, которое довольно долго вкладывалось в понятие «бонапартизм», в основном исходило от тех, кто считал себя вождями рабочего движения, поскольку социальные эксперименты этих двух неординарных политических деятелей отвлекали пролетариат от классовой борьбы.

Литература

1. Черкасов П.П. Наполеон III — император французов // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 197—216.
2. Сементковский Р.И. Вильгельм II и социальный вопрос. // Исторический вестник, 1892. № 5. С. 519—538.
3. Каренин Вл. Жорж-Занд и Наполеон III. По неизданным документам // Вестник Европы. 1904. № 5. С. 267—301.
4. Травин Д.Я., Маргания О. Европейская модернизация. М., 2004.
5. Селиванова О.В. Политическая деятельность Луи-Наполеона Бонапарта в 1830-х — 1840-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012.
6. Беспалова Л.Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка // Известия алтайского государственного университета: Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2011. С. 229—233
7. Fehrenbach E. Politischer Umbruch und gesellschaftliche Bewegung. Frankreich und Deutschland im 19. Jahrhundert. Munchen, 1997.
8. 70 Sitzung. 18 mai 1889 / Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstages. Band. III. 1888—1889.

Л.В.Василенко

г.Нижневартовск

Нижневартровский государственный университет

ОПЕРАЦИЯ «БУРЯ В ПУСТЫНЕ»: ПРИЧИНЫ, ХОД И ИТОГИ

Минуло более 20 лет с тех пор, как Ирак совершил акт агрессии против суверенного государства Кувейт. 2 августа 1990 г. 120-тысячная группировка иракских войск вторглась на территорию Кувейта, подавила сопротивление его вооруженных сил и оккупировала эмират. Поводом для вторжения иракских войск послужили обвинения 18 июля 1990 г. Саддамом Хусейном, иракским диктатором, Кувейта в том, что тот в течение 10 лет незаконно присваивал иракскую нефть из пограничного месторождения Румайла. Иракская сторона соглашалась урегулировать возникший конфликт при условии, что Кувейт спишет иракский долг и выплатит Ираку еще дополнительно 2,5 млрд. долларов. Кувейт отверг притязания С.Хусейна, но согласился начать переговоры. Реакция Ирака была неоднозначной, что выразилось, с одной стороны, в стягивании войск к границе с Кувейтом, и заявлении о готовности решить инцидент мирным путем, с другой. Переговоры, начавшиеся в Джидде (Саудовская Аравия) 31 июня 1990 г., были сорваны иракской стороной. 2 августа 1990 г. иракское телевидение передало сообщение о произошедшей революции в Кувейте и что «Свободное временное правительство» — орган этой революции — обратилось за помощью к Ираку, предоставляя ему «законные основания» для вторжения, что и было использовано Ираком в полной мере. Однако, уже 2 августа 1991 г. Совет Безопасности (СБ) ООН принимает резолюцию № 660, призывающую к немедленному выводу иракских войск с территории Кувейта. США, Великобритания и Франция арестовали иракские авианосцы в своих банках и ввели эмбарго на поставки оружия режиму С.Хусейна, к ним присоединились СССР и Китай [1, С. 46].

Буш принимает решение послать войска в Персидский залив. По предварительным оценкам Пентагона следовало, что для создания группировки войск, достаточной для борьбы с Ираком, необходимо было не менее 45 дней. Начиная с 7 августа 1990 г. американские войска начали прибывать на Аравийский полуостров. Через месяц в рамках операции «Щит пустыни» (обязательство США защищать Саудовскую Аравию от нападения Ирака) на Аравийском полуострове находилось уже 100 тыс. американских военнослужащих. Американская группировка войск усиливалась также за счет контингентов стран НАТО, Австралии, Новой Зеландии и других — всего в состав коалиции многонациональных сил вошло 37 государств. В водах Персидского залива находилось 40 американских боевых кораблей, в том числе 3 авианосца с 250 самолетами на борту.

8 августа 1990 г. «Свободное временное правительство» Кувейта обратилось к С.Хусейну с просьбой о включении Кувейта в состав Ирака. Просьба была незамедлительно удовлетворена, и Кувейт вошел в состав Ирака как 19-я провинция.

Следует подчеркнуть, что 10 августа 1990 г. государства, входившие в состав Лиги арабских государств, дали согласие послать свои войска в Саудовскую Аравию и присоединиться к экономическим санкциям, выдвинутым ООН в отношении Ирака. В ответ на это С.Хусейн призвал всех арабов к джихаду — священной войне против неверных (Запада), вернуть святыни Мекки и Медины. Тем самым расчет иракского диктатора строился на создании раскола в составе коалиции многонациональных сил (МНС). Отметим, что намерения США активно использовать против Ирака силы арабских государств не осуществились, так как участвовать в войне с иракцами (теми же арабами) они не торопились, в связи, с чем американское командование вынуждено было рассчитывать на свои силы и увеличить свою группировку войск до 500 000 человек.

Чтобы развязать свои руки, 15 августа 1990 г. С.Хусейном был заключен мирный договор Ирака с Ираном, были урегулированы все спорные вопросы. Тем самым С.Хусейн получил возможность избежать войны на два фронта, сконцентрировать свои военные силы на юге страны. Эти действия Ирака расценивались

как проявления решимости С.Хусейна идти до конца, однако мировое сообщество не оставляло надежды найти возможности решения кризиса в Персидском заливе политическим путем. Значительный вклад в этот процесс внесли ООН, СССР, США, Франция. В целом, несмотря на значительные миротворческие усилия ООН и других государств, участвовавших в попытках разрешения ближневосточного конфликта, кризис, тем не менее, углублялся, а ситуация все больше становилась тупиковой. Достаточно отметить, что СБ ООН принял 11 резолюций по Ираку, но положительного результата так и не добился [2].

29 ноября 1990 г. СБ ООН принял 12-ю по счету резолюцию № 678. Резолюция гласила, что если до 15 января 1991 г. Ирак полностью не выполнит принятые ранее резолюции, то СБ применит все необходимые средства для того, чтобы поддержать и выполнить резолюцию № 660 (требование вывода иракских войск с территории Кувейта). Данная резолюция, таким образом, становилась ультиматумом мирового сообщества иракскому диктатору, грозным предупреждением применить против Ирака в полной мере военную силу. Срок до 15 января 1991 г. объявлялся «паузой доброй воли», последней попыткой мирного разрешения кризиса. Однако, в течение «паузы доброй воли» Ирак не реагировал на резолюцию № 678, а продолжал планомерно наращивать численность своей группировки на границе с Саудовской Аравией. На начало января 1991 г., по американским данным, в составе иракской группировки находилось: 510 000 военнослужащих, 4000 танков, 2500 БТР и БМП, свыше 2700 артиллерийских орудий. Становилось очевидным, что военная акция по выполнению резолюции ООН № 678 становится неизбежной.

За оставшееся время коалиционные силы энергично готовились к началу боевых действий: осуществлялась переброска морским и воздушным путем войск, тяжелой боевой техники и вооружения, создавались значительные запасы материально-технического имущества, ГСМ, боеприпасов; войска проводили тренировки и учебные занятия по отработке взаимодействия в условиях пустыни. Одновременно осуществлялась широко-масштабная психологическая война против Ирака, преследовавшая цель ввести в заблуждение военно-политическое руководство этой страны относительно сил и возможностей США и их союзников, их готовности начать боевые действия. 9 января 1991 г. безрезультатно завершилась в Женеве встреча госсекретаря США Дж. Бейкера и министра иностранных дел Ирака Т.Азиза, предпринятая по инициативе американской стороны. Однако, этот жест доброй воли был воспринят иракской стороной как слабость, нежелание США воевать. Кроме того, С.Хусейн не оставлял надежды создать антиамериканскую, антиизраильскую коалицию арабских государств под лозунгом священной войны против неверных. Помимо этого, как всякий диктатор, С.Хусейн обладал огромным самомнением, базировавшемся на силе иракской армии, ее боевом опыте, недооценке противника, его сил и средств. Все это в конечном итоге и обусловило военное поражение Ирака.

17 января 1991 г. в полночь по Гринвичу МНС начали военные действия. Силы и средства противоборствующих сторон были следующие: более 1,2 млн. солдат и офицеров (680 тыс. человек — многонациональные силы, из них 415 тыс. — американцы; 545 тыс. человек — иракские военнослужащие), около 80 расчетных дивизий, по 9,5 тыс. танков и артиллерийских орудий, более 2700 боевых самолетов.

Главной особенностью боевых действий, предопределивших их ход, исход и воздушно- наземный характер ведения, было существенное количественное и качественное превосходство МНС над противником в самых эффективных в условиях пустынной местности средствах борьбы. В целом МНС превосходили иракцев по боевым самолетам в 3 раза, по боевым вертолетам — в 16 раз, по танкам в 4,3 раза. Для обеспечения боевых действий МНС была развернута мощная орбитальная группировка в количестве 35 космических станций [3, С. 3].

Операция «Буря в пустыне» изначально планировалась как воздушно-наземная операция оперативно-стратегического масштаба. В соответствии с ее замыслом предусматривалось проведение в течение 6—8 суток воздушной наступательной операции с целью нарушить работу всей государственной системы Ирака, разгромить ударами с воздуха кувейтскую группировку иракских войск, разгромить их оперативные резервы, подорвать моральный дух армии и народа, их способность к сопротивлению. Затем в действие вступали наземные войска, которые должны были за 10—15 суток завершить разгром деморализованных сил противника и освободить территорию Кувейта от иракских войск.

После 3-х суток проведения воздушной наступательной операции выяснилось, что эффективность огневых ударов оказалась ниже расчетной, в связи с чем, воздушная наступательная операция трансформировалась в 38-суточную кампанию, в результате чего наземные войска МНС выполнили возложенные на них задачи всего за 3 дня, вместо 15-ти планировавшихся.

В целом ход операции «Буря в пустыне» реализовывался в четыре этапа. В ходе первого этапа (17—22 января 1991 г.) решались задачи завоевания огневого господства и нарушения системы государственного и военного управления. На втором этапе (23 января — 11 февраля 1991 г.) действия МНС были направлены на подрыв военно-экономического потенциала Ирака, на поражение объектов оперативного оборудования территории. В ходе третьего этапа (12—23 февраля 1991 г.) массированному разгрому подверглись группировки сухопутных сил противника. Эффективность действия авиации оказалась довольно высока, что позволило подавить системы ПВО, государственного и военного управления Ирака, нарушило управление войсками. Примечательно, что после реализации третьего этапа кампании, например, средняя укомплектованность дивизий 4 армейского корпуса (АК) Ирака составила 58%, 7 АК — 42%, ближайших оперативных резервов — 50—60%, глубоких оперативных резервов — дивизий Республиканской гвардии — 60%. Важно отметить,

что действиями авиации МНС явилось практически полное разрушение системы инженерных заграждений на переднем крае обороны иракской группировки. Бомбардировки значительно подорвали моральный дух войск противника, их способность к продолжению борьбы. Из 363 объектов, подвергшимся ударам авиации МНС, 161 пришлось на объекты тыла и коммуникации.

Важной особенностью кампании явилось то, что под прикрытием авиации, наносившей по противнику массированные удары, с 20 января 1991 г. МНС приступили к перегруппировке вдоль фронта своей охватывающей и обходящей группировок наземных войск с целью вывода их на направление ввода в сражение. В течение почти 2 недель, по двум маршрутам на расстояние нескольких сотен километров были перебросаны более 200 тыс. военнослужащих и 12 тыс. бронированных машин, свыше 95 тыс. автомобилей перевезли запасы материальных средств, рассчитанных на 2 месяца боевых действий. Успешное проведение перегруппировки войск МНС было обусловлено действиями авиации, парализовавшей все силы и средства оперативной разведки иракского командования, что в целом обеспечило оперативную внезапность проведенного маневра.

На четвертом — заключительном этапе, начиная с 24 и по 28 января 1991 г., 620 тыс. группировка МНС перешла в решительное наступление. В ходе его воздушно-наземный характер действий войск в оперативно-стратегическом масштабе, помимо мощной поддержки с воздуха наступавших ударных группировок, в основном обуславливался аэромобильным рейдом (переброска войск воздушным путем) 101 воздушно-штурмовой дивизии США, успешно решавшей в глубоком тылу противника целый ряд оперативных задач на пространстве 360 км по фронту и 180 км в глубину [3, С. 4].

Огневое сопровождение наступления осуществлялось методом «огневого ковра», «расстилавшегося» перед боевыми порядками войск МНС на глубину около 100 км. Важные объекты иракцев подвергались многократному поражению различными средствами практически без временных интервалов. По целям, удаленным от переднего края наступавших войск на расстояние 50—100 км, удары наносила штурмовая авиация, на удалении 30—50 км удар наносили боевые вертолеты, с 20—30 км в ход шли ракетные системы залпового огня, в 5—20 км по целям работала самоходная артиллерия, от 3 до 5 км — минометы, до 3 км — танки, пусковые установки ПТУР и БМП [3, С. 5—6]. Широко применялись тактические воздушные десанты на глубину от 10 до 30 км. Высокую эффективность продемонстрировали боевые вертолеты, способствовавшие осуществлению дальнего огневого воздушно-наземного боя, вследствие чего боевые вертолеты в ходе операции «Буря в пустыне» радикально изменили характер наземного боя [3, С. 6].

Таким образом, уроки войны в Персидском заливе свидетельствуют. Что в современных условиях вооруженная борьба невозможна без широкомащтабного применения воздушно-наземных действий. Превосходство в воздухе и в аэромобильности дает возможность в кратчайшие сроки одержать победы при крайне низких потерях своих войск. За 100 часов наступления МНС группировка иракских войск в Кувейте была отрезана от основных сил и разгромлена. Успех битвы в регионе достигнут за счет осуществления мощной воздушной поддержки наземных войск МНС. Потери сторон были следующими: Ирак — 60 тыс. убитыми, ранеными, пленными; уничтожены, выведены из строя или захвачены около 360 боевых самолетов (120 из них перелетели в Иран); до 3,8 тыс. танков, 1,4 тыс. БМП, 2,2 тыс. артиллерийских орудий, 48 пусковых установок оперативно-тактических и тактических ракет, 5 кораблей; МНС потеряли около 800 человек убитыми и ранеными, 70 боевых самолетов, 28 вертолетов и 20 танков и БТР.

Военно-политические цели Ирака, заключавшиеся в утверждении своего лидерства в регионе, с одной стороны, захвата Кувейта и получения выхода к морю, с другой, оказались не реализованными. Ирак, как государство-агрессор, в результате скоротечной войны понес заслуженное наказание, был подвергнут жестким экономическим санкциям (репарациям) и ограничениям, которые легли тяжелым грузом на плечи иракского народа. Вместе с тем, представляется, что военно-силовая акция МНС во главе с США преследовала в конечном итоге цель не только максимально ослабить Ирак, но и установления более жесткого контроля американцев в зоне Персидского залива. В условиях острого экономического и политического кризисов в СССР США смогли срежиссировать сценарий «Бури в пустыне» в соответствии со своими целями и желанием.

Литература

1. См.: Салум Хоссам Еддин. Кувейтский кризис 1990—1991 годов и его влияние на иракско-российские отношения // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2010. № 1.
2. См. URL: www.un.org.
3. Калистратов А.И. Воздушно наземные действия войск в операции «Буря в пустыне». 1991 год // Военно-исторический журнал. 2006. № 3.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ: КОРОНА И ПАРИЖСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ АБСОЛЮТИЗМА (ПО ЭДИКТАМ И ОРДОНАНСАМ ФРАНЦИСКА I)

В начале XVI в. главными политическими оппонентами французской монархии, препятствовавшими усилению абсолютной власти и авторитета короля, оставались Парижский парламент и Генеральные штаты. Говоря о втором оппоненте, следует отметить, что Генеральные штаты к исследуемому периоду существенно потеряли свое политическое значение, о чем свидетельствует тот факт, что еще в середине XV в., корона лишила указанный институт права вотировать налоги, а также прав законодательной инициативы и утверждения законов [3, С. 172]. Таким образом, Франциск I Валуа (1515—1547) за весь период своего правления не считал нужным созывать Генеральные штаты, последнее заседание которых состоялось в 1484 г.

Совсем по иному сложились взаимоотношения с Парижским парламентом, важным судебным органом власти. По мнению В.Н.Малова, становление французского абсолютизма началось еще на той стадии формирования административной системы страны, когда управленческая функция не мыслилась отдельно от судебной. Для средневекового монарха процесс управления был неразрывно связан с правом вершить суд. Этот период развития французского абсолютизма (примерно до середины XVI в., приходящийся на правление Франциска I) историк обозначил как судебная монархия [1, С. 95]. В связи с этим, усилившейся королевской власти на пути к абсолютизму пришлось вступить в конфронтацию с Парижским парламентом.

В борьбе за власть Франциск I использовал традиционные способы влияния на политическую обстановку в стране, но при этом вдохнул в них новый смысл, придал им большей важности, например, личное присутствие на заседании Парламента, так называемом «ложе правосудия» (*«lit de justice»*), или торжественное декларирование своей воли в законодательных актах, влияние которых все больше усиливалось.

На первый взгляд, формальные и чисто декларативные формулировки королевских актов все же несут в себе отпечаток намеренной демонстрации французскими монархами, в том числе Франциском I, их власти. Особое внимание в ордонансах и эдиктах Франциска I, «Божьей милостью короля Франции» (*«par la grace de Dieu roy de France»*), вызывает фраза «ибо такова наша воля» (*«car tel est nostre plaisir»*). Буквально эту фразу можно перевести как «потому что так нам нравится». Изначально данная формула была неточно переведена с латыни, ведь слово *«placuit»* в латинском варианте означает ни прихоть, а решение [2, С. 59].

Хотя формулировка «ибо такова наша воля» присутствует еще в королевских указах Карла VIII (1483—1498) и Людовика XII (1498—1515), но более широкое распространение она получила именно со времен Франциска I и использовалась до конца XVIII века. Эта фраза присутствовала не у всех законодательных актов, а только в самых важных торжественных документах: эдиктах, ордонансах и декларациях [6, С. 560]. Для понимания значения фразы «ибо такова наша воля» и цели ее использования Франциском I, мы проанализировали не только его акты, но и его предшественника, Людовика XII.

Как свидетельствуют источники, в делопроизводстве королевской канцелярии Людовика XII наиболее часто употреблялась фраза «ибо такова наша воля», но существовали и другие вариации. Гораздо реже (до 20-ти со всего массива документов) встречается фраза «ибо как мы желаем, так должно быть сделано». Также встречаются варианты — «ибо как мы желаем и хотим, так должно быть сделано» [7, С. 441, 447, 453]. Единичным примером является фраза «ибо такова наша добрая воля» (*«car tel est notre bon plaisir»*), вошедшая в широкое использование только с XVII века [7, С. 493].

Аналогичным образом заканчиваются и ордонансы Франциска I: «ибо такова наша воля» или «ибо как мы желаем, так должно быть сделано». Но в отличие от законодательных актов Людовика XII, в ордонансах и эдиктах Франциска эти формулировки употреблялись намного чаще, да и самых документов было создано значительно больше. Несомненно, эта фраза, у всех ее существующих формулировках, несет идею — воля короля должна быть исполнена безоговорочно. В условиях постепенного усиления власти французской монархии эта фраза обрела иной смысл. В ордонансах Франциска раньше символическая и декларативная формулировка «ибо такова наша воля» становилась констатацией его абсолютной власти. Он заставил эту формулу работать, «укротив» и подчинив себе Парижский парламент.

«Укрощение» парламента, естественно, не обходилось без конфликта между монархом и Парламентом. Его истоки кроются в XV в., когда Парижский парламент сумел утвердиться как влиятельное и авторитетное учреждение. Самой важной прерогативой, позволявшей ему конкурировать с монаршей властью, было право регистрации королевских эдиктов, ордонансов или мирных договоров, сопровождавшемся правом «ремонстрации» — правом не регистрировать документ и возратить его для повторного пересмотра королем [4, С. 219]. Начиная со второй половины XV века именно эти полномочия и действия Парламента стали основным источником конфликтов.

Первые меры, направленные на ограничение полномочий Парижского парламента, предприняли еще Людовик XI (1461—1483) и Карл VIII. Биограф Людовика XI Ф. де Коммин в своих «Мемуарах» отметил, что король намеревался «укротить парламент», но он не стремился существенно урезать его полномочия, хотя многое в деятельности Парламента ему было «не по душе, за что он его и не любил» [5, С. 278]. В 1497 г. при Королевском совете и в противовес Парламенту, была создана новая судебная палата — Большой совет (*Grand conseil*), состоявший из нескольких членов Королевского совета, ученых экспертов-юристов и их секретарей. Франциск I, в свою очередь, не только продолжил дело предшественников, но и пошел на более решительные действия.

Причиной усложнений взаимодействия между королевской властью и Парламентом стала ситуация, сложившаяся в результате поражения Франциска I в битве при Павии (24 февраля 1525 г.). Франциск, попавший в плен к императору Карлу V, был вынужден ради своего освобождения подписать 14 января 1526 г. уничижительный Мадридский мир. Император, осознавая, что выйдя из плена, король может отказаться от договора, настаивал на том, чтобы он был утвержден Парижским парламентом до освобождения Франциска I из плена. Однако Парламент отказался зарегистрировать Мадридский мир, таким образом, подрывая авторитет короля на международной арене. Данный инцидент, скорее всего не спровоцировал конфликт между королем и Парламентом, а наоборот был следствием уже существующего противостояния и борьбы за власть. Кроме того, в связи с отсутствием в стране Франциска I, Парижский парламент начал ставить под сомнение власть регентши, матери короля, Луизы Савойской, а также Королевского совета.

Учитывая сложившиеся обстоятельства король, по возвращению во Францию, первым делом начал решительную борьбу по пресечению роста политических претензий Парламента. Важным шагом в этом направлении стала участвовавшая практика эвокаций — переноса судебных дел из Парламента на рассмотрение Королевского совета. В свою очередь, Парижский парламент в виде протеста нередко отказывался регистрировать те или иные королевские указы.

Следствием противостояния можно считать изданный Королевским советом документ от 24 июля 1527 г. под красноречивым названием: «Эдикт, обнародованный Малым советом, присутствующим президентам Парижского парламента, запрещающий этому суду заниматься другими делами кроме правосудия» [8, С. 81—83]. Для понимания важности этого документа стоит более детально проанализировать его содержание.

Итак, как сказано в эдикте, он был разработан и обнародован Малым советом по воле и в присутствии короля. В начале эдикта безапелляционно заявляется: «Король вам запрещает вмешиваться, каким бы то ни было образом, в государственные дела и во все другие, кроме судебных ...» [8, С. 81]. Далее в том же ключе поднимается несколько важных вопросов, разрешение которых свидетельствуют о существенном ограничении полномочий Парламента. Речь идет, прежде всего, об отклонении монархом претензий Парижского парламента на рассмотрение споров, касающихся церковных бенефиций, и отнесение этих дел к компетенции Большого совета [8, С. 82].

Особенное внимание в эдикте уделялось усилению регентства Луизы Савойской. Эдикт «аннулировал и признал недействительными все ограничения, которые сделали гнилой власть и регентство госпожи, его матери» и подтвердил все акты изданные Луизой [8, С. 82]. Также Франциск I в эдикте провозгласил, что как сейчас, так и в будущем, в случае его отсутствия в королевстве, без всяких оговорок регентом является его мать, наделена такой же властью, как и сам король. Кроме того, Франциск отменил все акты Парижского парламента, подрывающие авторитет Луизы Савойской [8, С. 82].

Отдельно был поднят вопрос об королевских актах, поданных на регистрацию Парламента. Напомним, что по сложившейся ранее практике, Парижский парламент практиковал не только отклонение регистрации документов, но регистрацию их с самовольно внесенными изменениями, что, естественно, вызывало громадное неудовольствие короля. Посему, как и следовало ожидать, в рассматриваемом эдикте запретил Парламенту любые ограничения или внесения изменений в его ордонансы, эдикты, хартии. Что позволялось Парламенту, так это только возможность указать королю на определенные недостатки поданных актов [8, С. 82].

Последним члена Малого совета обсудили вопрос о полномочиях Парламента по отношению к канцлеру Франции. Заметим, что канцлер Франции, Антуан Дюпра (1515—1535), председательствовал в Малом совете и значится в списке присутствующих на этом заседании. Эдикт от 24 июля 1527 г. объявил, что Парламент не обладает никакой властью над канцлером Франции, которая принадлежит только королю и никому другому. И, таким образом, все акты принятые Парижским парламентом против него, король объявил недействительными, так как Парламент не обладает юрисдикцией в отношении канцлера. То есть, Парламенту было приказано отменить все зарегистрированные документы, подрывавшие авторитет Антуана Дюпра как канцлера Франции [8, С. 82].

Но, как кажется, наиболее любопытным есть то, что эдикт, существенно ограничивающий полномочия Парламента и, по сути, нивелирующий его, должен был (как гласит сам документ), пройти по желанию короля регистрацию не только в Малом и Большом советах, но и в Парламенте [8, С. 83]. Безусловно, это был конфликт, а посему для гарантии регистрации Франциск I лично посетил заседание Парижского парламента, созванное того же 24 июля 1527 г.

Принятые монархом меры предосторожности оказались не напрасными. Происходившие во время заседания Парижского парламента события показали полное политическое поражение Парламента. Первый президент Шарль Гюйяр (*Charles Guillart*) обратился к Франциску I с речью, которая засвидетельствовала неоспоримое верховенство королевской власти над Парижским парламентом. Гюйяр заявил, что Парламент ни в коем случае не подвергает сомнению и не обсуждает полномочия короля, осознавая, что последний стоит выше всех законов [4, С. 220]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что вынужденное признание Шарля Гюйяра убедительно свидетельствует, что эдикт от 24 июля 1527 г. открыто продемонстрировал нежелание Франциска I делить власть с кем-либо другим, и, с другой стороны, этот документ является, по сути, важным свидетельством интенсификации процесса становления французского абсолютизма, поскольку он не только отобразил на бумаге волю короля, но и имел реальные последствия.

Таким образом, с целью противостоять возраставшему влиянию Парламента Франциск I выработал свою тактику борьбы. Король, в отличие от своих предшественников, не пытался создать в противовес Парламенту новый влиятельный орган власти, подконтрольный ему. Наоборот, действия короля были направлены на максимальную концентрацию власти лично в его руках. Эдиктом от 24 июля 1527 г. он, во-первых, усилил авторитет верных ему матери-регентши и канцлера Франции, возглавлявшего Королевский совет, подчеркнув, что они подчинены только ему и никому другому. Во-вторых, Франциск засвидетельствовал силу своих законодательных актов, которые отныне стали более защищенными от вмешательства Парламента в процессе регистрации. Кроме того, самим заседанием, так называемым «ложем правосудия», он продемонстрировал, что способен заставить Парламент зарегистрировать все удобные ему законы. То есть, фраза «ибо такова наша воля» в эдиктах и ордонансах Франциска I наполнилась реальным смыслом.

Литература

1. Малов В.Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник. М., 2005. С. 90—133.
2. Метивье Ю. Франция в XVI—XVIII вв. От Франциска I до Людовика XV. М., 2005.
3. Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII—XV вв. М., 1989.
4. Bourquin L. La France au XVI siècle 1483—1594. Paris, 1996.
5. Commynes F. Memoires. Paris, 1925. Tome II (1474—1483).
6. Mas-Latrie, de L. De la formule «Car tel est nostre plaisir» dans la chancellerie française // Bibliothèque de l'école des chartes. 1881. Vol. 42. P. 560—564.
7. Ordonnances des rois de France de la troisième rase, recueillies par ordre chronologique. Paris, 1849. Vol. XXI.
8. Ordonnances des rois de France. Règne de François Ier. Paris, 1936. T. V. Première partie (1527—1528).

Д.А.Волошин

г.Армавир

Армавирская государственная педагогическая академия

О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖКАХ ИМПЕРСКОГО БЫТИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОЗДНЕГО РИМА)

Редкое исследование по истории Римской империи обходится без обширного социального экскурса, в котором обязательно отмечается невероятная апатия ее населения, безразличие «*populus romanus*» к политике. Действительно, тезис о росте социальной апатии и того, что называется «утратой исторической перспективы» достаточно гармонично вписывается практически в любую концепцию падения Римской империи. Однако установление истинного места данного социального недуга в общей цепи факторов, приведших государство римлян к гибели, представляется не такой уж простой исследовательской задачей. В рамках данной статьи предполагается обращение лишь к наиболее актуальным (и показательным для современности) аспектам исторического опыта римской социальной организации в интересующем нас ракурсе.

Сальвиан в середине V века н. э. в своем «*De gubernatione Dei*» так описывает социальную ситуацию в Империи: «Бедные обездолены, вдовы стонут, сироты в презрении, и настолько, что многие из них, даже хорошего происхождения и прекрасно образованные бегут к врагам. Чтобы не погибнуть под тяжестью государственного бремени, они идут искать у варваров римской человечности, поскольку не могут больше сносить варварской бесчеловечности римлян... Римского гражданства, некогда не только очень уважаемого, но и приобретаемого за очень высокую цену, ныне избегают и боятся, ибо оно не только не ценится, но и вызывает страх...» [7, С. 104].

Оставляющие минимальный простор для интерпретаций сведения Сальвиана рисуют неутешительную картину социального декаданса. Однако давно прошло то время, когда можно было лишь удивляться апатии, охватившей римское население сверху донизу, или возложить всю вину на христианство,

принесшее с собой апатию и пораженческие настроения. На современном этапе социальная атомизация, настроения отчуждения и оторванности — более чем явственные угрозы социальной стабильности любого государства.

Исторический закон гласит: любая империя рушится, когда «заканчиваются» люди. В докладе Берлинского института народонаселения Россия именуется «исчезающей мировой державой» [5, С. 6]. И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: главным фактором депопуляции являются не экономические трудности, а чувство закрытой перспективы, порождающее историческую безнадежность [2, С. 58—65].

Отсутствие ясных целей, сознание низменности и неизбежности всего существующего — эти симптомы наблюдались и в далеком прошлом. Безусловно, *Imperium Romanum* не может быть отнесена к тому типу универсалистских образований, основным объектом экспансии которых служит собственный народ (на этом поприще у России, пожалуй, нет конкурентов). Однако в какой-то момент энергия экспансивного роста, территориального приращения римского государства (и, соответственно, — «рентабельность» войн) исчерпали себя. Но и такой, «схлопывающейся» Империи необходимы ресурсы едва ли меньшие... В итоге взор государства закономерно «интровертировался». Даже самые германонастроенные историки отмечают, что власти Позднего Рима более заботились об ограблении собственного народа, нежели о защите границ государства [8, С. 72].

Само же общество подошло к порогу критического дисбаланса между производящими и непроизводящими его стратами. К тому же в Поздней Римской империи существенной девальвации подверглись права, почести и звания; практика широкого их предоставления закономерно понизила «качество» — ценность этих прав и поставила под сомнение избранность их носителей.

Уже во времена принципата состояния римских элит достигли невероятных размеров; в последние десятилетия существования империи разрыв между бедными и богатыми еще более увеличивается. Имущественный контраст оказывается главенствующим при описании социальной структуры империи; значительная часть средств, принадлежавших верхушке общества, шла на предметы роскоши. Статус, определявшийся богатством, сливался с рангом в обществе [9, С. 6]. Однако не всегда служебное положение совпадало с социальным статусом. Во все времена существовали личности, которые не имели званий, но занимали в обществе далеко не последнее положение. Так, известные епископы в социальном плане уравнивались с сенаторами. С другой стороны, отдельные личности плебейского происхождения получали официальные звания [3, С. 184—185].

И еще один момент, подмеченный А.Х.М.Джонсом: положение, согласно которому распределение населения по наследственным кастам привело к инерции и недовольству не является таким уж бесспорным [3, С. 536]. Историк предлагает не связывать случаи, когда представители тех или иных классов предпринимали попытки уклониться от своих наследственных обязанностей с выражением их социального недовольства.

Римлянам было свойственно глубокое ощущение справедливости социальной иерархии, однако время и недостаточная адаптивность сводили его на нет. Эффект замуравывания социальных ячеек сделал абсолютно невозможным возвышение бедного человека, достигнутого честным трудом (без покровителей и т.д.). Для большинства законопослушных жизнь не имела перспектив, дети повторяли жизненный путь отцов, не надеясь на лучшее. Г.Уэллс пишет: «Жизнь для огромного большинства, кто ни богат, ни чиновник, ни женщины и прихлебатели богатых и чиновников должна быть тяжелой, скучной и лишенной интереса и свободы до степени, которую современный ум едва может вообразить» [10, С. 397].

Безусловно, у каждого слоя римского общества была «своя апатия»; в этом отношении апатия элит не имела ничего общего с апатией масс, порожденной невозможностью изменить свое положение в лучшую сторону. К слову, Р.Мертон в своей известной статье 30-х гг. «Социальная структура и аномия» очень хорошо вскрывает этот механизм жесткой классовой структуры: антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения [6, С. 96].

Крупные римские города стали местами концентрации незанятого населения. В итоге «никто не считал себя в безопасности»; вернее, в безопасности был «только тот, кто имеет силу ставить другого в опасность» [7, С. 104] (очень узнаваемая применительно к России ситуация). Ювенал, так сказать, «в развитие темы», повествует: «Казалось, все железо, производимое в Риме, идет на производство цепей и кандалов. Плуги, серпы и мотыги скоро будут недоступны». Дело в том, что чем выше плотность населения, тем выше уровень преступности. Правило действует и поныне [4, С. 15].

Что касается очередности проявления социальной агрессии и апатии, то она описана известным социальным психологом В.Франклом под названием «синдром концлагеря». Люди, попадающие в невыносимые условия, первоначально реагируют ростом активности (самоубийств, убийств, смертности). Позже «наступает психическое истощение, апатия, теряется инициатива, иссякает энергия противодействия, снижаются агрессивность» [2, С. 4]. Определить, какой из двух механизмов действовал в Римской империи, и с какого

периода, чрезвычайно сложно. В конце концов, можно согласиться с мнением современников: «таков уж римский характер: они гибнут, но не исправляются» [7, С. 106].

Во все времена всеобщее бесправие и утрата надежды на наступление «лучших времен» поражали общества синдромом повальной апатии. От социальной несправедливости не застрахована ни одна социальная организация. Однако вышеописанные механизмы запускает не сам факт наличия социальной несправедливости, а факт отсутствия в повседневной жизни того, ради чего эту самую несправедливость следует терпеть. Социальный идеал (как атрибутивное состояние массового сознания) римлян все больше походил на фикцию. Идеология же выполняла функцию сохранения status quo: несправедливых правил игры с ее вопиющими контрастами богатства и нищеты, произвола власти единиц и бесправия масс. Но в своей практике задач моральных бонусов, тяге к внешним проявлениям причастности к особой общности — «гражданам Рима» — в такой социальной «дрессуре» древний Рим зашел очень далеко. Часто на фронтонах античных зданий мы видим аббревиатуру «SPQR» — «Senatus Populusque Romanus». Как бы мы сейчас расхохотались, пишет П.Джонс, увидев на каком-нибудь фешенебельном здании Англии лозунг «Палата лордов и народ Англии едины!» [4, С. 58]. Применительно к России такую же коннотацию имеет словосочетание «слуги народа».

Как известно, «люди, которые зевают — созрели для восстания» (Ж.Каркопино). Это понимали и власти Империи, потому самым большим запросом «plebs urbana» были уличные зрелища. «... Всю свою жизнь эти люди проводят за вином и игрой в кости, в вертепах, увеселениях и на зрелищах. Великий цирк является для них и храмом, и жилищем, и местом собраний, и высшей целью всех их желаний <...> Безделье так въелось в их нравы, что лишь только забрезжит утро желанного дня конских ристаний, как все стремглав мчатся в цирк чуть ли не быстрее самих колесниц, которым предстоит состязаться» — слова А.Марцеллина [1, С. 463]. В одном из сочинений уже упоминавшегося Сальвиана повествуется об уцелевших жителях Трира, несколько раз подряд разграбленного варварами, которые признавались, что примирились бы со своей участью, если бы им оставили зрелища [7, С. 106—107].

Итак, полная политическая пассивность жителей империи, их антигражданская позиция выражалась в том, что они не столько бунтовали, сколько отказывали в помощи своему государству. Последнее обстоятельство, кстати, не исключает распространения практики самоорганизации (с целью «самопомощи») за пределами государственно-правовых, но в границах социальных структур. Вообще, как заметит А.Х.М.Джонс, случаи самоорганизации населения Западной империи, приводятся историками как малочисленные на фоне общей пассивности. Если же учесть пассивность населения других имперских систем (в периоды упадка этих империй), то можно наоборот удивляться самому наличию редких случаев самоорганизации на Западе [3, С. 534].

Все вышеперечисленные факторы (хоть и в разной степени) привели к тому, что генеральной линией внутрисоциальных процессов в рассматриваемый период становится дезинтеграция, воплотившаяся в общей настроенности «всех против всех». Тот же Сальвиан с горечью констатировал: «Многие же заражены теперь новым и страшным пороком: для полного счастья им нужно, чтобы другой был несчастен» [7, С. 103].

Таким образом, главный «социальный» урок римской истории заключается в следующем: соизмерение социального запроса с реалиями есть главный ориентир на пути качественного улучшения жизни. Однако если ничего не менять, занять глухую оборону от времени, то можно получить «ножницы» между костенеющей системой и живым социумом. В Римской империи официальная пропаганда содействовала лишь усилению социальной апатии и недоверия к любому публичному слову и действию. Пораженчество, мистически-созерцательное отношение к миру и самоустранение проявили себя в психологических механизмах бегства от действительности, с неизбежностью ведущего к бегству от требований, предъявляемых обществом. Это результат постоянных неудач в стремлении достигнуть цели законными средствами [6, С. 96]. И, тем не менее, следует помнить: в том, что вся жизнь огромного римского государства превратилась в пафосную имитацию, а граждане — в статистов, вина не только власти, но и общества.

Литература

1. Аммиан Марцеллин. Римская история. М., 2005.
2. Гундаров И.А. Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 58—65.
3. Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов н/Д, 1997.
4. Джонс П. Голосуйте за Цезаря. Смоленск, 2010.
5. Костиков В. Почему плачет Марфа? Власть не слышит слез // Аргументы и Факты. 2011. № 40. С. 6.
6. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 89—105.
7. Сальвиан. Из Книги «О мироправлении» // Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков / Ред. М.Е.Грабарь-Пассек. М., 1970. С. 103—108.
8. Cauer F. Römische Geschichte. Munchen; Berlin; Oldenburg, 1925.
9. Duncan-Jones R. The economy of the Roman Empire, Quantitative studies. Cambridge, 1974.
10. Wells H.G. Rise and Collapse of Roman Empire // The Outline of History. 2 Vol. NY, 1961. Vol. 1.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В «НОВЫХ ЧАСТЯХ» СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОРОДОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX вв.)

Первые российские переселенцы в Среднюю Азию предпочитали оседать в уже существовавших городах, образуя обособленную «новую» часть, где концентрировалась вся их хозяйственная и культурная жизнь. Управление в «старой» и «новой» частях существенно отличалось друг от друга. Для местных жителей было сохранено большинство прежних институтов управления.

Русские части в среднеазиатских городах управлялись на первых порах согласно «Временному положению об управлении Туркестанской областью», утвержденному 6 августа 1865 г. Александром II. Согласно ему, в каждом областном городе учреждались городские Думы, а в маленьких городах — городские старосты (аксакалы) и собрания депутатов. Голова, гласные и городские аксакалы избирались из среды «почетнейших горожан» депутатами от всего городского населения: и местного, и пришлого. Фактически, городская дума была образована лишь в Ташкенте. В ее ведение вошли городское хозяйство, учет населения; местные налоги и повинности; контроль над торговлей, ремеслом и промышленностью; устройство школ, богаделен, больниц и медицинского пособия; полиция и «джигиты»; дороги, мосты, арыки и в целом городское хозяйство [7, Л. 109—111].

Таким образом, сначала русская администрация вообще не предусматривала создание отдельного управления в туркестанских городах. «Временное положение» 1865 г. оставляло управление всеми этими городами в руках представителей местного населения (конечно, под контролем русской администрации).

Положение вещей начинает меняться в 1867 г. Указом от 11 июля было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Фактически этот документ закрепил доминирующее положение Ташкента среди среднеазиатских городов. Ташкент стал «столицей» Туркестанского края — резиденцией генерал-губернаторов и местопребыванием всех высших военных, административных, судебных, учебных, финансовых и других учреждений. «Положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 г. вводило новые принципы городского управления. Этот документ носил статус проекта и был введен в качестве «опыта» [5, С. 122]. Александр II разрешил туркестанскому генерал-губернатору К.П. фон Кауфману изменять его, дополнять и вообще принимать все те меры, какие он сочтет полезными [9, С. 317].

К.П.Кауфман, приступая к организации гражданского управления в крае по программе, изложенной в указанном проекте положения, составил организационные комиссии, а для Ташкента — особую комиссию во главе с автором Степной реформы А.К.Гейнсом [3, С. 61]. В целом, несмотря на то, что положение носило временный характер, край управлялся на его основе вплоть до 1887 г., а городское управление сохранялось до 1877 г.

Попытаемся извлечь оттуда статьи и параграфы, относящиеся к управлению русским населением Ташкента. Параграф 71 гласил, что в г.Ташкенте «...по населенности и значительному торговому развитию его, учреждается отдельное от уездного управление» [8, Л. 23]. Таким образом, именно статус города определил его особое управление. Для упрощения управления город разделялся на кварталы. Управление городом осуществляли городской начальник, его помощник и канцелярия. Городской начальник для населения — местного и русского — был единым [8, Л. 24]. В документе подчеркивалось, что «для усиления полицейского надзора за жителями Ташкента, городскому начальнику предоставляется право требовать необходимое число чинов в свое распоряжение» — это еще раз подчеркивало особый статус военно-народного управления.

Положение впервые закрепило отдельное управление в «новой» и «старой» частях. Этого было связано с тем, что «наплыв в Ташкент русских заставил образовать для них особое управление, отдельное от такого же в туземном Ташкенте» [6, Л. 42].

В 1871 г. впервые затронут вопрос об организации городского управления на началах общероссийского городского положения 1870 г. В 1872 г. этот вопрос рассматривался общим присутствием Сырдарьинского областного правления, которое выработало проект применения городского положения 1870 г. (с изменениями и дополнениями) к г.Ташкенту. Однако, окончательное разрешение вопрос получил лишь в 1877 г, то есть со значительным опозданием.

Система городского самоуправления была введена в городах Ташкенте и Верном. Таким образом, городское положение 1870 г. фактически не коснулось большинства городов Туркестана. Введение системы в Ташкенте объяснялось тем, что в нем проживало наибольшее число русского населения, и там были сконцентрированы основные органы власти.

К.П. фон Кауфман утвердил особые правила применения городского положения к городу Ташкенту [4, С. 116]. Эти правила были отправлены в Петербург, но были утверждены царским указом лишь 5 декабря 1888 г. Таким образом, фактически городское управление в период 1877—1888 гг. не имело законных оснований.

В правилах, утвержденных императором, определялся порядок выборов в городскую Думу, сфера деятельности, возможности и порядок действия Думы, городской Управы, городского головы их финансового положения и т.д.

Дума получала право назначения должностных лиц по общественному управлению в состав городской управы и определения им содержания, установления и уменьшения размеров городских сборов и налогов, определения городских расходов и утверждения городских смет, рассмотрения и утверждения отчетов о сборе и употреблении городских сумм, о заведовании городским имуществом, о действии управы, установления правил для заведования порядка действий управы и т.д.

В отличие от общероссийской практики выборности городского головы городской думой, в Туркестане он назначался на должность военным министром по представлению туркестанского генерал-губернатора, и только члены городской управы и городской секретарь выбирались городской думой. Причем в документе подчеркивалось, что назначение городского головы является временной мерой [6, Л. 42], но, как показала практика, в последующем городской голова никогда не избирался.

Весьма примечательно, что должность городского головы совмещалась с должностью начальника города, который же являлся и председателем Думы, в результате чего почти вся власть находилась в одних руках. Первым городским головой в 1877 г. стал Эммануил Платонович Пукалов, одновременно оставленный в должности начальника города [10, С. 44]. К.П.Кауфман объяснял это необходимостью избежать избрания на эту должность лица, случайного, а главное «ввиду политического положения города, значительное большинство жителей которого состоит из недавно покоренных мусульман» [11, Л. 4].

Совмещение двух должностей вызывало противодействие даже со стороны самих гласных городской думы, и в 1880 г. Э.П.Пукалов вынужден был просить военного губернатора освободить его от обязанностей городского головы, но не получил положительного ответа. Лишь в 1905 г. должности городского головы и начальника города были разделены [2, С. 87].

Городская управа являлась постоянным, исполнительным органом думы, подчинявшимся и отчитывавшимся перед ней. Члены городской управы и городской секретарь (секретарь думы) определялись по выбору городской думы, из числа ее гласных. Городская управа состояла из членов управы и кандидатов. Во главе ее стоял городской голова. Состав городской управы формировался по национальному принципу. По Правилам 1877 г., одна треть общего числа членов управы избиралась из «туземцев», причем преимущество отдавалось людям, знающим русский язык [4, С. 118]. Обычно членов управы было шесть, из них двое — из местного населения.

В соответствии с «Правилами применения городского положения», право участия в выборах в Городскую Думу предоставлялось жителям Ташкента, достигшим 25-летнего возраста, являвшимся русскими подданными, владевшими в городе недвижимой собственностью, платившими городские налоги, не имевшие недоимок и не опороченные судом или следствием [12, Л. 5].

Число гласных определялось в количестве не более 72 человек: от европейского населения — 48 и от коренного населения — 24 гласных [4, С. 118]. Таким образом, две трети членов городской думы избирались «европейской» частью города, одна треть — «азиатской». При этом пассивным избирательным правом в каждом случае пользовались также только обыватели соответствующей части. Это неравенство имело, собственно, не национальное, а территориальное значение. Русские, переселившиеся в «азиатскую» часть города, по активному и пассивному избирательному праву приравнивались к «туземцам» [1, С. 163].

В 1886 г. было утверждено новое «Положение» об управлении Туркестанским краем, которое не предусматривало городского самоуправления. Но Сенат решил сохранить в Ташкенте уже существовавшее самоуправление до введения особого «Положения» для Ташкента. Более того, самоуправление в Ташкенте продолжило действовать на прежних основаниях и после принятия в России нового городского положения 1892 г. До крушения Российской империи Ташкент оставался единственным городом в России, где действовало городское положение 1870 г.

Литература

1. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
2. Бродский Л.К. К 35-летию Ташкентского городского общественного управления. Ташкент, 1912.
3. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1911.
4. Правила о применении Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. городского положения к г.Ташкенту // А.И.Добросмыслов. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1911.
5. Проект положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях 1867 г.: Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1969. Ч. I.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 483. Оп. 1. Д. 120.
7. РГВИА. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 6.

8. РГВИА. Ф. 1394. Оп. 1. Д. 19.
9. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1903. Т. 3.
10. Турсунова Р.Ю. Городское самоуправление в Туркестане (1877—1918): Дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2000.
11. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 737 (материалы предоставлены Н.А.Абдурахимовой).
12. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 1650.

М.В.Глеб

г. Минск

Институт истории Национальной академии наук Беларуси

ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: Р.КУПЕР

В начале XXI в. мировое сообщество среди многих других тенденций и течений переживало и так называемый «имперский ренессанс», подъем интереса к проблемам, связанным с имперским мироустройством и мироощущением. Практически одновременно об идее империи (либо об идеях, крайне схожих с идеей империи, однако категорично абстрагирующихся от данного термина) начали рассуждать ученые, общественные деятели и политики как англо-саксонского мира, так и Российской Федерации.

Использование либерально-имперской или близкой к ней риторики в начале XXI в. рассматривается на трех наиболее ярких примерах: Великобритании, США и Российской Федерации. Именно в этих государствах были сформированы наиболее четкие и интересные концепции, связанные с идеей либеральной империи и ее отдельными составляющими. В данном исследовании рассмотрим британский вариант.

Придя к власти в 1997 г., премьер-министр Великобритании Тони Блэр сформулировал три задачи внешней политики своего кабинета. Приоритетом, по мнению Т.Блэра, должно было стать укрепление позиций Великобритании в Европейском Союзе при одновременном расширении сотрудничества с США, расширение влияния страны в мире, утраченного в силу разных причин в период после второй мировой войны. В то же время, Великобритания отводилась роль лидера в решении таких проблем современности как торговля наркотиками, терроризм, нарушение прав человека [2]. В последующих выступлениях Т.Блэр сформулировал так называемую «доктрину международного сообщества», построенную на идее совместной деятельности государств Запада в решении проблем мирового масштаба. Концепция устройства мира сочеталась с обоснованием идеи интервенции как одного из наиболее эффективных средств предотвращения глобальных угроз.

Значительную интеллектуальную поддержку Т.Блэру оказывал его советник по внешней политике, в 2000-х г. генеральный директор по внешним и военным делам Совета Европы, с 2010 г. советник внешнеполитической службы Европейского Союза Роберт Купер. Его концепция впервые увидела свет в 1996 г. в работе «Постсовременное государство и мировой порядок» (переиздано аналитическим центром Демос в 2000 г.) [4]. Далее последовала публикация статьи «Новый либеральный империализм» в центральных британских газетах «Observer» и «The Guardian», а также статьи «Постсовременное государство» в сборнике трудов близкого к британским правительственным кругам Центра по изучению внешней политики (Foreign Policy Center) [3]. Данные работы вызвали бурные дискуссии в прессе и научных кругах, поскольку Р.Купер выступил как апологет империализма, хотя и отличного от империализма классического типа. По мнению автора, события 1989 г. положили конец конфронтации между западными странами и Советским Союзом, но привели к появлению новых очагов противоречий, на этот раз в отношениях между государствами, находящимися на различных стадиях политического и индустриального развития. Купер выделил три группы таких государств: досовременное (pre-modern), современное (modern), постсовременное (post-modern). К первой группе он отнес Сомали, Афганистан, Ливан и другие страны, где государственная власть слаба или, напротив, авторитарна, религия составляет основу общественной жизни, а внешняя политика направлена на территориальное расширение. «Премодерновый мир принадлежит к другой временной зоне, здесь, как и в древнем мире, снова стоит выбор между империей и хаосом» [4, С. 16]. Государства современного типа, согласно классификации Купера, централизованы и управляются бюрократией, имеют экономику индустриального типа, стремятся к поддержанию баланса сил и защите национальных интересов. К этому типу государств автор относит Индию, Пакистан и Китай. Характерными признаками постсовременных государств являются отсутствие различий между проблемами внутренней и внешней политики, отказ от применения силы в качестве средства решения споров, стирание границ между государствами данного типа, безопасность, основанная на взаимозависимости, взаимной открытости и прозрачности политики. Любопытно, что к категории постсовременных государств автор концепции безоговорочно причислил лишь Европейский Союз и Канаду, а в отношении США и Японии сделал ряд оговорок.

Основной задачей постсовременных государств Купер называет развитие демократических институтов, рыночной экономики и мультилатеральной дипломатии, что вполне соответствует традиционным лозунгам западных демократий. Однако, принимая во внимание угрозы, исходящие из анархичных досовременных

государств, автор не исключает возможности появления нового типа империализма, «приемлемого для мира, в котором господствуют права человека и космополитические ценности» [4, С. 17]. Более того, автор открыто и четко излагает и обосновывает принцип двойных стандартов для постсовременных государств. Внутри данной группы признается первенство закона и принципов коллективной безопасности. По отношению к странам, «застывшим» в XIX в., живущим по принципу джунглей и угрожающим благополучным соседям, необходимы «грубые методы более ранней эпохи — сила, превентивная атака, обман» [4, С. 37]. Таким образом, Купер обосновал право постсовременных государств вмешиваться в дела любого из государств мира, с целью преодолеть нестабильность, искоренить насилие либо остановить терроризм. «Примите тот факт, что интервенция в досовременные государства станет фактом», — подчеркнул он, завершая свою работу [4, С. 40].

В 2003 г. идеи Купера были развиты в концептуальном издании «Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке» [1]. Первая его часть посвящена исследованию истории межгосударственных взаимоотношений, в частности, существованию и падению империй и глобальным мировым конфликтам XX в. Интересен вывод Купера о том, что «Демократия — победоносная идея холодной войны — разрушительна для империй» [1, С. 29]. По мнению автора, демократия — это с необходимостью наличие политического самосознания, политического сообщества и мажоритарного избирательного права. Согласно мнению политика, «распад Советского Союза и Югославии — двух империй времен холодной войны — следствие победы западного либерализма и демократии» [1, С. 29]. Таким образом, традиционные империи, образовывавшиеся европейскими государствами, в современном мире демократизирующихся национальностей попросту не могут существовать. Нет у них, согласно книге Купера, и материальных стимулов к осуществлению экспансии. «Отличительная особенность сегодняшнего мира в том, что в странах, достаточно могущественных для осуществления империалистической политики, имперский дух мертв. Земля и природные ресурсы (за исключением нефти) перестали быть источником власти для технологически развитых стран. Управление населением, в особенности потенциально враждебным населением, воспринимается как бремя. Никто не хочет нести расходы по спасению от развала далеких стран» [1, С. 32].

Развивая концепцию трех «миров», Р.Купер дал им более развернутую характеристику и рассмотрел перспективы каждого из них. «Досовременный мир» автор окрестил «ничьими землями», вызывающими лишь чувство сострадания к творящимся там бедам. «Современный мир» выступает как воплощение господства «жесткого расчета, интересов и сил, описанных Макиавелли и Клаузевицем» [1, С. 37]. Однако приоритетом государств, относящихся к современному миру, является экономическое развитие, что делает их не столь опасными для соседей и себя самих. Тут автором выделяются две угрозы миру: нарушение регионального баланса и возникновение «нового империализма». Последний в достаточно лаконичной трактовке Купера получил совершенно новое звучание и религиозно-идеологическую базу: «Большинство людей склоняется перед идеями, а не перед силой. В данном контексте ислам, по крайней мере, содержит некую идеологическую основу для нового империализма. Сегодня разрушителем (или спасителем) досовременного, хаотического мира скорее станет успешное исламское государство, воспламененное стремлением сеять в мире кораническую истину, чем скептические европейцы или прагматические, несентиментальные Соединенные Штаты» [1, С. 40]. «Постсовременному миру» удалось отойти от территориального императива и добиться высокой степени взаимозависимости, что автоматически нивелирует возможность военного конфликта внутри него. Признавая «постсовременность» Европейского Союза, Купер, к его чести, остается реалистом в определении источника столь прогрессивного развития. «Основной факт современной геополитики — это военная мощь США», — пишет автор [1, С. 62]. И здесь намечается центральный парадокс и квинтэссенция работы Купера: США определяются как государство «современного мира», ведущее политику на «постсовременном уровне»: «В Америке понятия «современное» и «постсовременное» могут в конце концов пересечься, подобно параллельным прямым» [1, С. 67]. Способны ли параллельные прямые к пересечению остается вопросом из сферы геометрии. Но в аспекте мироустройства и международных отношений именно США оказываются залогом развития «постсовременности» и эволюции двух других миров при помощи политики, носящей, в том числе, имперский характер. Более того, в основе политики США лежит либерализм как доктрина о превалировании личности и стремление защитить личность как внутри страны, так и вовне ее: «Стремление защитить личность, а не только «безопасность государства» составляет часть постсовременного этоса. В мире, где много несостоявшихся или недееспособных государств, существует широкое поле для гуманитарной интервенции» [1, С. 95].

Категорично избегая термина «империя», Р.Купер попытался соединить в единый идейный ряд распространение демократических ценностей как идейную основу своей деятельности и силовые методы их распространения в иерархично поделенном мире. Это, на наш взгляд, дает достаточные основания для того, чтобы считать политика преемником традиционной для британской имперской идеи XIX в. интенции об оправданности политики силы в колониях морально-этическими рассуждениями.

Литература

1. Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке. М., 2010.
2. Blair A. Speech by the Prime Minister Tony Blair at Lord Mayor's banquet. 10 November 1997 / Prime Minister's Office, 10 Downing Street. URL: <http://www.pm.gov.uk/output/Page1070.asp>.
3. Cooper R. The New Liberal Imperialism // Observer. 07.04.2002. URL: <http://www.observer.co.uk/worldview/story/0,11581,680117,00.html>; The Guardian. 07.04.2002. URL: <http://www.theguardian.com/world/2002/apr/07/1>.
4. Cooper R. The Post-Modern State and the World Order. Demos, 2000/Demos. URL: www.demos.co.uk/files/postmodern-state.pdf.

С.В.Горбунова

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

УРЕГУЛИРОВАНИЕ РУССКО-КАЗАХСКИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В НОВОЛИНЕЙНОМ РАЙОНЕ (1835—1862 ГГ.)

Вплоть до начала завоевания Средней Азии между Россией и Казахской степью существовала укрепленная граница, несмотря на то, что казахи считались российскими подданными еще с 30-х гг. XVIII в. Более того, создана она была уже после официального вхождения Младшего и Среднего жузов в состав России, для того, чтобы прекратить набеги казахов на собственно российские селения и разграничить казахов с башкирами, калмыками и русскими казаками, которые тоже не чурались грабежей в степных аулах. На протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX вв. Оренбургская и Сибирская пограничные линии постоянно укреплялись, на них строились новые крепости и форпосты. В 1814 г. появилась идея о переносе части Оренбургской пограничной линии в район между реками Урал, Уй, Тогузак, Аят, Карта и Сюндук, что намного сокращало длину границы.

Назначенный в 1833 г. на пост оренбургского военного губернатора В.А.Перовский вернулся к этой идее, и в 1835—1840 гг. была построена Новая линия из 5 крепостей, 15 редутов и пикетов, окруженных рвами и валами. Между ними в шахматном порядке расположились 23 станицы. Новую линию заселили оренбургскими казаками, а также зачисленными в казачье войско государственными крестьянами прилинейных уездов и солдатами с семьями [2. С. 100—101, 115—116].

В период возведения Новой линии была заселена казаками лишь пятнадцативерстная пограничная полоса. Поселенцам-казакам отводилось по 30 десятин на каждую душу мужского пола и по 15 десятин на душу в запасный земельный фонд. [4, С. 23]. Внутренний район остался незаселенным, излишки земли передали в распоряжение Оренбургской пограничной комиссии, в ведении которой находились казахи Младшего жуза. Казахи продолжали кочевать по-прежнему: с наступлением весны они свободно выкочевывали вглубь степи, а осенью возвращались на зимовки в Новолинейный район.

В 1840 г. было издано «Положение об оренбургском казачьем войске», в соответствии с которым вся территория между Старой и Новой линиями передавалась казакам. Войсковое правление обратилось к оренбургскому военному губернатору с просьбой выселить кочевников за Новую линию. Выселение должно было коснуться родов джагалбайлы, шумекей и торткара. Пограничная комиссия резко выступила против такого решения, считая, что оно может вызвать беспорядки в Степи.

Новый оренбургский военный губернатор В.А.Обручев в 1842 г. обратился к министру иностранных дел с просьбой не выселять казахов их Новолинейного района. К.В.Нессельроде поддержал просьбу оренбургских властей, и Николай I разрешил казахам, кочевавшим между Старой и Новой линиями, остаться на прежних местах [4, С. 47].

Для определения условий землеустройства кочевников в Новолинейном районе была образована специальная комиссия, в которую вошли советник Оренбургской пограничной комиссии Масленников, капитан генерального штаба Отдельного оренбургского корпуса Шульц, депутаты от казахов Тлеуберды Кутанов и БайдильКейкин, и представитель оренбургских казаков. На основании их предложений В.А.Обручев распорядился наделить казахов зимовками на свободных от казачьего заселения землях, но вблизи станиц. Зимовки предполагалось выделить не сплошным участком, а чересполосно, не допуская сосредоточения большого числа кибиток в одном месте. Отводимые казахам участки должны были располагаться вблизи рек, где имелись удобные сенокосы, а также камыш, кустарник или мелкорастущий лес, необходимые для укрытия скота от сильных буранов. Кроме того, предписывалось выделить казахам земли под посевы хлеба. Владельцы зимовок получили право пользоваться всеми угодьями, включая рыбные. Выкочевывая на лето вглубь степи, они могли оставлять на зимовках до двух человек от каждого хозяйства [5, Д. 5068. Л. 43—43 об.]

Наделение казахов землей в Новолинейном районе затянулось более чем на десятилетие. По подсчетам Пограничной комиссии, к 1849 г. зимовки были отведены лишь седьмой части хозяйств, имевших на них право. [5, Д. 5027. Л. 30—30 об.] Войсковому начальству, на которое возлагалась обязанность землеустройства

казахов, было выгодно не торопиться с выделением зимовок: не имевшие их вынуждены были платить казакам особый сбор за кочевание, размер которого в данном случае определялся самими же казаками. И все же благодаря настойчивым требованиям оренбургских властей к 1851 г. зимовками были наделены уже 3577 кибиток из примерно 8000 нуждавшихся в них [5, Д. 5068. Л. 42 об.].

В 1853 г. вернувшийся на пост оренбургского и самарского генерал-губернатора В.А.Перовский изменил порядок землеустройства казахов. С одной стороны, он облегчил наделение их зимовками, разрешив не ограничивать число кибиток в одном месте и отводить участки на всех свободных землях, включая ранее запретную пятнадцативерстовую пограничную полосу.

С другой стороны, В.А.Перовский распорядился не выделять казахам особых наделов под земледелие [5, Д. 5068. Л. 44—45 об.] и установил жесткие сроки переходы линии. Казахи должны были выкочевывать вглубь степи на все лето с 1 мая по 1 октября, скот перегонять в Новолинейный район не ранее 15 октября во избежание потрав казахских полей и сенокосов. Кроме того, запрещалось кому-либо из казахов оставаться летом на зимовках; только для заготовки кормов позволялось пропускать в район на месяц (с 10 августа по 10 сентября) по одному работнику от каждого хозяйства [5, Д. 5144. Л. 5].

Пограничная комиссия эти изменения считала недостаточными, а сами правила — «весьма отягчительными и разорительными» для казахов. К 1 мая исхудавший за зиму скот еще не был готов к перегону на летние кочевья, а к 15 октября нередко начинались зимние бураны.

Оренбургские пограничные власти не могли настаивать на отмене этих правил, так как это вызвало бы бурный протест со стороны казаков, но они добивались их изменения, предлагая установить срок выкочевки с 20 мая по 25 сентября, или, в крайнем случае, — с 15 мая по 1 октября. По мнению членов Оренбургской пограничной комиссии, не следовало также ограничивать число работников, пропускаемых внутрь района для заготовки сена. В 1857 г. В.А.Перовский согласился с этими предложениями [5, Д. 5171. Л. 2—3 об.].

К 1861 г. в Новолинейном районе насчитывалось приблизительно 41 тысяча казаков и 43 казахов (9631 кибитка). Они пользовались примерно равным количеством земли — по 2 миллиона десятин. Однако казахское население увеличивалось быстрее за счет переселения из других районов. К тому же казаки часто переселялись с места на место на самой Новой линии. В таких случаях им вновь выделялось по 30 десятин, а бывшие у них на прежнем месте наделы оставались во владении войска. Только в 1860 г. линейным жителям отошло около 700 зимовок [5, Д. 5211. Л. 2—3 об.].

Взамен казахам выделялись другие участки, но областное правление справедливо отмечало, что «такая неуверенность в пользовании зимовками и передвижение с места на место сказывается вредно на благосостоянии киргиз».

Областное правление предложило запретить переселяться в Новолинейный район казакам из других станций оренбургского казачьего войска; произвести окончательный раздел земли между казаками и казахами; оставшиеся свободными земли сдавать в аренду, доход с которой делить поровну между войсковым правлением и областным правлением. Областное правление решительно настаивало на праве казахов на отведенных им наделах заниматься земледелием, проживать там в любое время года и окончательно оседать.

Так как все эти предложения могли реализоваться только с одобрения центральных властей, на что требовалось немало времени, Областное правление обратилось к оренбургскому генерал-губернатору А.П.Безаку с просьбой «к облегчению положения киргиз» запретить казакам устраивать новые «выселки», установить более удобные сроки выкочевания и заготовки кормов — с 1 июня по 15 сентября и с 10 июля по 15 августа соответственно [5, Д. 5242. Л. 4—8]. В январе 1861 г. А.П.Безак подписал распоряжение о введении этих новых сроков. Через год он разрешил казахам «в виде опыта» остаться в Новолинейном районе на все лето [5, Д. 5255. Л. 2-2 об.].

Оренбургский генерал-губернатор также поддержал перед высшими властями основное ходатайство Областного правления. Он писал в Петербург, что «настало время прекратить умножение оренбургского казачьего войска, ... совершенный недостаток в зауральской степи для 40 тысяч киргиз ... вынуждает оставить их навсегда на занимаемых ими местах» [1, Д. 1. Л. 43].

В 1862 г. на высшем уровне было узаконено сложившееся размежевание, и казахи получили возможность свободно пользоваться кочевьями и другими угодьями в Новолинейном районе в течение всего года [3, С. 239].

Таким образом, оренбургские пограничные власти выступали посредниками между казахами и центральной российской администрацией и, как мы видим в данном случае, представляли интересы кочевников в конфликтах с русским пограничным населением. Это вполне соответствовало общему курсу российской политики, в рамках которой присоединяемые (мирным путем или в результате завоевания — не имело значения) народы рассматривались не как чуждое население колоний, а как «коренные подданные», нуждавшиеся в защите и опеке империи.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 161. СПб. ГА. IV-35. Оп. 145. 1860.
2. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Средней северной Киргизии. Последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в. М., 1980.

3. Положение о размежевании земель Оренбургского казачьего войска // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825—1881). Т. 37 (1862). Ч. 2. № 38816.
4. Рязанов А.Ф. На стыке борьбы за степь. Очерк по истории колонизации Ново-Линейного района (1835—1845) // Труды Оренбургского отдела государственного географического общества. Оренбург, 1928. Вып. 1.
5. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 4. Оп. 1.

Д.О.Гордиенко

г. Самара

*Самарская государственная академия
культуры и искусств*

«КОГДА ЛЮБАЯ ИНОСТРАННАЯ АРМИЯ ГОТОВА ВТОРГНУТЬСЯ В КОРОЛЕВСТВО»: ИРЛАНДСКАЯ АРМИЯ И ПРОЦЕСС ГРАФА СТРАФФОРДА

В череде процессов, включенных веянием времени в бурный британский XVII век, попытка строительства абсолютизма, как принято считать в историографии, на французский манер, стоит отметить, как вопрос необычайной важности для режима правящей династии, как Ранних, так и Поздних Стюартов — строительство национальных вооруженных сил на основе постоянной армии. Данный процесс с развитием так называемого государства Нового времени в Европе XVI и (особенно) XVII вв., в том числе и в рамках Военной революции, не обошел стороной и Три королевства, собранные под скипетром Стюартов начиная с марта 1603 г.

Развитие английской регулярной армии в качестве явления, как правило, испытало на себе внимание специалистов, начиная с событий Гражданских войн (и процессами, в том числе, государственного строительства), в ходе которых появились первые вооруженные силы, попадающие под определение регулярной армии — Армия нового образца, созданная во многом стараниями Оливера Кромвеля и после роспуска Карлом II революционной армии осенью 1660 — весной 1661 г. как признанная веха отсчета образования современной английской (Британской) королевской регулярной армии. Последние явление с недавнего времени стало вызывать интерес и в отечественной исторической науке [см. в том числе: 1—7].

В первой фазе (до начала Епископских войн, волнений в Ирландии) изучения проблемы создания постоянных вооруженных сил в Англии стоит выделить тридцатые годы семнадцатого столетия. Правление Карла I в самом его начале было более насыщенным военными напряжениями, нежели царствование его отца. Яков I за почти четверть века пребывания на английском престоле, кроме как косвенного участия в Тридцатилетней войне (посылка на континент нескольких относительно малочисленных отрядов английских наемников), не вступил ни в одно из серьезных вооруженных противостояний внешнего или внутреннего рода, какими были богаты правления его предшественников на английском престоле — Елизавета Тюдор в первую очередь. В данном случае не стоит задаваться вопросом, был ли Яков VI Шотландский в качестве Якова I Английского уверенным миротворцем — обстоятельства не позволили втянуть мультипликационное королевство Стюартов в конфликты. Карл I, едва вступив на престол, пошел на обострение отношений с Францией, что вызвало конфликт, который имел своей подоплекой, конечно же, не амурные похождения первого герцога Бекингема (из рода Вильерсов).

Война обернулась против Короны поражением, вызвавшим серьезные финансовые и политические затруднения. Но, в том числе, англо-французская война выявила серьезную слабость английской национальной военной системы. Если королевский флот существовал, и не только на бумаге, и страна располагала большим (относительно) количеством «природных» моряков (рыболовов и «купцов»), которых можно было завербовать на королевские корабли, то сухопутной армии не было в принципе. Это обстоятельство обернулось крахом экспедиции Бекингема к Ла-Рошели в целом, и катастрофой на острове Ре в частности. Не стоит преувеличивать вину в произошедшем одиозной фигуры Джорджа Вильерса, герцога Бекингема. Может быть его энергия, с которой он осуществлял организацию (не проведение) экспедиции в какой-то степени предотвратила еще большую трагедию английского воинства, которому противостояли не только ополченцы виконта де Туара, но и ветераны многочисленных конфликтов (внутренних и внешних), в которых принимали участие французские ветераны.

К внешнему конфликту можно было подготовиться — временной люфт к этому в европейских международных отношениях первой половины XVII в. располагал. Англо-голландское противостояние, к которому стали готовиться англичане в тридцатые годы, в силу ряда причин, было отсрочено округленно пятнадцатью годами, за которые англичане сумели подготовить свой военно-морской флот. Конфликт внутренний, который то же вызывал опасение, мог начаться гораздо быстрее, не оставляя Короне возможностей для тщательной и долгой подготовки. Стоит понимать, что для страны, где нет регулярной армии как государственного института, подобное обстоятельство могло бы стать фатальным.

Область применения вооруженных сил в Англии в эпоху Тюдоров была не только (и не сколько) внешнего свойства — если не брать во внимание войны с Францией и во Франции при Генрихе VIII и его младшей дочери, то так же (если не более) Корона зависела от молниеносных действий королевской армии, разящей мятежников. Стоит вспомнить, какую угрозу режиму Елизаветы I представляло, в том числе Великое Северное восстание или противники Короны в момент истерии испанской Великой армады. Так же необходимо учитывать угрозы, перманентно исходящие от ирландских мятежников.

С учетом английской специфики, когда Корона была обречена на критику и посильное противодействие, усилия Карла I по увеличению силовых институтов, позволивших бы более уверенно проводить суверену свой политический курс, создание армии, на территории Английского королевства было фактически не возможным. Корона, усиливая флот, сбором пресловутых «корабельных денег» и так восстановила против себя обширные общественные слои. В такой ситуации создавать еще и сухопутные части было бы более чем опрометчивым решением короля и его окружения. Армию можно было попытаться строить там, где ее присутствие было оправданным. Общественное мнение (если оно, конечно, существовало в Англии в то время) принимало незыблемость постулата, что для охраны границ королевства хватает милиционных подразделений. Тем более, что практика англо-шотландского сосуществования пока подтверждала эту точку зрения большинства. Но в будущем, в 1639 г. 15 тыс. ополченцев, набранных на севере страны, не хватило для отражения победоносных шотландских войск Александра Лесли, графа Ливена [10, С. 2—3].

До первой успешной апробации английской постоянной армии в виде Армии нового образца, которая с большим рвением громила внутренних врагов режима в ходе так называемых Британских войн, единственной попыткой английского правительства создать сколько-нибудь значимые вооруженные силы, стал эксперимент графа Страффорда в виде так называемой ирландской армии.

Томас Уэнтворт (1593—1641), сын баронета (причем отец получил титул, когда будущему министру было восемнадцать лет), получивший от Короля россыпь баронских титулов (две баронских и одну виконтскую шапки), графом стал только за год до своей трагической смерти. Тем не менее, о нем принято говорить, называя титулом графа Страффорда.

Трагедией режима Карла I, его попыткой строить абсолютизм, стал острый дефицит способных и, что более важно, преданных министров и, в целом, преданных чиновников. За плечами европейских суверенов, современников Стюартов, стоят великие первые министры и их окружение, в том числе довольно разветвленный (по меркам того времени) бюрократический аппарат. Одни только фигуры Ришелье, Мазарини, Оливареса и догоняющих их персон вроде Кольбера, вызывают уважение и осознание того, через какие дебри политических, финансовых и прочих проблем, испытывая нечеловеческое напряжение, продирались эти титаны Великого века к своей цели — построение храма Абсолютистской монархии. А ведь стоит учитывать что в их распоряжении были традиции не одного столетия обладания бюрократическим и фискальным аппаратами, армией — то, чего не было в Англии Карла Мученика. И, тем не менее, Карл I получил в свое распоряжение не однозначную, но талантливую фигуру Страффорда. Чьи попытки усилить власть своего монарха могут вызывать критику, но не могут не вызывать уважение.

Одним из аспектов деятельности Томаса Уэнтворта, назначенного в 1633 г. наместником Ирландии (до 1640 г.), стало увеличение войск, расположенных на Зеленом острове. Не смотря на веками тянувшееся противостояние между английской администрацией и ирландскими мятежниками, а так же чаще ирландскими повстанцами между собой, войска, которыми, как правило, располагали агенты королевской власти в Ирландии, выполняли скорее полицейские функции, нежели представляли из себя грозный армейский корпус. Уэнтворт под предлогом необходимости борьбы с мятежниками, превентивно стал увеличивать количество подотчетных ему нижних чинов и офицеров.

Когда в конце тридцатых годов в Англии стали возникать проблемы, приведшие в конечном итоге к началу гражданской смуты, именно попытка армейского строительства, предпринятого виконтом Уэнтвортом, стали одним из основных обвинений в его адрес. Оппозиция в достаточной мере здраво оценила именно военное строительство Уэнтворта как одну из основных мер, направленных на эффективное усиление власти короля.

Во время процесса, который обрек графа Страффорда на казнь, санкционированную Карлом, пославшим на смерть своего самого преданного и профессионального министра, вопрос так называемой Ирландской армии стал одной из основных тем, которыми оперировало следствие.

Разумеется, что при всех дифирамбах, которые можно (и, во многом, стоит) петь министерскому гению Уэнтворта, его решения, равно как и стиль управления вверенным его попечению Изумрудного острова, учитывая общее отношение британской землевладельческой знати, которая вне зависимости от своих симпатий лично к Карлу I и Стюартам, не желали оплачивать из своего кармана усиление власти монарха, должны были встретить противодействие. Корона, чьим авангардом справедливо являлся Томас Уэнтворт, с одной стороны испытывала тяготение к прямым (может быть и прямолинейным) и жестким действиям (которые напрашивались на то или иное по своей форме сопротивление), но при этом не располагала ни деньгами, ни чиновниками, ни солдатами в достаточном по потребностям тяжелого времени количестве. И Уэнтворт-Страффорд, и архиепископ Уильям Лод Кентерберийский, два наиболее одиозных и преданных высших агента Короны, были людьми, далекими от идеала изворотливого и, главное, гибкого министра,

которыми были уже упоминавшиеся выше два великих и эталонных в своем типе «столпы короны», которые как раз в это время один заканчивали свой путь (Ришелье), другой только начинали восхождение на вершину власти (Мазарини). С одной стороны министры Карла I вели себя с претензией на использование силы, с другой стороны силою реального удара не обладали.

Впрочем, действия виконта Уэнтворта, посланного на наместничество в Ирландию, во многом и должны были решить проблему нехватки средств и вооруженных сил, которые предстояло добыть и создать, предоставив к услугам суверена. Политику Уэнтворта, равно как и его предшественников, верно и кратко охарактеризовал современный исследователь Майкл МакНэлли: «С самого начала 17 столетия, английское правительство утверждало свой контроль над Ирландией путем жесткой колониальной политики, известной как “плантация”, когда ирландских землевладельцев выселяли и их владения передавали или продавали протестантским поселенцам, которые были лояльны Короне; она была предназначена содействию государственного управления. Процессу следовал предсказуемый цикл, с недовольством и мятежом против Короны, последующим наказанием, которые затем становились источником будущих беспорядков.

Эти методы были усовершенствованы в конце 1630-х годов, когда сэр Томас Уэнтворт, лорд-лейтенант Ирландии, начал использовать доходы, полученные в качестве средства обслуживания королевского долга, таким образом снижая зависимость короля от парламента. Действительно, многие считали, что после его возвышения в пэры в качестве графа Страффорда, Уэнтворт развяжет в дальнейшем серии конфискации. Однако и он, и они, должны были считаться с его многочисленными врагами в Вестминстере, которые хотели отрешить его от должности за его сомнительную ответственность в совершении «им тяжких проступков [15, С. 6—7]».

Страффорд получил деньги, гораздо большие, чем его предшественники сумели выколлотить из островитян, сумел укрепить военные отряды на королевской службе. Это были без сомнения значимые результаты, однако, наместник Ирландии не получил слишком уж огромных денег (хотя следует признать, что иногда действия Уэнтворта приносили поистине фантастические результаты — в первый год его наместничества удалось получить 300 тыс. фунтов, но и так же ожесточенно настроить островитян против королевской власти [12, С. 11]), действительно значимых в общей сумме доходов Короны, но возбудил против себя, то есть, затронув королевскую власть, значительную часть ирландцев. Более того, прямолинейная политика Уэнтворта привела его к конфликту со многими представителями ирландской аристократии [16, С. 161]. По сути, действия Страффорда стали катализатором ирландского восстания, без которого Карлу I было бы легче решать проблемы, вызванные политикой тридцатых годов и начавшейся смутой во взаимоотношениях с Шотландией. На этом фоне меркнут, во многом, его достижения.

Для оппозиции курсу единоличного правления Карла I фигура Страффорд, при всех ошибках, которые он совершал, олицетворяла собой персону, которую любой ценой необходимо было повергнуть. И характер Карла I, позволившего вырвать из своего окружения единственного преданного человека, наделенного каким-то талантом управленца, поспособствовал планам противника монарха.

На суде, с королевского соизволения (вынужденного, но не оправданного), на котором обвиняли министра, практически впервые в истории Англии судили не человека, чья опала была определена монархом, но предопределена была вопреки воле суверена. Оппозиция не только убирала верного и сильного паладина короля, — она мстила ему за верную в целом попытку усиления Короны за счет создания аппарата насилия, которым Англия в то время не располагала. Джеральд Эйлмер еще в 1986 г. высказал предположение, что будь у Карла I к началу гражданской войны сколь-нибудь серьезные вооруженные силы, то война могла бы практически моментально и закончиться победой роялистов [9, С. 52]. Томас Уэнтворт попытался что-то сделать в этом направлении.

На процессе, активное начало которого относится к январю 1641 года, против Страффорда были выдвинуты обширные обвинения. 4 января 1641 г. была сформирована комиссия, которая должна была разобраться, в том числе, вопросы связанные с «состоянием, расстройством и опасностями дальнейшего существования Ирландской Армии». Открыто указывалось, что цель этого судебного органа — добиться «от Его Величества роспуска этой Армии» [13, С. 18]. 12 января было принято решение опросить в качестве свидетелей четырех ирландских пэров.

Само по себе это решение было в правилах английского правосудия того времени, однако некоторые из свидетелей были в открытой вражде с опальным графом, за провинности других граф не должен был во многом нести личной ответственности. Из четырех лордов наиболее неприятной для Уэнтворта персоной был пятидесятипятилетний Френсис Эннесли, 1-й барон Маунтноррис. Сам Маунтноррис (через год ставший виконтом Валенсия) был урожденным англичанином из старого и разветвленного дворянского клана, обосновавшийся в начале правления Якова I в Ирландии и начавший делать карьеру в системе управления Изумрудным островом. Человеком Френсис Эннесли был талантливым, но одаренным характером отъявленного и, ни перед чем не останавливающего карьериста. Отношения Маунтнорриса и Уэнтворта сразу после назначения последнего в должности приобрели практически не прикрытый враждебный характер. Самым громким актом вражды между лордом-наместником и кланом Маунтнорриса стал грязный эпизод, в котором в публичном месте брат Эннесли выбил из подагрика Уэнтворта табурет, на который тот положил

больную ногу. Когда неповиновение Маунтнорриса, а так же роспуск им порочащих Уэнтворта сплетен, стал для будущего графа Страффорда невыносимым, тот в 1635 г., используя в качестве предлога капитанство Маунтнорриса в армии и невыполнение им приказов командования, отдал его под трибунал, приговоривший дерзкого карьериста к смерти. Сложно сказать, насколько был Уэнтворт готов пойти до конца в претворении буквы закона в действие, но приговор не был исполнен сразу и жена «висельника» Маунтнорриса сумела вымолить жизнь супруга у Карла I. Теперь Маунтноррис с радостью и ретивостью давал показания против злодея Страффорда.

Другие лорды были в более спокойных и корректных отношениях с Маунтноррисом. Тем не менее, Адама Лофтуса, семидесятидвухлетнего виконта, долгое время проработавшего в паре с Уэнтвортом в чине лорда-канцлера Ирландии, мягко говоря, не без основательно обвиняли во взяточничестве, и в целом, в широком разгуле коррупции. Вина Уэнтворта в этом конечно же была, он мог попытаться прекратить безобразия, творимые Лофтусом. Однако не следует забывать что коррупция для того времени была обыденностью английской администрации, тем более в колониях, которыми по сути и были ирландские графства в глазах англичан. Другое дело, что Уэнтворта заставили отвечать за этот обыденный грех по высшей мере.

18 февраля был создан комитет долженствующий подготовить обвинение Страффорду. В его число вошли пятнадцать человек. Среди них был и будущий лорд-канцлер времен так называемой «краткой» Реставрации сэр Эдуард Хайд (Гайд), более известный как 1-й граф Кларендон. Следует обратить внимание, что Хайд через четверть века сам окажется в шкуре Страффорда, когда оппозиция будет требовать у Карла II голову министра, но суверен (который, кстати, одиннадцатилетним мальчиком будет председательствовать на суде, вынесшем смертный приговор Страффорду) не выдаст Кларендона (в отличии от своего отца), а позволит тому бежать в Голландию.

24 февраля Уэнтворту предъявили двухсотстраничное обвинение, которое граф прочитал за три часа и составил ответ. В обвинении было 28 статей. Вопросы в той или иной степени затрагивавшие необходимость содержания вооруженных сил в Ирландии и вопросы, связанные с аспектами дисциплины содержались в 6 статьях.

В Третьей статье, в которой опального графа обвиняли в том, что он держал власть свою и своего суверена короля, тем самым пороча его честь, как в завоеванной стране, Страффорд отмел обвинения, но отметил особую и исключительную ситуацию, при которой Ирландия не могла управляться законами (общими с) Англии и он неоднократно высказывался по этому поводу.

Пятая статья непосредственно касалась преследования Уэнтвортом Маунтнорриса. В данном случае Страффорд четко сформулировал постулат, по которому военные, не выполняющие приказов (письменных) подлежат наказанию, суровому по степени их вины. И Маунтноррис, как капитан роты в армии, под началом графа Страффорда, не выполнивший приказа своего генерала и публично высказавшийся против, был на основании, по меньшей мере, двух приказов, приговорен трибуналом (без участия Страффорда) к смерти.

В семнадцатой статье Страффорд объяснял, что средства пущенные на содержание армии (а добывались они жестко), по его мнению, являются хорошим поощрением и вверенная ему армия была образцовой по своему виду и выучке, но не замышлялась для дурного дела, то есть применения против оппозиционеров.

В двадцатой статье Страффорд вынужден был объяснять что армия, собранная им в Ирландии и перебросенная на англо-шотландскую границу, равно как и мобилизованные по ведомству лорда-адмирала корабли, были нужны не для разжигания войны, но для улаживания конфликта и предотвращения кровопролития. С этой же целью он советовал королю собрать парламент и потребовать от него средства, нужные для умиротворения шотландцев. И все его действия были одобрены Военным советом. Наиболее унижительным в этом месте обвинения выглядела фраза, в которой Страффорд выражал дружелюбие к мятежным скоттам: «Он никогда не говорил, что Шотландский Народ мятежники, но всегда был уверен, что большинство из них наиболее Лояльные Подданные».

В двадцать пятой статье обвинения бедного Стаффорда попытались сделать виновным во взимании пресловутых корабельных денег и резкостей в действиях чинов Короны по отношению к тем, кто отказывался платить. Учитывая, что председательствовал в комиссии, составлявшей обвинение Джон Гемптден, не удивительно что для него этот вопрос был таким болезненным. Однако стоит обратить внимание, что в этом пункте обвинения Уэнтворт ответил наиболее лаконично, но образно и достойно. Граф заявил, во-первых, что не он является инициатором сбора этого вида налога, что есть соответствующие институты (Звездная палата), отвечавшие за эти действия Короны, что собирали эти деньги шерифы по приказу короля. Во-вторых, «когда любая Иностранная Армия готова вторгнуться в Королевство, они, возможно, заслуживают быть оштрафованными».

В объяснениях по поводу двадцать восьмой, последней, статьи, Страффорд был вынужден давать скрупулезные ответы по поводу командования войсками, действовавшими против шотландцев, вторгшихся на север Англии. В том числе, Страффорд попытался возложить часть вины за приказы на графа Нортамберленда, чьим генерал-лейтенантом по должности он являлся. Тридцатидевятилетний Эджернон Перси, 10-й граф Нортамберленд, лорд-верховный адмирал Англии, незадолго до этого, летом 1640 г. стал отдаляться от

Страффорда которому он во многом был обязан громким титулом главы военно-морского ведомства. Страффорд стал валить часть вины на бывшего союзника.

Обвинения в адрес Страффорда, когда ему в вину будут ставить создание, расширение и использование ирландской армии, как инструмент вероятного противодействия так сказать «здоровым силам» в Англии, то есть противникам того, что совсем скоро назовут королевской «тиранией», еще раз прозвучало 19 апреля 1641 г., когда в суде с обвинительной речью выступил еще один ирландский пэр, Роберт Дигби, 1-й барон Дигби оф Гисхилл. Обвинители опального министра умело использовали против Уэнтворта его ирландских «друзей».

Любопытно, что в случае с ирландской армией, противники пытающегося завязаться цветка абсолютизма, как и в случае с ирландской армией Якова II, будут представлять эти войска как орудие католической реакции. В представленной в суде 24 апреля петиции горожан Лондона прямо говорится об «ирландской папистской армии» [13, С. 18—61]. Если политика младшего сына Карла I четыре десятилетия спустя действительно позволяет говорить более чем о заигрываниях с католиками, то курс Карла I ни в коем случае такого вывода делать не позволяет. Ни смотря ни на какие вольности в адрес, к примеру королевы Генриетты, сохранившей в Англии свое прирожденное католическое вероисповедание, Карл жестко отстаивал позиции Англиканской церкви. Администрация Страффорда в Ирландии в достаточной степени жестко преследовала интересы протестантского меньшинства колонистов. Ирландский мятеж, на пороге которого стояла монархия Стюартов, и был, в том числе, ответом католического большинства Зеленого острова на притеснения противников Истинной веры.

Отзвучав на уровне парламентской комиссии, обвинения Страффорду прозвучали на заседании парламента 21 марта. Вопросы, где фигурировали проблемы, связанные с армией, незаконного взимания денег на ее содержания и притеснений, творимыми силою этих войск отражены в XV статье обвинения. В XVII статье графа прямо обвинили в том, что его ирландская армия была предтечей и образцом для создания постоянных войск в самой Англии затем. В XVIII статье графа обвинили в том, что в армии силою восемь тысяч пеших воинов, то ли две тысячи, то ли «многие тысячи» были прямо католиками. В XXII статье, где точнее называется численность армии — 8 тыс. пехоты и тысяча конницы, которые «по большей части паписты», открыто выдвинуто обвинение, что с помощью этого воинства Страффорд хотел «уничтожить Англию и подданных Его Величества, а так же изменить и воздействовать на фундаментальные Законы и установленное Управление этого королевства» [13, С. 61—101].

В дальнейшем, в том или ином виде, к выдвинутым положениям обвинения, противники Страффорда обращались уже собственно во время процесса, когда решалась судьба графа. Как известно, 12 мая 1641 г. Томас Уэнтворт, 1-й граф Страффорд был обезглавлен на Тауэрском холме.

Попытки высших коронных чинов в Ирландии в лице графа Страффорда создать на острове армию, которую можно использовать как инструмент усиления королевского влияния в регионе, окончательно не замиренным и перманентно раздираемого распрями местных баронов и вождей кланов, обернулась для Карла I и его министра лорда Уэнтворта крахом. С одной стороны, создается впечатление, что Корона не могла вполне положиться на «ирландцев» как полностью обученные и находящиеся на высокой степени боеготовности части; что бы там сам Страффорд на следствии о высокой выучке этих солдат не утверждал. Опыт вскоре начавшейся Первой гражданской войны показал, что той массы войск, которыми Страффорд располагал — не более (а скорее, менее) десяти тысяч активных бойцов, — не хватало бы для успешного противостояния ополчению «круглоголовых». Тем более, что основная масса ирландской армии была представлена пешими частями, а в ходе Британских войн ударным родом войск была кавалерия. С другой стороны, оппозиция воспользовалась предлогом существования ирландских частей как поводом для активного обвинения Короны в лице ее высшего чиновника в стремлении к ограничению традиционных свобод английского народа. Наличие армии в Ирландии как бы сопрягалось с усилением политики незаконного вымогания у добрых англичан денег. К тому же, оппозиция очень грамотно использовала откровенно шовинистические, ирландофобские и антипапистские настроения значительной части англичан [14, С. 143—144].

Первый опыт королевской власти по созданию постоянной армии, на которую можно опереться в решении внутренних проблем, предпринятый вторым монархом из дома Стюартов руками его министра окончился неудачно. Но сама идея необходимости армии отчетливо витала в разряженном воздухе Британских островов накануне Гражданской войны. Стоит вспомнить, что менее чем через десятилетие силами настоящей постоянной армии (в данном случае Новой модели) Ирландия будет замирена так жестоко, как никогда этого англичане еще не делали [11, С. 13]. И еще более отчетливо этой армии (пусть даже в полупризрачном виде) боялась оппозиция, жестоко мстившая задумавшим создать эту силу. Идея создания подконтрольной королю группировки войск придала Страффорду поистине мифостоевскую окраску, чего стоит утверждение британского публициста XIX в. лорда Макколея: «... и составил обширный, глубоко обдуманый план, ... Этому плану он, в конфиденциальной своей переписке, давал выразительное название коренного. Его задачей было совершить в Англии все, и даже больше, чем все, что Ришелье совершал во Франции» [8, С. 71].

Литература

1. Гордиенко Д.О. Джентльмены-пенсионеры: дворцовая гвардия эпохи Реставрации // Британские исследования. Сборник научных статей. Ростов н/Д, 2008. Вып. 2. С. 60—72.
2. Гордиенко Д.О. Английская гвардейская кавалерия Карла II // Альманах современной науки и образования. Тамбов, «Грамота». 2007. № 7 (7). Ч. 2. С. 46—50.
3. Гордиенко Д.О. «Последний довод короля»: внутренние угрозы и история королевской регулярной армии в Англии эпохи Реставрации // Исторический факт как аргумент политической полемики: Сб. статей / Отв. ред. М.П.Айзенштат. М., 2011. С. 105—114.
4. Гордиенко Д.О. «Святые возьмут это королевство себе»: лондонский мятеж 1661 г. в диалоге источников // Британские исследования. Вып. IV. Сборник статей. СПб., 2014. С. 194—207.
5. Гордиенко Д.О. Солдаты как все: королевские комиссии шотландским войскам эпохи Реставрации // История идей и история общества: Материалы VI Всероссийской научной конференции (г.Нижевартовск, 17—18 апреля 2008 года). Нижевартовск, 2008. Ч. 1. С. 92—95.
6. Гордиенко Д.О. Становление английской регулярной армии в эпоху Реставрации // Власть, общество и личность в истории: Сборник статей по материалам научной конференции, 22—24 ноября 2006. М., 2010. С. 25—46.
7. Гордиенко Д.О. Армия Стюартов эпохи Реставрации: провинциальная принадлежность королевских войсковых частей // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург — Кронштадт, 21—24 октября 2007 г.). М.; СПб., 2007. С. 117—120.
8. Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. VI. СПб, М., 1866.
9. Эйлер Д. Восстание или революция? Англия 1640—1660 гг. СПб., 2004.
10. Carver, lord. The Seven Ages of the British Army. N.Y., 1984.
11. Clarke A. Prelude to Restoration in Ireland: The End of the Commonwealth, 1659—1660. Cambridge, 2004.
12. Connolly S.J. Divided Kingdom: Ireland 1630—1800. Oxford, 2008.
13. Historical Collections of Private Passages of State // Ed. by John Rushworth: in 8 vols. L., 1721. Vol. VIII.
14. Kishlansky M. A Monarchy Transformed: Britain 1603—1714. L., 1997.
15. McNally M. Ireland 1649-1652. Cromwell's Protestant Crusade. Oxford, 2009.
16. Ohlmeyer J. The Irish peers, political power and parliament, 1640—1641// British Interventions in Early Modern Ireland. Cambridge, 2004.

К.А.Демичев

г.Нижний Новгород

Университет Российской академии образования

Нижегородский филиал

ФОРМИРОВАНИЕ МИРСКОГО АСПЕКТА ВЛАСТИ СИКХСКИХ ГУРУ В ПЕРИОД ГУРТА АРДЖУНА ДЭВА

Складывание сикхской придворной культуры в ставке гуру и обретение последними элементов мирской власти, было совершенно неотделимо от сложного и длительного процесса формирования сикхской государственности в Панджабе. Сам факт возникновения у сикхов двора и придворной культуры, наряду с милитаризацией, свидетельствовал о коренных изменениях этого религиозного движения, что во многом определило магистральное направление развития всей сикхской общины.

При пятом гуру Арджуне Дэве (1581—1606) характер самого сикхского учения казалось бы принципиально не изменился, однако именно в этот период в общине начинают складываться социально-экономические и, прежде всего, политические предпосылки будущей милитаризации, чему во многом способствовала трагическая судьба самого гуру.

Гуру Арджуна сыграл выдающуюся роль в жизни сикхской общины, дав ей священное писание Ади Грантх, воплотившее живое слово гуру (*гурбани*), а также начав строительство *Хари Мандира* — Золотого храма в Амритсаре, впоследствии превратившегося в одну из главных святынь всех сикхов. Другой несомненной заслугой этого гуру было то, что именно при нем сикхи окончательно приобрели свою уникальную самоидентичность. В одном из своих стихов Арджуна провозглашает своеобразный манифест новой идентичности: «Я порвал и с индуистами и с мусульманами, я не буду совершать обряды как индуист и не пойду в Мекку как мусульманин, я буду служить Ему, и никому другому. Я не буду молиться идолам и не стану читать мусульманские молитвы. Я сложу свое сердце к стопам Одного Бога, потому что мы не индуисты и не мусульмане» [1, С. 63].

Манифестация пятого гуру имела не только духовный, но и не менее важный мирской аспект. В сикхскую общину стали активно вступать новые члены и, прежде всего, представители такой крупнейшей этно-кастовой общности северо-западной Индии, как джаты.

Рост численности представителей сикхской общины вел к развитию мирского компонента власти гуру. Это проявилось, прежде всего, в том, что произошло усиление контроля со стороны гуру над обязательными сборами на нужды общины. Еще при втором гуру Ангаде сикхская община была разделена на территориальные округа — *манджи*, во главе которых были поставлены доверенные представители гуру — *масанды*.

При Амар Дасе на сикхов была возложена обязанность пожертвования части своего ежегодного дохода в пользу гуру, что привело к тому, что *манджи*, численность которых к этому времени достигла 22 [6 II, С. 151], превратились в своеобразные фискальные единицы. За сбор пожертвований отвечали *масанды*, которые два раза в год доставляли полученные средства в ставку гуру.

Со временем, в результате роста численности сикхской общины и увеличения роли пожертвований, превратившихся в регулярные сборы в системе доходов гуру, происходит усложнение административно-территориального устройства *манджи*. В ее составе были выделены более мелкие территориальные единицы, во главе которых были поставлены авторитетные представители сикхской общины — *меора*, находившиеся в непосредственном подчинении у *масандов* [7, С. 682—683]. По всей видимости, территории за которые отвечали *меора*, могут быть соотнесены с деревней — *мауза* или же группой деревень — *таппа*.

Пятый сикхский гуру Арджуна усилил контроль над сборами десятины ежегодных доходов — *дасвандх*, которые теперь производились только один раз в году в Амритсаре и стали обязательными [4, С. 30]. Пополнялась казна и за счет привлечения новых источников дохода. К их числу можно отнести, прежде всего, таможенные сборы и налоги на городскую недвижимость [6 II, С. 2]. Кроме того, гуру активно поощрял своих последователей в занятии торговлей, а также лично участвовал в торговле лошадьми с Афганистаном и Туркестаном [3, С. 54—55]. В данном факте не было ничего удивительного, так как, во-первых, в этом занятии сикхи не видели ничего порочащего или предосудительного [5, С. 247—278], а, во-вторых, доставка лошадей в Индию приносила казне огромные доходы и способствовала росту благосостояния членов общины. Кроме того, торговля лошадьми вела к увеличению доступности лошадей для рядовых сикхов, а, следовательно, и развитию у них навыков верховой езды, что в перспективе будет трудно переоценить, учитывая, что основу индийских армий того времени составляли именно кавалерийские подразделения.

Численное увеличение представителей сикхской общины и укрепление ее материального благополучия по праву связывалось сикхами с деятельностью и личностью своего гуру, который начинает восприниматься ими не только как духовный лидер, но и как светский правитель. Такое изменение нашло свое отражение в титулатуре Арджуна, который первый из сикхских гуру стал называться *Сача Падишах*, то есть «истинный падишах» или «истинный государь» [1, С. 63].

При гуру Арджуне начинает складываться и своеобразная придворная культура, отражающая высокий статус лидера сикхов. Не случайно, что ставка гуру все чаще именуется *дарбаром*, что в переводе с персидского означало «царский двор». Власть гуру начинает приобретать статусные атрибуты. Он использует слонов и лошадей, закупленных в Туркестане, одевается в дорогие одежды, то есть мало чем отличается с виду от любого другого правителя Индии. При этом для нас важно отметить, что покой Арджуна начинает охранять многочисленная вооруженная стража из числа сторонников гуру [4, С. 29]. Само наличие этой стражи свидетельствует о том, как постепенно меняется отношение сикхов к оружию и возможности его использования, что, по всей видимости, было связано с притоком уже упомянутых джатов в ряды сикхской общины.

Несколько трансформируется и сама модель поведения гуру. Он начинает совершать акты, которые ярко маркируют его поступки именно как действия светского правителя. Так, например, *масандов*, которые ежегодно привозили *десвандх* в ставку гуру, Арджун одаривал *хилатами*, то есть комплектами почетной одежды, состоявших из определенного количества предметов. Для Индии, да и не только, дарение *хилата* было традиционным актом выражения милости правителя по отношению к подданному.

Своему сыну Харгобинду пятый гуру дал очень необычное образование. Руководил процессом обучения признанный и старейший авторитет сикхской общины Бхаи Буддха, который отвечал, прежде всего, за религиозное воспитание мальчика, в том числе, знание священных текстов, также Харгобинда учили языкам, химии, астрономии, медицине, земледелию, управлению, а также другим полезным наукам. Однако помимо этого наследника Арджуна обучали плаванию, верховой езде, а также владению наступательным и защитным оружием [6 III, С. 50]. Таким образом, будущий шестой гуру сикхов получил образования не только, как духовный лидер религиозной общины, но и как светский правитель, для которого наличие воинских навыков и знание военного дела были строго обязательны.

Конец жизненного пути пятого сикхского гуру был трагичен. После смерти императора Акбара в 1605 г., который лично зная Арджуна, относился к сикхам очень терпимо, трон в Дели унаследовал Джахангир, бывший строгим поборником ислама. В своей автобиографии *Тузук-и-Джахангири*, падишах пишет о том, что сикхскому движению необходимо положить конец, а его лидера следует обратить в ислам. Свою позицию Джахангир обосновывает тем, что гуру делает сторонниками своей веры не только «...многих простодушных индусов, но и невежественных и глупых последователей ислама», что является просто недопустимым [9, С. 72].

Непосредственным поводом для начала преследования гуру Арджуна стали события связанные с восставлением сына Джахангира принца Хусрау. Хусрау был любимым внуком Акбара и именно ему тот планировал передать престол. Однако после императора трон занял его сын, а не внук, Хусрау же был заточен в Агре. С небольшим количеством своих сторонников мятежный принц сумел вырваться из заточения и направился в Афганистан, где планировал получить помощь в борьбе за власть. По пути в Афганистан, Хусрау посетил сикхского гуру, пребывавшего в Тарн Таране [6 III, С. 85].

Гуру принял беглого внука Акбара, который пришел к нему поклониться, и даже собственноручно благословил, нанеся ему на лоб шафрановый *тилак*, что вызвало особое раздражение Джахангира [9, С. 72—73]. Впрочем, визит Хусрау к гуру был вызван не только потребностью в моральной поддержке и ободрении перед дальней дорогой. Принц попросил у Арджуна оплатить его расходы, связанные с переходом в Кабул и, в конечном итоге, получил 5000 рупий, что было весьма существенной по тому времени суммой [6 III, С. 85]. Правда, воспользоваться в полной мере полученными деньгами Хусрау не успел. При переправе через Джелам он был пойман и в цепях доставлен к своему отцу. После этого начались преследования сторонников мятежного принца, которые не обошли стороной и сикхского гуру.

Арджуна был вызван на суд императора в Лахор, где был обвинен в поддержке Хусрау и составлении книги *Ади Грантх*, направленной против индусов и мусульман. Кроме того, обвинители гуру указывали Джахангиру на то, что, во-первых, Арджуна стремиться к обретению независимой власти, а во-вторых, в случае, если бы Хусрау не был пойман, то сикхи оказали бы ему военную помощь [6 III, С. 88—89].

Все возражения гуру падишах во внимание не принял и вынес решение, по которому Арджуна должен был уплатить штраф в размере 2 *лакхов* рупий и убрать из *Ади Грантх* все гимны, которые были расценены, как потенциально враждебные к исламу. Последнее требование гуру выполнить категорически отказался, так же как и предложение принять ислам. После этого он был заключен в тюрьму, где был подвергнут жестоким пыткам [8, С. 14].

30 мая 1606 г. пятый сикхский гуру должен был быть казнен самой изощренной казнью — зашиванием в коровью шкуру. Однако казнь не состоялась. Гуру попросил разрешения очиститься в водах Рави перед смертью, где во время омовения он был унесен сильным течением реки [1, LXXXIII]. Не изменив своей вере и приняв смерть от моголов, гуру Арджуна стал первым, но далеко не последним мучеником за сикхскую веру.

Литература

1. Успенская Е.Н., Котин И.Ю. Сикхизм. СПб, 2007.
2. The *Adi Granth*, the Holy Scriptures of the Sikhs, translated from the original Gurmukhi, with introductory essays by E.Trumpp. 1877. L.: W.H.Allen.
3. Cunningham J.D. 1849. A History of the Sikhs. From the Origin of the Nation to the Battles of the Sutlej. L.: J.Murrey.
4. Gordon J.J. 1904. The Sikhs. Edinburgh, L.: W.Blackwood.
5. Ibbetson D. 1916. Punjab castes. Lahore: Government printing, Punjab.
6. Macauliffe M.A. 1909. The Sikhs Religion. Its Gurus, Sacred Writing and Authors. In VI vols. Oxf.: Clarendon press.
7. Rose H.A. 1919. A Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North-West Frontier Province. In III vols. V. I. Lahore: Civil and Military gazette press.
8. Singh Sher. 1933. Sri Guru Arjan Dev Ji (1563-1606). What He did for India and mankind at large. Tar Taran: Gurudwara Parbandhak Committee.
9. The *Tuzuk-i-Jahangiri*; or, Memoirs of Jahangir / Transl. by A. Rogers. 1909. L.: Royal Asiatic Society.

И.Ю.Демичева

г.Нижний Новгород

Московский гуманитарно-экономический институт,

Нижегородский филиал

СЕМАНТИКА ДЕКОРА ТЕРРАКОТ МАЙЯ I ТЫС. Н.Э.

Терракотовые статуэтки майя классического периода поражают своим многообразием и искусностью исполнения. Они по праву считаются одним из интереснейших источников по истории и искусству майя классического периода.

Несмотря на то, что была известна практика изготовления фигурок с помощью форм, большая часть из них была сделана коропластами вручную. Немаловажное значение отводилось декорированию статуэток, в результате чего фигурка приобретала законченный вид. Многие рисунки на статуэтках не были просто украшениями. Часть их выполняла иные функции, заключающиеся в передаче простейшей информации об объекте, на котором они были представлены. Наиболее ярко это прослеживается по антропоморфным фигуркам.

Набор декоративных элементов и приемы их изготовления не зависели от места расположения рисунка на фигурке. Отдельно лишь стоит отметить декорирование одежды и декор татуировки.

Виды орнамента условно можно объединить в четыре группы: геометрический, растительный, зооморфный, а также антропоморфный. Довольно широко было представлено комбинирование узоров. Узоры можно систематизировать по ряду признаков: форме, расположению, и их количеству в рисунке.

В большей степени использовались различные геометрические орнаменты. Они включают в себя одиночные и парные горизонтальные линии, выполненные как непрерывной прямой, так и плотно стыкованными точками, горизонтально размещенные ломаные и волнообразные линии, рисунки — сетки, точки в квадрате, разные варианты окружностей со всевозможными способами их размещения, ромбы, ромбы с точками в центре, неправильные ломаные линии различного размещения, зигзаги, кресты, галочки, плетения. Такими узорами встречаются на многих костюмах майя. В большинстве своем так орнаментировалась одежда представителей верхушки майяского общества. Встречаются фигурки женщин в уипиль, которая полностью покрыта геометрическим и растительным орнаментом. Всевозможными узорами украшались набедренные повязки, рубахи, воротники и т.д.

С помощью геометрического орнамента (зачастую точечного и линейного) коропасты изображали татуировки и скарификацию. В зависимости от насыщенности рисунка и его назначения, размер точек или линий мог варьироваться. Точки могли образовывать и рисунок, например тремя крупными точками изображали трилистник.

Способы прорисовки декора не зависели от места его нанесения. В основном это были вдавления, резе налепы или выступы.

Композиция рисунка, сам рисунок или его составные части часто несли дополнительную информацию.

Точечные орнаменты в некоторых случаях могли позиционироваться как имитация шкуры животного, в частности ягуара, который наделялся как положительными (защитник полей), так и отрицательными характеристиками (оборотни — нагуали). Также данный образ рассматривался как показатель власти и являлся воплощением Бога Ягуара.

С помощью таких крупных точек могли быть изображены трупные пятна без которых нельзя представить бога смерти Ум-(цек') [2, С. 6]. Подобные пятна на лицах людей часто встречаются в сюжетных сценах на расписной керамике [5, С. 61]. В случае если точки включались в систему сложного рисунка, то сам рисунок совмещал в себе символику своих отдельных составных частей (в частности точек), и при этом через свой цельный образ отражал общую и единую семантическую нагрузку.

Практически все представленные виды геометрических орнаментов отражали так называемые змеиные мотивы, т.е. были скопированы с рисунка на шкурах змей обитавших в данных регионах [4]. Подобные узоры можно встретить и на бытовой и погребальной керамике предметов домашнего обихода, одежде [6, С. 289; 7, С. 402]. Кроме того, линейно-волнообразные мотивы несли в себе оттенок важной семантической нагрузки, которой обладали их прототипы. Змеи наделялись рядом сакральных черт. В мифологии майя образ змеи часто связывали с дождем, т.к. в ряде случаев с телом змеи и головой человека изображался Бог Дождя Тит Соот [3, С. 231]. Отчасти данные виды орнамента выполняли двойную функцию, с одной стороны говорить о высокой степени почитания богов, в частности бога дождя, с другой стороны, выполнять функции оберега.

Различные варианты геометрических орнаментов часто зеркально воспроизводят рисунок змеиных шкур, которые майя наделяли божественной властью (небесные змеи, Бог-Змей Йаш Чан) [3, С. 231].

Геометрические формы образующие замкнутый контур (окружности, овалы, ромбы) могли воплощать идею связи с потусторонними силами. Е.Г.Дэвлет ссылаясь на результаты работы Дж. Левиса-Вильямса и Т. Доусона упоминает, о том, что при воздействии галлюциногенов на людей, как правило, возникают одинаковые зрительные образы, которые затем могут трансформироваться в произведениях искусства [1, С. 211]. Такими образами являются геометрические узоры, в частности круги, с которыми соотносят отверстие прохода в потусторонний мир [1, С. 212]. Возможно, идея замкнутого пространства выраженная в изображении окружностей и ромбов также могла символизировать идею такого прохода.

Изображения самого креста, его форм, очертаний, трехчастная композиционная структура рисунка символизировали образ Мирового Дерева и четырех сторон света.

Растительные мотивы представлены почитаемыми у майя растениями (лилии, лотосы). Среди фигурок есть статуэтки бога в распустившемся цветке, символизирующего начало. Туже семантическую нагрузку несли изображения ракушек и улиток, часто ассоциируемые именно с божественным началом.

Зооморфные мотивы отражали сакрально значимых для майя обитателей фауны (ягуар, олень, кайман, сова, попугай).

Изображения ракушек и улиток связано с сакрализацией данных предметов и их причастностью к образу Бога Улитки и Бога распорядителя.

Личины вероятно воплощали образ побежденного врага, или божества покровителя (в зависимости от контекста изображения).

Коропласты майя в терракотовых статуэтках сочетали реально существующие образы и мифологические представления. Через символы передавали смысл идеи конкретного изображения, образа, сюжета. Несмотря на широкую художественную свободу и отсутствие универсальных канонов мастера стремились к традиционной иконографии, что и способствовало складыванию особой традиции короластики майя.

Развиваясь и формируясь параллельно и в рамках общепринятых традиций искусства, короластика воплощала устойчивые идеи и образы, наделив их свойственными только ей особыми чертами. Это позволило ей не потерять свою самобытность, и способствовало дальнейшему развитию в постклассический период.

Литература

1. Дэвлет Е.Г. Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки. М., 2000.
2. Кнорозов Ю.В. Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе. Доклады Советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме. М., 1955.
3. Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.
4. Sandoval P. 2009. Serpientes de Guatemala: zoología e iconografía // Asociación Flaar Mesoamérica. Octubre.
5. The Maya Vase Book. 1989. A corpus of rollout photographs of Maya vases. Vol. 1. U.S.A. New York.
6. The Maya Vase Book. 1990. A corpus of rollout photographs of Maya vases. Vol. 2. U.S.A. New York.
7. The Maya Vase Book. 1992. A corpus of rollout photographs of Maya vases. Vol. 3. U.S.A. New York.

Г.В.Денисова, М.В.Жолудов

г.Рязань

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830—1831 ГОДОВ

Национально-освободительное восстание в Царстве Польском, начавшееся в ноябре 1830 года, охватило польские земли, находившиеся под властью царской России, и распространилось на территории Литвы, Западной Белоруссии и Правобережной Украины. Оно стало важным этапом в борьбе польского народа за независимость и имело большое международное значение. Руководство движением оказалось в руках представителей консервативных слоев польского общества — верхушки шляхетской аристократии. Руководители восстания, отказавшись от развертывания подлинно народной войны, сделали ставку на помощь иностранных государств, в первую очередь Англии и Франции. В Париж и Лондон были направлены польские эмиссары с просьбой о помощи. Франция, ослабленная недавней июльской революцией, не решалась выступить в одиночку. Таким образом, судьба польского восстания во многом зависела от позиции Великобритании.

Казалось, Англия была именно той страной, которая могла бы содействовать успеху польского восстания. Вигское правительство лорда Грея неоднократно заявляло о поддержке либеральных движений за рубежом. Британское общество было «либерализовано» размахом агитации за принятие парламентской реформы. Общественное мнение страны было явно на стороне поляков, газеты раздували русофобские настроения. Однако британский кабинет не спешил оказать поддержку восставшим, заняв выжидательную позицию. Британскому послу в Петербурге лорду Хейтсбери было предписано «сохранять самую большую осторожность по отношению ко всему, что касалось дел Польши» [2, С. 69].

Правда, вскоре под давлением общественного мнения британское правительство было вынуждено направить лорду Хейтсбери запрос о возможности переговоров с российским правительством по польскому вопросу. Ответ посла начисто отвергал такую возможность. Николай I не собирался обсуждать с англичанами ситуацию в Польше, считая решение польского вопроса своей непререкаемой прерогативой [3, С. 448].

К тому же, британская дипломатия в то время была больше обеспокоена сложностью ситуации в Бельгии, где в августе 1830 года также произошла революция. Бельгийский вопрос представлялся правящим кругам Великобритании более важным и перспективным, нежели польский. Польша не слишком интересовала британскую буржуазию, для которой она являлась ненадежным (по сравнению с развитой Бельгией) торговым партнером. Идея польской независимости была для английских политиков абстрактным принципом, о чем заявил британский министр иностранных дел лорд Пальмерстон, выступая в палате общин парламента с внешнеполитической концепцией своего правительства: «Великобритания не вмешивается во внутренние дела стран, где имеют место гонения на либеральные принципы, так как не имеет смысла начинать войну из-за абстрактных принципов» [6, С. 249].

Вмешательство Англии в польские дела означало бы для нее неслучайное столкновение с могущественным соперником — Российской империей, обладавшей сильной армией и неплохим флотом. Отношения двух держав и без того были серьезно осложнены ожесточенной борьбой за влияние на Балканах и Ближнем Востоке. Дальнейшее обострение ситуации вполне могло привести к началу англо-русской войны. Лорд

Пальмерстон крайне скептически относился к требованию радикалов начать войну против России [1, С. 301]. Располагая сильнейшим в мире военно-морским флотом, Великобритания не имела большой сухопутной армии, тогда как лишь победа англичан на суше могла заставить Россию изменить свою польскую политику, но одержать таковую «владычица морей» была не в состоянии. Поэтому Пальмерстон не скрывал своего мнения: «Мы никогда не направим армию в Польшу, а сожжение русского флота даст тот же эффект, что и сожжение Москвы» [4, С. 33]. Английский дипломат явно намекал на бесславный конец похода армии Наполеона в Россию в 1812 году. Таким образом, надежды поляков на действенную и быструю помощь Англии не оправдались.

В феврале 1831 года русские войска под командованием фельдмаршала Дибича вступили на территорию Королевства Польского. В связи с этим английская пресса усилила антирусскую агитацию. Чтобы успокоить польски настроенное общественное мнение страны, английское правительство все же решилось осторожно выступить в защиту конституционных прав Королевства Польского. Лорд Хейтсбери со специальным заданием Пальмерстона отправился в Петербург и имел непродолжительную беседу с вице-канцлером Российской империи графом К.В.Нессельроде, которому изложил претензии британского правительства. Нессельроде, спокойно выслушав посла, заметил, что поляки первыми нарушили Венский договор, низложив русского царя с польского престола, поэтому Россия вправе наказать «непослушных» [5, С. 4]. Позиция России в этом вопросе была прямой и недвусмысленной — никаких уступок польским мятежникам.

Надежды поляков на помощь западных держав окончательно провалились. Они оказались один на один с военной мощью Российской империи. В начале октября 1831 года восстание было окончательно подавлено.

Таким образом, очевидно, что лорд Пальмерстон отнесся к национально-освободительному движению в Польше явно с государственно-прагматических позиций. В случае с польским восстанием 1830—1831 годов англичанам было выгодно не вмешиваться. Либеральные фразы о необходимости защиты польской независимости являлись не более чем прикрытием истинной позиции лорда. В свою очередь российские дипломаты, приняв условия игры, не воспринимали всерьез частые демарши англичан в поддержку польского восстания.

Литература

1. Жолудов М.В. Лорд Пальмерстон и Россия (к истории англо-русских отношений в 30-е годы XIX века) // Россия и Британия. Вып. 4. М., 2006.
2. Киняпина Н. С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963.
3. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11: Трактаты с Англией. 1801—1831. СПб., 1895.
4. Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England, 1830—1902. Oxford, 1970.
5. См.: Great Britain. Foreign Office. Correspondence with the Government of Russia Respecting the affairs of Poland. 1831—1832. L., 1861.
6. Opinions and Policy of the Right Honourable Viscount Palmerston. L., 1852.

Е.С.Добровольский

г. Череповец

Череповецкий государственный университет

ХРИСТИАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ И «ДВИЖЕНИЕ ЗА НАРОДНЫЙ КОНГРЕСС» В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ

После поражения фашизма во Второй мировой войне демократическое будущее Германии было очевидным. За демократию ратовали как главы стран победительниц, так и немецкий народ, уставший от тоталитарного нацистского прошлого. Правда, образ свободного немецкого государства вышел двояким. Появилась дилемма: строить новую демократическую Германию по советскому или западноевропейскому образцу, или же искать компромисс на единой немецкой земле. Это и легло в основу «германского вопроса», который стал частью идеологического противостояния в холодной войне.

В западных зонах оккупации главные политические силы — христианские и свободные демократы выступали за раздел Германии и образование Федеративной республики с демократической формой правления и социально-рыночной экономикой. «Только включив в себя свободную Германию, Европа может построить плотину против красного потопа» [6, С. 358] — так отозвался о будущем своей родины первый канцлер ФРГ, лидер христианских демократов Западной Германии Конрад Аденауэр. Антикоммунист и прагматик Аденауэр был стойким противником строительства новой Германии вместе с Советским Союзом. Такая политика легла в основу Христианско-демократического союза (ХДС) Западной Германии. Иная ситуацию сложилась в Советской зоне оккупации (СЗО), где христианские демократы не были едины в своих взглядах.

Известно, что одним из первых приказов Советской военной администрации Германии (СВАГ) было разрешение деятельности всех политических антифашистских партий. 14 июля 1945 г. в Восточной Германии был создан блок четырех партий: КППГ, СДПГ, ХДС и ЛДПГ. Если первые две партии считались прогрессивными (в апреле 1946 г. объединились в Социалистическую единую партию Германии), то ХДС и ЛДПГ считались партиями буржуазными, реакционными и антидемократическими, поэтому к ним было приковано особое внимание со стороны СВАГ и СЕПГ.

Специфика развития ХДС Восточной Германии заключалась в том, что партия была под постоянным контролем советской военной администрации. Об этом свидетельствует большое количество ныне опубликованных резолюций и предписаний, которые поступали в Москву из Германии. Советские власти ставили задачу добиться унификации союза с СЕПГ и социалистической моделью государства. Важным в этом отношении стал вопрос единства Германии, на реализацию которого было направлено «движение за Народный конгресс» в 1947—1948 гг. Первый Немецкий народный конгресс «За единство Германии и справедливый мир» состоялся 6—7 декабря 1947 г.

Инициатором Народного конгресса стала СЕПГ. По их замыслу движение должно стать формой сплочения демократических сил послевоенной Германии в борьбе за ликвидацию остатков фашизма, за политическое, экономическое и культурное обновление страны. Главным содержанием деятельности Народного конгресса было укрепление союза рабочего класса с широкими массами населения, вовлечение его в борьбу за сохранения единства Германии как демократического миролюбивого государства. По мнению немецкого историка Михаэля Рихтера, «целью конгресса было либо расширение советского влияния на всю Германию, либо раскол страны» [9, С. 33].

Отношение христианских демократов к идее Народного конгресса было различным. Во многом это определялось политическим климатом в зоне. Ранняя история ХДС СЗО изобиловала крутыми политическими поворотами: за четыре года поменялось три председателя партии.

Первыми руководителями ХДС были Андреас Гермес и Вальтер Шрайбер. Но в декабре 1945 г. они были смещены приказом СВАГ со своих должностей. Поводом к этому стало высказывание Гермеса против проводимой в СЗО земельной реформы. В течение 1945—1947 гг. развитие ХДС направлялось новыми председателями партии Якобом Кайзером и Эрнстом Леммером. Кайзер не разделял мнения советского руководства о двух Германиях и активно выступал за единство страны. Раскол или отторжение немецких земель были неприемлемы для политика. Он надеялся на особый статус Германии в послевоенной Европе, когда единая демократическая Германия стала бы связующим звеном, своеобразным «мостом» между Западом и Востоком, при соблюдении ее нейтралитета [7, С. 38].

11 декабря 1947 г. на заседании руководства ХДС в Берлине Якоб Кайзер решительно возразил против Немецкого конгресса и участия в нем представителей ХДС. Но единогласной поддержки он не получил. Более того, с критикой позиции Кайзера выступил другой член руководства ХДС Отто Нушке, который предложил тому уйти в отставку. «Якоб Кайзер выступает против народного конгресса еще сильнее, чем против марксизма» — с такими словами выступил Нушке на заседании партии [10, С. 74]. По мнению Рихтера, «Кайзер оспаривал демократическую сущность комитета, так как Народный конгресс представлял бы не все политические силы Германии, поэтому он служил не единству, а расколу страны» [9, С. 33].

Советская администрация, санкционируя конгресс, ставила своей целью объединение всех четырех оккупационных зон. Позиция Кайзера, но не всех христианских демократов, явно противоречила интересам СВАГ и СЕПГ. Об этом свидетельствует донесение начальника Управления пропаганды (информации) С.И.Тюльпанова в Москву М.А.Суслову и И.В.Шикину: «Участие в Конгрессе большой группы ведущих деятелей ХДС является поражением Кайзера и победой прогрессивных деятелей ХДС. Это дает основание для постановки уже в ближайшее время вопроса в правлении ХДС о выражении недоверия Кайзеру в связи с его проамериканской линией и о снятии его с поста председателя ХДС» [3, С. 138].

Будучи идейным противником Аденауэра, Кайзер не хотел раздела страны, но и строить единую Германию под советскую дудку он тоже не хотел. Поэтому отказ от участия в «Народном конгрессе» предопределил его политическое будущее. «Кайзер — враг единства Германии» [4, С. 550] — под таким лозунгом СВАГ проходил процесс отстранения Якоба Кайзера от руководства партии.

Второй Немецкий народный конгресс состоялся 17—18 марта 1948 г. в советском секторе Берлина. Руководство СВАГ заблаговременно занялось фильтрованием состава его участников. Решено было направить на конгресс как можно больше представителей от рабочих и крестьян. Восточная ХДС была представлена 191 делегатом (всего в работе конгресса участвовало около 2 тыс. делегатов), но из западных зон прибыло только 4 члена партии (всего из западных зон прибыло 512 делегатов). Вступительную речь при открытии конгресса произнес Нушке, который резко критиковал западные державы за политику раскола Германии. Более умеренным, с определенными предостережениями в адрес конгресса, было выступление председателя ХДС Саксонии Гуго Хикмана. Он, ссылаясь на массовую поддержку конгресса и опасаясь репрессий со стороны СВАГ, изложил свою позицию в пользу участия христианских демократов СЗО в работе конгресса. Активное участие в Народном конгрессе приняли некоторые руководители земельных правлений ХДС: Август Бах (Тюрингия), Геральд Геттинг (Саксония-Ангальт), Рейнгольд Лобеданц (Мекленбург), Людвиг

Кириш (Саксония), Ганс Пауль Гантер-Гильманс (Бранденбург), Герхард Десчик (Берлин). В СВАГ посчитали это началом борьбы с «реакционным крылом в ХДС» [5, С. 114—115].

Было предложено сформировать постоянный орган конгресса с названием «Демократическое собрание Германии» или «Национальный совет Германии». Делегатами был утвержден текст общегерманской конституции, в основу которой лег документ СЕПГ, подготовленный еще в ноябре 1946 г. До четверти делегатов были недовольны ходом конгресса, а 300 делегатов отказались участвовать в выборах Народного совета. Неприятное впечатление на делегатов от ХДС произвело то, что в списках Народного конгресса не оказались кандидатуры Нушке, Лобеданца, Дертингера. «Технический недосмотр» свалили на «скрытых кайзеровцев» [4, С. 641]. Похожая ситуация несколько позже произошла с будущим председателем партии Геральдом Геттингом. «Провал его кандидатуры на состоявшемся недавно заседании зонального молодежного комитета объясняется тем, что будто среди молодежи — членов ХДС Тюрингии и Саксонии — существует договоренность не выбирать всех тех, кто был активным участником Народного конгресса» [2, С. 473].

Реализуя решения Народного конгресса, с 23 мая по 13 июня 1948 г. был проведен опрос для выявления отношения к плебисциту о единстве Германии. В восточной части инициативу Народного конгресса поддерживали до 90,2% избирателей. В западной части Германии власти препятствовали работе активистов. Всего было создано около 15 млн. подписей, что составило 37% всех избирателей Германии. Основания для проведения плебисцита были, но западные державы отклонили просьбу Народного конгресса [1, С. 91]. Впрочем, советское руководство понимало, что провести плебисцит и получить желаемый результат не представляется возможным.

В сентябре 1948 г. на третьем съезде ХДС новым председателем партии стал Отто Нушке. Он стоял за сотрудничество с новыми властями и был готов идти на компромисс. Интерес Нушке к конгрессу Рихтер отмечает как основанный на «прагматических причинах» [9, С. 33]. Свою точку зрения по отношению к новому режиму он выражал так: «Для немцев в СЗО есть только три возможности: либо Вы кончаете жизнь самоубийством, либо Вы уходите на Запад, либо если Вы не хотите этого, то должны договариваться с властью» [8, С. 67—68]. Касаемо Народного конгресса, то Нушке были чужды непримиримость и прямолинейность предыдущих председателей ХДС Гермеса и Кайзера. Под его руководством ХДС стала политическим попутчиком СЕПГ и вскоре потеряла свою самостоятельность. Вскоре христианские демократы начали вместе с коммунистами строить социализм на немецкой земле.

В мае 1949 г. Народный конгресс утвердил проект конституции Германской Демократической Республики, а 7 октября 1949 г. преобразовался в качестве временной Народной палаты ГДР, где вместе с депутатами СЕПГ заседали христианские демократы.

Литература

1. История Германской Демократической Республики 1949—1979. М., 1979.
2. СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. 1945—1949 гг.: Сб. документов. М., 2006.
3. Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И.Тюльпанов. 1945—1949 гг. Сб. документов. М., 2006.
4. СССР и германский вопрос, 1941—1949 гг.: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3 т. Т. 3: 6 октября 1946 г. 15 июня 1948 г. М., 2003.
5. Петелин Б.В. Восточногерманский ХДС между Аденауэром и СВАГ // 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19—20 июня 2008 г. М., 2009.
6. Уильямс Ч. Аденауэр. Отец новой Германии. М., 2002.
7. Gonze W., Kosthort E. Jakob Kaiser. Politiker zwischen Ost und West 1945—1949. Köln, 1985.
8. Kleinmann G.-O. Geschichte der CDU: 1945—1982. Stuttgart, 1993.
9. Richter M. Die Ost-CDU 1948—1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung. Düsseldorf, 1991.
10. Schmolze G. Die CDU in der DDR: zwischen Konformismus und Selbstbehauptung // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1973. 19 September.

С.В.Еремин

г.Нижневартовск

Нижневартровский государственный университет

ОБРАЗ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Современная международная ситуация характеризуется обострением информационного противостояния крупнейших мировых держав.

В связи с этим актуальность приобретает всестороннее исследование деятельности советских пропагандистских структур на разных этапах существования Советского Союза. Пренебрежение позитивным опытом советских пропагандистов по проведению эффективной информационной политики внутри страны и за ее

пределами, может стать причиной поражения в информационном противоборстве с государствами, претендующими на монополию в этой сфере.

Не менее актуально исследование деятельности советской пропаганды предвоенных лет по формированию образа нацистского режима. Изучение данной темы дает возможность проследить эволюцию господствовавших установок советского руководства в оценке идеологических основ и политических реалий этого враждебного большевизму режима, которые определяли функционирование системы советской пропаганды на фоне сложных и неоднозначных советско-германских отношений в предвоенный период.

Предметом моего исследования стал процесс формирования и трансформации образа нацистского режима в советской пропаганде (включая устную пропаганду, печать и кинематограф) с января 1933 года до начала Великой Отечественной войны.

Выбор хронологических рамок исследования был обусловлен двумя ключевыми событиями, которые можно рассматривать в качестве опорных точек в истории Германии вообще, и нацистского режима, в частности. Нижняя хронологическая граница — 1933 г., когда возглавлявший национал-социалистическую рабочую партию Адольф Гитлер стал канцлером Германии. Курс бескомпромиссного антикоммунизма во внешней и внутренней политике гитлеровского правительства, антисоветские выпады германских СМИ потребовали от советского руководства принятия ответных действий в области межгосударственных отношений и информационной политике. Это обусловило необходимость формирования советской пропагандой образа нацистского режима, находившегося в зависимости от развития советско-германских отношений и накала информационно-пропагандистского противостояния между СССР и Германией. Нападение Германии на СССР завершило процесс формирования образа нацистского режима в предвоенных условиях.

Под пропагандистским образом нацистского режима я понимаю *комплекс представлений о формах и методах управления государством, внешнеполитических акциях правительства национал-социалистов, целенаправленно формируемый у граждан СССР советским руководством посредством пропаганды.*

Особое методологическое значение для исследования вопросов, связанных с изучением процесса формирования образа внешнего мира имеет новая междисциплинарная область, которая становится самостоятельной научной дисциплиной, — имагология. В моем исследовании были использованы методы исторической имагологии, которая опирается на конкретно-исторический анализ культурных стереотипов, коллективных представлений народов друг о друге, способов их функционирования и трансформации в контексте отношений «свой — чужой».

Исследование образов как отдельное междисциплинарное научное направление начало развиваться еще в 1960-е годы в Западной Европе — в первую очередь, во Франции и Германии. Оно получило название «имагология». В его основе лежит изучение образа «Другого», сформировавшегося в результате межкультурного взаимодействия. С 1981 г. в зарубежной историографии начинается основательное и комплексное изучение воззрений народов России и Германии друг о друге. Исследовательскую работу в этом направлении выполняла, в частности, группа под руководством известного ученого и общественного деятеля Л.З.Копелева (Вуппертальский проект при университете г.Вупперталь в ФРГ) [2].

Однако до начала 1990-х гг. имагологические подходы оставались вне поля зрения российских ученых.

«Образы Запада» и процесс формирования внешнеполитических стереотипов в его отношении нашли отражение в коллективной монографии «Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» [3]. Исследованию различных аспектов существования внешнеполитических стереотипов посвящены работы А.В.Голубева, В.А.Невежина, О.С.Поршневой и других российских исследователей [1]. «Образ врага» как одна из закономерных форм развития образа «Другого» в советском обществе XX века исследовался Е.С.Сенявской [4].

Российские историки в отличие от своих предшественников советской поры многое сделали для выявления роли советской пропагандистской системы в формировании представлений о нацистской Германии, акцентировав внимание преимущественно на периоде действия договора о ненападении от 23 августа 1939 года.

Однако в отечественной историографии не было целостного исследования, в котором бы *раскрывалась деятельность советской пропагандистской системы, направленная на формирование образа нацистского режима, механизмы этого процесса и анализировались особенности трансформации этого образа в советской пропаганде за период 1933—1941 гг.* Поэтому целью проведенного мной исследования являлось изучение *процесса формирования и трансформации образа нацистского режима в советской пропаганде в 1933—1941 гг.* Исходя из этой цели, решались следующие задачи:

— изучалась практическая деятельность органов советской пропаганды в контексте взаимодействия с Центральным Комитетом Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)) и Народным комиссариатом иностранных дел (НКВД) в предвоенный период. При этом учитывались особенности отношения И.В.Сталина к внутренней и внешней политике национал-социалистов в феврале 1933 — августе 1939 гг., что, несомненно, повлияло на формирование пропагандистского образа нацистского режима в СССР);

— выявлялись основные составляющие и главные средства формирования пропагандистского образа нацистского режима как враждебного в условиях обострения советско-германских отношений и партнерского в условиях их улучшения;

— анализировались попытки советской стороны осуществить в 1939—1941 гг. «культурное сближение» с Германией и причины неудач ее практических шагов в данном направлении;

— интерпретировалась деятельность советской пропаганды в период с августа 1939 г. по июнь 1941 г. по формированию образа вероятных союзников и противников в предстоящей войне.

В ходе работы мной изучались документы российских государственных архивов (РГАСПИ, ГАРФ), в первую очередь отложившиеся в фондах Политбюро ЦК ВКП(б) и УПА ЦК ВКП(б), которые очень важны для понимания действия пропагандистского механизма советского режима в 1930—1940-е гг., стенографические отчеты съездов ВКП(б), деловая переписка И.В.Сталина с членами Политбюро ЦК ВКП(б), документы внешней политики СССР и Германии (АДАР), политическая карикатура, мемуары и дневники, публицистика и художественная литература 1930-х гг., материалы периодической печати.

Тщательно анализировались публикации, касавшиеся деятельности нацистов, в газетах «Правда» и «Известия», журналах «Большевистская печать» и «Коммунистический интернационал». По сложившейся еще в 1920-е гг. традиции советская периодика имела четко выраженную специализацию в освещении политических, научных и экономических вопросов. Поэтому соблюдалась определенная дифференциация и в освещении деятельности нацистского руководства. Например, журнал «Большевистская печать» в эти годы публиковал материалы о политике нацистов в области печати, о деятельности геббельсовского министерства пропаганды и о работе подпольной печати в Германии, журналы «Историк-марксист», «Борьба классов» — о научной жизни в Третьем Рейхе, в частности, о фальсификации истории немецкими «лже-исследователями» и т.д. статьи в «Правде» и «Известиях» были более универсальны по своему характеру. В них, по сути, велась хроника политической жизни в нацистской Германии, фиксировались все мало-мальски значимые мероприятия гитлеровского правительства. В статьях, публикуемых газетами на второй и третьей страницах, так называемых «подвальных», освещались самые разнообразные вопросы научной и культурной жизни в Германии (как правило, понятие «нацистская культура и наука» выделялось в кавычки).

С помощью прессы мне удалось конкретизировать процесс формирования образа нацистского режима. Эту задачу я решал с применением метода контент-анализа публикаций этих изданий за 1933—1941 гг.

Говоря о источниковой базе проведенного мной исследования, приходится говорить о искусственной разорванности информационной базы, которая характерна не только для государственного делопроизводства, но и для остальных групп советских источников изучаемого периода.

В ходе исследования я пришел к следующим выводам, которые стали положениями защиты моей кандидатской диссертации:

В советской пропагандистской версии германский фашизм (нацизм) в 1930-е гг. оказался полностью встроенным в классовую доктрину. Феномен фашизма интерпретировался советскими пропагандистскими органами в терминах классовых интересов.

Советская пропаганда в 1933—1939 гг. сосредоточила основные усилия на создании негативного образа нацистского режима. Главным лейтмотивом ее являлось подробное описание обострения внутривнутриполитического и экономического кризисов в Германии, причиной которых объявлялись милитаризация и политика автаркии, проводимая А.Гитлером.

В установках Политбюро ЦК ВКП(б) при принятии окончательного решения по вопросу о разворачивании антинацистских пропагандистских кампаний превалировал политический прагматизм, обусловленный тем, что Германия продолжала рассматриваться И.В.Сталиным в качестве одного из основных торговых партнеров СССР.

Суть процесса трансформации пропагандистского образа нацистского режима в советской пропаганде состояла в новом явлении на уровне парадигмы внешней и внутренней политики сталинского режима: идейно и классово враждебный нацистский режим, стал представляться советской пропагандой как *легитимный* и *партнерский*. С началом войны между Германией и СССР (1941—1945 гг.) в этот идейно-политический и пропагандистский контекст органично вписалось создание антигитлеровской коалиции вместе с классово и политически враждебными режимами западных держав — Великобританией, Соединенными Штатами Америки, Францией.

Литература

1. Голубев А.В. Запад глазами советского общества: (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С. 104—120; он же: «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20—30-х гг. / Проблемы российской истории. Магнитогорск, 2002; Небезин В.А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939—1941 годах // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 164—171; он же: Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М., 1997; Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012; Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934—1941 гг.: Дис... канд. ист. наук. Саратов, 1997; Кулешова Н.Ю. «Большой день»: грядущая война в литературе 1930-х гг. // Отечественная история. 2002. № 1. С. 181—191; Бердиев З.П. Образ фашистской Германии в формировании массового сознания советского народа в 1933—1941 гг. // Исторические этюды: Сб. статей преподавателей исторического факультета. Карачаевск, 2002. Вып. 2. С. 103—119; Багдасарян В.Э. История страны / История кино. Эпоха Сталина: экранные нормативы. Образ врага в исторических фильмах 1930—1940-х годов // Отечественная история. 2003. № 6. С. 31—46.

2. Дмитриев М.В., Пушкарева Н.Л. Русские и немцы: представления друг о друге // *Вопр. истории.* 1991. № 6.
3. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998.
4. Сениянская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

В.Н.Ерохин

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

ЭДВАРД ВАДИ САИД И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современная мировая историческая наука становится все более разнообразной по географическому представительству, идейному содержанию, теоретико-методологическим подходам. В 1970—1980-е годы под влиянием западной историографии и в острой полемике с ней сложилось направление, к настоящему времени обобщенно называемое «постколониальные исследования». Это направление многолико и разнообразно по составу своих приверженцев. Наиболее заметной группой в нем зарекомендовал себя исследовательских коллектив индийских историков под названием *Subaltern Studies* (*subaltern* (англ.) — второстепенный, подчиненный), руководимый Ранаджитом Гухой. Вместе с тем, практически все приверженцы «постколониальных исследований» признают в качестве своего идейного вдохновителя до сих пор мало известного в России палестинского по происхождению интеллектуала Эдварда Вади Саида, который приобрел широчайшую известность в западном мире с конца 1970-х годов.

Эдвард Вади Саид (1935—2003) — профессор по курсу литературы престижного частного Колумбийского университета в Нью-Йорке, историк литературы и культуролог, пианист и оперный критик. В то же время в последние четверть века своей жизни он успел получить невероятное количество ученых степеней и должностей в научно-академическом мире. Э.В.Саид занимал должность Президента Американской Лингвистической Академии, был принят в Американскую Академию наук и искусств, в Американское Философское общество, в Королевское Литературное общество в Великобритании. Более двадцати университетов в разных регионах мира приняли решение о присуждении ему докторантуры *honoris causa*. И на таком академическом фоне своей научной карьеры Э.В.Саид, будучи англиканином по вероисповеданию, стал активистом палестинского национального движения, членом палестинского национального совета, приобрел репутацию главного специалиста по палестинскому вопросу в США, критика сионизма, в результате чего оппоненты навесили на него ярлыки «врага европейской цивилизации» и «профессора террора». Такими же полярными по характеру были отклики в средствах массовой информации на смерть Э.В.Саида. В США в посмертных публикациях о нем писали как о «самом блестящем интеллектуале за последние 50 лет», «талантливым ученом», «тонком критике», и в то же время в газете «Нью-Йорк дейли ньюз» была опубликована статья Зеева Хейфеца, в которой, в частности, говорилось, что книги Саида «послужили делу джихада лучше, чем батальоны Осам Бин Ладенов» [2, С. 598—599].

К настоящему времени на русском языке опубликованы две крупные работы Э.В.Саида — «Ориентализм. Западные концепции Востока» (1978, вт. изд. 1995) и «Культура и империализм» (1993), которые вполне репрезентативно передают взгляды Э.В.Саида на то, как ему видятся отношения между Западом и Востоком в мировой истории [2; 1]. Стимул к оформлению «постколониальных исследований» как направления в исторической науке, в сущности, как раз и был задан появлением книги «Ориентализм».

Э.В.Саид обобщил те ментальные установки и интеллектуальные практики, при помощи которых в европейской культуре сложилась особая традиция репрезентации Востока, то есть истолкования и оценки его истории и культуры, которые он назвал «ориентализмом». В его трактовке, «ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком», «знак европейско-атлантической власти над Востоком» [2, С. 10, 14]. По словам Саида, «Восток — это почти всецело европейское изобретение... Восток помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт» [2, С. 7—8]. По мере проникновения европейцев на Восток в XIX веке были созданы французское «Азиатское общество», английское «Королевское азиатское общество», «Немецкое восточное общество» в Германии, «Американское восточное общество». Эти научные институты, в трактовке Саида, были созданы не только для того, чтобы познавать Восток, но также и для того, чтобы повелевать им. Европейцам нужно было найти уязвимые точки в восточных культурах для того, чтобы дать колониальным администраторам практические советы по эффективному управлению подвластными им территориями. Собранное европейцами знание о Востоке стало также способствовать насаждению выгодного европейским колонизаторам понимания того, чем является Восток. Рассуждая в постмодернистском духе о роли языка в конструировании познаваемого человеком окружающего мира, Саид отмечает, что «тексты могут порождать не только знание, но и саму описываемую ими реальность» [2, С. 146—147].

Саид упрекает европейцев в том, что они склонны на узкой фактической базе делать широчайшие обобщения о характере восточных обществ и культуры, причем о Востоке в целом. В результате воздействия ориентализма на общественное мнение типичные представления о Востоке в Западной Европе свелись, по словам Саида, к банальностям вроде того, что «восточный человек живет на Востоке и ведет праздную восточную жизнь в государстве восточной деспотии и похоти, отягощенный чувством восточного фатализма». Подобные обобщения даже расценивались в европейской культуре как бесспорные и вполне разумные [2, С. 160].

В XIX веке европейские исследователи насаждали представление о восточной культуре как отличающейся обостренной чувственностью, склонностью к деспотизму, спутанной ментальностью, неаккуратностью, проповедуя также деление человечества на развитые и отсталые расы. В связи с этим Саид цитирует сочинение Ф.Р.Шатобриана «Путешествие из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж» (1810—1811), где известный французский писатель, характеризуя восточные народы, в особенности имея в виду мусульман, заявлял: «о свободе им ничего не известно; о пристойности они не имеют ни малейшего понятия: сила — вот их Бог. Если в течение длительного времени они не встречают завоевателя, творящего божественную справедливость, то становятся подобны солдатам без полководца, гражданам без законодателя, семье без отца» [2, С. 271]. Покорение Западом Востока в итоге оказывается вовсе не покорением, а освобождением.

Даже во второй половине XX века после распада колониальной системы, как считает Э.В.Саид, принципиальных изменений в оценке Западом Востока не произошло. В западной культуре, в том числе и в академической среде, поддерживается карикатурный образ Востока, особенно арабского мира. Образ еврея после создания государства Израиль и его военных побед на Западе героизировался, в то время как по отношению к арабам регулярно задается вопрос: по какому праву арабы угрожают развитому, свободному, демократическому миру Запада? В кино и на телевидении арабы предстают либо как распутники, либо как кровожадные негодяи. Араб выступает как сексуально озабоченный дегенерат, способный на хитроумные козни, но все же, по сути своей, араб — это садист, предатель и мерзавец. В кинохрониках и на фото в газетах арабов всегда показывают большими массами — никакой индивидуальности, никаких личностных характеристик или личного опыта. Насаждается мнение, что никаких изменений по сравнению с временами смертельной вражды с исламом в средние века не произошло. Э.В.Саид даже нашел в одном из американских школьных учебников упоминание об основателе ислама Мухаммаде как «богатом бизнесмене из Аравии, который считал, что именно арабы избраны, чтобы править миром» [2, С. 439—440].

В последней четверти XX века, и, по сути дела, по сей день основные догматы ориентализма в отношении арабов и ислама сохраняются в совершенно нетронутым виде. Рассматривая эти познавательные штампы, Э.В.Саид отмечает, что западные исследователи, во-первых, проводят абсолютное и систематическое различие между Западом — рациональным, развитым, гуманным, и Востоком — аберранным, неразвитым, низшим. Следующая догма — это предпочтения, которые отдают абстракциям по поводу Востока перед непосредственными свидетельствами реалий современного Востока. Третья догма — насаждение мнения, что Восток вечен, единообразен и неспособен определить сам себя. Поэтому считается, что при описании Востока не обойтись без генерализованного и систематического словаря, представляющего Восток с западной, научно объективной точки зрения. Четвертая догма — что Восток, по сути, есть нечто такое, чего либо следует бояться, либо держать под контролем. Для западных исследователей все еще существуют такие вещи, как исламское общество вообще, арабский ум вообще, восточная душа как таковая. Игнорируются произведения художественной литературы как исторический источник, что Э.В.Саид считает крупным недостатком, поскольку при таком подходе образ страны, народа, региона дегуманизован. Штампы по поводу поведения мусульман распространяются с такой беззаботностью, какую никто не может позволить в отношении чернокожих или евреев. Сопrotивляющийся палестинец-араб выглядит в глазах Запада либо как тупой дикарь, либо как ничтожная в моральном и даже экзистенциальном отношении величина [2, С. 447, 463—465].

При этом ориенталисты признают силу семьи в арабском мире, чем объясняют многочисленность и плодовитость арабов, но подчеркивают слабость арабского ума. Арабам остается лишь «могучее сексуальное влечение» как их важная черта, которую у них не отнять. Араб только и занят сексуальным самовоспроизводством. Ориенталисты отмечают, что у арабов экономическая кооперация, организация экономического предприятия — семейное дело, в котором очень редко можно встретить кого-то, кто не является кровным родственником или хотя бы выходцем из одной деревни. В результате насаждается представление, что в институциональном, политическом, культурном отношении араб — это ноль, или почти ноль, а вот как производители семей в численном отношении арабы кое-что значат. Ориенталистами создана карикатура араба — либидозная энергия сексуального характера толкает араба к деятельности, но собственных мозгов для осмысления происходящего вокруг у араба не хватает, поэтому араб — марионетка, бессмысленно уставившаяся на окружающий мир и современный ландшафт. Араб не может ни понять окружающий мир, ни совладать с ним. Так и выглядят в освещении западных средств массовой информации действия арабов, например, против Израиля. В телевизионных кадрах бородатые люди бросают в израильтян камни, запускают в них ракеты, но из всего этого, как проводится мысль, может выйти только какая-нибудь очередная бестолковщина [2, С. 476—483].

Даже освещение и понимание истории исламского мира в западных понятиях, в политических терминах правового и левого, прогрессивного и консервативного некоторые современные западные специалисты считают неуместными. Так, Э.В.Саид привлекает внимание к статье американского арабиста Бернарда Льюиса «Исламские концепции революции» [3]. Б.Льюис анализирует смысл и подтекст слова *thawra* (ас-саура), используемого в арабском языке для обозначения революции. В арабском это слово означает «встать», «поднять» (например, верблюда), «быть взволнованным или возбужденным», «поднимать мятеж», «бунтовать». Это слово арабские авторы в XIX веке использовали по отношению к Французской революции, а сейчас используют для выражения одобрения революциям своего времени. Уже в такой трактовке этимологии слова «революция» (ас-саура) Э.В.Саид видит средство дискредитации революции: цель Льюиса, по словам Саида, явно в том, чтобы принизить революцию до чего-то не более благородного, чем встающий верблюд. Ироничная ученость Льюиса направлена на то, чтобы показать: революционные волнения среди арабов имеют такие же последствия, как встающий верблюд, и заслуживают такого же внимания. К тому же, один из компонентов смысла слова *thawra* — «возбуждение», так что американский ориенталист намекает, что революция — это вовсе не борьба во имя определенных ценностей, а действие, имеющее сексуальный оттенок: «взволновать», «возбуждать», «вставать» [2, С. 487—488].

В настоящее время репрезентация арабского мира, его политики, истории и культуры по-прежнему находится в распоряжении Запада. Нет ни одного крупного журнала по арабистике, который выходил бы сегодня в арабском мире, и нет ни одного арабского научно-образовательного учреждения, способного бросить вызов в области изучения арабского мира таким признанным центрам, как Оксфорд, Гарвард, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. На Востоке нет серьезных научных учреждений, которые занимались бы изучением западного мира, и даже значительных научных центров, изучающих сам Восток. Арабский мир является сегодня, как отмечает Э.В.Саид, интеллектуальным, политическим и культурным сателлитом США. Современный Восток сам участвует в собственной ориентализации и не может бросить интеллектуальный вызов западному миру. Западный же мир продолжает насаждать отвечающее его интересам представление о Востоке, об исламе, арабском мире. И такая ситуация будет сохраняться, пока Восток не сможет найти интеллектуальные ресурсы для своей оценки деятельности Запада и донести ее до остального мира. Как образно пишет в связи с этим Э.В.Саид, «если кто-то в книге о льве написал, что лев свиреп, от льва и ждут свирепости... Книги про свирепых львов будут существовать до тех пор, пока львы не смогут нам как-нибудь ответить» [2, С. 146—147]. Эти слова Э.В.Саида можно трактовать и так, что Восток тогда сможет подвергнуть Запад обоснованной и эффективной интеллектуальной критике, когда львы заговорят человеческим языком, то есть никогда.

Литература

1. Саид Э. Культура и империализм. СПб., 2012.
2. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.
3. Lewis B. Islamic Conceptions of Revolution // Vatikiotis P.J. (Ed.). Revolution in the Middle East and Other Case Studies: Proceedings of a Seminar. London, 1972.

М.В.Жолудов

г.Рязань

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

К ВОПРОСУ О ЕВРОПЕЙСКОМ СЛЕДЕ В ДЕКАБРИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ

Движение декабристов в России в первой четверти XIX в. было составной частью всеобщей революционной борьбы со Старым порядком. Глубоко национальное по своей природе, порожденное, прежде всего объективными потребностями развития России, это движение вместе с тем находилось в тесной связи с общим ходом исторического процесса XVIII—XIX вв.

Великая французская революция конца XVIII в. и последовавшие за ней наполеоновские войны до основания потрясли европейское общество, поставив перед ним целый ряд серьезнейших социально-политических задач. Передовые умы Европы отчетливо видели насущную необходимость радикального переустройства современного им строя. Поэтому неудивительно, что сразу же после завершения войн с Наполеоном (то есть после 1815 г.) во многих европейских странах, в том числе и в России, зарождаются радикальные, освободительные движения.

Несомненно, что идеологической базой радикальных движений в России и странах Европы в указанный период были идеи европейского, и прежде всего французского, Просвещения и французской революции конца XVIII в. Центром радикальной антифеодальной мысли тогда была Франция. Работы французских просветителей XVIII в., обосновывавшие необходимость переустройства общества на новых, буржуазных

началах, призывавшие к борьбе за свободу, равенство, гражданские свободы, были широко известны не только в странах Западной Европы, но и в России. Уже во второй половине XVIII в. просветительские идеи вызвали большой интерес у многих представителей русской интеллигенции. Проникновение в Россию трудов Вольтера, Руссо, Монтескье, Дидро, их основательное изучение продолжалось и в XIX в., несмотря на все строгости царской цензуры по отношению к этим произведениям и репрессии к их русским читателям [7]. Французская просветительная философия XVIII в. и передовая политическая литература начала XIX в. оказали значительную помощь формированию мировоззрения просвещенных русских людей, и прежде всего декабристов. «Имена знаменитых французских публицистов были в России так же популярны, как и у себя на родине», — писал декабрист Н.И.Тургенев, имея в виду начало XIX в. Французские просветители, по его словам, «как будто предприняли политическое воспитание ... континента» [9, С. 60]. Поэтому неудивительно, что на следствии на традиционный вопрос: «С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, то есть от сообщества ли или внушений других или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно?» Большинство декабристов в числе прочих факторов отмечало определенное влияние на формирование их воззрений произведений французских просветителей [7, С. 367—368]. Те насущные задачи, которые стояли перед Россией и которые в некоторой степени были разрешены или разрешались в тот период в Западной Европе, обусловили значительное внимание русской интеллигенции к идейной и политической жизни западноевропейских государств.

В конце XVIII в. передовые представители России проявляли большой интерес к Великой французской революции. Эта революция и в России, и в других европейских странах привела к большим сдвигам в умах людей [4; 6; 8]. Многие русские современники из различных слоев общества смогли увидеть в революции во Франции начало новой исторической эпохи — эпохи антифеодальной борьбы и буржуазных преобразований. Сложная социально-политическая ситуация в России, вызванная сохранением крепостного права и самодержавия, и революционные события на Западе заставляли передовую русскую интеллигенцию глубже задумываться над основными причинами исторического развития, по-своему пытаться осмыслить философские построения и выводы французских просветителей. Декабристы, чьи социальные воззрения развивались самостоятельно, но с учетом достижений общественной мысли Запада и которые были хорошо знакомы с новейшими достижениями современной им европейской демократической мысли, довольно глубоко, а подчас и критически разбирали теоретические положения европейских, и особенно французских просветителей XVIII в., а также некоторых философов и историков начала XIX в. Декабристы, поставившие перед собой цель уничтожить самодержавие и ликвидировать крепостничество, выступали за решительные, революционные методы борьбы. Объективно эта задача соответствовала и задачам европейских радикальных движений.

Декабристы также пытались перенять и практический, организационный опыт революционно-радикальных движений Европы. Например, они изучали опыт итальянских карбонариев. В принципах организации русских тайных обществ (при всем их своеобразии и самобытности) и карбонарских венд можно обнаружить общие черты. Более всего сходство улавливается между вендами и «Обществом объединенных славян». Как и карбонарии, члены этого общества стремились к расширению рамок организации (в отличие от членов поздних декабристских обществ). Дошедшие до нас документы «Общества объединенных славян» — «Правила» и «Клятва» — во многом напоминают карбонарские катехизисы и клятвы [5, С. 97].

Информацию о деятельности карбонариев некоторые декабристы могли получить из первых рук — от итальянца Мариано Джильи, который оказался в Петербурге в конце 1819 г. Во время следствия по делу декабристов выяснилось, что он был членом декабристского тайного общества «Хейрут». Будучи преподавателем итальянского языка и математики у декабриста Д.А.Искрицкого, Джильи рассказывал своему ученику об итальянских карбонариях. «О сем итальянце Искрицкий говорил мне, — заявил декабрист Г.А.Перетц Следственному комитету, — что он карбонарий, бежавший из своего отечества» [5, С. 98].

Многие декабристы в своих показаниях на следствии, а также в написанных ими много лет спустя мемуарах говорили о серьезной роли в формировании их взглядов революционных событий в Европе. П.И.Пестель, например, признавался: «...Происшествия в Неаполе, Испании и Португалии имели тогда большое на меня влияние...» [2, С. 91]. А.П.Беляев вспоминал: «Много также нашему либерализму содействовали и внешние события, как-то: движение карбонариев...» [1, С. 488]. Особенно сильное воздействие оказали революции в Италии на декабриста А.В.Поджио, итальянца по происхождению. Фактически, они явились исходным моментом его свободомыслия. «Впал в сравнения, — показывал он на следствии, — и тут стал убеждаться в необходимости видеть и свое отечество ... наряду с просвещеннейшими народами... Дух преобразования взволновал народы. Испания, Неаполь, Пьемонт, Греция вслед одни за другими приняли образ свободного правления» [3, С. 37].

Таким образом, можно с полной уверенностью сказать о существовании органической связи между декабристским восстанием в России и радикально-освободительными движениями в Европе. Восстание декабристов можно рассматривать как последнюю вспышку революционного пламени, охватившего Европу в 20-е гг. XIX в.

Литература

1. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом // Русская старина. 1881. Март.
2. Восстание декабристов. Материалы. Т. 4. М.; Л., 1925.
3. Восстание декабристов. Материалы. Т. 11. М., 1954.
4. Итенберг Б.С. Россия и Великая французская революция. М., 1988.
5. Ковальская М.И. Итальянские карбонарии. М., 1977.
6. Ланда С.С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975.
7. Семенова А.В. Д.Дидро и декабристы // Великая французская революция и Россия / Под ред. А.В.Адо и В.Г.Сироткина. М., 1989.
8. Семенова А.В. Декабристы и Французская революция конца XVIII в. // Новая и новейшая история. 1989. № 3.
9. Тургенев Н.И. Россия и русские. М., 1915.

Д.М.Иzubчиков, В.Н.Ерохин

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный университет

ФОРМА ГОСУДАРСТВА В АНГЛИИ В XVI ВЕКЕ И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В английской политической мысли XVI века реформационный период повлек за собой актуализацию вопроса о том, какая политическая форма существует в стране. После разрыва с римско-католической церковью и выхода Англии из церковной юрисдикции папской курии, законодательным выражением чего стало принятие по инициативе короля Генриха VIII Тюдора (1509—1547) английским парламентом Акта о королевском верховенстве в церкви (Act of Supremacy) 30 марта 1534 года, возникла необходимость в переосмыслении того, в чем после этого заключаются властные полномочия английского монарха. Современники стремились уяснить, в чем теперь состоят, с одной стороны, прерогативы в управлении страной, принадлежащие монарху, а, с другой стороны, каковы права, возможности воздействия на королевскую власть, компетенция и законодательные полномочия парламента. Этот вопрос оказался дискуссионным и для англичан, живших в реформационную эпоху, и для современных историков. Споры о королевской прерогативе в Англии долго будоражили умы и стали одним из идейных источников в происхождении Английской революции середины XVII века.

Повод для того, чтобы обсудить вопрос о форме правления, существовавшей в это время в Англии, был вполне обоснованным. Английский монарх в результате Реформации, подчинив своей власти церковь, был избавлен от единственного внешнего ограничения суверенитета со стороны Рима, вследствие чего в Англии в окружении монарха в оценке полномочий королевской власти стал отстаиваться тезис, согласно которому теперь власть английского монарха стала подлинно неограниченной, имперской по характеру. В то же время под влиянием проведения Генрихом VIII религиозных реформ и его действий совместно с парламентом в Англии появилось мнение, что форма правления в стране может быть названа «смешанной политией», при которой монарх разделяет суверенитет с парламентом. Королевская воля на разрыв с Римом была реализована не в виде королевского указа, а на основе использования механизма парламентского законодательства. Этот прецедент, как и все другие значимые факты действий монархов в управлении страной в согласии с парламентом и с опорой на него, впоследствии активно использовала вдохновляемая пуританами парламентская оппозиция Карлу I Стюарту (1625—1649) накануне и в ходе Английской революции середины XVII века. Но и ранее в XVI веке представление о том, что монарх в Англии должен править совместно и в согласии с парламентом, было широко распространено. Тезис о «смешанной политике» был воспринят многими государственными должностными лицами и общественными деятелями в Англии: в частности, этот тезис разделял известный деятель пуританского движения пресвитерианин Томас Картрайт (1535—1603), а до событий 1587 года, связанных с казнью Марии Стюарт — сам государственный секретарь Уильям Сесиль, лорд Берли (1520—1598), так что этот подход не был исключительно пуританским.

Уильям Сесиль примерно до 1587 года полагал, что прерогатива монарха в Англии ограничена еще и влиянием Тайного совета, а также считал, что для проведения серьезных политических и религиозных реформ необходимо согласие всего королевства через его представителей в парламенте [1, С. 132].

Далее же во второй половине 1580-х годов в связи с обострением внешнеполитической угрозы Англии со стороны католической Испании, опасений активизации сохранившихся в постреформационный период и продолжавших свою деятельность английских католиков внутри страны, как считают исследователи, сложились условия для того, чтобы Елизавета проявила себя как единоличная правительница государства, опираясь на прецедент. В начале февраля 1587 года Елизавета подписала распоряжение (warrant) о казни Марии

Стюарт, и приказала своему секретарю Уильяму Дэвисону не показывать его никому, кроме государственного секретаря Уолсингема. Узнав об этом, Уильям Сесиль, занимавший тогда пост лорда-казначея и входивший в Тайный совет, созвал десятерых членов Тайного совета, которые решили немедленно передать это распоряжение в замок Фотерингей для приведения его в исполнение, и Мария Стюарт была казнена. Елизавета же в сложившейся ситуации грозила повесить Дэвисона, так как через него произошла «утечка информации», а действия Сесиль с остальными десятью членами Тайного совета преподносила как «смесь влияния республиканизма и консилиаризма», поскольку она в вопросе о Марии Стюарт ничего конкретного этим деятелям предпринимать не приказывала. Хотя Елизавета была не прочь тем или иным способом избавиться от Марии Стюарт и ее недовольство своим окружением за ускорение расправы с шотландской королевой может быть истолковано как лицемерное политиканство, в гнев Елизаветы, с формально-правовой точки зрения, был свой резон — в условиях монархического правления самостоятельные действия придворных королева имела основания преподносить как опасное своеволие, учитывая то, что Елизавета в управлении государством тяготела к тому, чтобы не считать себя связанной какими-либо обязанностями перед парламентом. Положение парламента в системе управления при Тюдорах действительно было таково, что парламент всегда созывался лишь по воле монарха без какой-либо установленной периодичности, парламентские полномочия в управлении страной не были четко определены.

Сесиль на случай смерти Елизаветы имел план исключить Марию Стюарт из наследования английского престола, рассмотреть с парламентом протестантские кандидатуры на престол и выбрать подходящего протестантского монарха, хотя полномочия Тайного совета со смертью монарха традиционно истекали, и Сесиль, таким образом, собирался управлять страной, опираясь на временное правительство. Этот план действий впоследствии, в сущности, был реализован в ходе Славной революции 1688 года, но такие действия Тайного совета в Англии в это время мотивировались только необходимостью защиты протестантизма. После казни Марии Стюарт идея о «смешанной политике» в Англии «вышла из моды», и как политическая норма была восстановлена идея о существовании в стране сакральной монархии как божественного установления. В 1590-е годы у Елизаветы проявилась тенденция к установлению личного правления.

В Шотландии единоличное правление монарха отстаивал Яков VI Стюарт, будущий английский король Яков I (1603—1625), выступавший против идей смешанного правления и народного суверенитета, которые в 1590-е годы стал пропагандировать с тактическими целями живший в эмиграции на европейском континенте известный английский иезуит Роберт Парсонс (1546—1610), надеясь, что распространение в Англии идей о необходимости согласия подданных на вступление монарха на престол помешает Якову VI занять английский трон после смерти Елизаветы Тюдор. Яков I после 1603 года повел пропаганду патриархальных форм правления, объяснял право монарха и епископов на власть божественным происхождением этого установления, не подлежащим обсуждению. Таким образом, если при Генрихе VIII и поначалу в правление Елизаветы Тюдор, хотя монархия рассматривалась концептуально как сакральная, с разрешения монарха парламент и Тайный совет могли обсуждать важнейшие государственные вопросы, впоследствии, после казни Марии Стюарт, Елизавета вернулась к отстаиванию права на единоличную власть, при которой парламент действовал лишь по воле монарха [1, С. 135—137].

Литература

1. The Sixteenth Century 1485—1603 / Ed. by P. Collinson. Oxford, 2002.

Е.С. Косых

г. Стерлитамак

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета

ПОЗИЦИЯ СТРАН АНТАНТЫ ПО РУССКОМУ ВОПРОСУ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919 г.

Первая мировая война коренным образом изменила политическую карту мира. В центре системы международных отношений вновь оказалась борьба за мировое лидерство и военное превосходство.

18 января 1919 г. в Париже начала работу конференция для выработки мирных договоров с Германией и ее союзниками. В работе конференции участвовали делегаты из 27 стран, но ключевую роль играли США, Франция и Великобритания, которых представляли соответственно президент Вудро Вильсон, премьер-министр Жорж Клемансо и премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж — «большая тройка».

Официально великие державы заявили о своем стремлении создать такую систему международных отношений, где уважением пользовались бы право наций на самоопределение и экономическое равноправие государств. На деле организаторы Парижской конференции имели различные интересы: геополитические, экономические, военные. Они стремились использовать итоги войны для укрепления своих международных

позиций. Новая система международных отношений разделила мир на победителей и побежденных. Германия и Россия оказались в роли стран-изгоев [7, С. 208].

Россия не принимала участия в Парижской конференции. В стране полным ходом шла гражданская война, и судьба правительства большевиков не была очевидна. По границам бывшей империи возникло с десяток национальных государств и правительств, добивавшихся признания. Многие из них отправили на конференцию своих представителей.

К моменту открытия конференции на российской территории в разных районах находились британские, французские и японские войска, продолжался мятеж чехословацкого корпуса. Бывшие союзники по Антанте забыли об огромных жертвах, принесенных Россией на алтарь общей победы: Россия мобилизовала в армию 15,8 млн. человек; ее потери составили почти 4,5 млн. человек убитыми и попавшими в плен, ранеными и больными — 4,3 млн. [8, С. 23]

Значительное внимание конференция уделила «русскому вопросу» [10, С. 11]. Ведущие западные политики пытались понять, что происходит в России, каковы возможные последствия этих событий для соседних стран и какой позиции следует им придерживаться. «Почти неразрешимая проблема», — так оценил президент Вудро Вильсон стоящую перед ним задачу [6, С. 16].

В ходе работы конференции обсуждался вопрос о том, кто должен представлять Россию: московское правительство большевиков или омское Колчака. Лидеры Белого движения в конце 1918 г. образовали Русское политическое совещание (РПС). На конференции это «совещание» представляла Русская политическая делегация. В нее вошли бывшие премьер-министр Временного правительства князь Г.Е.Львов, министр иностранных дел царского правительства С.Д.Сазонов, послы Временного правительства В.А.Маклаков и Б.А.Бахметьев и др. Делегацию возглавил Б.А.Бахметьев. Члены «совещания» делали ставку на Колчака.

Ллойд Джордж и Клемансо склонялись к признанию Колчака, но Вильсон высказался против. Причиной тому были не симпатии к Советской России, а прагматический расчет. Американский президент после поражения Германии не мог позволить странам Антанты еще больше изменить ситуацию на Европейском континенте.

Но для участия в конференции не пригласили ни белых, ни красных. Россия, заключившая сепаратный мир с Германией, лишилась права участвовать в выработке мирного договора. Кроме того, Вильсон считал, что Россия, потерявшая свои западные территории — Польшу, Прибалтику, Финляндию, Украину, а также Сибирь, такая Россия как государство уже не существует [3, С. 279—280].

В первые месяцы работы конференции среди стран-победительниц не было единства по русскому вопросу. Франция полагала, что необходимо усилить военное давление на большевиков. Великобритания, опасаясь чрезмерного усиления французского влияния на континенте, при поддержке США призывала к осторожности. Хотя в одном они были едины — в необходимости ликвидировать большевистскую угрозу.

Противоречия возникали, когда речь шла о методах достижения этой цели. Одна группа политиков (Ж.Клемансо, Ф.Фош, У.Черчилль) выступала против любых компромиссов с Советами, за ликвидацию советского режима военным путем. Летом 1918 г. Антанта и США предприняли интервенцию в Россию. По подсчетам известного британского исследователя М.Макмиллана, в конце 1918 г. на ее территории находилось до 180 тыс. иностранных войск [6, С. 19]. Однако союзники были, скорее, сторонними наблюдателями, чем активными участниками происходившей в России борьбы.

Западные политики преследовали свои цели: не только большевики, призывавшие к мировой революции, не пользовались их симпатией, но и белые, отстаивавшие идеи возрождения сильной, неделимой России. Как подметил У.Черчилль: «Можно подумать, что мы стремимся просто продлить эту войну, помогая обеим сторонам одновременно сражаться друг с другом» [6, С. 19]. Запад хотел видеть Россию раздробленной, вне зависимости от того, будет она белой или красной. Поэтому поддержку получили новообразовавшиеся на окраинах бывшей Российской империи государства. Таким же было и отношение к поверженной Германии, потерявшей не только колонии, но и значительную часть своей территории.

В.Вильсон и Д.Ллойд Джордж сомневались в эффективности интервенции и стремились использовать тяжелое положение Советской России, чтобы продиктовать ей свои условия решения «русского вопроса». Именно по их инициативе были предприняты попытки начать переговоры с Москвой [4, С. 45].

По настоянию англо-саксонских держав в январе 1919 г. союзники выступили с предложением созвать на Принцевых островах в Мраморном море конференцию союзников с участием всех правительств, действовавших к тому времени на российской территории. Из этой инициативы ничего не вышло. Условием примирения было сохранение за каждым из режимов той территории, которую он реально контролировал. Московское правительство, так же как и советские правительства Украины (в Харькове) и Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (существовавшей с февраля по август 1919 г.) в принципе согласились с проектом конференции. Их главной целью было хотя бы приостановить наступление белых и выиграть время.

Однако против любых договоренностей с Москвой выступили Колчак и Деникин. Они сообщили о своем отказе от плана Вильсона, так как считали свои позиции прочными и не видели необходимости компромисса с большевиками. Франция оказывала белым существенную помощь и делала ставку на свержение большевиков силой. На мнение французского правительства воздействовала многочисленная русская белая эмиграция. Проект конференции был провален.

Дипломатия Российской республики также не бездействовала. Еще в начале 1918 г. в беседе с американским представителем в России полковником Робинсом В.И. Ленин упомянул о возможности предоставления концессий иностранному капиталу. А в мае 1918 г. Совнарком РСФСР сделал первые официальные предложения [2, С. 43]. Концессиями предполагалось откупиться за сепаратный выход из войны, национализацию иностранной собственности и аннулирование долгов. Но в условиях хаоса и неразберихи гражданской войны эти предложения не имели последствий. Большевики демонстрировали готовность идти на уступки. В Стокгольм был отправлен член коллегии НКВД М.М. Литвинов [8, С. 26].

После провала идеи проведения конференции на Принцевых островах встал вопрос: как быть? Военный министр Великобритании У. Черчилль требовал расширения интервенции, увеличить иностранный военный контингент в районе Архангельска [8, С. 27]. Его поддерживал и маршал Ф. Фош.

США были против. Американцы предложили вступить в переговоры с Москвой и смогли отстоять свою точку зрения. С этой целью в конце февраля 1919 г. втайне от Франции в Москву был откомандирован американский специальный представитель Уильям Буллит. В ходе переговоров 7—9 марта 1919 г., при участии Ленина, был согласован план нормализации отношений Советской России с Антантой. Буллит сформулировал основные принципы, на которых страны Антанты предлагали урегулирование отношений с советским правительством: признание власти всех существовавших на тот момент на территории бывшей Российской империи правительств; вывод иностранных войск; прекращение иностранной помощи антибольшевистским правительствам; отмена экономической и политической блокады; предоставление права гражданам России и союзных государств свободно перемещаться через границы; обеспечение гарантированной свободы прохода транзитных грузов по всей территории бывшей Российской империи; освобождение военнопленных и политических заключенных. Важным пунктом было признание всеми существовавшими в России правительствами царских долгов [9, С. 71—72].

Эти предложения были рассмотрены советским правительством. Оно, в принципе, готово было пойти навстречу и, как выразился народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин, «откупиться» [7, С. 209]. Однако продолжения не последовало. В марте — апреле 1919 г. началось наступление войск Колчака, и Антанта заняла откровенно антисоветскую позицию. К тому же в марте 1919 г. в Москве прошел I Конгресс Коминтерна, поставивший основной целью форсирование социалистической революции в Европе.

Тем не менее, документы Парижской мирной конференции предусматривали возможность будущего отдельного урегулирования отношений с Россией. В Версальском договоре были оговорены права России на получение в будущем реституций с Германии (ст. 116) [1, С. 259]. Страны Антанты понимали невозможность построить прочный международный порядок без участия России.

Хотя к определению границ России с ее недавно образовавшимися соседями великие державы подходили с большой осторожностью, особенно к границам Польши и стран Прибалтики, ставшими «санитарным кордоном» вокруг России. На обсуждение не были приглашены ни большевики, ни русские представители прежних правительств. Лидеры Белого движения были резко против решения Парижской конференции «финского», «польского», «прибалтийского», «бессарабского» вопросов. А большевики проявили гибкость и прагматизм, предоставив независимость Финляндии, проявили готовность к признанию прибалтийских государств. Все эти уступки рассматривались ими как временные, до начала мировой революции.

С февраля 1919 г. великие державы приняли решение активизировать давление на большевиков, однако при этом прекратив свое непосредственное вмешательство в российские дела, полностью вывести контингенты с российской территории и увеличить помощь антибольшевистским силам внутри России, а также ее странам-соседям. Ни один из аспектов «русского вопроса» решить не удалось.

Все попытки держав-победительниц нормализовать отношения с Советской Россией закончились безрезультатно. Основной причиной была не столько неуступчивость большевистской стороны, сколько непоследовательность позиции самих западных стран.

Литература

1. Версальский договор 28 июня 1919 г. // Пономарев М.В., Смирнова С.Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: Практическое пособие: В 3 ч. М., 2000. Ч. 2.
2. Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и в СССР. М., 1990.
3. Иванян Э.А. У истоков советско-американских отношений. М., 2007.
4. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1918—1945 гг. / Л.С. Белоусов, И.В. Григорьев, В.П. Смирнов и др.; Под ред. Е.Ф. Язькова. М., 2004. С. 45.
5. Козенко Б.Д. Миротворчество США в — 1916 гг. (Характер и цели) // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 72—84.
6. Листиков С.В. Великие державы и «русский вопрос»: решения Версальской мирной конференции 1919—1920 годов и их последствия // Российская история. 2011. № 5. С. 15
7. Пономарев М.В. История стран Европы и Америки в новейшее время. М., 2006. С. 208.
8. Севостьянов Г.Н. Москва — Вашингтон: На пути к признанию. 1918—1933. М., 2004.
9. Системная история международных отношений в двух томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 1. События 1918—1945 годов. М., 2006. С. 71—72.
10. Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ RESPUBLICA LITERARIA (ЗА ПЕРЕПИСКОЙ ФИЛИППА МЕЛАНХТОНА)

Противоречивые и конфликтные процессы немецкой Реформации были явлениями многоаспектными и непосредственно затрагивали многих личностей, задействованных в церковных и культурно-образовательных сферах.

В значительной мере это утверждение касается известного гуманиста и реформатора, а также университетского преподавателя Филиппа Меланхтона (1497—1560). Его религиозная и гуманистическая деятельность неоднократно становилась объектом исследований, однако некоторые ее аспекты еще не получили должного освещения в историографии. Речь, в данном случае, идет о коммуникативной стратегии Меланхтона в эпоху религиозных распрей и следствии данной стратегии — укреплении и популяризации общества ученых-гуманистов, получившего название «*respublica literaria*» (республика ученых).

Напомним, что термин *respublica literaria* имел несколько значений, однако его семантическое поле все же зафиксировалось вокруг термина «республика ученых», подразумевающего содружество гуманистов в разных концах Европы, которые предпочитали личную коммуникацию письменной.

Наряду с выдающейся личностью Эразма Роттердамского, считавшегося общепризнанным главой *respublica litteraria*, были и другие мыслители, благодаря активной коммуникативной деятельности которых создавались условия для расширения культурного пространства республики ученых. Коммуникация реализовывалась в разных формах, включая личные встречи и беседы с глазу на глаз в рамках дружественных визитов. Однако определяющей и основной формой взаимодействия оставалась переписка. Для современных исследователей гуманистическая переписка, выработавшая собственные правила и стиль составления писем, является неисчерпаемым источником изучения такого яркого явления в интеллектуальной жизни Западной Европы как *respublica litteraria*. В значительной мере это касается и эпистолярного наследия гуманиста и реформатора Филиппа Меланхтона.

В данной статье предпринята попытка выявить роль рекомендательных писем Филиппа Меланхтона в укреплении и популяризации *respublica literaria*, уточнить место гуманистической переписки в нивелировании идеологических разногласий между представителями противоположных идеологических спектров и преодолению существующей культурной и научной изолированности Германии.

Хоть и привлекаемыми источниками исследования будут письма Меланхтона, тем не менее, мы сфокусируем внимание только на достаточно узком сегменте этого типа источников — на рекомендательных письмах. Заметим, что рекомендательные письма, которые, к сожалению, еще не стали объектом тщательного исследования в современной историографии [1, С. 293], являются перспективными и информативными источниками для исследования заявленной проблематики. С другой стороны, рекомендательные письма незаменимы при исследовании рецепции античных практик, ставших в эпоху конфессиональных конфликтов важным средством поиска компромисса и мира на межличностном уровне. Нужно так же принять во внимание, что именно эти источники позволяют более четко обозначить круг общения гуманиста, личные географические и социальные границы коммуникации, а также его роль в распространении новой религиозности в раннемодерной Европе.

Напомним, что практика составления рекомендательных писем сложилась еще в античные времена. В средние века этот жанр был частично подзабыт, но его новый расцвет наступил в Италии с распространением гуманизма, когда благодаря поисковой работе Франческо Петрарки в библиотеке собора Вероны была найдена корреспонденция Цицерона с большим количеством рекомендательных писем [9, С. 3]. Собственно, с Петрарки и Колюччо Салютати, когда-то сухие дипломатические формулы превратились, без преувеличения, в литературное искусство. С годами была разработана теоретическая основа этого жанра корреспонденции и возникли различные руководства для составления писем — письмовники. Наиболее известные «руководства-письмовники» конца XV — начала XVI в. принадлежат перу Эразма Роттердамского [4] и испанского гуманиста Хуана Вивеса. Гуманист и реформатор, профессор Виттенбергского университета Филипп Меланхтон также не оставил без внимания этот жанр [8, С. 182] и, судя по оставленному им эпистолярному наследию, рассматривал его не только с точки зрения возможностей общения с коллегами-единоверцами, но и видел в нем действенное средство коммуникации со сторонниками старой веры.

Известно, что Меланхтон после знакомства с Мартином Лютером превратился в приверженца Реформации. Ангажированность новым учением, конечно же, сразу поставила Меланхтона в идеологическую оппозицию ко многим известным гуманистам, которые хотя и ратовали за внутренне церковную реформу, однако оставались в лоне старой церкви и, следовательно, выступали против радикальных шагов Мартина Лютера.

Известный спор Эразма с Лютером о свободе воли, имел прямые последствия для Меланхтона. Ведь находясь между наиболее яркими представителями двух определяющих течений XVI века — гуманизмом и Реформацией, Меланхтон при всей своей толерантности не смог избежать негатива идеологической борьбы и примирить «*studia humanitatis*» и «*sola Scriptura*». Однако если ему и не всегда удавалось дистанцироваться от идеологической конфронтации, то это не помешало в течение всей жизни сохранять и поддерживать дружеские связи с различными идеологическими лагерями. Следует признать, что в значительной степени это удавалось и за счет рекомендательных писем. Такими письмами, а они составляют четвертую часть эпистолярия гуманиста, Меланхтон обеспечивал своих учеников и сторонников, когда те в силу различных причин вынуждены были путешествовать как в пределах Священной Римской империи, так и за ее границами. Количество рекомендательных писем впечатляющее, особенно если учитывать, что все эпистолярное наследие Меланхтона составляет порядка десяти тысяч.

Рекомендательные письма представляли, по сути, формуляры, которые при необходимости персонализировались или существенно изменялись в зависимости от обстоятельств. Обстоятельства, в свою очередь, зависели от должностного и социального положения того, к кому адресовалось это письмо. Чем выше социальное положение и авторитет получателя, тем большее значение придавалось структуре письма, и формальным конструкциям. И, наоборот, чем ближе были корреспонденты друг к другу, тем менее формализованным было письмо. Поэтому в случае рекомендательного письма хорошо знакомому коллеге (*ad magistrum*), вступительная часть могла быть совсем краткой, не перегруженной высокопарным вступлением. Вскользь сообщалась причина, почему именно этот человек рекомендуется («*ratio*»). Далее в «*expositio*» предусматривалось общее описание побудительных причин письма. Конкретные же причины и, самое главное — просьбы, излагались в части «*amplificatio*». Последняя часть, «заклучение», содержала заверения в том, насколько достойной признания является поддержка рекомендованного.

Итак, роль рекомендательного письма — максимально помочь рекомендованному войти в круг приближенных патрона. В рамках гуманистической *respublica litteraria*, это была обычная, общепринятая практика. Благодаря письму, тот, кто принимал, имел уверенность, что рекомендованный не принесет в дом неприятных проблем. И, наоборот, если что-то негативное все же случалось, то это был удар по репутации того, кто выступал поручителем. Если рекомендация принималась, то ученый (в данном случае Меланхтон), также обязывался принимать учеников, и помогать в подобных вещах своему коллеге. Собственно, это был эффективный способ обмена учениками, а значит и научными достижениями в границах *respublica litteraria*.

Как уже отмечалось, рекомендательные письма составляют четвертую часть эпистолярия Меланхтона. Преобладающее большинство писем адресовалась респондентам в пределах Священной Римской империи германской нации и всего лишь семьдесят — за пределы империи в такие страны как Италия, Францию, Англию, Данию, Швейцарию, Польшу, Литву, Венгрию. Хотя письма в другие страны составляют меньшинство, однако заслуживает внимания факт широкой географии и различных коммуникативных странств. Ведь среди респондентов мы находим представителей разных социальных слоев и групп: ученых, правителей, религиозных деятелей диаметрально противоположных убеждений. Обращает на себя внимание то, что значительная часть писем создана с соблюдением классической конструкции. Впрочем, большинство имеют произвольное изложение и оформление (насколько это возможно для этого типа документов). Часть рекомендательных писем к монархам содержат сокращения при обращении, как это, например, в совершенно коротеньком письме к датскому королю Кристиану III, где восемь раз встречается сокращение — «*ЕКМ*» (*Eurer Königlichen Majestät* — Ваше королевское величество) [2, Bd. 6, Nr. 4257]. Часть рекомендаций имеют сравнительно глубокую характеристику рекомендуемого, или более объемную риторическую часть [7, Т. 7. Nr. 1722a]. Другие же, наоборот, ограничиваются лишь одним предложением [7, Т. 10. Nr. 2824].

В целом, рекомендательные письма Меланхтона можно условно разделить на пять типов. Первый, это просьба о стипендии и пожертвовании для несостоятельных студентов, не способных самостоятельно оплачивать образование [7, Т. 12. Nr. 3130; MBW. 7, Т. 13. Nr. 3657; 7, Nr. 4629]. Второй — рекомендации на студентов, стремящихся получить образование в другой стране, или желающих учиться у конкретного преподавателя. Третий тип рекомендаций — рекомендации общественно-религиозным деятелям, совершающим поездки с дипломатическими задачами как, например, рекомендация Францу Бурхардсу, прибывшего ко двору короля Англии Генриха VIII для решения проблем религиозного и политического характера [7, Т. 8. Nr. 2188]. Четвертая группа, это рекомендации связанные с назначениями на должности. Такие рекомендации, а скорее их можно назвать пожеланиями или просьбами, предоставлялись как в пределах империи, так и за границу [7, Nr. 5179; 7, Т.1. Nr. 149].

Ну, и наконец, в пятую группу рекомендательных писем, наиболее важную для нашего исследования мы включили эпистолы, адресованные гуманистам.

Рассмотрим более детально одно из писем условно принадлежащее к пятой группе. В 1543 Меланхтон обеспечил рекомендательным письмом своего любимого ученика Матеуса Иренеуса (*Matthaeus Irenaeus*) [5, С. 249—251], который сначала получил образование в Виттенберге, а в дальнейшем еще учился в Тюбнгене и Лейпциге. Позднее как доктор права Иренеус занимался юриспруденцией при имперском апелляционном суде в Шпееере. Перед своей поездкой в Венецию Матеус получил рекомендательное письмо к известному итальянскому гуманисту Иоганну Баптисту Игнатию (*Johannes Baptista Egnatius*) (1472—1553).

Любопытно, что первая же фраза письма посвящена критической оценке политической и религиозной ситуации в Германии. В глазах Меланхтона текущее состояние вещей укладывалось в такие определения как «беспорядок» (*Wirren*) [5, С. 249], «катастрофические изменения» [5, С. 249] (*schicksalhaften Veränderungen*) при которых «не существует места науке» [5, С. 249]. Критическое состояние Германии, по мнению Меланхтона, во многом связано с тем, что сама наука не в состоянии выжить в среде такого ужасного народа как немцы (*in unserer so schrecklichen Nation*) [5, С. 249]. Однако и в этих трагических обстоятельствах, как говорит Меланхтон, молодежи необходимо «оставаться мужественными в такие печальные времена и пытаться сохранить науки и образование» [5, С. 249]. Заметим, что пессимистическая оценка звучит достаточно странно, как для речей ведущего реформатора, но вполне объяснима с позиции гуманиста, переживающего за расширение *respublica litteraria*. С другой стороны, думается, не было бы ошибкой считать весьма нелюбезную оценку в адрес Германии и своего народа не более чем риторической фигурой, нередко тактикой «противопоставления», призванной вызвать сочувствие и желание помочь. Как, собственно, и произошло, если рассматривать дальнейшую судьбу Матеуса Иренеуса.

После столь критического вступления с критикой своей родины особенно контрастно звучит похвала в адрес Италии, которую гуманист считает «единственной учительницей всех народов в Европе». Напомним, что идеализация Италии и преклонение перед ее свободными горожанами, встречается не только в письмах адресованных, собственно, к итальянским гуманистам. В известной речи по поводу открытия новой школы в Нюрнберге (1526 г.), Меланхтон связал ренессанс наук с гражданским сознанием флорентийцев, их благородством, выявившимся в том, что они, поддержав греческих ученых, вынужденных эмигрировать в Италию, спасли науки для человечества. Гуманист утверждает, что если бы Флоренция равнодушно осталась в стороне, то с потерей Греции, человечество утратило бы греческий язык и науку [5, Bd. 1, 101]. Но если в упоминаемой речи Меланхтон превозносил достоинства флорентийцев, то в письме-рекомендации комплиментарные границы расширяются на всю Италию. В исторических параллелях Меланхтон уподоблял интеллектуальные заслуги Италии с общепризнанными деяниями древних афинян: «Как Перикл, вслед за Фукидидом афинян называл наставниками Греции, то еще в большей степени это касается Италии, которая на протяжении многих веков оставалась единственной родиной наук и единственной учительницей всех народов в Европе». Признание неоспоримого превосходства итальянских граждан в процессе интеллектуализации Европы, подводит к, видимо, самой главной идее письма и весьма важной для Меланхтона задаче — включению хоть и «so schrecklichen Nation», но такой дорогой сердцу гуманиста Германии, в культурное пространство *respublica literaria*. «А потому я наиболее горячо способствую желанию тех студентов, которые стремятся слушать наиболее образованных мужей у Вас на родине, с тем, чтобы потом направлять в свое отечество небольшие ручейки образования из Ваших источников» [5, С. 250].

После изложения причины написания письма Меланхтон высказывает свое глубокое уважение Иоганну Баптисту Игнатию, обращаясь к нему как человеку «который выделяется не только эрудицией, но и в *humanitate* наиболее образованной нации» и добавляет, что «мы чтим вас как мудрого советника за вашу образованность и возраст...» [5, С. 250].

Столь уважительные слова в адрес известного ученого предваряют саму рекомендацию и характеристику Матеуса Иренеуса. Прежде всего, Меланхтон, просит Игнатия принять молодого человека в свой круг и оказать ему покровительство на основании данного письма [5, С. 250]. Далее Меланхтон характеризуя Матеуса указывает на его человеческие качества и образованность: «После того, как Вы с ним познакомитесь, Вы заключите его в свое сердце, на основании Вашей замечательной человечности, а также его добропорядочности и знаний многих прекрасных искусств» [5, С. 250].

Что касается круга интересов Матеуса, то и здесь Меланхтон не оставляя присущего письму пафоса сообщает, что хотя Матеус и посвятил себя изучению юриспруденции, однако особый интерес проявляет к тем областям знания, где есть философский компонент [5, С. 250], а в Италию стремится не столько ради слушания юридических диспутов, сколько из-за желания поучиться на сократических речах знаменитого учителя «...и ожидает что они (речи) помогут ему вести правильную жизнь» [5, С. 250].

Не менее интересной является заключительная часть в силу того, что в ней Меланхтон репрезентирует и себя, говоря, что Матвей — свидетельство его, Меланхтона, уважения. «Я полюбил ваше имя еще 30 лет назад, когда был еще мальчиком и когда появились ваши примечания (*annotationes*). И как вы можете сами убедиться это уважение не угасает. Поэтому я также отрекомендовываю вам себя» [5, С. 250]. Исходя из этого пассажа, не будет преувеличением сказать, что в данном случае Меланхтон использует повод, поездку Матеуса в Италию, еще и для того, чтобы расширить собственный круг общения, а в более широком измерении — существенно раздвинуть границы республики ученых.

Итак, подводя итоги, следует отметить, что переосмысленные и адаптированные античные традиции написания рекомендательных писем стали эффективным средством коммуникативной стратегии Ф.Меланхтона. Расширение гуманистического круга общения объединяло ученых разных стран и, преодолевая культурную и научную изолированность, способствовала институционализации научной деятельности в Европе. С другой стороны целенаправленная деятельность Меланхтона по укреплению *respublica literaria*, стала важным фактором для преодоления идеологических разногласий между религиозными движениями и достижения эффективного общения с представителями разных идеологических спектров.

Литература

1. Bechtold M. Zwischen Humanismus und Reformation. Die europäische Dimension der Empfehlungsschreiben Philipp Melanchthons // Philipp Melanchthon. Lehrer Deutschlands, Reformator Europas. Herausgegeben von I.Dingel und A.Kohnle. Leipzig, 2011. Bd. 13.
2. Corpus Reformatorum. Halis Saxorum, 1834—1860. Vol. 1—28.
3. Die europäische Dimension der Empfehlungsschreiben Philipp Melanchthons // Philipp Melanchthon. Lehrer Deutschlands, Reformator Europas. Herausgegeben von I.Dingel und A. Kohnle. Leipzig, 2011. Bd. 13.
4. Erasmus von Rotterdam. De conscribendis epistolis // Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami. Amsterdam, 1971. S. 153—579.
5. Melanchthon deutsch. Schule und Universität, Philosophie, Geschichte und Politik. Leipzig, 2010. Leipzig, 2010. Bd. 3.
6. Melanchthon Ph. Brief an Johannes Baptista Egnatius 1543 August 1543 // Melanchthon deutsch. Schule und Universität, Philosophie, Geschichte und Politik. Leipzig, 2010. B. 3. S. 250.
7. Melanchthons Briefwechsel. Kritische und kommentierte Gesamtausgabe. Stuttgart: Frommann-Holzboog, 1977—2013. Bd. 1—15.
8. Philipp Melanchthon. Dispositiones rhetoricae 1553. Philologische Schriften Teil 1 // Supplementa Melanchthoniana. Teil 2. Leipzig, 1911.
9. Viertel A. Die Wiederauffindung von Ciceros Briefen durch Petrarca. Eine philologischkritische Untersuchung. Königsberg, 1879.

Н.С.Креленко

г. Саратов

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

МИР ПУРИТАНСКОЙ ДАМЫ (ПО «МЕМУАРАМ» ЛЮСИ ХАТЧИНСОН))

Мемуарная литература получила широкое распространение в Англии XVII в. Среди авторов мемуаров встречались не только мужчины, но и женщины. Желание высказаться, обозначить свое понимание происходящего было вызвано не только беспокойной обстановкой, переживаемой обществом, но и изменившимися условиями (относительно широкое распространение грамотности) и растущим стремлением к самоидентификация личности. Примечательно, что воспоминаний, написанных мужчинами не просто значительно больше, они отличаются с точки зрения подхода к излагаемому материалу: мужчины писали о себе, а женщины, составительницы мемуаров, писали по большей части о своих мужчинах. Именно так организованы воспоминания, принадлежащие перу двух самых известных в наше время мемуаристок Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкастл [7] и Люси Хатчинсон [3]. Оба сочинения посвящены панегирическому жизнеописанию супругов благородных леди. И неоднократно привлекали внимание исследователей [1; 2; 5; 6; 8]. Они принадлежали к разным политическим лагерям, к разным социальным стратам, но, главное, написаны, их мемуары должны были решить разные задачи. В нашем случае внимание будет сосредоточено на «Мемуарах» Л.Хатчинсон.

«Мемуары жизни полковника Хатчинсона, коменданта крепости и города Ноттингем, написанные его вдовой Люси» написаны были в 60-е гг. XVII в. Предыстория появления этого сочинения такова: Джон Хатчинсон, офицер парламентской армии, республиканец и участник суда над королем Карлом I, был привлечен к суду правительством реставрированных Стюартов и казнен в 1664 г. Открывается сочинение посвящением: «Моим детям об их отце». Совершенно очевидно, что писались эти «Мемуары» для семейного прочтения, учитывая политическую ситуацию о том, чтобы обнаружить эти материалы, не могло быть и речи.

Рукопись долго хранилась в имении, некогда принадлежавшем Джону Хатчинсону. Прямая линия потомков Джона и Люси прервалась с отъездом из Англии их внуков, один из которых уехал в Новый Свет, а другой в Россию. Имение, а вместе с ним дом и хранившиеся в нем рукописи перешли к родственникам сэра Джона. Они внимательно изучались, судя по тем пометкам, которые были оставлены леди Кэтрин Хатчинсон и Джулианом Хатчинсоном в первой половине XVIII в.

Интерес к рукописи Л.Хатчинсон возник в середине XVIII в, когда английское общество переживало мощный политический кризис. Идея обнаружить воспоминания вдовы казненного республиканца исходила от историка К.Маколей, выразившей настроения радикально настроенных членов общества «Друзей Свободы». Для К.Маколей ценность «Мемуаров» Л.Хатчинсон заключалась в республиканизме их автора. Впервые изданы мемуары, написанные миссис Хатчинсон были в 1806 г., а в ближайшие четыре года переиздавались еще дважды. Не случайно в те годы один из крупнейших историков первой половины XIX в., Ф.Гизо высоко оценил значение этого исторического источника и написал предисловие к этим «Воспоминаниям».

Кроме «Воспоминаний» литературное наследие Л.Хатчинсон несколько стихотворных набросков и два трактата по религиозным вопросам. В то время, когда «Мемуары» миссис Хатчинсон были впервые опубликованы, интерес историков сконцентрировался на том, что она писала о своем времени, о тех рычагах, которые по ее мнению влияли на перемены в обществе. Между тем, эти «Мемуары» являются важным свидетельством,

отражающим другие пласты общественной жизни своего времени, в частности то, что связано с гендерными отношениями, менталитетом людей и поведенческими практиками, проблемы частной жизни. «В фокусе частной жизни оказывается внутренний мир мужчин и женщин, их эмоционально-духовная жизнь, отношения с родными и близкими в семье и вне ее...» [11, С. 28].

В одном из памфлетов начала 30-х годов о женщинах писалось следующее: «Они не создают законов, они ничего не разрешают и не запрещают. Все их возможности проявляются в том, что они замужем или нет, и их устремления определяются их мужем» [1, С. 37]. Все написанное Л.Хатчинсон прекрасно укладывается в рамки такого подхода.

Собственно воспоминаниям о судьбе полковника Хатчинсона предшествует небольшой текст, названный «Жизнь миссис Люси Хатчинсон, написанная ей самой. Фрагмент», в котором автор рассказывает о своей родословной и своем детстве. Начинается этот текст с патетического обращения к Господу. Автор благодарит Бога за то, что он подарил ей жизнь, за того, что она родилась в Англии, самой чудесной стране земного мира, за то, что появилась она на свет в период распространения протестантизма, за то ее семья относилась к числу достойных и благородных. В этой части сочинения заметно пристрастие к витиеватой многословности и метафоричности, свойственной стилистическим особенностям эпохи барокко. Люси Хатчинсон остро чувствовала себя частью «большого мира», довольно свободно ориентировалась в известных ее современникам событиях истории, имела собственную позицию относительно таких ключевых событий английского прошлого, как нормандское завоевание. Отмечая узловую момент английской истории, нормандское завоевание, она высказывает следующее мнение, что постепенно «норманны и саксы становились одним народом» и подтверждает это фактами семейной истории, отмечая «от тех саксов, что стали подданными Нормандского завоевателя, семья моего отца происходит, от тех норманнов, что пришли с ним моя мать происходит» [3, С. 4].

Страницы «Фрагмента», которые посвящены изложению семейной хроники содержат очень краткую, но конкретную информацию о ближайших предках, начиная с дедушек со стороны отца и матери, упоминаются братья отца, воевавших в Ирландии и Нидерландах. Эти сведения практически лишены характеристик, и чаще всего, даже имен. Факты, представленные автором, служат иллюстрацией к той картине социальной жизни, которая издавна сложилась в историческом восприятии. Браки заключались в достаточно тесном кругу людей, связанных между собой родственными отношениями. Очень распространенным явлением были браки между овдовевшими мужчинами и женщинами, что указывает на высокую смертность во всех слоях общества. В частности, отец Л.Хатчинсон был женат трижды, ее свекор, отец Джона Хатчинсона, был женат дважды.

Вместе с тем, сведения, предлагаемые миссис Хатчинсон обогащают некоторые устоявшиеся формы восприятия. Так, существует мнение, что «историки, безлично интерпретирующие свидетельства заключаются в том, что в Англии шестнадцатого — семнадцатого веков отношения между родителями и детьми были отстраненными и холодными» [1, С. 18]. Знакомство с семейной историей автора, с разными вариантами домашнего уклада дает интересные сведения о характере межличностных отношений. Отец Люси Хатчинсон, Аллан Эпсли был младшим из семи сыновей почтенного джентльмена из Сассекса, обладавшего годовым доходом около 800 фунтов стерлингов. После смерти отца он вынужден был прервать учение и начать самостоятельную жизнь. Его военно-придворная карьера начатая под командованием графа Эссекса во время экспедиции в Кадис, была довольно успешной и увенчалась занятием ответственной должности лейтенанта лондонского Тауэра. При этом он постарался уклониться от предложенного королем Яковом принятия рыцарства. Факт этот не комментируется, но, можно допустить, что это было почетно, но накладно. Он был женат и дважды оставался вдовцом. Имея двух детей от второго брака, он женился в третий раз на молодой девушке Люси, близкой родственнице почтенного семейства Сент Джон.

Детство и девичество старшей Люси было трудным, оставшись круглой сиротой с пятилетнего возраста, она жила у разных родственников поочередно. Важным моментом в становлении ее характера дочь считает пребывание на острове Джерси. Там у священника-гугенота она обучилась французскому языку и приобщилась к кальвинизму. Возвращение «домой», то есть в дом одного из родственников сопровождалось для Люси новым ударом, потому что джентльмен, который которого она считала своим женихом, женился. В такой ситуации возможность выйти замуж за почтенного дважды вдовца становилась для шестнадцатилетней бесприданницы спасительным вариантом и, как оказалось, вариантом удачным.

Старшая из девяти их вышивших детей, названная в честь матери Люси родилась 29 января 1620 г. Детство Люси прошло в родительском доме в обстановке доброжелательства и согласия, которую она описывает с восторгом и умилением. В заключительной части «Фрагмента» упоминаются душевные беседы родителей в саду, занимательные и остроумные разговоры гостей и хозяев в часы застолий. Видимо, автору очень хотелось донести до своих читателей некую идеальную конструкцию семейной идиллии.

Строки, написанные Л.Хатчинсон о нравах родительского дома, характерах его обитателей исполнены почти благоговения, все характеристики даны в превосходных степенях. Слова «доброта», «великодушие», «милосердие», «щедрость», «прилежание» постоянно присутствуют при описании служебной деятельности отца, в обязанности которого входил надзор за заключенными. «Он был как отец для своих заключенных» [3, С. 13]. Стоит, пожалуй, оговориться, что контингент «сидельцев» Тауэра составляли отнюдь не

простолюдины. Еще более патетично говорится о доброте, заботе и снисходительности, которую проявлял сэр Аллан по отношению к жене, детям и подчиненным. «Он был самым снисходительным мужем и очень добрым отцом» [3, С. 13].

Такие качества, как доброжелательность, умение сострадать, проявлять заботу и милосердие, еще более подчеркнуты при описании матери, Люси Эпли. Л.Хатчинсон сообщает о том, как ее мать заботилась о заключенных, когда они болели, как помогала им в организации научных экспериментов (легендарный эпизод с химическими опытами, затеянными У.Рэли). Возможно, тем самым она старалась противопоставить гуманность сэра Аллана и его супруги поведению тех, кто преследовал и казнил ее мужа в годы реставрации.

Чувствуется, что она полна признательности родителям, в частности матери за то, что она позаботилась о том, чтобы дочь одновременно осваивала родной, английский и французский языки, и отцу, который разрешил ей учиться вместе с братьями латинский. С нескрываемой гордостью сообщает она, что к четырем годам «превосходно читала по-английски», а, начав изучать латынь, опережала в своих успехах братьев, чем вызвала одобрение отца. Кроме освоения языков она получала уроки письма, музыки, танцев и рукоделия. Освоение трех последних дисциплин не вызывали энтузиазма «обучаемой». Огромное значение традиционно придавалось религиозному воспитанию. И это, судя по всему, связано с влиянием матери, увлекшейся еще в девичестве кальвинизмом. Люси-старшая «отдавала предпочтение религиозному образованию над освоением иглы и клавиатур» к великой радости его дочери [1, С. 17]. Возможно, что отношения в семье Эпли были такими или почти такими, как о них вспоминала Люси Хатчинсон на закате жизни. Но, принимая эту информацию, необходимо учитывать что, все написанное их дочерью предназначалось для поучения и воспитания ее собственных детей и, в перспективе, их потомков. В сочинениях такого рода идеализация неизбежна. А, кроме того, память человеческая имеет тенденцию высветлять или затемнять образы прошлого. Алан Эпли умер в 1630 г., а супруга прожила оставшиеся ей двадцать девять лет в доме своей старшей дочери Люси в замужестве Хатчинсон.

Очевидно, в девочке формировалась установка на то, чтобы наилучшим образом выполнять свое «светское призвание». «Как видно, в общественном мнении Англии в первой половине XVII в. прочно утвердился стереотип, согласно которому женщина должна была, прежде всего, служить своему супругу и домочадцам» [10, С. 32]. Стоит отметить, что когда английское общество оказалось расколотым на враждующие лагеря, Люси Хатчинсон, безоговорочно принявшая радикальный республиканизм своего мужа, сохранила привязанность к брату, убежденному роялисту, тем самым отдавая должное святости семейных уз. В этом отношении ситуация в семье Эпли напоминает ту, что отразилась в письмах семьи Верни (Верни), в которой отец был знаменосцем Карла, а его старший сын оказался на стороне парламента. «При этом их любовь друг к другу не уменьшилась» утверждал британский историк Д.Тревелиян [12, С. 208].

Несколько иная картина складывается при знакомстве с другой семьей, описываемой в «Мемуарах». Томас Хатчинсон, свекор Люси был богатым сквайром, умеренным пуританином, членом палаты Общин. Он был женат дважды. Его сын от первого брака, Джон по завещанию, вступившему в силу после смерти Т.Хатчинсона в 1643 г., был исключен из числа наследников, потому что у него возникли политические разногласия с отцом. Думается, что здесь не обошлось без влияния новой жены («злой мачехи»). В «Мемуарах» отмечается, что случилось это в очень сложный для Джона Хатчинсона период, он занимал пост коменданта Ноттингема и ему нужны были средства не столько даже для поддержания престижа, сколько для решения разнообразных проблем обеспечения обороноспособности крепости.

Пребывание в родительской семье вспоминалось Люси как счастливое, но переходное время, смысл которого заключается в подготовке к обретению собственной роли в жизни. Стоит отметить, что пока Люси пишет о своем девичестве, она ведет повествование от первого лица, став замужней дамой, она именует себя «миссис Хатчинсон». Отныне ее жизненная функция, ее роль и назначение в жизни быть супругой «мистера Хатчинсона».

Знакомство Люси и Джона произошло в начале лета 1638 г. в Ричмонде, где в ту пору находился двор принца, а значит, сосредоточилось молодежное общество. В этом городе у леди Эпли был дом. Туда заехал вместе с отцом двадцатилетний Джон Хатчинсон перед тем, как отправиться в «Большое путешествие» во Францию. Роман начался отнюдь не с того, что молодой человек увидел и был сражен неотразимостью семнадцатилетней Люси Эпли. Если верить «Мемуарам» он случайно услышал написанный ею сонет, и это послужило завязкой истории большой любви. Уже в начале июля 1638 г. в одной из лондонских церквей состоялось венчание. Сама Люси с это времени в муже видела своего Пигмалиона, сформировавшего ее личность, ее взгляды, круг ее интересов. Все теплые и восторженные слова и определения она использовала, говоря о собственном супружестве. Семью она именовала «маленькой Церковью» и «маленьким государством». Дела и заботы сэра Джона стали ее делами и проблемами.

На сохранившемся портрете, вероятно относящемся к середине 40-х гг. (об этом можно судить потому, что на полотне рядом с Люси стоит ее сын в возрасте около семи лет) изображена сидящая женщина, одетая по придворной моде. Высокий лоб открыт, два локона спадают на плечи, шею украшает нитка жемчуга. Сизо-серое платье имеет глубокий вырез, сквозь разрезы пышных рукавов проглядывает нижнее белое платье. На коленях женщины ластится кошка. Мальчик изображен так, чтобы видно было, что он обращен к матери. Портрет интересен для понимания характера модели. Перед нами отнюдь не тот тип пуританки, который

был канонизирован в годы реставрации Стюартов: в закрытом платье, украшенном строгим белым воротником, в чепце, скрывающем волосы, и с поджатыми губами. Прическа и костюм миссис Хатчинсон вполне отвечают требованиям придворной моды, но лишены кокетливых мелочей, таких как легкая игривая челка на лбу, кружева на вырезе и манжетах. Дама на портрете смотрит прямо на зрителя. Она не улыбается, не ммурится, не демонстрирует горделивое признание или кокетливость.

Что касается главного героя «Мемуаров», Джона Хатчинсона, очевидно, что автор предлагает читателю не историю жизни реального человека, а «святую» («holу») жизнь, «житие» безупречного пуританина. Эта часть начинается с подробного, многословного описания внешности и характера героя. Чувствуется, что Люси с удовольствием вспоминает, а отчасти и домысливает что-то в этом описании. Она как бы прокручивает, вновь восстанавливает прошлое, возводя в нечто значимое мелочи. «Для миссис Хатчинсон основным стержнем характера Джона был его интеллектуальный индивидуализм, его исключительная честность, входящая по ее мнению к егюдворянскому происхождению» [1, С. 26].

Изложение не слишком успешной политической карьеры супруга Люси дает в четко определенном ключе: Джон Хатчинсон всегда имел самые добрые и правильные намерения, все его сложности вызваны внешними недобрыми людьми и неблагоприятными обстоятельствами. В себе она видит исключительно опору мужа, его помощницу и сострадательницу. Она описывает трудности, которые испытывал ее супруг, оказавшись почти в полной изоляции (он мог рассчитывать на поддержку только семерых ольдерменов в городском совете) на посту коменданта Ноттингема. В любой момент он мог столкнуться с попыткой местных роялистов, «пятой колонны» открыть ворота крепости войскам принца Руперта. Позднее, в 1647 г. Люси пришлось принять позицию мужа, сблизившегося с лидерами левеллеров. Она старалась испытывать приязнь и доброжелательство к этим простолюдинам, хотя ей это не полностью удавалось. Такие личностные качества, как ум, честность, благородство нуждались в благородном происхождении.

Имея здравые суждения о том, что происходило на ее глазах миссис Хатчинсон, в частности, не одобряла попытки проявления женской политической активности, имевшие место в революционные десятилетия. Женские «руки, созданные только для прялки, — говорила она, приносят «печальные опустошения», когда они «вмешиваются в дела государства» [1, С. 37]. Страшным злом представлялось ей вмешательство королевы Генриетты-Марии в дела общественные, поскольку поддержка королевы усиливала позицию католиков и сторонников неограниченной власти Короны. В данном случае позиция миссис Хатчинсон основана на конъюнктурном подходе: раз вмешательство супруги короля приносит вред «Божьему делу», значит женское влияние на политику вообще опасно.

Это особенно ощутимо в описании «узурпатора» О.Кромвеля, приход которого к власти вынудил упорного и упрямого республиканца Д.Хатчинсона удалиться от дел в свое поместье. Вместе с тем, миссис Хатчинсон старается быть справедливой и отмечает достоинства своих врагов, отдавая должное тому, например, что генерал Кромвель «не был лишен истинного величия», а Карл I несомненно «был прекрасным знатоком и любителем живописи, резьбы и гравирования и многих других искусств» [3, С. 67]. Признание в человеке любви к искусству в качестве достоинства совершенно не укладывается в сформированный в следующий исторический период стереотип пуританки.

Всеми силами стремится она донести до своих восьми детей собственную оценку всего того, что произошло в предшествующие десятилетия с Англией. Эта трактовка подчинена желанию объяснить, оправдать, возвеличить личность и судьбу их отца. Это отметил еще И.Д'Израэли в период первых публикаций «Мемуаров»: «Жены военных людей... подобно... миссис Хатчинсон делались даже повествовательницами подвигов своих мужей» [9, С. 216]. Ее республиканизм целиком обусловлен позицией преданной жены, а не собственными убеждениями. Сочинение миссис Хатчинсон является интереснейшим свидетельством того, как происходило становление новых отношений в частной жизни, как личность могла аккумулировать в себе разные тенденции своего времени, будучи идеальной «домашней» супругой в духе наступающей буржуазной эпохи и, проявляя смелость мысли, предвосхищающую интеллектуальные искания женщин следующих поколений.

Литература

1. George M. Women in First Capitalist Society. Experiences in the Seventeenth-century England. The Harvester press, 1988.
2. Crawford P. Women's published writing 1600—1700 // Women in English society, 1500—1800. ed. by M. Prior, L., N.-Y., 1985. P. 215.
3. Hutchinson L. Memoirs of the life of colonel Hutchinson. L., N.-Y., 1913.
4. Memoirs of the life of Huthcinson governor of Nottingham castle and town, written by his widow Lucy. L., 1906.
5. Mendelson S.H. Stuart women's diaries and occasional memoirs // Women in English Society. 1500—1800. L., N.-Y., 1985.
6. Mendelson S. The Mental World of Stuart Women. Amherst, 1987.
7. The Lives of William Cavendish, Duke of Newcastle, and his wife, Margareet Duchess of Newcastele. L., 1872.
8. Буланакова М.А. Литературная биография леди Маргарет Кавендиш, герцогини Ньюкастл: особенности организации социального опыта знатной женщины // Гендер и общество в истории. СПб. Алетейя, 2007.

9. Д'Израэли И. Литературный характер или история гения, заимствованная из его собственных чувств и признаний. Дубна, 2000.
10. Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001.
11. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории. Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.
12. Тревельян Д.М. Социальная история Англии. М., 1959.

Т.Л.Лабутина

г.Москва

Институт всеобщей истории РАН

«АВГУСТИАНСКАЯ» КУЛЬТУРА АНГЛИИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Западные ученые нарекли Англию периода 1688—1760 гг. «августианской» [10, С. 7]. Наиболее видных деятелей культуры они назвали «новыми августианцами». Издатель сборника о социальных и политических идеях просветителей Ф.Херншоу проводил аналогию того исторического периода, в рамках которого жили и творили просветители, со временем правления римского императора Цезаря Августа, вошедшего в историю под названием «Августианского века». Именно при императоре Августе создавали свои бессмертные творения Вергилий и Гораций, Овидий и Ливий. Общее, что роднило произведения этих выдающихся «августианцев», заключалось, по мнению историка, в необыкновенном совершенстве формы, с одной стороны, и «некотором отходе от оригинальности и значимости менее изысканных произведений их предшественников» [11, С. 5]. Этот век скорее был «критическим», нежели «созидательным». На взгляд Херншоу, те же самые черты («внешний блеск и внутренний упадок») отличали другие периоды в истории разных стран, к примеру, правление Людовика XIV во Франции. Аналогичным было и время правления последних Стюартов в Англии, и потому историк считает приемлемым применить к нему термин «Августианский век». На его взгляд, Августианский век в английской истории не был ознаменован массовым появлением оригинальных социально-политических идей, и только Джона Локка можно было причислить к «великим». Что касается других просветителей, то они привлекали к себе внимание, по мнению Херншоу, в силу своего участия в партийной борьбе, нежели принципами. Трудно не согласиться с историком в том, что английские просветители создали немного оригинальных идей в политической идеологии, однако маловероятно, чтобы их творчество не оставило своего следа не только в философии и литературе, но и в политике. Целая плеяда ярких личностей появилась на интеллектуальном небосклоне страны. Ни до, ни после этого периода в Англии не действовало одновременно столько талантливых людей, оставивших заметный след в литературе, науке, политике, экономике, искусстве, архитектуре. Физик И.Ньютон, философы Дж. Локк, Дж. Толанд, граф Шефтсбери, писатели Дж. Свифт и Д.Дефо, поэты А.Поп и Дж. Арбетнот, журналисты Р.Стиль и Дж. Аддисон, государственные и политические деятели лорды Темпл, Сомерс, Галифакс, Болингброк — все эти люди приобрели всемирную известность не только в силу своей незаурядной профессиональной деятельности, но прежде всего как выразители прогрессивной идеологии — Просвещения.

Что же представляла собой культура Англии в правление последних Стюартов — Вильгельма Оранского и королевы Анны (1689—1714)? Остановимся, прежде всего, на таком важном показателе уровня ее развития, как грамотность населения. В «августианской» Англии было немало высокообразованных людей среди парламентариев, государственных чиновников, священников, аристократов и купечества. Однако большинство англичан оставалось в ту пору неграмотными, о чем нередко упоминают западные ученые. Американский исследователь Д.Кресси в книге «Грамотность и социальный порядок. Чтение и письмо в Англии Тюдоров и Стюартов» приводит данные, согласно которым в середине XVII в. число неграмотных мужчин составляло от 33% в Лондоне, до 94,6% в графстве Вестморленд. С грамотностью женщин дело обстояло еще хуже. В середине века среди жительниц Лондона насчитывался 81% неграмотных, к концу века — 52% [6, С. 73, 144]. В провинции число неграмотных англичанок к концу столетия достигало 80% [9, С. 489]. Неудивительно поэтому, что вопрос о необходимости предоставления образования не только мужчинам, но и женщинам привлекал внимание многих просвещенных англичан, в том числе просветителей.

Обычно образование, которое давали молодым людям из высших и средних слоев, носило, по утверждению британского историка Дж. Тревельяна, «строго классический характер», что предусматривало непрерывное знание латыни и греческого языка. Аристократы для своих сыновей предпочитали колледжи Итона, Винчестера и Вестминстера. Наиболее состоятельные выбирали университеты Оксфорда и Кембриджа, которые из «бастионов схоластики» постепенно превращались в центры нового гуманизма. Студенты изучали в университетах не только труды Цицерона, Сократа, Сенеки, Плутарха, Софокла и Эврипида, но и Петрарки, Мора, Вивса, Эразма. Одной из целей университетского образования считалось моральное совершенствование студентов. Существовали также различные школы, которые посещали большинство юных джентльменов. Роберт Питт, отец будущего премьер-министра, писал в 1704 г. губернатору Мадраса: «Оба моих брата находятся в академии г-на Мэра близ Сохо-сквер, считающейся лучшей в Англии. Они изучают

латынь, французский, счет, фехтование, танцы и рисование. Следующим летом я думаю отправить их в Голландию для пополнения образования» [4, С. 335—336].

Нередко дети из высших и средних слоев получали знания дома. Как правило, в роли преподавателя выступал приходской священник или частный капеллан. Для обучения языкам приглашались иностранцы, по преимуществу гугеноты, бежавшие из Франции после отмены Нантского эдикта в 1685 г. Образование провинциального дворянства, по признанию Т.Маколея, мало чем отличалось от того, которое получали их слуги. «Зачастую воспитателями наследника поместья были пажи и егеря, и все его познания ограничивались умением изобразить свою подпись на документе, — писал историк. — А если он учился в школе и колледже, то обычно еще до двадцати лет возвращался к семейному очагу, где среди деревенских забот и развлечений быстро забывал всю свою науку. Главным его делом было хозяйство. Он проверял зерно, ходил на свинарник, а по ярмарочным дням торговался за кружкой пива с прасолами и перекупщиками хмеля. Его любимыми развлечениями были охота и примитивные любовные утехы. Он говорил таким языком, который теперь можно услышать лишь от самой неотесанной деревенщины» [5, С. 110].

Женское образование в стюартовской Англии носило ярко выраженный прагматический характер. По большей части жены и дочери провинциальных дворян, как отмечал Маколей, проводили время за шитьем, прядением, приготовлением крыжовниковой настойки и пирогов, а также ухаживали за цветами. Вместе с тем, видя главное предназначение девушек в их семейной жизни, родители заблаговременно беспокоились о выборе для них достойной партии. Важным залогом успеха в этом предприятии являлось обучение девушек, прежде всего грамоте, иностранным языкам, музыке, танцам, а также навыкам домоводства. Главную роль играла мать девушки, и от того, насколько она сама была образована, талантлива и способна, зависели успехи ее дочери. В воспитательном процессе также существенным оставалось значение матери, которая знакомила дочерей с манерами поведения, этикетом, а также основами религии. Заметное место в образовательном процессе представительниц высших и средних слоев общества занимали гувернантки и приходские учительницы. Разумеется, все это стоило немалых финансовых затрат, и потому далеко не каждая семья могла себе позволить столь всесторонне развивать своих дочерей.

Народное образование в стране оставалось в XVII в. практически неизменным. К приходским школам в конце века добавились лишь благотворительные учебные заведения. Впрочем, «учебными» их можно было назвать с большой натяжкой, поскольку грамоте в них обучали немного. Большую часть времени дети бедняков в приходских школах занимались тем, что зарабатывали себе на пропитание. Справедливости ради стоит заметить, что приходские школы сыграли свою положительную роль в профессиональной подготовке учащихся. Опыт англичан по созданию системы благотворительных школ воспользовались многие страны Европы — Швеция, Дания, Голландия, Швейцария, Германия, а также Россия [2, С. 54—66].

Вместе с образованием в Англии развивалось печатное дело. Надо признать, что отмена закона о цензуре в 1695 г. в значительной мере активизировала печатное дело. С 1702 г. в Лондоне впервые начала выходить ежедневная газета «Дейли курант». Вслед за ней еще ряд газет объявили о своем существовании: «Инглиш курант», «Постбой», «Постмен», «Уикли Ньюс Леттер» и другие. Всего в Лондоне издавалось 18 газет и пять еженедельников. К 1714 г. собственные газеты имели также города Бристоль, Ливерпуль, Ньюкасл-на-Тине, Норвич, Ноттингем, Стемфорд, Уорчестер. Увеличился тираж — с 44 до 67 тыс. [12, С. 20]. Примечательно, что многие издания имели партийную окраску. К примеру, «Спектейтор», «Ревю», «Инглишмен» и «Гардиан» отличались «вигской» направленностью, а «Экзаминаер» и «Рихезел» были известны как «торийские» журналы.

Расцвет журналистики дополнялся возросшим интересом общества к книжной продукции в целом. За период с 1660 по 1800 гг. в стране было издано 300 тыс. книг [7, С. 51]. Все большее место в жизни англичан начинают занимать домашние библиотеки. Богатейшее собрание книг высокопоставленного чиновника и юриста лорда Джона Сомерса, в котором хранились фолианты по филологии, праву, истории, философии, медицине, теологии, экономике, математике, политике и искусству практически на всех европейских языках, не являлось в ту пору большим исключением среди частных библиотек аристократов. Библиотека парламентария сэра Эдварда Деринга насчитывала 2 тыс. книг. Богатейшей коллекцией книг владел известный дипломат Уильям Темпл, ставший идейным наставником Свифта. Практически в каждом богатом доме вошло в моду иметь хорошую библиотеку. Скромные книжные полки стали появляться и в домах провинциальных дворян. В их библиотеках, как правило, соседствовали Библия и книга «Мучеников» известного предводителя квакеров Джона Фокса. Деревенский народ, простой фермер, знакомый с грамотой, другой печатной продукции, кроме Библии, молитвенника или баллад, не знал.

В XVII в. появляются в Англии первые публичные библиотеки. Университетские библиотеки существовали в Оксфорде и Кембридже со времени основания самих университетов, т.е. с XII—XIII вв. Первая общественная библиотека, на взгляд Тревелияна, была открыта в Лондоне ректором Сент-Мартинского аббатства Теннисоном в 1684 г. По мнению британского ученого Дж. Фидера, данное событие произошло еще раньше, в 1661 г. Основателем библиотеки он называл одного из первых издателей беллетристики в Англии Фрэнсиса Керкмена. К середине XVIII в. библиотеки были открыты практически в каждом городе. Городские библиотеки Бата, Лидса, Бристоля, Ньюкасла насчитывали многотысячные собрания книг [7, С. 55]. Примечательно, что читатели «августианской» Англии наибольший интерес проявляли к светской литературе: беллетристике, истории, рассказам о путешествиях.

Немаловажную роль в политической и культурной жизни Англии на рубеже XVII—XVIII вв. стали играть также клубы и кофейни. Образование неформальных групп и кружков, которые британский историк П. Кларк окрестил «обществами», начали возникать в стране еще до революции середины XVII в. Среди них были общество любителей древности, несколько обществ почитателей колокольного звона, а также пара клубов юристов [1, С. 267]. События гражданской войны всколыхнули общественность, что способствовало возникновению клубов и кофеен. В них собирались ученые из Королевского общества, поэты и музыканты, а также купцы, мелкопоместные дворяне из Кента, Уилтшира, Суффолка, Хертфордшира, Чешира и других графств, которые обсуждали цены на хлеб и сукно [5, С. 12].

Первая кофейня, где можно было полакомиться входившими в ту пору в моду кофе и шоколадом, открылась в Лондоне в 1657 г. Через несколько десятилетий таких кофеен насчитывалось уже около пятисот. Первая лондонская кофейня быстро превратилась в центр общественной жизни. И, как отмечал Тревельян, «она способствовала ослаблению укоренившейся тогда привычки к спиртным напиткам, так как употребление алкоголя в ее помещении не допускалось» [4, С. 350—351]. А вскоре кофейни стали своеобразными клубами, где встречались политики, литераторы, ученые. Кофейню «Ионафана» посещали коммерсанты, «Греческую кофейню» — ученые и юристы. Предпочитавшие пить шоколад светские щеголи облюбовали кондитерскую «Кокосовое дерево». В кофейне «Сент-Джеймс» проводили время вигские политики, а в «Кофейне Виля», расположенной в центре столицы, в Ковент-Гардене — литераторы. Наибольшей популярностью у просветителей пользовалась кондитерская «Кит-Кэт», за которой очень быстро закрепилась слава литературного салона, а также клуба политиков и литераторов «вигской» ориентации. В противоположность ему тори создали свой, под названием «Клуб братьев». В нем часто собирались Болингброк, Свифт, поэт А. Поп и баснописец Дж. Гэй. Именно из этого клуба позднее оформится кружок «Мартинус Скрибблерус» («Писак»), целью которого станет создание сатиры, направленной на обличение негативных сторон английской действительности.

Большую роль в интеллектуальной жизни общества играло Королевское общество (Академия наук), созданное в 1662 г. по инициативе короля Карла II Стюарта и его двоюродного брата принца Руперта. Оба кузена интересовались наукой: король отдавал предпочтение математике и механике, принц увлекался химическими опытами. Основание Королевского общества способствовало быстрому развитию экспериментальной науки. И хотя Роберт Бойль, Исаак Ньютон, как и другие члены данного общества являлись людьми глубоко религиозными, тем не менее, они знакомили своих сограждан с идеей «закономерности во вселенной и с научными методами исследования, необходимыми для открытия истины» [4, С. 278]. В правление последних Стюартов Королевское общество все чаще обращается к нуждам государства. Один из его президентов — Ньютон возглавил работу Монетного двора и вместе с Локком по заказу правительства приступил к чеканке новой монеты. В этот период в стране стали появляться книги об усовершенствовании методов земледелия, агротехнике, экономические проекты Ч. Дэвнента и статистический труд Г. Кинга. Наука все теснее сближалась с жизнью.

В период Реставрации (1660—1688) возродился театр, который заметно утерять былую популярность за годы пуританской революции. Карл II покровительствовал не только науке, но и театру, возможно, в немалой степени из-за столь любимой им актрисы Нелли Гвинн. Шекспировский театр внешне претерпел изменения. Здание театра находилось под крышей, сцена искусственно освещалась свечами. Рампа, спускающийся занавес и рисованные театральные декорации дополняли внутреннее его убранство. Женские роли теперь исполняли актрисы, что резко повысило театральные сборы, поскольку мужская часть зрителей нередко приходила в «храм искусств» не ради пьесы, но, чтобы полюбоваться полюбившейся актрисой. Заметно расширился репертуар театра. Пьесы Шекспира, Бена Джонсона, поэтические драмы Джона Драйдена, комедии Конгрива и Фаркера и, наконец, венец репертуара «августинской» Англии — первая в ее истории опера Генри Перселла «Дидона и Эней». Эта опера принесла английской музыке мировое признание на века.

Итак, в целом состояние культуры «августинской» Англии было таковым, что заставило Тревельяна признать его «одним из самых славных периодов развития английского гения и цивилизации» [4, С. 284]. И с этим трудно не согласиться.

Литература

1. Кларк П. Время, пространство и социальный диалог: Социальные изменения в британских городах в XVIII веке // Социальная история. Ежегодник 1997 г. М., 1998.
2. Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001.
3. Маколей Т.Б. Англия // Маколей Т.Б. Англия и Европа. СПб., 2001.
4. Тревельян Дж. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2001.
5. Allen R. The Clubs of Augustans. L., 1933.
6. Cressy D. Literacy and the Social Order. Reading and Writing in Tudor and Stuart England. Cambridge, 1980.
7. Fiather J. The Power of Print. Word and Image in Eighteenth-Century England // Culture and Society in Britain 1660—1800. Manchester, 1997.
8. Harris T. Politics under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society. 1660—1715. L., 1993.

9. Perry R. The Celebrated Mary Astell. An Early English Feminist. Chicago, 1986.
10. Rogers P. The Augustan Vision. L., 1974.
11. The Social and Political Ideas of Some English Thinkers of the Augustan Age. 1650—1750. L., 1928.
12. Speck W.A. Political Propaganda in Augustan England // Transaction of the Royal Historical Society. Vol. 22. L., 1972.

О.И.Малюгин

г.Минск

Белорусский государственный университет

ПОСЛЕДНИЙ РИМЛЯНИН СРЕДИ БРИТТОВ (АМВРОСИЙ АВРЕЛИАН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ)

V век в истории Британских островов — время коренных перемен в политической, экономической и культурной жизни местного населения, окончания римского господства и начала англо-саксонского завоевания. Интерес к этому периоду британской истории среди исследователей не только не утихает, но и с каждым годом увеличивается. Но недостаток письменных и эпиграфических источников приводит к тому, что нам известны имена лишь некоторых жителей Британии V века, оставивших свой след в истории. Среди них одна из наиболее знаковых и в то же время загадочных фигур — Амвросий Аврелиан, о котором в источниках сказано: «единственный из народа римлян переживший ту бурю» (Bedaе, HE. I, 16).

Его имя не встречается в эпиграфических текстах, и первое упоминание приходит из-под пера Гильдаса, писавшего в первой половине VI века: *«По прошествии некоторого времени, когда жесточайшие хищники отступили домой, уцелевшие, укрепленные Богом, к которым сбежались со всех сторон из разных мест несчастнейшие граждане, столь же стремительно, как пчелы в улей при надвигающейся буре, молясь вместе с тем Ему всем сердцем, и, как говорится, «эфир наполнив мольбами», чтобы их уже совершенно не истребили, собрали силы, имея своим вождем Амвросия Аврелиана, человека законопослушного, который в такой буре и потрясении остался чуть ли не один из римского племени, причем были убиты его родители, одетые, бесспорно, в пурпур (потомство коего сейчас, в наше время по большей части выродилось от дедовой доброты), — бросили вызов на битву победителям, от которых, по воле Божьей, победа отступила»* (DEB, 25. Перевод Ю.Чехонадской).

Беда Достопочтенный, который в первой книге своей «Церковной истории» часто следует Гильдасу почти дословно, вторит ему и касательно Амвросия Аврелиана: *«Изгнав или рассеяв жителей острова, враги вернулись домой, и бритты начали медленно восстанавливать силы и боевой дух. Выйдя из своих укрытий, они единым голосом взмолились о небесной защите, чтобы не позволено им было погибнуть вовсе. Вождем их в то время был некий Амвросий Аврелиан, почтенный муж, единственный из народа римлян переживший ту бурю, в которой погибли, между прочим, и его родители, носившие царское имя и достоинство. Под его водительством бритты собрали силы, вынудили своих победителей к битве и с помощью Божьей победили. С того времени побеждали то бритты, то их противники, до года битвы у горы Бадон, где бритты сразили немалое число своих врагов спустя сорок четыре года после прибытия тех в Британию. Но об этом после»* (HE. I, 16).

Третье упоминание Амвросия Аврелиана — текст «Истории бриттов», приписываемый Неннию и датируемый чаще всего IX веком. Но тут мы сталкиваемся с другой традицией об Амвросии — он показан как противник Вортигерна (НВг. 31) и король над всеми королями Британии, который дарует территории в том числе и сыновьям Вортигерна (НВг., 48).

В последующей исторической традиции Амвросий становится героем ряда легенд и сказаний, а наиболее полную версию его легендарной жизни рассказывает Гальфрид Монмутский в «Истории бриттов» (НВг., 72, 93—99, 118—123, 125—134).

Современные исследователи не сомневаются в историчности Амвросия Аврелиана, несмотря на такие скудные сведения о нем. Р.Коллингвуд считал его военным лидером бриттов приблизительно в 70—80-х гг. V века (1, С. 319), реальным человеком считал его К.Джексон (6, С. 116) и Ш.Фрере (4, С. 374). Такая уверенность базируется на словах Гильдаса, который называет Амвросия не только как лидера бриттов, но и как предка ряда современных автору деятелей кельтских королевств, противопоставляя его выдающие качества их порокам и прегрешениям (DEB, 25). Маловероятно, что Гильдас бы выдумал фигуру Амвросия, поскольку легко был бы уличен современниками в клевете. Другое дело, что Амвросий в его изображении, несомненно, идеализирован, однако это не делает его вымышленной фигурой.

Недостаток точных сведений об Амвросии Аврелиане вызвали в научной литературе целую серию дискуссий, которые вращаются вокруг нескольких принципиальных моментов.

Во-первых, что значат слова Гильдаса, сказанные про его родителей (...одетые, бесспорно, в пурпур...), и как это может пролить свет на его происхождение?

Во-вторых, каковы возможные связи Амвросия Аврелиана и Артура в контексте того молчания, которое Гильдас демонстрирует по отношению к руководителю бриттами в битве при Маунт-Бадон?

В-третьих, какова была, если можно так выразиться, «политическая программа» Амвросия и какую роль он сыграл в истории ранних бриттских королевств в V веке?

В-четвертых, как соотносятся между собой две традиции — Гильдаса/Беды, с одной стороны, и Ненния, с другой?

Перед тем, как перейти к рассмотрению аргументов различных исследователей, необходимо отметить, что из-за недостатка твердых фактов многие из них склонны к конструированию сложных умозрительных теорий, часто не выдерживающих критики оппонентов.

Как уже было сказано, родители Амвросия, по словам Гильдаса, «носили пурпур». Учитывая определение Амвросия как «*чуть ли не одного из римского племени*», наиболее популярной теорией является идея о том, что его родители, а, следовательно, и сам Амвросий, происходили из императорского рода (как известно, императоры носили тогу пурпурного цвета) [10, С. 437]. Вариантов создания генеалогической таблицы Амвросия возникает несколько. Прежде всего, он мог быть потомком кого-то из представителей дома Феодосия-Гонория — последних законных представителей императорской власти на момент отпадения Британии от империи. Но возможен и обратный вариант — происхождение Амвросия восходит к кому-то из бриттанских узурпаторов (либо Магну Максиму, либо Константину III).

Некоторые исследователи не считают возможным делать Амвросия Аврелиана потомком римских императоров. По их мнению, нужно вспомнить, что пурпур в одеянии имелся не только у членов императорского дома. Тоги с пурпурными полосами носили также представители сенаторского сословия и представители военных кругов (*tribuni militum*). В такой интерпретации он становится выходцем из верхушки римской знати (либо гражданской, либо военной), но не императорской фамилии.

Кристофер Гидлоу недавно предположил, что слова «носили пурпур» следует понимать не буквально, а как эвфемизм для обозначения слова кровь, и в такой интерпретации данная фраза может служить указанием на мученическую кончину родителей Амвросия [5, С. 80].

Каково бы ни было происхождение Амвросия, он предстает в труде Гильдаса как военный предводитель бриттов, который привел их к победе. Но стоит помнить, что в глазах Гильдаса эта победа была обусловлена не воинскими доблестями полководца или его воинов, а исключительно милостью Господа: от саксов «*...по воле Божией, победа отступила*» (DEB, 25), «*чтобы в роде сем мог бы Господь испытать обычным способом ненышней Израиль* (т.е. бриттов — О.М.)» (DEB, 26). Эта победа не была решающей, так как через неопределенное время после ряда сражений состоялась наиболее известная битва этой эпохи — при Маунт-Бадон. Оставляя в стороне не прекращающиеся споры относительно времени места битвы, остановимся на вопросе о руководителе войск бриттов в этом военном столкновении.

Гильдас ничего не говорит на этот счет: «*С этого времени побеждали то граждане, то враги... и до го-да осады Бадонской горы, новейшей почти что и немалой резни преступников...*» (DEB, 26). Начиная с Ненния (NBgr, 56), традиция приписывает руководство бриттами в этом сражении Артуру. Но почему его не называет в таком случае Гильдас? Среди многих гипотез одна была высказана еще в XII веке Гиральдом Камбрским (*Descriptio Cambriae*, II, 2) — это мотив личной неприязни Гильдаса к Артуру. Другая делает упор на общеизвестность среди читателей Гильдаса имени предводителя бриттов в битве при Маунт-Бадон. Но чаще всего исследователи отрицают возможность того, что и при Маунт-Бадон бриттами руководил Амвросий Аврелиан, особенно если помещать год битвы в первые два десятилетия VI века. А деятельность Амвросия, если следовать Гильдасу, должна датироваться второй половиной V века, что делает его маловероятным кандидатом на эту роль. Во-вторых, текст 26 параграфа *De Excidio* (где говорится о битве при Маунт-Бадон) логически отделен от предыдущего, повествующего про Амвросия.

Эти выводы попробовал опровергнуть О.Падель, обнаруживший, что в наиболее ранней рукописи *De Excidio* — Cotton Vitellius A, датируемой X веком, нет деления этого текста на два параграфа. Он предположил, что при таком делении текста Гильдас подразумевал Амвросия как руководителя бриттов битве при Маунт-Бадон [8, С. 17.]. Некоторые исследователи приняли аргументы Паделя [11, С. 37], но большинство остаются на прежней позиции, что к моменту битвы он уже сложил с себя полномочия полководца (или вообще скончался) [2, С. 75—78], которые перешли к Артуру.

В такой интерпретации Амвросий Аврелиан предстает как лидер какой-то группы бриттов во второй половине V века, когда противостояние между бриттами и саксами находилось на начальном этапе. Упоминание Ненния о том, что Вортигерн боялся Амвросия, привело к созданию ряда гипотез об особенностях политической ситуации в кельтской Британии в это время. В них Амвросий чаще всего рассматривается как лидер про-римской группировки в противовес Вортигерну, который видится лидером анти-римских сил, настроенных на построение независимого кельтского государства [3, С. 18]. Как вариант этой гипотезы можно назвать точку зрения Майрса, который рассматривал Вортигерна как лидера пелагианского движения, в противовес Амвросию, стороннику ортодоксального христианства [7, С. 35—36].

Однако ответственность за такие интерпретации целиком лежит на Неннии, поскольку в тексте Гильдаса нет ничего, что могло бы служить доказательством противостояния между Вортигерном и Амвросием. Откуда же Ненний взял сведения о борьбе среди бриттов в V веке?

Есть предположение, что в труде Ненния смешались две традиции, речь в которых идет о разных исторических личностях. В главе 31 речь идет об одном Амвросии, а в главах 40—42 — совершенно о другом персонаже, который в правление Вортигерны был еще ребенком. В ряде работ укрепилась идея о том, что эти два Амвросия — отец и сын (Амвросий Старший и Амвросий Младший) [см.: 9, 68—69 и 200—201]. Амвросий Старший был правителем какой-то области в Британии, «носил пурпур» и был соперником Вортигерны. Амвросий Младший вышел на политическую сцену позже, после гибели его отца (возможно, мученической) и возглавил сопротивление саксам, вновь таки объединив под своей властью значительную часть британских земель.

Таким образом, если предположить, что такая реконструкция событий V века в Британии верна, Амвросий Аврелиан (был ли он один, или это на самом деле были отец и сын) являлся одной из ключевых фигур британской истории. Однако не стоит забывать, что большинство гипотез базируется на весьма зыбких основаниях. К этому надо добавить, что Гильдас выбрал фигуру Амвросия Аврелиана не только за его успехи, но и в качестве противопоставления его потомкам, которые во времена Гильдаса являлись прямой противоположностью великому предку. Исход их этих соображений, в Британии V века могли действовать (и наверняка действовали) другие правители и полководцы, внесшие свой вклад в борьбу с англо-саксами — но скудность источников и их тенденциозность лишили нас знаний о них.

Литература

1. Collingwood R.G. and Myres J.N.L. Roman Britain and English Settlements. 2nd ed. Oxford: at the Clarendon Press, 1937. XXVI.
2. Dumville D. The Chronology of *De Excidio Britanniae*, Book 1 // Gildas: a new approaches / Ed. by M.Lapidge and D.Dumville. Woodbridge: The Boydell Press, 1984. P. 61—84.
3. Fisher D.J.V. The Anglo-Saxon Age, C. 400—1042. L., 1973.
4. Frere S. Britannia. A History of Roman Britain. 2nd ed. L., 1967.
5. Gidlow Ch. The reign of Arthur: from History to Legend. Stroud: Sutton, 2004.
6. Jackson K.H. Language and History in Early Britain. Edinburgh: Edinburgh UP, 1953.
7. Myres J.N.L. Pelagius and the End of Roman Rule in Britain // The Journal of Roman Studies. Vol. 50. 1960. P. 21—36.
8. Padel O. The Nature of Arthur // Cambrian Medieval Celtic Studies. 1994. Vol. 27. P. 1—31.
9. The prosopography of the later Roman Empire / Ed. by A.H.M.Jones, J.R.Martindale and J.Morris. Cambridge [Eng.]: Cambridge University Press, 1980.
10. Wood I. The Final Phase // A companion to Roman Britain / Ed. by M.Todd. Malden, MA: Blackwell Pub., 2004. P. 428—442.
11. Wood M. In Search of England: journey into the English past. Berkeley: Un-ty of California Press, 1999.

Ю.Н.Мостяев

г.Рязань

Рязанский государственный университет им. С.А.Есенина

ЗАХВАТ БИРМЫ ЯПОНСКИМИ ВОЙСКАМИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После захвата Малайи и Сингапура единственными стратегическими целями японцев на материке оставались Рангун и Бирманская дорога. Англичане находились в Бирме более 100 лет, но практически не обращали внимания на ее стратегическую оборону, хотя еще в 1926 г. генерал-лейтенант Эндрю Скин, тогда начальник индийского генерального штаба, говорил, что в один прекрасный день оборона северо-восточной границы Индии станет значительно более важной, чем северо-западной [8, С. 194]. Но практически вплоть до самого начала войны проблемам обороны Бирмы не уделялось никакого внимания. Считалось, что с востока она достаточно защищена как Сингапуром, так и существованием нейтральных соседей — Таиланда и Французского Индокитая. С запада же лежала Индия с ее громадными людскими и материальными ресурсами, что само по себе казалось гарантией бирманской безопасности. Молодые английские офицеры и гражданские чины, которые не были воспитаны в колониальном духе, открыто говорили, что индийское командование и британская армия в Бирме в течение многих поколений представляли лишь полицейскую силу, занимающуюся игрой в поло и распивающую чай [10, С. 90].

После отделения в 1938 г. Бирмы от Индии встал вопрос о ее подчинении в военном отношении. Стратегически обе страны оставались тесно взаимосвязанными, но индийское правительство не было заинтересовано в том, чтобы брать на себя расходы по обороне Бирмы. Бирманское правительство также не желало тратить деньги на военные нужды, а метрополия делала вид, что это ее не касается.

Только командование вооруженными силами в Индии поднимало вопрос о подчинении Бирмы командованию Индийской зоны. На совещании по этой проблеме в ноябре 1940 г. военные власти Британской Индии потребовали включения Бирмы в Индийскую зону, но английский генштаб подчинил ее Дальневосточному

командованию в качестве глубокого тыла Сингапура [15, С. 7]. Впоследствии в своем донесении Уэйвелл назвал данное решение кардинальной ошибкой [1, С. 349]. Лишь с началом войны с Японией 11 декабря 1941 г. в Лондоне был утвержден переход Бирмы в Индийскую зону, под командование Уэйвелла [6, С. 136].

Однако вскоре, на Вашингтонской конференции, при организации командования АБДА в результате довольно бурных дебатов Бирму вновь вывели из зоны Индийского командования в операционную зону командования АБДА. По мнению некоторых английских историков, этого делать было нельзя по многим вполне очевидным причинам. Этот район лишь недавно был передан в ведение командования британских войск в Индии, и новые изменения в такой критический момент являлись нежелательными по организационным соображениям. Кроме того, Индия была естественной базой для ведения военных действий в Бирме, так как Бирма являлась передовой оборонительной зоной у восточной индийской границы. Стратегически Бирма и Индия неразрывно связаны между собой, и разделить их ради нового искусственно созданного командования мог разве только безумец. Однако при принятии данного решения победили доводы дипломатического и военного характера, которые основывались на особом положении Китая.

Естественно такая чехарда мало способствовала усилению обороноспособности страны. В результате сложилась крайне сложная обстановка. Перед отделением Бирмы от Индии в первой находились два английских пехотных батальона, три-четыре бирманских, индийские горная батарея и рота саперов, незначительные отряды индийских вспомогательных и территориальных сил и административные части. Помимо этих войск, оборону Бирмы должны были обеспечивать девять батальонов Бирманской военной полиции [17, С. 117]. До начала войны в Европе существенно положение не изменилось. Англичане приступили к созданию бирманских вооруженных сил, но они в начале 1941 г. были невелики, и их боеспособность выглядела весьма условной.

В апреле 1941 г. сюда прибыла 13-я индийская пехотная бригада, которую разместили в Мандалае. С конца ноября началась высадка 16-й индийской пехотной бригады, которая вошла в резерв командующего войсками в Бирме. Английское командование предполагало, что японцы вторгнутся в Бирму через территорию Шанских государств в районе Кентунга, и накануне войны 13-я индийская и 1-я бирманская бригады двинулись в Шанские княжества [15, С. 12—14].

Южный путь через Тенассерим (гористый, без дорог, поросший лесом перешеек Кра) практически не рассматривался. Уэйвеллу для Бирмы были обещаны существенные подкрепления, но лишь в конце января сюда стали прибывать подразделения слабо обученной и не полностью укомплектованной 17-й индийской дивизии [4, С. 227].

Японское командование наоборот планировало силами 15-й армии, состоящей из 33-й и 55-й дивизий, при поддержке 10-й воздушной бригады занять Таиланд, затем, захватив английские аэродромы в Тенассериме и, прервав воздушное сообщение Сингапура с Индией, прикрыть тылы 25-й армии, наступающей в Малайе. В случае успешного наступления последней, 15-я армия должна была вторгнуться в Южную Бирму и в кратчайшие сроки достичь Рангуна [15, С. 23].

8 декабря 15-я армия заняла все таиландские аэродромы и железнодорожные узлы и вошла в Бангкок. Уже 16 декабря, оккупировав Викторию-Пойнт — важный пункт на воздушной трассе из Индии, расположенный на самом крайнем юге Бирмы, японцы лишили англичан возможности поставок в Сингапур по воздуху. В этих условиях, по решению английского командования, Индии надлежало приступить к превращению Рангуна в авиабазу для 15 эскадрилий, которая имела бы гарнизон в составе не менее 4 дивизий, что явно было невыполнимо [1, С. 305—306].

Правда Уэйвелл был настроен оптимистично и надеялся, что Бирму отстоять удастся, особенно при условии, если оборона Малайи, куда лучше подготовленная в военном отношении, будет стойкой. Захват Виктории-Пойнт и последовавшие за ним жестокие бомбардировки аэродромов и городов Тавоя и Мергуи он рассматривал как часть плана вторжения в Малайю, а не как угрозу Бирме [12, С. 50]. По мнению Фреда Элдриджа (американского репортера при штабе генерала Стилуэлла в Китае), настроенного крайне негативно по отношению к британскому командованию, Уэйвелл совершенно упустил Бирму из виду, так как либо не понимал стратегической важности последней, либо считал, что японцы не смогут продвинуться так далеко [10, С. 29—30].

17 декабря 1941 г. в Чунцине состоялась конференция, на которой присутствовали Арчибалд Уэйвелл, Чан Кай-ши и генерал-лейтенант американской армии Джордж Бретт. Чан Кай-ши заявил, что считает оборону Бирмы жизненно важной для Китая и предложил Уэйвеллу до 50 тыс. солдат. Однако последний отклонил данную помощь [18, С. 31—32]. Этот отказ был продиктован несколькими причинами. Британия не хотела укрепления американских позиций в Бирме, а гоминьдановские дивизии рассматривались как проводники американского влияния. К тому же генерал Уэйвелл был невысокого мнения о боевых качествах китайских войск и не хотел давать возможность Чан Кай-ши утверждать в случае успеха, что Бирму отстоял он. Могли также вновь всплыть старые споры о принадлежности северных районов страны. Гражданские власти опасались возможных конфликтов между китайскими солдатами и местным населением. Помимо этого английское и даже американское командования напугали обширные претензии китайского руководства. Гоминьдановское правительство заявило о своих претензиях на основную роль в формировании Тихоокеанской стратегии. По мнению Чан Кай-ши, именно в Чунцине следовало учредить Объединенный генеральный

штаб, и здесь должны были разрабатываться военные планы и определяться направления ударов против Японии. В сферу стратегических интересов штаба в Чунцине был включен даже Индийский океан [3, С. 132].

Уэйвелл находился еще в Китае, когда утром 23 декабря при отличной погоде японцы совершили первый воздушный налет на Рангун. В этот день погибло более 2 тыс. человек, еще около 1 тыс. умерло от ран, так как некому было подбирать пострадавших и везти в госпиталь [6, С. 138—139]. Как и рассчитывали японцы, в городе началась паника. В ту же ночь сотни тысяч человек бросились бежать из Рангуна. В основном это были индийцы, составлявшие большинство населения столицы. Уже где-то с середины 1941 г., когда стало понятно, что Япония присоединиться к странам «оси», часть индийцев отослали свои семьи в родную страну. В основном это был не страх перед японским вторжением (что считалось невозможным), а страх перед бомбардировками [13, С. 73]. Теперь же потоки людей устремились на запад, к Индии, толпы штурмовали пароходы. В считанные часы город лишился значительной части рабочей силы. Второй налет заставил покинуть почти всех еще оставшихся в нем индийцев. Порт, практически единственный источник снабжения Бирмы, замер.

26 декабря Уэйвелл возвратился в Индию и обнаружил, что войска, на которые он рассчитывал для обороны Бирмы, взяты для укрепления Малайи. Из двух дивизий ему оставили лишь одну индийскую бригаду [12, С. 59].

Английское командование наконец пришло к выводу, что основное наступление японцев будет разворачиваться со стороны Тенассерима. Сил для обороны Бирмы не было, и генерал Хаттон срочно начал переброску в Моулмейн прибывшей из Индии 46-ю индийской бригады и 13-ю индийской бригады, находившейся ранее в Мандалае [6, С. 139].

4 января 1942 г. японская 15-я армия под командованием генерала Иида, сосредоточенная на бирманско-тайландской границе, приступила к широкому вторжению в Бирму. Эта армия, включавшая два танковых полка, насчитывала около 70 тыс. солдат и офицеров, большинство которых уже участвовало в боях. Вместе с японскими войсками в страну вступило и ядро Армии независимости Бирмы, на первых порах игравшая роль проводников японцев. С ее помощью, например, последние при взятии Тавои выслали вперед фильтрационные группы, которые смогли обойти англичан, захватить их грузовики и штаб и внезапно овладеть городом [2, С. 248].

Крупный город и порт Мергуи, находившийся южнее, оказался отрезанным, и его гарнизон 20 января эвакуировали морем. В итоге за несколько дней боев в руки японцев перешел практически весь Тенассерим. Англичане сохранили контроль только над его северной частью, где находился второй по величине порт и один из крупнейших городов Бирмы — Моулмейн.

Генерал-лейтенант Джек Смит, командующий 17-й индийской дивизии, был опытным офицером, получивший Крест Виктории еще в годы Первой мировой войны. Однако сама дивизия в основном состояла из новобранцев, хотя и происходивших из воинственных каст, но практически необученных. К тому же 44-я и 45-я бригады были отправлены в Малайю, и Смигу пришлось формировать свою часть практически заново [11, С. 52—54]. Но самой важной проблемой стало наличие значительного числа неопытных офицеров, набранных уже во время войны из контор и плантаций. Им были даны чины, соответствующие их финансовому и общественному положению. Этот метод производства офицеров сыграл существенную роль в последующей военной катастрофе [10, С. 30]. Даже в «Дейли экспресс» 15 января 1942 г. давалась характеристика английских офицеров, бывших колониальных чиновников и плантаторов как «банды пропойц-плантаторов и незадачливых вояк» [5, С. 536]. Поэтому неудивительно, что, когда Хаттон приказал бригаде, защищавшей перевалы, ведущие к Моулмейну, отступить, чтобы избежать окружения, та проделала это так неуклюже, что потеряла большую часть транспорта. И хотя потери в бригаде были невелики, боевой дух солдат и офицеров оказался совершенно подорван. Смит начал эвакуацию всех европейских и индийских женщин и детей, а дивизии приказал отступить за реку Салуин. Но Хаттон и Уэйвелл пришли к решению удержать японцев у Моулмейна. Смит был вынужден подчиниться, хотя и опасался, что попадет в ловушку, имея позади труднопроходимую дельту Салуина, а впереди — горный хребет с несколькими тропами, на которых неожиданно могли появиться новые японские войска. Эти опасения полностью оправдались [15, С. 9—31].

Утром 30 января 55-я японская дивизия одновременно с юга и востока атаковала Моулмейн, обороняемый всего четырьмя батальонами 17-й индийской дивизии, растянутыми по фронту на 20 км. До вечера сводная бригада отражала все атаки, но противник на лодках поднялся по реке, разрезающей город, чтобы вклиниться в расположение поредевших защитников. Начался отход. Бой продолжался всю ночь. Только к утру, потеряв около 600 человек, индийцы перешли на западный берег Салуина, оставив раненых [12, С. 70]. Отошедшие части заняли новую линию обороны в 30 км к востоку от реки Ситаун, очень широкой в устье и имевшей приливную волну высотой до 6 м. Через реку был только один железнодорожный мост. В ночь с 3 на 4 февраля авангард японской 33-й дивизии занял Пхаан, важный транспортный центр, и 9 февраля японские войска получили приказ начать наступление на Рангун. Части 17-й индийской дивизии с трудом сдерживали их, надеясь оторваться от противника и уйти за реку Билин, впадающую в море на полпути от Салуина к Ситауну [6, С. 143].

По мнению Хаттона, Бирму могли удержать как минимум 6 дивизий [12, С. 92]. Еще до наступления японцев на Рангун, он получил согласие Чан Кай-ши на ввод китайских войск, но с условием, что они займут изолированные участки фронта. Из Индии, армия которой была ослаблена посылкой частей в Северную Африку, Малайю и на Ближний Восток, англичане не хотели брать войска, опасаясь усиления внутренней напряженности. В этот критический момент Черчилль получил тяжелый удар от австралийского правительства, отказавшегося от посылки сюда двух своих дивизий [9, С. 382—385].

В результате основная тяжесть боев пришлось на 17-ю индийскую дивизию, которой удалось на реке Билин удержать японцев на 4 дня. Две ее бригады (16-я и 46-я) заняли оборону на берегу. Сюда, наконец, подошла боеспособная 48-я бригада, состоящая в основном из гуркхов. В то время как 55-я японская дивизия атаковала индийцев с фронта, свежая 33-я начала обходной маневр. Создалась угроза флангам, и 17-я дивизия открытым текстом получила приказ отступить к реке Ситаун в район железнодорожного моста [17, С. 133]. Японская разведка перехватила это распоряжение, и Иида приказал 215-му полку прорваться через джунгли к мосту и захватить его [15, С. 64]. 20 февраля все три бригады, оторвавшись от противника в условиях ожесточенных арьергардных боев, собрались в районе Чайтхо откуда до моста шла разбитая проселочная дорога. Движение резко замедлилось [6, С. 45]. Мост охранялся всего одной ротой, выдвинутой из Рангуна. Однако, командование дивизии не спеша занималось планированием отхода, теряя драгоценное время. Утром 21 февраля началось отступление. Сначала двинулись саперы и сторожевой полк, затем штабные службы, 48-я и 16-я бригады. 46-я бригада находилась в арьергарде, сдерживая японцев [15, С. 65]. Постоянно налетали самолеты противника, и отступление задерживалось. В середине дня к японским самолетам присоединились и английские. В результате их «удачного» налета дивизия потеряла больше, чем во всех предыдущих боях. К тому же, на несколько часов полностью прекратилось движение из-за множества разбитых грузовиков и повозок [12, С. 94]. Дивизия растянулась на 25 км вдоль дороги. Только 22 февраля в 7 ч. утра на западный берег перешли два батальона 48-й бригады под командованием Хью-Джонса и штаб дивизии [6, С. 146].

В это время 215-й японский полк преодолел джунгли и начал бой за переправу. Его солдаты оказались настолько измотаны, что валялись от усталости. Поэтому двум оставшимся батальонам 48-й бригады удалось их остановить. Однако возникла сумятица, и, когда вскоре подошла 16-я индийская бригада, ее командир Джонс решил, что японцы захватили позиции у моста и начал артобстрел холмов. Гуркхские батальоны под огнем своих отступили. В бой вмешались японцы, и наступила всеобщая неразбериха. Такой же беспорядок творился и в рядах отступавшей колонны. Японцам даже удалось втиснуться в разрыв между 16-й и 46-й бригадами. В рядах 17-й дивизии царил хаос и беспорядок. Никто ничего не знал. В часы, когда 46-я бригада пробивалась к Моулмейну через лес и японцев, а 16-я отражала атаки противника, саперы завершили минирование моста. Отдельные группы солдат индийских частей переправились по мосту, ничего не зная о других. Допросив их, Джонс пришел к выводу, что бригады разбиты и доложил Смит, что сможет удерживать мост в течение часа, а затем взорвет его. Последний, «полагая, что большая часть дивизии уже перешла через мост, дал распоряжение командиру бригады взорвать его, выбрав для этого наиболее подходящий момент». Так, паника одного и неосведомленность другого привели к «катастрофе у Ситауна». 23 февраля в 5 ч. 30 мин. утра мост был взорван. Большая часть дивизии оставалась на восточном берегу. Лишь немногие смогли переправиться через бурную реку шириной до 1 км.

В районе Пегу собрались жалкие остатки дивизии, которая потеряла всю артиллерию, обоз и раненых. Теперь дивизия, включая два батальона, перешедших реку по мосту, насчитывала 80 офицеров и 3404 солдата с 1420 винтовками [15, С. 69—73]. Японцев от Рангуна отделяла последняя линия обороны англичан по реке Пегу. Здесь к переформированным остаткам 17-й дивизии присоединились три английских батальона, переброшенных из Индии, и прибывшая со Среднего Востока 7-я бронетанковая бригада, направлявшаяся на Яву, но опоздавшая. Дальше на севере, 1-я бирманская дивизия, после вступления 6-й китайской армии в Шаньские княжества, продвинулась южнее Тоунгуа для защиты главного пути на север, к Мандалаю [9, С. 382].

4 марта в Индию прибыл генерал Гарольд Александер, назначенный командующим в Бирме. Здесь его встретил Уэйвелл, в эти дни переставший командовать исчезнувшей зоной АБДА и возвращенный командовать Индийской зоной. Был снят командир 17-й индийской дивизии Смит. Уэйвелл так объяснял эту отставку: «Смит производит впечатление совершенно рехнувшегося человека, и я был вынужден тут же заменить его бригадиром Коуэном» [12, С. 108]. «Сумасшествие» Смита состояло в его предложении оставить Рангун и отступить. Между тем 3 марта японцы без особых проблем переправились через Ситаун и уже 5 марта достигли Пегу и атаковали позиции 17-й дивизии, в состав которой вошли 7-я бронетанковая и только что прибывшая 63-я индийская пехотная бригады. Бои за Пегу в основном свелись к тому, что оборонявшиеся части постоянно обнаруживали у себя в тылу японцев и срочно начинали пробиваться к своим. К утру 8 марта дивизия заняла оборону на перекрестке шоссе в 40 км к северу от Рангуна, у городка Хлегу [15, С. 88—91]. Однако в ночь на 7 марта Александер отдал приказ об уничтожении нефтеочистительных заводов, портовых сооружений и других важных объектов, но саперов не хватало, и взорвана была лишь малая часть [6, С. 152—153]. Утром 7 марта началось отступление из Рангуна, что явилось для японцев полной неожиданностью.

Надо отметить, что сопротивление оборонявшихся постоянно возрастало. Так, лишь полмесяца японцы потратили, чтобы пройти около 600 км от Тенасерима до Моулмейна, но свыше месяца потребовалось, чтобы преодолеть 160 км от Моулмейна до Рангуна [7, С. 47]. Большинство английских самолетов вернулось в Индию (в общей сложности 44), куда к концу марта с Ближнего Востока прибыло подкрепление примерно из 150 истребителей и бомбардировщиков [4, С. 299].

Потеря Рангуна означала потерю Бирмы. К тому же с этого момента Китай практически оказывался отрезанным от внешнего мира. Большинство запасов, доставленных в Бирму для Китая, либо погибло либо попало в руки японцев. Последние не беспокоили британские войска, отступавшие в северном направлении, так как им нужно было переформироваться после ожесточенных боев и больших потерь, а также после трудных переходов. Бирманская дивизия вела упорные бои, задерживая продвижение противника в направлении Тоунгуа в то время, как 17-я индийская дивизия и 7-я бронетанковая бригада постепенно продвигались к Проме. В это же время 15-я армия Ииды, не дожидаясь прибытия подкреплений, начала наступление на север с целью разгромить китайские войска и занять Мандалай. 24 марта японцы атаковали 200-ю китайскую дивизию у Тоунгуа, и после ожесточенных боев, длившихся неделю, захватили этот город. Через 4 дня противник вышел на обе стороны реки Иравади, напротив Проме [9, С. 386—387].

29 марта в Бирму для командования британскими войсками, в которые входили индийские части, прибыл генерал-майор Уильям Слим. Лишь за два года до этого он был подполковником Индийской армии, без карьерного роста, занимавшийся редактированием военного журнала и написанием экзотических рассказов из индийской жизни. В 1940 г. он был отправлен со своим батальоном на Ближний Восток, где получил почетное звание и бригаду, и уже в 1941 г. успешно командовал в Ираке и Иране целой дивизией [16, С. 60].

Слиму с двумя индийскими в значительной мере фиктивными дивизиями и потрепанной танковой бригадой было дано задание любой ценой удержать нефтепромыслы в Енанджауне. Однако еще до того как он реально приступил к своим обязанностям обстановка сильно изменилась, особенно в долине Ситауна. После взятия Тоунгуа Иида решил перебросить свои силы в долину Ситауна, затем быстро продвинуться к самой северной конечности Бирмы, развернуться фронтом на запад и, не дав соединиться корпусу Слима с китайцами, вытеснить англо-индийские войска в Индию [15, С. 163].

Следуя этому плану, японские части начали теснить китайские войска, которые, не оказывая серьезного сопротивления, стали отходить к северу. В конце марта остатки британских сил после продолжительного боя у Шуидаунга получили приказ оставить Проме и сосредоточиться в районе Алланмьо. 17-я дивизия отступала, не давая японцам прорваться на север из Проме по направлению к Дейиндабо [17, С. 150]. Войска отходили по самой засушливой и жаркой части Бирмы в самый жаркий месяц по пыльной дороге. Ничего не было видно уже в трех шагах. Около колодцев собирались огромные толпы, и японские самолеты непрерывно бомбили эти прекрасные мишени, нанося огромный урон отступающим. За два дня такого отхода части корпуса прошли около 60 км и достигли Алланмьо [15, С. 60]. В спешке все мосты оставались целыми, что позволяло японцам быстро продвигаться за противником [19, С. 276].

10 апреля японцы начали энергично атаковать Слима малыми группами в различных пунктах обороны. Небольшие отряды японцев и бирманцев из АНБ проникали в тыл, внося панику в ряды и так деморализованного и измотанного противника. В корпусе Слима началось дезертирство. По воспоминаниям Фреда Элдриджа (правда, настроенного крайне антибритански), «английские «томи» дезертировали в таких количествах, что потребовалось выставить даже специальные посты военной полиции в Мандалае, чтобы перехватывать дезертиров» [10, С. 49]. Войска потеряли всякую веру в командиров. В этих условиях, понимая, что вскоре вообще может остаться без войск, Слим без разрешения Александра отдал приказ взрывать нефтепромыслы и хранилища нефти в Енанджауне [6, С. 170].

1-я бирманская дивизия оказалась отрезанной и прижатой к реке. Попытки 17-й индийской дивизии пробить кольцо окружения ни к чему не привели. Только свежая недавно прибывшая китайская дивизия смогла осуществить единственное удачное контрнаступление на этом этапе бирманской кампании и отвоевать Енанджаун. К сожалению, бирманская дивизия к этому моменту как боеспособная часть уже перестала существовать. Стало ясно, что дальше защищать Бирму невозможно. Уже после потери Рангуна английское командование разработало план отступления в Индию, включавший три возможных рубежа обороны: 1) район Проме; 2) нефтезаводы Енанджауна; 3) район Мандалай — Мейткила. Ни один из этих рубежей не имел ни серьезных укреплений, ни естественных преград. Отсутствовала надежда и на получение резервов. Все это не позволило оказать действительно серьезное сопротивление [14, С. 63].

Сильные разногласия возникли при определении маршрута отступления из Бирмы. Английское командование предпочитало отвести войска в Ассам, что должно было привести к большим потерям и гибели транспорта, всех танков и запасов, так как сюда вели только горные тропы, но позволяло укрепить индо-бирманскую границу. Однако под напором американцев и китайцев был принят другой план: отступить на север вместе с китайскими войсками, имея в тылу Бирманскую дорогу, по которой шли поставки в Китай [15, С. 152].

Японцы помогли принять Александру решение отступать по «индийскому варианту» своим быстрым продвижением по долине Ситауна. Осознав, что дальнейшая оборона Мандалая невозможна, 26 апреля он отдал приказ об отступлении к Калеве [17, С. 160]. Из Бирмы в Индию вело две горные дороги, не пригодные для автомобильного транспорта практически на всем протяжении. Северный путь длиной 150 км, более короткий и удобный, шел от Мандалая по долине Чиндуина и через горы выводил к Калеве. Его главным недостатком были проблемы с водой. Южный путь начинался от г.Пакхоуку, затем выходил в долину реки Мьита, и далее в виде тропы шел на север до впадения Мьиты в Чиндуин, где располагались Калева и Калемьо.

Александр отдал приказ своей армии разделиться. 17-я индийская дивизия и танковая бригада (уже без танков) должны были отступать по северному пути; остальные немедленно по южному, чтобы опередить японцев [15, С. 181—182]. 17-я индийская и 38-я китайская дивизии прикрывали отступавших. В их задачу входила защита основного моста через Иравади у Авы. Сопrotивление оборонявшихся частей постоянно возрастало. Постепенно они научились сражаться. Произошли серьезные изменения в командном составе. Уже имея превосходящие силы, японцы не смогли добиться решающих успехов.

1 мая 215-й японский полк переправился через Чиндуин и занял г.Моуньюа, что позволяло ему занять Калеве раньше армии Александра, поднявшись вверх по реке. Индийские части, располагавшиеся между Авой и Моуньюа, оказались в крайне тяжелом положении. К ним быстро были переброшены танковая и 63-я индийская бригады, которые смогли задержать японцев. Вскоре сюда прибыли две бригады бирманской дивизии [17, С. 167]. Противник смог спасти положение только с помощью военной хитрости. По радио открытым текстом от имени Слива был передан приказ 13-й бригаде оставить позиции у Моуньюа и двинуться на север на соединение с другими частями армии. Бригада выполнила приказ. За ней отступили и другие, оставив нижнее течение Чиндуина в руках противника. Все это заставило Александра думать только о быстром отступлении, чтобы оказаться первым у Калеве и сохранить личный состав армии. Ему удалось сравнительно быстро достигнуть берега Чиндуина напротив Калеве и приступить к переправе. Однако вскоре появились японцы, тут же начавшие обстрел скопления машин и солдат. Было решено сжечь все машины, повозки и танки, расстрелять все снаряды и, отступив вверх по реке, переправиться в другом месте.

Японцы не имели достаточно сил для преследования и позволили остаткам армии Александра переправиться через Чиндуин, которые затем через перевал Таму двинулись в Индию. Для них Бирманская кампания завершилась. Официально британская армия потеряла 13 463 человека, японская (по ее данным) — около 5 тыс. [15, С. 296].

Литература

1. Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия. Июнь 1941 — август 1942. М., 1967.
2. Васильев В.Ф. Очерки истории Бирмы 1885—1947. М., 1962.
3. Каткова З.Д. Внешняя политика гоминдановского правительства в период антияпонской войны. М., 1978.
4. Лиддел Г.Б. Вторая мировая война: (очерк). М., 1976.
5. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945). М., 1951.
6. Можейко И.В. «Западный ветер — ясная погода». М., 1984.
7. Попов К.М. Тихоокеанский театр военных действий. Ташкент, 1942.
8. Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., 1956.
9. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. Т. 4.
10. Элдридж Ф. Гнев в Бирме. М., 1947.
11. Carew T. The Longest Retreat. The Burma Campaign, 1942. L., 1969.
12. Collis M. Last and First in Burma (1941—1948). L., 1956.
13. Desai W.S. India and Burma. A Study. Bombay—Calcutta—Madras, 1954.
14. Kesavulu S. The Second World War in Retrospect. Ambattur (Madras), 1985.
15. Kirby S.W. The War Against Japan. L., 1957. Vol. II.
16. Lewin R. Slim: the Standartbearer. L., 1978.
17. Raina B.L. Campaigns in the Eastern Theatre. Kanpur, 1964.
18. Stilwell J. The Stilwell Papers. L., 1945.
19. Tuchman B.W. Stilwell and the American Experience in China. 1941—1945. N.Y., 1971.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ВЫХОДА ФРАНЦИИ ИЗ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАТО В 1966 ГОДУ

Во второй половине 40-х — первой половине 50-х годов отношения Франции и НАТО были более чем дружественными, а действия Франции, как члена НАТО, были скоординированы с другими участниками Альянса, в первую очередь с США. Часть вооруженных сил Франции оказалось под объединенным командованием НАТО. Такое превалирующее положение США в НАТО в целом, и в жизни Франции в частности было характерным вплоть до второй половины 50-х годов XX века, когда к власти во Франции приходит лидер французского Сопrotивления времен Второй мировой войны Шарль де Голль.

Кроме решения задач внутренней политики, правительством Шарля де Голля ставились задачи коренной реорганизации внешней политики Французской республики, которая предполагала и изменение роли и места Франции в НАТО. Труднейшей задачей Франции в те годы было решение проблемы Алжира, который уже на протяжении нескольких лет (с 1954 года) ведет войну за независимость. В 1962 году война заканчивается предоставлением независимости Алжиру. Но главной целью де Голля было не удержание разваливающейся колониальной империи Франции, а обеспечение влияния Франции в мире, два полюса которого — США и СССР — уже определились. Для решения этой задачи Шарль де Голль, во-первых, активизирует вяло текущие с начала 50-х годов разработки французского атомного оружия, которые увенчиваются созданием французской атомной бомбы, первое испытание которого было произведено в 1960 году, во-вторых — коренным образом пересматривает отношения своей страны с НАТО. Рассмотрим эту реорганизацию подробнее.

Уже в 1959 году началось ухудшение отношений с Альянсом и было оно связано с переводом под французское (а не под натовское) командование подразделения ПВО, ракетные войска и войска, выводимые из Алжира. Де Голль, также неоднократно заявлял, что против иностранного военного присутствия на территории Франции (в стране было около 30 баз НАТО, укомплектованных нефранцузами). Появление французской атомной бомбы, активное проведение испытаний нового оружия, также послужили сигналом к трениям с США. Последние, относительно продолжительное время не признавали право Франции на атомное оружие, рассматривая появление его как своего рода угрозу своей политической гегемонии в Европе.

Обострение противоречий с НАТО во многом было связано с независимой внешней политикой Франции по отношению к СССР. Именно в эти годы во Франции стала преобладать идея разрядки напряженности. Отношения Франции и СССР начинают «теплеть» — у Франции не было никаких прямых споров с СССР. Де Голль считал, что «режимы уходят, а народы остаются». Военного соперничества между Францией и СССР также не было. Разрядка, по мысли де Голля, вызвала бы развитие демократии в СССР и Восточной Европе.

Как следствие в начале 60-х годов между Францией и СССР было подписано несколько важных двухсторонних торговых соглашений. В это же время Франция начинает придерживаться «особого мнения» в вопросах противостояния СССР и НАТО, причем это «особое мнение» высказывалось на самом высшем уровне и руководству НАТО в том числе. Противоречия с руководством Альянса также подчеркивались тем фактом, что Франция в 1963 году не подписала договор о частичном запрещении атомных испытаний, а также частыми антиамериканскими заявлениями Французского президента. Однако в эти годы Франция все еще считало свое членство в военном блоке НАТО достаточно важным — она стремилась иметь свои войска в Германии, а также все еще «надеялась» на признание соевей «особой» позиции властями США. Ситуация изменяется в 1965—66 годах, о событиях которых мы поговорим в дальнейшем изложении.

Стремление Парижа к обособлению внутри военно-политической стратегии Запада усиливалось по мере разрастания войны США во Вьетнаме в 1965—1966 гг. Франция резко критиковала Вашингтон за начало вьетнамской кампании. Ш. де Голль подозревал США в желании присвоить французское «колониальное наследство» и перехватить геополитический плацдарм в Индокитае, который прежде принадлежал французам. Париж учитывал фактическую вовлеченность в войну Советского Союза и Китая, которые действовали на стороне вьетнамцев против США. Столкнувшись с риском стать заложником советско-американской конфронтации французское руководство не хотело. Париж пришел к заключению о необходимости радикального решения.

21 февраля 1966 г. Франция официально заявила о выходе из военной организации НАТО. Мотивируя свое решение, Ш. де Голль заявил, что в связи с изменившимися условиями в мире политика, проводимая в рамках НАТО, противоречит интересам Франции и может привести к автоматическому вовлечению ее в конфликты. Ш. де Голль добился от США эвакуации с французской территории всех военных штабов НАТО, вывода союзнических войск и ликвидации иностранных военных баз. Все французские вооруженные силы были подчинены национальному командованию с 1 июля 1966 г., а с 6 октября 1966 г. представители Франции покинули постоянный комитет НАТО.

Франция стояла у истоков создания НАТО в 1949 году, но членство в Альянсе не избавило ее от тяжелых последствий Второй мировой войны и мало способствовало решению проблем внутри- и внешнеполитического характера. Зависимость от американской экономики, сложившаяся в первые послевоенные годы приводит к затяжному экономическому кризису, а неспособность политических сил страны к компромиссу толкает французское общество в состояние близкое к гражданской войне. В это время к власти приходит Шарль де Голль, уделявший большое внимание внешней политике. При нем политика французского государства по отношению к НАТО становится негативной. Период 1963—1965 годов, характеризуется обострением противоречий Франции с Альянсом. Связаны они во многом с позитивным развитием двухсторонних отношений Франции и СССР в духе идей «разрядки», которые де Голль противопоставлял концепции глобального противостояния, проповедуемой руководством США. Можно предположить, что «особые» отношения Франции с СССР, де Голль использовал в пику чрезмерному влиянию США в Западной Европе. Апогеем внешней политики де Голля стал выход Франции из военных структур Альянса, что, с одной стороны осложняло продвижение позиции Франции в политических структурах НАТО, а с другой — позволяло проводить политику, независимую от США.

Р.В.Петров, В.Н.Ерохин

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

ПРЕДЫСТОРИЯ И ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ

Путешествие русских к святым местам Палестины с целью помолиться на месте земного пребывания Иисуса Христа, Богородицы, апостолов и пророков имеет давние корни, уходящие в домонгольский период нашей истории. Доподлинно неизвестно, когда первые русские паломники посетили Святую Землю (так называют Палестину верующие трех конфессий — христиане, мусульмане и иудеи). В Никоновской летописи XVI века приводятся сведения о том, что первые русские люди посетили Иерусалим в составе посольства Великого князя Киевского Владимира еще в X веке с целью знакомства с нравами и обычаями различных народов [6, С. 21]. На рубеже —XI веков жена Великого князя Владимира Мономаха Гита Харальдовна также совершила паломничество в Иерусалим, где она, как считается, и закончила свою земную жизнь [6, С. 21—22]. Автор Повести временных лет, преподобный Нестор Летописец сообщает имя русского путешественника в Святую Землю — игумена Варлаама из Дмитрова, в 1062 году ходившего на поклонение святым местам Палестины [9, С. 191].

Еще ранее, в двадцатые годы XI века, как сообщается в житии прп. Феодосия Киево-Печерского, будущий великий русский подвижник, тринадцатилетним отроком встречает в Курске странников, идущих из Иерусалима [3, С. 88].

Письменно зафиксировано подробное описание первого «хождения» в XII веке новгородского игумена Даниила [6, С. 20].

В 1167 году в Иерусалим прибыла княгиня Евфросиния Полоцкая, где она и осталась до своей кончины, последовавшей в 1173 г. [8, С. 56].

Многие русские люди стремились посетить святы места Палестины с целью «замолить грехи у Гроба Господня». Это действие рассматривалось нашими предками, как духовно-очистительный подвиг ради спасения души.

Все подобные путешествия были сопряжены со многими трудностями и опасностями. Учитывая, что это были времена крестовых походов, а впоследствии мамлюкского и османского завоевания Палестины, в регионе было все нестабильно, взрывоопасно, как и на протяжении всей истории Ближнего Востока. Для русского православного человека, не ориентировавшегося на местности, не знавшего языков, географии и местных обычаев, подобные «хождения» были особенно опасны. И немногим даже удавалось пройти путь до Иерусалима до конца [5, С. 300]. И, тем не менее, никакие опасности не смогли остановить верующих людей на пути к своей заветной мечте. И с годами, столетиями, связь России с Палестиной становится еще более крепкой.

В 1583—1584 годах московский купец Трифон Коробейников побывал в Палестине и также как и его предшественник, игумен Даниил, оставил описание своего «хождения», которое впоследствии выдержало несколько изданий и стало весьма популярной в русской литературе XVI—XVII веков.

Не только молитвенные и покаянные мотивы вели русских людей в Святую Землю. Так, в 1649 году ученый монах из Троице-Сергиева монастыря Арсений Суханов совершает путешествие в Палестину, целью которого было изучение богослужебной практики Иерусалимской Православной Церкви.

В середине XVII века патриархом Московским и всея Руси Никоном недалеко от Москвы был основан монастырь, названный Новым Иерусалимом. Там был возведен храм по образу и подобию храма Воскресения

Христов (храм Гроба Господня) в Иерусалиме. Дорогие сердцу русского человека названия библейских мест — река Иордан, горы — Елеон и Фавор, а также — Гефсимания, Вифания зазвучали на берегах реки Истра [4, С. 141—142].

В XVIII веке свое длительное путешествие по Ближнему Востоку совершил известный путешественник, сын киевского купца — Василий Григорович — Барский, оставивший интересные и подробные описания и зарисовки посещенных им многочисленных мест Святой Земли.

С XVIII века Россия выступает в роли гаранта религиозных прав православного населения Востока, что и признавалось Османской империей, владевшей тогда Святой Землей и всем Ближним Востоком.

«Петр I, принявший в 1721 году титул императора, впервые оговорил в международном договоре права русских паломников, а Екатерина II вписала в Кучук — Кайнарджийский договор с Турцией 1774 г. две статьи, в которых говорится о защите православных христиан и беспрепятственном «хождении» русских паломников в Иерусалим и к святым местам Палестины» [6, С. 35].

В 1784 году в ливанской Сайде было учреждено генеральное консульство России. Его первым руководителем стал Карл Ферриери, которому было поручено содействовать развитию торговли между Россией и странами Восточного Средиземноморья, оказывать покровительство российским подданным и вообще, быть государевым человеком на Ближнем Востоке. С этого времени наблюдается деятельное стремление русского правительства не просто обозначить свое присутствие на Востоке, но и, по возможности, закрепиться там, усилить влияние России на все стороны жизни в этом регионе. Тому способствовали не только политическое противостояние России и Османской империи, но и широкое распространение в Палестине католического и протестантского миссионерского движения [2, С. 23]. Как считало правительство, Российская империя упускает возможность закрепиться на Ближнем Востоке, таким образом, цели создания органа, способствовавшему усилению русского влияния в Святой Земле, были, как политические, так и религиозные. Рост числа паломников из России увеличивался с каждым десятилетием. «Однако, лишь в XIX столетии, когда были налажены регулярные дипломатические отношения с Портой, посещение Палестины русскими богомольцами приобрело широкий размах. Русские паломники были главным предметом заботы российского правительства. Духовные и светские власти России все яснее стали осознавать необходимость постоянного присутствия русских священнослужителей в Иерусалиме. В России считали также необходимым оказывать содействие Иерусалимской Православной Церкви в укреплении Православия на Востоке» [5, С. 300].

Первым камнем в создании «Русской Палестины», указом императора Александра I стало основание 27 августа 1814 года в Таганроге Троицкого Александровского монастыря, который был призван стать подворьем Иерусалимского Патриархата [2, С. 6]. В 1818 году в Москве при храме апостола Филиппа возникает Иерусалимское подворье (которое остается таковым и в наши дни). Однако на организацию собственных учреждений в Святой Земле правительство Александра I пока не решилось. Это произошло уже при Николае I. В июле 1840 года император Николай Павлович подписывают Лондонскую конвенцию, которая открыла широкую возможность европейским странам, в том числе и России, принимать участие в делах Ближнего Востока. Теперь России приходится не отставать от западных, католических и протестантских держав, которые проводили в то время широкомасштабную миссионерскую деятельность в Святой Земле.

В 1842 году министр иностранных дел России граф Нессельроде направляет императору всеподданнейший доклад, в котором подробно излагает политическое и религиозное положение в Палестине, которые, на тот момент были явно не в пользу православия. «Деятельной мерой для поддержания Греческой церкви граф Нессельроде признавал присутствие в Иерусалиме русского духовного лица, которое, по своему сану, удобнее светского человека мог бы вникнуть во все обстоятельства, касающиеся Православной Церкви, послужить ближайшим посредником Синодом Русской Православной Церкви и Иерусалимской Патриархией» [10, С. 95]. Синодом было предложено направить в Палестину представителя Русской Церкви инкогнито, без открытых указаний и явных целей его пребывания там, но под видом простого паломника, чтобы не вызывать подозрений со стороны османской администрации. Такому человеку «следовало поручить войти в доверие тамошнего духовенства, вникнуть в положение Православной Церкви и обо всем ... доносить через посредничество нашего Бейрутского консула» [10, С. 96]. Этот всеподданнейший доклад был утвержден императором 13 июля 1842 года. Обер-прокурор Святейшего Синода Н.А.Протасов предложил направить в Святую Землю архимандрита в сопровождении 2 или 3 иеромонахов. «Однако круг задач Миссии не был вполне определен. Решено было прежде ознакомиться с обстановкой на месте, в том числе выяснить, каким образом Россия могла бы оказать наиболее действенную помощь братьям по вере в Палестине» [5, С. 300]. Для выполнения данной миссии был необходим образованный монах, владеющий иностранными языками, имеющий опыт служения за пределами Отечества. На эту стезю был поставлен архимандрит Порфирий (Успенский), проходивший в то время служение при посольской церкви в Вене. «Отчего выбор Синода именно на него, определить более чем трудно. При этом назначении имелись, может быть, личные соображения, ключ к которым в настоящее время потерян. Преосвященный Порфирий, по крайней мере, лично утверждал, что такое назначение было для него совершенно неожиданностью» [10, С. 98].

Архимандрит Порфирий (в миру — Константин Александрович Успенский) родился в Костроме в семье псаломщика в 1804 году. Обучался в Костромской духовной семинарии и Санкт-Петербургской духовной

академии, по окончании которой, в 1829 году, принял монашество. Преподавал Закон Божий во II Петербургском кадетском корпусе, затем в Одесском Ришельевском лицее. В 1834 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Одесского Успенского монастыря. С 1838 года — преподаватель церковного права и церковной истории, а затем и ректор Херсонской духовной семинарии, профессор богословия. Из Херсона в 1842 году о. Порфирий получил назначение на настоятельство в русской посольской церкви в Вене [7, С. 13]. Через полтора года служения в Европе, летом 183 г. архимандрит Порфирий был вызван в Санкт-Петербург, где и получил новое назначение — в Святую Землю. По пути в Иерусалим о. Порфирий посетил Константинополь и Дамаск, где имел знакомство и общение с тремя Восточными патриархами — Иерусалимским (проживавшим на тот момент в Константинополе), Константинопольским и Антиохийским. Там произошло первое знакомство нашего посланника с православными единоверцами на Востоке. В порту Хайфы о. Порфирий впервые ступил на Святую Землю и 20 декабря 1843 года прибыл в Иерусалим. «Архимандрит Порфирий много путешествовал по Палестине, знакомясь с местными православными общинами, их обычаями и бытом. Нередко он оказывался первым русским человеком, посетившим то или иное селение. В его сознании зрела уверенность в необходимости помощи местному православию. Такую помощь, по его убеждению, могло бы оказать учреждение постоянного представительства Русской Православной Церкви в Иерусалиме. В августе 1844 года он покинул Иерусалим, изложив свои мысли по поводу создания русской Духовной Миссии в подготовленном им отчете» [5, С. 301—302].

На основании доклада архимандрита Порфирия (Успенского) министр иностранных дел граф К.В. Нессельроде подает на имя императора Николая I Представление об учреждении Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, составленное по предварительному соглашению с обер-прокурором Синода Н.А. Протасовым. Поданное Представление было высочайше одобрено и утверждено 11 февраля 1847 года. Император повелел определить состав Миссии, изыскать источник средств на ее отправление в Иерусалим, ежегодное содержание, устройство ризницы и прочие расходы [7, С. 12].

Вскоре, вслед за императорским указом, следует указ из Синода об образовании Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. С этого момента Миссия получает свое бытие. Однако, под давлением российского МИДа, который боялся придавать Миссии официальный характер, ее начальники должны были прибывать в Иерусалим также на правах паломника, хотя уже и официально. Ни здания, ни имущества Миссия пока иметь не могла. В инструкции, составленной в Синоде для Миссии, указывалось, что ее основной целью было:

Присутствие представителей Русской Православной Церкви на Востоке.

Налаживание контактов с греческим духовенством.

Проведение миссионерской работы среди местного населения ввиду активной деятельности представителей инославных конфессий.

«Миссии было строго вменено: не придавать себе иного характера, кроме паломнического; не вмешиваться ни в чем в дела греческого духовенства, ограничиваясь предложением советов в случае надобности; не вмешиваться в житейские дела наших поклонников и вообще, всячески стараться не возбуждать подозрений иностранных агентов, дабы не подать повода к толкам о каких-либо скрытных намерениях России» [9, С. 193—194].

Таким образом, в первый период жизни Миссии (1847—1854 гг.) у ее сотрудников не было собственного помещения (места для ризницы, проживания членов Миссии и паломников временно предоставлялись Иерусалимской Патриархией), ни своего постоянного храма для совершения богослужений, ни средств для развития. В целом, деятельность Миссии в эти ее начальные годы, по словам авторитетного критика В.Н. Хитрово, была «малоуспешной, если не сказать бесплодной» [2, С. 7].

И, тем не менее, первый шаг русского присутствия в Святой Земле был сделан. Вместе с архимандритом Порфирием (Успенским) в Иерусалим был направлен иеромонах Феофан (Говоров), будущий великий русский святой своего времени — затворник и богослов. Также в Миссии в то время трудились еще два выпускника Санкт-Петербургской семинарии.

Первым местопребыванием Русской Духовной Миссии в Иерусалиме стал Архангельский монастырь, предоставленный русским паломникам патриархом Иерусалимским Кириллом. В монастырском храме каждое воскресенье о. Порфирий с собратьями совершал литургию на славянском языке, впервые дав русским паломникам возможность молиться осмысленно. Первый начальник Миссии много путешествовал, занимался археологическими исследованиями, а также благотворительной деятельностью и деловыми встречами. «Отцу Порфирию принадлежит, в частности, честь открытия знаменитого Синайского кодекса Библии, а собранные им богатейшие коллекции древних рукописей, книг и икон стали собственностью Академии наук, Императорской публичной библиотеки и Киевского церковно-археологического музея» [5, С. 302].

Авторитет начальника Миссии среди греческого духовенства стал расти. Также, ввиду еще большего притока русских паломников в Палестину, патриарх Кирилл выделил для женщин паломниц из России Феодоровский монастырь.

Однако, в связи с неудачно окончившейся для России Крымской войной (1853—1856) деятельность Миссии прервалась на несколько лет. В 1854 году все ее сотрудники были вынуждены покинуть Иерусалим.

По окончании войны деятельность Миссии была возобновлена. По согласованию с турецким правительством в Иерусалим была вновь направлена миссионерская группа. Следующим начальником Русской Духовной Миссии стал епископ Кирилл (Наумов). Таким образом, иерархический статус Миссии был повышен. В ее задачи теперь входило: принять первые меры по приобретению собственных участков земли в Иерусалиме, на которых должны были разместиться не только Миссия, но и вновь созданное Российское консульство, а также подворья для паломников из России. В этот, второй период бытия Миссии, было положено основание т.н. «Русским постройкам» в Иерусалиме. При начальниках Миссии — епископе Кирилле (Наумове) (1857—1864) и Леониде (Кавелине) (1864—1865) были сделаны наши первые земельные приобретения. Так, в 1857—1860 гг. на Мейдамской площади (на северо-западе от стен Старого города) в Иерусалиме, на бывшем месте проведения турками военных парадов, было приобретено несколько значительных участков земли. Первым строящимся зданием на Русских постройках стал величественный соборный храм во имя Святой Троицы, торжественно заложенный 30 августа 1860 года. Далее началось строительство зданий для Миссии, приютов для паломников из России, а также больницы. 28 июля 1860 года при архимандрите Леониде (Кавелине) совершилось важное событие в истории РДМ — освящение первого русского храма на Святой Земле. Им стала домовая церковь Миссии во имя св. мученицы Александры, построенная по проекту русского архитектора М.Эпингера.

Самым славным и плодотворным временем жизни РДМ в Иерусалиме, безспорно является, т.н. «антониновский период» в ее истории (1865—1894), связанный с именем самого яркого и неутомимого

Собирателя Русской Палестины, миссионера и проповедника, ученого и строителя — архимандрита Антонина (Капустина). О.Антонином для России было приобретено 13 участков (наибольшее количество) не только в Иерусалиме, но и во многих уголках Палестины площадью около 425 кв. км. На этих участках были построены храмы, школы, больницы, приюты. О.Антонином были открыты учебные заведения для православных арабов, налажен быт многочисленных русских паломников, установлены деловые отношения с греческой Иерусалимской Патриархией и османской администрацией в Палестине.

Деятельность архимандрита Антонина (Капустина), как начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме заслуживает отдельного, более подробного рассмотрения.

Литература

1. Дмитриевский А.А. Епископ Порфирий (Успенский) как инициатор и организатор первой русской Духовной миссии в Иерусалиме и его заслуги на пользу Православия и в деле изучения христианского Востока. [Репр. изд.] М., 2006.
2. Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Под общей и научной редакцией Н.Н.Лисового. М., ИППО, 2009.
3. Избранные жития русских святых. X—XV вв. М., 2001.
4. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М. 1992.
5. Паломничество в Святую Землю. 150 лет Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. М., 1997.
6. Пересыпкин О.Г. Русская Палестина: История и современность. М., 2011.
7. Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. № 1/2012 год. Ч. II. Иерусалим, 2012.
8. Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Т. 1. Нью Йорк, 1959.
9. Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 1. Православие в Святой Земле. М., 2011.
10. Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 2. Статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. М., 2011.

А.Г.Праздников

г.Киров

Вятская государственная сельскохозяйственная академия

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ «СТОЯНИЯ» ПРИ ЛАДФОРД БРИДЖ 12 ОКТЯБРЯ 1459 ГОДА

Войны Роз второй половины XV в. явились в истории Англии переломной эпохой, обозначившей грань между Средневековьем и Новым временем. Они, несомненно, оставили глубокий след в социальных процессах, который, однако, не всегда поддается точному изучению из-за низкой информативности по данному вопросу источников и несовершенства методов работы с ними. Тем не менее, выявление основных участников рассматриваемого конфликта позволит пролить дополнительный свет на вовлеченность общества в события войн, и, соответственно, дополнит наши представления о степени влияния последних на его состояние и изменение.

Ключевыми событиями социально-политической борьбы стали примерно 15 битв и сражений, в которых решалась судьба английского престола. В качестве предмета рассмотрения было выбрано сражение, получившее в литературе намного менее слабое освещение в сравнении с другими битвами эпохи.

Логика основных событий реконструируется по описанию, приводимому в современных сражении источниках, главным образом хрониках. 12 октября 1459 г. армии враждующих династий Ланкастеров и Йорков сошлись около моста Ладфорд-Бридж через реку Тим недалеко от города Ладлоу. Ланкастерцы во главе с Генрихом VI численно преобладали: у них было 50 тыс. чел. против 20 тыс. у герцога Йорка [5, С. 148; 1, С. 72]. Именно по этой причине герцог занял оборонительную позицию, вырыв ров и укрепив его пушками, телегами и кольями [3, С. 205]. Однако настоящего сражения так и не произошло. Из-за измены значительного отряда под командованием Эндрю Троллопа, йоркисты потеряли любую надежду на успех, поэтому ночью их лидеры (герцог Йорк, его сыновья графы Марч и Ратленд, а также граф Солсбери и граф Уорик) бежали, оставив свою армию и город Ладлоу на волю короля.

В хрониках имеются сведения лишь о лидерах воюющих партий, Эндрю Троллопе и Ричарде Бошаме, епископе Солсберийском, пробовавшем вести переговоры с йоркистами от имени Генриха VI [4, С. 339]. Имен других участников «стояния» в них нет. Однако они могут быть найдены в других источниках. Логично будет разделить их на три группы.

1. Созванный в Ковентри в конце ноября 1459 г. «Парламент дьяволов» обвинил некоторых лиц в участии в мятеже против Генриха VI, в том числе за участие в «стоянии» около Ладфорд-Бридж: 16 чел. были объявлены государственными изменниками и лишены гражданских и имущественных прав [6, С. 348—349]; двое (сэр Уильям Олдхол и сквайр Томас Вогэн) подверглись такому же наказанию за то, что хотя они и не присутствовали в Ладфорд-Бридж, но способствовали мятежникам [6, С. 349]; трое мятежников, явившиеся с повинной с веревками на шеях, были лишены только имущественных прав [6, С. 349]; 5 чел. были приговорены только к штрафам [6, С. 368]. Таким образом, «Парламентские свитки» поименно называют 26 йоркистов, участвовавших в событиях, связанных с Ладфорд-Бридж.

2. В ходе работы парламента и в течение следующих месяцев (до июня 1460 г.) ряд лиц получил прощение за «измены, мятежи, восстания» и другие преступления, что было зафиксировано в так называемых «Открытых свитках» (Patent Rolls). Можно предположить, что это также были сторонники герцога Йорка, брошенные им на произвол судьбы после бегства из Ладлоу и обратившиеся с прошениями о помиловании к королю. Так как имущество основных оппозиционеров уже было конфисковано и находилось в процессе раздела между победителями (что также зафиксировано в «Свитках»), прощения были предоставлены.

В пользу указанного предположения говорит ряд косвенных данных. Во-первых, подавляющее большинство этих людей (51 чел.) получило помилования еще до окончания работы парламента (работал с 20 ноября по 20 декабря 1459 г.). Далее в январе 1460 г. было помиловано 4 чел., в феврале — 13 чел., в марте 20 чел., в апреле — 1 чел. и в июне 5 чел. 10 июля 1460 г. после битвы при Нортгемптоне Генрих VI попал в плен к йоркистам, поэтому помилования, сделанные от его имени после этой даты, уже не могут касаться участников сентябрьских и октябрьских событий 1459 г. Среди прощенных названы лорд Грей Поуис (прощен 20 декабря), сэр Генри Рэтфорд (28 марта), сквайры Уолтер Хоптон (6 марта) и Уильям Гастингс (23 февраля), фигурирующие уже в «Парламентских свитках» (§23, 37) среди раскаявшихся йоркистов. Эти даты говорят о том, что и другие лица, получившие прощение в 1460 г., вполне могли быть в армии герцога Йорка.

Во-вторых, социальный состав «прощенных» подтверждает то же самое (таблица 1). Среди них встречаются только один лорд (Грей Поуис) и четверо рыцарей: кроме сэра Генри Рэтфорда это Уильям Герберт (в будущем видный йоркист), Томас Монфорт и Джон Мидилтон. Сквайры и джентльмены (представители низшего нетитулованного дворянства) составляли 49 чел., йомены (промежуточная страта между низшим дворянством и верхушкой крестьянства) — 12 чел. Представители других категорий населения (духовенство, купцы, ремесленники и др.) — 12 чел, статус 16 чел. в «Свитках» не указан. Таким образом, складывается впечатление, что актами парламента были осуждены руководители армии йоркистов (лорды и рыцари), а королевские грамоты о помиловании коснулись младшего офицерского состава их армии. Простые же солдаты, слишком многочисленные, в специальном прощении не нуждались, достаточно было простого пассивного проявления лояльности с их стороны (неучастие в антиправительственных акциях).

Таблица 1

Социальный состав помилованных со 2 декабря 1459г. по 26 июня 1460 г. [2, С. 532—597]

Социальный статус	Количество человек
Лорд	1
Рыцари	4
Сквайры	31
Сквайры или джентльмены	4
Джентльмены	14
Йомены	12
Капелланы	2
Другие	10
Не указан	16
ВСЕГО	94

В-третьих, распределение мятежников по графствам также говорит в пользу нашей версии (таблица 2). Большинство из них проживало там, где располагались поместья герцога Йорка и графов Солсбери и Уорика (Херефордшир, Хертфордшир, Йоркшир, Глостершир, Шропшир, Беркшир, Вустершир). Сразу 9 чел. проживали в маноре Хитчин (Хертфордшир), принадлежавшем Ричарду Йорку [7, С. 9].

Таблица 2

Распределение помилованных по графствам [2, С. 532—597]

Графство (лорды маноров)	Количество человек
Херефордшир (Йорк, Уорик)	17
Хертфордшир (Йорк, Уорик)	12
Йоркшир (Йорк, Солсбери)	10
Глостершир (Уорик)	4
Лестершир	4
Шропшир (Йорк)	3
Бедфордшир	2
Беркшир (Солсбери, Уорик)	2
Вустершир (Уорик)	2
Камберленд	2
Линкольншир (Йорк)	2
Миддлендс	2
Дарем	1
Дербишир	1
Дорсетшир (Йорк, Солсбери)	1
Ланкашир	1
Нортгумберленд	1
Норфолк (Йорк, Уорик)	1
Сарри	1
Уэстморленд	1
Уэльские марки (Йорк)	1
Неизвестно	23
ВСЕГО	94

Таким образом, благодаря списку «помилованных», мы можем расширить наше представление о приверженцах партии Йорка, добавив к командирам их армии в Ладлоу как минимум представителей среднего офицерского звена.

3. Во время работы того же парламента или вскоре после его окончания ряд лиц был вознагражден за «труды против мятежников» (таблица 3). Можно предположить с большой долей вероятности, что эта помощь заключалась в поддержке королевской армии при Ладфорд-Бридж. Многие награждаемые получили земельные владения (или доходы от них), ранее принадлежавшие йоркистам.

Таблица 3

Социальный состав лиц, пожалованных за труды по борьбе с мятежниками [2, С. 533—596]

Социальный статус	Количество человек
Герцог	2
Граф	5
Виконт	1
Лорд	4
Рыцарь	12
Сквайр	5
Королевский слуга (без уточнения)	20
Королевский слуга-рыцарь	1
Королевский слуга-сержант	2
Королевский слуга-клерк	2
Королевский слуга-сквайр	6
Королевский слуга-йомен	4
Грум королевы	1
Неизвестен	3
ВСЕГО	68

В результате, благодаря «Парламенским свиткам» и «Открытым свиткам», представления о составе участников октябрьских событий 1459 г. были существенно расширены (таблица 4). В общей сложности стали известны имена 185 человек (117 йоркистов и 68 ланкастерцев). Большую часть составляют знать (24 чел.) и джентри (81 чел.) — по нашему мнению, командный и офицерский состав армий. Также обращает на себя внимание большой контингент королевских слуг (33 чел.), что подчеркивает положение королевского двора не только как центра политической жизни, но и военизированной структуры.

Таблица 4

Социальный состав участников сражения при Ладфорд-Бридж

Социальный статус	Количество человек
Король	1
Герцог	3
Епископ	1
Граф	9
Виконт	1
Лорд	9
Рыцарь	20
Сквайр	47
Джентльмен	14
Йомен	12
Слуга	1
Королевский слуга (без уточнения)	19
Королевский слуга-рыцарь	1
Королевский слуга-сержант	2
Королевский слуга-клерк	2
Королевский слуга-сквайр	5
Королевский слуга-йомен	4
Грум	1
Капеллан	2
Купец	2
Ремесленник	5
Неизвестен	24
ВСЕГО	185

Литература

1. A Short English Chronicle // Three Fifteenth century Chronicles / Ed. by J. Gairdner. L., 1880.
2. Calendar of the Patent Rolls, preserved in the Public Record Office. Henry VI. Vol. 6 (1452—1461). L., 1971.
3. Gregory's Chronicle // The Historical Collections of a Citizen of London in the Fifteenth Century / Ed. by J. Gairdner. L., 1876.
4. Registra quorundam abbatum monasterii St. Albani. Vol. 1. Registrum abbatiae Johannis Whethamstede / Ed. by H.T.Riley. L., 1872.
5. Robert Bale's Chronicle // Six Town Chronicles of England / Ed. by R. Flenley. Oxford, 1911.
6. Rotuli Parliamentorum. Vol. 5 / Ed. by J. Strachey. L., 1832.
7. Victoria County History. A History of the County of Hertford. Vol. III. L., 1912.

*Г.В.Рокина
г. Йошкар-Ола*

Марийский государственный университет

ГЕРМАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Германские университеты на протяжении XIX века оставались европейскими научными центрами, сыгравшими значительную роль в формировании гуманитарных и естественных наук не только в Европе, но и в Новом свете. В самой Германии университеты оказывали большое влияние на общественную и культурную жизнь страны, оставаясь центрами притяжения городской жизни.

Преображенная в первой половине XIX века немецкая университетская наука, за успехами которой внимательно следили в России, представляла собой идеальную среду для воспитания будущих российских ученых

с последующей задачей возвести преподавание в отечественных университетах на уровень, близкий к европейскому. После принятия в 1834 году университетского устава в России германские университеты официально стали своеобразными местами стажировок претендентов на занятие должностей заведующих кафедрами в четырех российских университетах. Для этого периода важнейшими стали уже не просто образовательные путешествия в Германию, как было в предшествующем столетии, а научные стажировки будущих ученых. Российские «стажеры» не только перенимали успехи немецких университетов, но и сами, работая в научных лабораториях или библиотеках под руководством немецких профессоров, участвовали в их создании, укрепляя тем самым авторитет российской науки в мире. План заграничной командировки российского ученого составлялся в Министерстве народного просвещения, куда также посылались отчеты по их результатам. Эти отчеты обязательно публиковались в Журнале Министерства народного просвещения.

Источники личного происхождения помогают восстановить образ немецких университетов первой половины XIX века и определить их роль в общественно-политической и интеллектуальной жизни Германии. Во многом расширяет представления о мете и роли университетов эпистолярное наследие российских и германских общественных и государственных деятелей первой половины XIX века.

В российской периодической печати этого периода публиковались очерки путешественников, которые давали подробную картину городской жизни в Германии. Неотъемлемой частью городов были университеты, находящиеся в центре внимания авторов очерков. Дневники и письма, путевые очерки и мемуары позволяют представить, каковыми были университеты в Германии в первой половине XIX века. К середине XIX века немецкие университеты, являясь специфическим порождением ряда факторов немецкой общественной и государственной жизни, быстро перешагнули рамки Германии и способствовали интернационализации науки [1, С. 95].

В Европе основной силой, поддерживающей университеты, дающей им приют, обслуживающей все их повседневные нужды, заинтересованной в умножении профессоров и студентов, были города. Поэтому развитие университетских центров зависело, во многом, от развития той или иной земли Германского Союза.

Особенно быстро менялся облик немецкого университетского пространства в XVIII — начале XIX века, когда здесь сначала появились два реформированных университета в Галле и Геттингене, а затем рубежным событием явилось основание университета в Берлине. В Берлинском университете сошлись все преимущества столичного местоположения, научной инфраструктуры (библиотек, музеев и др.), возможность быстрого обращения к государству за материальной поддержкой.

Так, примечательна статья в популярном «толстом» журнале «Вестник Европы» английского путешественника по Германии, сохранившая интересные сведения об университетах. Это были, пожалуй, первые столь подробные сведения об университетах Германии той поры, ставшие доступными широкому кругу русских читателей. Автор сравнивает немецкие университеты с английскими, и замечает, что «ничего нет столь замечательного, как несходство между английскими и немецкими университетами» [2]. Вот как оценивал английский путешественник Гейдельбергский университет: «Гейдельбергский университет есть один из отличнейших в Германии, со всем тем ни памятники зодчества, ни внешняя важность, ни даже хоть мало приличные здания не составляют необходимой принадлежности немецкого университета. Главный корпус, в котором помещаются классы и библиотека, почти вовсе незначительны. Англичанин раз десять избегает целый город и не заметит даже следов его учебных заведений, если только не догадается о бытии Университета по шумным толпам студентов» [2].

Автор статьи рисует образ типичных студентов: «усастых с длинными на плечах размешанными волосами, без галстуков, с трубками во рту, беспечно расхаживающих по улицам. И это студенты — которые, надобно заметить, во всех университетах Германских между собою сходны костюмом и характером!» [2].

Почти совпадают хронологически с описаниями английского путешественника, но отличаются по своим оценкам дневники русского автора заметок об университетах Германии. А.И.Тургенев в своих письмах дает подробное описание Йенского университета и его студенчества: «К характеристике Йенского университета принадлежит и образ жизни и академические привычки студентов, между коими было прежде более так называемых реномистов, нежели теперь. Они преимущественно дрались на шпагах, но, впрочем, без большого кровопролития: более шума, гласности, нежели дела. Они давно уже присмирели, а между тем после обеда увидел я в разных местах площади кучки студентов за журналом или за стаканом легкого белого пива». Автор отмечает особенности внешнего вида студентов: «Многие на площади были в шлафроках, разноцветных, пестрых. Жители привыкли к сим явлениям. На проезжающего же странная одежда, бородки, рапиры — все сии особенности иенайского студента, конечно, сначала произведут невыгодное для академии впечатление. Но здесь все это в порядке вещей — не мешает полному и свободному развитию юношеских способностей, не мешает талантам созреть, трудолюбию слушать и записывать лекции и дополнять их чтением в библиотеке и ночным бдением» [3].

Университетский устав 1863 года сохранил необходимость заграничной стажировки российских ученых для приготовления к профессорскому званию. За год до принятия устава, когда император Александр II в 1862 году задумывал школьную реформу, он отправил Константина Ушинского в Швейцарию и Германию. Тот несколько лет ездил по школам, сидел на уроках, стремился понять, чему и как учат детей в самых передовых в отношении образования странах, а позднее создал собственную педагогическую систему [4].

В начале шестидесятых годов XIX века большое число молодых людей из российских университетов отправлялись в зарубежные командировки для обучения европейским наукам. С того времени подобные командировки вошли в обычай, что было очень полезно, в особенности для всеобщей истории. Сначала профессорские стипендиаты ездили почти исключительно в Германию, где главным образом «доучивались», слушая лекции и работая в семинариях; но с течением времени они стали отправляться и в другие страны — во Францию, в Англию, в Италию, в Испанию, в Швецию (не говоря о славянских землях, куда ездили и раньше), и уже для более самостоятельных работ в библиотеках и архивах [5].

Ярким примером занятий русских ученых в германских университетах является поездка профессора московского университета, ведущего специалиста в области всеобщей истории В.И.Герье в университеты Германии в 1862—1864 годах. В своих отчетах в Журнале Министерства народного просвещения за 1863—1864 годы В.И.Герье отмечал большие успехи немецких ученых в изучении всеобщей истории, анализировал организацию и методы преподавания этого предмета в университетах Германии, указывая, наряду с положительными чертами и на недостатки, которым нежелательно подражать [6].

Если в начале 1840-х годов преподавание всеобщей истории в российских университетах не отличалось высоким уровнем, то уже в 1860—1880-х годах здесь сложились отечественные научные школы и направления. Важную роль в этом процессе сыграли поездки российских ученых в университеты Германии.

Литература

1. Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII — начале XIX вв. М., 2005.
2. Вестник Европы Вестник Европы. 1819. № 8. С. 517—518.
3. Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.) М., 1964.
4. Свои впечатления о поездках К.Ушинский описал в цикле статей «Педагогическая поездка по Швейцарии».
5. О командировках российских славистов зарубежные университеты см.: Роккина Г.В. Русско-словацкие научные контакты в первой половине XIX в. // Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в середине века и новое время. Йошкар-Ола, 1990. С. 98—108.
6. См.: Лаптева Л.П. В.И.Герье и его оценка университетов в Германии // Диалог со временем. № 42. М., 2013. С. 223—237.

А.В.Савельева

г.Нижневарттовск

Нижневарттовский государственный университет

ДВУХПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА США И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-КОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СТРАНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Проблема формирования двухпартийной системы в США является фрагментарно изученной в научной литературе. В отечественной и российской историографии изучались различные аспекты данного вопроса: образование американских политических партий (М.Власова [3], И.В.Галкин [4] и др.), анализ функционирования двухпартийной системы США в конце XIX века (Л.В.Байбакова [1, 2], В.В.Согрин [5] и др.) и т.д.

В американской исторической науке отдельные аспекты политической истории США представлены в работах таких известных исследователей, как А.М.Шлезингер [6], Д.Брайс, Д.Белл и др. Они проанализировали проблемы образования Демократической и Республиканской партий в США, механизмы их борьбы на президентских выборах и т.д.

Несмотря на интерес отечественных и американских историков к проблемам политического развития США, не рассмотренным остается ряд вопросов: роль двухпартийной системы США в решении социально-экономических проблем страны во второй половине XIX века, влияние субъективного фактора на деятельность отдельных политических партий.

Общеизвестно, что политические партии — важнейший элемент американской политической системы. Контуры этой системы были обозначены Конституцией 1789 года. Однако сама Конституция и созданная на ее основе демократическая форма правления, значительно отличались от реалий мира, окружавшего молодые Соединенные Штаты [7, С. 40, 41].

Исследователь Дэниел Белл включает сложившуюся двухпартийную систему в США наряду с «землей, равенством, пространством, безопасностью, материальным изобилием и конституционализмом» в набор понятий, раскрывающих американскую исключительность.

Между тем, ряд исследователей (Артур М.Шлезингер и др.) полагают, что партийная система в США возникла вопреки изначальным устремлениям ее фактических «творцов» и далеко не сразу. Что еще важнее, содержание Конституции не предусматривало создание каких-либо дополнительных политических механизмов [6, С. 370, 371].

Формально «партии» или «фракции» существовали еще в колониальный период, особенно активно они действовали в революционные годы и во время ратификации федеральной Конституции. При этом «партийное» или «фракционное» противостояние сторонников британской короны — тори и приверженцев независимости — вигов, или противников и поборников ратификации Конституции 1789 года — все огульно записывалось в разряд негативных, нежелательных при республиканском правлении явлений.

Дж. Мэдисон писал в 1788 году о том, что главным преимуществом Союза (создаваемого новой конституцией) будет заложенная в его устройстве возможность «прекратить и поставить под контроль разрушительную деятельность фракций» [9, С. 78].

Для американских политических лидеров первого поколения, воспитанных в рамках британской политической традиции, было вполне естественно унаследовать и критическое отношение к партийным механизмам. Это находило свое отражение и в политической риторике, и в восприятии партийной или «фракционной» борьбы.

Партиям приписали роль разжигателей розни, а с их уничтожением связывали возвращение единства и умиротворения. В партиях видели как проводников анархии (способствовавших социальной нестабильности), так и инструменты установления тирании (организаций меньшинства, навязывающего свою злую волю большинству). Приверженность партиям (фракциям) считалась антонимом «общественным добродетелям».

Возникновение партий в самом начале существования американского государства было воспринято как противоестественное при республиканском правлении и поэтому нежелательное явление. После того как уже в годы президентства Дж. Вашингтона (1789—1797 гг.) проявилось соперничество группировок, впоследствии вложившихся в партии федералистов и джефферсоновских республиканцев, казалось, что сама двухпартийная форма противостояния политических группировок скопирована с образца британских вигов и тори.

На самом деле и при Дж. Вашингтоне, и особенно при последовавшей администрации Дж. Адамса (1797—1801 гг.), крупные объединения сторонников администрации и оппозиции — конгрессовские фракции и партии в более широком смысле (действовавшие на уровне штатов) — проявили способность к позитивным, необходимым для функционирования государственных институтов действиям: проведению выборных кампаний, структурированию работы федерального законодательного органа, легализации и институциональному закреплению статуса оппозиции и виде «второй» партии, осуществлению мирной передачи власти проигравшей на выборах правящей группировки победителям и прочее.

Однако потребовалось немало времени для того, чтобы политические партии в США вышли из рамок общей с бывшей метрополией политической традиции и обрели достаточное количество своеобразных черт, сделавших их собственно американскими.

В течение первых трех десятилетий XIX века была выработана система политических ценностей, «изобретен» своеобразный американский политический язык, с помощью которого адекватно описывался собственно американский опыт. Как раз в это время партии стали неотъемлемым элементом американской политической культуры.

При существенном разбросе мнений о сроках появления двухпартийной системы США, о значении деятельности партий в развитии страны, в последнее время в историографии сохраняется определенный консенсус. В его основе — убеждение в том, что собственно двухпартийная система сложилась к 40-м годам XIX века.

В течение последующего, достаточно длительного отрезка своей истории, политические партии США играли особо важную роль в жизни страны, определяли многие параметры деятельности политической и в более широком смысле — общественной системы США.

Политические партии выполняли беспрецедентные по масштабам задачи по политической мобилизации населения и управлению государством на самых разных уровнях власти. Это были задачи, несопоставимые ни с функциями политических организаций, действовавших одновременно в других странах, ни с предыдущими или последовавшими партийными структурами в самих США [10, С. 55].

Пять основных утверждений составляли основу парадигмы «партийного периода»: противоборство двух основных партий определяло ход всех наиболее важных выборных кампаний, при этом в проведении кампаний главная роль принадлежала партийным организациям; партийные приверженности являлись доминантой поведения массы избирателей; законодатели разного уровня также руководствовались, прежде всего, интересами партий; государственные должности и контракты через систему патронажа раздавались за услуги перед партиями, что, в свою очередь, позволяло рекрутировать «партийных работников» и собирать средства на предвыборные кампании; политика распределения экономических ресурсов (финансирование строительных проектов, выделение земельных участков, предоставление налоговых льгот, решения об инкорпорации финансовых и производственных предприятий), занимавшая главное место в повестке для легислатур и правительств штатов, направлялась местными партийными организациями [11, С. 96].

Отношение к партиям, содержание полемики сторонников и противников двухпартийной системы со временем менялось. В начале своего пути партии показали способность содействовать поступательному развитию политического и общественного процесса в стране и даже решению многих проблем экономического развития (зачастую подменяя слабые государственные структуры на местном уровне).

С течением времени за пределами двухпартийной системы возникли «группы интересов», разнообразные социальные движения, которые апеллировали к правительству в надежде осуществить самые широкие требования.

В итоге, с одной стороны, заинтересованность народа в политике переросла рамки, обозначенные двухпартийной системой, и не могла исчерпываться участием в партийных митингах и избирательных кампаниях. С другой, социальные и экономические функции государства вышли за пределы политики распределения ресурсов, в которой партии выполняли квазигосударственные функции.

Однако так же, как и вначале, отношение к партиям сопрягалось с восприятием американского общества, направлений и целей его динамики. Так, одни критики партий исходили из того, что в своей основе американское общество гармонично, и лишь партии порождают внутренние конфликты. Другие — ратовали за ограничение сферы влияния партийных машин и за расширение полномочий государства с тем, чтобы решать проблемы далеко не гармоничного, на их взгляд, индустриального общества [10, С. 257—259].

Если самым участием в обеспечивавшемся партиями и постоянно возобновляющемся электоральном процессе современники подтверждали отношение к партиям как неотъемлемой части их гражданского существования, то с признанием позитивной роли двухпартийной системы дело обстояло иначе. Такое признание никогда не было безоговорочным.

Партиям постоянно приходилось преодолевать заметный негативизм. Кроме того, отношение к ним практически непрерывно было противоречивым. Даже в апогее своего могущества американские партии не преодолели полностью негативизма со стороны «неблагодарных» современников, а признание их позитивного вклада в деятельность политической системы развивалось параллельно с критикой партийной политики.

В эволюции двух главных партий после Гражданской войны выделялись следующие главные тенденции. В.В.Согрин считает, что, во-первых, различия между партиями сузились и обе они в финансовом и организационно-функциональном отношении оказались тесно привязаны к финансово-промышленному капиталу. Во-вторых, сами партии превратились в подобие корпораций, озабоченных не только борьбой за власть, но и обогащением. В-третьих, в руководстве и организации практической деятельности обеих партий возобладал авторитарно-вождистские методы [5, С. 3—27].

И, тем не менее, двухпартийный механизм, действовавший после окончания Гражданской войны, сыграл громадную роль в решении различных задач, стоявших перед американским обществом.

Партии играли важную роль в структуре национальной администрации, нейтрализуя нежелательные последствия кое-каких парадоксов Конституции, писал А.М.Шлезингер [6, С. 373]. Идея разделения власти неминуемо, считал он, вступает в противоречие с принципом единства действий, основой эффективности любого управления. Поэтому без механизма координации деятельности законодательных и исполнительных органов Конституция США осталась бы на бумаге. Необходимым связующим звеном, обеспечивающим единство властей, и стали, утверждает А.М.Шлезингер, политические партии.

Партии выполняли и другие функции — «помогали нации осознать себя политически, разрабатывая национальную политику и намечая национальные цели» [6, С. 373].

Партии, пребывая в непрестанных поисках компромиссов, как в своих внутренних структурах, так и в межпартийных отношениях, стремились разрядить и урегулировать общенациональные конфликтные ситуации. Будучи представительными организациями, они обеспечивали влиятельным социальным группам участие в принятии решений на национальном уровне, а, следовательно, и прочные позиции на политической арене.

Партии играли свою роль и в кадровой политике администрации, выдвигая честолюбивых людей на государственную службу, включая и высшие ее уровни. Кроме того, партии были инструментом мобилизации масс, вовлекая простых американцев в политическую деятельность. Они способствовали также и социальному прогрессу, открывая путь наверх энергичным людям из низов, для которых обычные пути были закрыты в силу классовых, этнических или иных предрассудков [6, С. 373].

Американские партии быстро пустили корни в политической жизни США, заключал А.М.Шлезингер. Период после Гражданской войны был, по его мнению, «золотым веком» для американских политических партий; «их организационные структуры были прочнее, симпатии к ним устойчивее, а стабильность их была куда больше, чем в любой другой период американской истории» [6, С. 375].

Таким образом, американские политические партии играли одну из основных ролей в выборе приоритетных направлений внутренней политики США и в решении социально-экономических проблем страны во второй половине XIX века.

Литература

1. Байбакова Л.В. Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество (последняя треть XIX в.). М., 2002.
2. Байбакова Л.В. «Независимые» в политической жизни конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. // Политические партии США в новое время. М., 1981.
3. Власова М. Партии в XIX веке как элемент политической культуры США // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001.

4. Галкин И.В., Никонов В.А. Городские партийные машины в политической жизни США // Проблемы американистики. Вып. 4. М., 1986.
5. Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. 2004. № 2.
6. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.
7. Федералист: Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М., 1993.
8. Lipset S.M. American Exceptionalism. A Double-Edged Sword. N.Y., 1995.
9. McCormick R.L. The Party Period and Public Policy. N.Y., 1986.
10. Formano R.P. The Party Period Revisited // Journal of American History. Vol. 86. № 1. June 1999.
11. Cherny R. American Politics in the Gilded Age, 1868—1900. Wheeling, 1997.

Н.М.Савченко

г.Могилев

Могилевский государственный университет им А.А.Кулешова

ОПЫТ БОРЬБЫ С МАФИЕЙ В ИТАЛИИ

В Италии существуют четыре крупные мафиозные группировки, которые поделили между собой сферы влияния. Действуют они в 4 областях Италии (Сицилия, Кампания, Калабрия и Апулия), которые все еще являются довольно бедными и экономически отсталыми регионами страны. В последние годы авторитет сицилийской «Коза Ностра» среди итальянского преступного сообщества был значительно подорван. В конце XX — начале XXI вв. властям удалось добиться некоторых успехов в борьбе с этой организацией — были арестованы десятки ключевых фигур в ее иерархии. На этом фоне все большую силу приобретают преступные сообщества из континентальной Италии. Это «Ндрангета» из Калабрии и неаполитанская «Каморра», участники которой являются главными виновниками мусорного кризиса в Неаполе. Постепенно набирает вес и апулийская «Сакра Корона Унита». Эта группировка возникла лишь в начале 1980-х гг., однако уже в полной мере сумела заслужить уважение других преступных сообществ. Основная сфера деятельности криминальных группировок в Италии — контрабанда наркотиков, оружия и алкоголя, игорный и строительный бизнес, рэкет, отмывание денег и контроль над проституцией.

Необходимо отметить, что еще в 1950-х — 1960-х гг. итальянское правительство под давлением демократических сил начало официальную борьбу с мафиозной преступностью. Начиная с 1965 г. был принят ряд антимафиозных законов (№ 575 от 31 мая 1965 г., № 646 от 13 сентября 1982 г., № 203 от 13 июля 1991 г., № 356 от 7 августа 1992 г., № 109 от 7 марта 1996 г.), в результате чего были учтены специфические особенности мафиозной организации; полномочия прокуроров и начальников полиции были расширены; были предусмотрены наказания в виде тюремного заключения сроком от 3 до 6 лет за принадлежность к организации мафиозного типа, или наказание от 4 до 10 лет, если эта организация вооружена (для руководителей такого рода организации от 4 до 9 лет и от 5 до 15 лет соответственно); стало возможным привлекать к уголовной ответственности за сам доказанный факт принадлежности к мафии даже в случае, если не удастся доказать из-за недостатка улик факт участия в совершении того или иного преступления; были ужесточены условия жизни для осужденных за мафиозные преступления; появилась возможность использования некоторых видов конфискованного имущества для социальных целей (Таблица 1) [6].

Таблица 1

Стоимость арестованных и изъятых активов в 1992—2011 гг. (в евро)

Организация	Арестованные активы (согласно ст. 321 УК Италии)	Арестованные активы (согласно закону 575/1965)	Конфискованные активы (согласно закону 575/1965)
Коза Ностра	1 855 481080	4 646 913599	917 686114
Каморра	1 901 142500	2 261 042220	637 162000
Ндрангета	270 965813	694 312254	216 381444
Сакра Корона Унита	68 797795	98 562000	73 978698
Другие	584 769000	176 653000	102 906102
Всего	4 679 906438	7 706 360367	1 902 145373

Борьбой с мафией в Италии занимается Дирекция по проведению антимафиозных расследований (DIA), созданная в декабре 1991 г. Она является межведомственной организацией, в которую входят представители всех наземных силовых структур, нескольких видов полицейских сил, карабинеров и корпуса финансовой гвардии.

В 1991 г. во Флорентийском университете общественных наук состоялся диспут, посвященный борьбе с организованной преступностью. Он неожиданно стал событием, всколыхнувшим всю Италию. На нем публично были оглашены данные, свидетельствующие о тесных связях гангстерских синдикатов с политическими и административными кругами. Мафия давно стала частью экономической, финансовой и политической системы. По словам верховного комиссара по борьбе с мафией Д.Сика, из 124 тыс. представителей местных органов власти на 17 тыс. человек были заведены уголовные дела. Были также распущены 27 муниципальных администраций, потому что раскрылись их связи с мафией [5, С. 90]. Все это стало возможным благодаря принятию ряда законов, которые предусматривают роспуск муниципальных и областных советов и временное отстранение или увольнение мэров или председателей областных советов в случае, если раскрылись связи чиновников с мафией [4, С. 650]. Целью этих законов было противодействие способности мафии проникать в политические, экономические и бюрократические структуры общества.

Мафия все более пыталась стать политической силой и вступала в открытый конфликт с государственной властью. 23 мая 1992 г. произошло событие, которое навсегда изменило и политическую ситуацию, и взгляд общественности на борьбу государства против мафии. Был убит магистрат Дж. Фальконе, а 19 июля погиб его коллега П.Борселлино. Сегодня аэропорт Палермо носит их имена. Еще в 1980 г. Дж. Фальконе объявил, что начинает борьбу с «проклятием Сицилии». Он впервые добился того, что арестованный преступник нарушил закон «омерта» (взаимное укрывательство, круговая порука, молчание), делающий мафию неуязвимой, и дал показания против других мафиози. Отступление от «омерта» по законам преступного мира карается смертью. И Дж. Фальконе убедил государство в том, что людей, которые дают показания против мафии, и их семьи необходимо охранять. Этим он несколько развеял страх перед мстостью могущественных кланов Сицилии. Только в ходе одного из многочисленных процессов против мафии Дж. Фальконе отправил за решетку 342 преступника на общий срок 2 665 лет.

В течение нескольких лет сразу после убийства судьи Дж. Фальконе вместо полицейских сил в самых опасных городах были задействованы военные, чтобы обеспечить защиту судьям и другим возможным жертвам.

Хотя внезапный успех государства был результатом новой тактики, такой как предложение для арестованных мафиози сотрудничать с правосудием и наличие компетентных судей, реальным отличием было общественное мнение. Председатель Антимафиозной комиссии Л.Виоланте обратил внимание, что государство не может поддержать свои усилия, полагаясь только на полицию и судей. Оно нуждается в сильном общественном мнении, чтобы перевесить те силы, которые поощряют соучастие политиков в преступлении. В 2003 г. был создан координационный комитет за надзором над основными общественными работами. Его членами являются представители Министерства внутренних дел, Министерства инфраструктуры и транспорта, DIA, отдела по надзору за общественными работами и центрального директора уголовной полиции. Его задача — предотвратить проникновение мафиозных организаций в основные инфраструктуры. Принимаются также меры по противодействию мафии в области охраны окружающей среды (борьба с «экомафией»). Намечены инициативы на международном уровне по пресечению зарубежных связей мафии.

Необходимо отметить, что три видных политика Христианско-демократической партии (ХДП) из Неаполя (бывший министр внутренних дел А.Гава, бывший министр финансов П.Ч.Помичино и депутат А.Вито) оказались под следствием из-за своих отношений с каморрой [7, С. 172]. Еще одним подтверждением связей между ХДП и мафией было убийство 12 марта 1992 г. С.Лима, видного сицилийского христианского демократа, члена Европарламента. Из откровений «пентити» (так в Италии называют мафиози, изъявивших желание сотрудничать со следственными органами) стало очевидно, что он был посредником между мафией и римскими лидерами ХДП и предоставил 250 тыс. голосов мафии ХДП на выборах в Европарламент в 1989 г. [1, С. 211]. Его убили, потому что он не смог добиться оправдательного приговора мафиози, обвиненных в серьезных преступлениях конца 1980-х гг. [3, С. 6].

Необходимо отметить и дело Дж. Андреотти, фракция которого получала значительную поддержку из Сицилии. Пентити утверждали, что Дж. Андреотти встречался с Т.Риной и настоял на убийстве журналиста Мино Пекорелли в 1979 г. и антимафиозного префекта, генерала К.А.Далла Кьеза в 1982 г., т.к. они владели важной информацией относительно похищения и убийства в 1978 г. тогдашнего секретаря ХДП А.Моро. В марте 1995 г. ему были предъявлены сразу два обвинения — в соучастии в убийстве и в сотрудничестве с мафией. В октябре 1999 г. суд города Перуджия оправдал Дж. Андреотти. Однако в 2002 г. апелляционный суд приговорил его к 24 годам тюремного заключения. Это вызвало осуждение в высших кругах Италии. Дж. Андреотти по-прежнему отрицал все обвинения и подал апелляцию против приговора, вынесенного ему. В итоге вердиктом суда высшей инстанции он был отменен.

В период с 1993 по 2013 гг. были проведены аресты главарей мафии, каморры, 'ндрангеты, «Сакра корона унита». Были арестованы также сотни членов преступных группировок.

Согласно статистической информации Департамента по управлению исправительными учреждениями (DAP) по состоянию на 31 декабря 2002 г., 5 295 преступников находились в тюрьмах по статье 41б «бис» УК Италии (для сравнения, в 1992 г. — 2 130, в 1993 г. — 3 340, в 1994 г. — 3 997) [4, 661]. Тем не менее, в списке самых опасных преступников, скрывающихся от правосудия, все еще значится 8 человек (Таблица 2) [2].

Самые опасные преступники, скрывающиеся от правосудия (по состоянию на 15 января 2014 г.)

Фамилия, Имя	Разыскивается с	Организация
Скотти Паскуале	1984 г.	каморра
Мессина ДенароМаттео	1993 г.	Коза Ностра
МорабитоРокко	1994 г.	‘ндрангета
Джорджи Джузеппе	1995 г.	‘ндрангета
Фаццалари Эрнесто	1996 г.	‘ндрангета
КубеддуАттилио	1997 г.	—
Мотизи Джованни	1998 г.	Коза Ностра
ДиЛауро Марко	2004 г.	каморра

Таким образом, намечилось коренное улучшение в направлении борьбы с мафией в Италии. В результате благодаря новому законодательству и лучшей координации органами правосудия были арестованы несколько сот преступников и конфисковано их имущество. Наказания и жизненные условия в местах заключения для лиц, обвиненных в мафиозных преступлениях, ужесточились. Не вызывает сомнений тот факт, что инструменты антимафиозной политики, проводимой итальянским государством, будут совершенствоваться и дальше.

Литература

1. Bull M.J. Italian politics and the 1992 elections : from «stable instability» to instability and change / M.J.Bull, J.L.Newell // *Parliament. affairs*. 1993. Vol. 46. № 2. P. 203—227.
2. Elencodeilatitanti di massimapericolosita' facenti parte del "Programmaspeciale di ricerca" selezionati dal GruppoIntegratoInterforze (G.I.I.R.L.) // *Ministerodell'Interno*. Roma, 2000—2014. URL: http://www.interno.it/mininterno/export/sites/default/it/sezioni/ministero/dipartimenti/dip_pubblica_sicurezza/direzione_centrale_della_polizia_criminale/scheda_16056.html.
3. Gundle S. Introduction: the new Italian Republic / S.Gundle, S.Parker // *The new Italian Republic : from the fall of the Berlin Wall to Berlusconi*; ed. by S.Gundle. L.: Routledge. 1996. P. 1—15.
4. La Spina A. The paradox of effectiveness : growth, institutionalization and evaluation of anti-mafia policies in Italy // *Organised crime in Europe : concepts, patterns and control policies in the European Union and Beyond* / ed. by C.Fijnaut, L.Paoli. Dordrecht: Springer, 2004. P. 641—670.
5. Mignone M.B. *Italy today : at the crossroads of the new millennium*. N.Y.: Lang, 1998.
6. Rilevazioni Statistiche// *Direzione Investigativa Antimafia*. Mode of access: http://www.interno.gov.it/dip_ps/dia/page/rilevazioni_statistiche.html.
7. Waters S. «Tangentopoli» and the emergence of a new political order in Italy // *West Europ. politics*. 1994. Vol. 17. № 1. P. 169—182.

А.Б.Сидякина

г.Санкт-Петербург

Русская христианская гуманитарная академия

«КУРЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В РОССИЙСКО-ПРУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ЦАРСТВОВАНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ

Одной из причин инициированного Петром I сближения России и Пруссии было согласие обеих держав по проблеме Курляндии, балтийского герцогства, находившегося в вассальной зависимости от Речи Посполитой. Ожидаемое пресечение правящей в Курляндии династии Кеттлеров (герцог Фердинанд не имел детей) позволяло Речи Посполитой рассчитывать на присоединение герцогства с установлением там новой системы правления. Решительный шаг в этом направлении был сделан в 1727 г., когда в ответ на преждевременное и нелегитимное избрание курляндским рыцарством в герцоги графа Морица Саксонского и военное вмешательство России в лице князя А.Д.Меншикова, сейм Речи Посполитой в Гродно принял постановление о включении герцогства в состав Республики после смерти герцога Фердинанда.

Судьба, уготованная Курляндии сюзереном, не могла устроить соседние державы. Россия нуждалась в безопасной почте, незамерзающих балтийских портах и путях для свободного прохода войск в Европу. Мирные договоры России с Османской империей запрещали ввод российских войск на территорию Речи Посполитой. Курляндия же, хотя и юридически подчиненная Республике, давала такую возможность. Независимость Курляндии, дружественный нейтралитет ее правителей были гораздо более выгодны России, чем ее прямое подчинение. Именно с этой целью Петр I в 1710 г. выдал замуж за юного герцога Фридриха Вильгельма свою племянницу, царевну Анну Иоанновну — с полного согласия прусского короля, родного дяди

герцога. Преждевременная кончина Фридриха Вильгельма Кеттлера донельзя осложнила политическую обстановку в герцогстве, спровоцировав династический кризис. Россия не намеревалась отказываться от буферной территории и, ввиду планов Речи Посполитой, всячески стремилась укрепить в герцогстве свое влияние. Прусский король, кровно не заинтересованный в усилении Речи Посполитой, питал надежды закрепить в Курляндии, посадив на герцогский трон одного из представителей Бранденбургского дома. Достичь этого можно было только при согласии России: иными словами, через новый брак вдовствующей герцогини Анны. В 1723 г. Петр заключил с королем Фридрихом Вильгельмом I договор о браке Анны с маркграфом Бранденбургским Карлом [7, С. 208—212]. Хотя союз не состоялся, этот договор дал Пруссии повод напоминать в дальнейшем о своих претензиях на Курляндию. Не желая вступать в прямую конфронтацию с Пруссией по курляндскому вопросу, русское правительство после Петра рассматривало возможность передачи Курляндии собственным претендентам: трактаты, заключенные с Пруссией в 1726—1730 гг., не оговаривают кандидатуры герцога, определяя лишь общее стремление к сохранению статус-кво.

Курляндская политика взошедшей в 1730 г. на русский престол Анны Иоанновны, не понаслышке знавшей проблемы герцогства, вызывала множество домыслов у современников и ставит ныне немало вопросов перед историками. Наиболее логичным и выгодным для России было бы утверждение в Курляндии максимально лояльного, готового вести про-российскую политику герцога. Ближайшее доверенное лицо императрицы, обер-камергер Э.И.Бирон, курляндец по происхождению, чей статус фаворита априори предполагал неукротимые амбиции и неразборчивость в средствах, как нельзя лучше подходил для этой роли. Именно на Бирона, по советам своего посланника Ж.Лефорта, делал ставку король Речи Посполитой Август II [4, С. 384].

Обер-камергер, постепенно входивший в курс международной политики и усвоивший роль посредника между дипломатами и императрицей, охотно шел на переговоры даже по наиболее щекотливым вопросам, вроде поддержки Россией сына Августа II на будущих королевских выборах в Польше [5, С. 327—328]. Однако реляции дипломатов обрисовывают парадоксальную ситуацию: Бирон, принимавший подарки от официальных союзников России, Австрии и Пруссии, стойко противился всем попыткам подкупа со стороны менее дружественных держав, прежде всего, короля Августа и Франции. Более того, курляндская корона, которую Август устами Лефорта несколько раз предлагал фавориту как непосредственно, так и через переговоры с императрицей, была столь же решительно отвергнута [5, С. 327; 3, С. 531]. Напрашивается предположение, что, независимо от личных устремлений Бирона и Анны, российское правительство видело в Курляндии средство для достижения более важных целей.

В 1731 г. Россия начинает переговоры с Пруссией и Австрией, направленные на устранение французских кандидатов на будущих выборах в Речи Посполитой. Если позиции обеих империй по польскому вопросу совпадали, то поведение прусского короля, его попытки сблизиться с Августом и интриги французского посла де ла Шетарди в Берлине внушали опасения. России видела в Пруссии благодаря ее географическому положению неоценимого союзника на случай военных действий в Речи Посполитой и вступления в войну Швеции. Потенциальные проблемы, которые могло создать правление Бранденбургского дома в Курляндии, были куда менее значимы по сравнению с реальной угрозой возникновения «восточного барьера» в случае, если бы на польский трон взошел ставленник Франции.

Поэтому уже на предварительных переговорах в Берлине и осенью 1731 г. король Фридрих Вильгельм получил от российского посла графа К.Г. фон Левенвольде решительные заверения в поддержке Россией маркграфа Карла. Это положение (с заменой маркграфа на второго сына короля, принца Августа Вильгельма) было документально закреплено трехсторонним Левенвольдовым трактатом, заключенным в Берлине 2/13 декабря 1732 г. Гарантируя принцу помощь на выборах, трактат предотвращал возможность присоединения Курляндии к Пруссии, требуя от Августа Вильгельма и его наследников отказа от всех прочих княжеских владений [6, С. 316—317].

Смерть Августа II и изменение политической ситуации привели к выходу Фридриха Вильгельма из тройного союза. Однако курляндская корона фигурировала в переговорах России в течение всей Войны за польское наследство. Весной 1733 г. курфюрст Фридрих Август, сын покойного короля и претендент на польский трон, сделал новую попытку вступить в союз с Россией в обмен на Курляндию. С одной стороны, такое предложение Бирону действительно имело место, что подтверждается реляциями дипломатов [5, С. 556]. С другой стороны, в ходе начавшихся в мае 1733 г. российско-саксонских переговоров курляндский вопрос не продвинулся дальше сохранения статус-кво. Фридрих Август, рискуя польской короной, отказался обещать России что-либо, выходящее за пределы королевской власти [2, С. 294]. Назначение же герцога в Курляндии как раз относилось к исключительным прерогативам сейма Речи Посполитой. Российский Кабинет самостоятельно осознал необходимость помочь курфюрсту; предложение короны фавориту, на протяжении всей войны остававшемуся наиболее последовательным сторонником Фридриха Августа в российских верхах, не могло играть сколько-нибудь важной роли.

В июле 1733 г., в ответ на настойчивые уверения прусского короля, что единственной причиной его отказа от поддержки курфюрста является отсутствие ратификации Левенвольдова трактата (а именно его курляндской статьи), Анна Иоанновна направила в Берлин заново ратифицированный трактат. Однако король,

оценив по достоинству щедрость союзника, предпочел сохранить нейтралитет. Практически аналогичная ситуация возникла в конце 1733 г., когда уже не Россия на польских землях, а император Карл на Рейне нуждался в военной помощи Фридриха Вильгельма, своего союзника и вассала. Отвечая на рескрипт, переданный прусским послом А.Мардефельдом, императрица одобрила все требования Пруссии к новоизбранному польскому королю, в том числе согласившись гарантировать его второму сыну герцогство Курляндское по силе Левенвольдова трактата [1, С. 100].

Пока сохранялась хоть малейшая нужда в союзе с Пруссией для решения польских дел, оставалась неизменной и позиция России по курляндскому вопросу. Намерения Августа III утвердить в Курляндии лояльного Бирона не находили поддержки; императрица раз за разом подтверждала готовность помогать прусскому принцу в достижении трона, — столь же неизменно убеждаясь в нежелании Фридриха Вильгельма признавать нового польского короля.

К 1735 г. ситуация изменилась. Главные противники Августа среди шляхты примирились с королем. В Речи Посполитой, хотя и неудачно, начался пацификационный сейм. 3 октября в Вене был подписан предварительный мирный договор, фактически завершивший Войну за польское наследство. Помощь Пруссии была больше не нужна. Бирон, встречаясь с соотечественниками, переписываясь с министрами короля Августа, все больше убеждался, что кандидатура прусского принца будет равно неприятна и курляндцам, и польскому королю. Отказываться дольше не было смысла. В начале 1736 г. Бирон получил личное письмо от Августа III с новым предложением герцогской короны [9, С. 121]. Хотя императрица, по крайней мере, официально, до осени не была извещена об этих новых замыслах, тон переговоров с Пруссией заметно изменился. 31 января посол Мардефельд представил Кабинету соображения короля по поводу нового союзного трактата. Россия поставила целесообразность заключения нового договора под сомнение, и в апреле трактат был окончательно отклонен [8, С. 463]. Передав Бирону предложение Пруссии тотчас признать короля Августа в обмен на город Эльбинг (одно из старинных требований Пруссии), посол получил неожиданный ответ: «Если бы это предложение было сделано двумя годами раньше, то Россия, наверное, приняла бы это с благодарностью, но теперь там все, слава Богу, приходит к концу, и мы не можем полагать, чтобы Его Величество король Прусский мог думать оказать этим удовольствие России» [8, С. 465]. Еще осенью 1736 г., ничего не зная о переговорах Августа с Бироном, Мардефельд настоятельно просил Анну Иоанновну рекомендовать королю и курляндцам в герцоги маркграфа Карла. А 4 мая 1737 г. умер герцог Фердинанд Кеттлер.

Стремительное избрание — уже 13 июля — герцогом Бирона привело прусского короля в ярость: «Если бы только русская императрица отправилась к праотцам, — заявил он, — я бы тотчас покончил с новым курляндским герцогом» [8, С. 494]. Однако в мае 1738 г. державы приступили к новым переговорам о союзном трактате, в который была включена гарантия новому герцогу Эрнсту Иоганну и его наследникам на владение в Курляндии. Нельзя не признать это колоссальной уступкой со стороны Пруссии. Однако в тот момент охлаждение между дворами достигло такой степени, что русское правительство не рискнуло взамен гарантировать Пруссии Юлих-Бергское княжество и безопасность от Швеции. Трактат с наследником Фридриха Вильгельма Фридрихом II был заключен лишь 5/16 декабря 1740 г. правительством Анны Леопольдовны с приложением секретного артикула о нерушимости курляндских прав и свобод [7, С. 328—329], что в тот момент подразумевало поддержку прав на герцогство принца Брауншвейг-Люнебургского [1, С. 133].

Этот документ означал фактическое признание Пруссией приоритета российских интересов в Курляндии.

Литература

1. Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. №98: Выписка из конференций между российскими и прусскими в России бывшими министрами с 1725 по 25 ноября 1741 года.
2. Герье В. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862.
3. Депеши английских посланников при российском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 66. СПб., 1889.
4. Депеши легационного советника курфюрста саксонского и короля польского Жана Лефорга // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 5. СПб., 1870.
5. Донесения французского поверенного по делам при русском дворе Маньяна // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 81. СПб., 1892.
6. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией, 1648—1762. СПб., 1880.
7. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 5. Трактаты с Германиею, 1656—1762. СПб., 1880.
8. Письма Э.И. Бирона посланнику Г.К.Кейзерлингу 1734—1737 гг. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 33. СПб., 1881.
9. Remarques d'un Courlandois sur le Mémoire donné relativement aux affaires de Courlande, 1763.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА ДЖ. ВОЛЬПИ В ИТАЛИИ (1927 г.)

После окончания Первой мировой войны для всех европейских стран важной стала проблема финансовой стабилизации. Международные конференции, организованные Лигой Наций в 1920 г. в Брюсселе и в 1922 г. в Женеве, рекомендовали для возвращения к золотому стандарту приостановить инфляцию и фиксировать паритет национальных денежных единиц. Участие Италии в войне привело страну к финансовому кризису. Ее военные издержки выразились в сумме 70 млн. лир. Потери убитыми и ранеными составили 1 140 000 человек. Война возложила на бюджет тяжелое бремя содержания инвалидов, вдов и сирот убитых на войне. Значительная территория во время войны подверглась разрушению. Италия при вступлении в войну намеревалась по примеру Англии использовать для военных покрытий налоговый пресс. Но это намерение было осуществлено лишь отчасти. Война потребовала колоссальных расходов, и итальянское правительство было вынуждено для покрытия дефицита в бюджете обратиться к бумажно-денежной эмиссии. К концу 1918 г. было выпущено пять военных займов на 12,2 млн. лир, казначейских обязательств на 15,6 млрд. лир, и банкнот за счет государства на 7,2 млрд. лир [5, С. 7].

Окончание войны на первых порах не принесло никакого улучшения финансового положения. Сократились расходы, связанные с введением военных операций. Но зато прибавились военные пенсии, работы по восстановлению пострадавших от военных действий местностей. Денежное обращение страны в 1919 г. по сравнению с 1913 г. увеличилось на 649% [4, С. 7]. В 1920 г. был выпущен шестой и самый крупный из итальянских займов, заем консолидации, который дал государственному казначейству 18,384 млн. бумажных лир. Первые послевоенные годы принесли с собой увеличение бумажно-денежной эмиссии. Ее рамки были расширены. Итальянское казначейство взяло на себя выкуп австро-венгерских крон, циркулировавших во вновь присоединенных областях, а также бумажных денег, выпущенных Венецианской кассой (Cassa Veneta), организованной австрийцами во время занятия ими северных частей Италии. По этой статье новая эмиссия банкнот составляла 804 млн. лир. Государственные расходы, несколько снизившиеся в 1919/1920 гг., составили 23,1 млрд. лир [3, С. 573]. В следующем году достигли цифры 36,2 млрд. лир. Бюджетный дефицит по отношению к сумме расходов составил в 1919/1920 гг. составил 34%. За период с весны по май 1920 гг. цены возросли вдвое. Внутренний государственный долг Италии с довоенной величины в 15,8 млрд. лир к июню 1923 г. поднялся до 95,5 млрд. лир. Правительства либералов Дж. Джилотти, Л. Факта, социалиста И. Бономи, сменявшие друг друга за период 1919—1922 гг. безуспешно пытались бороться с разрухой, в которой очутилась Италия после войны. Неудачей закончилась попытка министра финансов Нити стабилизировать денежное обращение страны путем создания в 1919 г. Национального Института иностранной валюты.

Придя к власти в 1922 г. правительство Муссолини начало проводить энергичную финансовую политику, направленную на укрепление лиры. Был взят курс на свертывание государственного регулирования и поощрение частной предпринимательской инициативы. В ноябре 1922 г. министр финансов де-Стефани заявил в палате депутатов, что «финансовая система, имеющая своей основой преследование капитала является безумной системой». Были денационализированы телеграф, телефон и трамвайные линии, отменены налоги на роскошь, в том числе автомобили, и наследование крупных состояний, отпущены солидные кредиты «Банко ди Рома» и «Коммерческому банку», повышены таможенные тарифы [1, С. 112]. Известный итальянский финансист, совмещая должность главы Казначейства и министра финансов, провел реформу налогового обложения. Вместо прямых прогрессивных налогов вводились пропорциональные и увеличивались косвенные. Реформа повысила размеры государственных доходов. Итальянское министерство финансов при приемнике де-Стефани Дж. Вольпи (одного из создателей Венецианского фестиваля) в конце 1925 г. достигает соглашения с США и Великобританией об урегулировании платежей по межсоюзническим долгам. В августе 1926 г. Муссолини в городе Пезаро произнес речь, в которой провозгласил программу ревалоризации лиры — «борьбу за лиру». Среди широких слоев потребителей программа понижения цен при помощи улучшения курса валют пользовалась довольно широким признанием. В то же время была увеличена квартирная плата и плата за аренду земли. Правительство сократило государственные расходы на социальное страхование, отменило ряд пенсий и пособий фронтовикам, ввело налог на заработную плату рабочим. Была проведена реформа эмиссионных банков, эмиссионное право было передано Итальянскому Банку. Произошло сокращение эмиссии казначейских билетов. Из них 400 млн. лир достоинством в 25 лир были изъяты из обращения, казначейские билеты в 5 и 10 лир заменялись серебряными монетами [2, С. 246]. В области государственного кредита была произведена принудительная конверсия долгосрочных государственных обязательств. В конце 1926 г. правительство выпустило долгосрочный «ликторский» заем. Подписка на него дала 3 млрд. лир. В декабре 1927 г. был восстановлен обмен Итальянского банка на золото. В 1933 году Италия присоединилась к золотому блоку — группе европейских стран (Франции, Голландии, Бельгии,

Швейцарии) по поддержанию действующего золотого стандарта при неизменных паритетах иностранных валют. Но уже в 1934 г. Италия отказалась от золотого стандарта лиры.

Литература

1. Белоусов Л.С. Муссолини: диктатура и демократия. М., 1993.
2. Денежное обращение в иностранных государствах после войны. Очерки под ред. С.М.Винокура. М., 1930.
3. Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и революции (1914—1921). М., 1922.
4. Денежное обращение, финансы и внешняя торговля иностранных государств. М.; Л., 1922.
5. Шмаков К. Финансы фашистской Италии // Вестник финансов. 1930. № 1.

Т.В.Соколова

г.Иваново

Ивановский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ БЕДНЯКАМ В ПРИХОДАХ ЛОНДОНА В XVII ВЕКЕ

Как известно, централизованная система здравоохранения Великобритании начала формироваться во второй половине XVIII века. В это время появились первые законодательные акты, регулирующие отношения в медицинской сфере. В том числе в них прописывались обязанности государства по оказанию необходимой помощи больным людям из малообеспеченных слоев населения.

Однако в XVII веке, когда в Англии еще не существовало системы бесплатного медицинского обслуживания, ответственность за помощь больным людям лежала на приходах. Поэтому местные власти в лице церковного старосты, по сути, являлись последней инстанцией, куда в случае болезни мог обратиться бедняк.

В отечественной науке вопросы социальной сферы Англии неоднократно и разносторонне исследовались учеными М.В.Винокуровой, О.В.Дмитриевой, В.А.Евсеевым, Т.В.Мосолкиной, Л.Н.Черновой и др. Однако такая тема, как организация приходской помощи беднякам в случае их болезни, все еще остается малоизученной.

Лондонские приходы особенно остро переживали проблему бедности и связанные с ней затраты, в том числе и «медицинские». Деньги приход собирал со своих же жителей в виде налога в пользу бедных. В ведении администрации находился «*poor box*» (дословно «ящик для бедных»), где хранились все средства, как налоговые сборы, так и благотворительные пожертвования. Именно эти деньги церковные старосты использовали для оказания финансовой поддержки больным беднякам.

Помощь приходов больным обычно заключалась в следующем:

- 1) в выделении дополнительных средств на оплату лекарств и услуг врача;
- 2) в увеличении размеров денежного пособия;
- 3) в предоставлении сиделки;
- 4) в направлении в госпиталь с соответствующей финансовой поддержкой пребывания там больного человека.

Рассмотрим подробнее, как именно все вышеперечисленные способы нашли свое отражение в отчетных документах приходов Лондона.

Вопрос о помощи больным членам сообщества мог решаться церковными старостами как самостоятельно, так и на приходском собрании. Бедняк или его представитель (член семьи или просто сочувствующий) выступал перед своими сородичами с ходатайством о предоставлении ему помощи. Например, в ноябре 1633 г. вдова Мэтьюз обратилась к собранию прихода Св. Кристофера с просьбой о финансовой поддержке. Собрание предписало приходской администрации выделить женщине 10 шиллингов в дополнение к ее настоящему пособию, а также выплачивать ей 2 шиллинга в неделю, пока ее здоровье не пойдет на поправку [3, Vol. 57].

Как правило, церковные старосты ограничивали свою помощь лишь тем, что увеличивали размер пособий больным беднякам или выделяли дополнительные средства. В последнем случае это могла быть как единовременная помощь деньгами, так и длительная финансовая поддержка, если болезнь оказывалась действительно серьезной и имела затяжной (хронический) характер. Размер помощи напрямую зависел от тяжести болезни. Чем вероятнее был печальный конец, тем больше была и величина пособия [5, Vol. 48].

Щедрость прихожан была отнюдь не безграничной. Примером тому может послужить следующая история из прихода Св. Варфоломея. На октябрьском собрании 1630 г. большинство присутствующих проголосовало за финансовую помощь тяжело больному Джону Хазарду. Однако тут же, после прослушивания еще одного ходатайства, полагавшуюся ему сумму решили разделить между ним и Элизабет Кейсон, которая упала и сломала два ребра [4, Vol. 1, 100—101]. Иначе говоря, деньги, причитавшиеся одному человеку, собрание распорядилось разделить между двумя больными прихожанами.

В некоторых случаях оказавшиеся в нужде из-за болезни люди получали помощь в виде повышения размеров их еженедельных пособий. Именно это произошло со вдовой Тэйм в 1646 г. и мистером Тэйлором в 1653 г. Прибавка составила два шиллинга для каждого [4, Vol. 1, 20, 48].

В некоторых случаях приход не оказывал финансовую поддержку напрямую, но нанимал для больных людей сиделок. На подобную работу, чаще всего, брали женщин из числа бедняков. Вдова Хазард выполняла функции сиделки, когда от тяжелой болезни слегла вдова Варнум. Ее оклад составил 2 пенса в неделю [4, Vol. 1, 130]. Она же присматривала и за бедняком Питером Хартли, когда он сломал ногу. За исполнение обязанностей сиделки в период с 17 августа по 2 октября вдова Хазард получила 1 фунт [2, Vol. 116].

Более серьезные случаи требовали квалифицированной медицинской помощи. В XVII веке в Лондоне врачебные услуги оказывали доктора, получившие университетское образование, хирурги и аптекари. В приходских отчетах они упоминаются не так часто. Как правило, в случае болезни бедняка церковные старосты обращались за помощью к аптекарям, реже к хирургам и почти никогда к докторам. Выбор профессионала объяснялся стоимостью его услуг. Из всех вышеупомянутых аптекари являлись наиболее низкооплачиваемыми специалистами, тогда как хорошего доктора мог себе позволить лишь богатый горожанин. Вызов хирурга мог быть связан со спецификой его работы, т.е. больному требовалась операция [1, С. 50—51]. В отчетах прихода Св. Варфоломея упоминается, что дочь вдовы Бриджет Харрис дословно «оказалась под рукой хирурга» [2, Vol.89]. Женщине церковные старосты выделили 4 фунта, большая часть из которых, вероятно, пошла на оплату работы врача. В другом случае медицинскую помощь оказывал аптекарь мистер Батлер. За свою работу (он неоднократно посещал пациента), а также за изготовление лекарств мистер Батлер получил 2 фунта 8 шиллингов [2, Vol. 123].

Если болезнь требовала постоянного наблюдения за пациентом, то приход вынужден был оплачивать его пребывание в госпитале. Собрание прихода Св. Кристофера постановило направить больного на лечение в Вифлеемский госпиталь. Известно, что сюда помещали людей с психическими расстройствами. Приход обязался выплачивать 5 шиллингов в неделю [3, Vol. 58].

В приходе Св. Варфоломея на протяжении многих лет церковные старосты оплачивали лечение в Вифлеемском госпитале Кэтрин Румни. Женщина, судя по всему, страдала душевным заболеванием, с периодически обострявшимися приступами. Во время кризисов ее помещали в госпиталь, в остальные дни она находилась на попечении своих родителей и сиделок и получала пособие по болезни из приходской казны. Содержание в госпитале было достаточно затратным. Так 23 недели и 2 дня пребывания Кэтрин в больнице обошлись приходу в 5 фунтов 16 шиллингов 6 пенсов (по 5 шиллингов в неделю). В то же время жалование приходских сиделок, присматривавших за больной женщиной, составляло 6 шиллингов 6 пенсов в месяц [2, Vol. 176, 184]. Поэтому приходские чиновники старались сократить время пребывания больного человека в учреждении и передать его на попечение сиделок.

К сожалению, по отчетам приходов трудно судить о том, насколько эффективна была оказываемая помощь. В документах фигурируют лишь данные о выделении средств, дошли ли они до адресата, помогли ему справиться с недугом или нет, остается тайной. Тем не менее, неоспоримым является факт, что приходжане регулярно оказывали финансовую поддержку больным. Подобное поведение людей по отношению к нуждающимся в XVII веке считалось нормой. Прихожане воспринимали свой приход как единое сообщество, микрососем, в котором все части взаимосвязаны и функционируют. Британский исследователь Эндрю Уэар полагает, что подобная взаимосвязь объясняется господствовавшей тогда в Англии идеологией добрососедства и семейности [5, Vol. 48]. Помогая беднякам, прихожанин мог рассчитывать на ответную помощь в случае, если он сам окажется в тяжелом положении. Более того, делая «доброе дело», человек рассчитывал и на искупление своих грехов с религиозной точки зрения. Именно поэтому на протяжении всего XVII века для англичан была характерна активная благотворительная деятельность.

Впрочем, каковы бы ни были попытки горожан помочь своим больным сотоварищам, они не могли продолжаться вечно. В стране активно развивались капиталистические отношения, при которых индивидуальное «счастье» выходило на первый план, постепенно вытесняя идеи добрососедства. Количество бедняков все возрастало, а помощь со стороны приходов имела свои границы. Подобная тенденция, несомненно, требовала от государства более активных действий в социальной сфере. Однако малообеспеченным англичанам пришлось ждать еще почти целый век до того, как в Великобритании появилась система бесплатного медицинского обслуживания.

Литература

1. Мосолкина Т.В. Болезни и медицина в английском городе XVII века // Новая и Новейшая история. Саратов, 2007. Вып. 22. С. 44—53.
2. The Account books of the parish of St. Bartholomew Exchange in the City of London, 1596—1698. London: Rixon&Arnold, 1895.
3. Minutes of the vestry meetings and other records of the parish of St. Christopher in Stocks, in the City of London. London: Rixon and Arnold, 1886.
4. The Vestry Minute Books of the parish of St. Bartholomew Exchange in the City of London, 1567—1676. 2 vol. London: Rixon&Arnold, 1890.
5. Wear, A. Caring for the sick poor in St. Bartholomew's Exchange: 1580—1676 // Medical History, No. 11, 1991. P. 41—60.

РАСКОЛ АНГЛИКАНСТВА В КОНЦЕ XVII В. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ЦЕРКВИ НЕПРИСЯГНУВШИХ»

С момента своего возникновения англиканская церковь была далека от единства. В рамках этого направления в европейском протестантизме постепенно наметилось несколько школ и направлений. В ходе Реформации в англиканской церкви сложилось две группы богословов: так называемые «высокоцерковники» и «низкоцерковники». Первые выступали за сохранение в основе англиканского вероучения и богослужения принципов «королевской Реформации» времен Тюдоров. Представители «Низкой церкви» требовали углубления реформы церкви: сближения англиканства с религиозными воззрениями и обрядами протестантских неконформистов. С теологами-«высокоцерковниками» был тесно связан епископат государственной церкви. Постепенно вокруг этих богословских школ начали формироваться церковные партии, в которые входили светские аристократы, дворянство, представители торговых кругов и широкие слои верующих.

Окончательный раскол в англиканской церкви внесла «Славная революция» в Британии 1688—1689 гг. Новый монарх Вильгельм III с момента своего восшествия на престол стал вмешиваться в дела англиканской церкви. Однако он имел смутное представление о реальной внутренней ситуации в стране, что умело использовали в своих целях его политические союзники из «низкоцерковников». К тому же Вильгельм Оранский был привержен своей вере — кальвинизму, что часто заставляло его руководствоваться в церковной политике не принципом поддержания конфессионального мира, а собственными религиозными воззрениями. В связи с этим, один из современников — баронет Дж. Рересби — в своем дневнике в декабре 1688 г. писал: «Принц, начиная со своего прибытия [в Лондон — К.С.] показал себя более расположенным к пресвитерианам, чем к англиканской церкви, чем было напугано духовенство». Спустя несколько месяцев тот же автор отмечал: «Англиканская церковь теперь встревожена ..., обнаружилось, что король Вильгельм оказался гораздо большим другом кальвинизма, чем мы предполагали» [16, С. 337].

В итоге, Вильгельм III допустил целую серию ошибок в церковной политике. Главной из них стало то, что вместо того, чтобы встать «над схваткой» и примирить враждующие партии англикан, он открыто вмешивался в религиозные споры и поддержал «низкоцерковников». Отношение ортодоксальных англикан к подобным планам наиболее ярко отражено в дневниковой заметке Дж. Рересби: «Он [Вильгельм III — К.С.] сделал все, что мог, чтобы вдохновить пресвитериан и вселить уныние в сердце Истинной Церкви, что не принесет абсолютно ничего, кроме вреда, ни ему самому, ни его правительству» [16, С. 324].

Действительно, богословские споры по второстепенным вопросам в результате вмешательства короля вылились в раскол англиканской церкви. Причем этот раскол начал принимать политический характер. Значительная часть духовенства «Высокой англиканской церкви» во главе с архиепископом Кентерберийским Уильямом Сэнкрофтом решительно выступила против начинаний нового короля в церковной политике, а затем — и против самого Вильгельма III.

По сообщениям источников, весной 1689 г. политический раскол внутри «Высокой англиканской церкви» между теми, кто признал Вильгельма Оранского, и теми, кто остался верен Якову II (низложенному в ходе «Славной революции» и бежавшего во Францию, где он продолжил борьбу за британскую корону), стал открытым. Открытым стал и разрыв последних с правительством. Первым сигналом этого стало недовольство консервативной части англикан принятием парламентом «Акта о веротерпимости» [6, С. 400—403]. Дж. Рересби в своих мемуарах отмечал, что «билль о веротерпимости в отношении протестантских диссентеров, выдвинутый в палате пэров лордом Ноттингемом, был поддержан некоторыми епископами, но скорее из страха, чем в результате воодушевления» [16, С. 322—323]. Многие англикане, в первую очередь, «высокоцерковники», восприняли «Акт о веротерпимости» как нарушение традиционных привилегий англиканской церкви [11, С. 15]. Дополнительное раздражение у «высокоцерковников» вызвало назначение Вильгельмом III на одну из самых крупных епископских кафедр в Англии своего давнего друга — «доктора Бэрнета» [16, С. 343]. В частности, У. Сэнкрофт назвал посвящение Гилберта Бэрнета в сан епископа «поношением священству», а самого нового прелата — «пресвитерианином в стихаре» [2, С. 73].

26 апреля 1689 г. правительством была подготовлена клятва на верность новым британским монархам, которую должны были принести все лица, находящиеся на государственной службе. Тот, кто отказывался принять присягу до 1 августа 1689 г., подвергался отстранению от занимаемых им должностей на шесть месяцев. По истечении этого срока лица, продолжавшие отказываться присягнуть Вильгельму III и Марии II, лишались всех должностей и получаемого за них жалования [5, С. 39—42].

Духовенство и миряне, принадлежавшие к «Высокой англиканской церкви», придерживались концепций божественного происхождения королевской власти, пассивного подчинения и непротивления и потому не могли дать эти клятвы. По их мнению, Яков II продолжал оставаться британским монархом *de jure*. В парламенте «значительное число епископов» открыто заявило, что они «связаны прежней клятвой верности

королю Якову» [16, С. 331]. Дж. Рересби писал, что «лорды хотели освободить епископов от присяги, утверждая, что те скорее потеряют свои кафедры, чем подчинятся» [16, С. 245]. Весной 1689 г. в связи со своей позицией в вопросе о короне перед палатой лордов предстали архиепископ Кентерберийский и ряд прелатов англиканской церкви [16, С. 337, 339].

В ответ на сопротивление части епископата англиканской церкви во главе с архиепископом Кентерберийским признанию легитимности его власти Вильгельм Оранский лишил У.Сэнкрофта его кафедры. В феврале 1690 г. за отказ присягнуть Вильгельму III и Марии II пять англиканских епископов было лишено своих диоцезов, около трехсот священников — приходов, и примерно сто преподавателей было изгнано из университетов. Раскольники образовали собственную церковь, получившую название «Церкви неприсягнувших», которая просуществовала в качестве самостоятельной деноминации до 1804 г. В нее вошло около 400 священников в Англии (позднее английская конгрегация расширилась до 600 священнослужителей), практически все епископальное духовенство Шотландии и небольшие общины в Ирландии [3, С. 59—60]. Источники свидетельствуют, что в первые годы после «Славной революции» «Церковь неприсягнувших» была скорее политическим, чем религиозным движением, и в ее основе лежала верность низложенному Стюарту. На своих собраниях «неприсягнувшие» англикане молились за «законного короля» Якова II [4, С. 90; 15, С. 136—137].

Поскольку Вильгельм III начал занимать вакантные епископские кафедры своим ставленниками, а «неприсягнувшие» прелаты отказывались их покидать, заявляя, что у них нет на этот счет никаких инструкций от «законного» короля Якова II, то в Англии возникли две параллельные церковные иерархии, одна из которых признавала своим монархом Вильгельма III, а вторая — Якова II [13, С. 15].

«Церковь неприсягнувших» возглавил Уильям Сэнкрофт, продолжавший называть себя архиепископом Кентерберийским. Кроме того, в 1689 г. в «раскол» ушли епископ Или Фрэнсис Тернер, епископ Чичестера Джон Лэйк, епископ Вустера Уильям Томсон, епископ Питерборо Томас Уайт, епископ Норича Уильям Ллойд и епископ Глостера Роберт Фрэмpton. К этой группе присоединился известный сочинитель церковных гимнов и епископ городов Бат и Уэллс Томас Кэн. Позднее к «Церкви неприсягнувших» примкнул епископ Оксфорда Хоуг, который занимал пост президента Колледжа Св. Марии Магдалины — «кузницы кадров» англиканской церкви — и пользовался огромным влиянием в интеллектуальной столице Англии — Оксфорде [3, С. 159—160]. Главными центрами «неприсягнувших» стали Лондон, Кембридж, Манчестер и Ньюкасл [13, С. 15].

Чтобы сделать более понятной позицию, которую заняло высшее духовенство англиканской церкви необходимо совершить небольшой экскурс в историю. Увеличению авторитета и повышению сплоченности прелатов способствовало то, что почти все они несколькими месяцами ранее проходили через т.н. «Дело семи епископов». Тогда правящий монарх Яков II Стюарт издал «Декларацию о веротерпимости», согласно которой для всех конфессий допускалась свобода исполнения религиозных обрядов и равенство представителей всех религий перед законом. Проблема заключалась в том, что Яков II пытался опереться на альянс всех противников государственной церкви — как католиков, так и протестантских неконформистов. С этой целью Яков II готовился к созыву «подтасованного» парламента, который должен был отменить карательные законы против католиков и диссентеров и «Тест-Акты» — присяги на верность англиканской церкви, которые давались при вступлении на любую государственную должность. Яков II сделал ставку на энергичные меры, которые были бы популярны среди неконформистов, одновременно со скорейшим оповещением подданных о решительных реформах короля. Поэтому, издав 27 апреля 1688 г. вторую «Декларацию о веротерпимости» в Англии, Яков II 4 мая направил англиканскому духовенству указ о том, что декларация должна быть зачитана во всех церквях королевства [6, С. 83]. По замечанию Б.Ленмена, в XVII — начале XVIII в. церковные кафедры «были самым эффективным средством общения с широкими слоями населения» [12, С. 15], и Яков II решил их использовать с целью подготовки общественного мнения к предстоящим решениям осеннего парламента.

Данная мера вызвала возмущение духовенства англиканской церкви, прежде всего ее главы — архиепископа Кентерберийского Уильяма Сэнкрофта. Впрочем, сомнительно, что Яков II намеренно пошел на столь острый конфликт с господствующей в Англии деноминацией. Вероятно, король даже не оценил всю его глубину и опасность. Свидетельства ряда документов (в том числе личных записок монарха) позволяют утверждать, что Яков II предвидел дальнейшее углубление процесса Реформации церкви, а потому считал, что «Высокая англиканская церковь», стоящая, по сути, на позициях «королевской Реформации» XVI в., будет постепенно терять свое влияние в обществе, и религиозное будущее Англии — за сектами [14, С. 373; 16, С. 193, 242—244, 249—250]. Поэтому, вероятнее всего, король просто проигнорировал мнение англиканского духовенства.

Однако Яков II недооценил силы оппозиции. В ответ 18 мая У.Сэнкрофт и еще шесть наиболее влиятельных епископов направили королю петицию, появление которой всколыхнуло всю Англию [10, С. 85—92]. В документе подвергались критике не только указ о публичном прочтении «последней декларации Вашего Величества о свободе убеждений», но сама декларация и «разрешительная власть» короля [6, С. 84]. Ремонстрация высшего англиканского духовенства была опубликована и распространена [1, С. 71]. Петиция прелатов ободрила столичное духовенство, большая часть которого отказалась зачитывать текст декларации.

Все это привело в неистовство Якова II, который понял, что допустил очевидную политическую ошибку, переоценив надежность своей опоры на сектантов. Однако король не желал отступить, опасаясь потерять лицо, и в начавшемся конфликте решил пойти до конца: архиепископ Кентерберийский и подписавшие петицию епископы Бата и Уэллса, Бристоля, Или, Питерборо, Сент-Асафа и Чичестера были заключены в Тауэр [8]. Однако произошел неслыханный случай в истории Англии. Несмотря на давление королевской администрации суд присяжных оправдал прелатов. В итоге в глазах широких слоев верующих они получили ореол мучеников за веру. После «Славной революции» те же епископы вновь подверглись преследованиям. На этот раз с другой стороны — кальвиниста короля-статхаудера Вильгельма III и «низкоцерковников», входивших в его ближайшее окружение. Если ранее симпатии верующих в отношении прелатов-исповедников были на руку принцу Оранском, поскольку стали одним из факторов ослабления позиций Якова II, то теперь они обернулись против него самого. Это означало для многих ортодоксальных англикан то, что новый монарх оказался не лучше прежнего, и вся их разница состояла в том, что если Яков II был хотя бы с точки зрения многих «высокоцерковников» законным, то Вильгельм III — самозванцем [11, С. 15].

По мнению авторитетного специалиста в области английской церковной истории Г.В.Беннета, это была количественно меньшая, но наиболее влиятельная часть англиканского духовенства, которая вплоть до начала XVIII в. обладала определяющим влиянием на конформистов. В их глазах «неприсягнувшее» духовенство выглядело «исповедниками, стоящими на истинном пути искренне, последовательно и твердо» [3, С. 159—160].

Э.Лорд утверждает, что значительную по численности группу среди «неприсягнувших» составляли миряне. Однако, поскольку лишь небольшая их часть занимала официальные посты и поэтому не имела возможности открыто заявить о своей позиции, о ней практически ничего не известно [13, С. 17—18]. Предположение британского историка подтверждается данными источников. В частности, Дж.Рересби в своем дневнике упоминает, что на заседании парламента 3 марта 1689 г. клятву верности Вильгельму III «отказался принести ряд лордов», мотивируя это тем, что их таким образом «принуждают преступить клятву верности королю Якову» [16, С. 331]. Н.Латтрелл упоминает, что в Шотландии к «Церкви неприсягнувших» принадлежали военные в высоких чинах [14, С. 114]. Сохранились правительственные приказы о разоружении в графстве Норфолк всех, «кто отказался принести присягу, принятую актом парламента» [15, С. 135—137]. Согласно современным данным, в Англии к «Церкви неприсягнувших» принадлежали такие крупные политические фигуры как графы Эйлсбери и Ярмут, состоятельный купец У. Френд, спонсировавший якобитов [9, С. 22—23; 13, 54]. Дж. Ивлин в своем «Дневнике» употребляет термины «якобиты» и «неприсягнувшие» в качестве синонимов [7, С. 322]. По мнению Э.Лорд, «неприсягнувшие» наряду с католиками, сектантами и недовольными новым режимом политиками составляли основную массу тех, кто плел в 1690-е гг. в Британии заговоры против правительства с целью реставрации низложенного Якова II [13, С. 17].

Таким образом, одним из последствий «Славной революции» в Британии стал раскол англиканской церкви по династическому признаку на сторонников Якова II Стюарта и Вильгельма III Оранского. В «Церкви неприсягнувших» объединились те представители британского общества (прежде всего духовенство), которые выступали против политической и религиозной системы, сложившейся в Британии после «Славной революции». Помимо верности низложенному монарху «неприсягнувших» объединяло то, что они считали опасным проникновение в практику и теологию англиканской церкви кальвинистских и близких к нему идей. Таким образом, раскол, первоначально носивший политический характер, вылился в формирование отдельной самостоятельной протестантской деноминации. Лишь спустя более чем столетие, англиканам удалось преодолеть все разногласия, и в начале XIX в. «неприсягнувшие» вновь влились в лоно государственной церкви.

Литература

1. Ивонина Л.И. Яков II Стюарт // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 54—82.
2. Маколей Т.Б. История Англии от восшествия на престол Иакова II: В 6 ч. / Пер. с англ. СПб., 1861—1864. Ч. 4. 1863.
3. Bennett G.V. Conflict in Church // Britain after the Glorious Revolution / ed. by G.Holmes. L.: Macmillan: St. Martin's Press, 1969. P. 155—175.
4. A Constitution in Making (1660—1714) / ed. by G.B.Perrett. L.: Bell & Sons, 1912.
5. The Eighteenth-Century Constitution, 1688—1815: Documents and Commentary / ed. by E.N. Williams. Cambridge: Cambridge univ. press, 1960.
6. English Historical Documents: in 12 v. / general. ed.: D. Douglas. L.: Eyre & Spottishwoode, 1953—1967. Vol. 8: 1660—1714 / ed. by A.Browning. 1953.
7. Evelyn J. The Diary of John Evelyn: in 3 v. / ed. by A. Dobson. L.; N.Y.: Macmillan, 1906. Vol. 3.
8. Hoffmann to the Emperor, 31 May, 1688 // Haile M. Queen Mary of Modena: Her Life and Letters / Martin Haile. L.: J.M.Dent; N.Y.: E.P.Dutton, 1905. P. 182.
9. Garrett J. The Triumphs of Providence: the Assassination Plot, 1696 / Jane Garrett. Cambridge: Cambridge univ. press, 1980.
10. Gibson W. James II and the Trial of the Seven Bishops / William Gibson. L.: Palgrave: Macmillan, 2009.

11. Goldie M. The Nonjurors, Episcopacy, and the Origins of the Convocation Controversy // Ideology and Conspiracy: Aspects of Jacobitism, 1689—1759 / ed. by E. Cruickshanks. Edinburgh: Donald, 1982. P. 15—35.
12. Lenman B. The Jacobite Risings in Britain, 1689—1746 / Bruce Lenman. L.: Eyre Methuen, 1980.
13. Lord E. The Stuarts' Secret Army: English Jacobites, 1689—1752 / Evelyn Lord. Harlow [etc.]: Pearson:Longman, 2004.
14. Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714. Oxford: Oxford univ. press, 1857. Vol. 1.
15. Report on the Manuscripts of the Marquess of Lothian Presented at Blickling Hall, Norfolk / Historical Manuscript Commission. L.: His Majesty's Stationary Office, 1905.
16. Reresby J. The Memoirs of the Honorable Sir John Reresby, bart. And Last Governor of York / John Reresby. L., 1734.

М.Ю.Федорович

г.Москва

Московский педагогический государственный университет

РУДОЛЬФ II И ЕГО РОЛЬ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

Царствование императора Рудольфа II занимает последнюю четверть XVI и начало XVII в. В этот период Германия была охвачена внутривосточным кризисом, возникшим на почве межконфессионального противостояния между католическими и лютеранскими князьями Старой империи. Роль императора Рудольфа в этом процессе была одной из ключевых.

В немецкой историографии правление Рудольфа однозначно оценивается как эпоха нарастающего политического, религиозного и династического кризиса в империи. Г.Шмидт и Х. Шиллинг полагают, что первые элементы кризиса появились уже в конце 1570-х годов [4, С. 73]. Ф. Пресс считает точкой отсчета коллапса государственных институтов Германии 1600 год, когда имперский суд в силу острых противоречий между его членами, исповедовавшими католицизм и лютеранство, прекратил свою деятельность [3, С. 27].

Г.Лутц называет главной причиной этого крупного кризиса прокатолическую направленность политики Рудольфа II. Межконфессиональный конфликт породил и кризис всех государственных институтов. Э.В.Цееден полагает, что кризисные явления были заложены уже в тексте Аугсбургского мира. Такими спорными пунктами договора 1555 г. он считает признание кальвинизма, реформационное право имперских городов, секуляризация епископств на лютеранских территориях. «Важным фактором начала противостояния стала и смена поколений во главе империи, когда ушли творцы религиозного мира, и их сменили правители, не склонные к политическим компромиссам и уверенные в своей силе» [6, С. 213].

Император Максимилиан II, стремившийся к политической стабильности в Германии, выстроил компромиссную систему управления империей на уровне центральных органов власти. Ключевыми органами власти стали рейхстаг, Надворный совет при императоре и имперский суд, состоявшие в равной мере из представителей обеих конфессий. Имперский суд стал ключевым органом по разрешению споров между католиками и протестантами. Рейхстаг, регулярно созывавшийся и проходивший в различных городах Германии, все больше становился похожим на законодательный сословно-представительный орган по типу английского парламента. Основным принципом его деятельности в середине XVI в. стало достижение консенсуса между императором, представителями городов, духовенства и дворянства для выработки законов. Эта задача довольно успешно решалась в правлении Фердинанда I и Максимилиана II.

Рудольф II, избранный императором в 1576 г., постепенно отошел от внутривосточного курса своего отца и деда. Воспитанный при дворе испанского короля Филиппа II иезуитами, он открыто выражал свою поддержку католикам. Немецкий историк Г.Шмидт отмечал, что «Рудольф II оценивал протестантов как ревнитель католицизма. Немецкие проблемы оказались втянутыми в общеевропейскую политическую и религиозную борьбу» [4, С. 120].

Рудольф, безусловно неглупый и даже, если бы не его психическое заболевание, талантливый правитель, на протяжении всего своего правления был склонен к мистицизму и оккультным наукам, что вылилось к 90-м годам XVI в. в полное его уединение в стенах его пражского замка. Слуги и родственники, порой не видя его неделями, даже считали его умершим [5, С. 500]. Возможно, уединение императора и все более проявлявшаяся его отстраненность от текущих дел объясняется тем, что его идеал государства, основанного на мировой гармонии, не совпадал с реальной ситуацией в империи [1, С. 323].

Одной из основных причин политического кризиса стал династический вопрос. Император не был женат и не имел наследников, поэтому к концу XVI в. между братьями императора началась открытая борьба за роль преемника на престоле Габсбургов. Ведущую роль в этой борьбе играл эрцгерцог Маттиас, лишенный Рудольфом всех своих владений. В союзе с герцогом Штирийским Фердинандом он задался целью объявить императора недееспособным, но проявленная Фердинандом нерешительность не позволила осуществить

этот план. Эта борьба внутри правящей династии фактически расколола империю. Если Маттиас опирался на поддержку венгров, то Рудольф, пойдя на компромисс с чешским дворянством и отказавшись от преследования лютеран в Богемии, получил их содействие. Для этого император даровал в 1609 г. богемскому дворянству «Грамоту величества», которая гарантировала свободное исповедание любой религии, право на учреждение школ и строительство храмов. Для наблюдения за исполнением «Грамоты» был создан совет из 24 дефенсоров. «Принятие «Грамоты величества» способствовало установлению фактической автономии дворянства Чехии от императорской власти и тем самым ослабляло саму императорскую власть в регионе» [2, С. 386].

Германия же, втянутая в противостояние, вновь, как и в начале века, оказалась разделенной по конфессиональному признаку.

Толчком к развитию коллапса имперских учреждений послужил спор между конфессиями об управлении магдебургской епархией. С 1564 г. архиепископом в Магдебурге был маркграф Бранденбургский Иоахим Фридрих, лютеранин по исповеданию. По должности он входил в состав Надворного совета и ревизионной комиссии имперского камерального суда. Тем самым не было соблюдено одно из положений Аугсбургского мира, по которому лютеранин не мог возглавлять по преимуществу католический регион или епархию. Император Рудольф воспользовался этой ситуацией и под предлогом соблюдения условий мира, отказался утвердить состав имперского суда с участием магдебургского епископа. Лютеране высказали свой протест подобному шагу и отказались участвовать в работе суда и ревизионной комиссии. Тем самым, комиссия, состоявшая поровну из католиков и протестантов, прекратила свою работу, заблокировав и работу имперского суда. Функции суда были переданы рейхстагу и императорскому совету. Но и в этих учреждениях интересы лютеран не учитывались.

Работой рейхстага и совета фактически руководил архиепископ Майнцский. В условиях ослабления власти Рудольфа II и династической борьбы коллегия курфюрстов приобретала ключевое политическое значение. Майнцский архиепископ, бывший главой этой коллегии, стремился полностью контролировать остальных курфюрстов, а тем самым неизбежным стало стремление лютеран во главе с бранденбургским маркграфом к отстаиванию своих позиций. В 1603 г. на обсуждение рейхстага был вынесен вопрос о секуляризации четырех монастырей, но из-за угрозы радикальных протестантов заблокировать введение налога на войну с Турцией, Рудольф II снял этот вопрос с повестки дня.

Еще одним пунктом политического противостояния стала принадлежность города Донауверт. Этот город имел статус имперского под управлением лютеран. Постоянные притеснения католического меньшинства со стороны городского совета и жалобы к императору со стороны католиков сподвигли Рудольфа в 1607 г. принять решение о вводе в город военного отряда во главе с баварским герцогом Максимилианом — самому могущественному католическому властителю Германии. Город был отдан герцогу в залог, что нарушало правовой статус Донауверта. Сложившаяся ситуация показала протестантам, что император, нарушив Аугсбургский мир, уже не может являться гарантом мира в Германии. На Регенсбургском рейхстаге 1608 г. конфликт еще больше углубился. Католики настаивали на узаконении положения и передаче Донауверта герцогу Максимилиану, лютеране же требовали восстановления нарушенного права и вывода баварских войск. Сложилась патовая ситуация, когда ни одна из сторон не хотела идти на уступки, и рейхстаг был распущен.

Усугубившееся противостояние конфессий и фактическое прекращение деятельности рейхстага, утрата императором последних инструментов влияния на обстановку в Германии повлекли за собой создание Католической Лиги и Евангелической унии, для отстаивания политических и военных интересов противоборствующих партий.

Подводя итоги, можем отметить, что император Рудольф II, при восшествии своем на престол обладал всеми возможностями для сохранения длительного мира в Германии и империи, основанном на межконфессиональном компромиссе и слаженной работе центральных органов власти. Но, открыто встав на сторону католической группировки при дворе и настойчиво насаждая католицизм на имперской периферии, он тем самым нарушил хрупкий баланс сил. При отстаивании своих позиций он не чуждался и применения военной силы. В то же время, нуждаясь в поддержке со стороны чешского дворянства, он шел на уступки в религиозных вопросах. Обострявшаяся болезнь императора негативно влияла на отношения Рудольфа с братьями и привела к династическому кризису, который наложился на кризис общеполитический. Не способный ко второму десятилетию XVII в. к самостоятельному правлению, он был лишен эрцгерцогами Матиасом и Фердинандом всех своих владений. За ним осталась лишь корона императора, уже имевшая лишь формальное значение.

Литература

1. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555—1648. СПб., 2008.
2. Gindely A. Rudolf II und seine Zeit. Prague, 1863.
3. Press V. Kriege und Kriese. München, 1991.
4. Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der frühen Neuzeit. München, 1999.
5. Stieve A. Rudolf II // Allgemeine deutsche Biographie. B. 29. S. 493—515
6. Zeeden E.W. Das Zeitalter der Glubenskämpfe. Stuttgart, 1970.

ГОРОДСКОЙ ДЖЕНТРИ АДАМ ФРЭНСИ: К ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРИОБРЕТЕНИЙ ЛОНДОНСКОГО КУПЦА XIV ВЕКА

Проблема аграрной истории средневековой Англии не относится к числу востребованных современной медиэвистикой. Между тем, без ее изучения невозможно понять эпоху Средневековья, когда и власть, и социальный престиж, и личные связи, и система политического устройства основывались на обладании земельной собственностью [6, С. 6]. Интерес к аграрной проблематике возрастает применительно к XIV в., когда благодаря росту английских городов, становившихся главными источниками общественной и хозяйственной динамики [9, С. 510], многократно усложняется социальный ландшафт, неотъемлемой частью которого являются городские джентри.

Наше внимание привлек Адам Фрэнси, торговец предметами роскоши XIV в., олдермен 1352—1375 гг., дважды избиравшийся мэром Лондона [2, С. 387]. Попытаемся выявить географию и структуру земельных приобретений этого купца, способы его проникновения в аграрную сферу и характер использования земель, что позволит внести дополнительные штрихи в социальную идентификацию представителей городской элиты Лондона XIV в.

По понятным причинам какие-либо эго-документы, связанные с Адамом, до нас не дошли, но сохранились документальные материалы: картулярий [3], деловые книги компании мерсеров Лондона [5], публикация архивных материалов, осуществленная А.Бивеном [2].

Биографических сведений об интересующем нас персонаже немного. Известно, что он появился на свет в первом десятилетии XIV столетия в одном из провинциальных городков или селений на севере Англии, скорее всего, в Йоркшире [3, С. 4—5]. Возможно, Адам был третьим сыном, которому предстояло попытаться счастья в городе. А наибольшие возможности для этого предоставлял Лондон и, особенно, его знаменитая компания торговцев предметами роскоши (мерсеров), в составе которой в начале третьего десятилетия XIV в. оказался Адам Фрэнси [5, С. 48—57].

В качестве горожанина Лондона он впервые упоминается в городских финансовых документах в декабре 1339 г. [3, С. 6]. Уже в это время Адам был состоявшимся купцом, имевшим торговые связи с Брюгге, куда экспортировал шерсть [3, С. 8], Ганзейскими городами и Италией, откуда импортировал самые разнообразны́е товары [3, С. 6—7]. Сфера его деловых интересов была обширна и многопланова — торговля, финансовые операции [5, С. 48—51], участие в таможенных монополиях. Кроме того, Адам располагал значительными комплексами недвижимости в самых престижных и наиболее коммерчески выгодных районах Лондона, где ему принадлежали дома, в том числе один — каменный, торговые лавки (не менее десятка), склады, пивоварня, участки набережной Темзы, в том числе причал с верфью [3, С. 106—116].

Первые внегородские приобретения Фрэнси относятся ко времени «Черной смерти», вызвавшей колоссальные людские потери и падение цены на землю, а также желание покинуть пределы тесного города. При этом, в отличие от большинства коллег, Адам не вернулся в свое родное, но весьма отдаленное от Лондона графство, чтобы купить земли. Земельные приобретения Фрэнси концентрируются в северном Миддлсексе и на юго-западе Эссекса, то есть в графствах, которые традиционно «кормили» Лондон, а Эссекс (наряду с Кентом, Сурреем, Эссексом и Норфолком) всегда был житницей Англии и основным поставщиком зерна. Не случайно среди причин, побуждавших влиятельных и богатых горожан вкладывать деньги в земельную собственность, Е.В.Тушина называет стремление обеспечить себя продуктами питания. Особое значение данный фактор приобрел в результате «аграрного кризиса» середины XIV в., неурожая, эпидемий, военных столкновений этого столетия [7, С. 284]. Необходимо принять во внимание и еще один фактор, облегчавший проникновение богатых горожан в аграрную сферу: с XIV в. скупка земель происходила по всей Англии, но наибольшее распространение получила на юге и востоке страны, что показывает, насколько эти области уже были втянуты в товарные отношения [8, С. 28—29].

Первого февраля 1349 г. Фрэнси приобрел, совместно с Томасом Лэнгтоном, манор Уайк у Джона Костона, лондонского торговца предметами роскоши, олдермена, шерифа 1324—1325 гг. [2, С. 328], и его жены Евы. Манор состоял из двух усадеб, 149 акров земли, водяной мельницы и рент на сумму 11 ф. 15 ш. 20 п. [3, С. 204—208]. В последующие 10 лет Фрэнси увеличил приобретенные владения за счет участков земли и прочей недвижимости, действуя самостоятельно или через агентов — Николаса атте Уайка и Саймона де Хемптона. В Олд Форде Адам купил усадьбу с садом и огородом, 8 акров земли, 3 акра и 6 рудов (1,5 акра) лугов с прудами, еще один небольшой сад и 3 торговые лавки с комнатами в верхних этажах, располагавшиеся напротив усадьбы [3, С. 209]. Владения в Хекни состояли из усадьбы, 82,5 акров и одного руда (0,25 акра) пахотных земель, сада, 63 акров лугов и водяной мельницы [3, С. 210]; в Степни — из усадьбы, 53,5 акров и 8 рудов (2 акра) пахотной земли, 3 акров лугов и арендуемых хозяйственных и торговых помещений

[3, С. 210—212]; в Тоттенхэме — из 12 акров земли [3, С. 216]. Большую часть земель в Хекни, Степни и Тоттенхэме, как и в случае с манором Уайк, Адам приобрел у богатого и влиятельного лондонца — Уолтера Тарка, торговца рыбой, мэра и шерифа Лондона [1, С. 329].

Затем Фрэнси переключился на восток, за реку Ли до Уэст Хэма и Литона. Уместно отметить, что все основные владения Фрэнси, включая маноры в Эдмонтоне и Энфилде, находились на плодородных лугах долины реки Ли. Эти земли были исключительно привлекательны для Фрэнси в силу того, что служили важнейшими поставщиками продовольствия.

В 1357 г. он приобрел манор Хобхэмс у его последнего владельца — сэра Томаса де Хобхэма. Манор состоял из земель в Ист Хэме, Уэст Хэме и Баркине (2 усадьбы, 89,5 акров и один руд пахотной земли, 29 акров и один руд лугов, 40 акров пастбищ, половина акра земли с ветряной мельницей, 7 акров земель с ивняком и болотами, 12 ш. 6 п. ренты, арендованные помещения [3, С. 198—202]) и небольшого участка земли (половина гайды) с постройками и пастбищами в Стрэтфорде [3, С. 198]. Как и Уайк, манор Хобхэмс был сформирован в начале века лондонцем Джоном Престоном, богатым канатчиком, олддерменом, мэром Лондона в 1332—1333 гг. [1, С. 326].

Упомянутые сделки представляют для нас интерес по нескольким причинам. Во-первых, из-за использования клириков в качестве поверенных (доверителей), во-вторых, благодаря совместным приобретениям и через агентов. Самым востребованным из них был Томас де Лэнгтон, деловой партнер и друг Адама Фрэнси, а также привлекались священнослужители Николас атте Уайк, Томас Пейтшалл и Джон Пити. Именно клирики благодаря своему статусу и репутации часто использовались для сопровождения сделок по передаче собственности и выполнения обязанностей доверителей. Они к тому же, как правило, не имели собственных прямых наследников, что лишь усиливало доверие к ним.

Приобретения Фрэнси также показывают преобладание лондонцев среди людей, скупавших земли в предместьях Лондона. Адам покупал землю там, где до него это делали многие бюргеры. За исключением Ракхолт, эти маноры основывались горожанами задолго до того, как они оказывались у Фрэнси, и передавались они уже как компактные наделы, которые он расширял впоследствии. Графства в целом, и Миддлсекс в особенности, были любимыми местами, где лондонцы предпочитали селиться, а купцы при этом имели возможность вести дела в столице. И поскольку земля в Миддлсексе покупалась и продавалась лондонцами продолжительное время, земельный рынок рос по всему графству, а земельный фонд постепенно распределялся среди богатых купцов, становясь все более их «вотчиной».

Земли в Миддлсексе Адам Фрэнси начинает приобретать с 1351 г. Сначала он совместно с Питером Фэйвлором купил 18,5 акров лугов и 13 акров леса в Эдмонтоне и 4 акра лугов Энфилде [3, С. 428]. С этих пор все земли в Эдмонтоне, Тоттенхэме и Энфилде покупались в партнерстве с Фэйвлором, вплоть до его смерти в 1360 г. В марте 1355 г. при участии Фэйвлора было куплено значительное владение в Эдмонтоне, состоявшее из 236 акров пахотной земли, 63 акров лугов, 21 акра пастбищ, трех усадеб и 50 ш. рент [3, С. 428—429]. В июле 1360 г. к этим землям добавились пастбище и ферма [3, С. 429].

Все эти приобретения ранее принадлежали торговцу предметами роскоши Уильяму де Костону, шерифу Лондона и графства Миддлсекс в 1316—1317 гг., одному из самых известных скупщиков земли в данном регионе. Костон покупал землю, часто очень мелкие участки, у разных людей, но чаще у представителей старых местных фамилий, таких как Энсти, Марши и Форды, которые с большим трудом и серьезными издержками приспособлялись к новым условиям.

Еще одним крупным землевладельцем, у которого Фрэнси покупал земли в Эдмонтоне, был Роджер де Дефам, лондонский купец, олддермен 1338—1359 гг. [1, С. 356]. В декабре 1358 г. Роджер, как и Уильям Костон не имевший прямого наследника, продал все земли в Эдмонтоне Томасу де Лэнгтону и Джону Пити, которые в мае-июне 1359 г. передали их Фрэнси и Фэйвлору в пожизненное пользование [3, С. 427, С. 428—429]. 31 мая 1359 г. у Адама Фрэнси оказалась также часть манора Эдмонтон, в которую входили 2 усадьбы и 320 акров земли с рентами. Эта часть манора была передана в управление Томасу де Лэнгтону и Джону Пити, доверителям Адама, в июне 1359 г., незадолго до смерти его хозяина, Джеффри де Сей. 31 мая 1359 г. доверители «подарили» означенные земли Адаму Фрэнси в пожизненное пользование с последующей их передачей его сыновьям: сначала Адаму-мл., затем Роберту. Дарение было подтверждено наследником Джеффри, Уильямом де Сей, достигшим совершеннолетия в 1361 г. Второго октября 1361 г. Уильям выдал Адаму закладную на манор на 22 года взамен на получение суммы в 1000 фунтов. В период между 1362 и 1369 гг. манор и титул лорда были навсегда переданы Адаму Фрэнси [3, С. 429].

Приобретение манора Эдмонтон явилось своеобразным механизмом, при помощи которого Адам Фрэнси, этот богатый и влиятельный горожанин, заявил о своих социальных устремлениях. Получение титула лорда, надо полагать, стало для Фрэнси важнейшим общественно значимым событием и реализацией социальных амбиций лондонского купца и олддермена в обществе, в котором традиционно высоко ценились знатность происхождения и обладание землями [4, С. 53].

По самым приблизительным подсчетам, в 1349—1371 гг. Адам Фрэнси приобрел 12 усадеб, 1056 акров пахотной земли, 189 акров лугов, 61 акр пастбищ, 13 акров леса, 4 сада и огород, пруды, две водяные и одну ветряную мельницы, ренты на сумму 11 ф. 77 ш. 26 п., лавки, а также ферму, земли с ивняком, болотами и пастбищами, арендованные хозяйственные и торговые помещения. Сама структура владений Фрэнси позволяет

причислить его к ранним джентри XIV в. — «новому дворянству», которое умело приспособилось к менявшимся условиям, стремилось всячески повысить доходность своих владений.

Литература

1. Barron C. London in the Later Middle Ages: Government and People 1200—1500. Oxford, 2004.
2. Beaven A.B. Aldermen of the City of London: in 2 v. L., 1908. V. 1.
3. Calendar of the Cartulary of Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / ed. by S.J.O'Connor. L., 1993. Camden fifth series. V. 2.
4. Hunt E.S., Murray J.M. A History of Business in Medieval Europe, 1200—1550. Cambr., 1999.
5. The Medieval Account Books of the Mercers of London: in 2 vols. / an ed. a. transl. by L. Jefferson. Padstow: Ashgate, 2009.
6. Винокурова М.В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI — начала XVII в. М., 2004.
7. Тушина Е.В. Городское землевладение // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А.Сванидзе: В 4 т. Т. 2. М., 1999.
8. Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957. С. 28—29.
9. Юсим М.А. Расцвет Запада // Всемирная история: В 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П.Ю.Уваров. М., 2012.

М.М. Чореш

г. Тюмень

Тюменский государственный университет

К АТРИБУЦИИ ЗВЕЗДОВИДНЫХ НАДЧЕКАНОК НА МЕДИ БОСПОРСКОГО АРХОНТА АСАНДРА

Во всей тысячелетней истории Боспорского царства не найти менее изученной эпохи, чем период правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.) и его ближайших преемников. И дело тут не в недоступности или в недостоверности письменных источников. Они уже давно известны, причем довольно информативны и относительно непротиворечивы. Однако в них нет столь ценной для каждого историка информации, как описания «серых будней» жизни обычных людей. К сожалению, древних ученых интересовали только события в жизни коронованных особ, восстания или социальные катаклизмы. А экономические проблемы их не привлекали. Так что составить целостную картину какой-либо эпохи исключительно в итоге изучения письменных источников практически невозможно. К сожалению, столь же фрагментарное представление дают и результаты археологических и эпиграфических исследований. Но тут на помощь историку приходят монеты.

На крупной меди Асандра архонтского и полисного чекана, а также на более ранних разменных монетах, обращавшихся во втор. пол. I в. до н.э. (рис. 1, 3), часто встречаются надчеканки. В них принято видеть восьмиконечные звезды. На ободах их проставляли на аверсе и реверсе (рис. 1, 1—6). Похоже, что для этого использовали сопряженные штемпели. На тетраخالках же контрамарки отгискивали только на одной из сторон, как правило — на оборотной (рис. 1, 7). Появление надчеканок принято объяснять унификацией денежной массы, проведенной, как полагают, уже при Асандре. В качестве аргумента ссылаются на факт выпуска при этом же правителе в обращение фанагорийских тетраخالков с восьмиконечной звездой на аверсе [8, С. 23].

Как будто бы все понятно и вполне объяснимо. Действительно, медные монеты Асандра били на разменной деньгах понтийского и наместнического чекана эпохи Митридата VI Евпатора Диониса (121—63 гг. до н.э.), а также на полисных бронзах времен правления Фарнака II (63—47 гг. до н.э.). Так что в ход шли заготовки разного размера и веса. Причем их перчеканивали довольно небрежно. Как правило, заметны прежние изображения и надписи (рис. 1, 1—4, 7) Так что появление надчеканок вполне объяснимо. Средства платежа следовало бы унифицировать. Однако не факт, что эту операцию провели при Асандре. Ведь, в таком случае, чем объяснить неизвестность его позднейшей меди? Если он, будучи архонтом, уделил внимание разменным деньгам, то он же, став царем, мог бы санкционировать выпуск оригинально оформленной медной монеты, а не надчеканивать старую, да еще и со своим же именем. Однако этого не произошло, что, безусловно, требует объяснения.

Сразу же заметим, что мы не настаиваем на обязательности выпуска меди от имени царя Асандра. Полагаем, что он по традиции, принятой у правителей Понта, мог ограничиться чеканкой именного золота. Разменные же деньги выпускали подконтрольные ему полисы — их монеты хорошо известны [1, С. 80; 8, С. 23, 175—177]. Так что у нас есть все основания считать, что у Асандра—царя не было и повода заняться эмиссией разменной меди. Но, в таком случае, получается, что звездовидные надчеканки не могли наложить по его приказу. Попытаемся установить причину их появления.

Первым делом обратим внимание на внешний вид заинтересовавших нас контрамарок (рис. 1, 1—7). Даже без увеличения видно, что они представляют собой не только астральные символы. Обязательным их элементом является хорошо заметный дифферент «▲». На всякий случай приводим увеличенное изображение надчеканки аверса (рис. 1, 8) обола, приведенного на рис. 1, 2. Примечательно, что аналогичная контрамарка оттиснута и на его реверсе. Те же обозначения прослеживаются и на прочих крупных монетах, изображения которых приведены на рис. 1, 1—5. Так что замеченный нами символ не мог быть размещен бессмысленно. Попытаемся выяснить причину его появления.

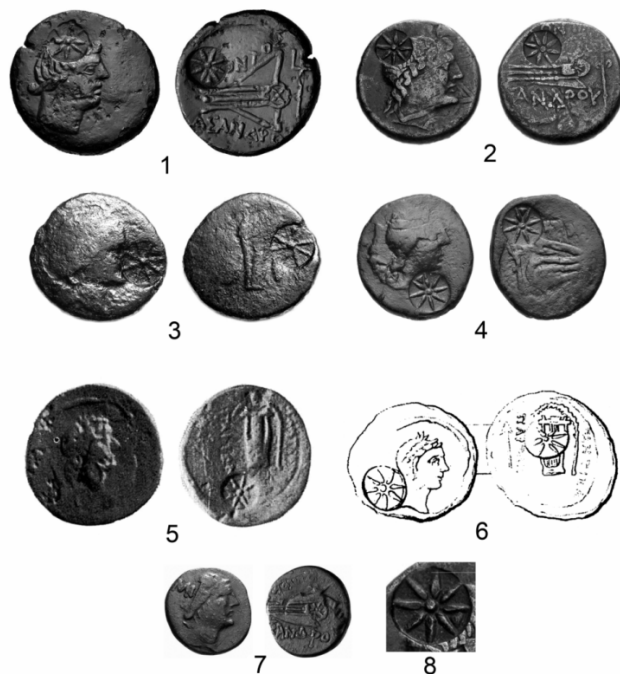

Рис. 1. К вопросу об атрибуции звездовидных надчеканок на крупной меди архонта Асандра
 1—2 — надчеканки малой формы на оболах Асандра с пророй на реверсе; 3—4 — надчеканки большой формы на оболах наместнического чекана (3) и Асандра (4); 5 — надчеканки малой формы на оболе Пантикапея с лирой, стрелой и ветвью на реверсе (по В.А.Анохину); 6 — рисунок этой же монеты (по П.О.Бурачкову); 7 — тетрахалк Асандра с надчеканкой на реверсе; 8 — звездовидная надчеканка (увеличено).

Для этого рассмотрим небольшую подборку разменных понтийских монет, отчеканенных при Митридате VI Евпаторе Дионисе (рис. 2, 1—3). Обязательным элементом их оформления была восьмиконечная звезда. Ее традиционно оттискивали на реверсе. Причем она, определенно, не служила обозначением номинала — схожие астральные символы встречаются на меди разного достоинства.

Безусловно, звезды являлись символами царского культа [5, С. 150—151]. Однако этим их значение не ограничивалось. Заметно, что в промежутках между их лучами размещены буквы или монограммы (рис. 2, 1—2). Их наличие вполне объяснимо. Легенды содержат сведения об эмиссионных центрах или упоминания лиц, ответственных за денежное производство. В таком случае, замеченный нами символ «▲» также мог быть указанием на место выпуска монеты.

Рис. 2. Медные монеты Боспора и Понта времен правления Митридата VI Евпатора Диониса с восьмилучевой звездой на реверсе

Кстати, он нам уже известен. Этот эмиссионный знак встречается на статерах, выбитых в азиатской части Боспора во время похода Фарнака II в Понт [11, С. 51—54] (рис. 3). Правда, упомянутые золотые чеканились относительно недолго. Их выпуск был начат и прекращен в 245 г. б.э. Именно это обстоятельство не позволило нам установить его значение. Но, кажется, ситуация с «▲» на данный момент не столь безнадёжна. Расширение временного интервала его использования позволяет локализовать этот эмиссионный центр.

Рис. 3. Статеры Фарнака II с дифферентом «треугольник» на реверсе

Получается, что заинтересовавший нас символ проставляли не однократно. Причем, довольно выборочно. Если впервые он появился на золотых Фарнака II [11, С. 51—54], в последующем его оттискивали на пантикапейских бронзах крупнейших номиналов. Попробуем дать этому объяснение.

Первым делом объясним причину использования только этой надчеканки. Ведь, безусловно, стоит задуматься над тем обстоятельством, что в ее состав входил «▲», а не буквы названия какого-нибудь боспорского города или какие-либо иные символичные дифференты. Учтем и то, что денежный двор «▲» локализуем в восточной части царства, причем он не мог находиться в каком-либо городе. Следовательно, контрамаркирование проводилось за пределами наиболее развитых регионов этого государства. Объяснением этому может быть только то обстоятельство, что правитель, приказавший надчеканить оболы и тетрагалки своих предшественников, не контролировал Восточную Таврику и города побережья Азовского моря.

Полагаем, что этот вывод заслуживает внимательного обсуждения. Ведь, если наше предположение верно, то наложение контрамарок не могло быть проведено ни при Асандре, ни при каком-либо ином правителе, контролировавшем территорию всего Боспорского государства, или хотя бы управлявшем Восточной Таврикой. Получается, что оно могло быть проведено только с санкции одного из их противников. Попробуем установить, при ком из них прошла эта операция.

Первым делом определим период, во время которого могли налагаться эти надчеканки. Так как они известны только на монетах Асандра и его предшественников, то у нас есть все основания полагать, что их оттискивали при преемниках этого правителя.

Сразу же заметим, что список этих претендентов на престол не слишком велик. Как известно, Асандру наследовала его вдова Динамия (21/20—14 гг. до н.э.), одно время делившая власть со своим вторым мужем Скрибонием, а при третьем — Полемоне I (14/13—9/10 гг. н.э.) удалившаяся в восточную часть Боспора. Там ей оказывали поддержку аспургиане. Так как она была бездетной, то ей наследовали родственники: Митридат II и Асандрох, — по мнению В.П.Яйленко, имевшие отношение и к Ахеменидам, и к знати аспургиан [12, С. 254—258]. Так что не стоит удивляться тому обстоятельству, что при их поддержке потомок Динамии — Аспург (14—37/38 гг. н.э.) смог завоевать трон своих предков.

Однако отнюдь не все перечисленные правители могли санкционировать контрамаркирование оболы Асандра. Ведь, как уже было установлено, звездовидные надчеканки заинтересовавшего нас типа неизвестны на меди эмитентов «BAE» и «BAM». Получается, что их накладывали до поступления этих монет в обращение. В таком случае, круг перечисленных кандидатов следует значительно сузить. Наложение контрамарок, определенно, не могло быть проведено в период единовластного царствования Динамии — она правила всем Боспором. Очевидно, что ее не могли провести от имени Скрибония или Полемона I. Первый был уж слишком эфемерным правителем, а второй не контролировал восточную часть государства. Далее, если согласиться с предположением В.П.Яйленко, то в царе «BAM» следует видеть Митридата II [12, С. 248, 271]. Но, в таком случае, он также не мог санкционировать нанесение заинтересовавшей нас надчеканки. Ведь этот правитель успел выпустить свою монету. А правивший после него Асандрох контрамаркировал бы и медь с аббревиатурами «BAE» и «BAM». Следовательно, нам остается только предполагать, что надчеканка прошла в период совместного правления Динамии и Полемона I, когда царица перенесла свою резиденцию в азиатскую часть государства, т.е. в 14—13 гг. до н.э.

Выясненное обстоятельство позволяет прояснить причину контрамаркирования. Очевидно, что оно не преследовало каких-либо политических целей. Иначе оно было бы проведено ранее, т.е. в период единовластного правления Динамией. Полагаем, что с ее помощью решали какие-то финансовые проблемы. Вернее всего, таким образом старались защитить региональный рынок от проникновения обесцененной монеты Асандра, вытесняемой из западной части царства какими-то новыми платежными средствами. Считаем возможным увязать это явление с поступлением в обращение первой серии монет с монограммой «BAE» на реверсе, которые мы приписываем к эмиссии Полемона I.

Итак, мы провели это нумизматическое исследование с целью локализовать монетный двор, использовавший в качестве эмиссионного знака дифферент «▲». Если наши предположения верны, то он находился в области аспургиан. Пока рано строить предположения о его значении, но, похоже, он являлся своеобразной

тамгой этого племенного объединения. Планируем заняться выяснением этого обстоятельства в ближайшем будущем.

А пока надеемся, что наши предположения будут должным образом восприняты научным миром. Ведь, в случае их достоверности, перед нами открывается возможность фундаментальной реконструкции не только монетного дела, но и истории Боспорского царства втор. пол. I в. до н.э. Дешифровка дифферентов позволит не только уточнить наши представления о размерах территории, подконтрольной его царям, но и осветит политическую историю этого государства.

Считаем, что предложенная нами методика атрибуции дифферентов позволит уточнить наши представления о римском периоде истории Боспорского царства, а, точнее, прояснить канву событий смутного III в. н.э. Но это пока дело будущего.

Литература

1. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
2. Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев, 2011.
3. Бурачков П. Общий каталог монет, принадлежавших эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней России. Одесса, 1884. Ч. I.
4. Куликов А.В. О некоторых вопросах организации армии и формирования военного бюджета Боспорского государства в римскую эпоху // Боспорские чтения. Керчь, 2008. Вып. IX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. С. 154—165.
5. Сапрыкин С.Ю. Религии и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула, 2009.
6. Сидоренко В.А. Боспорские монеты из святилища у перевала Гурзуфское Седло. К вопросу о времени правления Асандра на Боспоре // Боспорские чтения. Керчь, 2004. Вып. V. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. С. 313—314.
7. Фанагория / Кузнецов В.Д. (ред.). М., 2008.
8. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. — середина IV в.). М., 1997. Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э. — 210/211 г. н.э.
9. Фролова Н.А. Боспорские монеты времени правления Асандра (49/48—21/20 гг. до н.э.) // Труды ГИМ. Вып. 115. Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Ч. XIV. М., 2011. С. 17—60.
10. Чореф М.М. «Nomen est omen», или к истории Таврики рубежа н.э. // Материалы X Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2011 года и X Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2011» / Под ред. В.А.Трифоновой, В.А.Иванова, В.И.Кузищина, Н.Н.Миленко, В.В.Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ в г.Севастополе. 2011. С. 107—110.
11. Чореф М.М. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. № 7 (126). Вып. 22. С. 44—59.
12. Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. — V в. н.э. М., 2010.

М.С.Шаповалов

г.Омск

Омский институт водного транспорта

МАРК САЙКС И БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В ПАЛЕСТИНЕ В 1898—1919 гг.*

Одним из основополагающих документов, на основе которого на заседании Верховного Совета Антанты в Сан-Ремо в 1920 г. было решено передать Сирию под мандатную опеку Франции, а Месопотамию и Палестину — Великобритании, является соглашение Сайкса-Пико 1916 г. [5]. Хотя оно еще в 1917 г. было придано огласке правительством Советской России, соглашение до сих пор остается одним из самых неоднозначно трактуемых межгосударственных соглашений. Впоследствии премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж (1916—1922 гг.) назовет договор Сайкса-Пико «проявлением самоуверенности, основанной на ошибочных расчетах» [14, С. 195], «фактически четвертовавшим территорию Палестину» [11, С. 8].

Сложности с интерпретацией документа связаны еще и с тем, что, анализируя историю создания договора и мотивы его подписания, исследователи зачастую забывают о роли творцов данного соглашения: советнике британского правительства в восточных делах сэре Марке Сайксе и французском эмиссаре на Ближнем Востоке Жорже Пико. Если истории создания соглашения Сайкса-Пико посвящено значительное число как зарубежных, так и отечественных трудов, то изучению влияния взглядов и деятельности М.Сайкса на формирование британской ближневосточной политики отводится второстепенная роль. В частности, исследователи Э.Монро [3], А.Хаим [4], В.Лакер [10], анализируя договор Сайкса-Пико лишь упоминают об участии сэра Сайкса в его составлении. Американский исследователь Г.Сакер [14] смещает акцент изучения

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ по программе поддержки молодых ученых 2013—2014 года № 13-31-01256 — «Палестинский фактор внешней политики Британии в первой трети XX в.».

ближневосточной деятельности М.Сайкса в сторону его просионистской политики, выпуская из виду другие аспекты его работы. Только лишь английский исследователь Э.Кедури [2], посвящает М.Сайксу в своей книге третью главу, рассматривая его представления о ситуации в ближневосточном регионе в начале XX в. Краткие биографические сведения о сэре Сайксе содержатся в «The New Encyclopaedia Britannica» [6].

В России на сегодняшний момент было выпущено всего две заметки, рассказывающие о М.Сайксе, первой является статья С.Глейна, в которой автор, описывая некоторые фрагменты биографии политического советника, дает негативную оценку последствий его политики [9]. Но главное С. Глейн упоминает об архиве М.Сайкса, хранящемся в университете Халла. С.Глейн, работавший с архивом, сравнивает чтение бумаг и дневников Сайкса с «расшифровкой «черного ящика» разбившегося самолета» [9]. Действительно, подключение архива Сайкса к исследованию истории Ближнего Востока может раскрыть «старые тайны» британской дипломатии.

Вторая вышла «Палестинский проект барона Сайкса» без авторства вышла в свет на электронном ресурсе Института изучения проблем Ближнего Востока в июле 2012 г.

Исходя из этого, первоочередной задачей нашего исследования будет изучение геополитических представлений сэра М.Сайкса и степени влияния его представлений на проведение британской политики на Ближнем Востоке в 1914—1919 гг.

Политическая и дипломатическая карьера сэра Сайкса еще раз демонстрирует важность нашего исследования. Марк Сакс (1879—1919) уже во время англо-бурской войны (1899—1902) работал в дипломатической миссии в Южной Африке, затем был назначен на пост главного секретаря в Ирландии. В течении нескольких лет путешествовал по Ближнему Востоку, собирая различную информацию о быте, образе жизни местных жителей. Позднее свои впечатления он описал в двух сочинениях: «Через пять турецких провинций» (1900 г.) и «Последнее наследие Халифа» (1915 г.) [6, С. 454].

В 1911 г. он был избран в Парламент от консервативной партии. Сайксу удалось достаточно быстро завоевать лидирующее положение в парламентском комитете, и предложить на его рассмотрение альтернативные варианты того, как следует обойтись с территориями, составлявшими оттоманскую империю. Альтернативы были следующими: аннексия территорий союзниками, раздел территорий на сферы влияния, вместо прямой аннексии, сохранение оттоманской империи, но превращение ее правительства в марионетку Запада, создание на месте империи конфедерации полуавтономных самоуправляющихся регионов (комитет склонялся к принятию последнего варианта, который казался его членам наиболее простым) [13].

После начала Первой мировой войны в возрасте 34 лет он был прикомандирован в качестве эксперта-арабиста к военному министерству [9]. Уже в ходе азиатских путешествий у Сайкса выработались представления об идеальном устройстве ближневосточного региона. Марк Сайкс вернулся из путешествия уверенным в необходимости сохранения целостности Османской империи, т.е. сторонником принципа, на котором была основана вся ближневосточная политика Британии со времен премьер-министра У.Питта (1783—1801, 1806—1807 гг.), который связывал распад Османской империи с неизбежным усилением России и Франции в регионе [1, С. 383; 2, С. 67].

Однако, работа в военном министерстве изменила взгляды Сайкса. Эксперт-арабист пришел к выводу, что только создание независимых государств на Ближнем Востоке может принести в регион процветание и мир, по выражению Лоуренса, — «полным защитником малоубедительных всемирных движений» [12, С. 31]. Поэтому Сайкс стал ярким сторонником арабской, армянской и еврейской государственности.

Когда сотрудник военного министерства Сайкс в 1916 г. был назначен главным британским представителем на переговорах с Францией и Россией и получил распоряжение разработать проект соглашения о послевоенном разделе Ближнего Востока, именно он постарался как можно четче прописать в соглашении основу создания независимого арабского государства, предлагал варианты выделения Армянской Турции в отдельное армянское национальное государство, и лоббировал проекты независимого Курдистана для курдов.

Так, в отношении Армении сэр Марк Сайкс предлагал установить Армянскую область в Киликии и Курдо-Армянский регион на северо-востоке Оттоманской империи, который граничил с Арабским регионом и хаккиари (несторианцами) на юге, а на севере и востоке имеет довоенную границу. Остается Российская Армения, которую он предпочитал пока не рассматривать [7, С. 405].

В этой связи решение вдруг возникшего еврейского вопроса не было для него чем-то особенным — евреи по его мнению должны были получить также независимое государство (единственные трудности были связаны с согласованием этой новой позиции по Палестине с французами).

Он постарался прописать в соглашении основу создания независимого арабского государства. В состав независимого арабского государства или конфедерации по его мнению должны были войти: Восточная Сирия, Заиорданье, северная часть Багдадского и Мосульский вилайеты [5].

Размышляя о будущем еврейского государства на территории Ближнего Востока, Сайкс сомневался, стоит ли из-за этого отказываться от только что подписанного соглашения Сайкса-Пико. Однако, 7 февраля 1917 г. на официальной британо-сионистской конференции Сайкс дал понять сионистскому руководству, что британское правительство, возможно, благожелательно отнесется к возникновению еврейской государственности на Святой земле [14, С. 197]. Эта позиция по еврейскому вопросу дала возможность в последствии президенту ВСО Вейцману охарактеризовать Сайкса как «одну величайших находок». Вейцман пишет:

«Трудно перечислить все услуги, оказанные нам Сайксом. Именно он придавал нашей работе более официальный характер. Он является членом секретариата военного кабинета, в который, помимо других, входили Леопольд Эмери, Ормси-Гор и Рональд Сторс. Если бы не советы таких людей, как Сайкс, мы, не имея опыта проведения сложных дипломатических переговоров, несомненно, совершили бы много опасных ошибок. Необходимость таких советов станет очевидной при решении сложных проблем, которые уже тогда возникли в связи со статусом Ближнего Востока» [7, С. 149].

Дипломатия Сайкса была выше будущей арабо-израильской борьбы за Палестину, секретарь по ближневосточным делам стремился создать эффективный механизм, обеспечивающий мирное сосуществование арабов и евреев. Послевоенная британская политика, по мнению Сайкса, должна была положить конец восьмивековому подчинению арабов Оттоманской империи и принести освобождение как арабам, так и евреям [9]. В 1919 г. в возрасте 40 лет М.Сайкс умер, по мнению исследователей, большую роль в скорой кончине главного британского чиновника на Ближнем Востоке сыграло решение британского правительства не выполнять обещания данные Сайксом арабским и еврейским лидерам. Однако, именно два документа, в составлении которых Сайкс сыграл решающую роль: соглашение Сайкса-Пико и Декларация Бальфура заложили основу современной политической карты Ближнего Востока.

Литература

1. Green V.H. The Hanoverians 1714—1815. L., 1948.
2. Kedourie E. England and the Middle East. London.: Bowes and Bowes, 1956.
3. Monroe E. Britain's moment in the Middle East. 1914—1971. Baltimor, Maryland: The Jonhs Hopkins university press. 1981.
4. Palestine and Israel in 19th and 20th centuries. El. By Kedourie E. And Haim S. London, 1982.
5. Sykes-Picot Agreement. URL: <http://www.lib.byu.edu/~rdh/wwi/1916/sykespicot.html>
6. The New Encyclopaedia Britannica / Peter B. Norton. Chicago. 2002. Volum 10.
7. Weizmann, Chaim. *Trial and Error*. New York, Harper, 1949.
8. Выдержки из записки А.Дж.Тойнби, касающейся предложенной Марком Сайксом политики в отношении Армении (25 октября 1918 года) // Armenia. Political and Ethnic Boundaries. 1878—1948 / A.L.P. Burdett (ed.). Archive Editions, 1998. P. 405—407.
9. Глейн С. Стрелочник Марк Сайкс // Ведомости. 06.03.2001. URL: <http://afnet.integrum.ru/artefact3/ia/ia5.aspx?lv=6&si=2R&qu=271&bi=1268&xi=&nd=1&tnd=2&srt=2&f=0>
10. Лакер В. История сионизма / Пер. с англ. А.Блез, О.Блез. М., 2000.
11. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных переговорах: В 2 т. / Пер. с англ. М., 1957. Т. 2.
12. Лоуренс Т.Э. Семь столпов мудрости / Пер. с англ. Г.Карпинского. М., 2001.
13. Палестинский проект барона Сайкса. URL: <http://mishmar.info/palestinskiie-proekt-barona-saiksa.html>
14. Сакер Говард М. История Израила: В 3 т. / Пер. с англ. В.Орел. Т. 1. Иерусалим, 1992.

Д.В.Шмелев

г.Казань

КНИТУ-КАИ им. А.Н.Туполева

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦИИ (XIX—XX ВВ.)

Изучение политических культур в современной науке возникло в рамках исследований, посвященных социальной и культурной истории. В англо-саксонских политологических и исторических исследованиях принято выделять некий единый тип политической культуры, присущий отдельной стране. Во французской историографии подход иной. Он основан на идее множественности политических культур. Французские историки выделяют либо различные субкультуры, рождающиеся в момент крупных исторических разломов, но объединенных некоторыми общими признаками (что сближает такой подход с англосаксонской традицией), либо о наличии самостоятельных политических культур, которые имеют разный статус в различные исторические эпохи, разную востребованность обществом) [1, С. 22—23].

Истоки. Французская либеральная политическая культура, являющаяся предметом данного анализа, как и большинство других политических культур, свои истоки берет во Французской революции конца XVIII в. В этот момент родились такие понятия как правые и левые, национализм и патриотизм, сформировалось отношение общества к террору, была сделана серьезная попытка разрыва со своим прошлым, появились сторонники Революции и приверженцы Старого порядка. Признаки либеральной политической культуры проявились в деятельности клуба фельянов и жирондистов [4; 5]. Не случайно, она продолжает идентифицироваться с ритуалами, символами, лозунгами и идеями, рожденными и озвученными в ходе революции.

В дальнейшем тип либеральной политической культуры утверждается в интеллектуальных кругах и салонах первой половины XIX в. Первые французские либералы — Б.Констан, Руайе-Колар, Ф.Гизо — были прежде всего писателями, и только затем политиками. К тому же они принадлежали к состоятельным кругам общества. Поэтому их деятельность и поведение (в периоды Реставрации и Июльской монархии) были ограничены рамками политического общества, существующим избирательным режимом, материальными и социальными условиями. Таким образом, отождествляясь с состоятельными слоями «дельцами», политической олигархией, «новыми денежными феодалами»), либеральная культура «застревала» между провозглашением универсальности прав человека и гражданина и границами их практического применения. И никоим образом тогда либеральная культура не отождествлялась с республикой, как это стало правилом позднее.

Понадобилось время, для того чтобы либеральная политическая культура укоренилась среди масс и стала составной частью французской общественно-политической жизни. История либеральной политической культуры может быть рассмотрена сквозь призму нескольких факторов: отношение к революции, культ институтов, видение общества.

Отношение к революции. Несмотря на то, что именно революция конца XVIII в. вывела либералов на политическую сцену, отношение к ней с их стороны является крайне двусмысленным. С одной стороны, они приветствовали новую систему ценностей: критику деспотизма, провозглашение свобод, примат экономики и преуспеяния. С другой стороны, отношение к революции оставалось крайне негативным, особенно к ее разрушительной и радикальной фазе (долгое время ассоциируемой с республикой). Это вполне объяснимо: принадлежащие к административной элите, экономисты и предприниматели, либеральные круги больше озабочены фиксированием собственного статус-кво и привилегий, чем углублением революции. Хотя они и явились теми, кто первыми приветствовал революцию, в дальнейшем они не менее рьяно приветствуют и ее скорейшее окончание, страшась террора. Между тем воспоминание о революционных эксцессах вписывается либералами в преемственность национальной истории. Отсюда попытка короля Луи-Филиппа создать нечто вроде национального союза вокруг военных и патриотических ценностей: через реставрацию замков, через возврат останков Наполеона, через утверждение революционных символов (трехцветного знамени).

На протяжении XX в. такое отношение к революции продолжает с нюансами культивироваться. Отвергая революцию в будущем, В.Жискар д'Эстен признает позитивные результаты революций прошлых. Он отмечал: «Франция гордится своими революциями. 1789 год был годом взрыва свобод и распространения этих восхитительных посевов по всей Европе». Однако вслед за де Голлем Жискар повторял, что порожденные Французской революцией политико-идеологические расколы «до сегодняшнего дня продолжают оставаться бичом французского общества», мешая стране «обрести братство и солидарность» [2, С. 268].

Во второй половине XIX в. формируется разрыв между политическим и экономическим либерализмом. Быть либералом в экономике не означает быть либералом в политике, и наоборот. Но в XX в. экономический либерализм начинает оспариваться сторонниками государственной протекции, тогда как политический либерализм становится общепризнанным. Поэтому изначально либеральная культура являлась чисто политической, а не экономической. Экономический либерализм, безусловно, играл роль, но не был никогда на первых ролях.

Культ институтов. Политические и общественные институты рассматривались либералами как важнейшая составляющая жизнедеятельности общества. Они должны быть наделены позитивной миссией управления и сдерживания революций. Поэтому необходимо создать нужный публичный порядок, нечто вроде совершенного общества.

Политический строй в представлении либералов является институциональной конструкцией. Ни монарх, ни глава государства, ни парламент не должны «царствовать» единолично. Варианты были различными: от идеи конституционной монархии, разделения властей (гарантия не только от злоупотреблений королевской власти, но и от прямого суверенитета народа) до первостепенной роли парламента (правда, двухпалатного) и создания контролирующих органов (Государственный совет в годы III Республики, Конституционный суд в годы V Республики). Поскольку ситуация во Франции обусловила достаточно быстрый переход от монархии к республике, то в сознании либералов защита принципа разделения властей и прав парламента стала главной. Точно также во имя этого принципа французский либерализм прошел путь от цензитарного избирательного права (ценз — это признак способности осуществлять функцию избирателя) к защите всеобщего избирательного права.

Видение общества. Либеральное видение общества крайне сложно. Французские либералы не отрицают ни существования разделения и конфликтов между социальными группами, ни естественные неравенства между людьми. Иными словами, они признают наличие социального вопроса [3, С. 53]. Но эта констатация налагается на важный принцип: политический порядок не должен быть отражением социального порядка (из-за риска беспорядка). Поэтому социальные требования развиваются на «частные интересы». Соответственно роль государства или политического деятеля регулировать такие интересы, не давая им перерасти в конфликт и революцию.

Опора любого либерального общества — это средние слои или классы. Жискар д'Эстен подчеркивал: «Происходящая эволюция вместо того, чтобы привести к противостоянию двух противоположных

и антагонистических классов, буржуазии и пролетариата, выражается в росте огромной центральной группы со слабо очерченными контурами, которая в силу своего исключительно быстрого численного роста, родственных связей с каждой социальной категорией общества, своего открытого характера, обеспечивающего широкий доступ в нее, в силу того, что является носителем современных ценностей, последовательно и мирно интегрирует в себя все французское общество». Эта группа «является социальной реальностью нового типа, мобильной и открытой для перемен». Кроме того, она «типично французская в своем характере и по своему образу жизни» [3, С. 56—57]. Отсюда задача обеспечения ее доминирования в социальной структуре (жискаровская формула «двух французов из трех», «центральной группы») как залог национального единства и исчезновения социальных конфликтов.

Наконец, еще одна составляющая либерального видения общества — это моральные ценности. Но в этом французские либералы больше всего разобщены. Среди них были как защитники старых (читай христианских) ценностей, на которых строилось французское общество (идея примирения Бога и Свободы, семейные ценности, престиж родины и нации), так и сторонники эволюции нравов (борьба с клерикализмом и влиянием церкви на умы, либерализация нравов и разрешение аборт, индивидуализм и ответственность каждого человека за свои действия, светскость и свобода школы).

Этапы истории французского либерализма. На пути к политическому доминированию французские либералы прошли ряд важнейших исторических этапов:

1. Первая половина и середина XIX в. Период становления либеральной политической культуры, связанный с Июльской монархией, первый реальный опыт политической деятельности (Ф. Гизо, А. Тьер), борьба за институты и цензитарное избирательное право; политические формы мобилизации (например, «банкетная кампания» 1847—1848 гг.) и господство либеральной прессы (4 газеты из 5, издававшихся в этот период в Париже, принадлежали либералам). Либеральная политическая культура принимает нотабилитарный и элитарный характер. Формулируется идея «золотой середины». Формы выражения: литературные и публицистические произведения, библиотеки, пресса (борьба против цензуры), политические салоны и собрания, клубы.

2. 1860—1880-е гг. Период господства экономического либерализма, но вместе с тем закат старой интеллектуальной культуры либералов и их прессы, которая испытывает сильную конкуренцию и давление со стороны бонапартистов, монархистов, социалистов и радикальных лиг. Таким образом, либеральная политическая культура остается представленной конституционалистами, дипломатами, экономистами, банкирами и промышленниками. В этот период закрепляется ее светский характер. Под влиянием радикалов либералы поддерживают антиклерикальную политику III Республики.

3. Конец XIX — начало XX в. Синтез либеральной и республиканской политической культуры, оформление политических партий (Республиканская федерация и Демократический альянс). Институты III Республики, по существу, воплощали идеалы либералов: триумф парламентаризма над идеей прямой демократии.

4. Середина и вторая половина XX в. Период конверсии либеральной политической культуры: эволюция либерализма и признание роли государства, идея согласия и национального единства (жискардизм как неоорлеанизм), противостояние плебисцитарной демократии голлизма, темы децентрализации и развития локальной власти (как противовес слишком централизованному, «якобинскому» государству) и продолжение нотабилитарной традиции (примеры А. Пинэ, В. Жискара д'Эстена). Появление новых черт либеральной политической культуры: антикоммунизма и антитоталитаризма. Либеральные реформы 70-х гг. Создание в 1978 г. крупной либеральной конфедерации Союза за французскую демократию, влиятельной на политической сцене конца 70—90-х гг. Возникают новые формы выражения: конференции и круглые столы (дебаты). Разрыв с парламентской традицией прежних лет и поворот к поддержке президентского режима (от критики к принятию институтов V Республики при В. Жискаре д'Эстене). «Мы имеем исторический шанс, — пишет Жискара, — обладать одновременно эффективными и демократическими институтами» [3, С. 153].

Таким образом, можно отметить значительную эволюцию либеральной политической культуры на протяжении двух столетий, итогом которой стала ее укорененность во французском обществе (по крайней мере, по основным типологическим чертам), но вместе с тем и некоторая размытость в общем демократическом консенсусе.

Литература

1. Berstein S. (dir.) Les cultures politique en France. P., 2003.
2. Fournière X. de la Giscard d'Estaing et nous. P., 1976.
3. Giscard d'Estaing V. Démocratie française. P., 1976.
4. Гырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999.
5. Французский либерализм в прошлом и настоящем. М., 2001.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РИМА ЦАРСКОГО ПЕРИОДА В ОПИСАНИИ ТИТА ЛИВИЯ

Римляне на протяжении всей своей истории вели постоянные войны. В самом начале римской истории военные действия больше носили характер грабительских набегов, лишь со временем характер военных действий стал меняться: римляне обратились к завоеваниям земель и подчинению соседних общин и народов.

Царский период истории Рима достаточно подробно описан Титом Ливием в его «Истории Рима от основания города» [3]. Он сосредотачивает свое внимание преимущественно на политической и военной истории государства, что помогает восстановить характер военных действий в тот или иной период истории Рима. Необходимо отметить, что Ливий в принципе достоверно передает время правления царей в Риме в военной и политической сфере. Описанию правления царей Ливий посвящает первую книгу, она и станет предметом нашего исследования.

Первые военные действия связаны с процессом синойкизма латинской и сабинской общин в единый город в правление Ромула. Вот как описывает Ливий нападение ценинцев и действия римлян: «Беспорядочно разоряя поля, на пути встречаются они Ромула с войском, который легко доказывает им в сражении, что без силы гнев тщетен, — войско обращает в беспорядочное бегство, беглецов преследует, царя убивает в схватке и обирает с него доспехи. Умертвив неприятельского вожда, Ромул первым же натиском берет город» (Liv.I. 10.4.). Затем в пределы римской территории вторгаются антемняне. «но быстро выведенный против них римский легион застигает их в полях, по которым они разбрелись. Первым же ударом, первым же криком были враги рассеяны, их город взят» (Liv.I. 11. 1—2). После этого Ромул отправился против крустуминцев, которых также быстро победил, причем Ливий писал, что в Крустумерию и в поселение антемнян были поселены римляне, а часть жителей этих общин добровольно переселилась в Рим (Liv.I. 11. 3—4).

Следующие столкновения было с сабинянами. Они захватили римскую крепость, находившуюся на Капитолии, римско же войско выстроилось на поле между Капитолийским и Палатинским холмами. Ливий дает в своем сочинении описание этой битвы. Для нас важным представляется описанное Ливием сражение не строем, а отдельными отрядами: под началом Гостию Гостилия (Liv.I. 12. 2—3), Ромула (Liv.I. 12. 9). Однако начало сражения неуклонно передается Ливием как выстроились, сошлись и т.д. Например, в описании сражения между римлянами и альбанцами с одной стороны и фиденянами и вейянами с другой в правление Тулла Гостилия: «Они [вейяне — Л.Ш.] в боевом строю не отделились от реки, занимая правое крыло; на левом ближе к горам, расположились фиденяне. Против вейян Тулл выстроил своих, а альбанцев разместил против легиона фиденян» (Liv.I. 27. 5).

Как видим, начало военных действий общин видится Ливию в основном как грабеж территории, и только в более подготовленных военных кампаниях воины сразу выстраивались к сражению, или шли на штурм поселения. Такая тактика присуща и дальнейшим военным кампаниям, описанным Ливием в первой книге его сочинения.

Интересно в этом плане и описание войны с Фиденями, одни из ближайших к Риму поселений (6—8 км. от Рима). «Выслав вперед вооруженную молодежь, они разоряют поля меж Римом и Фиденями, затем сворачивают влево, так как вправо не пускал Тибр, и продолжают грабить» (Liv.I. 14. 4—5). Ромул вывел войска из Рима и стал лагерем недалеко от Фиден. Ливий указывает, что в сражении с фиденянами Ромул использует тактику притворного отступления и заманивания в засаду (Liv.I. 14. 7—11). Тактику разорения римских полей и сельских жителей применили чуть позже и жителей Вей (Liv.I. 15. 1—2). Ромул в отместку также разоряет поля вейян (Liv.I. 15. 4). После воцарения Анка Марциялатины стали разорять римские земли (Liv.I. 32. 3).

Следующие описания военных действий Ливий приводил в царствование Тулла Гостилия. Война с Альбой Лонгой велась с более тщательной подготовкой: отправление посольств с требованием удовлетворения претензий, объявление законной войны, подготовка к боевым действиям (Liv.I. 22). Альбанцы, вторгшись в римские земли, разбивают лагерь недалеко о города, причем Ливий указывал, что лагерь был обнесен рвом. Однако решающая битва описывается Ливием происходящей на альбанской земле и решающейся поединком знатных (Liv.I. 23—24). Ливий, описывая военные действия в правление римских царей, также упоминал постройку лагерей воюющими сторонами (Liv.I. 33. 4; 36.2; 57.4).

При описании сражения с фиденянами и вейянами Ливий указывал на построения всадников за пехотой или на флангах (так как поднятые копыта закрыли от пешего войска уход альбанцев), не указывая на роль конницы в сражении (Liv.I. 27.). В войне с сабинами, напротив, Ливий указывал на решающую роль именно конницы в успехе сражения (Liv.I. 30. 9—10). На увеличение роли конницы указывает и желание Тарквиния Древнего увеличить количество центурий всадников (Liv.I. 36. 2), а затем пополнение уже имевшихся центурий таким же количеством всадников (Liv.I. 36.7—8). Также Ливий писал, что в битве Тарквиния Древнего с

сабинянами «главная слава досталась всадникам» (Liv.I. 37.3), здесь же Ливий четко помещал всадников на фланги (Liv.I. 37.3).

Часто описание военных действий сводится у Ливия к констатации факта взятия поселения (Liv.I. 33. 1—2; 38. 4; 53.2, 4; 57.3).

Ливий почти не дает описания вооружения римской армии царского периода, упоминая копья, щиты, мечи. Более подробное описание вооружения он привел применительно к реформе Сервия Туллия. Для первого разряда: шлем, круглый щит, поножи, панцирь, копье и меч; для второго разряда: шлем вытянутый щит, поножи, копье и меч; для третьего разряда отменены поножи, для четвертого разряда указывались только копье и дротик; для пятого разряда оставлены пращи и метательные камни. Сервием Туллием были образованы 18 центурий всадников (Liv.I. 43. 8—9), причем Ливий указывал на то, что кони и вооружение всадникам полагалось за счет казны (Liv.I. 43.9).

Вооружение начала царского периода восстанавливается по археологическим находкам. Воины использовали копья, дротики, мечи, кинжалы, топоры. По замечанию П.Коннолли, только самые богатые имели защитное вооружение — шлем и небольшую пластину, которая прикрывала грудь [1]. В VIII в. до н.э. сражались в пешем строю, поэтому в описаниях военных действий Ливия мы и не встречаем упоминания конницы, которая как решающая военная сила появляется позднее. Однако у него есть упоминания о вождях, сражающихся на конях.

Увеличение роли конницы происходит в VIIв. до н.э. тогда же несколько меняется и вооружение, в частности появляется гоплитское вооружение и фаланга, что можно проследить из описаний, приводимых Ливием сражений этого периода. По мнению П. Коннолли, «при первом этрусском царе, Тарквинии Древнем, эта армия состояла из трех частей: этрусков (которые формировали фалангу), римлян и латинян. Последние сражались так, как привыкли, — в свободном строю, используя копья, топоры и дротики, и ставили их обычно на флангах» [2].

После реформ Сервия Туллия основой римской армии становится фаланга, остальные отряды составляют дополнительные силы и размещаются на флангах.

Таким образом, описания военных действий, представленные Титом Ливием в своем труде, позволяют нам проследить эволюцию стратегии римской армии периода формирования в Риме государства от грабительских набегов до крупных сражений, в которых участвовали фаланга, конница и дополнительные силы, а также различные приемы введения боя от свободного строя эпохи Ромула до фаланги.

Литература

1. Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. URL: <http://www.roman-glory.com/01-01-01>
2. Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. URL: <http://www.roman-glory.com/01-02-01>
3. Ливий Тит. История Рима от основания города. Т. 1. М., 2002.

Л.А.Якубова

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный университет

БРИТАНСКИЙ АНТИДИСКРИМИНАЦИОННЫЙ АКТ В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ 1995 г.: К ВОПРОСУ ОБ ИНКЛЮЗИВНОСТИ И СОЗДАНИИ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ

В XX веке многие страны мира, в первую очередь развитые в индустриальном и социальном отношении европейские и североамериканские государства, предприняли ряд мер, направленных на формирование доступной среды для граждан с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивности в жизнь государства и общества, защиты от дискриминации. В результате социальных перемен, происшедших в отношениях «инвалид — общество — государство», и принятых за последние 50 лет международных документов в этих странах были сформированы национальные системы мер государственной поддержки лиц с ограниченными возможностями. Одним из таких государств была Великобритания [1].

Движение в сторону защиты прав лиц с ограниченными возможностями здоровья началось в Великобритании в 1970-е гг. [3]. В 1974 году Лейбористское правительство учредило должность Министра по делам инвалидов, а в 1979 году сформировало Комитет по ограничениям в отношении инвалидов, основной миссией которого было изучение проблем дискриминации против лиц с ограниченными возможностями [2]. Данными структурами был поставлен в первую очередь вопрос о создании эффективного антидискриминационного законодательства в отношении инвалидов, который был успешно реализован в связи с принятием в 1995 году Антидискриминационного Акта в отношении инвалидов (Disability Discrimination Act 1995, далее — DDA) [4].

Несмотря на полемику, развернувшуюся вокруг уместности принятия Антидискриминационного Акта (DDA) и других проблематичных аспектов, существовала общая точка зрения, что, именно данный документ наиболее полно обеспечивает основными правами лиц с ограниченными возможностями здоровья в Великобритании [5].

DDA гарантировал инвалидам некоторое количество индивидуальных прав, среди которых: право на недискриминацию в трудовой сфере; право на доступ к вещам, сооружениям и сервисам, включая создание безбарьерной среды, изменения в социальной политике и обеспечение необходимой помощью; право на доступ к транспортной инфраструктуре; право на продажу или сдачу в аренду земли или имущества.

Данные права были совершенно отличны от предыдущих традиционных законов в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Британский Антидискриминационный Акт 1995 года состоит из 6 больших частей, имеющих следующие приоритетные направления: Определение инвалидности, Занятость, Дискриминация в других областях (вещи, здания, сервисы). Образование, Общественный транспорт, Национальный Совет по инвалидности [4].

Первая часть данного законодательства объясняет, кого именно оно призвано защищать. Согласно ему, инвалидность определяется как «физическое либо ментальное повреждение, оказывающее значительный и долгий неблагоприятный эффект на способность индивида осуществлять нормальную ежедневную активность» [4].

Данное определение инвалидности является весьма широким и размытым. Согласно ему, к лицам с ограниченными возможностями можно отнести тех, кто имеет «множественные уродства» и тех, кто имел свою историю инвалидности, но в данный момент не является инвалидом. В отличие от американского Антидискриминационного Акта, британский Антидискриминационный Акт не идентифицирует как инвалидов лиц, которые не имея инвалидности, тем не менее, ощущают себя дискриминируемыми (например, лица имеющие какие-либо уродства на лице, привлекающие излишнее негативное внимание других людей, либо ВИЧ-инфицированные, не имеющие на данный момент каких-либо отклонений в состоянии физического или психического здоровья). Также британский акт в отличие от американского не причисляет к инвалидам родственников лиц с ограниченными возможностями (например, родителя ребенка-инвалида или партнера/супруга ВИЧ-инфицированного).

Целесообразно заметить, что определение инвалидности, используемое в DDA, не имеет ничего общего с другими официально используемыми дефинициями инвалидности в Британском законодательстве. Наличие разночтений означает, что в Великобритании в органах управления здравоохранением не существует единых четко определяемых критериев инвалидности.

Вторая часть DDA запрещала дискриминацию в трудовой сфере в отношении инвалидов [4].

Согласно DDA дискриминация происходит в том случае, если работодатели обращаются с лицом с ограниченными возможностями как с менее ценным работником, чем со здоровым работником. Однако, если работодатели смогут доказать, что дискриминация была необходима, дискриминация не будет считаться незаконной. Для того, чтобы оправдать дискриминацию, работодатель должен доказать, что такое обращение с инвалидом соответствует обстоятельствам Работодателя, в свою очередь, обязаны создать «приемлемые исправления», подгонку рабочего места или характера работы под особые нужды работника с ограниченными возможностями, для того, чтобы он был способен выполнять свои обязанности. Если работодатель этого не сделал, то понесет ответственность за дискриминацию инвалида по данному законодательству.

Антидискриминационный Акт не распространяет свои действия на работодателей, имеющих менее 20 работников, а также на лиц, работающих в армии, полиции, пожарной службе, в пенитенциарной системе.

В законе отмечена необходимая квота инвалидов при приеме на работу в размере 3% от общего числа работников и обязательная регистрация лиц с ограниченными возможностями на эту квоту. Данное положение закона реально работает и позволяет трудоустроить инвалидов.

Третья часть DDA запрещает дискриминацию, связанную с пользованием вещами, зданиями, услугами, а также дискриминацию, связанную с продажей или арендой собственности. Лицам с ограниченными возможностями не должно быть отказано в снабжении вещами, зданиями и услугами, с ними нужно обращаться уважительно, как и с другими клиентами. Это требование распространяется как на государственные, так и на частные компании, включая частные клубы и образовательные учреждения (вся гамма от местных начальных образовательных учреждений до высшего образования). Менее благосклонное обращение с инвалидами возможно только в тех случаях, когда это необходимо для сохранения их здоровья и безопасности. Такое обращение осуществляется только в исключительных случаях и в отношении отдельных DDA запрещает дискриминацию при продаже или сдаче в аренду имущества лицам с ограниченными возможностями, если только собственник не сдает внаем меньше 6 комнат в одном доме. Закон не требует от собственников какого-либо специального моделирования, приспособления жилья для нужд инвалидов при продаже или сдаче его в аренду [4].

Закон настаивает на том, чтобы школы любого уровня были доступны для инвалидов, в них была запрещена дискриминация, основанная на инвалидности. Четвертая часть DDA требует от всех общественных школ, местных образовательных учреждений и институтов высшего образования включать в свои ежегодные отчеты

информацию об учениках и студентах с ограниченными возможностями, чтобы не допускать дискриминации инвалидов в сфере образования.

Однако, образование было исключено из приоритетов деятельности DDA. В 2003 году в Великобритании был принят Образовательный Билль, гарантирующий инклюзивное образование всем детям-инвалидам, которые теперь имеют возможность посещать общеобразовательные школы и, в случае необходимости, усваивать материал по специально подобранной индивидуальной программе обучения. Также были созданы все возможности для получения высшего образования студентам-инвалидам. Университеты предоставляют гранты на бесплатное высшее и поствузовское образование студентам с инвалидностью.

Пятая часть DDA дает власть Государственному секретарю по транспорту осуществлять регуляцию таким образом, чтобы сделать весь общественный транспорт более доступным для инвалидов. Под общественным транспортом подразумеваются автобусы, трамваи, такси и поезда. Если предприятия средств общественного транспорта своевременно не подчиняются новой регуляции, то у них может быть отозвана лицензия [4].

Все светофоры оборудованы звуковым сигналом, имеются пандусы на дорогах. Во многих музеях, кино-театрах, поликлиниках, торговых центрах создана полностью доступная среда для инвалидов.

Согласно шестой части DDA учреждено специальное государственное образование — Национальный Совет по инвалидности, которое на совещательных, консультативных началах помогает правительству осуществить данное законодательство [4].

Вместе с тем можно выделить некоторые недостатки Антидискриминационного Акта.

Во-первых, он приводится в исполнение только в результате индивидуальных требований. В случае обнаружения индивидом, например, дискриминации в трудовой сфере, он должен подать протест в индустриальный трибунал; в случае возникновения дискриминационных проблем в сервисном обслуживании или снабжении вещами, он может подать протест в местный суд.

Во-вторых, существенным недостатком Антидискриминационного Акта в отношении инвалидов является его недостаточная проработка в сфере образования и транспортного обслуживания лиц с ограниченными возможностями здоровья. Исключение образования из сферы интересов DDA объясняется сильным влиянием Департамента Образования, верящего в то, что вопросы образования достаточно хорошо освещены в других законах, в частности, в Акте об Образовании от 1993 года и в Акте о Высшем Образовании от 1992 года. Однако данные законы не гарантируют гражданских прав, а в качестве методологического основания используют скорее Медицинскую модель инвалидности, чем подход индивидуальных прав.

В-третьих, недостатком Антидискриминационного Акта в отношении инвалидов являлось то, что он позволял так называемую «оправданную дискриминацию». Многие защитники прав лиц с ограниченными возможностями утверждают, что данный подход к «оправданной дискриминации» отличается от подобного подхода в английских Сексуальном и Расовом Антидискриминационных Актах и американского антидискриминационного акта, поскольку он позволяет прямую дискриминацию против инвалидов. Например, DDA в первую очередь активно разрешает оправданную с точки зрения права дискриминацию при некоторых обстоятельствах. Пример с косвенной дискриминацией против инвалидов может быть приведен только в случае аренды квартир, когда для аренды требуется удостоверение личности арендующего жилья; и чаще всего в качестве такого удостоверения выступают водительские права, однако у незрячего инвалида их не может быть в принципе, поэтому ему могут отказать в возможности аренды жилья, что является косвенной дискриминацией.

В-четвертых, в DDA использовалось недостаточно подходящее определение инвалидности, основанное более на Медицинской Модели, чем на Социальной Модели инвалидности. При таком подходе в системе DDA лицо, может быть определено как инвалид только в том случае, если оно имеет функциональные нарушения, значительно повлиявшие на его способность вести нормальную повседневную активность, или он уже имеет свою историю заболевания.

Даваемое определение инвалидности в большей степени сфокусировано на индивидуальных функциональных нарушениях, чем на имеющейся дискриминации в окружающем социуме. Например, ВИЧ-инфицированное лицо ведет нормальную повседневную активность, но подвергается дискриминации, основанной на его болезни. Такой человек не попадает в категорию лиц, защищаемых от дискриминации DDA.

Таким образом, Антидискриминационный Акт в отношении инвалидов 1995 г. является основой существующей системы законодательства в Великобритании и позволяет решать широкий круг проблем инвалидов. Следует заключить, что эта система, не трактуя широко инвалидность, одновременно позволяет достаточно надежно защитить тех, кто в нее попадает. Некоторые из направлений законодательства демонстрируют меньшую защитную силу, однако это обуславливается скорее нехваткой ресурсов, нежели ментальными ограничениями.

Литература

1. Бунькова Л.А. Социальная программа «новых лейбористов» Великобритании: подготовка, приоритетные направления, реализация (1994—2001 гг.): Монография. Нижневартовск, 2007.

2. Якубова Л.А. Лейбористская партия Великобритании в оппозиции (1979—1997 гг.): модернизационные процессы и формирование новых социальных установок *Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin)*. 2011. 11 (113). С. 53—60.
3. Cooper J. Improving the Civil Rights of People with Disabilities Through Domestic Law. A Global Overview // Cooper J., ed. *Law, Rights and Disability*. L.: Jessica Kingsley Publishers, 2005.
4. Disability Discrimination Act 1995. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1995/50/contents>
5. Lightfoot E. The Implications of New Disability Rights Policies on the Contours of the Welfare State in the United States and Great Britain. PhD Dissertation. Indiana University, August 1998. P. 85—120.
6. Waddington L. Changing Attitudes to the Rights of People with Disabilities in Europe // Cooper J., ed. *Law, Rights and Disability*. L., Jessica Kingsley Publishers, 2005.

БЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ПРИЧИНЫ ПЕРЕВОДА В САМАРСКУЮ ГИМНАЗИЮ

Детство и война, война и просвещение — понятия, противостоящие друг другу. Тем не менее, к несчастью, в истории человечества именно дети особенно страдали в военное время, в том числе из-за трудностей получения образования. Эти проблемы в связи с Первой мировой войной затрагивались в литературе. При этом авторы в основном касались социальной помощи сиротам [1] и беженцам [2] или привлечения детей и подростков к работе в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте [3]. В данной статье внимание уделено тем аспектам влияния войны на детство и народное просвещение, которые связаны с положением учащейся молодежи, с теми, чьи семьи не попали в непосредственно в зону боевых действий и эвакуацию.

Целью нашего исследования стало выявление того, как бедствия Первой мировой войны влияли на судьбы отдельных семей или конкретных людей в лице школьников Самары и их родителей. Для достижения этой цели было проведено сравнение причин поступления или перевода учеников во Вторую мужскую гимназию в предвоенные годы и военное время. Это стало возможным, благодаря тому, что в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО) в фонде Самарской второй мужской гимназии наряду со сведениями о учебе, личными делами, аттестатами зрелости гимназистов частично сохранились прошения родителей о приеме в эту гимназию за 1909—1917 гг.

Социальное положение родителей учеников, чьи прошения сохранились, было разнообразным и охватывало различные слои городского населения. Среди них упоминались дворяне, офицеры, «военные чиновники», «потомственные граждане», мещане, купцы, церковнослужители, крестьяне [5].

Правила приема в новую Вторую мужскую гимназию были опубликованы в адрес-календаре Самарской губернии на 1907 год. В первый класс принимались дети не моложе 10 лет. От поступающих в первый класс требовались знания молитв и важнейших событий из священной истории, умение читать по-русски и пересказывать рассказы, писать без искажения слова под диктовку, знание наизусть одного стихотворения, навык чтения по-церковнославянски, умение производить четыре основных арифметических действия над целыми числами и решать письменно и устно небольшие арифметические задачи. Курс обучения был восьмилетним [4].

Для поступления в учебное заведение родители будущих гимназистов должны были подавать прошение на имя директора. Форма заявления о приеме была строго установлена и напечатана на бланке. Указывались фамилия, имя, отчество родителей (или одного из родителей); фамилия и имя поступающего; сословие, к которому принадлежала семья; адрес проживания (или адрес последнего места жительства для недавно переехавших в Самару); основания для поступления (общие, перевод из другого учебного заведения и т.д.); степень подготовки будущего ученика; в какой класс он собирался поступать. К прошению прилагались «справки об успехах» (для переводившихся из других учреждений), метрическая выписка, «свидетельство доктора», данные о прививках, сведения о родителях (сословие, доход, возраст, род занятий), обязательство родителей по содержанию гимназиста, свидетельство о сроке явки к исполнению воинской повинности.

Анализируя прошения о поступлении в гимназию, их можно разделить на две хронологические группы: поданные в 1909—1915 гг. и 1916—1917 гг. До 1915 г. большинство новых учеников поступало в первый класс. Например, об этом говорит прошение врача, дворянина Е.Л.Ковецкого, поданное в 1912 г.: «Желаю дать образование сыну моему Ростиславу в вверенной Вам гимназии, имею честь просить распоряжения вашего о том, чтобы он был подвергнут надлежащему испытанию и медицинскому свидетельствованию и поместить в тот класс в который он, по своим познаниям и возрасту, может поступить. Причем имею честь сообщить, что он приготовился к поступлению в первый класс и до сего времени обучался дома» [7, Д. 14. Л. 1].

В 1916—1917 гг. участились переводы в г. Самару из других гимназий и училищ в связи с миграционными процессами внутри страны. Основания для переездов были различны.

В связи с военными событиями уже к осени 1915 г. хлебные поставки в города были нарушены. В 1916 г. положение с продовольственным снабжением становилось все более тяжелым и к 1917 г. приняло особо острый характер. Именно продовольственный кризис стал одной из причин оттока населения из столиц и крупных городов центральной России. Сказался он и на судьбах гимназистов, которые вынуждены были возвращаться домой, в частности из столичных гимназий. В прошении А.П.Машкевича от 22 августа 1917 г. сказано: «Покорнейше прошу принять сына моего Михаила в седьмой класс вверенной вами гимназии. В настоящее время он числится воспитанником седьмого класса Петроградской гимназии Я.Гуревича, и вследствие продовольственного кризиса не может продолжать в таковой своего дальнейшего образования.

Приняв во внимание распоряжение Временного Правительства, предоставляющее право воспитанникам Петроградских учебных заведений зачисляться в учебные заведения по месту их постоянного жительства, я надеюсь, Вы найдете возможным удовлетворить мое ходатайство» [7, Д. 17. Л. 1].

Серьезным основанием для изменения места жительства и учебы были не только продовольственные, но и другие экономические трудности в стране, ударившие по многим семьям. Военные расходы и потери, снижение производства гражданской продукции вели к падению жизненного уровня населения, вызывая рост цен, инфляцию, дефицит и другие проблемы [5].

Финансовые затруднения, призыв в армию мужчин-кормильцев делали невозможным содержание детей в учебных заведениях, расположенных вдали от дома, что становилось причиной перевода гимназистов из одних учебных заведений в другие. В прошении от 9 сентября 1917 г. от проживавшего в Самаре мещанина иудейского вероисповедания И.Л.Пинеса, уроженца Виленской губернии, сказано: «Имею честь покорнейше просить о переводе сына моего Моисея из Сызранской гимназии в седьмой класс вверенной Вами гимназии. Все документы его находятся в Сызранской гимназии, но справку о его успехах можно предоставить из первой мужской гимназии в г. Самаре, куда не был принят за неимением свободного места. Считаю не лишним отметить, что имею двух сыновей на войне. Обремененный большой семьей не имею возможности при постоянной дороговизне содержать сына в отдельном чужом городе, а потому обязательно прошу удовлетворить мое ходатайство и тем самым дать мне возможность продолжать учить моего сына» [7, Д. 18. Л. 1].

Суть описанной выше ситуации заключается в том, что конкурс на зачисление и требования к поступающим в средние учебные заведения губернского города Самары были заметно более строгими, чем в аналогичные школы, расположенные в уездных центрах. В силу этого самарские жители, чьи дети не проходили отбор в средние образовательные учреждения своего города, отправляли их на учебу в соседние города, чаще всего в г. Сызрань, где не все вакансии заполнялись местными детьми и школьниками из других мест принимали охотно. Самый известный пример — 14-летний будущий писатель А.Н.Толстой, проваливший экзамены в Самарское реальное училище, но принятый в 4-й класс реального училища в г.Сызрани Симбирской губернии в 1897 г., после года обучения в котором мать сумела перевести его на учебу в Самару [6].

В мирные годы содержание школьников из Самары в домах родственников или на съемных квартирах в Сызрани не было очень обременительно. Однако в условиях войны и революции уровень расходов на ребенка-ученика в чужом городе, посильный для довоенного времени, становился неподъемным для самарских жителей.

У Моисея Пинеса возникла дополнительная проблема по переводу, поскольку он учился не в казенной школе. Он поступил в 1911 г. в частное учебное заведение 1-го разряда А.Укольского, преобразованное затем в частное же заведение Общества по открытию правительственной гимназии в г.Сызрани, где и закончил в 1915 г. четыре класса. К документам о переводе поэтому была приложены выписки из Свода законов о праве сдавать экзамены в казенную гимназию учениками и выпускниками частных школ и распространении на них льгот по несению воинской повинности [7, Д. 18. Л. 4 и об.].

Нельзя исключать также повышенную мобильность еврейских семей после Февральской революции как в связи с отменой ограничений на их проживание в тех или иных местностях, так и в связи с опасениями межэтнических и межконфессиональных эксцессов в надвигающемся гражданском противостоянии. Возможно, эти обстоятельства отразились на прошении Ф.Ш.Бромберг, в котором выражалось желание перевести ее брата Рувима Бромберга, сына купца I гильдии, из Первой мужской гимназии Оренбурга во Вторую мужскую гимназию Самары в связи с переездом в этот город всей семьи. Прошение о переводе этого юноши в 7-й класс самарской гимназии было удовлетворено 16 сентября 1917 г. [7, Д. 12. Л. 1].

Необходимость перевода в другие учебные заведения могла быть вызвана передвижением населения из-за временного закрытия или полной ликвидации ряда производств в тех или иных городах. Причинами тому были или чисто экономические трудности, или техногенные катастрофы или возможные диверсии, если речь шла об оборонных предприятиях.

Прошение от 6 августа 1916 г. о приеме в гимназию Константина Гаврилова представляет редкий пример, когда его писал не кто-то родителей или близких родственников, а сам учащийся. В нем излагаются следующие обстоятельства: «Обучаясь в минувшем учебном году в Рязанской 3-й мужской гимназии, я проживал на квартире и столовался у своих родственников, которые в настоящее время после бывшего там в августе месяце пожара и взрывов порохового завода из Рязани выехали, а поэтому мне пришлось принять меры к подысканию другой квартиры. Все мои поиски к подысканию комнаты и хлебов не увенчались успехом, т.к. свободных комнат совсем не оказалось, а в особенности с полным пансионом, вследствие чего я нахожусь вынужденным перейти из Рязанской гимназии в гимназию другого города. Имея в городе Самаре родственников, которые изъявили желание взять меня на квартиру со столом имею честь покорнейше просить педагогический совет не отказать принять меня в число учащихся второй Самарской гимназии в седьмой класс. При этом присовокупляю, что средств у меня никаких нет. Содержусь вместе с братьями и матерью на слишком незначительную пенсию после смерти отца» [7, Д. 15. Л. 1].

Таким образом, в прошении о приеме в учебное заведение обнаруживаются интересные свидетельства влияния драматических событий в Российском государстве на личную жизнь и судьбу людей в период Первой мировой войны и начавшейся революции. Дети школьного возраста, будучи одной из уязвимых социальных

групп, весьма скоро и заметно почувствовали последствия потрясений устоев общества и миропорядка. В переходах из одних учебных заведений в другие, что было рядовым случаем для мирного времени, в новых условиях военного времени скрывались глубокие причины, заставлявшие многих менять свою жизнь, покидать прежние места обитания и учебы.

Литература

1. Басов Н.Ф., Аристова О.А. Опыт помощи беженцам в Костромской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 3. С. 270—274.
2. Корепанов А.А. Из истории Озно-Чепецкого сиротского приюта // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2013. С. 28—32.
3. Белов С.И. Законодательные акты как индикатор промышленного кризиса в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3. Ч. 2. С. 28—29.
4. Адрес-календарь Самарской губернии на 1907 год. Самара, 1907.
5. Казаковцев С.В. Вятская губерния в 1914—1917 гг.: война, власть и население // Новый исторический вестник. 2009. № 20. С. 25.
6. Корниенко О.И. Сызрань А.Н.Толстого // Наш современник. 2003. № 8. С. 255.
7. ЦГАСО. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1—18.

Н.В.Воробьева

г.Омск

БУК Омской области «Омская государственная областная
научная библиотека имени А.С.Пушкина»

ПСАЛТИРНЫЕ ЦИТАЦИИ В ТРУДАХ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА НИКОНА

В «Возражении или разорении смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина С.Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисеовы» [1] можно выделить несколько пластов традиционных текстов: Священное Писание и Священное Предание, постановления Вселенских соборов, Поместных соборов, Русских церковных соборов, Градские законы греческих царей, Правила святых отец, Кормчую книгу, правила свт. Василия Великого, заповеди благочестивого царя Константина, заповеди благочестивого царя Мануила греческого, правила и апостольские заповеди Кирилла, архиепископа Александрийского, памятники канонического и светского права — устав св. Владимира, Соборное уложение.

Рассмотрим использование Святейшим Патриархом Никоном псалтирных псалмов в тексте «Возражения или Разорения...». Смысловое поле термина «псалм» в XVII в. соответствовало культурной традиции, для которой псалмы были *своим языком*, предполагали личное участие в произнесении и переживании текстов, допуская их пересоздание. В нашем исследовании использовались текстовые репрезентации 4112 единиц авторского текста, которые представляют собой результат выборки трех источников: наибольшей по объему была сплошная выборка библейских цитат (64,5% — 2653 цитат).

Как указывает А.В.Вознесенский, «в течение двух веков, предшествовавших началу имперского этапа в истории России, книга была издана не менее 63 раз» [2, С. 5]. Текст Псалтири имел распространение в древнерусской книжности в разных формах, определяемых, в свою очередь возможными видами бытования текстов Священного Писания: четьей, служебной и толковой. При этом московская печатная традиция XVI—XVII вв. совершенно не знала толковой Псалтири, хотя, вероятно, в определенной степени ее текст учитывался типографами. Четья Псалтирь была напечатана в Москве в XVII в. лишь однажды, но не в виде отдельной книги, а в составе Библии 1663 г. и издание ее никак не отразилось на судьбе служебных Псалтирей. Напротив, придя к решению издать Библию и взяв в качестве ее источника острожское издание Ивана Федорова, московские типографы использовали в своей работе как раз служебную (простую) Псалтирь, позаимствовав отсюда исправленный к тому времени текст псалмов.

В качестве сравнительного материала рассмотрим издание «никоновской» Псалтири 1653 г., атрибутированное Л.Г.Пономаревой (ОГОНБ имени А.С.Пушкина, Центр книжных памятников) [3].

Датировка Псалтири до 1658 г. несомненна, т.к. именно с 1658 г. на псалтирь воздействует греческий текст, что отмечается, к примеру, в орфографическом облике некоторых слов, а именно в написаниях: салтирь вместо салтырь, давидь вместо давидь, исаиль вместо играиль.

Рис. 1

В цитации псалмов в тексте «Возражения или Разорения» лексема «Бог/бож» занимает по рангу первое место в списке слов, входящих в ядро языкового сознания Патриарха Никона (частотность упоминаний 95). Второе место занимает лексема «суд» (47). Третье место относится к лексеме «правда/праведность» (частотность упоминаний 39).

Псалтирная цитация	«Возражение или Разорение...	Псалтирь, 1653 г.
Кафизма 2. Псалом 13 , 1—3 <i>«Рече безумен в сердце своем, несть Бога. Растлеша и омразишася в беззаконных, несть творяй благостыня, несть до единого. Бог с небесе причиче на сыны человеческия видети, аще есть разумевай или взыскай Бога, вси уклонишася вкупе и непотребни быша. Нещь творяй благое, несть до единого, ни ли разумеют вси делающии беззаконие, снедающии люди моя в хлеба место. яко несть праведен никто ж, несть разумевай и несть взыскай Бога, вси уклонишася, вкупе непотребни быша. Нещь творяй благостыню, несть даже до единого».</i>	Л. 656, 713 (возражение 26)	Утрачены листы
Псалом 18 — 2 <i>Небеса поведают славу Божию, творение же руку Его возвещает твердь. Паче убо во всю землю изыде вещание их и в концы вселенных глаголы их, но глаголю еда не разумне Израиль.</i>	Л. 37 об. (возражение 5), 5, 8—12 Л. 522, 527, 663 (возражение 26)	Утрачены листы
Псалом 32 — 2, 6, 10 <i>Господь разоряет советы языком, отмечает же мысли людей и отмечает советы князей, совет же Господень вовеки пребывает. Грешнику же рече Бог: Вскую ты поведаеши оправдания Моя и восприемлеша завет Мой усты твоими. <контаминация — выделено нами Н.В.></i>	Л. 531 об., 645 (возражение 26)	[46 об.]: Кафизма, 5. псалом Давыдов, не описан от еврей, 32; [48]: Псалом Давыдов. вегда измени лице свое прямо Авимелеха, и отпусти его, и отиде, 33;
Псалом 33 — 22 <i>Не восхоте разумети да ублажит. Не восхоте разумети, взысках Господа и услыша мя и от всех скорбей моих избави мя. Не восхоте разумети: Се нищии, возва, и Господь услыша и от всех скорби спасе и. Не восхоте разумети, смирихся и спасе мя господь. Не восхоте разумети, аще не Господь созиждет дому, всуе трудишася зиждуции, аще не Господь сохранит град, всуе бдя и стрегий. Не восхоте разумети, Господь низводит и возводит, убожит и богатит, смиряет и высит.</i>	Л. 907 об. (возражение 26)	Кафизма, 5. [48]: Псалом Давыдов. вегда измени лице свое прямо Авимелеха, и отпусти его, и отиде, 33;
Псалом 35 — <i>Не восхоте разумети, аще не Господь созиждет дому, всуе труди(л. 908)шася зиждуции, аще не Господь сохранит град, всуе бдя и стрегий. Не восхоте разумети, Господь низводит и возводит, убожит и богатит, смиряет и высит. Нещь страха Божия пред очима их.</i>	2, 12 Л. 532 об., 656 об., 907 об. (возражение 26)	Кафизма, 5. См. [51 об.]: В конец, раба божия Давыдова. 35;
Псалом 39 <i>Жертву и приношение (л. 687 об.) не восхоте, тело же соверши ми еси, всесожжения и о гресех не взыскал еси. Тогда рех, се прииду, в главизне книжней пишется о мне, яко сотворити волю Твою, Боже.</i>	7—9 Л. 687, 899 об. (возражение 26)	кафизма, 6; 58 об.: В конец, псалом Давыдов, 39;

<p>Псалом 44 <i>О, силне препоящи оружие твое по бедре твоей, сие есть меч твой на бедре твоей, и борися с мучителем. Оружия же Христова не суть мечи и копия, но сила мучительная, юже употребляши на враги. Силна нарече его за Божество, еже соединися со Христом, красотю твоею и добротою твоею, красотю души и добротою добродетелей. Престол Твой, Божие, в век века, жезл правлению, жезл царствия Твоего. Возлюбил еси правду и возненавиде беззаконие, сего ради помаза Тя, Божие, Бог твой елеом радости паче причастник Твоих.</i></p>	<p>4 Л. 286 (возражение 23), Л. 439 об., 440 (возражение 25), 7—8 Л. 678 об., 893 (возражение 26)</p>	<p>Кафисма, 6; [65]: В конец, о изменившихся сынов кореев, в разум, песнь о возлюбленном. псалом, 44;</p>
<p>Псалом 45 <i>Лучшии есть един благотворяй, паче тмы законопреступных. Лучшии вселятиса на пустых местех, по писанному: Се удалихся, бегая и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающаго мя от малодушия и бури. Нестъ же пусто место благодатию Божиею, но велми многонародно, и ниже наимиты, ниже боярские, но раби Бога вышняго живут.</i></p>	<p>2—8 Л. 138 (возражение 16)</p>	<p>кафисма,6; [66 об.]: В конец, сынов кореев о тайных. псалом Давыдов, 45;</p>
<p>Псалом 48 Видели, совопросниче лукавый, с каковым дерзновением пророк начинает глаголати всякому лицу не обинуяся, всем живущим по вселенней и всем земным вкупе богату и убогу. ...<i>Не даст Богу измены за ся и цену избавления. Не убойся, егда разбогатеет человек или умножится слава дому его, яко егда умирает, не оставит ли вся, ниже снидет с ним слава его. И прочая. Егда умирая, не оставит ли вся, ниже снидет с ним слава его, яко душа его в животе его благословится, егда благо сотвориши.</i></p>	<p>3, 7, 15, 17 л. 316, 316 об., 317 об. (возражение 24), 18 Л. 1020 (возражение 27)</p>	<p>[67 об.]: Кафисма, 7. [69]: В конец, сынов кореев. псалом Давыдов, 48;</p>
<p>Псалом 50 Сего аз проповедаю вам, Бог сотворивый мир и вся, яже в нем, сей небу и земли Господь сый. Не в рукотворенных храмах живет, ни от рук человеческих угождения приемлет, требуя что, сам дая всем живот и дыхание по всяческих. — немаркированная цитата [НВ] <i>Да будет же Бог истинен, всяк же человек ложь, якоже есть писано, яко да оправдишися в словесех своих и победиши всегда судит ти ся. Аще ли неправда ваша Божию правду составляет, что речем, еда неправеден Бог, наносяй гнев, по человеку глаголю, да не будет, понеже како судити имать Бог всему миру. И победиши всегда судити сущее. И имать на ризе и на бедре своей имя написано, царь царей и господь господей.</i></p>	<p>6,7,15л. 532 об., 655 об., 899 (возражение 26)</p>	<p>Кафисма, 7. 72: Псалом Давыдов, всегда приити к нему Нафану пророку, всегда вниде к Вирсавии жене Уриеве, 50;</p>
<p>Псалом 52 <i>Бог с небесе причиче на сыны человеческия видети, аще есть разумевай или взыскай Бога. Все уклонишася вкупе и непотребни быша, несть творя благое, несть до единого, ни ли разумевают все делающии беззаконие. Рече безумен в сердцах своем, несть Бога, растлеша и отмерзшиася в беззаконних, несть творяи благое. Бог с небесе причиче на сыны человеческия, видети аще есть разумевай или взыскай Бога, все уклонишася вкупе непотребни быша.</i></p>	<p>2 Л. 532, 666 (возражение 26), 3 Л. 242 (возражение 21), 4, 16 Л. (656, 713, 881 об. (возражение 26)</p>	<p>Кафисма, 7. [74 об.]: [В конец. о Маелефе, разум Давыдов. псалом, 52];</p>
<p>Псалом 54 <i>Се удалихся, бегая и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающаго мя от малодушия и бури. Нестъ же пусто место благодатию Божиею, но велми многонародно, и ниже наимиты, ниже боярские, но раби Бога вышняго живут.</i></p>	<p>8 Л. 138 об. (возражение 16)</p>	<p>Кафисма, 7. [76]: В конец, в песнях разум Асафов, псалом, 54;</p>

<p>Псалом 56 <i>Помилуй мя, Боже, помилуй мя, яко попра мя человек. И на сень крилу Твоею надеюся, дондеже придет беззаконие.</i></p>	<p>2 Л. 183 об. (возражение 19)</p>	<p>[78]: Кафисма, 8. 79: В конец, да не растлиши Давыдов, в столпописание, вегда ему отбегати от лица Саулова в пещеру. псалом, 56;</p>
<p>Псалом 57 <i>Яко аспид глухий, иже не слышит гласа обаваящих. Чем же бо прежде поскорбим о толиких беззаконных и о чем восплачемся? Како нам Бога милостива сотворити? О сем видим вси, каковы различныя казни и милостивное наказание на нас посла Господь, обращая нас от заблуждения, яко чадолюбивый отец. Мы ж никако ж о сем воспомянухомся.</i></p>	<p>5,12 Л. 491, 892 (возражение 26)</p>	<p>[78]: Кафисма, 8. [80]: В конец, да не растлиши, Давыдов, в столпописание. псалом, 57;</p>
<p>Псалом 65 <i>Даст им Бог дух умиления, очи не видети и уши не слышати, даже до днешняго дне. И Давид глаголет: Да будет трапеза их в сеть и в лов и в соблазн и в воздаяние. Да помрачатся очи их не видети и хребет их отнюдь преклони. Даст им Бог дух умиления, очи не видети и уши не слышати, даже до днешняго дне. И Давид глаголет: Да будет трапеза их в сеть и в лов и в соблазн и в воздаяние. Да помрачатся очи их не видети и хребет их отнюдь преклони.</i></p>	<p>13,17 Л. 644, 899 об. (возражение 26)</p>	<p>[87]: Кафисма, 9. 88: В конец. песнь псалма воскресния, 65;</p>
<p>Псалом 70 <i>Пожените и имите его, яко несть избавляяи. Нам же, бедным, противу сим: Боже мой, не удался от мене. Боже мой, в помощь мою вонми, да постыдятся и исчезнут оклеветавоущи душу мою, да облекутся в студ и срам ищущи злая мене.</i></p>	<p>12 Л. 978 (возражение 25)</p>	<p>[96]: Кафисма, 10. псалом, Давыдов сынов и о надавовых, и первых пленшихся, не описан от еврей, 70;</p>
<p>Псалом 77 <i>И избра Давида, раба своего, и восприят и от стад овчих и от доилиц поят его, пасти Иякова, раба своего, и Израиля достояние свое, ему же даст Господь Бог низложити человека исполина на брани. И отъят Господь поношение от сынов Израилев и во тмах славу прият. И отъят Господь грезю его и вознесе рог его вовеки. И паки дерзостию клеветаша на Бога и реша, еда возможет Бог уготовати трапезу в пустыни. И Дух изыде от Господа и изведе крастели из моря, и ядоша и насытишася, и не престаша от желания своего прежде оскудения своего.</i></p>	<p>24 Л. (1030 (возражение 27), 19, 24, 70 л. 567, 664 об., 899 (возражение 26)</p>	<p>[106 об.]: Кафисма, 11. разум, Асафов. псалом, 77;</p>
<p>Псалом 85 <i>Господь Бог щедр и милостив, долготерпелив и истинен.</i></p>	<p>5, 15 Л. (520 (возражение 26)</p>	<p>[119]: Кафисма, 12. молитва Давыдова псалом, 85;</p>
<p>Псалом 88 <i>Мы слышахом от закона, яко Христос пребывает вовеки. Обретох Давида Иессеова, мужа по сердцу Моему, иже сотворит вся хотения Моя. От сего семени Бог по обетованию воздвиже Израилю спасение Иисуса. Проповедавшу Иоанну пред лицем снития Его, крещение покаяния всем людем Израилевым.</i></p>	<p>21—22, 33, 37 л. 629, 642, 713, 898 об. (возражение 26)</p>	<p>Кафисма, 12. [122]: Слава. разума Ефама, израильянина. псалом, 88;</p>
<p>Псалом 93 <i>Бог отмщений Господь. Бог отмщений не обинулся есть.</i></p>	<p>1, 5, 7, 11 л. 567, 666, 713, 713 об. (возражение 26)</p>	<p>[128 об.]: Кафисма, 13. песни Давыдовы, в день суботный. 130: Песни Давыдовы, четвертый суботы. не надписан от еврей. псалом, 93;</p>

<p>Псалом 104 <i>И якоже приближашеся время обетования, иже клятсЯ Бог Аврааму, возрасташа людие и умножишасЯ во Египте, дондеже наста царь ин, иже не знаяше Иосифа. Сей зле умыслив о роде нашем и о злоби отца наша уморити младенца их и не ожидати.</i> <i>... И простре Иозия руку на киот Божии придержати, и ят за нь, и порази его Господь, и умре пред Господем.</i> <i>Аврааму же обетова Бог, понеже ни едином имяше болшим клятсЯ, клялся собою, глаголя: Истиною благословствую, благословлю тя, и множа, умножу тя. Зри клятвы образ. Се есть Бога Отца клятвы образ ко Аврааму.</i></p>	<p>26 Л. 448 об. (возражение 25) , 20,24,27 л. 1026, 1027 (возражение 27)</p>	<p>137 об.: Кафисма, 14. 143: Слава. аллилуия. 104;</p>
<p>Псалом 115 <i>Да будет же Бог истинен, всяк же человек ложь, якоже есть писано, яко да оправдишися в словесех своих и победиши внегда судит ти ся.</i></p>	<p>1,2,7 Л. 636, 636 об. (возражение 26)</p>	<p>[156]: Кафисма, 16. аллилуия. 160 об.: Слава. аллилуия. псалом, 115;</p>
<p>Псалом 118 <i>И во веки пророческий глас заповедует хранити заповеди Божия и жити в них яве непоколеблемы и недвижимы пребывают, якоже боговидец Моисей рече, в них же несть приложити и от них несть отъяти.</i> <i>На пути свидений твоих насладихся яко в богатстве мнозе, заповедал еси правду, свидения твоя, владыко, вразуми мя и живи буду. И во веки пророческий глас заповедует хранити заповеди Божия и жити в них, яве непоколеблемы и недвижимы пребывают</i></p>	<p>1—14,21 л. 523, 546 об., 557, 700 (возражение 26), 144 Л. 13 об. — (возражение 1); Л. 74 — (возражение 9)</p>	<p>[163 об.]: Кафисма, 17. аллилуия. псалом, 118;</p>
<p>Псалом 131 <i>И гроб его есть в нас даже до дне сего. Пророк убо сый и ведый, яко клятвою клятсЯ ему Бог, от плода чресл его по плоти воздвигнути Христа и посадити Его на престоле Его.</i> <i>КлятсЯ Господь Давиду истиною и не отвержется ея.</i></p>	<p>2, 11—12,15—16 Л. 558, 633 об., 834, 900 об. (возражение 26)</p>	<p>[175]: Кафисма, 18. 180об. — Песнь степенная, 131;</p>

Система богословских воззрений патриарха Никона вполне соответствует этико-политическому и этико-богословскому аспектам аксиологической модели русской православной теоцентрической картины мира и стала основой проводимой им политики. Референтами смыслов и знаков интертекста в «Возражении или Разорении» Патриарха Никона выступают конкретные и обобщенные претексты разной степени иерархичности и сложности, в них может быть выделено основное ядро, играющее роль доминантного претекста. Оно включает наиболее важные и достоверно верифицируемые источники, цитаты из которых объективируются в виде ключевых слов интертекста. Принципы контаминирования, реферирования, сгущения примеров из Священного Писания, цитатная избыточность и другие традиционные способы дидактического и эмоционального воздействия на читателя, использованные Патриархом Никоном при работе с источниками, свидетельствует об особом отношении автора к библейскому тексту: с ним необходимо работать, чтобы обнажить и выразить его глубочайшее духовное содержание с максимальной полнотой и доходчивостью для наиболее адекватного восприятия текста читателем. Особенности картины мира Святейшего Патриарха Никона раскрываются в авторской интерпретации православных социокультурных ценностей, находящихся субъективное отражение в концептуальной системе Никона-мыслителя.

Литература

1. РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140. Ч. 3.
2. Вознесенский А.В. История славянской печатной Псалтири: московская традиция XVI—XVII веков: простая Псалтирь: Автореф. д-ра филол. наук. Специальность 10.01.01 — русская литература. СПб., 2008. С. 5.
3. Псалтирь. М.: Печатный двор. [11.П.1653 (9.Х. 11.П.7161)]. Алексей, Никон.

ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ КРИТИКИ РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЫ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКИХ ГАЗЕТ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)

Газетная реклама является качественно новым источником для второй половины XIX в. Только тогда в российских регионах сложились условия для его возникновения как следствие общего экономического развития. Достоинство газетной рекламы в том, что она по многим фактам является уникальным источником.

Обращаясь к внешней характеристике рекламы как источника, отметим, что она постепенно становится наиболее яркой, графически выразительной частью газеты. Если объявления 1850—1870-х гг. однообразны, набраны одним и тем же шрифтом и в большинстве не выделяются из общей массы, то в 1880—1890-е гг. каждое стремится, чтобы его заметили в первую очередь. При рекламировании применялись различные композиционные приемы. Их целью было привлечение внимания. Среди самых встречаемых: использование различных типов шрифтов (в 1880—1890-е гг. господствовали петит и нонпарель, характерным приемом стала «игра шрифтами» — составление композиций из разных типов шрифтов, многие типы шрифтов (особенно декоративных) впервые появились в отделах объявлений [1, С. 9]; «воздух» — помещение объявления на большой площади, когда оставалось много свободного места по краям; необычное расположение текста — по диагонали, поперек страницы, «перевернутый» текст; «выворотка» — белые буквы на черном фоне).

Оформлению рекламы в газетах уделялось особое внимание. Если в основной части соблюдалось единообразие шрифтов и заголовки отличались только тем, что набирались прописными или курсивными литерами, то в объявлениях каждый заголовок «кричал», зазывая читателей купить товар или воспользоваться услугой. Один — причудливым рисунком шрифта, второй — размером букв, третий — необычным расположением по отношению к тексту [3, С. 51, 68]. Многие объявления имели особые рамки, часто из замысловатых фигур и орнаментов. Рамки для рекламы использовались в «Казанских губернских ведомостях» еще в 1850-е гг., но особенно активно — лишь с 1880-х гг. в частной ежедневной прессе. Тогда реклама утверждается на первых полосах, тесня все остальные материалы.

Форма шрифта нередко зависела от характера товара. Например, для объявлений о парфюмерии часто использовались легкие декоративные шрифты, а в рекламе машин — монументальные и строгие. Так форма дополняла содержание.

В отделе объявлений применялись всевозможные украшения, какие были в типографии: линейки, бордюры и т.п. В нем впервые в газете появились иллюстрации — главным образом, изображающие товар или торговый знак. Уже в 1840-е гг. казанские книгопродавцы Дубровин и Мясников использовали при объявлениях изображение государственного герба. Оно говорило, что они являлись агентами официальных учреждений. В 1863 г. в «Казанских губернских ведомостях» при объявлении И. Грушко появилась схема переносного аппарата [6, С. 290]. В 1860-е гг. в этой газете встречалось по две-три иллюстрации в год. Однако с 1870-х гг. рекламная иллюстрация занимает прочное место в газетах, в том числе и казанских. Изображения в нерекламных материалах появились лишь в конце 1890-х гг.

Трудно определить непосредственных авторов рекламы. Анонимность — одна из ее характеристик. Во многом она объясняется пренебрежительным отношением в обществе к рекламе и ее создателям. Однако на основании свидетельств современников (мемуары, письма, публицистика) можно создать образ отечественного рекламиста XIX века, представить взаимоотношения с рекламодателями как текстовиков, так и художников. Знание механизмов создания источника помогает решению вопроса о его достоверности.

Большее значение в источниковом плане имеет вопрос о рекламодателе. В большинстве случаев его имя, название предприятия дано в самой рекламе. Знание рекламодателя и времени функционирования (публикации) помогают уточнить конкретные причины возникновения, цель данной рекламы. Систематизация рекламы по рекламодателям (сферам жизни и конкретным именам и предприятиям) — эффективный метод для выявления закономерностей, тенденций исторического развития, которые в ней отразились.

Порой в роли автора объявления мог выступать сам рекламодатель. В таких случаях реклама нередко содержит уникальные сведения об индивидуальности заказчиков. Непосредственное участие малограмотных, лишенных художественного вкуса предпринимателей в написании и оформлении объявлений приводило нередко к перенасыщенности содержания и формы рекламы, графической пестроте.

Газетная реклама должна быть подвергнута как текстологическому (установление автора, времени и места создания текста, его прочтение), так и палеографическому (изучение шрифтового начертания) анализу. Текстологическое и палеографическое изучение — основная часть внешней критики источников. Интерпретация текста рекламы невозможна без понимания его языка и терминологии.

Прочтение текста газетной рекламы не встречает особых затруднений. Но все же язык рекламы — это особый язык со своими жанрово-стилистическими особенностями. Также следует учитывать: а) специфику терминологии, используемой в ней (устаревшие понятия, экономические термины); б) возможные опечатки. Так, в объявлении пароходного общества «Самолет» было искажено его название — получилось «Сомолет» [8, С. 446].

Конечно, опечатки имели место в разделах объявлений газет, но не часто. Как правило, набор и верстку рекламы осуществляли наиболее искусные в своем ремесле люди [3, С. 134]. Редакции старались следить за точным исполнением заказов. О том, что редактор «Казанского биржевого листка» лично наблюдал за печатанием объявлений свидетельствуют его черные чернила в этом отделе цензорского экземпляра газеты [2, С. 4]. Если публикация содержала ошибки в сроках, размере объявления, месте его размещения, адресе, тексте, иллюстрации, то заказчик имел право потребовать возврата денег или перепечатки.

«Презрение к российской грамматике, открыто проповедуемое вывесками, надписями и ярлыками», их «круговая, бесшабашная безграмотность», отмеченные А.П.Чеховым [9, С. 428], присутствуют на страницах газет в значительно меньшей степени. Хотя «высота и пластика слога» некоторых пространственных объявлений не может не вызвать улыбку. Курьезным выглядит сообщение о сдаче в аренду торгового помещения «по случаю головной болезни» [5, С. 2]. Вывеска над одной из ссудо-сберегательных касс гласила: «Самовспомогательная, болезненная и смертельная касса» [7, С. 2].

При внешней критике рекламы как исторического источника нужно обратить внимание, как на оформление, так и на расположение объявления. Все это дополнительно характеризует рекламодателя. Печатать большие объявления на первой странице в течение длительного времени мог позволить себе только состоятельный заказчик. На размер рекламы в газете влияли: 1) значение рекламодателя; 2) социальное положение потенциальных клиентов; 3) характер товара (чем шире был круг потребителей, тем большей по объему могла быть реклама).

В целях правильного прочтения и интерпретации рекламных текстов нужно учитывать художественные приемы, применявшиеся при их создании. Наиболее распространенной была гипербола, то есть преувеличенное расхваливание товара. Использовались и другие приемы художественной условности: иносказание, олицетворение и иные формы развернутого метафоризма. Конечно, они нарушали качественное правдоподобие предмета рекламы. При прочтении это надо четко осознавать. Для рекламных текстов порой характерна чрезмерная детализация. В таких описаниях важно выявить главное.

За долгое время реклама выработала свои текстовые штампы, получившие популярность: «во всех лучших магазинах», «требуйте везде!» и т.п. Многие рекламодатели, стремясь подчеркнуть новизну своих предложений, уподоблялись крикливым подросткам, уличным распространителям газет, кричавшим: «Новости! Последние новости!»

Большинство газетных рекламных объявлений обладает структурой, которая может стать основой для общей характеристики информационных возможностей данного источника. Тем более, что к концу XIX в. происходит сокращение нарративности. В качестве элементов этой структуры выступают: наименование товара или услуги с их краткой характеристикой, цена, условия приобретения, обоснование выгоды сделки, средства, привлекающие внимание к объявлению, а следовательно, и к самому предложению (иллюстрации, девизы и т.п.). Таков общий формуляр рекламного объявления в газете. Он стал основой для создания модели рекламы в газете. Следует учитывать специфику объявлений банков, страховых обществ, пароходств, периодических изданий и т.д., то есть определяющими факторами являются характер рекламодателей и предлагаемых ими товаров и услуг. Поэтому необходимо создание наряду с общей ряда типологических моделей при изучении рекламы.

Установление среднего (типичного) формуляра, типических оборотов речи помогает изучению обычаев эпохи. Хотя следует подчеркнуть, что в целом особенностью газетной рекламы как источника является мобильность. Ее содержание и структура довольно изменчивы. Отсутствие канонов при создании рекламы осложняет ее исследование. На форму, содержание, особенности языка влияло множество факторов: время написания, функциональное назначение, индивидуальные психологические особенности автора, социальная направленность.

Часто рекламные материалы предстают как синтез текста и изображения, главной функцией которого является привлечение внимания. Отметим, что впервые иллюстрации в газете, если не считать заглавных виньеток, появились именно в отделе объявлений. Изобразительные источники — специфическая форма выражения информации. Благодаря особым методам выражения их информация является «как бы закодированной, а потому и скрытой». Чтобы ее дешифровать, необходимо знание «прикрывающей ее системы изобразительных принципов и методов, присущих эпохе создания этих источников» [4, С. 121]. В силу этого источниковедческий анализ графических источников более сложен, чем обычных письменных.

Большинство рекламных иллюстраций выполнено в стиле русской лубочной живописи, формирование которого началось еще в XVII в. Рассчитанные на отклик самой широкой аудитории они должны были быть ей близки и понятны. Отсюда характерные для рекламной живописи второй половины XIX в. утрированная угловатость и толщина линий, резкость очертаний. В объявлениях, помимо изображения различных наград (медалей, гербов), перед нами предстает богатейшая галерея женских и детских головок, силуэтных пейзажей,

своеобразных жанровых картинок, обыгрывающих предлагаемый товар. Лубочный стиль доминировал в рекламе до конца XIX в. Традиции русского лубка пришли в газету из оформления вывесок. Чаще всего рисунок в объявлении — это изображение товара или торговой марки. Русской рекламной графике второй половины XIX в. присущ натурализм изображения. Принцип, которому следовали в рекламе — совпадение изображения и назначения товара.

Лишь в самом конце XIX в. в газетной рекламе появляются новые приемы иллюстрирования. Отчасти они были заимствованы из рекламного плаката и связаны с такими художественными направлениями как импрессионизм и модерн. В области рекламной графики в конце XIX в. работали известные русские художники: М. Врубель, Е. Лансере, Л. Бакст и др.

Особенность казанской рекламной графики — использование помимо образцов, выполненных в стиле модерн или лубка, восточных мотивов. Это напрямую зависело от происхождения и адреса рекламируемого товара. Так, шрифтовое оформление объявления могло быть написано буквами, подражающими арабской вязи. Позволим предположить, что это делалось, во-первых, с целью придания объявлениям большей оригинальности, во-вторых, для привлечения татарских потребителей. В ряде случаев при рекламе чая и шелковых тканей художники прибегали к изображениям, стилизованным под китайские.

Литература

1. Анисимов В.И. Основы и рисование печатного шрифта (составлено на основании научных исследований). Петроград, 1922.
2. Казанский Биржевой листок. 1889. 7 марта. № 52. С. 4.
3. Киселев А.П. История оформления русской газеты (1702—1917 гг.). М., 1990.
4. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003.
5. Листок Объявлений. 1884. 1 июля. № 68. С. 2.
6. Медное аппаратное заведение Иогана Грушко // Казанские Губернские Ведомости. Неофиц. часть. 1863. 20 сентября. № 38. С. 290.
7. Местный отдел // Казанский Биржевой Листок. 1884. 1 июля. № 76. С. 2.
8. «Сомолет» // Казанские Губернские Ведомости. Неофиц. часть. 1862. 23 ноября. № 97. С. 446.
9. Чехов А.П. Осколки московской жизни <48. 15 июля 1885 г.> // Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. Рассказы, фельетоны, юмористическая смесь. 1885—1886. М., 1985. С. 428—429.

А.Д. Григорьев

г. Москва

*Российский государственный университет
нефти и газа имени И.М. Губкина*

ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1861—1917)

Становление промышленного потенциала России имеет давнюю и богатую историю. Отдельные очаги машинно-фабричного производства: демидовские заводы, петровские судостроительные предприятия Урала и Алтая стали возникать и развиваться еще в конце XVII — первой половине XVIII в. Но первые достаточно крупные шаги в направлении индустриализации страны относятся к 60—70-м годам XIX в. — времени активного проведения государственных реформ императором Александром II. За период 1861—1913 гг. страна демонстрирует промышленно-экономический рост, характеризующийся этапами как ускоренного, так и замедленного развития, вплоть до резкого снижения темпов производства и даже его стагнации.

В промышленном развитии пореформенной России можно выделить пять этапов. Первый представляет собой стартовый период широкого и активного становления фабрично-заводского производства и охватывает примерно 25-летний срок — с конца 50-х до начала 80-х годов XIX в. Второй этап, как первый шаг собственно индустриальной эпохи, начавшись примерно с 1885 г., завершился в 1900 г. В его рамках фабрично-заводская промышленность пережила небывалый подъем (1895—1899 гг.). Промышленный рывок сменился кризисом 1901—1902 гг. и затяжной депрессией (1903—1908 гг.). Это был третий этап. Четвертый характеризует экономический подъем 1909—1913 гг., прерванный первой мировой войной. Развитие промышленности в условиях военного времени составляет основу пятого этапа.

Реформирование Александром II основ государственного устройства империи: раскрепощение крестьян и создание земства, введение всеобщей воинской повинности, учреждение суда присяжных и судебных уставов и др. стимулировало развитие производительных сил, создало социально-экономические предпосылки для вступления страны на путь индустриализации.

Одной из характерных черт эпохи реформ был рост городского населения. Высокие выкупные платежи и подати за пользование землей ложились тяжелым бременем на крестьянские хозяйства. Многие из них разорялись.

В поисках средств существования крестьяне потянулись в города и промышленные поселки, на фабрики, заводы, горнодобывающие производства и строительство железных дорог. Приток дешевой рабочей силы был одним из важнейших факторов капитализации страны.

В период 60—70-х годов наиболее интенсивно развивались кустарно-ремесленные промыслы. Темпы их роста были очень высокими. Примером могут служить статистические данные по Пермской губернии — одного из наиболее динамично развивавшихся регионов страны. Если за 1855—1865 гг. на западе Среднего Урала возникло 533 новых кустарно-промысловых заведения, то в следующем десятилетии их было создано уже 1339, в период 1875—1885 гг. количество новых ремесленных хозяйств составило уже 2652, то есть за 30 лет их численность возросла в пять раз [8, С. 109].

В 60-е годы начинает интенсивно развиваться и мануфактурное производство. В европейской части России, прежде всего в Москве и Подмосковье, Донбассе, Поволжье и Санкт-Петербургском регионе возводятся многочисленные фабрики и заводы. Наиболее интенсивно развивается металлургия. Центром горно-металлургического производства становится Урал. Из 290 тысяч тонн чугуна, полученного в России в 1865 г., 232 тысячи тонн выплавляли уральские заводы, на них же была произведена 161 тысяча тонн железа и стали из 187 тысяч тонн, полученных в целом по стране [5, С. 7].

На рубеже 70-х годов начинается строительство металлургических заводов и на юге России. В дореформенный период там работали на привозных или местных рудах лишь три небольших металлургических предприятия. В конце 60-х годов возводится завод в Лисичанске и реконструируется Петровский завод в Луганском горном округе. В 1872 г. вводится в эксплуатацию Юзовский металлургический завод.

К началу 80-х годов наряду с продолжавшими развиваться кустарно-ремесленными промыслами все большую роль приобретает фабрично-заводское производство. Важной чертой его становления был постепенный переход от ручного труда к механизированному. Наибольшее развитие машинные технологии получили в обрабатывающих отраслях. Предприятия металлообрабатывающей промышленности, располагавшие 24,8% всех двигателей и сконцентрировавшие 77,5% всех рабочих, давали 86,3% общего производства отрасли [8, С. 109].

Концентрация производства, рост единичных промышленных мощностей, увеличение численности рабочих, вытеснение ручного труда машинным и др. свидетельствовали об интенсивных процессах капитализации России, восходивших к 1861 г. — началу Александровских реформ страны. Происходившие перемены находились в центре внимания отечественной и зарубежной общественно-политической мысли. Большой вклад в анализ пореформенного промышленно-экономического развития Российской империи внесли крупнейшие представители марксизма. «Давно уже созрело убеждение, — писал Ф.Энгельс, — что ни одна страна в настоящее время не может занимать подобающего ей места среди цивилизованных наций, если она не обладает машинной промышленностью, использующей мировые двигатели, и сама не удовлетворяет — хотя бы в незначительной части, — собственную потребность в промышленных товарах. Исходя из этого убеждения, Россия и начала действовать, причем действовала с большой энергией» [4, С. 264]. И здесь же исследователь промышленного развития России резюмирует: «С 1861 г. в России начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа» [4, С. 64].

Вопросам изучения процессов капитализации страны большое внимание уделял В.И. Ленин. «После 61-го года, — отмечал он, — развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [3, С. 174].

В процессе промышленно-экономического развития хозяйство страны столкнулось с рядом серьезных трудностей и противоречий. Быстро возраставшие объемы перевозок заводской продукции опережали транспортные возможности. Так, уральский металл и изделия из него отправлялись с уральских казенных заводов караванами барж в летне-осенний период по рекам Чусовой, Белой, Каме и Волге и только потом перегружались в вагоны Уральской, Самаро-Златоустовской и других железных дорог. Большой дефицит в транспортных средствах испытывал и промышленный юг страны.

Задача быстрейшего создания железнодорожной сети выросла в крупнейшую общенациональную проблему. Развитие парового транспорта было поставлено во главу угла государственной политики, оно стало основой промышленно-экономической стратегии последнего 25-летия XIX в. — второго этапа индустриализации.

Ввиду особой значимости транспортного вопроса основную нагрузку по его решению взяло на себя государство. Прокладка железных дорог финансировалась главным образом из казны, за счет общебюджетных поступлений, доля частного капитала акционеров была незначительна. Лишь за первое десятилетие эпохи реформ (1861—1870 гг.) в железнодорожное строительство было вложено около 2,5 млрд руб. В дальнейшем объемы инвестиций в отрасль продолжали возрастать и к концу XIX в. достигли максимума. С 1891 по 1903 г. на промышленное и прежде всего железнодорожное строительство было ассигновано 5,5 млрд руб., что на 25% превысило вложения за предшествовавшие 32 года. Главным идеологом приоритетного финансирования транспортных программ был С.Ю. Витте, занимавший с 1892 по 1903 г. пост министра финансов [8, С. 109].

Большие капиталовложения обеспечили быстрое развитие железных дорог. Если в 1860 г. длина железнодорожной сети России составляла 1626 км, то в 1870 г. она возросла до 10 731 км, в 1880 г. этот показатель достиг 22 865 км. Во время промышленного подъема 90-х годов ежегодно строилось более 2,5 тыс. км. С 1893 по 1902 г. вступило в действие 27 тыс. км железных дорог, а их общая протяженность превысила 55 тыс. км. В 1891 г. началось строительство Транссибирской магистрали, которая в основном была закончена в начале XX века [8, С. 109].

Прорыв страны в железнодорожном строительстве дал мощный импульс росту производства в других отраслях промышленности. Потребность железнодорожной индустрии в металле, каменном угле и подвижном составе стимулировала развитие машиностроения, горного дела, металлургии, энергетики.

К началу XX столетия в Донбассе и Кривом Роге было введено в эксплуатацию 17 новых заводов, в том числе таких крупных, как Днепровский, Дружковский и металлургический Донецко-Юрьевского общества заводы. Тогда же на юге России были возведены Харьковский, Луганский и Николаевский механические заводы.

С изобретением М.О.Долливо-Добровольским в 1889 г. асинхронного трехфазного электродвигателя и появлением надежного способа передачи трехфазного тока высокого напряжения на большие расстояния создались условия, благоприятные для применения электрического привода промышленных машин, а также электрического освещения цехов и мастерских. Небольшие электростанции строились чуть ли не на каждом предприятии. К началу XX в. их в Петербурге работало более 200, а в Москве около 300.

В 1893 г. в Новороссийске была построена первая электростанция трехфазного тока напряжением 250 В и мощностью 1200 кВт. В 1896 г. по проекту В.Н.Чиколева и под руководством Р.Э.Классона вводится в действие гидроэлектростанция на реке Охте мощностью 270 кВт с передачей энергии трехфазным током для привода и освещения цехов Охтинских пороховых заводов. Вскоре Р.Э.Классон строит тепловые электростанции в Москве (1897 г.) и Петербурге (1898 г.) [5, С. 10].

Важнейшим показателем развития промышленности, в первую очередь машиностроения, являлось использование на производстве паровых машин. С 1890 по 1900 г. суммарная мощность паровых двигателей увеличилась с 125,1 тыс. л с до 1294,5 тыс. л с [5, С. 23]. В годы промышленного подъема возросла и концентрация производства. В 1894—1895 гг. крупные фабрики (свыше 100 рабочих) производили 70,8% промышленной продукции. На них было занято 74% всех фабрично-заводских рабочих. К 1903 г. этот показатель вырос до 76,6% [8, С. 109].

Бурное развитие в конце XIX в. промышленности и железнодорожного строительства вызвали быстрый рост численности рабочих в стране. Если в 1865 г. в европейской части России на производстве и в сфере транспортного строительства было занято 706 тыс. человек, то в 1879 г. этот показатель вырос до 1179 тыс., в 1890 г. он составил 1432 тыс. и, наконец, в 1900 г. — 2208 тыс. человек. Таким образом, за период 1865—1900 гг. численность рабочих в европейской России возросла более чем втрое. Численность же населения за это время увеличилась в 1,5 раза [8, С. 110].

Кроме роста численности рабочего класса в процессе индустриального развития России интенсифицировалось использование трудовых ресурсов, возрастала эксплуатация промышленного пролетариата. Согласно закону от 2 июня 1897 г. «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности» продолжительность дневных смен для взрослых мужчин была установлена в 11,5 часа, ночных смен — в 10 часов. Такая же продолжительность рабочего времени была установлена и для тяжелых работ (горячие цеха, ручное перемещение грузов и т.д.). Отличались лишь размеры заработных ставок.

Широко использовался на производстве женский и подростковый труд: его оплата была более низкой. Женщины получали в среднем половину, а подростки — одну треть мужского заработка. Рабочий день детей от 12 до 15 лет составлял 8 часов с перерывом или 6 часов без него. Если до 1890 г. женщинам и подросткам запрещалось работать в ночные смены, в воскресные и праздничные дни, то после принятия специального закона от 24 апреля 1890 г. эти ограничения были сняты. Формальным обоснованием возможности привлечения к ночному и воскресному труду женщин и детей (ограничительная возрастная планка последних была снижена с 12 до 10 лет) служило разрешение губернатора или так называемого фабричного присутствия — своеобразной инспекции по защите прав наемных рабочих. На практике фабричное присутствие в лице инспектора в подавляющем большинстве случаев действовало исключительно в интересах администрации и собственников предприятий. К тому же самих инспекторов на всю страну насчитывалось в 1899 г. всего 250 человек [6, С. 281].

Помимо больших и дешевых трудовых ресурсов, использование которых законодательно регламентировалось крайне слабо, форсированному промышленному развитию России в конце XIX в. содействовали: использование производственно-экономического опыта зарубежных стран, высокая обеспеченность природно-энергетическими ресурсами, активное инвестирование производства западными государствами (доля иностранного капитала в российской промышленности составляла около 47%), финансирование государством промышленного строительства, целевые иностранные займы. Важным фактором индустриализации являлась ее поддержка со стороны политической, промышленной и научной элиты империи. Активными сторонниками индустриализации были С.Ю.Витте, П.А.Столыпин, П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский, Д.И.Менделеев, И.А.Вышнеградский, Д.К.Чернов, И.А.Тиме, И.Х.Озеров и др.

В то же время промышленное строительство России испытывало и немалые трудности, в том числе: недостаточное развитие внутреннего рынка, нехватка научно-инженерных кадров, земельно-патриархальный менталитет населения, отрицательное отношение к индустриализации крупных землевладельцев. В недрах индустриального рывка страны в конце XIX столетия, скрытно зрели предпосылки к возникновению глубокого промышленно-экономического кризиса в начале XX в., переросшего в затяжную депрессию 1903—1908 гг.

Одной из предпосылок было противоречие между трудом и капиталом. По мере индустриального развития страна становилась богаче, однако при этом быстро увеличивался разрыв в распределении материальных благ между крупной буржуазией и высшим чиновничеством, составлявшими лишь 2,5% от всего населения, и беднейшим крестьянством и пролетариатом, доля которых достигала 79,2% в демографической структуре. Подспудно нараставшее недовольство трудовых масс выплеснулось наружу в виде забастовок, переросших в события 1905—1907 гг. Социальные волнения начала века негативно отразились на общественной производительности труда, дестабилизировали производственные процессы, привели к замедлению темпов роста внутреннего валового продукта.

Отрицательное влияние на промышленное развитие страны оказывали фундаментальные противоречия между развивавшимся капитализмом и сохранявшимся феодально-помещичьим жизнеустройством, прежде всего интересами крупных землевладельцев. Приведем один пример. Частная собственность на землю резко сковывала развитие энергетики, железнодорожного транспорта, химического производства, других важнейших отраслей промышленности. Наибольший ущерб от существовавшей системы землевладения несло горнодобывающее производство. Отсутствие «горной свободы» ставило эксплуатацию недр в зависимость от воли земельных собственников, предоставлявших право на разработку полезных ископаемых лишь при условии оплаты в 1—2,5 копейки за каждый пуд добытого каменного угля или руды [5, С. 7]. Серьезные финансовые условия выставляли помещики и при строительстве линий электропередачи и прокладке железных дорог по принадлежавшим им землям.

Разразившийся в 1900 г. экономический кризис в России был частью мирового промышленного кризиса. Это лишь усугубляло ситуацию. Стало намного труднее получать заграничные займы, снизились активность и объемы товарооборота. Сокращение поставок зарубежной техники вызвало резкое увеличение расходов на ее ремонт. В результате затраты на поддержание оборудования в работоспособном состоянии росли быстрее, чем расходы на его закупку. Возникшее было в 1903 г. экономическое оживление рухнуло под влиянием русско-японской войны, и страна на несколько лет впала в состояние, близкое к стагнации.

В период 1900—1903 гг. промышленное производство сократилось на 5,7%, закрылось около 3 тыс. предприятий. Число безработных превысило 200 тыс. человек.

Промышленной основой кризиса стало сокращение железнодорожного строительства. Темпы сооружения рельсовых магистралей резко пошли на спад. Если в 1895—1900 гг. ежегодно вводились в строй 3229 км железнодорожного полотна, то в 1901—1905 гг. он снизился до 1100 км. Сократилось и производство подвижного состава. Выпуск паровозов за период 1900—1908 гг. снизился с 1202 до 622 шт., вагонов — с 24 162 до 11 150 шт. [2, С. 121].

В период кризиса сильно пострадала нефтяная промышленность. Начиная с 1901 г., наблюдается постоянное снижение добычи нефти. В 1908 г. добыча упала ниже уровня 1900 г. В целях сохранения потенциала отрасли часть скважин была законсервирована.

От кризиса пострадала и черная металлургия. В 1900 г., когда производство на металлургических заводах достигло рекордных цифр, рынок оказался переполненным, и заводы с трудом поддерживали производство на прежнем уровне. В течение всего периода депрессии производство черных металлов не поднялось выше уровня, достигнутого в 1900 г.

Вместе с тем кризисные явления в одних отраслях стимулировали ускоренное развитие других. Так, под влиянием сокращения железнодорожного строительства металлургические заводы сократили выпуск тяжелых профилей металлов и стали наращивать выпуск тех сортов, которые требовало машиностроение, мелкая и средняя металлообрабатывающая промышленность, а также домостроение. Такая эволюция металлургического производства явилась несомненным шагом вперед, так как была связана с выработкой более сложных, высококачественных и разнообразных сортов металлов.

Снижение добычи жидкого топлива и вызванное этим повышение его цены способствовало формированию более эффективной структуры баланса энергоресурсов и совершенствованию силового хозяйства. В результате в кризисный период сократился выпуск паровых машин и возросло производство двигателей внутреннего сгорания. С 1900 по 1908 гг. суммарная мощность дизелей увеличилась на 848,7%. Одновременный рост потребности в электроэнергии стимулировал развитие турбо- и парогенераторостроения, а также проектирование и строительство тепло- и гидроэлектростанций.

Таким образом, период кризиса и застоя 1900—1908 гг. нельзя оценивать лишь с отрицательных позиций. Стагнация одних отраслей стимулировала развитие других. Произошла как бы смена приоритетов в отраслевом развитии.

Более общей характеристикой этого периода является снижение темпов промышленного развития. Если в 90-е годы XIX столетия среднегодовой рост всего производства в стоимостном исчислении составлял 11,1%, то в 1900—1908 гг. он упал до 1,8%. В наибольшей степени снизились темпы развития тяжелой индустрии. В легкой промышленности они упали с 6,4% в 1900 г. до 3,7% в 1908 г. [2, С. 123].

В 1908 г. страна начала выходить из кризиса. Одним из главных факторов преодоления хозяйственного застоя были огромные, в течение четырех лет подряд с 1905 по 1908 г., урожаи зерновых. Сохранившиеся высокие мировые цены на хлеб и, как следствие, полученная Россией очень крупная выручка от его экспорта обеспечили стремительный рост национального дохода и образование значительных накоплений, которые сразу же были направлены на промышленно-экономическое оживление и развитие страны. Россия вступила в четвертый этап индустриализации — новую фазу хозяйственного развития, которая длилось до Первой мировой войны и по своей интенсивности сопоставима с подъемом 1895—1900 гг.

В период 1909—1913 гг. среднегодовой прирост промышленной продукции составил 8,9%, лишь на 0,1% ниже темпов развития в последнем пятилетии XIX в. Отрасли, производящие средства производства, увеличили выпуск продукции на 83%, а производящие товары широкого потребления — на 35%. Основная часть промышленного потенциала была сосредоточена в Центрально-промышленном, Северо-западном, Прибалтийском, Южном, Польском и Уральском регионах. В них производилось свыше 75% валовой продукции и концентрировалось до 79% всех фабрично-заводских рабочих. Остальные территории были менее развиты [8, С. 117].

Численность промышленных объектов ведущих отраслей производства в 1913 г. была следующей: металлургия — 255, из них 27 наиболее крупных заводов располагались на юге; угольная промышленность — 568; нефтедобыча — 170 и нефтепереработка — 54; металлообработка — 1800; хлопчатобумажное производство — 840 фабрик и более 210 тыс. ткацких станков [8, С. 117].

В годы предвоенного подъема наиболее интенсивно развивались нефтедобыча и нефтепереработка, цветная металлургия, станкостроение, промышленное и жилищно-коммунальное строительство, отдельные подотрасли химического производства. Успехи энергетики и угольной промышленности были не столь значительны. Черная же металлургия вообще так и не смогла полностью преодолеть последствия кризиса.

Наряду со строительством крупных фабрик и заводов как объективной тенденцией индустриализации России в балансе производственных мощностей заметное место занимали малые и средние промышленные предприятия. В 1913 г. насчитывалось до 150 тыс. мелких производств, на которых было занято более 800 тыс. рабочих. Объем изготавливаемой на них продукции в стоимостном исчислении превышал 700 млн. руб. По-прежнему, как и в XIX в., в различных регионах страны функционировали кустарные промыслы. Накануне Первой мировой войны на них трудилось около 600 тыс. ремесленников и более 4 млн. «сезонных» крестьян.

Оценивая в целом итоги промышленного рывка конца XIX в., кризиса начала XX столетия и нового экономического подъема в канун Первой мировой войны, необходимо констатировать, что за период 1890—1913 гг. объем продукции тяжелой промышленности вырос в 7 раз и ее удельный вес в крупнокапиталистическом производстве достиг 43%. Быстрыми темпами росла и легкая промышленность: в 7 раз увеличилась переработка хлопка, в 4 раза — производство сахара и т.д.

Пореформенная Россия, приступившая к индустриализации намного позже мировых промышленных лидеров, демонстрировала, во-первых, более высокие темпы развития, чем США и страны Западной Европы, а во-вторых, опережающий рост тяжелой промышленности. При увеличении производства в стране всей промышленной продукции с 1890 по 1900 гг. в 2 раза производство продукции тяжелой промышленности возросло в 2,8 раза, а легкой — в 1,6 раза [1, С. 12]. В 1909—1913 гг. среднегодовой рост промышленной продукции составил 8,8%: в отраслях, производящих средства производства — 13%, предметы народного потребления — 6,2%.

Несмотря на технико-экономический подъем, Россия не смогла достичь паритета со странами Запада по абсолютным показателям промышленного развития. Увеличив к началу XX в. более чем в 2,5 раза добычу угля, страна, тем не менее, добывала угля в 20 раз меньше, чем США, в 14 раз меньше, чем Англия, в 6 раз меньше, чем Германия, в 6 раз меньше, чем Франция. В 1900 г. в России производилось в расчете на одного жителя почти в 4 раза меньше чугуна, чем во Франции, в 10 раз меньше, чем в США, в 13 раз меньше, чем в Англии [1, С. 223]. В 1913 г. в России на душу населения вырабатывалось 13 кВт.ч электроэнергии, а в США — 236 кВт.ч.

Промышленное развитие России в годы Первой мировой войны характеризовалось перетоком капиталов в военное производство. Стали быстро развиваться те области промышленности, которые работали на нужды обороны и оснащение армии: сборка самолетов и наземной самоходной техники, производство стрелкового оружия и боеприпасов, изготовление взрывчатых веществ и средств химзащиты, механизация обувно-кожевенных производств по изготовлению военной амуниции и обмундирования и т.д.

Одновременно началось сокращение и замедление развития общей производственной базы — основы индустриализации страны. В наибольшей степени кризисные процессы проявились в горнодобывающих отраслях. Добыча железной руды снизилась с 9,14 млн. т в 1913 г. до 5,4 млн. т в 1916 г. Топливный «голод» (добыча каменного угля в 1916 г. возросла лишь на 18,6% по сравнению с 1913 г.) вызвал трудности на

железнодорожном транспорте и обусловил сокращение более чем на 30% объемов проката черных металлов. Производство кокса снизилось с 4,4 млн. т в 1913 г. до 3,7 млн. т в 1916 г. [5, С. 9]. Для чугуна эти цифры составили 4,2 млн. т (1913 г.) и 3,7 млн. т (1916 г.), а для железа и стали — 4,2 млн. т (1913 г.) и 3,3 млн. т (1916 г.). Глубокий кризис охватил строительную индустрию. Резко ухудшилось положение дел в легкой промышленности: упал объем производства, сократился ассортимент продукции, снизилось качество товаров.

В 1914—1916 гг. наблюдается устойчивое падение производительности труда — важнейшего обобщающего показателя состояния дел в экономике и на производстве. Промышленность и хозяйство в целом оказались в ситуации, аналогичной той, которая сложилась в период системного кризиса в начале столетия. Кризис 1916—1917 гг. способствовал и стал прологом последовавшего за ним хозяйственно-экономического крушения страны в 1918—1921 гг.

Оценивая в целом итоги индустриального развития страны в период до 1917 г., можно констатировать следующее. Российская империя отставала от наиболее промышленно развитых стран Запада, но ее никак нельзя считать отсталой, поскольку она входила в группу индустриальных государств-лидеров. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1913 г. Россия по производству всей промышленной продукции занимала в мире пятое место, а в Европе — четвертое, по добыче угля — соответственно шестое и пятое, нефти второе и первое, торфа — первое и первое, по выплавке чугуна — пятое и четвертое, стали — пятое и четвертое, по совокупному показателю машиностроения — четвертое и третье места [9, С. 111].

Промышленный потенциал дореволюционной России был по большей части утрачен в период Гражданской войны и интервенции капиталистических государств в Советскую Россию (1917—1921), восстановлен к 1926 г. и приумножен в годы предвоенных пятилеток вошедших в историю как эпоха индустриализации страны.

Литература

1. Дьяков А.Ф., Гвоздецкий В.Л. План ГОЭЛРО в отечественной энергетике XX столетия. В кн.: «Строители России. XX в. Электроэнергетика». М., 2003. С. 12—28.
2. Ильин В.С. Промышленное развитие России от конца XIX в. И до начала сталинского «великого перелома»: В кн. «Сборник научных трудов кафедры "История России" Российского университета дружбы народов». М., 2004. С. 116—133.
3. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 20.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Т. 38.
5. Очерки истории техники в России. М., 1973.
6. Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1898.
7. Соловьева А.М. Развитие паровой энергетики в промышленности России в XIX в. / История СССР. 1978. № 2.
8. СССР. Энциклопедический справочник. М., 1982.
9. Ширшов С.В. Ленинско-сталинская электрификация СССР. М.; Л., 1951.

Г.В.Дятлова

г.Самара

*Самарская государственная академия
культуры и искусств*

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ХОДЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Революционные события 1917 года остаются предметом дискуссий и методологических поисков в современной историографии. В ходе диалога различных исторических школ все больше исследователей рассматривают события февраля—октября 1917 года как единое историческое явление со множеством компонентов. Расширение источниковой базы сопровождается появлением новых оригинальных подходов к событиям революционного времени. Современное звучание проблема получила взаимоотношений власти и общества, в том числе на региональном материале [14].

После свержения самодержавия в России и провозглашенных гражданских свобод происходит политизация массового сознания в условиях общественной эйфории. Общественные перемены оказывают большое влияние на культуру, условия ее существования и развития. После февральских событий образованное общество возлагало большие надежды на то, что различие между сознательным и стихийным в революции может быть преодолено через народное просвещение и демократическую практику. Революционная эпоха рождает новую эстетику, появляются адекватные формы и методы культурно-просветительской работы. В целом же уровень политической культуры провинциального населения был невысок, обывателю было

сложно разобраться в стремительно меняющейся политической ситуации. Необходимы были разъяснительные беседы в связи с распадом Российской империи, действиями на фронте, решениями Временного правительства и другими событиями 1917 года. Активную позицию в этом вопросе занимает земство, накопившее к тому времени более чем полувековой опыт работы.

После Февральской революции земские учреждения пережили реорганизацию на демократических началах. На состоявшемся в апреле в Самарской губернской управе особом совещании, были высказаны предложения исключить из числа гласных представителей дворянства, удела, духовенства, государственных имуществ [1]. В обстановке революционного взрыва и намеченной реформы земских учреждений меняются условия и содержание их культурно-просветительской работы. Важнейшим направлением в деятельности земства в 1917 году становится просвещение. В июне на заседании культурно-просветительской комиссии губернского земства была утверждена программа курсов для политического просвещения жителей губернии. Среди утвержденных тем наиболее актуальным считались история освободительного движения и Февральская революция; Учредительное собрание; правовое государство, права человека и гражданина; автономия и федерация; политические партии; местное самоуправление; избирательное право и техника выборов. Для работы курсов старались всеми силами привлечь солидные лекторские кадры как из Петрограда и Москвы, так и местные. Большую помощь лекторам оказывали популярные издания, в том числе «Библиотека свободы», включающая брошюры о происходящих в России событиях [2].

Не осталось в стороне от политического просвещения и нерусское население Самарской губернии. За счет земства летом 1917 г. были открыты двухнедельные и четырехнедельные педагогические курсы для мусульман в целях подготовки к Учредительному собранию. В бюро по организации курсов от губернского земства вошли член управы А.Ф.Валяев и заведующий отделом образования Т.Т.Гребенников [3].

Наряду с земскими учреждениями, вопросам повышения политической культуры широких масс населения уделяли внимание многочисленные общественные объединения и политические партии. Гражданская активность городского населения выразилась в создании широкого спектра массовых организаций. После свержения самодержавия повсеместно наряду с советами рабочих, солдатских, крестьянских депутатов появляются многочисленные и разнообразные по форме революционно-демократические объединения. Рабочее движение сформировало свои профсоюзы, фабрично-заводские комитеты, Красногвардейские отряды, милицию. В Казанском военном округе, в состав которого входила территория Самарской губернии, действовали солдатские комитеты, а также землячества, национальные объединения, военно-крестьянские советы и союзы. В Самаре было отделение мусульманского социалистического комитета, имевшее тесные связи со своим казанским центром. В крестьянской среде преобладали различные низовые комитеты (земельные и др.). Система революционно-демократических организаций в 1917 г. стала ареной межпартийной борьбы по всем злободневным вопросам: о власти, войне и мире, земле, 8-часовом рабочем дне, национальном самоопределении и т.д. В исследовательской литературе по данной теме основное внимание сосредоточено на политической и социально-экономической деятельности этих массовых объединений, проблеме взаимоотношений общества и власти. Между тем культурно-просветительную работу и большевики, и их идейные противники активно использовали как средство политического воздействия на массы с целью привлечь их на свою сторону. Одним из основных центров такого влияния стал Самарский совет рабочих депутатов. Обращение о выборах было принято 1 марта на совещании представителей политических партий. Решено было его ядро избрать на массовых митингах, которые прошли 2 марта. На следующий день было сформировано бюро совета во главе с меньшевиком И.И.Рамишвили. Большие разногласия вызвал вопрос о создании рабочих клубов и их функциях. Большевики позиционировали их в качестве пропагандистско-политических учреждений, меньшевики были против, однако, под давлением рабочих и солдат решено было учредить пять клубов [13]. Не менее острая идейная борьба проходила в профсоюзах и фабрично-заводских комитетах Самары. В марте—мае 1917 г. на большинстве предприятий города были организованы фабзавкомы, выросшие из стачечных комитетов и тесно связанные с профсоюзами. Одним из первых был сформирован комитет трубчатого завода (председатель Н.М.Шверник). Деятельность фабзавкомов в области культуры заключалась в проведении лекций-митингов, оказании шефской помощи по созданию библиотек и изб-читален в селах губернии и др. Активно использовались культурно-просветительные мероприятия для поддержки забастовочного движения самарских рабочих. Так, 17 мая 1917 г. по инициативе центрального бюро профсоюзов состоялась лекция-митинг «Текущий политический момент». В качестве лектора выступила С.И.Дерябина, а чистый доход в пользу бастующих составил 235 руб.30 коп. [16]. По примеру центра самарские большевики критиковали меньшевистскую теорию «нейтральности» профсоюзов, ограничивающую деятельность организаций рабочих экономическими и культурно-просветительными вопросами. Вместе с тем, большевики использовали различные учреждения культуры, создаваемые профсоюзами и фабзавкомми, для политической агитации и пропаганды. Как правило, такими площадками были клубы, привлекавшие не только рабочих, но и служащих, представителей интеллигенции, ремесленников, мелких торговцев. Здесь можно было услышать призывы к революционному выходу из мировой войны и другие программные лозунги РСДРП (б), критику «революционного оборончества». Некоторые члены профсоюзов мукомолов и железнодорожников наладили связь с солдатскими клубами, где распространяли большевистские газеты, вели запись солдат в военную организацию при самарском комитете РСДРП (б). После июльского кризиса 1917

года, когда массовые организации подверглись репрессиям, культурно-просветительная работа использовалась как средство конспирации. Под видом экскурсий членов профессионального общества «Игла» на берегу реки Татьянки проводились собрания по важнейшим политическим вопросам. Что касается солдатских объединений самарского гарнизона, то интересна динамика их развития. Судя по протоколам ротных комитетов 102 пехотного запасного полка и 3-ей запасной артбригады, весной—летом 1917 г. в их работе преобладали вопросы бытового характера и спецподготовки (68%). Культурно-просветительная работа занимала не более 3%. После корниловского мятежа на первый план выдвигается политическая деятельность низовых солдатских организаций. Наибольшее внимание культурно-просветительной работе уделяли землячества, которые проводили концерты, лекции-митинги, организовывали работу читален, солдатских клубов и т.п. В тесном контакте с советом рабочих и солдатских депутатов работало также отделение мусульманского социалистического комитета. В его составе была секция литературных вечеров и концертов, которая занималась организацией досуга среди татар. Большевики активно использовали все каналы своего влияния. К октябрю 1917 г. их популярность в массовых организациях неуклонно растет, а меньшевики и эсеры теряют авторитет и влияние среди рабочих и солдат Самары [15, С. 5—8].

В деле просвещения масс участвовали не только светские, но и духовные организации. В начале июля в Самаре в здании епархиального училища открылся съезд членов союза священников местной епархии. Один из учредителей союза священник Альбокритонов с воодушевлением говорил о том, что духовенство получило возможность организовать и более целенаправленно просвещать деревню [5]. Немало интересных и полезных начинаний в масштабе города и губернии было сделано в этот период в сфере образования. С большим энтузиазмом местная общественность и власть готовилась к открытию в Самаре университета. Образовательным курсам для взрослых был придан характер народного университета. В сентябре состоялось открытие научно-популярного отделения городского народного университета по программе общеобразовательной школы [9]. Накануне нового учебного года в отделе народного образования при губернском земстве полным ходом шла работа по проведению в жизнь мероприятий по внешкольному образованию населения губернии, намеченных на чрезвычайном земском собрании. Приоритетное значение имело устройство изб-читален или народных чтений. За счет губернского земства в 1917 году было открыто в Бугульминском уезде 130 читален, Бугурусланском — 196, Самарском — 130. Летом в каждый из уездов Самарской губернии разослали по 5,5 тыс. рублей на поддержание старых и организацию новых изб-читален. Вопрос об «инородческом» образовании был признан земством одним из первостепенных. В столичных газетах опубликовали соответствующие объявления о приглашении заведующего отделом инородческого образования при губернской управе. На внешкольное собрание губернскому земству был разрешен заем в 150 тыс. рублей [6].

Помимо внешкольного образования много внимания уделялось развитию профессионального обучения в губернии. Так, Самарское уездное земское собрание на своем заседании 28 августа в первую очередь заслушало доклад по данному вопросу. Было решено ассигновать 5 тыс. рублей на организацию в текущем году классов ручного труда в начальной школе. В этот же день рассматривался вопрос о церковно-приходских школах. Все церковно-приходские школы были приняты в ведение земства [8]. В июле—августе 1917 г. в Самаре и губернии в целом открылось много новых учебных заведений, полным ходом шла подготовка к учебному году. Учащиеся и учителя создавали свои объединения, профессиональные союзы. Еще весной, в мае, в Самаре прошел губернский учительский съезд. «Школа должна быть демократичной и единой», — такова основная революция съезда. В июне состоялся всероссийский съезд железнодорожных учителей. На нем обсуждались проблемы дошкольного образования, единой общеобразовательной школы, а также общие основы предполагаемой школьной реформы. Споры вызвал вопрос о начальном возрасте для обучения. Большинство участников съезда высказали мнение, что в школу следует принимать детей не с 8-ми, а с 7-летнего возраста [4].

Несмотря на летние каникулы, сами учащиеся проявили стремление к организации различного рода просветительных комитетов, образовательных курсов. «Долой каникулы!» — таким был лозунг сознательных учащихся того времени. Горячий отклик среди них нашел призыв учить народ грамоте. Представители ученических организаций и воинских частей гарнизона совместно обучали солдат грамоте. Особые дружины из учащихся работали в тесном контакте с полковыми просветительными комитетами. Наряду с этим создавались ученические сельскохозяйственные дружины для работы в деревне. Кроме участия в полевых работах предполагалась пропаганда агротехнических знаний, ликвидация неграмотности среди крестьян Самарской губернии. Дружинников ничуть не смущало отсутствие практических навыков в сельскохозяйственном деле. Так, местная газета «Волжское слово» сообщала о предстоящем 19 июня собрании дружинников, которые поедут в село Рождествено для практического ознакомления с полевыми работами на участках крестьян. Благородный порыв помочь крестьянам в их нелегкой жизни, продемонстрировать единство с народом в революционную эпоху был побудительным мотивом молодежи [2]. Губернский совет крестьянских депутатов неоднократно обращался к горожанам с просьбой изыскать средства на книги и брошюры для крестьян.

Вместе с новыми формами культурно-просветительной работы, обусловленными развитием революционных событий 1917 года, в Самаре сохранялись привычные для обывателя культурные развлечения, места проведения досуга. По-прежнему в городском театре в 1917 году можно было посмотреть спектакли

гастролирующих трупп, например, «Русской оперетты» О.Карениной, петроградского театра З.В.Холмской, опер Д.Х.Южина или А.Н.Дракули, «Соединенного товарищества еврейских артистов». Спешно заканчивали ремонт местного театра и подготовку к открытию нового сезона. В Народной консерватории, давались симфонические концерты, проходили вечера романса, волжской народной песни, гастролы известных вокалистов и музыкантов, в том числе зарубежных. В театре «Олимп» с аншлагом проходили гастролы московского «Театра дерзаний и парадоксов», во время представлений которого писатель Анатолий Каменский читал доклад «Социализация красоты» [7]. Помещения многих самарских театров стали местом проведения различного рода съездов, собраний, лекций, митингов. Популярны были благотворительные вечера, спектакли. С благотворительной целью регулярно организовывались и народные гулянья. Любимым местом отдыха горожан стал Струковский сад. Сбор от платных гуляний, как правило, шел на просветительские нужды. По сообщению корреспондента одной из местных газет «большим успехом пользовались лотереи и «же-тэ», а в конце гулянья был продан с аукциона портрет А.Ф.Керенского за 99 руб.» [4]. Владельцы увеселительных заведений предлагали развлечения на любой вкус. К услугам любителей цирковых представлений были варшавский цирк, русско-итальянский цирк с бенефисом Карло Милано. Октябрьские события 1917 г. совпали с открытием в цирке А.Чинизели мирового чемпионата по французской борьбе. Осенью местный яхт-клуб делегировал двух своих представителей (Киттера и Иванова) в бюро Поволжского Олимпийского комитета. Спортивная общественность Самары с нетерпением ждала встречи двух футбольных команд — городской сборной и игроков из Ивашенково. На ипподроме проходили традиционные рысистые бега, не позволяя скучать азартным зрителям [10].

Отвлечься от насущных проблем, неуверенности в завтрашнем дне, смутной тревоги помогал обывателю «великий немой» — синемаграф. В репертуарах самарских электротеатров «Художественный», «Триумф», «Колизей», «Фурор» преобладали душераздирающие мелодрамы типа «Страсть», «Мертвые молчат», «В сетях бандита», «Опасный возраст», «На что способен мужчина», «Слезы бедных матерей». Демонстрировались и картины с участием великих актеров отечественного и мирового кино. Постепенно события общественной жизни получают художественное осмысление и к осени 1917 г. на экраны выходят такие картины, как «Люди греха и крови, или Величайшие события революции», «Царь Николай Второй. Народная трагедия в 5-ти частях» [11]. В целом, культурная жизнь Самары, несмотря на экономический кризис и политическую нестабильность, была насыщенной и традиционно разнообразной. Именно в это «смутное время» было решено открыть при городском музее особый отдел по истории Самары и самарской старине [9].

По мере нарастания общественного кризиса осенью 1917 г. резко ухудшаются и материальные условия деятельности земств. Сокращается финансирование, что приводит к сворачиванию культурно-просветительской работы земских учреждений. Уездные земства шлют отчаянные телеграммы в губернские органы о том, что в связи с отсутствием средств вынуждены закрывать школы, больницы и другие земские учреждения. Призывом о помощи звучало обращение Самарской губернской земской управы к ряду учебных заведений города одолжить стулья педагогическому институту «ввиду начала занятий в нем 6 ноября» [17]. Октябрь 1917 года стал переломным в судьбе земства. В 1918 г. земские учреждения были упразднены декретом советского правительства. Следует отметить, что в период власти Комуча земства также владели жалкое существование. Безысходное положение самарского земства в этот период красноречиво характеризует телеграмма председателя управы А.Ф.Валеева, адресованная Комучу 28 июля 1918 г.: «Финансовое положение земства критическое. Касса пуста. Жалование служащим не платим. Много голодают. Приостанавливается культурно-хозяйственная жизнь земства. Если не будет экстренной помощи, закроются больницы школы, милиция, почта... Повторяем: положение отчаянное» [18]. Земства внесли неоценимый вклад в дело просвещения и образования народа. Трудно не согласиться с мнением автора газетной публикации 1917 г., считающего, что «если бы мы тратили на местное самоуправление не копейки, а десятки рублей, удалось бы избежать многих потрясений. Каждый затраченный рубль на культурные преобразования возвратится сторицей» [12].

Культурно-просветительная работа стала одним из средств формирования политической культуры населения в условиях революции. Самарская губерния была одним из эпицентров этой революционной борьбы. Различные политические силы и общественные организации в 1917 году активно использовали культурно-просветительную деятельность как средство политического воздействия на различные слои населения с целью привлечь их на свою сторону.

Литература

1. Волжское слово. 1917.11 апр.
2. Волжское слово. 1917.14 июня.
3. Волжское слово. 1917.24 июня.
4. Волжское слово. 1917.25 июня.
5. Волжское слово. 1917.9 июля.
6. Волжское слово. 1917.11 июля.
7. Волжское слово. 1917.29 июля.
8. Волжское слово. 1917.27 авг.

9. Волжское слово. 1917.3 сент.
10. Волжское слово. 1917.24 окт.
11. Волжское слово. 1917.12 сент.
12. Волжское слово. 1917.2 дек.
13. Известия Самарского совета рабочих депутатов. 1917.12 марта.
14. Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002.
15. Октябрь в Самаре. Куйбышев, 1957.
16. Приволжская правда. 1917. 17 мая.
17. ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1136. Л. 219.
18. ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 1121. Л. 24.

И.А.Зварцев
г.Владимир

Владимирский государственный университет им. Н.Г. и А.Г.Столетовых

СИСТЕМА ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ А.И.ДЕНИКИНА

В конце 80-х годов XIX века в Российской империи для комплектования армии офицерами существовали военные училища двух типов: военные и юнкерские.

Военные училища имели однородный состав по воспитанию и образованию, т.к. «комплектовались они преимущественно юношами, окончившими кадетские корпуса» [2, С. 227]. Они выпускали своих питомцев офицерами во все рода войск в чине подпоручика корнета.

Юнкерские училища предназначались для молодых людей «со стороны» и открывали свои стены для вольноопределяющихся всех категорий и всех сословий. Огромное большинство поступавших не имело законченного среднего образования. «Это обстоятельство придало училищам характер второсортности, питомцев их ограничивало в правах выпуска и в обществе создало им репутацию неудачников» [2, С. 227]. Между тем, в этой категории встречалось немало людей, избравших военную карьеру по призванию, способных и достойных. Множество юношей приводила в юнкерское училище классическая система образования и греко-латынь. «В период 1872—1890 годов из русских гимназий было исключено за малоуспешность 63—79% первоначально поступивших учеников, немалое число их шло в полки вольноопределяющимися, потом в юнкерские училища» [2, С. 227]. В юнкерские училища поступало еще небольшое число сверхсрочных солдат-фельдфебелей и унтер-офицеров пехоты и артиллерии. До поступления в училище лица без законченного среднего образования должны были прослужить в войсках в течение года. Курс училища был двухлетний; программа — меньшая по объему, чем в военных.

Юнкерские училища выпускали своих питомцев в пехоту-подпрапорщиками и в кавалерию-эскадронными юнкерами. Эти чины «до производства в офицеры находились в довольно неопределенном бытовом и служебном положении. В одних полках их принимали в офицерскую среду всецело, в других с известными ограничениями» [2, С. 228].

В 1888 году было создано училище 3 типа «Московское юнкерское училище с военно-училищным курсом». Программа наук в нем была та же, что и в военных училищах, такие же права, и принимались туда «только вольноопределяющиеся с законченным высшим или средним образованием; для первых был установлен одногодичный курс, для вторых — двухгодичный» [2, С. 229]. В 1890 году из-за наплыва желающих военное ведомство открыло военно-училищные двухгодичные курсы при Киевском пехотном юнкерском училище, а в 1892 году при Елисаветградском кавалерийском. К 1896 году военно-училищные курсы дали армии «2531 офицера, из которых 344 — с университетским образованием» [2, С. 229]. Как отмечалось в отчетах, курсы успели создать себе добрую репутацию в армии, где их питомцы высоко ценились по развитию, знанию службы и безупречному поведению.

В 80-х годах XIX века соотношение выпускаемых из военных и юнкерских училищ было 26% и 74%, а в 1890-х годах — 45% и 55%. В 1901 году юнкерские училища подверглись коренному преобразованию. В них помимо более строгих условий приема, был введен трехлетний курс, «дававший возможность не только пройти военные науки полной программе военных училищ, но и закончить среднее образование» [2, С. 230]. Юнкеров стали выпускать подпоручиками или корнетами.

С 1907 года военное ведомство приступило к окончательной ликвидации юнкерских училищ, постепенно вводя в них военно-училищный курс. Реформа закончилась в 1911 году, когда все училища стали военными. «Шморгонские академии» — так иронически назывались в военной среде дореформенные юнкерские училища-отошли в прошлое.

В отношении своего содержания офицерские питомцы были поставлены далеко не одинаково. Особой роскошью оно отличалось в Пажемском корпусе. В конце 90-х годов XIX века «содержание военного

училища стало казне 233 тыс. рублей в год, военно-училищных курсов — 160 тыс. рублей, а юнкерского училища еще дешевле» [2, С. 241]. В 1910 году, когда училища подравнивались в программах и правах, «средняя стоимость содержания выпущенного офицера при двухлетнем курсе составляла 2583 рубля — норма не только достаточная для постановки дела, но и превышавшая тогдашнее содержание немецкого и французского юнкеров» [2, С. 242].

И юнкера, и училищные офицеры в 80—90-х годах XIX века числились в своих полках и носили полковые формы. Обмундирование юнкера, в противоположность военным училищам, получали солдатские, из интендантства, после небольшой пригонки в училищной мастерской (швальне). С 1897 года в училище была введена однообразная форма и вполне приличное обмундирование училищного изготовления. Начальство мирилось с ношением собственной одежды, если она была форменной, но некоторые дежурные офицеры бывали чрезмерно придирчивы.

В кавалерийских училищах, особенно в Николаевском, существовало традиционное подразделение юнкеров на «корнетов» (старший класс) и «зверей» (младшие), причем в обычае было «подтягивание», «цукань» или извод «корнетами» «зверей». Иногда «цук» принимал формы истязания или глумления над человеческой личностью. На этой почве происходили иногда крупные столкновения, заставлявшие вмешиваться начальство.

В пехотных училищах «цука» не было. Смеялись иногда над молодыми юнкерами, называя их «козерогам», «подтягивали штатских» там, где преобладающим элементом были кадеты — но в пределах уставных требований. К новичкам относились, в основном, покровительственно.

Начальство из юнкеров — отделенные (шишки), взводные (капралы) и фельдфебели находились в нелегком положении. Они были сильно связаны училищными традициями и отправляли свои начальнические функции по двум уставам: официальному и неписаному юнкерскому. На службе должностные юнкера отдавали распоряжения, делали замечания и выговоры. Но докладывать по начальству неписаный устав разрешал им лишь в тех случаях, когда другого выхода не было, когда нарушались общеюнкерские интересы, и нарушение порядка вменялось в вину обоими уставами — писаным и неписаным. Многие должностные юнкера с большим тактом несли свою трудную службу «между молотом начальнических требований и накопительней юнкерских традиций» [2, С. 264].

Вся атмосфера, распорядок жизни, постоянный труд, традиции училища, общеофицерские традиции командного состава; все эти прямые и косвенные влияния «составляли объективную систему, военный уклад и психологию, сохранявшие живучесть и стойкость не только в мире, но и в войне, в дни великих потрясений, великих искушений, крушения идеалов» [1, С. 268].

То разногласие, которое существовало во взглядах на служебную роль офицеров Генерального штаба, отражалось и на предназначении Николаевской Академии Генерального штаба. До 90-х годов XIX века Академия служила исключительно для комплектования корпуса генерального штаба, а в 1893 году получила задачу «развития высшего образования среди офицеров армии» [2, С. 134]. Через несколько лет, впрочем, вернулись к прежней системе, а в 1909 году Академии вновь поставили двойственную цель — подготовка офицеров строевых частей и для комплектования Генерального штаба.

В конце 50-х годов XIX века почти одновременно появились на горизонте русской военной науки два светила — Леер и Драгомиров. Первый был специалистом в области стратегии и философии войны, второй — в области прикладной тактики, воспитания и образования войск. Под их влиянием воспитывалось несколько поколений офицеров Генерального штаба, и без преувеличения можно сказать, что их идеи воплощались на полях сражений в трех кампаниях: турецкой, японской и мировой.

Мытарства поступающих в Академию начинались с экзаменов при окружных. Просеивание этих контингентов было следующим: «держало экзамен при округах 1500 офицеров; в Академию на экзамены являлось 400—500; поступало 140—150; на 3-ий курс обучения переходило 100; причислялось к Генеральному штабу 50. то есть после отсеивания оставалось всего 3,3%» [1, С. 65].

В Академию разрешалось поступать по истечении трех лет офицерской службы, и это было для большинства нормальным сроком. Шли, конечно, более честолюбивые и любознательные, имевшие благие намерения и достаточную волю, чтобы побороть инерцию армейской жизни, не слишком располагавшей к серьезному самообразованию. При таком отборе странным и неожиданным было откровение Главного управления Генерального штаба, которое в 1907 году выделило следующие недостатки у поступающих:

- Слабая грамотность, грубые орфографические ошибки;
- Слабое общее развитие, плохой стиль, отсутствие ясности мышления, недисциплинированность ума;
- Крайне слабые знания в области истории, географии, недостаточное литературное образование, детская оценка исторических событий;
- Крайне слабое общее развитие и низкий уровень общего образования.

Эти недочеты свидетельствовали о кризисе всей русской средней школы. В общем, в 90-х годах XIX века Академия стремилась повысить уровень общего образования своих слушателей введением соответствующих курсов, повысила приемные требования, побуждая офицерскую молодежь к самообразованию.

Приемный экзамен в Академию был страдной порой. Помимо лихорадочного зубрежа и бессонных ночей, «приходилось высиживать на экзаменах чужих отделений, чтобы ознакомиться с требованиями экзаменаторов, т.к. при бешеном конкурсе многое зависело от простой случайности» [2, С. 142]. Офицеры, даже пожилые, превращались на время в школьников, с их психологией, приемами, с их ощущениями страха и радости.

Академическое обучение продолжалось три года. Первые два года — слушание лекций, третий год — самостоятельные работы в различных областях военного дела, защита трех диссертаций, достававшихся по жребию. Теоретический курс был очень велик и кроме большого числа военных предметов перегружен и общеобразовательными: языки, история, международное право, славистика, государственное право, геология, высшая геодезия, астрономия и сферическая геометрия. Этот курс, «по соображениям государственной экономики, втиснутый в двухгодичный срок, был едва посилен для обыкновенных способностей человеческих» [1, С. 65].

В 90-х годах в Академии назревал кризис и в области офицерского быта. В 1893 году была осуществлена идея превращения Академии в военный университет. Число мест в академии было увеличено более чем вдвое. После двухлетнего основного курса часть обучавшихся, имевших высший балл по конкурсу, поступала на «дополнительный курс» (разработка и защита трех диссертаций). Все офицеры, окончившие дополнительный курс, поступали в корпус Генерального штаба. Остальные, получив академический знак и некоторые служебные преимущества. Должны были возвращаться в строй, чтобы повысить общий уровень военного образования в войсках и служить в них проводниками новейших требований военного искусства. С 1897 года все офицеры, окончившие двухлетний курс по первому разряду, переходили автоматически на дополнительный курс. А отбор в Генеральный штаб производится по конкурсу уже после окончания полного курса наук.

Таким образом, офицеры, вышедшие из Академии, разделялись на две бытовых, далеко не равноправных группы: причисленные к Генеральному штабу и все остальные, прошедшие двух и трехлетний курс. К 1914 году высшие командные должности занимало подавляющее число лиц, вышедших из Генерального штаба: 25% полковых командиров; 68—77% начальников пехотных и кавалерийских дивизий; 62% корпусных командиров. Кроме того, недостаточность содержания в петербургских условиях (81 рубль в месяц), конкурс, свирепствовавший в академической жизни, придавали учебе в Академии характер подлинной борьбы за существование.

Литература

1. Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990.
2. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2006.
3. Венков А.В., Шишов А.В. Белые генералы: Корнилов, Краснов, Деникин, Врангель, Юденич. Ростов н/Д, 2000.
4. Исторические портреты: Корнилов, Деникин, Врангель / Сост. А.С.Кручинин. М., 2006.
5. Черкасов-Георгиевский В.Г. Вожди белых армий. Смоленск, 1999.
6. Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Деникин. Смоленск, 1999.

В.В.Калинов
г.Москва

Российский государственный университет нефти и газа им. И.М.Губкина

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРНЫХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Формирование национальной инновационной системы (НИС) России требует решения, по меньшей мере, двух взаимосвязанных задач: совершить рывок к инновационной экономике и вплотную приступить к осуществлению глубокой социальной политики. Значительная роль при этом принадлежит формированию и воспроизводству кадров для научно-технической сферы, способных не только быстро адаптироваться к изменениям технологии, но, в первую очередь, генерировать идеи и их реализовывать.

В процессе становления концептуальных принципов государственной политики в сфере кадрового обеспечения национальной инновационной системы Российской Федерации представляется правомерным выделить в качестве рубежного 2002 г., когда были приняты «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу». В нем были определены такие важнейшие направления развития государственной политики, как: развитие фундаментальной науки, совершенствование государственного регулирования, построение национальной инновационной системы, сохранение и развитие кадрового потенциала, интеграция науки и образования.

В 1990-е годы, хотя и определились такие перспективные траектории развития научно-технической сферы как концентрация ресурсов на приоритетных направлениях науки и техники, адресная поддержка непосредственно ученых и научных групп, создание системы внебюджетных фондов и государственных научных центров, модернизация высшей технической школы, в целом государственная политика в отношении развития научно-технического комплекса отличалась бессистемностью, непоследовательностью, декларативностью, концептуальной слабостью, неэффективностью управления. Одним из главных препятствий для формирования последовательной, реалистичной и ответственной политики явились глубокие противоречия между руководством страны, органами исполнительной, законодательной власти, субъектами научно-технического комплекса по вопросам финансирования (распределение бюджетных средств, в том числе прозрачность этого процесса) и управления (централизация или децентрализация). Так, на парламентских слушаниях в ГД ФС РФ по теме «Научно-техническое законодательство и проблема управления сферой исследований и разработок в РФ и странах ОЭСР» в октябре 1995 г., явственно проявились принципиально разные, зачастую, полярные позиции среди организаций научно-технического комплекса в отношении процесса реформ в целом и их необходимости, в частности. Формирование государственной политики в этой сфере происходило в условиях острого противоборства структур, одни из которых ставили своей целью лоббирование интересов научного сообщества, другие — выражали интересы ограниченных групп. Вопрос о степени участия государства в реформировании и регулировании научно-технической сферы вызывал наиболее острые дискуссии [1, С. 90—98].

В этот период наблюдалась интенсивная «утечка умов», широкое распространение приобрела вторичная занятость.

Количественное снижение работников научной сферы сопровождалось качественными изменениями в их составе. С конца 2001 г. в структуре человеческих ресурсов в научной сфере обозначились такие проблемы, как возрастной и квалификационный дисбаланс, сокращение численности ученых среднего возраста, трансформация процесса так называемой «утечки умов» в «маятниковую миграцию».

В первое десятилетие XXI в. модернизация системы подготовки научных и инженерных кадров в области науки и технологий оказалась в ряду первоочередных задач государственной инновационной политики. На правительственном уровне были также утверждены «Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года», ряд федеральных целевых программ.

Между тем, эксперты фиксируют несколько минусов новой инициативы правительства: во-первых, лаборатории могут создаваться только в высших учебных заведениях, что свидетельствует о смещении приоритетов власти в пользу постепенного переноса науки в вузы, а, следовательно, финансовых ресурсов и основных программ поддержки науки; во-вторых, выделяя вузы в качестве приоритетной группы поддержки науки, государство не вносит изменений в структуру и объем педагогической нагрузки профессорско-преподавательского состава, что лишает возможности полноценно заниматься научной деятельностью [4, С. 12].

В рассматриваемый период не претерпела существенных изменений тенденции, обозначившаяся в научно-технической сфере в 90-е гг. XX в., — значительное сокращение численности исследователей и инженерно-технических работников, профессорско-преподавательского состава вузов на фоне обесценивания социального статуса научно-технической интеллигенции, роста динамики «маятниковой миграции», отсутствие мотивации у выпускников вузов посвятить себя науке в своей стране, активизация процесса «утечки умов» среди молодых ученых, квалификационная и демографическая деградация; отсутствие целенаправленной государственной стратегии по регулированию мобильности научных и педагогических кадров.

В российской науке произошел, по сути, разрыв поколений, что является основой для новых кризисов в этой сфере. Существующая нехватка ученых среднего возраста практически невозможна, а заполнить эту нишу за несколько лет практически невозможно, даже направив в науку крупные инвестиции. В результате в России наибольшая доля профессионального научного труда приходится на поколение 45—60 лет, и это является одной из причин крайне низкой инновационной активности в среде академических естественнонаучных учреждений, которые призваны, на самом деле, занимать лидирующее положение в инновационном процессе.

В современный период наблюдается плавное снижение численности кадров в научной сфере на фоне усиления стратификации в российском исследовательском мире, роста динамики «маятниковой миграции», а также активизации «утечки умов» среди молодежного контингента ученых.

В 2000-е гг. интеллектуальная эмиграция приобрела новые черты. Если в 90-е гг. она, в основном, носила этнический и трудовой характер, то в настоящее время становится профессиональной. Уезжают математики, физики, программисты, — представители всего спектра специальностей, связанных с биотехнологией, специалисты сферы разработок в нефтяном бизнесе, генетики и т.д., то есть специалисты, которые интересуют страны-реципиенты, но должны быть востребованы в своей стране, провозгласивший инновационный путь развития. Так, только в 2009 г. страну покинуло около 6100 ученых и научных специалистов [7], в 2012 г. — 50% эмигрантов едут делать карьеру, 20% — студенты, которые едут учиться на Запад с желанием остаться там [5].

Между тем, «утечка умов» в России носила и продолжает носить не только внешний характер, но и внутренний — уход ученых в другие сферы деятельности. Усиливающаяся асимметрия между предложением труда инженера и падающим спросом на их услуги стимулировала массовую профессиональную мобильность работников с инженерно-техническим образованием. Общая численность занятых в промышленности — основном потребителе инженерного труда — сократилась за последние десятилетия почти вдвое, опустившись до отметки 20% от числа занятых [3, С. 182—186, 206].

Кризисная ситуация в сфере формирования и воспроизводства высококвалифицированных кадров для научно-технической сферы дополняется фактическим отсутствием работоспособной модели непрерывного образования. Этой проблеме, в частности, был посвящен «круглый стол» в Государственной Думе РФ, проходивший под эгидой Комитета по образованию 9 апреля 2009 г. Председатель Комитета Г.А.Балыхин констатировал, что охват непрерывным образованием в нашей стране не превышает 22,4%, в то время как, например, в скандинавских странах он составляет от 50 до 90% [2, 210б].

Таким образом, в настоящее время в сфере воспроизводства кадрового потенциала научно-технического комплекса продолжают сохранять свою остроту и нерешенность следующие проблемы: недостаточная проработанность государственной политики в сфере сохранения и развития научно-технического потенциала и отсутствие последовательности в ее реализации; глубокая деформация возрастной структуры кадров, следствием которой явился квалификационный и профессиональный регресс в развитии научно-технического сообщества в целом; отсутствие мотивации у выпускников вузов посвятить себя науке в своей стране, ориентация на эмиграцию или практическую реализацию в бизнесе или сфере услуг; отсутствие целенаправленной государственной стратегии по регулированию социальной мобильности кадров; переплетение спроса на низко- и высококвалифицированный труд; смещение интересов от технических в сторону экономических, гуманитарных профессий и др.

Условия и механизм воспроизводства интеллектуального капитала являются одним из наиболее сложных и важных направлений инновационной политики, так как эксперты прогнозируют уже в ближайшее время в случае сохранения нынешних негативных тенденций в развитии наукоемкого сектора экономики практическое исчезновение специалистов высокой квалификации как социальной группы в Российской Федерации [6, С. 54].

Функциями государственной кадровой политики являются: содействие миграции населения, обеспечение занятости населения, разработка и реализация социальных программ, стимулирование заинтересованности регионов в мобилизации деятельности трудовых ресурсов региона; на региональном уровне кадровая политика призвана стимулировать предпринимательскую активность, обеспечивать подготовку и переподготовку кадров, развитие производственной и социальной структуры, необходимый баланс на рынке труда, социальные гарантии населения; на местном уровне обеспечивается работа учреждений социальной сферы, промышленности и сферы услуг; формируется кадровая политика использования кадрового потенциала организации.

Основой формирования кадровой политики в настоящее время является инновационная стратегия. Научно-техническая новизна, спрос, реализуемость — три главных свойства инновации. В рыночных условиях способна развиваться лишь та система, которая способна к инновационным изменениям. Необходимым условием является также квалифицированная поддержка инновационной деятельности, обеспечивающая в очень большой степени эффективное продвижение новаций и устойчивый экономический рост.

Очевидно, что важнейшими направлениями кадровой составляющей инновационной политики РФ на современном этапе формирования НИС, являются: аккумулирование западного и отечественного положительного опыта; создание творческих коллективов для обеспечения прорывов в приоритетных направлениях; синтез вузовской, академической и отраслевой науки; подготовка менеджеров и структур, способных обеспечить трансфер технологий и защитить интеллектуальную собственность; создание системы образования, адекватной требованиям XXI в., то есть «длинною в жизнь».

Литература

1. Архив Государственной Думы Федерального Собрания РФ (Архив ГД ФС РФ). Ф. 10100. Оп. 2. Д. 696.
2. Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 15 п-5. Д. 65.
3. Гимпельсон В.Е. и др. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // Экономический журнал ВШЭ. 2009. Т. 13. № 2.
4. Дежина И.Г. Большие проекты как стимул инновационного развития России // Инновации. 2010. № 6(140).
5. Новое поколение россиян иммигрирует в Канаду и Австралию: бегут от хамства и бардака. URL: <http://www.mr7.ru/articles/62902/>.
6. Рожков Г.В. Региональные зоны роста инновационной экономики: Дис. ... д-ра. эконом. наук. М., 2009.
7. Сохранение и развитие интеллектуального потенциала нации — необходимое условие развития информационного общества в России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2010. № 16 (402). URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2010/VSF_NEW201008051902/VSF_NEW201008051902_p_007.htm.

О ПРОТИВОРЕЧИВОМ ХАРАКТЕРЕ КОНЦЕССИОННЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЭТОЙ СФЕРЕ В ГОДЫ НЭПА

С самого начала реализации новой экономической политики Советское государство стремилось использовать частный капитал для восстановления хозяйства и, одновременно, ограничить частную инициативу. В.И.Ленин требовал, чтобы «...государственный капитализм в пролетарском государстве не мог и не смел выходить из рамок и условий, определенных ему пролетариатом, из условий, которые выгодны пролетариату» [3]. Этой цели должны были служить и концессии.

Исследователи справедливо оценивают политику в отношении концессий как весьма противоречивую: с одной стороны, неоднократно подчеркивалась их полезность, государство обязывалось устранить препятствия экономического и административного порядка, мешавшие работе иностранного капитала в СССР [1], с другой — постепенно усиливались антиконцессионные настроения, вызванные угрозой конкуренции концессии для государственных предприятий, их высокой прибылью (30% в обрабатывающей промышленности) [10, С. 201].

Базовым нормативным документом, определявшим основы деятельности концессий, стал Декрет СНК РСФСР «Об общих экономических и юридических условиях концессий» от 23 ноября 1920 г. [2, С. 39]. Декрет оговаривал сохранение в полной неприкосновенности суверенитета страны, ограничивал возможность предоставления концессионеру широких монопольных прав, ориентировал его на деятельность в рамках советских законов. Также предусматривались такие меры, как вознаграждение концессионера долей произведенного им продукта с правом вывоза за границу; льготы и преимущества для концессионеров, использующих новейшие достижения науки и техники при организации производств, ввозивших предметы механического оборудования приисков, рудников; установление твердых норм государственных и прочих налоговых платежей; понижение пошлин для иностранных товаров; сроки концессионных соглашений, позволяющие возместить затраченный концессионером капитал; гарантии имущества концессионеров от какого-либо отчуждения государством; право найма советских рабочих и служащих; недопустимость одностороннего изменения правительством условия концессионного договора. Между тем, предпринимателей отпугивали чрезмерные налоги и пошлины, разоренная войной экономика, деятельность ЧК, самоуправство чиновников. Советская сторона постоянно настаивала на переходе концессионных предприятий на внутреннее сырье и одновременно тормозила снабжение их этим сырьем, что вело к перерывам в работе фабрик. Широко применялись административные меры для устранения конкуренции концессионных предприятий на внутреннем рынке сбыта. Было много препятствий и при переводе валюты за границу. Очень сложными были отношения концессионеров с профсоюзами, проодивших антиконцессионную пропаганду среди населения. На общих собраниях советских предприятий профсоюзные и партийные организации предлагали пользоваться товарами исключительно государственных фабрик [5, С. 205].

Декретом ВЦИК и СНК от 8 марта 1923 г. создавался Главный Концессионный Комитет (ГКК) при СНК. Доля государственных средств в совокупном капитале концессий колебалась от 30% (текстильная промышленность) до 60% (металлообработка). К разряду концессии относились так называемые смешанные общества (СО), которые получили развитие, в основном во внешней торговле. На долю СО приходилось около 7% общего объема экспорта и импорта. Наивысшего развития концессионная форма достигла к 1928/29 хозяйственному году. Ведущую роль в обрабатывающей промышленности играли концессии: АСЕА, выпускающая электродвигатели (Швеция), СКФ, выпускающая шарикоподшипники (Швеция) [7, С. 52]. Однако доля концессий в совокупных инвестициях в экономику страны не превышала 1%, в производстве промышленной продукции равнялась 0,6%, предметов потребления — 0,3%, средств производства — 1,2%, в валовой продукции горной промышленности — 3% [10, С. 200].

К началу 1923/24 г. имелось лишь 47 концессий, причем число промышленных концессий было меньше, чем в сфере сельского хозяйства, торговли, лесного дела, но предложений было больше. В числе промышленных концессий было шесть в области обрабатывающей промышленности, три — в горно-промышленной и две — в нефтяной [9, С. 113,114]. В 1921/22 — 1922/23 гг. благодаря заключению концессионных договоров для развития промышленности удалось привлечь примерно 70—75 млн. рублей [6, 105]. В целом по СССР в 1925/26 г. была подана 461 заявка на концессию, но заключено всего 26 договоров, в 1926/27 г. — соответственно 231 и 8, 1927/28 г. — 152 и 4. На 1 октября 1927 г. числилось 68 концессий, из них работало только 55 [5, С. 208].

К концу 1926 г. функционировало 45 промышленных концессий, их доля в общем объеме промышленной продукции была небольшой. В ряду причин незначительного развития этой формы предпринимательства

комиссия под председательством А.И.Рыкова выявила излишнюю осторожность при заключении концессионных договоров; чрезмерные требования, выдвигаемые перед соискателями концессий; затягивание переговоров; недоверчивое, враждебное отношение местных органов; преувеличенные требования профсоюзов в вопросах зарплаты и т.д. [4, С. 20]. 16 июня 1926 г. Политбюро ЦК партии одобрило резолюцию, подготовленную комиссией Рыкова по вопросам концессионной политики, и приняло решение о расширении концессионной политики, необходимости проявления самостоятельной инициативы в выдвижении объектов концессии, организации наблюдения над действующими концессиями, реорганизации ГКК. Создавалось 2 новых отдела (экономический и наблюдательный), расширялся информационный отдел [8, С. 96]. Л.Д.Троцкий, который в это время занимал пост Председателя Главконцесскома, являлся членом Политбюро, членом Президиума ВСНХ, Начальником Главэлектро, Председателем НТО, Председателем ОСО по качеству продукции, был главой комиссии по Днепрострою [8, С. 98], отвергал многие из замечаний и полагал подобную стратегию правильной: «Как свидетельствует вся история нашей концессионной политики, переговоры по крупным концессиям тянутся очень долго, по причинам, которые лишь в малой степени зависят от Главконцесскома, — писал он в Политбюро ЦК ВКП(б) 12 октября 1926 г. — За 1925 г. Главконцесском рассмотрел 233 концессионных предложения, за 8 месяцев 1926 г. — 400 предложений. Число находящихся в разработке крупнейших предложений очень значительно (среди общего количества свыше 200 концессионных дел, которые находятся на рассмотрении Главконцесскома и ведомственных концессионных комиссий)» [8, С. 97]. Троцкий резюмировал: «Такого количества крупных и серьезных дел, какое имеется в ГКК в настоящее время, за все предшествующие годы не было и в отдаленной степени». Более того, концессионеры, предложения которых были ранее отвергнуты, вновь выходили с новыми проектами [8, С. 98].

Анализ научной литературы и архивных документов позволяет сформулировать вывод о том, что концессии, особенно в нефтяной сфере, играли весьма значительную роль во внешней политике и были предметом острых дискуссий в руководстве страны. Так, например, весьма жаркие споры разгорелись о предоставлении концессии французской компании «Омниум». Г.В.Чичерин направил в июне 1923 г. письмо И.В.Сталину и Г.Л.Пятакову, обращая их внимание «на громадную политическую важность, которую в данный момент имело бы соглашение с французскими нефтяниками... Этот прорыв враждебного фронта найдет себе подражателей не исключительно в отношении продажи нашей нефти, но в отношении добычи нефти» [8, С. 15]. Он подчеркивал «громадную политическую важность, которую имело бы в данный момент соглашение с французами. Это будет великолепным ударом против политики Керзона» [8, С. 16].

М.М.Литвинов основывался на заключениях С.В.Косиора (начальника Грознефти) и Госплана об отсутствии экономической необходимости сдачи нефтяных концессий иностранцам. Он, в частности, писал о том, что нефтяной вопрос играл первостепенное значение в русской политике великих держав: «В июне 1923 г. Литвинов убеждал в письме всех членов ПБ ЦК РКП(б) и Пятакова: «Объектом самых страстных воцелений является Кавказ и его нефть. Я считаю, что западная буржуазия не станет больше тратить крупных сумм на интервенцию как таковую или же на поддержку польско-румынских авантюров. На что у буржуазии окажется достаточно средств, и на что она охотно эти средства будет тратить, это на финансирование освобождения от Советской власти и овладение нефтяными источниками... Нефть является самым крупным козырем в нашей игре с международной буржуазией, и мы должны его разыграть с максимальной политической выгодой... Идя на крупные уступки в нефтяном деле и разыгрывая нашу лучшую карту, мы не можем удовольствоваться торговым соглашением вроде английского, а добиваться полного дипломатического признания» [8, С. 16—17].

И.Т. Смилга также считал, что это вопрос не экономический, а политический: «С точки зрения Российской промышленности, по нашему мнению, эта концессия является нежелательной (подчеркнуто в тексте — К.К.). ...Если бы результатом этой концессии явилось бы признание России Францией de jure или что-нибудь в этом роде, тогда, конечно, возражений против сдачи фирме «Омниум» лучшего участка Грозненских месторождений не могло бы быть» [8, С. 9].

Однако заметим, что нефтяные концессии принесли Советской России и весьма значительную экономическую выгоду. В этой связи представляет интерес еще один архивный документ — письмо Начальника ГКК Г.Л.Пятакова от 2 июня 1923 г., и отражающего во многом суть политики большевиков в отношении частного капитала в целом: «Для меня не подлежит ни малейшему сомнению, что «вообще говоря» всякая концессия является для нас нежелательной, что мы идем на концессионирование тех или иных предприятий только ввиду того, что государственный капитал у нас еще слишком слаб и процесс накопления государственного капитала еще далеко не совершается тем темпом, который позволил бы нам обойтись без накопленного уже частного капитала. Разумеется, если говорить о многих годах, то процесс внутреннего накопления дает нам возможность в конце концов обойтись без частного капитала. Однако, весь вопрос в темпе развития и привлечения частного капитала наряду с государственным, значительно увеличивает скорость развития наших производительных сил и тем самым усиливает процесс накопления» [8, С. 47]. В период НЭПа западные нефтяные компании — «Бритиш Петролеум», «Стандарт Ойл», американская «Барн-сдалл», а также итало-бельгийские, японские, германские и некоторые другие компании получили нефтяные концессии на добычу и экспорт советской нефти. Они сыграли решающую роль в значительном увеличении производства нефти. Концессионеры, в частности, помогли реализовать знаменитый план ГОЭЛРО.

Таким образом, политика привлечения иностранного капитала в нефтяное дело в России в форме концессий оказалась весьма эффективной, способствовала развитию конкуренции в отечественной отрасли. Но настойчивое вытеснение рыночных отношений привело и к свертыванию концессионной политики. Концессии как хозяйственная форма не встраивались в директивную экономику СССР, их передача наркоматам была предопределена и означала их ликвидацию. Исключение составляли японские концессии на Сахалине, функционирование которых продолжилось до 1944 г.

Литература

1. См.: Донгаров А.Х. Иностраный капитал в России и СССР. М., 1990.
2. Иностранные концессии в СССР (1920—1930-е гг.): документы и материалы // Серия «Отечественный опыт концессий». Т. II / Под ред. проф. М.М.Загоруйко; Сост.: М.М.Загоруйко, В.В.Булатов, А.П.Вихрян, О.В.Иншаков, Ю.И.Сизов, Т.В.Царевская-Дякина. М., 2005.
3. Ленин В.И. ПСС. М., 1970. 5-е изд. Т. 45. URL:<http://www.uaio.ru/vil/45.htm>.
4. Лютов Л.Н. Обреченная реформа. Промышленность России в эпоху нэпа. М., 2002.
5. Немчанинова М.А., Булдыгерова Л.Н. Концессии как форма привлечения иностранного капитала (Из опыта концессионной политики на русском Дальнем Востоке в 20-е годы XX века) // Вестник ТОГУ. 2012. № 3(26).
6. Орлов В.И. Концессионная практика СССР // Социалистическое хозяйство. 1923. № 6—8.
7. Осьмова М., Студов О. Иностраный капитал у нас новое, хорошо забытое старое? // Коммунист. 1989. № 2.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп.2. Д.453.
9. Социалистическое хозяйство. 1923. № 6—8.
10. Федулов Ю.К. Государственное хозяйствование в России первой трети XX века (системный анализ): Дис. ... д-ра экон. наук. М., 2001.

В.Я.Мауль

г. Нижневартовск

*Нижневартовский филиал Тюменского государственного
нефтегазового университета*

ЗАГАДОЧНАЯ БОЛЕЗНЬ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА (ОБ ОДНОМ КАЗУСЕ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XVIII СТОЛЕТИЯ)

О болезни Е.И.Пугачева, поразившей его незадолго до провозглашения себя «царем-батюшкой Петром III», историкам известно достаточно давно. О ней неоднократно писали уже дореволюционные исследователи, а в наиболее развернутом виде сообщается в монографии Н.Ф.Дубровина [6, С. 133—134].

Не обошли вниманием пугачевскую хворь и советские ученые, среди которых самую подробную картину заболевания нарисовал В.И.Буганов [4, С. 11—12].

Поскольку все приведенные в литературе сведения восходят к показаниям самого Пугачева в Яицкой секретной комиссии и на «большом» допросе в Московском отделении Тайной экспедиции Сената, предоставим слово первоисточникам. Из них мы узнаем, что в ходе русско-турецкой войны после успешного взятия крепости Бендеры, когда 2-я армия генерала П.И.Панина отошла на зимние квартиры, находившийся в ее рядах Пугачев «был весьма болен, и гнили у него грудь и ноги» [7, С. 130].

Поэтому в составе казачьей сотни его отпустили на родину с целью побывки, но здесь «болезнь моя не умалилась, а умножилась». По наступлению срока возвращения, Пугачев «собрал свою команду и прямым трактом пошел на реку Донец. А перешед оной, увидел, что по причине своей болезни ехать никак не мог». Тогда, наняв вместо себя казака Михаила Бирюкова, «весьма будучи болен, приехал в дом свой и лежал с месяц», «болен ногами и грудью, кои у него, как и выше он показал, гнили без мала год» [7, С. 58—59, 130].

По подсказке навещавших его авторитетных земляков, обеспокоенных затяжным характером недуга, Пугачев через войсковую канцелярию безрезультатно попытался получить полную отставку от службы, однако в действующую армию все равно не вернулся. Заявив о намерении «на своем коште лечитца», он отказался от рекомендованной госпитализации, и, вняв совету домохозяйки, прибег к средствам народной медицины, «покупая [баранье] лехкое, три дни к ногам прикладывал, от чего и стало ему несколько лехче» [7, С. 131].

Вот, по сути, все известные ученым данные о продолжительной немощи Пугачева. Лапидарные и косвенные упоминания о ней можно еще найти в рассказах о встрече со своими первыми сторонниками на Яике, когда отметины «на груди под титьками после бывших у него, Емельки, от болезни ран» он успешно выдал за «царские знаки» [7, С. 159].

Интересно, что с началом пугачевских приключений будущий «надежа-государь» внезапно «исцелился», хотя на первый взгляд ничего примечательного в этом известном факте нет — поболел, да и перестал. И все же любопытный казус заслуживает пристального внимания, поскольку некоторые историки, анализируя ситуацию, попытались именно болезнь Пугачева представить в виде некоей ключевой развилки отечественной истории, когда ее ход, якобы, мог повернуться в другую сторону.

Не будучи фанатиком инвариантного понимания прошлого, признаю, что в какой-то конкретный момент действительности могут существовать различные альтернативы, и победу любой из них нельзя считать заранее предопределенной. Она обусловлена действием комбинации различных факторов, но в значительной степени — исторической случайностью, например, «внезапной смертью вождя, бездетным браком» или чем-то подобным [10, С. 143].

При этом очевидно, что в контрфактическом моделировании следует придерживаться предельно строгих рамок и правил, дабы не превращать серьезную познавательную процедуру в бессмысленное, хотя и увлекательное гадание на «кофейной гуще». Отнюдь не любой факт и эпизод прошлого могут рассматриваться в качестве своеобразной точки бифуркации.

Имея в виду сказанное, отметим малопривлекательную версию историка В.И.Лесина, будто «все и началось» с отрицательной позиции атамана С.Д.Ефремова: «А получи Пугачев отставку, не вышел бы из него «великий государ». Да и история России могла бы принять совсем другой вид: на многое повлиял раздутый им пожар — политику правительства, литературу, общественную мысль, дела и поступки людей [11, С. 96].

Категорически не соглашусь с такой оценкой последствий решения войскового начальства, да и сама вероятность иного вердикта вызывает сомнение. Словами беседовавшего с Пугачевым казачьего есаула источники недвусмысленно дезавуируют историческую значимость выбора донской администрации: «Да на што тебе отставка? Вить кали ты болен, так тебя на службу не пошлют, а кали выздоровеишь, так отставить нельзя» [7, С. 131].

Далее мы видим, что не добившись искомого, Пугачев вовсе не почувствовал себя сколько-нибудь связанным полученным отказом и преспокойно поехал в Таганрог, ибо «захотелось ему повидатца с сестрою его родною Федосьей Ивановою» [7, С. 131]. Очевидно же, что полное освобождение от службы едва ли внезапно охладило бы его родственные чувства. С отставкой или без нее он все равно отправился бы в судьбоносную поездку, тем более что и okazия была вполне подходящей: от Черкаска до Таганрога путь намного короче, чем от родной Зимовейской станицы. А ведь именно исход этого визита и положил начало многочисленным странствиям, тюремным сидениям, удачным побегам, исполнению роли «третьего императора» и вождя восставших, которые, в конце концов, привели Пугачева на эшафот.

Иначе попытался подойти к проблеме альтернативности Н.Я.Эйдельман. Рассуждая о возникновении Пугачевщины, он вроде бы резонно предположил, будто недуг Пугачева зашел настолько далеко, что тот «чуть не помер. Шел 1771 год. До начала великой крестьянской войны остается два года с небольшим; но будущие участники и завтрашний вождь, конечно, и во сне не могли ничего подобного вообразить ... Если б одолела болезнь Пугачева — как знать, нашелся бы в ту же пору равный ему «зажигальщик»? А если б сразу не объявился, хотя бы несколькими годами позже, — неизвестно, что произошло бы за этот срок; возможно, многие пласты истории легли бы не так, в ином виде, и восстание тогда задержалось бы или совсем не началось. Вот сколь важной была для судеб империи хворость малозаметного казака» [16, С. 99].

Будущая бунтарская биография в тот момент еще вполне законопослушного служаки изображается здесь зависящей не от исхода ходатайства в столице Войска Донского, а от состояния здоровья, тревожась о котором Эйдельман сформулировал теоретически допустимую экзистенциальную дилемму: жизнь или смерть. Однако информационная лаконичность источников не позволяет воссоздать полную клиническую картину заболевания. Потому нет ясности и четкости в вопросе о степени его тяжести, на самом ли деле летальный исход был настолько вероятен.

Более того, до сих пор неизвестно, чем Пугачев, вообще-то говоря, болел, какая именно напасть одолевала его больше года. Вопрос почему-то обойден специальным историографическим вниманием. Было предпринято лишь несколько попыток диагностировать, то туберкулез кожи (скрофулез), то увязать острое недомогание с эпидемией чумы, вспыхнувшей на театре боевых действий русско-турецкой войны, но оба диагноза представляются поверхностными и неудачными.

Согласно медицинским показаниям, при туберкулезе кожи, действительно, наблюдаются внешне похожие на пугачевские болячки поверхностные язвочки «с мягкими краями, зернистым, легко кровоточащим дном, окруженным ободком инфильтрата, в зоне которого отчетливо выявляются бугорки», причем иногда «воспалительные явления становятся более выраженными, очаг покрывается корками, при инфицировании — гнойными». При этом для нашего казака очень важно, что наиболее часто «язвенные формы встречаются на слизистых или на участках кожи, граничащих с ними», а также на шее и лице больного. К тому же, заболевание редко бывает смертельным, хотя оставляет на теле заметные следы в виде рубцов [2, С. 275—279; 9, С. 493—495; 13, С. 79—80; 15, С. 672—678].

Поскольку очаги гнойного поражения находились у Пугачева на груди и ногах, полагаю, едва ли это был туберкулез кожи, но в любом случае, видим, что опасностью для жизни он не грозил.

Версия о чумной болезни Пугачева представляется не более обоснованной, нежели предыдущая. Впрочем, об эпидемии, распространившейся в наших войсках, современникам было хорошо известно. Хотя Екатерина II «категорически опровергала носившиеся уже в Европе слухи о чуме в русской армии», масштабы потерь в ее рядах были буквально катастрофическими. Учитывая понесенный урон, даже «можно думать, что чума замедлила ход наступательных операций». Так, только в Яссах от нее умерло «несколько тысяч солдат; из зачумленного госпиталя болезнь перекинулась в город, где люди умирали прямо на улицах». Да и

в других местах положение наших войск было очень тяжелым: «Эпидемия чумы проявлялась также в Брайлове, Измаиле и Бендерах» и т.д. [5, С. 119—121].

Речь идет о так называемой бубонной чуме, которая является наиболее распространенной формой этого заболевания. Как правило, симптомы «черной смерти» проявляются в виде резкого повышения температуры тела до критических отметок, падения артериального давления, бредовых галлюцинаций нередко эротического содержания, нарушения координации и спутанности сознания. Воспалительный процесс «быстро нарастает», образуется «чумной бубон», возвышающийся «над поверхностью кожи». Затем он «вскрывается и выделяется густой зеленовато-желтый гной, в котором может содержаться возбудитель. На месте вскрытия бубонов возможно образование обширных изъязвлений». При отсутствии или запаздывании оперативного лечения, характерно «быстрое развитие инфекционно-токсического шока и комы. Болезнь продолжается не более 1—3 дней с летальным исходом; случаи выздоровления редки» [8, С. 167; 14, С. 287].

При такой клинической картине понятно, что в случае заражения бубонной чумой, Пугачев, останься он живым, был бы тотчас изолирован и госпитализирован. Ни о каком отпуске на родину говорить бы не пришлось, т.к. военное командование, пытаясь пресечь распространение эпидемии, предпринимало все необходимые для этого карантинные меры. Но какая-то болезнь с ним действительно приключилась, поэтому, как полагаем, «от греха подальше» его и предпочли командировать домой, тем более что на фронте наступило временное затишье.

Сравнение внешних признаков кожных заболеваний с описанным самочувствием Пугачева дает основание высказать догадку, что у него была одна из форм пиодермии — это «гнойничковые болезни кожи, вызываемые гноеродными микроорганизмами», возможно, — гидраденит или эктима. В первом случае на коже «появляется болезненный инфильтрат величиной с горошину, увеличивающийся в размерах», кожа вначале сохраняет обычную окраску, затем становится красной, синюшно-красной или синюшно-багровой ... Центральная часть размягчается, вскрывается и из полости гнойничка выделяется сливкообразная масса. Наблюдается вскрытие одних абсцессов и заживление других». Для оценки пугачевского диагноза показательным, что гидраденит «обычно располагается в подмышечных ямках, вокруг сосков груди, пупка, половых органов и заднего прохода», может иметь «рецидивное течение процесса» и оставляет после себя «втянутые рубцы», а, допустим, схожая по симптомам эктима, «часто встречается на голених, реже — на ягодицах и туловище» [2, С. 262—264].

Известно, что множественное скопление гнойников (абсцессы) является показателем ослабления иммунитета, предвестником или результатом простуды, и всегда сопровождается воспалительной реакцией — сильно повышается температура, бывают повторяющиеся приступы лихорадки. Причем, даже у излечившегося от болезни человека, гнойники еще некоторое время все равно будут появляться, пока иммунитет полностью не уравнивает микробы. Из источников видно, что заболевание Пугачева протекало по похожему сценарию.

Если наше предположение верно, тогда многое в загадочной болезни и в самом поведении в те несколько ключевых месяцев его жизни с весны до осени 1771 года становится понятным. Зная мюнхгаузенскую репутацию будущего вождя бунтовщиков, допускаем правоту проницательного суждения историка Дж. Александра, будто «выздоровление шло так медленно» потому, что, «кажется, отчасти он сам тянул время» [1, С. 33].

Надо полагать, в массовой нервной обстановке в армии, вызванной эпидемией чумы, Пугачев намеренно преувеличил масштабы своих страданий, чтобы избавиться от надоевшей службы — добиться отставки официальным путем, а не получится, тогда самовольно: «После выздоровления ему снова бы пришлось отправиться на войну, вновь рисковать жизнью и быть разлученным с семьей, а длительное лечение означало скуку и потерю дохода. Поэтому был только один путь — побег» [1, С. 34].

Предложенный нами диагноз объясняет и быстро наступившее от прикладывания к зараженным местам «из убитых баранов лехких» выздоровление. До сих пор в народной медицине животные жиры регулярно используются при кожных заболеваниях, а бараний жир считается эффективным средством именно для лечения жировиков. Он способствует удалению гноя из ран и их заживлению [3, С. 168, 178—179].

Видимо, так случилось и с Пугачевым, после чего, почувствовав облегчение, он отправился к сестре в Таганрог. «Служильный период его биографии завершился, наступало время странствий» [12, С. 269].

Литература

1. Александр Дж.Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773—1775 гг. Уфа, 2011.
2. Арифов С.С. Клиническая дерматология и венерология. Ташкент, 2008.
3. Большая энциклопедия народной медицины. М., 2008.
4. Буганов В.И. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 1987.
5. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (материалы и очерки). М., 1960.
6. Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники: эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II. СПб., 1884. Т. 1.
7. Емельян Пугачев на следствии: Сборник док-тов и матер. М., 1997.

8. Инфекционные болезни: учебник для студентов медвузов / Под ред. Н.Д.Ющука, Ю.Я.Венгерова. М., 2011.
9. Каламаркян А.А., Мордовцев В.Н., Трофимова Л.Я. Клиническая дерматология: Редкие и атипичные дерматозы. Ереван, 1989.
10. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.
11. Лесин В.И. Силуэты русского бунта. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
12. Мыльников А.С. Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002.
13. Томилов А.Ф. Атлас клинической медицины: Внешние признаки болезней. М., 2011.
14. Турьянов М.Х., Царегородцев А.Д., Лобзин Ю.В. Инфекционные болезни. М., 1998.
15. Фицпатрик Т., Джонсон Р., Вулф К., Полано М., Сюрмонд Д. Дерматология: атлас-справочник. М., 1996.
16. Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. Прекрасен наш союз. М., 1991.

Н.В.Пискунов

г.Волжский

Волжский гуманитарный институт (филиал) ВолГУ

СЕЛО ВЕРХНЯЯ АХТУБА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Дискуссионным вопросом волжского краеведения на протяжении многих лет остается история села Верхняя Ахтуба во время Гражданской войны, так как наличие братской могилы тех времен в памятном месте современного г.Волжского, и скудность исторического материала о событиях тех кровавых и голодных лет в истории Заволжья оставляют множество невыясненных фактов.

С началом революции и Гражданской войны население Заволжья стремилось получить социально-экономические свободы, землю и определенные политические свободы. В 1918 г., когда к Царицыну быстрыми темпами продвигались отряды белогвардейского генерала К.К.Мамонтова, прозвучал призыв об оказании поддержки городу. В Заволжье появились продовольственные отряды (продотряды), целью которых было постоянное снабжение Царицына и прилегающих к нему районов хлебом и продовольствием. В селе Верхняя Ахтуба был организован продотряд, однако он встретил массовое сопротивление со стороны зажиточных хозяев, бывших купцов и их сторонников. Они организовывали постоянный саботаж хлебопоставок для Царицына, срывали отгрузку зерна на правый берег Волги. Ввиду необходимости концентрации всех экономических ресурсов в руках большевиков и началом «военного коммунизма» в 1918 г. в Заволжье начала действовать продразверстка — основным требованием ее было изъятие излишков хлеба по принципу: у кулаков все, у середняков — немного, у бедняков — ничего [1, Л. 1]. В результате этой политики произошел огромный социально-экономический разрыв между зажиточными крестьянами-производителями, у которых отбиралось практически все, и крестьянами-бедняками, которые были освобождены от продразверстки и сами активно принимали участие в операциях по реквизиции продовольствия. В результате крестьяне из сел Верхняя Ахтуба, Средняя Ахтуба, Заплавное, Погромное, Пришиб (ныне — районный центр — г.Ленинск), Владимировка (ныне — г.Ахтубинск), Сасыколи и Харабали, недовольные властью большевиков организовывали вооруженные банды, укрывавшиеся в глухих степных хуторах (на месте современных поселков Звездный, Коммунар, Путь Ильича и Маяк Октября). Некоторые банды по численности достигали нескольких сотен человек, были вооружены различным стрелковым оружием, а также пулеметами на тачанках. Сельские кулаки из сел Верхняя Ахтуба и Пришиб поддерживали бандформирования, укрывали, снабжали продуктами, лошадьми, повозками [2, Л. 2]. Нередко приходилось сберегать реквизированный хлеб от бандитских налетов. Так, погиб продотряд, возглавлявшийся уполномоченным ЧК по заготовке продовольствия Спиридоном Даниловичем Красновым. Осенью 1918 г. отряд Краснова смог отправить 25 тысяч пудов хлеба в Царицын. Во время очередной отгрузки хлеба для Царицына крупный бандитский отряд в 35—40 сабель напал на продотряд. После боя пятерых оставшихся в живых продотрядовцев бандиты связали и сбросили в колодец [3, л. 1].

Летом 1919 г., подходя к Царицыну, войска барона П.Н.Врангеля захватили с. Верхняя Ахтуба, а в конце сентября 1919 г. при отступлении белогвардейцы совершили вооруженный рейд по селу, убили начальника почтово-телеграфного отделения и заместителя председателя подпольного волостного комитета РК ВКП(б) И.П.Казначеева и волостного комиссара подпольного ЧК В.И.Петрина. В память о погибшем большевике Казначееве названа одна из улиц п.Рабочего в г.Волжском.

В 1920 г. в Верхней Ахтубе возникла первая в Заволжье сельскохозяйственная артель, куда вошли 12 крестьянских хозяйств. Однако, в результате бандитского нападения погиб организатор артели — Иван Иванович Юдин. Сегодня о тех событиях напоминает братская могила, находящаяся рядом с картинной галереей г.Волжского. В 1975 г. там был установлен монументальный обелиск работы скульптора П.Л.Малкова.

К 1921 г. социально-экономическая ситуация в регионе обострилась до предела из-за постоянных налетов степных банд, грабежей мирного населения. 18 мая 1921 г. члены РКП(б) Заплавинской ячейки Ленинского уезда

Царицынской губернии А.Нагорнов, С.И.Баранов, Нармынский, Фадеев, Илларионов и Пономарев написали письмо В.И.Ленину о бандитизме. Текст письма был следующий: «Нет возможности дальше терпеть, а посему мы решили Вам написать несколько слов и просим принять, как святыню от честных работников, членов РКП(б) Заплавинской комячейки Ленинского уезда Царицынской губернии: мы, коммунисты, стоя на страже интересов трудящихся рабочих и крестьян в течение четырех лет, как честные борцы за идею коммунизма и социализма, измученные, голодные, раздетые, холодные, мы, коммунисты, энергично отражаем всевозможные набеги, как в прямом смысле степных банд — партизан, вооруженных, так и тех, которые сидят в мягких креслах и диктуют. Кто же? — Те, кому не дороги интересы трудящихся, ибо они далеки от них, как бывшие учредилловцы на деле, и как примазавшиеся, присосавшиеся к Советской власти, целиком стоящие на стороне степных партизан, оперирующих в Астраханской степи, что в Царицынской губернии, через мелкую сошку бандиты получают оружие и снаряжение, и мы, коммунисты, за 4 года революции слышали от них вечно одно «НЕТ». Из докладов предгубчека видно, что банды в Ленинском и Николаевском уездах ликвидированы, но по мнению нашему — только во дворе губчека, а в степи банды разгуливают с каждым днем все больше и больше, что видно из того, что верхи делают доклады о ликвидации банд, а в сущности эти бандиты грабят бедняков, граждан, убивают честных работников, коммунистов, делают набеги не только в ночное время, но даже и днем. Семенной хлеб у бедняков-граждан отбирался, что важно для банды партизан, а лозунг центра с начала весны 1921 г.: «засеять все поля, ни одного клочка незасеянной земли». Граждане-бедняки, сочувствующие соввласти, были обобраны, ободраны, избиты до полусмерти, со слезами на глазах просят поддержки у нас, низов, а мы бессильны, ибо верхи нам не верят, что мы на местах каждую минуту можем расстаться с жизнью от рук бандитов-партизан и их приспешников, а губернский город окружен гарнизоном в 60 тыс. человек, при таком гарнизоне легко можно делать доклады и громко кричать, что банды ликвидированы. Спрашивается, кем? А позвольте, господа-учредилловцы, вас спросить: куда девались вагоны с хлебом и вообще с семенами для обеспечения полей Ленинского уезда? А нам отвечают, что там — в Сибири, Кавказе, Ставрополе и прав бессмертный баснописец Крылов своею басней, а «воз и ныне там». Дорогой учитель и Великий вождь пролетариата всего мира тов. Ленин, можно ли работать при таких условиях, с такими. с позволения сказать, г.г. которые нам не верят и беспощадно нас карают и бросают в тюрьму за справедливость, торжество пролетариата, что является основанием постановления 8-го Всероссийского съезда Советов параграф 6, который гласит за то, чтоб велась беспощадная борьба с бюрократизмом. Но в нашей губернии, кроме бюрократизма, бандитизма, приверженцев учредилки, мало хороших, дельных работников, честно и верно идущих по намеченному пути, как Карлом Марксом, так и Вами, тов. Ленин. И вот, тов. Ленин, все эти, как мы сказали, г.г., приезжают на места по уезду с широчайшими мандатами, по старой привычке кричат, требуют от нас, голодных, босых, раздетых, а они разодетые во всевозможные цвета френчи, галифе, лакированные сапожки, требуют записками с посылными местными то масла органического, то мяса, то рыбы, а если этого не имеется, то у граждан по приказанию, вроде мол разверстки или налога, а местные граждане обвиняют нас, коммунистов, что мы грабители, обидчики, злодеи, богохульники, не почитаем старших и т.д. А если возьмем губернские учреждения, в особенности губЧЕКА, политбюро: кто там? Да те лица, как выразился Помяловский, — бывшие дьячки, подьячие с маленьким образованием, прошедшие или не прошедшие курсы и позасели в мягких креслах, а наш брат пролетарий опять их охраняет, этих бывших недоучек. Когда же будет действительно сидеть наш брат-пролетарий с мозолистыми руками, понимающий с одного слова психологию крестьян и рабочих, о той опасности, какую переживает весь наш Ленинский уезд. Ведь им хорошо плевать с 15-го этажа на нас, находящихся внизу. Немало примеров, что нас даже не принимали по особо важным и экстренным делам или же играют с нами в прятки, или же в чехарду, как хотите, от одного стола к другому, третьему, провожают из одной комнаты в другую, из этажа в этаж. Что же мы достигли 17 Октября? Те же щи, только в другой чашке. Ведь вся эта бюрократия хороша только для сравнения, скажем: если дерево шатается корнями, то вся крона его зеленая пропадет. Не так ли и здесь? Если низы заколышутся, то что же останется от этих верхов? — ничего. Нет, тов. Ленин, не можем не указать на те ненормальности, каковые наблюдаются нами среди состава, выезжающих в степи по поручению того или другого органа и что же мы видим: с побрякушками, с чужими вещами не могут расставаться. Мы плачем над подобными невоспитанными товарищами. Настоящий доклад вызван следующими соображениями. Во-первых, массовыми арестами партийных работников на местах высшими инстанциями, угроза тюрьмами, подвалами, скептицизм к партии, прогрессирующие явления бандитизма, увеличивающимся количеством с каждым днем, абсолютный бюрократизм губернских учреждений, где не найдешь ни конца, ни начала. Много лиц в губернии с незавидным прошлым, которые проявили себя в дни нашествия денкинских банд, а посему мы покорнейше просим Вас, дорогой учитель и вождь коммунизма, принять меры к ограждению нас, коммунистов, членов РКП(б) Заплавинской ячейки от г.г. учредилловцев, в противном случае мы вынуждены покинуть ряды коммунистической партии и затеряться среди граждан РСФСР. Дорогой учитель и вождь тов. Ленин, на все изложенное имеем обоснованные материалы, которые по первому требованию будут предоставлены» [4, Л. 2—8].

В ответ на данное письмо власти предприняли меры в конце 1921 г., и тогда в Царицынской губернии было покончено с бандитизмом и начала осуществляться новая экономическая политика — нэп. Укрупнились сельскохозяйственные артели, возникли первые, слабые предпосылки для организации колхозов.

Время Гражданской войны стало переломным для развития с. Верхняя Ахтуба и районов Заволжья, появились партийные ячейки, агитбригады, материальная поддержка от руководства Царицынской губернии. Однако, из-за многочисленных трудностей и лишений в 1917—1922 гг., разрушения экономического и хозяйственного уклада, население Заволжья не принимало большевистских идей, и зачастую применяло тактику «тихого саботажа» [5, Л. 15] решений местных органов власти, что оставило отпечаток в социально-экономическом развитии с. Верхняя Ахтуба.

Литература

1. Брыкин А. В час противостояния // Волжская правда. 1987. 7 ноября. Л. 1.
2. Некозырной А. Неизвестная война. После окончания Гражданской войны крестьяне Заволжья взяли за оружие // Неделя города. 2001. 17 мая. № 20(33). Л. 2.
3. Юдин В.Н. Имена на граните // Волжская правда. 1984. 5 января, Л. 1.
4. Письмо Великому вождю, тов. Ленину В.И. от членов РКП(б) Заплавинской ячейки Ленинского уезда Царицынской губернии. 18 мая 1921 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 50, Оп. 1., Д. 18. Л. 2—8.
5. Письмо Великому вождю, тов. Ленину В.И. от членов РКП(б) Заплавинской ячейки Ленинского уезда Царицынской губернии. 18 мая 1921 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 50, Оп. 1., Д. 18. Л. 15.

Ю.Н.Смирнов

г. Самара

Самарский государственный университет

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРЕССА О ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

Русская периодическая печать, как и общество в целом, живо реагировало на новости внешней политики и особенно международных военных конфликтов начала XX в., пусть даже это касалось событий, в которые Россия напрямую не вмешивалась. К числу острых тем, которые волновали жителей страны, относились и Балканские войны 1912—1913 гг. Они указали на самую болевую точку в Европе, ее «пороховой погреб», каким оказался Балканский полуостров. Из этого региона и предстояло в недалеком будущем разгореться пожару Первой мировой войны [10, С. 30—48].

Балканским войнам посвящена обширная литература. В ней есть и работы, посвященные реакции русского общества на эти события. Среди трудов, которые вышли в последние годы, можно встретить и отдельные статьи на данную тему [9, С. 73—76], и авторов, подготовивших ряд публикаций различного формата и объема, которые вылились в результате в кандидатские [4] или докторские диссертации [8]. Основным источником при написании работ об общественных откликах в России на Балканские войны или разделов по указанной теме в более общих трудах стали материалы прессы. Исследователи достаточно подробно анализировали этот источник, вскрывая политические интересы и силы, которые стояли за газетными и журнальными публикациями. Признавая ценность проделанной ими работы и обоснованность ряда выводов, отметим, что полнота раскрытия заявленной темы в имеющейся литературе еще недостаточна.

Во-первых, речь в упомянутых трудах идет, прежде всего, о политической борьбе, о позиции партийных руководителей, о высказываниях на страницах нескольких наиболее влиятельных изданий различной идейной направленности. Так, Д.С.Брыков верно обратил внимание на то, что Е.Г.Кострикову интересовали в основном отношения крупных газет с Министерством иностранных дел в периоды внешнеполитических кризисов, включая Первую балканскую войну [4, С. 8].

Во-вторых, работы, говорящие об «обществе» или «общественном мнении» в период Балканских войн, имеют, как правило, в виду столичную среду. Об отношении к войне в провинции, о мнениях по ее поводу рядовых жителей, об отношении основной массы населения России говорится очень мало. Влияние разгоревшегося рядом с границами страны вооруженного конфликта на повседневность российской глубинки почти не рассматривалось.

В-третьих, в вышеуказанных трудах делаются несколько односторонние выводы о том, что отношение русского общества к Балканским войнам проявлялось в исчерпывающем круге позиций, определенных идейными и политическими пристрастиями. По мнению Ю.М.Мороза, широкий политический блок умеренно-правых, националистов и октябристов отразил господствующее в обществе стремление к славянскому

единству и защите общеславянских интересов, разумеется, в том виде, как их понимали правоцентристские силы. С этими взглядами перекликается позиция Е.Г.Костриковой. Она, правда, расширяет круг сторонников российской опеки над славянством за счет либералов, оставляя вне пределов этого круга только крайне правых националистов — сторонников союза с Германией и левых радикалов (социал-демократов и трудящихся), которые «использовали любую возможность, чтобы разоблачать империалистическую и захватническую, с их точки зрения, политику» [8, С. 28]. Е.Г.Кострикова все же старалась выйти из чисто социологических и политологических умозаключений в область общественной психологии. Она сочла, что «в период Балканских войн произошел перелом в настроениях части русского общества — была пройдена черта, за которой угроза мировой войны уже не казалась катастрофой» [8, С. 26], а слово «война» стало произноситься легко и привычно во многом благодаря постоянному мельканию на страницах газет. Наличие в русском обществе начала XX века идей пацифизма и гуманизма большинством авторов во внимание не принималось.

Имеющиеся в литературе оценки общественной ситуации 1912—1913 гг., которые сегодня не кажутся очевидными и полностью доказанными, определили обращение к теме настоящей статьи. Представляется, что «взгляд из провинции» может открывать не только местные подробности, но и указывать на явления более широкого общероссийского порядка, происходящие в военное время. Сошлемся на удачный опыт анализа провинциального общества в период Отечественной войны 1812 года и последовавших за ней заграничных походов, обобщенный в виде фундаментального диссертационного исследования [3], дополненного и продолженного другими авторами [2, С. 159—165]. Подходы, использованные в исследованиях о провинциальном обществе военных лет в 19-м столетии, представляются применимыми и для периода войн начала XX в.

В качестве основного источника для настоящей статьи была избрана либеральная газета «Волжское слово», выходившая в Самаре. Она была крупным для провинции изданием, пользовавшимся влиянием в регионе и поддержкой значительного числа читателей.

В ходе Первой балканской войны (9 октября 1912 — 30 мая 1913 гг.) между Балканским союзом (Болгария, Греция, Сербия, Черногория), с одной стороны, и Турцией, с другой, симпатии большей части русского общества, разумеется, были на стороне «союзников». Многими она воспринималась как продолжение Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., как завершение дела освобождения православных и славянских народов Балканского полуострова из-под османского ига. Кроме религиозной и этнической составляющей, оправдывавших эту войну как «священную» и освободительную, многие россияне разделяли цели внешней политики своей империи по созданию у ее юго-западных границ союза православных и славянских государств. Этот союз мыслился не столько как противовес ослабленной и уже не очень опасной Турции, сколько как барьер на пути балканской и ближневосточной экспансии Германии и Австро-Венгрии, угрожавшей экономическим и стратегическим интересам России. К тому же Балканский союз мог быть полезен для усиления одного из военно-политических блоков великих держав, а именно Антанты, куда входили Россия, Франция, Англия. Да и внутри Антанты близкие по вере и языку союзники укрепили бы позиции России во взаимоотношениях с западноевропейскими партнерами.

Лишь немногие современники осознавали, насколько зыбкими в реальности были как идеалы панславянского или всеправославного единства, так и хитроумные построения дипломатов. На внешнеполитическом поле действовали другие могущественные игроки в лице европейских великих держав, отстаивавшие собственные интересы. Небольшие балканские страны обладали собственными далеко не скромными амбициями, о которых возглашали голоса с призывами к созданию «Великой Болгарии», «Великой Сербии», «Великой Греции». На путях к воплощению этих призывов стояла не только Турция, но и прочие соседи, включая единоверцев и «братьев-славян». В полной мере эти противоречия проявились во Второй Балканской войне (29 июня — 10 августа 1913 г.), когда Сербия, Греция, Черногория вкупе с только что побежденной Турцией обрушились на усилившуюся и обросшую территориальными приобретениями Болгарию, нанеся ей поражение. Рухнул Балканский союз, его участники разошлись по различным военно-политическим блокам, втягивая и без того конфликтующие великие державы в свои противоречия. Ровно через год «пороховая бочка» Европы после выстрелов сербского террориста в Сараево, одном из балканских городов, сдетонирует Первой мировой войной 1914—1918 гг. Балканские войны не стали триумфом российской внешней политики и панславизма, а только подтолкнули страну к бедствиям войны и социальному взрыву, разрушившему прежнюю государственность.

Вряд ли даже самые проницательные свидетели событий Балканских войн могли просчитать такое дальнейшее развитие событий. Тем более интересными и несколько неожиданными являются предупреждения, раздавшиеся со страниц самарской газеты в разгар еще Первой Балканской войны. Можно увидеть, что далеко не все поддались националистическому угару и мессианской гордыне. В провинциальной среде сохранились трезвые головы, противопоставившие официальной и партийной пропаганде здравый смысл, призывам к «войне за веру» — подлинное христианское терпение и миролюбие, а панславистским утопиям — осознание эгоизма национальных элит.

23 декабря 1912 г., как и в другие дни, «Волжское слово» затронуло тему войны многочисленными сообщениями с Балкан Санкт-Петербургского телеграфного агентства и агентства «Рейтер». Обширная подборка содержала в основном сведения о ходе переговоров между воюющими сторонами с участием великих держав, поскольку в боевых действиях тогда наступило затишье. На фоне этих сообщений была помещена статья журналиста Н.Северского «Жертвуйте на раненых» [6].

Несмотря на название, не выделявшееся из множества публикаций гуманитарного и патриотического содержания, выходивших в центральных и самарских газетах [1, С. 143—148], эта статья имела откровенно антивоенный характер. Она, прежде всего, осуждала разгул «шовинистических и националистических страстей, разыгравшихся вокруг балканской войны». Эти страсти, по мнению автора, разжигала «человеконенавистническая агитация части печати, поднявшей начатую правительствами славянских государств войну на идеалистический пьедестал, на котором она фактически не находилась ни в один из своих моментов». Их же использовали в своих целях «официозные сферы», т.е. власть и поддерживавшие ее политические силы, «постаравшиеся сделать соответствующее националистическое употребление из шовинистических лозунгов».

Средства агитации были просты и использовали клише, идущие от русско-турецких войн XIX века: «Национал-либеральные и официозные газеты ежедневно трубили о зверствах турок и геройских, полных самоотвержения, подвигах славян... Эта печать кричала о благородных мотивах, вызвавших балканскую войну, рисуя последнюю, как своего рода восстание раба против тирана-господина». В итоге этих идеологических построений, как считает самарский журналист, «войну, являющуюся и являющуюся всегда зверством, связали с идеей христианства, отрицающей всякое убийство», и подняли на пьедестал как религиозную войну «Креста с Полумесяцем», объявив ее «делом вполне христианским и богоугодным». Культурному человеку XX века должно быть стыдно, считал автор, обвинять во всех бедах простых турок — «несчастный нищий народ, виновный лишь в том, что он слишком поздно сбросил с себя ярмо политического рабства».

По мнению «Волжского слова», в «широких слоях населения» России существовало отвращение «к милитаризму и войнам». Среди людей, к которым обращалась газета, «агитация, полная злобы и ненависти к человеку и оскорбительная для современных этических понятий, должна была вызвать к себе чувство отвращения». Возмущение против шовинизма и политиканства стало особенно заметным, когда начался дележ военной добычи будущими победителями, еще не закончившими боевые действия, и спала романтическая и идеалистическая пелена с «освободительных» стремлений правительств балканских стран. К тому же оказалось, что зверства и военные преступления совершались всеми противоборствующими сторонами. В анализируемой статье содержался призыв: «Жертвуйте на раненых, независимо от национальности!», поскольку именно такой лозунг, а не призыв к истреблению по признаку веры или языка соответствует истинной христианской любви, которая не может сочетаться с ненавистью. Однако уровень антивоенных настроений не стоило переоценивать, как и недооценивать числа душ, отравленных «ядом человеконенавистничества». Это понимали в «Волжском слове», когда констатировали: «Голос призывающих к жертве страждущим людям-братьям, независимо от того, кто они, — победившие славяне, или побежденные турки, павшие жертвой своей культурной отсталости и слишком позднего возрождения к новой жизни, — звучит заглушено».

Все же наличие заметного проявления пацифистских и гуманистических настроений в провинциальном обществе накануне грядущей мировой войны не подлежит сомнению. «Волжское слово» доказывало это неоднократно. 2 ноября 1912 г. комментарий «Русское общество и балканская война» в колонке «Темы дня» выдвинул ряд тезисов по поводу отношения к войне: 1) «война не вызвала никакого движения в широких слоях», хотя многие «сочувствуют борьбе славян за освобождение»; 2) «русская демократия» не одобряет войну вообще в качестве средства «разрешения международных споров», а сами «демократические слои русского населения сознают, что у них дома у самих непочатый край неразрешенных проблем», решению которых войны не способствуют; 3) безусловная поддержка войны за «славянское» дело не распространяется «далее умеренных и консервативных кругов»; 4) «в балканской войне освободительные цели славянских народов смешались с завоевательными целями славянских правительств» [5].

Миролюбивые настроения и их публичное выражение в 1912—1913 гг. были заглушены милитаристской и «ура-патриотической» пропагандой, барабанным боем звучавшей в большинстве газет. Не приемля позиции «Волжского слова», соседи «справа» из октябристского «Голоса Самары» даже зачислили своих оппонентов в ряд социал-демократических изданий, предающих национальные интересы во имя классовой борьбы, и всерьез уверяли читателя, что «волжскословские» плевки в чистый колодец славянского дела несут «заразу извращения и безумия в душу всего человечества» [7].

Все же заметная антивоенная струя действительно присутствовала в российском общественном сознании, в том числе у трезво мыслящих либералов в столице и провинции. Во многом это объясняет быстрый переход под воздействием неблагоприятных политических и экономических факторов от непродолжительного подъема великодержавных чувств в 1914 г. к ниспровержению в 1917 г. правителей и политиков, которые втянули Россию в катастрофический для нее мировой вооруженный конфликт, так и не усвоив уроков Балканских войн.

Литература

1. Артамонова, Л.М. Помощь жителей русской провинции населению славянских стран в ходе Первой Балканской войны 1912—1913 гг. (по материалам Самары) // Матэрыялы XIX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытаньняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 22—24 мая 2013 г.): У 2 ч. Мінск, 2013. Ч. 1.
2. Артамонова Л.М. Военнопленные армии Наполеона и русское провинциальное общество: проблемы изучения повседневности, социальных отношений, культурных контактов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1.
3. Белоусов С.В. Провинциальное общество и Отечественная война 1812 года (на материалах Среднего Поволжья): Автореф. ... док. ист. наук. Самара, 2007.
4. Брыков Д.С. Русская либеральная пресса о взаимоотношениях стран Антанты и тройственного союза накануне Первой мировой войны: по материалам газет «Речь» и «Русские ведомости»: Автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
5. Волжское слово. 1912. 2 ноября. № 237.
6. Волжское слово. 1912. 21 декабря. № 277.
7. Голос Самары. 1912. 16 октября. № 224.
8. Кострикова Е.Г. Внешняя политика в общественном мнении России накануне Первой мировой войны. 1908—1914 гг.: Автореф. ... док. ист. наук. М., 2011.
9. Мороз Ю.М. Русское общество и Антанта в период Балканских войн 1912—1913 гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. № 4.
10. Романова Е.В. Пролог: расстановка сил в Европе накануне войны // Стратегия России. 2012. № 2.

М.М.Стельмак

г. Омск

*Центр изучения истории Гражданской войны,
Исторический архив Омской области*

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1919 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ «НАШЕЙ ГАЗЕТЫ»)

14 ноября 1919 г. части 5-й армии М.Н.Тухачевского заняли столицу колчаковской России — Омск. Правительственные учреждения и министерства было решено эвакуировать в Иркутск. По воспоминаниям современников тех событий, Иркутск с самого начала гораздо лучше подходил на роль столицы антибольшевистской России. Такие идеи стали появляться впервые задолго до падения Омска. Об этом писал в своем дневнике 14 июля 1919 г. А.П.Будберг, главный начальник снабжения при Верховном главнокомандующем, позднее военный министр Российского правительства адмирала А.В.Колчака: «Раз Урал потерян, место центральной власти не Омск, а Иркутск, на границе восточной и западной Сибири, подальше от фронтовых переживаний» [2, С. 175]. Более того, будь столица Белой России в Иркутске с самого начала, у оппозиции не было бы никаких шансов повлиять на исход войны: «Печальная развязка, наступившая в конце 1919 года, только подтвердила справедливость того мнения, что слишком затяжное пребывание правительства адмирала А.В.Колчака в Омске привело последнее к катастрофическому концу, ибо, если бы значительно заблаговременно оно передвинулось бы в Иркутск, то там не было бы допущено образования так называемого «Политического Центра», погубившего все движение в Сибири и нанесшего адмиралу А.В.Колчаку прямой удар в спину» [6, С. 213].

За ними последовали и редакции многих омских газет. Среди них — «Наша газета» — один из официальных печатных органов Российского правительства адмирала А.В.Колчака. Газета просуществовала на новом месте всего один месяц. Ее первый номер вышел 27 ноября 1919 г., последний 28 декабря 1919 г. Несмотря на непродолжительный период существования в ней были опубликованы достаточно острые политические материалы, в том числе и агитационного характера. Цель подобных публикаций заключалась не только в поднятие боевого духа, но и в попытке наверстать упущенное, так как, до середины 1919 г. агитации не уделялось должного внимания. «В полной мере информационно-агитационная работа развернулась уже в период отступления Белой армии. Уже по одной этой причине эффект от нее не мог быть полным» [8, С. 116]. Задачей пропаганды являлось освещать деятельность не только противников — большевиков и сочувствующих им, но и иностранных союзников.

Задачей данной работы является рассмотреть образ иностранных союзников белого движения — чехословацких солдат на страницах официальной правительственной газеты в заключительный период существования в Иркутске Российского правительства адмирала А. В. Колчака. В отличие от остальных союзников (если не считать сербов) чехи выделялись, прежде всего, братьями, которые вместе бескорыстно борются против общего врага. «К чехам относились сначала не как к иностранцам, а как к «братьям»-славянам» [4, С. 572]. Действие чехов представлялись бескорыстной помощью за оказание приюта в России, готового и дальше, в отличие от «предателей-большевиков» сражаться с Германией и Австро-Венгрией.

В № 1 от 27 ноября 1919 г. в рубрике «Последние известия» выходят две небольшие заметки «Общественность и Гайда», и «Жертвам авантюры». Позже, в № 4 от 30 ноября 1919 г. появляется статья «Генерал Хорват о мятеже Гайды». Речь идет о неудавшемся антиколчаковском проэсеровском мятеже чешского генерала Р.Гайды, состоявшемся 17 ноября 1919 г. во Владивостоке и поддержанному частью рабочих. В публикациях приводятся различные мнения о выступлении. Как позже описывал эти события генерал К.В.Сахаров: «Гайда, этот герой темных интриг, живший во Владивостоке в отдельном вагоне, под особым покровительством некоторых «союзных» миссий и чешских политиканов — сформировал штаб, собрал банды чехов и русской голытьбы, главным образом портовых рабочих и поднял бунт, открытое вооруженное восстание» [9, С. 92]. Далее он указывает, что устремления Гайды были поддержаны чехословацким корпусом. «Чешский штаб снабжал разговорщиков оружием и снаряжением» [9, С. 92].

Но тон в официальной прессе, вышедший вскоре после окончания мятежа был совершенно иного рода. События освещались сдержаннее, и главное, нигде, ни в коем случае вина не возлагалась на чехословацкий корпус. Конечно, и в то время действия Гайды вызвали негодование. Как цитирует «Наша газета» генерала Д.Л.Хорвата: «Я держусь прежних взглядов и считаю необходимым поддерживать существующее правительство, так как наша Родина гибнет. Сибири и русскому делу нанесен жестокий удар» [3, С. 2]. Однако это выступление ассоциировалось исключительно с одиозной личностью политического авантюриста Гайды. В заявлениях не упоминалась ни национальность организатора восстания, ни его сторонников. «Общественность из Харбина, Хабаровска и Благовещенска сообщают о негодовании местных общественных кругов по поводу мятежа Гайды и кучки его сторонников» [5, С. 2].

И в последующих публикациях можно видеть лишь положительное освещение деятельности чехословаков. К их мнению еще прислушиваются, не возникает сомнений в их демократических взглядах и верности белому движению. Такое отношение пролеживается в статье «Чехи о Думской резолюции» от 30 ноября 1919 г., где анализируется публикации в «Чешском дневнике». В издании дается характеристика резолюции городской думы по вопросу об отношении ее к правительству и коалиции. Этот вопрос был отвергнут Думой. Взамен был потребован социалистический состав. Такое предложение не встретило поддержки у чехов. «Газета находит, что уместнее было бы говорить не о социалистическом, а о демократическом правительстве, так как такое правительство выражало бы мнение более широких кругов общества» [11, С. 3]. Проявляется недовольство невнятным отношением к красным. «Наконец Дневник отмечает, что в резолюции, к сожалению, ничего не сказано о большевиках — как к ним относится Дума» [11, С. 3]. И у «Нашей газеты» не возникает возражений. «Мнение чехословацкой газеты тем ценнее, что в демократизме чехословацкой газеты сомнений быть не может» [11, С. 3]. Прямое вмешательство чехословаков в политическую жизнь страны напрямую поддерживается. Они предстают как опытные политические деятели, чьи помыслы не могут вызвать никаких сомнений.

В соответствующей манере выдержана и последняя публикация — «Чехи» от 16 декабря 1919 г. Сначала резкой критике подвергается русский псевдопатриотизм, которому ставится в вину неудачи белого движения. Этому противопоставляется дух чехов. «Совершенно иначе выражается это чувство у чехов, которые вместе с сербами являются величайшими патриотами в славянстве» [10, С. 2]. Далее речь идет об отчислениях жалования чешскими солдатами в специальный фонд. Цель создания — снять бремя расходов с бюджета молодого чехословацкого государства по обеспечению увечных воинов и убитых в Сибири бойцов. Автор пытается пристыдить участников белого движения, думающих лишь о своей выгоде, забывая о будущем отечества. Отмечается, что фонд имел далеко идущие цели, а именно — создание «Банка чехословацких легионеров», который будет заниматься покупкой сырья в России для отправки в Чехословакию. «Здесь так тепло переплетается преданность чеха родине с другой его национальной чертой — бережливостью и приобретательством, что трудно сказать, что преобладает» [10, С. 2].

Хотя газета и отмечает, что имеются и сугубо экономические интересы, но без нарушения закона и ущемления прав какой-либо из сторон. «Во всяком случае, это не только высокий жертвенный подвиг самозабвения, но и не крикливое пустозвонство, а патриотическая деятельность на пользу родине и своим интересам. Это не только здоровый патриотизм, но и еще более здоровый социализм» [10, С. 2]. Здесь продолжается мысль предыдущей статьи «Чехи о Думской резолюции». Теперь солдаты чехословацкого корпуса могут не только давать политические советы, но и служить примером в экономической деятельности.

В «Нашей газете» легионеры чехословацкого корпуса преподносятся как верные союзники белого движения, которых трудно воспринимать как иностранцев. Они предстают в виде братьев славян, не имеющих никакого отношения к мятежам и восстаниям в тылу, готовых идти до победного конца. Нет ни одного намека на сомнение в их верности. Более того, у них не только можно поучиться получению экономической выгоды, но и прислушаться к их мнению по поводу государственных резолюций. Представление чехов в таком виде связано еще и с тем, что они хоть и не были единственной военной силой, которая может разбить большевиков, как в середине 1918 г., но все еще сохраняли ведущие позиции в белом движении. Под их контролем все еще находилась значительная часть Транссиба. И правительству приходилось считаться с этим.

Несмотря на недовольство чехами в высших органах власти, прессе приходилось не замечать обострение отношений, рисуя идеалистическую картину. Ведь еще задолго до выхода в печать последней статьи, 13 ноября 1919 г. чехами был выпущен меморандум, который был опубликован в «Чехословацком дневнике», и вручен представителям союзных держав без уведомления членов Правительства. В меморандуме Правительству Колчака ставилось в вину то, что «чехословацкими штыками» проводятся репрессии против мирного населения. Далее поясняется, что раз дело обстоит, таким образом, чехословацкий корпус не может находиться в России, считает эвакуацию единственным выходом, иначе их присутствие будет выглядеть как поддержка карательных акций. Появление меморандума не нашло отражения на страницах «Нашей газеты». Хотя, если судить по мемуарам, он широко обсуждался в политических кругах. «Возмущению русских патриотов не было пределов. Поступок был слишком груб и слишком явно было в нем то, что чешские представители просто искали оправдания для своего бегства из Сибири и уклонения от поддержки невинных ни в каких политических грехах офицеров и солдат фронта и что они в то же время, хорошо осведомленные о широте заговора против власти (чешская контрразведка была лучше правительственной), искали сближения с левыми» [4, С. 517].

Гнев шел из самых высших эшелонов власти. «Совет министров при всем своем миролюбии был возмущен «братским» поведением чехов. Адмирал А.В.Колчак был взбешен, и не без оснований» [4, С. 520]. Но мнение правительства, ни в коем случае нельзя было подвергать огласке. Для нее это было чересчур рискованно, тем более, когда от Красноярска до Иркутска растянулись чехословацкие эшелоны. «Действовать с оглядкой на присутствовавших в Сибири чехов приходилось не только большевикам и умеренным социалистам, но и правительству Колчака. Чехословаки, охранявшие по поручению союзников Транссибирскую железнодорожную магистраль, не только обладали существенно военной силой, но и, по сути, контролировали функционально важную для восточного региона транспортную артерию» [1].

На наш взгляд, является вполне очевидным, что целью публикаций такого рода на страницах «Нашей газеты» являлось стремление колчаковского правительства показать населению, что у белого движения имеется честный, бескорыстный верный союзник в лице чехословацкого корпуса, готовый оставаться в России до победного конца. С другой стороны, имелась вторая и не менее важная цель: необходимо было успокоить и чешских легионеров, чтобы оскорбительных тон заявлений со стороны официальных кругов не заставил их сблизиться с противниками белого движения.

Литература

1. Берсенева И.В. Иркутское восстание конца 1919 — начала 1920 гг. URL: http://scepis.net/library/id_1863.html#_ftnref42.
2. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. М., 2001.
3. Генерал Хорват о мятеже Гайды // Наша газета (Иркутск). 1919. 30 ноября.
4. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918—1920: впечатления и мысли члена Омского правительства. М., 2007.
5. Жертвам авантюры // Наша газета (Иркутск). 1919. 27 ноября.
6. Клерже Г. И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Новосибирск, 2012.
7. Общественность и Гайда // Наша газета (Иркутск). 1919. 27 ноября.
8. Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на Востоке России в период Гражданской войны (1918—1919 гг.) Сборник научных статей. Новосибирск, 2009. С. 105—125.
9. Сахаров К.В. Чешские легионеры в Сибири (чешское предательство). Берлин, 1930.
10. Чехи // Наша газета (Иркутск). 1919. 16 декабря.
11. Чехи о Думской резолюции // Наша газета (Иркутск). 1919. 30 ноября.

З.В.Степаненкова

г.Сургут

Сургутский государственный педагогический университет

О ВОСПРИЯТИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ИДЕЙ В.В.БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО

Одним из наиболее известных среди демократически настроенных авторов второй половины XIX века был В.В.Берви, более известный по одному из своих псевдонимов как Н.Флеровский.

Ко времени своей наибольшей популярности — рубежу 1860—1870-х гг. В.В.Берви-Флеровский подошел зрелым человеком с вполне сформировавшимся мировоззрением, которое нашло свое отражение в трех его наиболее крупных работах этого времени — «Положение рабочего класса в России» (1869), «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» (1869) и «Азбука социальных наук» (1871).

В «Положении рабочего класса» автор ярко изображает бедственное положение народа в пореформенной России, исследует его причины. «Свобода речи» посвящена роли свободы слова в развитии общества. В ней

В.В.Берви особо подчеркивает значение толерантности как одной из главных социальных ценностей и подвергает жесткой критике современное законодательство о печати. В «Азбуке» изложены взгляды ученого на развитие человеческого общества, на значение «правильных» представлений о счастье, о взаимоотношениях между людьми и цели человеческого существования.

Книги В.В.Берви-Флеровского получили широкий общественный резонанс. Довольно серьезное обсуждение в прессе вызвали «Свобода речи» и «Положение рабочего класса в России». При этом, если «Свобода речи» получила в основном благожелательные отзывы [4, С. 140], поскольку в решении этой проблемы так или иначе были заинтересованы все редакторы, то с «Положением» ситуация сложилась иначе. Появление этой книги ознаменовалось публикацией рецензий в журналах различных направлений от «Отечественных записок» до «Русского вестника» Каткова, причем оценки их носили полярный характер [11, С. 76—77, 81—82]. «Азбука социальных наук», вышедшая в свет в конце сентября 1871 г, уже через месяц была запрещена, однако активно распространялась нелегально. Запрещено было и второе издание «Положения» [12, С. 184—185].

Несмотря на это отдельные постулаты В.В.Берви-Флеровского оказались в той или иной степени восприняты довольно значительным кругом людей. Так, известно, что Л.Н.Толстой высоко оценивал «Азбуку социальных наук», характеризуя В.В.Берви-Флеровского как «самого зрелого, самого умного среди писателей-радикалов» [Цит. по: 6, С. 66]. Он отобразил личность В.В.Берви и его идеи религии равенства в романе «Воскресенье» в образе народника Симонсона [5].

Нашли свое отражение идеи В.В.Берви-Флеровского, по мнению исследователей, и в «Красном цветке» В.М.Гаршина [7, С. 257], и в произведениях с историко-философской тематикой В.Г.Короленко [7, С. 264].

Можно отметить также, что А.М.Горький, с юношеских лет знакомый с книгами В.В.Берви, использовал его идеи в своей повести «Мать» при описании ситуаций, связанных с народническим прошлым А.Находки и с религиозно-философскими исканиями М.Рыбина [10, С. 208].

Однако, пожалуй, наиболее востребованы оказались книги В.В.Берви-Флеровского у представителей оппозиционно настроенной молодежи. В воспоминаниях деятелей народнического движения сохранилась масса свидетельств значительной роли «Положения рабочего класса в России» в формировании их мировоззрения [3, С. 57—58]. Не менее популярной в среде молодых революционеров была и «Азбука социальных наук». Причем если «Положение» пробуждало в сердцах молодежи сочувствие к народу и стремление изменить ситуацию в стране, то «Азбука» привлекала их своим нравственно-этическим содержанием. Обе книги широко обсуждались в народнической среде, изложенные в них идеи осмысливались наиболее яркими их представителями (смотри, например, заметки С.Л.Перовской) [8, С. 160—161].

Именно революционная молодежь сыграла особую роль в распространении идей ученого. Книги В.В.Берви были включены и в каталоги революционеров-пропагандистов, и в программы кружков самообразования. Так, в проанализированных Т.В.Антоновой народнических каталогах «Положение рабочего класса» встречено 31 раз, «Азбука социальных наук» — 21 раз, «Свобода речи» — 10 раз (для сравнения — «Исторические письма» П.Л.Лаврова — 32 раза, сочинения Добролюбова — 21 раз — З.С.) [1, С. 94—97]. В целом, книги Флеровского использовались молодыми революционерами по двум направлениям. Они обеспечивали идейное становление революционной молодежи, ее интеллектуальное развитие, в силу чего служили средством ее самообразования. С другой стороны, они возбуждали протест против несправедливых общественных отношений и в силу этого использовались в пропагандистских целях [1, С. 80].

По свидетельству О.В.Аптекмана, книги Флеровского нелегально распространялись не только среди петербургских студентов, но и по провинциальным городам и местечкам [2, С. 31]. Т.В.Антонова приводит в этой связи довольно серьезный список городов, в которых, среди прочих, распространялись и работы В.В.Берви (Москва, Киев, Харьков, Тула, Новгород, Вологда, Петрозаводск и т.д.) [1, С. 79—80].

Сам В.В.Берви-Флеровский полагал, что внедрять новые идеи необходимо в первую очередь в народную среду, в силу чего охотно поддерживал связи с молодыми пропагандистами-народниками. Правда, он считал, что начинать надо с пропаганды не коммунистических идей, а основ демократического управления, объясняя, почему введение демократического режима увеличило бы благосостояние крестьян. «Конечно, для этого нужны специальные знания, — писал он, — но, не имея их, нельзя браться за пропаганду [4, С. 143]. Эти специальные знания он пытался дать молодым людям, общению с которыми уделял массу времени на протяжении всей своей сознательной жизни. С этой же целью им была предпринята попытка создать своего рода новую религию — религию равенства, в которой идеи солидарности и его научной этики, выражались бы в доступной народу форме. Она нашла свое отражение в брошюре «О мученике Николае и как должен жить человек по закону правды и природы» и написанной на ее основе прокламации для народа «Как должно жить по закону правды и природы». Кроме того, В.В.Берви постоянно пытался вести пропаганду среди крестьян, беседуя с ними на различные темы. Однако укоренить его взгляды в народных массах было, как представляется, довольно сложно. Крестьяне с благодарностью принимали его юридическую помощь, охотно жаловались на свое тяжелое положение, но были абсолютно не готовы к чему-либо другому.

Предпринял В.В.Берви-Флеровский и попытку распространения своих воззрений через художественную литературу. Его перу принадлежит несколько художественных произведений, среди которых наибольшее

значение, пожалуй, принадлежит роману «На жизнь и на смерть», в котором он изложил свои взгляды на религию равенства. Правда, широкой известности эта книга не получила в силу невысокой художественной ценности и несвоевременности выхода в свет.

Таким образом, можно говорить, что в 70-х гг. XIX века складывается своего рода интеллектуальная сеть, в рамках которой осуществлялась трансляция идей В.В.Берви. Охватывала она не только столицы, но и целый ряд провинциальных городов. Формы трансляции носили как публичный, так и агитационно-прокламационный характер. К основным публичным каналам распространения идей В.В.Берви-Флеровского можно причислить легально издаваемые им научные работы и публицистические статьи в прессе, его художественные произведения. К агитационно-прокламационным каналам трансляции относится просветительская деятельность ученого, включающая в себя чтение им лекций участникам молодежных революционных кружков и пропаганду своих взглядов в крестьянской среде, нелегальные издания. Кроме того, взгляды В.В.Берви транслировались и без его непосредственного участия, во-первых, представителями народнической молодежи через распространение его запрещенных книг среди кружковцев, во-вторых, через тиражирование художественной литературы, в которой нашли отражение образ самого В.В.Берви-Флеровского и его идей.

Восприятие идей В.В.Берви-Флеровского представителями различных социальных групп во многом зависело от их интеллектуальных, прагматических, и мыслительных способностей.

Наиболее востребованными воззрения ученого оказались в кругах революционно настроенной молодежи. Некоторая их часть (бедственное положение народа, необходимость его просвещения, роль общины, социалистические идеалы и т.п.) по сути «присваивалась» молодыми людьми, рассматриваясь как абсолютная истина; часть (необходимость введения свободы речи, критика современного законодательства и т.п.) — использовалась в чисто утилитарных целях — для пропаганды; часть (идея терпимости) — оставалась за рамками их внимания [9, С. 167].

Морально-этические представления В.В.Берви-Флеровского, несмотря на резко отрицательную правительственную оценку, были восприняты более широкими общественными слоями. Произведя значительное впечатление на представителей творческой интеллигенции, они нашли свое отражение в образах художественной литературы, после чего начали свое движение во времени и пространстве уже совершенно независимо от их создателя. Народническая молодежь, которой в первую очередь и адресовались эти идеи В.В.Берви, широко использовала их для самообразования и воспитания нравственности будущих революционеров.

Взгляды В.В.Берви-Флеровского на результаты реформ, предназначенные самым широким кругам образованного общества страны, включая и правительство, остались во многом невостребованными. Исключением, пожалуй, могут считаться его идеи о необходимости введения свободы слова, которые нашли свое отражение в либеральных публикациях кон. XIX — нач. XX вв.

Народные массы, и в первую очередь крестьянство, в среде которого В.В.Берви-Флеровский надеялся популяризовать свои воззрения, оказались не готовым к их восприятию.

Несмотря на всю популярность работ В.В.Берви-Флеровского в 70-х гг. XIX века, и сам В.В.Берви, и многие высказанные им идеи оказались забыты современниками. Настоящий отклик воззрения ученого нашли лишь в более поздние периоды истории, о чем свидетельствует непрерывающееся обращение к его личности и работам современных исследователей самых разных направлений гуманитарного знания.

Литература

1. Антонова Т.В. Издания Н.П.Полякова в революционном подполье 1870-х годов // Исторические записки 112. М., 1985. С. 71—97.
2. Аптекман О.В. Флеровский-Берви и чайковцы // Былое. 1922. № 19. С. 119—134.
3. Аптекман О.В. В.В.Берви-Флеровский по материалам III Отделения и Д.Г.П. Л., 1925.
4. Берви В.В. Краткая автобиография // Русская мысль. 1905. № 5. С. 138—150.
5. Биличенко Н.А. Образ Симонсона в романе Л.Н.Толстого «Воскресенье» // Русская литература. 1972. № 4. С. 161—165.
6. Грищенко О.Н., Емельянова Т.Н. В.В.Берви-Флеровский и его философские взгляды. Красноярск, 2008.
7. Каминский В.И. В.В.Берви-Флеровский в русском общественно-литературном движении 70—80-х гг. // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959. С. 256—265.
8. Кан Г.С. «Народная воля»: идеологи и лидеры. М., 1997.
9. Макушин Л.М. Берви-Флеровский и его книга «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия: Материалы междунар. конф. (г.Екатеринбург, август 2002). Екатеринбург, 2002. С. 160—179.
10. Пинаев М.Т. Горький и В.В.Берви-Флеровский // Русская литература. Л., 1974. № 3. С. 208.
11. Плакида М.М. Бесстрашный труженик. Книжное изд-во Сталино-Донбасс, 1960.
12. Толстяков А.П. Люди мысли и добра. Русские издатели К.Т.Солдатенков и Н.П.Поляков. М., 1984.

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛ-ЭЛИТА-ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ СУВЕРЕНИЗАЦИИ

Обратиться к вопросу об определении понятий «интеллектуал-элита-интеллигенция», применительно к изучению процессов суверенизации, побудило мнение неизвестного мне эксперта РФФИ. Он, в слабых на его взгляд сторонах проекта, комментируя заявку на грант указал: «Понятийный аппарат усложнен без необходимости (что дает термин «интеллектуал» в сравнении с традиционным «интеллигент/ интеллигенция» и т.д.?)». В данной работе я решил ответить на вопрос эксперта. Ее цель — обосновать продуктивность использования конструкции «интеллектуал-элита-интеллигенция» для изучения процессов суверенизации. Мы попытаемся это сделать, опираясь на материал из истории сибирского областничества.

Суверенизация — это обретение и реализация народом (нацией) права самостоятельно определять содержание и характер политической, экономической и культурной жизни руководствуясь «правом наций на самоопределение». От имени народа, содержание этого права, облекают в идеи интеллектуалы. В последующем, эти идеи развивают и реализуют в области политической практики элиты. Интеллигенция, через существующие в обществе социальные институты культуры, обеспечивает поддержку процесса суверенизации основной массой населения.

В настоящее время под интеллектуалом понимается человек, с высоко развитым интеллектом и аналитическим мышлением; представитель интеллектуального труда. Интеллектуал производит и развивает идеи, определяет нормы и культурные ценности для остальной части общества [2]. На идеях интеллектуалов, возвращаются элиты, и воспитывается интеллигенция. Во второй половине XIX — начале XX века в рамках движения за суверенизацию Сибири интеллектуалами следует признать сибирских областников Н.М.Ядринцева и Г.Н.Потанина. Именно ими были разработаны концептуальные основы сибирского национализма.

Достаточно часто слово «интеллектуал» отождествляется со словом «интеллигент». Применительно к процессам суверенизации это неверно. Дело в том, что всякий интеллектуал является интеллигентом. Но лишь единичные представители интеллигенции создают политические идеи, которые входят в политическую практику, то есть становятся интеллектуалами. Показательно, что в момент своего рождения областнические идеи разделялись лишь единичными представителями интеллектуального труда, уроженцами Сибири. В этой связи Н.М.Ядринцев и Г.Н.Потанин мечтали вырастить «сибирскую интеллигенцию», с собственным самосознанием, осознающую интересы региона. С этой целью сибирские областники боролись за открытие в крае университета и создание сибирской периодической печати.

Для определения понятий «интеллигенция» и «элита», которые нередко употребляются как синонимы, мы воспользуемся интерпретацией А.С.Ахиезера. Он разделяет их значения. Интеллигенция — социокультурная группа, которую необходимо рассматривать через дуальные оппозиции «духовная элита — почва» [1, С. 205]. Элита — социальная группа, сосредоточившая в своих руках всеобщие, наиболее ценные для общества функции; составляет совместно с народом дуальную оппозицию. Элита является носителем субкультуры, включающей как самосознание самой элиты, так и общества [1, С. 577].

Применяя это толкование к предмету нашего исследования, отметим существование в Сибири социального слоя интеллигенции (всех грамотных и образованных для своего времени людей, знавших нужды своих народов и неразрывно связанных с ними) и масс (характеризуемых необразованностью и относительно тяжелыми условиями быта). Под влиянием идей сибирских интеллектуалов, постепенно формируется региональная элита, разделявшая идеи сибирского национализма. В первой четверти XX столетия областническая элита определяла пути и формы суверенизации Сибири. Она связывала народный суверенитет населения края с его территорией, на которой должна быть образована автономия или, по мнению ее отдельных представителей, даже независимое сибирское государство. Элита, шла во власть, организовывая движения за суверенизацию Сибири, через разделявшую ее взгляды часть сибирской интеллигенции, которая несла идеи сибирского национализма в массы. Элиты участвовали в политической борьбе за власть и возглавляли образованные в результате процессов суверенизации народов органы самоуправления. Интеллигенция составляла аппарат сотрудников этих органов, на благо своих народов работала в создаваемых ими учреждениях народного образования и здравоохранения.

Известный исследователь национализма М.Хрох, пришел к выводу об однотипности программ классических национальных движений, охватывающих три группы требований в соответствии с недостатками национального бытия. Вот эти группы: «1. Развитие национальной культуры, основанное на местном языке и его нормальном использовании в образовании, управлении и экономической жизни. 2. Обретение гражданских прав и политического самоуправления — сначала в форме автономии, а в конечном счете (обычно это

происходило уже довольно поздно, когда становилось уже настоятельной потребностью) и независимости. 3. Создание завершенной социальной структуры, пронизывающей всю этническую группу и включающей образованные элиты, классы чиновников и предпринимателей, но также, где это необходимо, свободных крестьян и организованных рабочих» [4, С. 124]. Отметим следующее: сегодня уже признано, что язык является хотя и важным, но не обязательным условием консолидации нации. Скорее, для обеспечения жизнеспособности нации необходима собственная культура, атрибутом которой может стать язык.

Наша теоретико-методологическая конструкция, вполне согласуется со схемой М.Хроха и позволяет попытаться ответить на вопрос о том, почему одни движения успешно проходят всю описанную М.Хрохом траекторию, а другие останавливаются в своем развитии. Сам М.Хрох подчеркивал, что «относительные приоритеты и сроки осуществления всех трех видов требований в каждом случае оказывались различными. Но траектория любого национального движения исчерпывалась только тогда, когда все они были выполнены» [4, С. 125]. М.Хрох признавал обратимость процесса создания новой нации. Он называл вторую фазу критической. Однако реализация ее задач не ведет автоматически к рождению новой нации, для формирования которой требуются еще и другие условия [4, С. 130].

Итак, для успешного развития первой фазы выделенной М.Хрохом необходимы интеллектуалы, которые произвели бы идеи, ценности и нормы на которых будет основываться национальная культура. На их основе зародится новая культура и, соответственно, культурный сепаратизм. Возможно и прорастание ростков сепаратизма политического, но они еще не могут дать серьезных результатов. В своих воспоминаниях Г.Н.Потанин откровенно признавал наличие в сибирском областничестве элементов культурного и политического сепаратизма: «Культурный сепаратизм не покрывает собой всего понятия об областничестве, очертания последнего шире этого термина. Областничество включает в себя сепаратизм не только в области культуры, но и в области политики, за исключением только самого крайнего акта (покушение на целостность государства) [3, С. 210].

Идеи интеллектуалов формируют элиту. Она принесет идеи интеллектуалов в политическую практику, идя с ними во власть. Это происходит на втором этапе. Здесь же крайне важно наличие широкого социального слоя интеллигенции, которая через социальные институты культуры, обеспечила бы массовую поддержку народом политической деятельности элиты.

Именно отсутствием достаточной поддержки со стороны сибирской интеллигенции, можно объяснить слабую поддержку населением сибирского областничества в дни I Русской революции, а также в годы социальных катаклизмов. Интеллектуалам-областникам удалось сформировать областническую элиту, которая перевела их идеи в область политической практики (попытки создания Областного союза во время I Русской революции и создание Сибирской республики в годы Гражданской войны подтверждают это). Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, интеллектуалам-областникам не удалось сформировать достаточного слоя интеллигенции которая бы обеспечила массовую поддержку политической деятельности элиты, институализируя в обществе идеи интеллектуалов и политическую практику элит. На состоявшихся в ноябре 1917 г. выборах во Всероссийское Учредительное собрание за сторонников областнического движения проголосовало 0,09% от принявших участие в голосовании (2452 чел. из 2688 тыс.) [5, С. 90]. Несмотря на то, что областнические идеи широко вошли в политическую практику региона, отсутствие достаточного количества интеллигенции, не позволило обеспечить массовой поддержки населением края политической деятельности областнической элиты, направленной на суверенизацию Сибири.

В случае, если интеллигенция обеспечит надежную связь элиты с народом, движение успешно пройдет вторую фазу и перейдет к третьей фазе. В противном случае, оно вернется к первой или даже распадется. В этом случае от него останутся идеи, которые будут жить собственной жизнью и ждать благоприятных условий для нового развития. История развития сибирского областничества подтверждает возможность автономного существования идей вне политической практики. После завершения Гражданской войны в России областничество перестало играть роль в политической жизни региона. Однако областнические идеи продолжали жить в исторической памяти. После распада СССР они вновь актуализируются, входя в политическую практику. В этой связи крупнейший специалист по истории сибирского областничества М.В.Шиловский отмечает: «Характерной чертой современного положения дел в регионе является своеобразный областнический «ренессанс» (выдвижение требований региональной и территориальной самостоятельности, функционирование Ассоциации сибирских и дальневосточных городов, Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» и т.д.) [6, С. 266].

Таким образом, теоретико-методологическая конструкция «интеллектуал-элита-интеллигенция», помогает глубже осмыслить механизм процессов суверенизации. Понятия «интеллектуал», «элита», «интеллигенция» имеют как количественные, так и качественно-функциональные отличия. Интеллектуалы, это представители интеллектуального труда, порождающие политические идеи. Основная функция интеллектуала — рождение идей. На идеях интеллектуалов возрастает элита (группа), творчески развивающие идеи интеллектуалов, которая начинает под знаменем этих идей бороться за власть. Основная функция элит — перевод идей в область политической практики. Однако практическая политическая деятельность не может быть успешна без массовой поддержки населения. Для того, чтобы оно поддержало деятельность элит, необходима интеллигенция, которая бы используя социальные институты культуры, транслировала идеи в массы,

обеспечив поддержку ими деятельности элит. Соответственно, основная функция интеллигенции — обеспечить массовую поддержку политической деятельности элиты, институализируя в обществе идеи интеллектуалов и политическую практику элит.

Литература

1. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. II. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, Сибирский хронограф, 1998.
2. Интеллектуал URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB#cite_note-1
3. Потанин Г.Н. Воспоминания. Литературное наследие Сибири. Т.6. Новосибирск, 1983. С. 22—327.
4. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б.Андерсон, О.Бауэр, М.Хрох и др; Пер с англ. и нем. Л.Е.Переславцевой, М.С.Панина, М.Б.Гнедовского. М., 2002. С. 121—145.
5. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917—1920 гг. Новосибирск, 2003.
6. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. Новосибирск, 2008.

С.А.Терехова

г.Сургут

*Сургутский государственный
педагогический университет*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИДЕИ «НАРОДНОГО МОНАРХИЗМА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ДЕКАБРИСТОВ

Отечественная история богата серьезными социальными потрясениями и катаклизмами, которые связаны с массовыми выступлениями народных низов под знаменами мифических царей или претендентов на трон. Целые века нашей истории осеяны кровавыми проявлениями «русского бунта» по меткому высказыванию А.С.Пушкина «бессмысленного и беспощадного». Историк В.Я.Мауль детально изучая феномен «русского бунта» отмечает, что его знаковой чертой «является тесная связь с «народным монархизмом», основанным на идее «истинного царя». «Истинный» — это царь по Божьему промыслу, он — защитник простецов, гарант социальной стабильности, естественного порядка» [1, С. 7].

Что же понимают современные исследователи под термином «народный монархизм»? В самом общем виде картина нарисованная ими видится следующим образом: «народный монархизм» — это комплекс социально-политических представлений простолюдинов прошлого о царской власти, ее особенностях, виде, функциях, образе, так, как они сформировались в массовом сознании под влиянием со стороны форм и способов официальной репрезентации власти, хотя в большей степени восходят к фольклорным корням.

По мысли американского исследователя Д.Филда: «Народный монархизм проявлялся в фольклоре, церковных и гражданских церемониях, но в самой показательной форме в восстаниях и волнениях, в которых народ отказывался повиноваться «боярам» [2, С. 110]. Причем в одних случаях восставшие ограничивались вербальным монархизмом, провоцированием и бытованием слухов, например о «милостивых» указах царя, которые якобы изданы в интересах народа, но утаиваются изменниками — боярами.

Если до начала XIX в. самозванчество, опиравшееся на идею «народного монархизма», облакалось в мифологизированные образы «истинных царей», носителями которых были авантюристы-харизматики и именно они были главной опасностью для правящей элиты, то начавшийся XIX в. ознаменовал собой появление нового феномена — русского радикализма, в его крайней революционной форме. Появление революционного радикализма явилось следствием своеобразия русской истории, определяющей вехой которой было преобразование Петра I.

Петровские преобразования не только придвинули Россию к Европе, но и породили две глубокие национальные проблемы социального и идеологического характера. По мысли Е.Л.Рудницкой: «Выражением первой стал глубокий разрыв, образовавшийся вследствие приобщения верхов общества, дворянства к европейской культуре и массой народа... Выражением второй, связанное с этим разрывом, — появление интеллигенции, которой было суждено сыграть огромную роль в русской истории» [3, С. 7].

Если еще в XVIII в. при всех его политических коллизиях наблюдалось единство самодержавной власти дворянства перед лицом народной России, то наступивший XIX в. в корне меняет эту картину. «Дней александровых прекрасное начало» быстро закончилось и сменилось аракчеевщиной, что для основной массы политически активного дворянства означало отступление монархии с пути реформ.

В свою очередь это привело к зарождению декабристских организаций, быстро эволюционировавших от мирной деятельности к планам подготовки свержения династии Романовых. Далее же после смерти Александра I 19 ноября 1825 г. и последовавшего после этого междуцарствия, прямо к восстанию 14 декабря 1825 г. Именно декабристы первыми из представителей русского освободительного движения обратились и к использованию идеи «народного монархизма». Собственно сама обстановка междуцарствия способствовала этому.

Как мы знаем, после смерти бездетного Александра I следующим по старшинству братом, который и должен был наследовать царский трон был Константин Павлович, но задолго до смерти Александра Константин официально отрекся от престола. Еще на маневрах 1819 г. Александр сообщил Николаю Павловичу об отречении Константина. В дальнейшем это нашло отражение в официальном манифесте от 16 августа 1823 г. об отречении Константина и назначении наследником Николая, этот манифест был отдан Александром на хранение московскому митрополиту Филарету, а также в Государственный совет, Сенат и Синод. Пакеты надлежало вскрыть в случае смерти императора [4, С. 10].

Однако первоначально, а именно 27 ноября 1825 г. вся страна присягнула Константину и формально в России появился монарх Константина I. Константин оказался верен себе и престола не принимал, одновременно он не желал и формально отречься от него в качестве императора, которому уже принесена присяга. Так сложилась весьма двусмысленная и опасная для правящей династии ситуация — междуцарствие.

Переприсяга в пользу Николая Павловича была назначена на 14 декабря 1825 г. ей и решили воспользоваться декабристы. Это неординарное в политической жизни Империи событие быстро обрастало массой слухов. Именно тогда зарождается та самая «константиновская легенда», которая не один десяток лет будет влиять на умы и чувства рядовых россиян и эксплуатироваться революционерами. Причем надо сказать, что в период ее зарождения перед той самой переприсягой, даже некоторые из гвардейских офицеров полагали, что выступают именно в защиту несправедливо низложенного Константина.

Так, любопытный случай отложился в документах о событиях 14 декабря 1825 г. Ротный командир Преображенского полка, впоследствии генерал-адъютант Игнатъев вспоминал: «Во 2-ю роту, составленную из молодых солдат, вошел внезапно незнакомый офицер (Чевкин С.Т.) в адъютантском мундире. Польстив нижним чином уверением, что вся гвардия ждет от них примера и указания, объявил он в превратном виде о назначении на следующее утро присяги государю императору Николаю Павловичу и уверяя, что он собою пожертвовал, чтобы спасти первый полк русской гвардии от присяги дерзновенно называемой им клятвопреступлением» [4, 160]. А ведь у выше указанного Чевкина не установлено связей с Северным обществом.

Еще более любопытные сведения в своих воспоминаниях приводит М.А.Бестужев о том, по каким мотивам пристал к Северному обществу его товарища по службе в лейб-гвардии Московском полку князя Д.А.Щепина-Ростовского, вот как он описывает поведение Д.А.Щепина-Ростовского на собрании в квартире у К.Ф.Рылева 13 декабря 1825 г. «Вечно без толку кипящая натура Щепина вдруг окунулась в атмосферу ей неведомую, бурливое волнение которой еще более ее вскипятило. Не понимая, что дело шло совсем не о том, чтобы иметь царем Константина или Николая, — он за Константина выкрикивал самые отчаянные фразы и следственною комиссиею был помещен в число самых отчаянных членов нашего Общества, тогда как даже о существовании Общества ничего не знал» [6, С. 68].

Если уж многие элитные гвардейские офицеры были дезориентированы обстановкой междуцарствия, что говорить о простых солдатах. Сыграть на струнах «народного монархизма» и попытались дворянские революционеры. Ведь для простого народа даже «самовольное воцарение или даже венчание на царство законное в обрядовом отношении, еще не означало, что этот царь «истинный» [1, С. 7], а в данном случае ожидания связанные с «истинным» царем уже персонифицировались с образом Константина.

Этот фактор и не без успеха использовали декабристы утром 14 декабря. В частности так действовал в казармах лейб-гвардии Московского полка А.А.Бестужев (Марлинский). «Брат (А.Бестужев — С.Т.) говорил солдатам, что он адъютант императора Константина, — пишет очевидец этих событий М.А.Бестужев, — что его задержали на дороге в Петербург и хотят заставить гвардию присягнуть Николаю и пр. и пр. Солдаты отвечали в один голос:

— Не хотим Николая — ура, Константин!!!» [6, С. 69]. Итог нам известен Лейб-гвардии Московский полк первым вышел на Сенатскую площадь.

Схожую ситуацию приводит в своих воспоминаниях поручик лейб-гвардии Финляндского полка барон А.Е.Розен: «Правда, что первые роты из лейб-гвардии Московского полка были выведены под предлогом верности данной присяге Константину. Правда и то, что когда слышались возгласы в толпе «лучше вместо Константина конституцию!» и когда спросили нескольких человек: «Кто такая конституция?» — то ответили им: «Это супруга Константина». Это же свидетельство приводится и в других источниках, в том числе и в материалах следствия [7, С. 16].

Конечно, это вовсе не означает, что для возбуждения солдат использовалась только «константиновская легенда». Тот же А.Е.Розен отмечает далее, что «правда и то, что гренадерам и надежным унтер-офицерам были объявлены другие причины» [6, С. 33]. Но сам факт обращения декабристов к глубинным пластам «народного монархизма», несомненно, имел место в ходе подготовки и осуществления восстания 14 декабря

1825 г., а главное он катапультировал в жизнь устойчивое существование «константиновской легенды», что даст в дальнейшем русским радикальным кругам возможность еще не раз использовать ее для возбуждения антицарских настроений.

Литература

1. Мауль В.Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачевского восстания) // Социокультурные аспекты изучения русского бунта. Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. № 40. 2005. С. 5—44.
2. Филд Д. Размышления о наивном монархизме в России от эпохи Пугачева до революции 1905 г. // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 110—115.
3. Рудницкая Е.Л. Русский радикализм // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М. 1997. С. 7—23.
4. Гордин Я.А. События и люди 14 декабря. Хроника. М., 1985.
5. Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951.
6. Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
7. Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906.

Л.М.Хуторова, Д.С.Салмина

г.Казань

Казанский государственный энергетический университет

РОЛЬ ФАБРИЧНЫХ ИНСПЕКТОРОВ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Современные процессы становления информационного общества не снимают проблему возникновения и разрешения трудовых споров и конфликтов. Обращение к историческому опыту нашей страны позволяет провести параллели и помочь в разработке механизмов их урегулирования.

В отечественной историографии накоплен определенный опыт в осмыслении социальных конфликтов. Уделено достаточно большое внимание «рабочему вопросу» в России в конце XIX — начала XX в. [14]. Однако на современном этапе назрела необходимость обращения с новых методологических позиций, введение в орбиту научного интереса новых ракурсов темы. Об этом, в частности свидетельствуют итоги V Международной научной конференции, проходившей 23—24 сентября 2010 г. в Костромском государственном университете им. Н.А.Некрасова. Ее участники постарались обозначить новейшие подходы и методы исследования рабочего вопроса и социальные аспекты модернизационного развития России на протяжении второй половины XIX—XX столетий [13]. Наблюдаем мы и обращение к региональному аспекту изучения темы. Отметим диссертационное исследование А.В.Морозова «Больничные кассы и страхование рабочих в Казанской губернии: 1912—1919 гг.», по итогам которого автор выпустил монографию [2].

В настоящей работе предпринята попытка выявить роль фабричных инспекторов Казанской губернии в урегулировании трудовых споров в Казани в конце XIX—начале XX в. Исследование базируется на материалах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ). Данное архивохранилище включает фонды, материалы которых позволяют исследовать деятельность структур, созданных при участии государства в конце XIX — начале XX в., по урегулированию трудовых споров на фабриках и заводах. Это фонды номер 793 Казанского губернского по фабричным делам присутствия и номер 1153 фабричного инспектора Казанской губернии. В их составе материалы, хронологически охватывающие 1894 по 1919 гг. География материалов фондов — территория Казанской губернии. В составе архивных документов — отчеты о деятельности фабричного инспектора; статистические сведения о числе и состоянии промышленных предприятий и занятой в них рабочей силы правила внутреннего распорядка предприятий; о состоянии и движении штрафного капитала; расценки урочных, сверхурочных и сдельных работ; жалобы рабочих и переписка о нарушении предпринимателями законов о труде. Данные материалы раскрывают организацию деятельности фабричной инспекции и отражают условия работы казанских рабочих в начале XX века. Изучение архивных материалов позволяет сделать следующие выводы.

Институт фабричной инспекции возник в 1882 г., его первоначальной функцией была защита прав малолетних рабочих. В Казанской губернии фабричная инспекция была образована в 1884 г. Деятельность фабричной инспекции была подчинена Казанскому губернскому по фабричным делам присутствию, созданному в 1886 г. при принятии «Правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» [12]. В состав присутствия входили: губернатор, вице-губернатор, прокурор окружного суда или его товарищ, начальник губернского жандармского управления, окружной фабричный инспектор или его помощник, член от губернской земской управы, член от городской управы и городского головы губернского города. Правилами 1886 г. были расширены функции инспекции, на нее независимо от обязанностей по надзору за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних было возложено:

- наблюдение за исполнением фабрикантами и рабочими правил, определяющих их обязанности и взаимные между ними отношения;
- распорядительные действия по применению обязательных постановлений, издаваемых губернскими фабричными присутствиями и надзор за исполнением этих постановлений;
- рассмотрение и утверждение такс, табелей, расписаний и правил внутреннего распорядка, составляемых фабричными управлениями для руководства рабочих;
- принятие мер к предупреждению споров и недоразумений между фабрикантами и рабочими путем исследования на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон;
- возбуждение преследования и обвинения в суде виновных в нарушении закона [1].

Показателен документ, который освещает рамки компетенции фабричной инспекции, это письмо от директора Казанской учительской школы в губернское по фабричным делам присутствие от 9 октября 1913 г., с просьбой о разъяснении обязанностей и условий труда казенной прислуги в семинарии. В ответ на это присутствие отметило, что: «Настоящие правила могут быть применены Вами как один из способов хозяйственного производства казенных работ, при чем осуществление этих правил находится вне ведения фабричной инспекции. Надзору фабричной инспекции подлежат только взаимоотношения рабочих и владельцев частных промышленных предприятий» [11, Л. 7].

В 1896 г. в Казанской губернии должности окружных инспекторов и их помощников были переименованы в должности старших фабричных инспекторов и фабричных инспекторов. Свои обязанности они делили между двумя промышленными участками. Первым участком заведовал старший фабричный инспектор, в его участок входили следующие уезды с функционирующими на их территории фабриками и заводами: Казанский, Царевококшайский, Свияжский, Цивильский, Чебоксарский, Козьмодемьянский и Ядринский. Руководство вторым брал на себя фабричный инспектор, в его ведение входили следующие уезды: Лаишевский, Мамадышский, Чистопольский, Спасский, Тетюшский, а также лавка Ишмуратова во второй части города Казани.

Личный состав инспекторов включал специалистов, имевших специальное техническое образование. В разные годы должность старшего инспектора Казанской губернии занимали: А.В. Шидловский (1884—1885), А.А.Кунцевич (1885—1901), В.В.Киселев (1901—1909), А.Г.Бодюль (1909—1917). При поступлении на службу на инспекторов заводилась специальная анкета, в которой указывались: Ф.И.О., год рождения, образование, (учебное заведение не указывалось), семейное положение, ордена и награды, был включен пункт «с какого времени находился в должности и какие должности занимал до этого в инспекции и где-либо». Более детальную информацию о схеме принятия на должность фабричного инспектора и о его профессиональной подготовке дают письма вице-директора департамента торговли и мануфактуры старшему фабричному инспектору: «Технолог А.А.Полумордвинов ходатайствует о предоставлении ему должности фабричного инспектора. Предварительно какого-либо решения по сему ходатайству, имею честь обратиться к Вам, Милостивый Государь, с покорнейшей просьбой уведомить меня, насколько Полумордвинов по имеющимся у Вас об его технической деятельности и нравственных качествах сведениям, удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляются к чинам фабричной инспекции. К тому считаю долгом присовокупить, что Полумордвинов окончил курс Харьковского технологического института в 1898 и в настоящее время состоит преподавателем Казанского промышленного училища» [7, Л. 6].

По долгу службы фабричным инспекторам приходилось ездить в командировки, а также брать отпуска. В НА РГ отложились подобные заявления старшего фабричного инспектора фабричному инспектору, датированные 1904 г. В них автор излагает суть просьбы: «имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие, в виду моего отъезда из Казани для посещения фабрик и заводов в уездах на время приблизительно 9—10 дней исполнять за время моего отсутствия в Казани обязанности старшего фабричного инспектора 11 февраля» [4, Л. 1], «в виду разрешенного мне отделом промышленности 2 месячного отпуска, принять на себя с 26 мая 1904 г., обязательства старшего фабричного инспектора» [4, Л. 6], «для ревизии промышленных заведений, я с 11 сего августа отправляюсь на 7 дней в Казанский и Царевококшайский уезды принять на себя обязанности старшего фабричного инспектора, а также прошу Вас и впредь при подобных моих отлучках из Казани принимать на себя обязанности старшего фабричного инспектора» [4, Л. 12], а также заявления старшего фабричного инспектора Казанскому губернатору «имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что сегодня 3 мая я выезжаю из города Казани дней на 4—5 в Козьмодемьянский и Ядринские уезды для обзора фабрик и освидетельствования паровых котлов» [5, Л. 2], «я выезжаю по делам службы в Козьмодемьянский и Ядринские уезды на 5 дней исполнение своих обязанностей на время своей отлучки из Казани поручил фабричному инспектору М.И.Игумнову 2 сентября» [5, Л. 11]. Документы позволяют сделать вывод о том, что за один год старший фабричный инспектор брал один двухмесячный отпуск, и осуществил четыре командировки с целью ревизии фабрик и заводов.

Кадровые перестановки инспекторов имели место быть и не ограничивались территорией Казанской губернии, доказательством того служат письма из министерства финансов старшему фабричному инспектору: «министр финансов изволил назначить с 1 мая 1903 г. фабричного инспектора Казанской губернии Никольского на должность старшего фабричного инспектора Астраханской губернии» [8, Л. 7], «министр финансов

изволил переместить с 16 октября 1903 г. фабричного инспектора Нижегородской губернии М.И. Игумнова на такую же должность в Казанской губернии» [8, Л. 14].

Некоторая роль отводится и делопроизводителям инспекции, их деятельность отражают следующие документы: заявления Окружного фабричного инспектора старшему фабричному инспектору «До моего сведения дошло, что некоторые фабричные инспектора посылают своих письмоводителей за справками или с другими поручениями на фабрики и заводы. Признавая такой порядок неправильным и крайне не желательным, я имею честь просить Ваше высококордие на будущее время ни в каком случае не посылать своих письмоводителей на фабрики и заводы» [6, Л. 11]. «Старшие фабричные инспектора не везде достаточно зорко следят за своими письмоводителями, последствием чего являлись некоторые неблагоприятные действия этих лиц, которые вступались с заведующими в тайное от инспекции сношение, предлагали им свое содействие и т.д. Принимать меры к предупреждению таких явлений, что может быть достигнуто частью более тщательным выбором лиц, которые они принимают для занятий в свою канцелярию. Надо этих лиц поставить так, что они никакого влияния на дела иметь не могут и совета у них не спрашивать» [6, Л. 20].

Фабричная инспекция в числе своих обязанностей осуществляла посредническую деятельность в разрешении трудовых споров. Так, в заявлении работницы завода бр. Крестовниковых В.Н. Филипповой фабричному инспектору излагалась просьба о выдаче пособия за утрату трудоспособности «при самых неблагоприятных условиях работы», автор обосновывала свою просьбу тем, что утрата ею трудоспособности наступила вследствие отсутствия на фабрике «организации надлежащих условий труда» [3, Л. 5]. Через 5 дней последовал ответ от управляющего и врача фабрики с пояснениями, что болезненное состояние Филипповой не связано с условиями труда. В пособии было отказано.

Фабричная инспекция рассматривала не только письменные жалобы, но и выезжала на место для их предупреждения. Ревизии проводились фабричными инспекторами и все обнаруженные нарушения записывались на фабрике в специальных книгах, запись велась и в канцелярии инспектора, сохранились отчеты. Так, за вторую половину 1900 года из 198 предприятий, подчиненных фабричной инспекции, было посещено 30.

Формой предупреждения трудовых споров выступал опрос рабочих. Например, при опросе рабочих сапожной мастерской выяснилось, что из-за узости лестницы рабочие завершали свой труд на пять минут раньше, чтобы беспрепятственно покинуть помещение. Это учитывалось при расчете заработной платы. Фабричный инспектор вынес вердикт: уходить раньше могли только желающие.

Опрос рабочих мог фиксироваться в книге для замечаний фабричной инспекции, примером служит табачно-махорочная фабрика торгового дома «Софья Кондратьевна Н-ца Гейст» «В 1909 году мая 14 при опросе рабочих оказалось, что трем рабочим Аляскиной, Архиповой, Смирновой не выданы расчетные книжки. Если книжки не будут выданы всем рабочим без исключения в недельный срок с сего дня, то заведующий будет подвергнут штрафу» [9, Л. 57].

Надзирающие органы находили опросы рабочих инспекторами нежелательными. Например, в заявлении Окружного фабричного инспектора старшему фабричному инспектору указывалось: «некоторые чины инспекции при ревизии промышленных заведений для выяснения насколько правильно исполняются в них правила о взаимных отношениях не довольствуются ревизией, а употребляют как обычный прием, опрос рабочих. Такой опрос неизбежно ведет к дискредитации администрации завода, поэтому применение этого приема хотя и допускается, но лишь тогда, когда это будет признано необходимым» [10, Л. 268].

Жалобы рабочих позволяли фабричным инспекторам выявить деятельность предприятий, управляющие которых не желали внимания к своей деятельности официальных властей. В этом отношении показательным является заявление фабричного инспектора управляющему лесопильным заводом в имении С.А. Оболенского: «Ко мне поступила жалоба от бывшего рабочего вашего лесопильного завода И.В. Фролова о досрочном увольнении его без предупреждения и без законных оснований и тому ходатайство о вознаграждении брата его Д.В. Фролова за увечье, полученное им 11 января 1914 г. от Вашего лесопильного завода. Между тем у фабричной инспекции не имеется даже сведений о Вашем лесопильном заводе, посему прошу Вас немедленно сообщить мне кем и когда было дано разрешение на устройство лесопильного завода и почему мне не было послано извещение по форме №1 о вышеозначенном несчастном случае с Д. Фроловым» [10, Л. 268].

В ответ же И.В. Фролову фабричный инспектор ответил «т.к. вышеуказанный завод не подчинен еще надзору фабричной инспекции, то Ваше ходатайство и жалоба не подлежат моей компетенции, но Вам надлежит обратиться в суд, предварительно посоветовавшись с присяжным поверенным» [10, Л. 260].

Данный ответ свидетельствует о том, что рабочие, трудившиеся на объектах, не подчиненных инспекции, не могли получать содействия государства в решении трудовых споров.

Рассмотрение споров происходило на самом предприятии, в канцелярии фабричного инспектора и в суде. Трудовые споры возникали не только по инициативе рабочих, но и предпринимателей. Так, за 1902 год из 15 претензий предпринимателей к 37 рабочим: к 27 рабочих претензии были признаны безосновательными за недоказанностью нарушения, двоих рабочих привлекли к суду, одна жалоба была прекращена по просьбе предприятия, и в 7 случаях заключено мировое соглашение. Из 117 единоличных жалоб рабочих за тот же год: на предприятии конфликт был разрешен в 70 случаях, в канцелярии — 47; из 37 коллективных жалоб на предприятиях спор был прекращен в 33 случаях, четыре раза разбор осуществлялся в канцелярии.

Фабричная инспекция выполняла с одной стороны функцию государственного надзора за частными промышленными учреждениями, а с другой — являлась посредником между рабочим и промышленником в решении трудовых споров. Итоги работы казанских инспекторов по каждому году вносились в Сводный отчет фабричной инспекции, которые давали толчок государственному аппарату для принятия законодательных инициатив по улучшению условий труда рабочих.

Литература

1. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. СПб., 1904. URL: <http://www.knigafund.ru/books/25110>.
2. Морозов А.В. Страхование рабочих от несчастных случаев в Казанской губернии, конец XIX в. — 1919 г. / Казан. гос. технол. ун-т. Казань, 2003.
3. НА РГ. Ф. 1153. Оп.1. Ед.хр. 104.
4. НА РГ. Ф. 1153. Оп.1. Ед.хр. 120.
5. НА РГ. Ф. 1153. Оп.1. Ед.хр. 136.
6. НА РГ. Ф. 1153. Оп.1. Ед.хр. 33.
7. НА РГ. Ф. 1153. Оп.1. Ед.хр. 93.
8. НА РГ. Ф. 1153. Оп.1. Ед.хр. 94.
9. НА РГ. Ф. 1153. Оп.1. Ед. хр. 182.
10. НА РГ. Ф. 1153. Оп. 1. Ед. хр. 222.
11. НА РГ. Ф. 793. Оп.1. Ед.хр. 116.
12. Полное собрание законов Российской империи: Сайт Российской национальной библиотеки. Спб.,1886. Т. VI. С. 262—270. № 5769. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html.
13. Рабочие — предприниматели — власть в конце XIX — начале XX в.: социальные аспекты проблемы: Материалы V Междунар. науч. конф.: В 2 ч. / Отв. ред., сост. А.М.Белов. Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2010. Ч. I.
14. Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX—XX вв. / И.М.Пушкарева, Л.И.Бородкин, С.В.Глазунов; Отв. ред. И.М.Пушкарева. СПб., 2011.

М.С. Чирков

г. Самара

Самарская государственная академия культуры и искусств

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ ПЕРИОДА «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» (1950—1960-е гг.)

Важнейшая роль в изучении истории поволжского села советского периода принадлежит демографическому фактору. Миграционные изменения, начавшиеся в СССР в 1930-е годы и продолжавшиеся на протяжении последующих десятилетий, оказали колоссальное влияние на социально-экономические характеристики российской деревни. При этом демографические изменения в различных регионах страны, хотя и имели в своей основе общие тенденции, вместе с тем были специфичны. Подобная специфика базировалась на неравномерности уровня социально-экономического развития. Поволжский регион, рассматриваемый на примере Волгоградской, Куйбышевской, Пензенской и Саратовской областей, является тому подтверждением. На данной территории в 1950-е годы были представлены различные типы хозяйственных отношений. Например, Куйбышевская область была развита в промышленном отношении, в других областях (Саратовская) основой экономики являлось сельское хозяйство. В условиях существования колхозно-совхозного строя различия между деревнями различных регионов страны были невелики: коллективизация проходила по одному сценарию, и восторжествовал единый тип аграрных отношений. Разграничительная линия может быть обозначена лишь на уровне экономического развития.

Вместе с тем, поволжским областям была присуща определенная специфика. Во-первых, они не были затронуты Великой Отечественной войной, кроме Сталинградской (Волгоградской) области, соответственно, представляют идеальную модель для исследования послевоенных аграрных отношений на селе. Во-вторых, эти регионы пребывали в так называемой зоне «рискованного земледелия», здесь были нередки засухи и неурожаи, и, как следствие, голодные годы (1921, 1933, 1946, сложные продовольственные ситуации 1963, 1972—1975, 1979—1981 и 1984 годов). Память о наиболее сильных из них приобрела генетический характер. В-третьих, наличие крупных промышленных центров (Куйбышев, Пенза) являлось мощнейшим катализатором миграции огромного количества крестьян, что имеет большое значение для изучения демографических характеристик всей страны. В-четвертых, «окраинное» положение Поволжья приводило к тому, что именно на этот регион приходился главный удар реформаторских инициатив политического руководства (разного рода почини, целинная эпопея, аккордная система оплаты труда и т.д.).

Демографический фактор — рост миграции, в том числе и стихийной, из села в город — являлся одним из ключевых в 1950—1980-е годы. Она стала усиливаться с конца 1950-х — начала 1960-х гг. Этому немало способствовало ослабление партии паспортного режима в городах. С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация жителей села, в том числе крестьян, лишенных права получения паспортов согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. Колхозникам, выезжавшим в другие области, края и республики на сезонные работы («отходникам»), органы милиции стали выдавать краткосрочные паспорта. Временные паспорта получали и выезжавшие из деревни в город на постоянную работу, учебу и т.д. По существу, колхозникам было предоставлено юридическое и фактическое право свободного выбора места проживания и профессии, и они этим воспользовались. Однако главное даже не в этом, а в том, что возобладала миграция стихийного характера. Здесь сказались и негативные последствия реорганизации МТС, ущемление интересов владельцев приусадебных хозяйств, грубые ошибки местных властей, допущенные при преобразовании колхозов в совхозы, сселение деревень и пр.

Советская урбанизация одним из главных своих результатов имела резкий рост городского населения. Это было связано как с индустриализацией народного хозяйства, созданием новых индустриальных центров, развитием новых городов, так и с идеологическим фактором — переводом исключительно в идеологических целях, то есть для того, чтобы показать высокий уровень индустриализации страны, многих сельских поселений в малые города и поселки городского типа. Тем самым, искусственно увеличивалась численность городского населения, а общество якобы становилось более урбанизированным и, следовательно, более индустриальным. Об этом свидетельствуют данные о приросте городского населения СССР по периодам между переписями населения. Так, например, с 1927 по 1938 годы процент естественного прироста городского населения составил 17,8; с 1939 по 1958 годы — 20,2; с 1959 по 1969 — 40,6; с 1970 по 1978 годы — 43,5. Эти данные показывают, что наиболее интенсивным перевод сельских поселений в города и переезд в них сельских жителей был в период форсированной индустриализации. К концу 1950-х годов этот процесс несколько ослаб. Используя расчеты других авторов об изменении численности городского населения, можно заключить, что значительная часть роста населения городов происходила за счет переезда сельского населения в города. Так, по подсчетам Т.Е.Кузнецовой, городское население за счет преобразования сел в города в 1926—1939 и в 1939—1959 годах составляло 19 и 18% соответственно. В 1939—1970 годах эта цифра составила 14%, в 1959—1970 годах — 9%. Это означает, что в период с 1926 по 1959 гг. (за счет переезда сельского населения в города) городское население увеличивалось более чем на 60%, а в 1959—1970 годах — примерно на 50% [6, С. 31].

Демографическая статистика свидетельствует, что с 1961 г. впервые в стране стало меняться (в пользу города) соотношение между городским и сельским населением: в конце года оно составляло 51 и 49%, через год — 52 и 48%, а в 1964 г. достигло 53 и 47%. Примечательно, что из покинувших деревню в 1960—1964 гг. 7 млн. человек, 6 млн. приходилось на лица в возрасте от 17 до 29 лет, т.е. на молодежь [3, С. 91—99]. Средний возраст работающих в сельском хозяйстве превысил 50 лет. Но это означало не только рост городских потребителей сельскохозяйственной продукции, но и самое опасное — снижение производительности труда в сельском хозяйстве в связи с оттоком молодежи, постарением деревни. В колхозах Поволжья и Приуралья эта группа населения (пожилые колхозники) в 1961 г. составляла 15—19%, в 1963 — уже 20—24,7%. В 1959 г. в РСФСР общее количество колхозников трудоспособного возраста было меньше, чем в 1945 г. на 7,3% [5, С. 18—20]. Хрущевская «сверхпрограмма» сселения деревень, строительства агрогородов была, прежде всего, ориентирована на молодежь, подрастающее поколение. Она, несомненно, содержала «рациональное зерно», однако была недостаточно подкреплена материально, плохо просчитана по времени: замыслы и планы реформатора значительно опережали возможности государства.

В то же время, говоря о миграционных процессах хрущевской эпохи нельзя не отметить и некоторое «налаживание» ситуации по сравнению с 1940-ми годами. В РСФСР за 1945—1958 гг. без разрешения правлений колхозов выбыло 1 млн. 688 тыс. крестьян. В первое послевоенное пятилетие наибольший отток крестьян отмечался и в некоторых областях центра Поволжья, где бурными темпами развивалась промышленность. Многие колхозы не проводили оплату трудодней, а выплаты налогов и обязательные поставки продуктов государству составляли значительную часть доходов личного хозяйства крестьян. Только с середины 1950-х гг. стихийный отток стал уменьшаться. Помимо естественного процесса пополнения колхозов, деревня в 1950-е гг. пополнилась мобилизованными из городов «тридцатитысячниками» (председатели колхозов) и специалистами сельского хозяйства (агрономы, зоотехники, механизаторы). Только в поволжские деревни с 1953 по 1958 г. было принято 267,2 тыс. новых колхозников, в том числе 30 тыс. специалистов и механизаторов [4, С. 32—38]. Возвращались в деревню и ранее выбывшие колхозники. Произошло это в результате налогового облегчения, повышения оплаты труда, в том числе гарантированной.

В рассматриваемый период произошли значительные изменения в половозрастной структуре и в соотношении трудоспособного и нетрудоспособного населения колхозов. Численность детей и подростков (12—15 лет) заметно уменьшилась по всем регионам РСФСР. Это было связано с демографическими последствиями войны, миграцией молодых семей, а также выездом подростков на учебы в школы ФЗО, ремесленные училища, техникумы и вузы. Снижение численности и удельного веса этой наиболее перспективной группы

колхозного населения ухудшило демографическую структуру крестьянства, его собственное воспроизводство и обеспеченность трудовыми ресурсами в последующие годы.

В соотношении полов среди трудоспособных колхозников к концу 1950-х гг. также произошли заметные сдвиги — доля мужчин увеличилась, а женщин уменьшилась, хотя удельный вес женского населения был все же больше, чем мужского. Эти демографические изменения отрицательно сказались на состоянии трудовых ресурсов колхозов. В 1958 г. структура работающих в колхозном производстве областей Поволжья и Приуралья выглядела следующим образом: мужчины составляли 25,5%, женщины — 43,5%, нетрудоспособные и престарелые — 20,5, подростки — 5, колхозники, проживающие на территории колхозов, но работающие вне его производства — 5,5% [1, С. 8].

К концу 1950-х годов обратный поток в деревню уменьшился. Правда, пополнение колхозов новыми членами и возвращение в деревню бывших колхозников не могли перекрыть все более возрастающий отток из села в город. За послевоенные годы (1945—1959 гг.) этот отток все увеличивался, хотя наблюдались, как говорилось, и своеобразные волнообразные колебания миграции «село — город». Под влиянием социальных и экономических факторов в центре страны сложился и своеобразный характер расселения. В основном преобладали мелкие и средние, сильно рассредоточенные по территории сельские поселения: до 100 жителей — 23% поселений, от 101 до 500 человек — 45% поселений. Крупных поселений, где проживало более 2 тыс. человек, было мало — всего 7% от общего числа сельских населенных пунктов [2, С. 42]. Подобная поселенческая структура затрудняла создание социокультурной инфраструктуры в деревне и способствовала оттоку населения в города, а переселение крестьян из мелких деревень в крупные поселки ускорило отрыв крестьянина от земли и дальнейшее «раскрестьянивание» деревни.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 310. Оп. 72. Д. 154.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1962.
3. Российский государственный архив экономики. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1597.
4. Российский государственный архив экономики. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1256.
5. Население СССР. Справочник. М., 1983.
6. Население СССР. 1987. Статистический сборник. М., 1988.

ТЕОРИЯ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

М.А.Базанов

г. Челябинск

Челябинский базовый медицинский колледж

А.А.ЗИМИН И А.С.ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ СОВЕТСКОГО ИСТОРИКА

В уже ставшей многочисленной «зиминоведческой» литературе вопрос о методологических убеждениях историка относится к числу дискуссионных. Часть историографов (Д.М.Володихин [1], С.М.Каштанов [7], В.А.Муравьев [11]) склонны выводить все (или значительную часть) творчества историка за рамки марксизма, в то время как другие (А.М.Дубровский [3]) говорят об отходе от марксизма применительно лишь к самой последней книге ученого. В феврале 2012 г. появилась интернет-публикация некоторых из личных записей историка, отложившихся в домашнем архиве А.Л.Хорошкевич. Они подтверждают, что уже в конце 1940-х гг. историк пытался выстроить собственные представления об историческом процессе, опираясь при этом на русскую религиозную философию [5]. Однако достаточно ли этого для того, чтобы заявить об отходе А.А.Зиминова от марксистской методологии? По-видимому, нет. Так, А.М.Дубровский еще до приведенной выше публикации имел возможность ознакомиться с домашним архивом историка и отмечал его тяготение к таким мыслителям, как В.С.Соловьев, Л.П.Карсавин, Н.А.Бердяев, однако при этом замечал: «В идеях Зиминова, выходящих за пределы марксизма, было больше размышлений и нелегких исканий, чем обретений и находок» [4, С. 709]. Прижизненные же публикации ученого, полагал историограф, вполне органично включают в себя марксистские теоретико-методологические конструкции.

Таким образом, остается констатировать, что даже обнаружение личных записей ученого (в настоящий момент домашний архив А.А.Зиминова остается закрыт для исследователей) вряд ли поможет дать ответ на данный вопрос. Полагаем, что эти материалы в дальнейших разысканиях историографов будут играть лишь «вспомогательную роль», основное значение следует уделять именно анализу печатных трудов ученого. Однако при работе с ними следует учитывать тот факт, что они были написаны в условиях советской системы идеологического контроля над наукой, главной особенностью которой является наличие насаждаемой «сверху» «единственно правильной» методологии исследования. В такой ситуации исследователь вынужден «мимикрировать», приспосабливаться к предъявляемым к нему требованиям. Поэтому, с нашей точки зрения, не следует делать поспешных выводов о принадлежности того или иного автора к марксизму исключительно на основе использования им цитат из «классиков» и соответствующих мыслительных конструкций в тексте исследования. Определяющее значение приобретает тщательный анализ конкретно-исторических построений автора, менее всего подвергавшихся цензуре, и, что не менее важно, самоцензуре. Мелкое замечание, случайная оговорка может сыграть большую роль в характеристике воззрений ученого. В определенной степени такой метод изучения текстов сходен с психоанализом, ориентированным на проникновение в непосредственно не проявляющее себя подсознание.

В 1969 г. была опубликована единственная статья А.А.Зиминова, полностью посвященная теоретическим проблемам источниковедения [5]. Рассматривать всю систему его источниковедческих воззрений в рамках этой небольшой публикации не имеет смысла, остановимся лишь на некоторых ее аспектах.

Во-первых, обращает на себя внимание авторское понимание сущности исторического источника. По А.А.Зимину, источники «сами по себе являются историческими фактами» и создаются «в качестве средства активного влияния их творцов на ход событий той эпохи». Источник, таким образом, представляется ему результатом некоего творческого акта, результатом взаимодействия человека и окружающей его социальной среды.

Симптоматично, пожалуй, и еще одно из замечаний А.А.Зиминова. Источник, согласно ему, имеет синтетический характер, «является результатом взаимодействия различных аспектов деятельности и воззрений человека» [5, С. 426], но при этом историк не подчеркнул, какая из них является в деле формирования источника определяющей. Классовая борьба в качестве таковой в статье не фигурирует. Однако если источник сам по себе является фактом исторического процесса, то определяющее влияние на процесс его производства должны оказывать именно основные факторы исторического развития общества.

Во-вторых, говоря о недостатках «источниковедения системы фактов», основанного на идеях А.А.Шахматова, в числе их историк обозначил «модернизацию мышления древнерусского писателя». Ученый, таким образом, открыто заявил о принципиально ином, отличном от современного, мировосприятии человека другой эпохи. А.А.Зимин полагал, что «без дальнейшего изучения философских и религиозных

представлений Древней Руси, без исследования специфики мышления того времени в целом, конечно, исследовать памятники древнерусской письменности очень трудно» [5, С. 433—434].

Оба этих положения фактически являются видоизмененными идеями А.С.Лаппо-Данилевского об источнике как реализованном продукте человеческой психики и принципе чужой одушевленности. В свою очередь источниковедческие воззрения самого А.С.Лаппо-Данилевского были порождены таким далеким от марксизма философским учением, как неокантианство [см.: 2; 8; 12; 13; 15].

Был ли А.А.Зимин знаком с «Методологией истории» А.С.Лаппо-Данилевского? В нашем распоряжении нет фактов, подтверждающих такое предположение. Однако в его статье упоминается работа А.С.Лаппо-Данилевского «Очерки русской дипломатики частных актов». Характерно, что он отказался от однозначной критики своего предшественника, более того, поставил фигуру А.С.Лаппо-Данилевского в один ряд с А.А.Шахматовым, в понимании А.А.Зиминой заложившим основы «источниковедения системы фактов». Однако высказаться о столь крупном представителе «идеализма» в исторической науке в положительном ключе было попросту невозможно. А.А.Зимин бросил ему упрек в том, что при анализе актовых материалов он отрывал форму документа от его содержания, в результате чего «конкретно-историческая действительность очень часто (а, значит, не всегда — М.Б.) оставалась за пределами исследования этого ученого» [5, С. 435].

Однако для знакомства с идеями А.С.Лаппо-Данилевского А.А.Зимину не нужно было непосредственно обращаться к его трудам. Идеи резко критикуемого «идеализма», несмотря на их несоответствие марксистскому материалистическому пониманию исторического процесса, продолжали жить в исторической науке, пусть даже и в неявно выраженном виде. Одним из каналов ретрансляции их стала кафедра вспомогательных исторических дисциплин Московского историко-архивного института [см., напр.: 10; 16]. Именно там и преподавал А.А.Зимин с 1947 по 1974 гг. Отметим, что первым заведующим кафедры стал ученик А.С.Лаппо-Данилевского А.И.Андреев [См.: 9], с которым у А.А.Зиминой сложились теплые, дружеские отношения, о чем свидетельствует их активная переписка, развернувшаяся после вынужденного отъезда Александра Игнатьевича в Ленинград [14].

Своего рода штампом, устоявшимся мнением в современной историографии стало утверждение о марксистском характере советской исторической науки. Однако не является ли это утверждение одним из пропагандистских штампов, не отражающих всей полноты интеллектуальной жизни советских ученых?

Литература

1. Володихин Д.М. Очерк методологии А.А.Зиминой // Вестник Университета Российской академии образования. 1996. № 1. С. 30—47.
2. Дорошенко Н.М. Методология истории А.С.Лаппо-Данилевского в системе российской философии истории // Клио. 2013. №12(84). С. 13—16.
3. Дубровский А.М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005. № 4. С. 140—150.
4. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России. Брянск, 2005.
5. Зимин А.А. Размышления. URL: <http://valeria40.ru/pamiati-zimina-zimin3>.
6. Зимин А.А. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1069. С. 427—449.
7. Каштанов С.М. К 80-летию А.А.Зиминой // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 226—227.
8. Клибанов А.И. А.С.Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII. Л., 1990. С. 249—280.
9. Медушевская О.М. История науки как динамический процесс: К 120-летию со дня рождения со дня рождения А.И.Андреева // Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010. С. 329—342.
10. Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография / Под ред. Ю.Н.Афанасьева. М. 1996. С. 42—77.
11. Муравьев В.А. Александр Александрович Зимин // Историки России. Послевоенное поколение / Сост. Л.В.Максакова. М., 2000. С. 166—175.
12. Приймак Н.И. Понятие «исторический источник» в методологии истории А.С.Лаппо-Данилевского // Клио. 2013. №12(84). С. 19—23.
13. Пронштейн А.П. Теория и методология исторического исследования в труде А.С.Лаппо-Данилевского «Методология истории» // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 39—58.
14. Простоволосова Л.Н. А.А.Зимин и А.И.Андреев: из биографической хроники (письма А.А.Зиминой А.И.Андрееву) // Россия в X—XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Тез. докл. и сообщ. Вторых чтений, посв. памяти А.А.М., 1995. Ч. 1. С. 33—35.
15. Румянцева М.Ф. Русская версия неокантианства: к постановке проблемы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. № 1. С. 130—141.
16. Румянцева М.Ф., Казаков Р.Б. Научно-педагогическая школа Историко-архивного института: аспекты институционализации // Сообщество историков высшей школы России: научные практики и образовательная миссия. М., 2009. С. 40—43.

А.Н.Галямичев

г.Саратов

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

А.А.Семенова

г.Саратов

Поволжский Институт управления им. П.А.Столыпина РАНХиГС

**ВЕНЕЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
(ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ
В МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ»)**

В рамках магистерской программы «Западноевропейская цивилизация в средние века и в эпоху Возрождения», которая разработана кафедрой истории средних веков Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского, преподается курс «История средних веков в мировой художественной культуре». Его постановка позволяет решить несколько важных задач. Во-первых, материал курса дает убедительное обоснование значимости эпохи Средневековья во всемирной истории. На протяжении столетий выдающиеся мастера искусства вновь и вновь обращались к драматическим страницам средних веков, величественным и зловещим фигурам исторических деятелей этой эпохи, к тем художественным образам, которые были созданы средневековыми мастерами слова, кисти и резца. Во-вторых, курс «История средних веков в мировой художественной культуре» позволяет заново перелистать основные страницы истории мировой литературы, изобразительного искусства, музыки, театра, архитектуры, взглянуть на наследие разных эпох под новым углом зрения, сделать представление о нем более полным и многомерным.

Необычайно богатый материал для постановки такого рода вопросов дает поэтическое творчество Русского Серебряного века, в котором мотивы истории Западного Средневековья занимали очень важное место. Пожалуй, никогда прежде и никогда впоследствии наследие средних веков не становилось предметом такого пристального интереса в художественном творчестве России, как в произведениях поэтов начала XX века.

В основе этого лежало созвучие поэтики символизма художественному языку культуры западного средневековья: последняя говорила на языке символов, что создавало возможность своеобразного диалога эпох и культур. Кроме того, свою роль сыграло также исключительное богатство и разнообразие культурного наследия средних веков в странах Западной Европы. Оно не могло не оказывать чарующего воздействия на русских поэтов, волею судеб оказывавшихся на улицах и площадях древних городов, под сводами романских и готических храмов, на стенах и башнях средневековых замков, вокруг которых витал дух исторических сказаний и рыцарских романов.

Среди многочисленных уголков Европы, хранивших память столетий средневековья, особое место принадлежит Венеции. Рожденная на пороге средних веков драматическими событиями эпохи Великого переселения народов, Венеция выросла к началу Нового времени в мощную морскую республику, ставшую форпостом Европы в противостоянии с Османской империей. Удивительный город, расположенный на тысяче островов, где трудолюбием, дерзостью и предприимчивостью венецианцев, были созданы уникальные памятники архитектуры и великие творения живописи, превратился к началу XX века в заповедник средневековья: ушли в прошлое политическое могущество Венеции и ее роль важнейшего центра международной торговли, главного связующего звена между Востоком и Западом, а природные условия не благоприятствовали не только промышленному развитию или развитию современных средств транспорта, но даже новому жилищному строительству. Именно это и придавало городу особую притягательную силу для поклонников западного средневековья, производило неотразимое эмоциональное впечатление.

Вопрос об образе Венеции в произведениях русских поэтов уже неоднократно поднимался в исследованиях литературоведов [Нельзя не вспомнить в этой связи, прежде всего, исследование Н.Е.Меднис: 8]. Мы попытаемся рассмотреть его в одном из аспектов, который до сих пор не привлекал внимание исследователей: насколько русская поэзия отразила ведущие тенденции развития исторического сознания в начале XX века.

Период Серебряного века характеризовался нарастанием субъективизма в восприятии исторического прошлого, и этот процесс отразился в поэзии с особой отчетливостью в силу ее своеобразной природы.

В качестве точки отсчета представляется уместным избрать два стихотворения В.Я.Брюсова, написанные им в 1902 году. Русский поэт видит во внешнем облике великого города отражение его былого величия, памятник дерзости и твердости духа сложившегося на островах лагуны типа личности, черты которой оказываются созвучными внутреннему миру самого поэта:

«Здесь — пришлец я, но когда-то здесь душа моя жила.
Это понял я, припомнив гондол черные тела.

Это понял, повторяя Юга полные слова,
Это понял, лишь увидев моего святого Льва!

От условий повседневных жизнь свою освободив,
Человек здесь стал прекрасен и как солнце горделив.

Он воздвиг дворцы в лагуне, сделал дожем рыбака,
И к Венеции безвестной поползли, дрожа, века.

И доныне неизменно все хранит здесь явный след
Прежней дерзости и мощи, над которой смерти нет» [3, С. 84—85]

Тот же образ Венеции средних веков и эпохи Возрождения как средоточия свободолюбия и творческого духа рисует четверостишие другого стихотворения:

«В топи илистой лагуны
Встали белые дворцы,
Пели кисти, пели струны,
Мир судили мудрецы.

Сколько гордых, сколько славных,
Провожая в море день,
Созерцали крыл державных
Возрастающую тень» [4, С. 83]

Образ Венеции долгие годы служил источником творческого вдохновения М.Волошина: создав в 1899 году четверостишие, он в 1910 году закончил работу над стихотворением из пяти строф, в котором ранние строки стали заключительными [Об этой странице творчества М.Волошина имеется специальное исследование: 1]. Волошинское восприятие города существенно отличается от поэтического образа В.Я.Брюсова — это не столько взгляд на пройденный Венецией исторический путь, сколько собирательный образ шедевров венецианской живописи эпохи Возрождения:

«Резные фасады, узорные зданья,
На алом пожаре закатного стана
Печальны и строги, как фрески Орканьи,
Горят перламутром в отливах тумана.

Устало мерцают в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья...
Вечернее солнце, как алая рана...
На всем бесконечная грусть увяданья.

О пышность паденья, о грусть увяданья!
Шелков Веронеза закатная Кана,
Парчи Тинторетто... и в тучах мерцанье
Осенних и медных тонов Тициана...» [5, С. 19]

В «Венеции» Александра Блока (1909) присутствует мотив венецианской живописи, однако обретает иное звучание: Венеция и шедевр кисти Тициана «Саломея» выступают уже не в качестве самостоятельного образа, а в качестве средства выражения лирического «я» поэта:

«Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугуновой,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Все спит — дворцы, каналы, люди.
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак» [2, С. 240]

В том же качестве среды (или даже сцены), отмеченной яркими внешними приметами, но не играющей самостоятельной роли, образ Венеции выступает в стихотворениях А.А.Ахматовой (1912), И.А.Бунина (1913), ряде произведений Н.С.Гумилева [Как отмечается в одном из специальных исследований, «погружение в мир Венеции подчеркивает иррациональность и бесконечность пространства стихотворения Гумилева» (6, С. 185)].

Стихотворение О.Э.Мандельштама (1920) во многом созвучно произведениям русских поэтов второго десятилетия XX века, однако в нем образ Венеции приобретает новое качество: он становится своеобразным символом вечных вопросов человеческого бытия и великой драмы всемирной истории, с особой силой поставленных в годы мировой войны и революции:

«Тяжелы твои, Венеция, уборы,
В кипарисных рамах зеркала.
Воздух твой граненый,
В спальне тают горы
Голубого, дряхлого стекла.

Только в пальцах роза или склянка —
Адриатика зеленая, прости!
Что же ты молчишь, скажи, венецианка,
Как от этой смерти праздничной уйти?

Черный Веспер в зеркале мерцает.
Все проходит. Истина темна.
Человек рождается. Жемчуг умирает.
И Сусанна старцев ждать должна» [7, С. 204—205].

Таким образом, обращение к произведениям русских поэтов Серебряного века позволяет не только выявить значимость наследия эпохи Средневековья для мировой художественной культуры, но и проследить особенности восприятия истории русскими интеллектуалами первых десятилетий XX века.

Литература

1. Алешка Т.В. Венеция в поэзии Максимилиана Волошина. URL: <http://elib.bsu.by>.
2. Блок А. Венеция // Блок А. Незнакомка: Стихотворения и поэмы. М., 2004. С. 239—240.
3. Брюсов В.Я. Венеция // Брюсов В.Я. Лирика. Минск, 1999. С. 84—85.
4. Брюсов В.Я. Лев святого Марка // Там же. С. 82—84.
5. Волошин М. Венеция // Волошин М. Собрание сочинений. М., 2000. Т. 1. С. 19.
6. Куликова Е.Ю. Прогулка по Венеции Николая Гумилева // Критика и семиотика. Новосибирск, 2010. Вып. 14. С. 179—185.
7. Мандельштам О. Веницейская жизнь // Мандельштам О. Лирика. Минск, 2000. С. 203—205.
8. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.

Е.В.Горькова, Е.С.Иванцова

г.Арзамас

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного
университета им. Н.И.Лобачевского*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ»

Обществознание как учебная дисциплина вполне заслуженно имеет статус одного из ключевых предметов гуманитарного цикла, направленного на формирование мировоззрения обучающихся. В этой связи повышенный интерес к содержанию и системе преподавания курса «Обществознание» вполне закономерен. Содержательная часть названного предмета включает такие тематические блоки как философия, социология, правоведение, политология.

Анализ наиболее распространенных на сегодняшний день учебно-методических комплексов по «Обществознанию» (А.И.Кравченко; А.Н.Иоффе, Л.В.Мостяева, Н.Ф.Крицкая и др.) позволяет сделать вывод, что

авторы уделяют разное внимание основным категориям философии, экономическим явлениям, политической системе общества, юриспруденции. Многие разделы учебников, разработанные в соответствии с возрастными и познавательными способностями учащихся, ориентированы, как правило, на «среднего» ученика и не учитывают информационной осведомленности сегодняшних школьников.

Кроме того, существует еще одна немаловажная особенность: материал учебника зачастую успеваешь устареть, прежде чем поступает в школы. В первую очередь, это относится к выдержкам из нормативно-правовых актов. Это замечание справедливо и в отношении статистических данных об эффективности работы предприятий и организаций. В связи с этим школьники зачастую изучают историю права и историю экономики.

Названные выше особенности «Обществознания» как учебного предмета заставляют учителя находиться в постоянном поиске актуальной информации, в то же время, подстраиваться под жесткие рамки программы.

Перманентное реформирование всей системы российского образования поставило перед учителем новую задачу: переход на федеральные государственные образовательные стандарты, и как следствие этого, формирование комплекса компетенций у обучающихся [6]. Следует подчеркнуть тот факт, что оно вполне соответствует логике и потребностям развития современного общества. Так, многие исследователи справедливо считают, что «процесс обучения, основанный на методологии тиражирования только накопленных отраслевых знаний, безнадежно устарел» [2, С. 46].

Таким образом, на первый план выступает вопрос о технологиях обучения, направленных не только на реализацию компетентностного подхода в преподавании, но и способствующих эффективной реализации на практике возможности учиться на протяжении всей жизни, развивать навыки самосовершенствования и саморазвития. Немаловажное значение имеет при этом знакомство обучающихся с социальной практикой, что продиктовано целями и задачами освоения дисциплины, и направлено на реализацию компетентностного подхода в образовании.

На наш взгляд данным требованиям в полной мере отвечают инновационные технологии в образовании, с помощью которых возможно определить наиболее оптимальные пути и средства качественного решения учебно-воспитательных задач на уроках обществознания, а также адаптировать материал предмета к возрастным особенностям и познавательным потребностям обучающихся.

На сегодняшний день существует необходимость обобщить и систематизировать весь накопленный опыт в рамках данной тематики. Эта работа обусловлена потребностью дальнейшей теоретической и экспериментальной разработки вопросов использования инновационных технологий в образовательной деятельности.

Теоретической основой использования инновационных технологий в процессе изучения обществознания сегодня являются методология педагогических исследований (Ю.К.Бабанский, М.В.Богуславский, Б.С.Гершунский, А.Я.Данилюк, В.И.Загвязинский, В.С.Ильин, В.В.Краевский, И.Я.Лернер, З.И.Равкин, М.Н.Скаткин, В.А.Сластенин и др.); современные подходы к организации образования (Г.С.Абрамова, С.А.Беличева, Е.В.Бондаревская, В.Г.Бочарова, М.А.Викулина, Н.И.Вьюнова, М.А.Галагузова, И.А.Липский, Л.В.Мардахаев, В.А.Никитин, Р.В.Овчарова, А.Б.Серых, Е.Г.Силяева, В.А.Сластенин, Т.В.Склярова, Т.Т.Щелина, И.С.Якиманская и др.); деятельностный подход и его роль в целостном учебно-воспитательном процессе (К.А.Абульханова-Славская, Б.Г.Ананьев, А.Г.Асмолов, М.М.Бахтин, С.К.Бондырева, Л.С.Выготский, П.Я.Гальперин, В.В.Давыдов, М.В.Демин, Л.В.Занков, И.С.Кон, В.А.Кручинин, В.А.Лекторский, А.Н.Леонтьев, Р.С.Немов, А.В.Петровский, С.Л.Рубинштейн, Б.М.Теплов, Л.И.Уманский, Д.И.Фельдштейн, Д.Б.Эльконин и др.); компетентностный подход к изучению проблем профессионального становления личности (В.А.Адольф, В.И.Байдено, А.В.Баранников, Ю.В.Варданян, А.А.Дорофеев, Э.Ф.Зеер, В.А.Кальней, Ю.В.Койнова, Н.Е.Костылева, С.В.Мелешина, Н.Н.Нацаренус, А.М.Новиков, Л.А.Петровская, Г.К.Селевко, Г.М.Храмова, А.В.Хугорский, О.В.Чуракова и др.); проектно-информационный подход к профессиональной подготовке обучающихся и влияние информационных факторов на подрастающее поколение (Г.Г.Воробьев, Е.Н.Дмитриева, О.Б.Дубин, А.П.Ершов, Л.С.Зазнобина, В.А.Кайман, А.П.Короченский, Н.Е.Маркова, В.М.Монахов, В.П.Морозов, А.А.Новикова, О.Г.Прикот, Е.П.Смирнов, Т.А.Флоренская, И.В.Чельшева, Е.В.Якушина и др.).

Большое значение для теоретического осмысления проблемы использования инновационных технологий в процессе изучения курса «Обществознание» имеют концептуальные положения основных форм, методов и средств развивающего обучения личности (Л.В.Занков, В.В.Давыдов, Д.Б.Эльконин) и теории проектирования (Л.В.Байбородова, В.С.Безрукова, В.Г.Беспалько, Ю.К.Бабанский, В.В.Краевский, С.Л.Паладьев, Е.С.Полат, М.И.Рожков), а также психолого-педагогические труды по проблеме деятельности. В работах П.К.Анохина, Б.Г.Ананьева, А.Н.Леонтьева, Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, Г.В.Суходольского раскрыты вопросы структуры деятельности. Педагогические теории Ю.К.Бабанского, В.П.Беспалько, В.В.Краевского, П.И.Пидкасистого направлены на изучение различных видов деятельности и ее роли в развитии личности.

Особого внимания заслуживают исследования инновационного процесса общественно-производственной сферы. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что внедрение инновационных образовательных технологий

началось именно в производственно-техническом обучении. Здесь следует отметить труды А.И.Анчишкина, В.Н.Архангельского, Л.С.Бляхмана, Г.А.Васильева, И.М.Волкова, С.Ю.Глазьева, А.А.Дагаева, В.И.Дуженкова, Е.А.Олейникова и др.

Изучение современного состояния и перспектив развития инновационных технологий в образовании предпринимали А.А.Александров, О.В.Бондаренко, Г.Ф.Бедулина, Н.В.Войниленко, В.А.Дмитриев, С.В.Долгих, Т.В.Жукова, И.О.Загашев, М.В.Кларин, Ю.Н.Колоткин, Е.В.Меттус, И.В.Муштавинская, В.Н.Селуянов, Ю.Н.Соболев, Г.И.Хозяинов, И.И.Янушевич и др.

Анализ современной ситуации развития образования выдвигает на первый план проблему внедрения и эффективного использования в теории и практике обучения инновационных технологий. Изучение психолого-педагогической категории «инновационные технологии» дает возможность интерпретировать ее как интегративную характеристику современного содержания учебных дисциплин, современных подходов и методов обучения и воспитания, современной инфраструктуры процесса образования, направленных на формирование комплекса компетенций у обучающихся, с целью их эффективной адаптации в современном социуме и активной социальной практике [3, С. 5]. Данный подход к инновационным технологиям в образовании в полной мере отвечает требованиям федеральных государственных образовательных стандартов.

В настоящее время в психолого-педагогической литературе представлены различные классификации инновационных технологий в образовании. На наш взгляд, наиболее оптимальной является градация инновационных технологий в образовании С.В.Долгих [3]. Данная классификация отражает характерные особенности «технологии» как педагогической категории и ее инновационности, с точки зрения современных образовательных потребностей обучающихся и педагогов.

Использование инновационных технологий в процессе образования ставит на повестку дня вопрос о формах организации образовательно-воспитательного процесса. Наиболее распространенной сегодня является дистанционная форма организации обучения. Однако в практике отечественной системы образования по-прежнему преобладает традиционный подход к организации учебно-воспитательного деятельности. Инновационные технологии используются как методы, способствующие повышению качества процесса обучения.

В этой связи, использование инновационных технологий в процессе изучения курса «Обществознание» положительно влияет на повышение мотивации обучающихся к учебной деятельности, развитию личности обучающихся с активной гражданской позицией, способствует формированию умения ориентироваться в современном мире.

Литература

1. Бондаренко О.В. Современные инновационные технологии в образовании. URL: <http://rus.triz-guide.com>.
2. Дмитриев В.А. Технология инновационного проектирования в учебном процессе подготовки инженеров // Вестник ТГПУ, 2009. Вып. 4 (82). Серия: Педагогика. С. 46—50.
3. Долгих С.В. Инновационные образовательные технологии в преподавании гуманитарных и экономических дисциплин. URL: <http://www.syntone.ru/library/books/content/2502.html>.
4. Жукова Т.В. Условия проектирования инновационной деятельности старшеклассником в образовательной среде лицея. URL: <http://rus.triz-guide.com>.
5. Инновационные технологии в преподавании гуманитарных дисциплин / А.А.Александров, Ю.Н.Соболев. URL: <http://rt.mipt.ru/science/pedagogy/work-1>.
6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ (с учетом изменений, внесенных Федеральными законами от 7 июня 2013 г. № 120-ФЗ, от 2 июля 2013 г. № 170-ФЗ, от 23 июля 2013 г. № 203-ФЗ).

Л.В.Горькова,

г.Арзамас,

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского

ИЗУЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ГУСТАВА ЭВЕРСА РОССИЙСКИМИ ЭМИГРАНТАМИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

Иоганн Филипп Густав Эверс (1779—1830) историк-юрист, профессор, а с 1818 г. — ректор Дерптского (ныне Тартуского) университета. В центре внимания исследователя были вопросы истории государства и права древней Руси. Труды дерптского ученого, посвященные фундаментальным вопросам отечественной исторической науки, таким как, образование Древнерусского государства, этническая принадлежность его основателей, родовая теория происхождения государственности и права, общественный строй Древней Руси были отмечены историками-эмигрантами первой волны.

Как правило, эмиграция первой волны была политической. Вероятно, именно поэтому она оставила наиболее яркий след в мировой истории. В настоящее время в связи с доступностью многих ранее закрытых архивных фондов, публикацией ранее неизвестных широкому кругу общественности документальных материалов, активным изданием мемуаров деятелей русского зарубежья явно обозначились предпосылки для изучения исторической природы, интересов и деятельности представителей русской эмиграции данного периода.

Оказавшись за пределами Родины, русские историки-эмигранты создали научные общества, которые сложились и активно действовали во многих европейских столицах. Это относится в первую очередь к таким крупным русским центрам, которые образовались в Праге, Париже, Белграде, Берлине, Софии. Долгое время тема эмиграции вообще оставалась закрытой в нашей стране и только с начала 1980-х гг. начинается ее активная разработка.

Проблема изучения научного наследия историка-юриста первой трети XIX в. Густава Эверса в трудах представителей российской эмиграции первой волны предпринимается впервые. Так, первое упоминание о дерптском исследователе в трудах историков-эмигрантов встречаем в работе Л.М.Сухотина «Краткий очерк хода русской историографии» (1927 г.). Исследователь упомянул о том, что Соловьев признал «родовое начало, значение которого в древней русской истории впервые заметил Густав Эверс... ее основным движущим принципом» [6, С. 64].

Последующие заметки об Эверсе были более содержательными. Так сторонник норманнской теории, последовательный критик В.А.Мошин сначала в статье 1931 г. «Варяго-русский вопрос» (второе издание 2010 г.), а затем тремя годами позже в работе «Начало Руси. Норманны в Восточной Европе» (1934 г.) называл гипотезу Густава Эверса о хазарских корнях древних руссов «хитросплетением» и «лингвистическими трюками» (подобно другим антинорманистским теориям о начале Русского государства и имени русского народа) [3, С. 285—306]. В то же время этот историк, отмечая основательность трудов многих антинорманистов, в том числе и Эверса, которого «никак нельзя причислять к дилетантам» [2, С. 13], абсолютно точно подчеркнул, что «было бы весьма занятно искать публицистическую, тенденциозно-патриотическую подкладку в антинорманистских трудах Эверса...» [3, С. 15].

Конкретное обращение к историческим трудам дерптского профессора демонстрирует специалист в области древнерусского права Д.М.Одинец в работе, изданной в Париже в 1935 г. «Возникновение государственного строя у восточных славян». Так в примечании на заметку о «влахах» он указал мнение Н.Хлебникова, ссылающегося на авторитет Эверса, который также признавал влахов русских летописей за болгар. Значительное внимание Одинец уделял историографическому описанию различных теорий общественной организации восточных славян. Наряду с племенной, общинной и задружной, исследователем была представлена и родовая теория происхождения государства. Основными адептами ее названы историки Эверс, Рейц, Соловьев, Кавелин [4, С. 32, 150].

Подробнее остановимся на сочинении Н.Н.Ильиной «Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки», опубликованной в 1955 г. в Париже и переизданной в 2010 г. Как и многие другие историки Русского Зарубежья, автор отмечала пагубное влияние норманизма на историю вообще, и, в частности, историю как научную дисциплину [1, С. 22]. Научные воззрения жены разделял известный философ И.А.Ильин. Так в письме своему другу правоведа, историку и культурологу В.А.Рязановскому он отметил: «Давно пора сбросить этот шлецеровски-байеровский гипноз, который странно заворожил русских историков...» [5, С. 151]. Это особенно актуально звучало в конце 30-х гг. XX века (именно в конце 1930-х гг. Н.Н.Ильина закончила работу над вышеупомянутой книгой), когда над Европой нависла угроза начала Второй мировой войны, а норманнская теория стала, своего рода, главным фактором аргументации превосходства Запада над Россией.

В «Изгнании норманнов» Ильина неоднократно обращалась к историческому наследию Густава Эверса. Кроме ряда косвенных ссылок на труды дерптского историка, текст монографии содержит две прямые объемные цитаты. Во-первых, «...общее молчание современных и к ним близких писателей... дает сильный повод к подозрению и даже совершенному отрицанию позднейших свидетельств... Всего менее, при подобном молчании, может устоять (норманская) гипотеза, построенная на недоразумениях и неправильных выводах, и не имеющая за собой ничего кроме вполне заслуженной на ином поприще известности своих составителей. Во-вторых, созвучия между именами «...могут послужить для укрепления исторического суждения, но доказать его они не могут» [1, С. 65]. Вместе с тем Н.Н.Ильина отмечала, что «имя Руси крепко связано с Югом» [1, С. 52] и подтверждала свою точку зрения доказательствами Эверса.

Таким образом, историографический аспект рассматриваемой проблемы сместился в плоскость критики норманнской теории. Главным образом, это нашло отражение в основательных исследованиях норманиста В.А.Мошина и антинорманиста Н.Н.Ильиной. Данный факт вполне закономерен. Оказавшись за пределами Родины, они не утратили чувства привязанности к ней, т.к. «...история моей родины есть моя история, и тот, кто пишет книгу о моей стране, пишет книгу обо мне самом...» [1, С. 21].

Литература

1. Ильина Н.Н. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки // Изгнание норманнов из Русской истории: Сб. статей и монографий / Составл. и ред. В.В.Фомина. М., 2010. С. 19—136.
2. Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Составл. и ред. В.В.Фомина. М., 2010. С. 285—306.
3. Мошин В.А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantino-Slavica. 1934. Т. 4. С. 285—306.
4. Одинец Д.М. Возникновение государственного строя у восточных славян. Париж, 1935.
5. Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Hermitage, 1989.
6. Сухотин Л.М. Краткий очерк хода русской историографии // Записки Русского археологического общества (Белград). Т. I. Белград, 1927. С. 61—77.

С.Л.Дударев

г.Армавир

Армавирская государственная педагогическая академия

ОБ ИДЕЕ «СОРАБОТНИЧЕСТВА» БОГА И ЧЕЛОВЕКА В ИСЛАМЕ И ХРИСТИАНСТВЕ

Вузовский курс «Истории средних веков» не предполагает углубленного изучения доктринальных сторон мировых религий, в том числе, ислама и христианства, ограничиваясь главным образом позиционированием основных этапов их истории. Тем не менее, в ряде случаев без пристального внимания к отдельным богословским вопросам обойтись невозможно, учитывая растущий интерес студентов к тем или иным вопросам религиозных воззрений на Западе и Востоке.

Обратимся к некоторым важным аспектам, связанным с изучением культуры и религии ислама. Первым постулатом религии ислама является «аш-шахāда» — исповедание веры (свидетельство веры), основанное на принципе «таухида» — единобожия. Отсюда формула мусульманского свидетельства веры (шахāды): «Ашхаду' ан лā илāха илля Ллāху ва Мухамадун Расулу Ллāхи» («Свидетельствую: нет Бога, кроме Аллаха и Мухаммад пророк его»). Впрочем, в этой формуле слово «свидетельствую» иногда звучит дважды: в начале фразы, и в ее середине (Ашхаду'анна), после слова «Аллах» (во время азана). Мученик, пожертвовавший собой на войне за веру с шахāдой на устах, является *шахидом*. Это слово для многих наших современников является сегодня одиозным в связи с тем, что шахидами себя именуют люди, совершающие теракты ценой собственной жизни. Во-первых, нужно отметить, что такого рода «шахидство» осуждается в самом традиционном исламе. Самоубийство противоречит установкам Корана. В суре 4 «Женщины» сказано: «И не убивайте самих себя» (К.4:33:29). В суре же 5 отмечается: «Кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто убил людей всех» (К.5.35:32) [5]. Иными словами, процитированный айят против неадекватного возмездия, которое и совершают т.н. «шахиды», которые, например, мстят за погибших во время войны родственников, взрывая себя в кафе или автобусе, что ведет к гибели многих ни в чем не повинных людей. Недаром глава Всемирной исламской Лиги шейх Абдалла ат-Турки назвал их «шахидами Шайтана», т.е. «мучениками Сатаны» [2, С. 23—24]. Во-вторых, термин «шахид» исторически связан далеко не только с силовыми действиями. Любопытно, что шахидами (т.е. свидетелями) в Арабском халифате называли и своего рода доверенных лиц судьи (кади), фактически судей начальной инстанции. Шахид мог вынести приговор при согласии ответчика, в противном случае дело передавалось кади [7, С. 222].

Само «свидетельствование» несет в исламе очень важную роль. Когда мусульмане клянутся, они говорят: «Аллах *шахид!*», т.е. «Аллах свидетель!». Это может озадачить человека, не знакомого или слабо знакомого с культурой ислама. Между тем, это изречение означает, что Аллах — создатель мира, истинно свидетельствует о том, что в нем совершается. «Поистине, Аллах о всякой вещи свидетель!» [К.22:17:17]. Он — высшая инстанция в этом мире. Верующий также свидетельствует: о Боге и Пророке, как было указано выше. При этом он никогда не видел ни того, ни другого, ни на каких изображениях (христианские католические богословы в средние века именно такой зрительной функцией, которая должна была помочь неграмотному верующему постичь Священную историю, обосновывали необходимость наличия в христианстве икон, статуй, росписей на божественные темы) [6, С. 332]. Значит, основанием для мусульманского свидетельства служит только одна чистая вера. Этим мусульманство сближается с протестантизмом («фундаментализмом» христианства). Свидетельствующий мусульманин, произносящий шахāду, таким образом, подтверждает свою идентичность, основанную на единобожии (таухиде).

Нам представляется, что свидетельствование человека о Боге и его Пророке является и своеобразной поддержкой Бога. Ведь объектом деятельности Бога (причем, и в других монотеистических религиях) является, прежде всего, человек, которого Бог ведет по путям этого мира. Кроме того, в Коране Бог, например, в деле распространения поклонения Себе ставится в зависимость от своих поклонников и нуждается в физической их помощи для своего торжества. «О, вы, которые уверовали! Если поможете Аллаху, поможет Он вам и укрепит ваши стопы» (Сура 47 «Мухаммад», айят 8). Таким образом, в исламе необходимость

человеческой поддержки Бога очевидна. А человеку взаимно нужен Бог, для преодоления жизненных превратностей и упования на лучшее. Таким образом, в исламе Бог и человек выполняют функции взаимного свидетельствования и «помощи». На наш взгляд, это своеобразное «сотрапачничество» Бога и человека. В христианском смысле это сотрапачничество в исламе отсутствует. Аллах не приносил в жертву своего сына, т.е. у него не может быть ни детей, ни друзей, ни сотоварищей [К.3.57:64; 4.51:48:116; 5.169:171; 6.163:162; 19.36:35; и др.]. Смысл христианского сотрапачничества лучше всего раскрывается через идею Св. Троицы, которая воспринималась в исламе со средних веков как свидетельство многобожия. Между тем в «Апостоле» сказано о человеке: «Не раб, но сын Божий через Иисуса Христа». Но как же человеком достигается поминутное, повседневное единение с Христом? Оно происходит во Святом Духе. Пребывание же в человеке Св. Духа — это мирное, радостное, бодрое, ясное, постоянное и неизменное, крепкое верой и делами христианское состояние души [4, С. 65, 75]. Оно интегрировано тем, что Бог — Дух Святой ведет человека дорогой любви (Бог-Отец ведет дорогой памяти, Бог-Сын — дорогой разума). Три лика Св. Троицы означали, тем самым, три пути духовного очищения человека, сам процесс которого един. Душа человека, познавая таинство Троицы, познает свои возможности и освобождается от природных начал [1, С. 9—10]. На наш взгляд, скрытой полемикой с исламом следует объяснить фразу из Рождественского послания 7.01.14 Святейшего патриарха Всея Руси Кирилла о том, что «Бог есть Св. Троица, а вовсе не одинокий владыка мира», каким является Всевышний Аллах (показательное одно из 99 Его имен — Фарид, т.е. Одинокий). Более того, в своем самом первом Рождественском послании Святейший Патриарх Кирилл прямо заявил о том, что Господь проявил солидарность с людьми, разделив с ними их страдания, принеся себя в Жертву на Кресте.

Подобные отличия в отношении к ипостасям Бога в христианстве и исламе объясняются, на наш взгляд, различным социальным и духовным опытом представителей дух миров. В одной из наших недавних работ анализировались причины того, почему среди большинства горцев христианство (с его пониманием идеи сотрапачничества) не привилось. Напомним легендарный и репрезентативный эпизод о гибели св. апостола Симона Кананита. Абасги (предки современных абхазов), среди которых он проповедовал христианство, заявили ему: «Разве смеет человек, рожденный женщиной (т.е. Иисус Христос — С.Д.), властвовать всю жизнь над человеком от колыбели до могилы и даже за могилой. Нет, это есть вечное рабство... Мы... пришли к единому мнению: чтобы семя твоих слов не дало ростков на нашей земле нашей, предать тебя смерти». Апостол был удушен абасгами [3, С. 499]. Мусульмане делегируют религии властные функции в силу того, что у светского элемента нет для этого своих особых полномочий, как нет и какого бы то ни было посредничества между человеком и Богом. Мусульманская патриархально-консервативная община (умма) не готова подчиниться прямому угнетению, которое санкционируется христианством и ассоциируется им с подчинением Христу (ап. Павел: «Рабы, повинуйтесь господам (своим) по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» (Ефес. 6:5)). Покориться же Аллаху, абсолюту, стоящему над людьми и не имеющими с ними никакой связи (см. выше) не зазорно. Это надмирная сила, выше которой никого и ничего нет, она трансцендентна.

Но, тем не менее, выше мы показали, что своеобразное сотрапачничество Абсолюта и Человека в исламе все же есть. И понимание подобных нюансов поможет учащейся молодежи лучше узнать ценности ислама, относиться к ним более осознанно, без тех сугубо отрицательных штампов, которые, порой, диктует действительность.

Литература

1. Дударев С.Л. Мир средневекового человека. Армавир, 2002.
2. Дударев С.Л. Методические заметки по истории. Вып. IV. Армавир, 2004.
3. Дударев С.Л. Трудными дорогами совместничества: Сб. научных работ С.Л. Дударева. М., 2011.
4. Игумен Петр (Мещеряков). Церковь и современность. Вопросы и ответы. К., 2008.
5. Коран / Перевод акад. Ю.И. Крачковского. 2-е изд. М., 1986.
6. Лучицкая С.И. Христианско-мусульманская полемика по поводу изображений в эпоху крестовых походов // Одиссей. Человек в истории. Феодализм под судом историков. М., 2006.
7. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1996.

К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Вопрос о границах Средневековья и Нового времени до сих пор остается проблемным в отечественной историографии и в начале XXI в. Дискуссии по этой теме ведутся уже почти два десятилетия [2; 7; 9]. По этому поводу есть уже и соответствующая историография [10]. Надо заметить, что первые попытки обсуждения данной проблемы начались еще в 1980-е годы [1; 5; 6; 8]. Вместе с тем большинство отечественных историков говорят об условности любой исторической периодизации, хотя без нее нельзя обойтись ни в преподавании, ни в исследовании [2, С. 14, 21]. Конечно, нынешняя периодизация всемирной истории в отечественной исторической науке грешит европоцентризмом. Создание универсальной классификации подобного плана является очень трудной проблемой, ибо необходимо учитывать как глобальность (всемирность) происходящих в мире процессов, так и их региональность (национальный аспект).

Официально принятый рубеж окончания Средневековья эпохой Английской революции был установлен в отечественной исторической науке искусственно волевым решением партийных органов. Эта дата была принята в связи с трехсотлетием Английской революции. Однако влияние этих событий было очень преувеличено. События в Англии оказали влияние в основном внутри страны, а не за ее пределами. На континенте в каждом регионе (стране) имели значение свои политические катаклизмы, например, Фронда во Франции или тридцатилетняя война в Германии и т.п. сюжеты. Поэтому искусственность разделения истории XVII столетия на две половины даже в рамках истории Европы показывает свою не состоятельность. Трудно разделить историю любой европейской страны XVII столетия на две половины.

Прежде всего, проблема периодизации упирается в вопрос о ее критериях.

Они могут быть различными. Известный востоковед И.М.Дьяконов видит главный критерий в уровне технологии, особенно, оружия и состоянии социально-психологических процессов [4, С. 12—13]. Видный отечественный исследователь по эпохе Возрождения в Германии А.Н.Немилов выдвигал тезис о том, что смену эпох во всемирной истории следует определять по изменениям характера культуры, стиля мышления, менталитета [2, С. 7]. Эту идею о том, что в основе периодизации любого общества может быть положен принцип изменения типов человеческого поведения, т.е. менталитета общества, поддержали и другие не менее известные медиевисты, в частности, Л.М.Баткин и Ю.Л.Бессмертный [2, С. 20—21]. В это же время В.Н.Виноградов, С.Л.Дударев, Е.И.Нарожный предлагали основным критерием периодизации считать уровень интеграции человеческих общностей, народов и стран во всемирно-исторический процесс [3, С. 5]. Можно сказать, что одни делали упор на технико-экономические показатели, а другие на гуманитарные. Одновременно вставал и вопрос о том, что должно лежать в основе периодизационных схем — исторические события или процессы? Опять можно говорить о различии подходов. На сентябрьском «Круглом столе» в Институте мировой истории в 1992 г. Н.А.Кирсанов утверждал, что именно глобальные исторические события являются водоразделом между различными периодами истории [2, С. 21]. В тоже время самарский историк Б.Д.Козенко предлагал отказаться от периодизации по определенным датам и учитывать, прежде всего, исторические события, а не отдельные процессы [2, С. 20]. Вместе с тем эпохальные события отражают и определенные исторические процессы.

С нашей точки зрения, именно рубеж Средневековья и Нового времени очень ярко и наглядно подтверждает этот тезис. В зарубежной историографии начало эпохи Великих географических открытий является концом Средневековья. Большинство современных российских ученых также предлагают считать началом Нового времени рубеж XV—XVI вв. [2]. Начало XVI в., кроме Великих географических открытий, отмечено и событиями, связанными с Реформацией. Оба этих фактора действительно являются эпохальными. Однако они в тоже время отражают определенные исторические трансформации, которые способствовали их проявлению. Это технико-экономические, социально-политические и культурологические процессы. Именно сдвиги в этих явлениях и определили начало новой эпохи. В первую очередь это касалось западноевропейского региона, но затем эти новые веяния оказали влияние и на динамику развития всего остального мира. Поэтому уже с эпохи Раннего Нового времени мы можем говорить и о начавшемся процессе глобализации (всемирности исторических явлений). Конечно, этот процесс шел неравномерно, а его воздействие было асинхронным в различных регионах. Лишь только к концу XX века глобализация набрала полную силу. Вместе с тем, в рамках этой пятисотлетней эпохи мы можем определять региональные периодизации. Для западноевропейского региона в этих хронологических границах следует выделять период Раннего Нового времени — XVI—XVIII вв. Эти три столетия для Западной и Центральной Европы имеют один общий стержень — это трансформация феодальных экономических структур в капиталистические, т.е. своего рода переходный период от феодального общества к буржуазному. О подобном переходном периоде от родового общества к феодальному писали в свое время Б.Д.Греков и А.И.Неусыхин. Естественно, что такая глубокая трансформация затронула политические институты, идеологию и культуру, но интегрирующим элементом

всего этого выступили экономические процессы — становление капиталистических форм хозяйства. Можно сказать, что опять встает вопрос об основных критериях периодизации — материальные или духовные явления. На наш взгляд, оба эти процесса неразрывно связаны. Одно не может существовать без другого.

В рамках дискуссии по проблеме периодизации рубежа Средневековья и Нового времени мы не будем подробно рассматривать все процессы, которые послужили основой для смены эпох. Достаточно лишь тезисно, обозначить эти базисные явления, ибо они достаточно подробно изучены в отечественной историографии.

Итак, к началу XVI в. в наиболее передовых в экономическом отношении странах (регионах) Западной Европы (Англия, Нидерланды) явно обозначилась тенденция в развитии хозяйственной жизни в капиталистическом направлении. Новые формы организации производства, технические усовершенствования расширялись территориально и росли в качественном отношении. К концу XVIII столетия капиталистический уклад в экономике окончательно победил в Западной Европе и стал успешно распространяться в восточноевропейском регионе. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования отечественных и зарубежных историков по конкретным проблемам социально-экономического развития ведущих европейских государств.

Следующий фактор касается явления политического характера. Видоизменяется сама феодальная монархия, появляются абсолютистские формы правления. Начало такой политической трансформации в ведущих странах Западной Европы (Англии и Франции) относится к рубежу XV—XVI вв. Затем абсолютистские формы правления появляются и в других регионах Европы от Урала до Атлантики.

Не менее важные изменения происходят и в социальной структуре западноевропейского общества. Происходит ее усложнение. Появляются новые социальные группы в лице буржуазии и наемных рабочих (предпролетариата). Процесс начала образования этих социальных слоев в передовых западноевропейских странах отечественные исследователи также относят к первой половине XVI в., а к концу XVIII в. буржуазия стала ведущей политической силой в этих государствах (Англия, Голландия, Франция). Вместе с тем отмечается падение роли старых феодальных сословий — в первую очередь рыцарства.

Огромное влияние на сдвиги в менталитете населения Западной и Центральной Европы оказала Реформация, начавшаяся в первой четверти XVI столетия. Этот процесс привел не только к смене идеологических норм, но и оказал разнообразное воздействие на все остальные сферы жизни (экономической, политической, культурной). Особенно в тех странах, где Реформация проявилась наиболее бурно. Например, секуляризация церковных и монастырских земель в Англии привела к расширению капиталистических элементов в промышленности и сельском хозяйстве. Этому же способствовала и протестантская этика труда.

Наконец, происходят важные изменения и в области культуры. Идеи Ренессанса получили широкое распространение за Альпами — в Германии, Англии Франции. Этот процесс в данных странах стал развиваться на рубеже XV—XVI вв. Новые культурные традиции гуманизма вместе с Реформацией привели к трансформации средневекового мировоззрения.

Можно констатировать, что вышеперечисленные процессы (явления) — экономические, социально-политические, культурно-идеологические стали более или менее четко проявляться в странах Западной и Центральной Европы в конце XV — начале XVI века. Таким образом, начало Раннего Нового времени для этого региона следует отнести к рубежу XV—XVI вв., а завершается этот период на рубеже XVIII—XIX вв., когда в Европе происходят новые важные и радикальные перемены и действительно начинается эпоха Нового времени. Для других регионов следует создавать свои локальные периодизации, которые должны вписываться в эпоху Нового и новейшего времени.

С точки зрения организации учебного процесса можно говорить о некотором перекосе в преподавании курса «История средних веков». По учебным планам на долю целого тысячелетия (V—XV вв.) приходится один семестр и столько же — на полтора века (XVI — первая половина XVII в.). Более обоснованным и справедливым было бы изучение периода XVI—XVIII вв. в течение одного семестра. Подобное распределение учебного материала уже несколько лет применяется для школьной программы. Появились и новые учебные пособия для вузов, которые посвящены истории Раннего Нового времени, в частности, «История Нового времени: (1600—1799 годы)» под ред. А.В.Чудинова, П.Ю.Уварова, Д.Ю.Бовыкина. М., 2009. Конечно, изменение структуры учебного материала в преподавании Средневековья и Нового времени повлечет за собой перемены в распределении учебной нагрузки и соответственно в штатном составе кафедр, ведущих эти курсы. Именно данное обстоятельство чаще всего озвучивается в качестве основного препятствия для изменения структуры учебных планов по Средневековью и Новому времени. Поэтому проблема периодизации здесь уже встает в иной плоскости — не научной, а административно-управленческой. Результаты научных дискуссий уже неоднократно говорят о едином периоде Раннего Нового времени для Европы — XVI—XVIII вв. Именно в рамках данной эпохи следует вести преподавание истории стран Западной и Центральной Европы, ибо это более всего обосновано и с научной и с дидактической точки зрения.

Литература

1. Барг М.А. Место XVII века в истории Европы // Вопросы истории. 1985. № 3.
2. Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. Вып. № 2. 1993.
3. Виноградов В.Н., Дударев С.Л., Нарожный Е.И. Основные этапы всемирной истории. Методический материал в помощь изучающим всеобщую историю (для обсуждения). Армавир, 1993.
4. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.
5. Ивонин Ю.Е. Позднее средневековье или ранняя новая история? // Вопросы истории. 1987. N 1.
6. Исламов Т.Н. Фрейдзон В.И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Новая и новейшая история. 1986. № 1.
7. Ким О.В. Теория модернизации и переходные общества раннего Нового времени // Новая и новейшая история. 2011. № 2.
8. Рутенбург В.И. Ранние буржуазные революции (к вопросу о начале капиталистической эры // Вопросы истории. 1984. № 3.
9. Уваров Ю.П. Раннее Новое время: взгляд из средневековья // Новая и новейшая история. 2011. № 2.
10. Хуг Л.Р. Проблема периодизации истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX—XXI веков // Новая и новейшая история. 2009. № 6.

И.И.Кобылин

г.Нижегород

Нижегородская государственная медицинская академия

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И СЕМИОТИКА ЧУДА: ВЕРСИЯ ЭРИКА Л.САНТНЕРА

Тезисы «О понятии истории» Вальтера Беньямина, безусловно, остаются сегодня одной из самых цитируемых и обсуждаемых работ, посвященных концептуализации исторического процесса. Однако «сильные» интерпретации «Тезисов», заставляющие заново продумать открытые Беньямином возможности исторической мысли, встречаются не так часто. К таким немногочисленным «сильным» прочтениям относятся работы американского германиста Эрика Л.Сантнера. Как известно, важнейшим (и, может быть, самым «темным» и герметичным) концептом «Тезисов» является концепт темпоральной «конstellляции» или «событийной синхронности». Именно это понятие и становится предметом анализа Сантнера. Ключ к его прояснению — провокативное сопряжение исторического материализма и теологии. В первом тезисе Беньямин вспоминает историю о шахматном автомате, якобы выигрывавшем все партии. На самом деле кукла управлялась шахматистом — горбатым карликом, который прятался под столом и, дергая за шнуры, двигал руку куклы. Философским аналогом этой «аппаратуры» должно стать, по Беньямину, взаимоотношение между историческим материализмом и теологией. «Выигрыш всегда обеспечен кукле, называемой «исторический материализм». Она сможет запросто справиться с любым, если возьмет к себе на службу теологию, которая в наши дни, как известно, стала маленькой и отвратительной <...>» [2, С. 81].

Как и многие исследователи до него Сантнер обращает внимание на странное противоречие между самой аллегорией и ее интерпретацией Беньямином. Действительно, комментируя историю об автомате, Беньямин утверждает, что исторический материализм («кукла в турецком одеянии») должен воспользоваться услугами теологии, тогда как аллегория показывает, что именно «горбчатый карлик» (теология) управляет куклой (историческим материализмом) с помощью шнуров. В результате — читатель сталкивается с радикальной неопределенностью: и без того парадоксальная «конstellляция» истмата и теологии становится в пояснении Беньямина еще более темной и запутанной. Кто же на самом деле ведет игру? Толкование Сантнера учитывает саму эту неопределенность, безостановочный обмен свойствами активности и пассивности, урок которого, согласно американскому исследователю, заключается в том, что «если материализм обязан обрести свою ориентацию от теологии, <...> то должна существовать такая теология, которая уже сама развернулась в сторону материализма как своего необходимого дополнения в пост-просвещенческий век» [5, С. 7].

Именно такую теологию Сантнер обнаруживает у Франца Розенцвейга, германо-еврейского мыслителя, ключевую работу которого «Звезда Спасения» (1920) Беньямин хорошо знал. Выходец из семьи состоятельных ассимилированных евреев, ученик Фридриха Майнеке, Розенцвейг в 1913 году переживает своего рода религиозное обращение и от исследований гегелевской политической философии переходит к изучению иудаики. После Первой мировой войны Розенцвейг, служивший на Восточном фронте, порывает с благополучной академической карьерой и становится руководителем основанного им самим Свободного еврейского дома учения (Freies Jüdisches Lehrhaus).

В «Звезде Спасения», начатой еще на фронте, Розенцвейг систематически разрабатывает концепцию «нового мышления» как промежуточного пространства между философией и богословием. «Теолог, в котором нуждается философия для подтверждения ее научного статуса, есть тот самый теолог, которому необходима философия ради собственной целостности. Они завязят друг от друга и таким образом совместно

производят новый тип — будь то философа или теолога — расположенный между теологией и философией» [3, С. 106]. В противовес либеральной теологии, превратившейся в еще одну версию историцизма, «новое мышление» способно удержать место материалистического измерения — измерения «творения» или «тварности» — той «не столько биологической, сколько онтологической ранимости, что пронизывает человеческое существо, формы жизни которого случайны, хрупки и подвержены распаду» [6, С. 6].

Эта «тварная жизнь», в свою очередь, должна быть понята только на фоне сущностно семиотической структуры чуда. Чудо по Розенцвейгу — это не нарушение естественных законов, но исполнение предсказанного, событие-знак, неотделимое от пророчества. Сантнер полагает, что именно исторический материализм Бенямина оказывается способен воссоздать знаковую природу подлинно чудесного. Здесь мы сталкиваемся с новым осмыслением того, что, регистрируя себя в историческом опыте, его материальной «плотности», буквально взывает к будущему и даже конституирует само это будущее в качестве способа ответа на определенный вид *возбуждения* (ex-citation), передаваемый прошлым. Более того, парадокс заключается в том, что речь идет о прошлом, которого в некотором смысле *еще не было*: никогда не достигая онтологической устойчивости, оно — отмеченное пустотой и нехваткой — остается погруженным в призрачное «протокосмическое» измерение. Согласно Сантнеру, и «Тезисы» Бенямина, и «новое мышление» Розенцвейга являются близкими друг другу вариантами разработки логики таких возбуждений/вызовов. Полемизируя с Хайдеггером, Сантнер отмечает, что наша «заброшенность» в мир — это не просто обнаружение себя внутри определенной социальной формации, которую мы не выбирали (язык, этнос, гендер, семья, класс). Подлинная проблема в том, что сама эта социальная формация не идентична себе самой; она пронизана изменчивостью, непостоянством и неполнотой, специфическим образом «вы-звана», «обращена» к нам в ожидании нашего ответа. Инертность оборачивается формированием виртуального архива симптомов, где фиксируются не столько забытые *действия*, сколько забытая *неспособность* действия. Комментируя роман Кристи Вольф «Модель детства», повествующий о временах нацизма, Сантнер отмечает: «Книга говорит нам, что адаптация к социальной реальности повседневной жизни при нацистах включала целую формацию зон замороженных моральных и социальных энергий, проявляющихся в качестве психических расстройств, как симптоматическая скрученность человеческого бытия в мире <...>. Чудеса случаются тогда, когда после регистрации их «исторической истины» мы способны действовать, вмешиваться в эти симптомы и войти в пространство возможностей, таким образом открываемых». [5, С. 14].

На этом фоне становятся понятными рассуждения Бенямина о присущей нам «слабой мессианской силе» и «тайном уговоре» между «нашим поколением и поколениями прошлого». Зов этого проникнутого нехваткой прошлого Бенямин и осмысляет в понятии «диалектического образа».

Однако, с точки зрения Сантнера, существует опасность упрощенного понимания раскрытия семиотических энергий, сжатых в тех «значащих напряжениях», что бросают нам вызов. Может сложиться впечатление, что они лишь замещают некую вполне определенную возможность (со специфическим репрезентативным содержанием), чья актуализация временно заблокирована. В этом случае мы сталкиваемся с отрицательным историцизмом: вместо описания объективных событий прошлого имеет место фиксация равно объективных *не-событий*, вписанных в виртуальный архив индивидуальных и коллективных симптомов.

Для прояснения своей мысли Сантнер обращается к «теории соблазнения» Фрейда и ее развитию учеником Лакана Ж. Лапланшем. Ошибкой было бы сопоставить ход мысли Бенямина с первым вариантом фрейдовской теории — психическая травма ребенка вызывается реально случившимся актом сексуального совращения со стороны взрослых. (Позднее Фрейд учел структурную необходимость этого «первофантазма», не нуждающегося в конкретном индивидуальном опыте). В современном варианте Лапланша «теория соблазнения» гласит, что ребенок «вы-зывается» загадочным посланием, исходящим от другого (родителей), посланием, указывающим на нехватку в самом другом. Ребенок старается перевести это загадочное послание в форму потребности, но терпит неудачу. Как формулирует Сантнер: «Это никогда непрекращающаяся работа символизации и ее провала, работа перевода и ее провала, конституирует то, что я определил как значащее напряжение. Мы имеем здесь нечто вроде трагического цикла: мое напряжение *вы-звано* моими усилиями перевести значащее напряжение исходящее от другого, указывающее в свою очередь на «привязанность» другого к своим собственным загадкам» [5, С. 17]. В этом контексте подлинным «чудом» является полный разрыв цепи этих «зловещих» бессознательных передач.

Ярким примером людей раздавленных «значащим напряжением», попавшихся на крючок бесконечной работы перевода, являются персонажи Кафки. Источник «загадочного послания» здесь уже не родительская фигура, но «Большой Другой» — бюрократические организации, Замок, Закон, их агенты и институции. Чем старательнее Йозеф К. из «Процесса» или землемер К. из «Замка» пытаются вести осмысленные переговоры с таинственным Другим, тем сильнее они втягиваются в проклятое пространство Закона: определенное препятствие на пути к нашей институциональной инскрипции/субъекции служит в качестве поддержки аффективного дополнения к этой субъекции.

Бенямин в своем эссе о Кафке обратил внимание на целый ряд персонажей в буквальном смысле согнутых «раболепством», как будто то напряжение «протокосмоса» (Vorwelt), под давлением которого они живут, обрело телесную форму. «Одрадек и есть та форма, которую вещи принимают в забвении. Они искажены»

[1, С. 85]. Для Бенямина смысл мессианского чуда — исправление этих искажений: «горбатый человек» исчезнет с приходом Мессии, который «не станет изменять мир всею своей мощью, он лишь чуть-чуть подправит его в мелочах» [1, С. 86].

Сантнер сопоставил эти «согбенные» фигуры кафкианского мира с лагерным «мусульманином» — современным Homo Sacer⁷ом — в описании Примо Леви и Джорджио Агамбена. Произведенный «чрезвычайным положением» имманентным закону, расположенный в зоне между двумя смертями — символической и реальной — «мусульманин» является не биологическим остатком процедуры вычитания социального существования, но «значащим напряжением» как таковым, самой плотью «состояния исключения». Он и есть «вызов», почти невозможный свидетель незаконного измерения самого Закона, и настоящие чудеса случаются «тогда когда это невозможное, безумное свидетельство может быть раскрыто» [5, С. 27].

Безусловно, тексты Сантнера резко контрастирует с большинством работ представителей постмодернистских trauma/memory studies, замороженных «смертью, потерей и оскудением» [4, С. 11]. Исследователи эзотеричного немецкого марксиста, увлеченные памятью, формами траура и «элегическим измерением сигнификации», упускают тот важный момент, что для Бенямина верность «тайному уговору» с предшествующими поколениями предполагает мессианское революционное действие, необходимое «в борьбе за угнетенное прошлое». Работы Сантнера, вновь обращающегося к пост-метафизическому мессианскому активизму Бенямина, может рассматриваться как напоминание, что в задачу современности входят не только меланхолическое оплакивание руин, но выработка новых форм политической субъективности, открывающих перспективы подлинно исторических изменений.

Литература

1. Бенямин В. Франц Кафка. М., 2000.
2. Бенямин В. О понятии истории. Учение о подобии. М., 2012.
3. Rosenzweig F. The Star of Redemption. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1985.
4. Santner E. Stranded Objects: Mourning, Memory and Film in Postwar Germany. Cornell University Press, 1993.
5. Santner E.L. Miracles Happen: Benjamin, Rosenzweig, Freud, and the Matter of the Neighbor / Santner E.L., Zizek S, Reinhard K. The Neighbor: Three Inquiries in Political Theology. Chicago and London, 2005.
6. Santner E. L. The Royal Remains: the People's Two Bodies and the Endgame of Sovereignty. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

А.В.Нехаев

г.Омск

Омский государственный технический университет

SOME REMARKS ON THE PUZZLE OF RATIONALITY & SOCIALITY*

Своеобразным *mainstream* для современных исследований рациональности (научной и не только), а также необъятного разнообразия связанных с нею систем знаний, стал постепенный отказ от использования прежних ортодоксальных исследовательских практик, ориентированных на изучение исключительно одних только логических ингредиентов нашей рациональности.

История идей и интеллектуальная история теперь нередко прибегают к исследовательским практикам, методы и приемы которых имеют сходство с теми, что используются в социологии знания и социальной антропологии, а в центр их внимания все чаще попадают вопросы изучения аналитических возможностей и границ применимости антропологических и социологических объяснений к таким феноменам рациональности, как оригинальное интеллектуальное творчество, процессы производства новых идей и воспроизводства систем мысли. Ревизия методологического инструментария и исследовательских практик, которые активно применяются в современных и наиболее влиятельных дисциплинарных программах истории идей и интеллектуальной истории (*History of Ideas* — А.Лавджой [8; 9; 43], *History of Concepts* — Дж. Покок [51], К.Скиннер [15; 16; 54; 55; 56], *Histoire des Mentalités* — Л.Февр [19; 35], А.Дюпрон [34], Р.Мандру [12], Р.Шартье [20; 21], *Begriffsgeschichte* — Р.Козеллек [6; 7], Х.Бедерер [1; 2]), позволяет нам говорить о том, что, по крайней мере, три из этих четырех дисциплинарных программ (*History of Concepts*, *Histoire des Mentalités*, *Begriffsgeschichte*) заключают в себе намерение решительным образом расширить влияние социальной истории на область рационального. Это свидетельствует о наличии устойчивого спроса среди историков идей и интеллектуальных историков на создание более каузально — и социо- ориентированных практик исследования рациональности. Однако детальный анализ самих практик, используемых представителями этих дисциплинарных программ при изучении различных феноменов рациональности (систематических форм мысли, неформальных видов мышления, ментальных оснасток, эпистем, практик чтения и письма,

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00010а

структур каналов коммуникации и профессиональных сообществ), свидетельствует о наличии в них ряда дефектов, существенно ограничивающих возможности их использования.

К сожалению, эти практики пока несвободны от влияния эпифеноменализма (рациональное может быть объяснено только через рациональное) и редукционизма (рациональное может быть сведено одним единственным взаимно-однозначным образом к социальному), прежде свойственных более ортодоксальным методам и приемам изучения рациональности (впрочем, некоторые из этих методов и приемов до сих пор еще широко распространены и применяются в истории идей и интеллектуальной истории). Источником их влияния в дисциплинарных полях истории идей и интеллектуальной истории являются, прежде всего, исследовательские практики, некогда получившие распространение в *Klassische Philologie* и *Romantische Hermeneutik*. Так, например, эпифеноменализм является прямым следствием проникновения в область исторических дисциплин метода филологической критики — метода, который сыграл важнейшую роль в профессионализации и переписывании филологами собственной дисциплины в начале XIX в., и который активно поддерживался группой немецких филологов во главе с Г.Германом, К.Лахманом, Ф.Ричлем, М.Гауптом, К.Лобеком, лидерами *Wortphilologie*, влиятельнейшей из немецких филологических школ. Редукционизм же следует рассматривать в качестве прямой реакции на экспансию в область исторических дисциплин другой группы немецких филологов — представителей *Sachphilologie*, второй влиятельной школы в немецкой филологии XIX в., возглавляемой Ф.Вольфом и А.Беком, — использовавших в этих целях методы *Romantische Hermeneutik* (прежде всего, герменевтики Ф.Аста, основанной на принципе асимметрии отношений между частью и целым).

Вместе с тем, объяснительные модели классической версии институционального анализа (принципы которой реализованы, прежде всего, в дисциплинарной программе Р.Мертон [4, С. 41—42]), активно до сих пор применяемые при рассмотрении систематических форм мысли и социальной структуры научных сообществ, также демонстрируют ряд недостатков, которые не позволяют рассматривать их в качестве единственного основания для каузальных объяснений процессов эволюции идей и социальных структур сообществ интеллектуалов и ученых. Это связано с очевидной каузальной слабостью самого понятия нормативной системы (этоса), регулирующей поведение ученых (равно, как и всех прочих интеллектуалов), впервые предложенного Р.Мертоном [47; 48] и неоднократно модифицированного и ремодифицированного и им самим, и его сторонниками (Б.Барбер [23], Н.Сторер [57], Дж.Коул и С.Коул [33], Дж.Зиман [60]), и его критиками (Р.Богуслав [30], И.Митроф [49], М.Малкей [11], С.Фуллер [36]). Каузальная слабость состоит в том, что механизм этоса науки, состоящий из ряда аскриптивных норм и связанных с ними неформальных моральных санкций, не содержит в себе достаточных оснований для объяснения поведения ученых и не может рассматриваться в качестве гаранта, обеспечивающего оптимум инструментальных функций науки (т.е. постоянное производство и высокую эффективность научных идей). На практике ученые демонстрируют амбивалентность в своем отношении к этосу науки, так как вопреки эгалитарным требованиям этоса науки оптимум для инструментальной функции науки связан прежде всего с наличием неравенства среди ученых. Впрочем, на это обратил внимание еще сам Р.Мертон [44; 45], не представив, однако, убедительного объяснения этой амбивалентности.

Неравенство столь тесно связано с оптимумом интеллектуального творчества, что высокие темпы и эффективное производство оригинальных идей возможны только в такой интеллектуальной среде, в которой идея способна основывать и обосновывать неравенство, если же факт создания и обладания оригинальной идеей не гарантирует интеллектуалу преимуществ (и не только репутационных, но и иных социальных преимуществ в самом широком смысле, например, привилегированных академических позиций и т.п.) перед своими коллегами, то в такой среде неизбежны стагнация или регресс (т.е. падение оригинальности и темпов производства идей и т.д.). Косвенно об этом свидетельствуют наблюдения Д.Прайса [52, С. 206—234], рассматривавшего ассоциации исследователей как высокостратифицированные системы, а также эмпирические проверки С.Уэста [58] степени приверженности ученых мертоновскому этосу, которые показали, что именно непродуктивные и слабомотивированные ученые более привержены нормам этоса, чем их более успешные коллеги.

Это позволяет объяснить многие из социологически регистрируемых эффектов, которые можно наблюдать в среде ученых и интеллектуалов (в частности: «эффект Матфея» [13; 46], эффект «бедной науки» [17], эффект «провинциальной» и «туземной» науки [14; 18] и др.), а также открывает пути к изучению корреляций между численностью и научными свойствами ассоциаций исследователей.

Принимая во внимание ограниченность методологических средств и объяснительных возможностей истории идей, интеллектуальной истории и социологии науки, исследователям, изучающим рациональность и связанные с ней феномены, стоит присмотреться к более гибким «гибридным» схемам социорационального анализа, которые могли бы позволить связать между собой такие элементы интеллектуального сообщества и академического мира, как социальные институты, исследовательские практики и системы мысли. Ведь особую прочность социальным практикам интеллектуалов и ученых придает именно то, что каждая из них является своеобразным композитным материалом, который сплетен из нитей институционального, антропологического или культурно-символического характера. Поэтому каузально ориентированный социорациональный анализ, должен включать в себя три группы принципов, используемых при объяснении этого

феномена: антропологических (эта группа принципов связана с наиболее общими чертами и природой практической деятельности), институциональных (эта группа принципов связана со специфическими для сообществ интеллектуалов структурами, оказывающими влияние на поведение и исследовательские практики интеллектуалов, выбор ими идей и объектов для критики), культурносимволических (эта группа принципов, прежде всего, связана с имплицитными формами так называемого «знания как» интеллектуалов, с помощью которых они организуют и реорганизуют свои исследовательские практики, а также используют их при создании научных текстов и лежащих в основе этих текстов классификаций и таксономий).

Весьма показательно, что методологические споры, развернувшиеся сегодня между социальными антропологами и социологами, во многом формируют своеобразный *frame* для новых более гибких «гибридных» схем социорационального анализа.

Действительно, с начала 1990-х и вплоть до настоящего момента наблюдается устойчивый рост интереса среди социальных антропологов и социологов к проблемам производства и воспроизводства знаний и систем мысли, механизмам, регулирующим исследовательские практики и поведение интеллектуалов, природе дисциплинарных различий и свойствам академических сообществ. За последние десятилетия был опубликован солидный корпус исследований [3; 10; 22; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 31; 32; 37; 38; 39; 40; 41; 50; 53; 59], содержащих интересные результаты. Значительная часть этих исследований [3; 10; 27; 29; 31; 32; 37; 39; 40; 41; 50; 59] оказалась вовлечена в спор о границах применимости социологического инструментария в исследованиях научного знания (здесь же рассматривался и вопрос о природе и статусе социологического объяснения), завершившийся появлением в социологии науки двух масштабных и влиятельных дисциплинарных программ: *SSK* (социологии научного знания) и *ANT* (акторно-сетевому анализу) [5, С. 21—25].

В споре между дисциплинарными программами *SSK* и *ANT* о границах применимости социологического инструментария при изучении феноменов рациональности более гибкому «гибридному» социорациональному анализу следует занять осторожную и избирательную позицию, стремясь сочетать достоинства каждой из дисциплинарных программ и избежать присущих им недостатков.

С одной стороны, социорациональный анализ имеет много общего с работами, вдохновляемыми дисциплинарной программой *ANT*, поскольку разделяет с ними общий методологический императив, нацеленный на изучение деятельности интеллектуалов и ученых, полагая в ходе собственных исследований именно деятельность единственным доступным наблюдению объектом. Однако социорациональный анализ не разделяет своеобразный онтологический эгалитаризм, присущий дисциплинарной программе *ANT*, который позволяет последней включить такие объекты исследования, как идеи и системы, непосредственно в один ряд с вещами, событиями и практиками. Подобного рода онтология нивелирует различие между социальными свойствами интеллектуальных сообществ и эпистемологическими свойствами создаваемых ими идей и форм знания, явно или не явно исходя из допущения, что идеи, вещи и практики могут напрямую (без посредников) влиять друг на друга. В этом отношении социорациональный анализ избирает более осторожную методологическую позицию: идеи, вещи и практики не могут влиять друг на друга без посредников (как это пытаются показать сторонники *ANT*), влияние оказывается через институциональную составляющую социальных практик. Но вместе с тем, социорациональный анализ не следует по пути строительства герметичных институциональных объяснений, оперирующих исключительно в рамках метафоры «экономики идей», «невидимых колледжей» и т.д. (свойственных большинству классических версий социологии науки). Социальные практики интеллектуалов не могут быть выхолощены рекурсивным образом на одну только институциональную составляющую, поскольку любой мало-мальски корректный социорациональный анализ способен продемонстрировать, что социальные практики интеллектуалов есть узловые образования, которые сплетены из трех составляющих: антропологической, институциональной и культурносимволической.

С другой стороны, социорациональный анализ, вслед за работами, выполненными в стилистике дисциплинарной программы *SSK*, ориентирован на поиск объяснений наблюдаемым изменениям систем мысли интеллектуалов. В этом отношении социорациональный анализ дистанцируется от ортодоксальных методов рациональной реконструкции, свойственных дисциплинарным программам истории идей и интеллектуальной истории, поскольку последние лишь производят при помощи своих описаний разметку области рационального, но не позволяют строить объяснения для конкретных конфигураций систем мысли, ссылаясь на антропологические, институциональные и культурносимволические составляющие оригинального интеллектуального творчества и социальных практик интеллектуалов и ученых.

Использование подобного рода комбинированного исследовательского инструментария позволяет избежать типичных ошибок при изучении феноменов рациональности и оригинального интеллектуального творчества: эпифеноменализма и редукционизма. Особенность и преимущество социорационального исследования перед конкурирующими дисциплинарными программами (историей идей и интеллектуальной историей, социальной антропологией и социологией науки) заключается в требовании методологического холизма: нередуктивном анализе социальных практик интеллектуалов по трем взаимосвязанным линиям — антропологической, институциональной и культурносимволической. Такого рода комплексный подход позволяет проводить корректные каузально ориентированные исследования феноменов рациональности. В частности, это позволяет сохранять в процессе исследований различие между социальными свойствами интеллектуальных и научных сообществ и эпистемологическими свойствами создаваемых ими идей и форм знания, выявляя и

анализируя то, как эти две группы свойств связаны друг с другом (например, изучая вопрос о том, как эпистемологические свойства знаний влияют на характеристики академических культур интеллектуалов, и наоборот).

Литература

1. Бедкер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 5—17.
2. Бедкер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 34—65.
3. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5—6 (32). С. 162—185.
4. Демина Н.В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 5—48.
5. Земнухова Л.В. Дискуссия в исследованиях науки и техники (STS) о статусе социологического объяснения // Социологический журнал. 2012. № 1. С. 17—27.
6. Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века. Вып. 5. СПб., 2006. С. 33—53.
7. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010. С. 23—33.
8. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М., 2001.
9. Лавджой А. Историография идей // История философии. № 12. М., 2005. С. 158—169.
10. Латур Б. Наука в действии: Следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013.
11. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983.
12. Мандру Р. Франция Нового времени, 1500—1640: Эссе по исторической психологии М., 2010.
13. Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 256—276.
14. Нехаев А.В. On the Origin of Academic Species: формирование идейных ниш и $\mu\eta\tau\alpha\sigma\tau\epsilon\varsigma$ среди научных форм жизни // Антропологический форум. 2013. № 19. [в печати].
15. Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55—66.
16. Скиннер К. Свобода и историк // Свобода до либерализма. СПб., 2006. С. 86—99.
17. Соколов М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // Laboratorium. 2009. № 1. С. 20—57.
18. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. [в печати].
19. Февр Л. Капитализм и Реформация // Бои за историю. М., 1991. С. 203—216.
20. Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 17—47.
21. Шартье Р. Post scriptum, или двадцать лет спустя // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 48—54.
22. *Abbott A. Chaos of Disciplines*. Chicago: Chicago University Press. 2001.
23. Barber B. Science and the Social Order. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1952. P. 60—100.
24. Barnes B., Shapin S. Natural Order: Historical Studies of Scientific Culture. Beverly Hills: SAGE Publications, 1979.
25. Becher T. Towards a Definition of Disciplinary Cultures // Studies in Higher Education. 1981. Vol. 6. № 2. P. 109—122.
26. Becher T., Trowler P.R. Academic Tribes and Territories. Intellectual Enquiry and the Cultures of Disciplines. Buckingham: Open University Press, 2001.
27. Bloor D. Anti-Latour // Studies in History and Philosophy of Science. 1999. Vol. 30. № 1. P. 81—112.
28. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. Chicago: Chicago University Press, 1991.
29. Bloor D. Reply to Bruno Latour // Studies in History and Philosophy of Science. 1999. Vol. 30. № 1. P. 131—136.
30. Boguslaw R. Values in the Research Society // The Research Society. New York: Gordon & Breach, 1968. P. 51—66.
31. Callon M., Latour B. Don't Throw the Baby Out with the Bath School! A Reply to Collins and Yearley // Science as Practice and Culture. Chicago: Chicago University Press, 1992. P. 343—368.
32. Collins H.M., Yearley S. Epistemological chicken // Science as Practice and Culture. Chicago: Chicago University Press, 1992. P. 301—326.
33. Cole J.R., Cole S. Social Stratification in Science. Chicago: Chicago University Press, 1973.
34. Dupront A. Problèmes et Méthodes d'une Histoire de la Psychologie Collective // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1961. № 1. P. 3—11.
35. Febvre L. Combats pour l'Histoire. Paris: Librairie Armand Colin, 1992.
36. Fuller S. Science. Buckingham: Open University Press, 1997.
37. Fuller S. Talking Metaphysical Turkey about Epistemological Chicken, and the Poop on Pidgins // The Disunity of Science. Boundaries, Contexts, and Power. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 170—186.
38. Gieryn T.F. Patterns in the Selection of Problems for Scientific Research: American Astronomers, 1950—1975. New York: Columbia University Press, 1980.
39. Hacking I. The Social Construction of What? Cambridge: Harvard University Press, 2000.
40. Latour B. For David Bloor... and Beyond: A Reply to David Bloor's "Anti-Latour" // Studies in History and Philosophy of Science. 1999. Vol. 30. № 1. P. 113—129.
41. Latour B. The Politics of Explanation: An Alternative // Knowledge and Reflexivity. New Frontiers in the Sociology of Knowledge. London: SAGE Publications, 1988. P. 155—176.
43. Lovejoy A. (1940). Reflections on the History of Ideas // Journal of the History of Ideas. 1940. Vol. 1. № 1. P. 3—23.

44. Merton R.K. The Ambivalence of Scientists // R.K. Merton Sociological Ambivalence and Other Essays. New York: The Free Press, 1976. P. 32—55.
45. Merton R.K. The Ambivalence of Scientists: A Postscript // R.K. Merton Sociological Ambivalence and Other Essays. New York: The Free Press, 1976. P. 56—64.
46. Merton R.K. The Matthew Effect in Science: The Reward and Communication Systems of Science are Considered // The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago & London: Chicago University Press, 1973. P. 439—459.
47. Merton R.K. The Normative Structure of Science // The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago & London: Chicago University Press, 1973. P. 267—278.
48. Merton R.K. The Science and the Social Order // The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago & London: Chicago University Press, 1973. P. 254—266.
49. Mitroff I.I. Norms and Counter-Norms in a Select Group of the Apollo Moon Scientists: A Case Study of the Ambivalence of Scientists // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 4. P. 579—595.
50. Pickering A. The Mangle of Practice: Agency and Emergence in the Sociology of Science // The American Journal of Sociology. 1993. Vol. 99. № 3. P. 559—589.
51. Pocock J.G.A. (1985). The State of Art // Virtue, Commerce, and History. Essays on Political Thought and History, Chiefly in the Eighteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 1—36.
52. Price D.J. de S. Little Science, Big Science, and Beyond. New York: Columbia University Press, 1986.
53. Shapin S. A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-Century England. Chicago: Chicago University Press, 1994.
54. Skinner Q. (1969). Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory. 1969. Vol. 8. № 1. P. 3—53.
55. Skinner Q. (1970). Conventions and the Understanding of Speech Acts // The Philosophical Quarterly. 1970. Vol. 20. № 79. P. 118—138.
56. Skinner Q. (1971). On Performing and Explaining Linguistic Actions // The Philosophical Quarterly. 1971. Vol. 21. № 82. P. 1—21.
57. Storer N.W. The Social System of Science. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1966.
58. West S.S. The Ideology of Academic Scientists // IRE Transactions on Engineering Management. 1960. Vol. EM-7. № 2. P. 54—62.
59. Woolgar S. Some Remarks about Positionism: A Reply to Collins and Yearley // Science as Practice and Culture. Chicago: Chicago University Press, 1992. P. 327—342.
60. Ziman J.M. Public Knowledge. An Essays Concerning the Social Dimension of Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.

И.Н.Нехаева

г.Омск

Омский государственный университет им. Ф.М.Достоевского

ПАРАДОКС «ТЕОРИИ ИСКУССТВА»

Современная ситуация с искусством вбирает в себя парадокс, который полноценно раскрывается в ритуальном поле, с которого, в частности, Р.Жирар начинает свой рассказ о феномене жертвоприношения в первобытном обществе. Например, он акцентирует устойчивое присутствие амбивалентности, характерной для процедуры жертвоприношения, отмечая, что «во множестве ритуалов жертвоприношение предстает в двух противоположных аспектах: то как «весьма святое дело», уклониться от которого было бы серьезным прегрешением, то, наоборот, как своего рода преступление, совершить которое — значит подвергнуться столь же серьезной угрозе. Чтобы объяснить эти два облика ритуального жертвоприношения — законный и незаконный, публичный и чуть ли не потаенный, — Юбер и Мосс в «Очерке о природе и функции жертвоприношения» ссылаются на священный характер жертвы. Убить жертву преступно, поскольку она священна <...>, но жертва не будет священной, если ее не убить» [6, С. 7]. Аналогичным образом дело касается искусства, которое в теоретической области вынуждено выступать в роли жертвы, поскольку разговор об искусстве здесь, как правило, касается исключительно языка, т.к. само художественное действие известным образом оказывается недостижимо для теории, несмотря на то, что именно таким действием искусство и является. Желать прорваться к искусству средствами языка, значит (в терминах Р.Жирара) «убить искусство», но «убить жертву преступно», однако ее продолжают «убивать» с целью сохранения ее священности.

Мысль о том, что в рамках искусствознания сообщение с искусством исследователями осуществлялось через понимание, — в этой связи, в частности, М.Г.Арановский настаивал на том, что «музыка всегда писалась для того, чтобы быть понятой <...> всегда циркулировала в обществе наподобие функциональной системы с обратной связью. Это был язык, на котором говорила та часть общества, для которой данная музыка и предназначалась» [2, С. 11], — возымело своим следствием ситуацию трагического познания. Иллюстрацией постигших искусство обстоятельств становится сюжет, искусно описанный Ф.Ницше, в котором говорится о том, что «благодарный и одаренный человек <...> неизбежно наталкивается на такие пограничные

точки окружности и с них вперяет взор в неуяснимое. Когда он здесь, к ужасу своему, видит, что логика у этих границ свертывается в кольцо и, в конце концов впивается в собственный хвост, тогда прорывается новая форма познания — трагическое познание, которое, чтобы быть вообще выносимым, нуждается в защите и целебном средстве искусства» [8, С. 116]. Как следствие, установление такой позиции определило склонность всех областей теоретического исследования искусства к смысловой заданности и знаково-символической нагруженности данной области. Так, к примеру, мнение В.Н.Холоповой на этот счет звучит вполне бескомпромиссно: «Вряд ли надо сейчас вообще доказывать, что музыка является знаковой системой и выражение «музыкальный язык» — не метафора» [14, С. 159]. Ни для кого не секрет, что в результате все это привело к нивелированию природной специфики искусства, рассматриваемого сквозь призму теории, осуществляющей анализ произведений искусства с позиций познавательной деятельности.

В этой связи абсолютно верным и предусмотрительным представляется взгляд на данную ситуацию Дж.Дики, который помимо всего указывает именно на возможность «говорения» об искусстве, и в частности, о произведении искусства, подчеркивая, что речь здесь должна идти исключительно о дискриптивной функции языка: «произведение искусства в дискриптивном смысле — это 1) артефакт, 2) которому какое-либо общество или социальная группа присвоили статус кандидата для оценки» [5, С. 246]. Данную мысль также поддерживает Т.Коэн, отмечая следующее: «Я рассматриваю акт присвоения статуса кандидата для оценки похожим на то, что Остин назвал «иллокуцией»» [7, С. 262]. Для ясности следует уточнить, что, согласно Дж.Остину, возможно различать три вида речевых актов — локутивные, раскрывающие способ обращения со словами в акте говорения; иллокутивные — акты, совершаемые при говорении, и, наконец, перлокутивные — акты, совершаемые посредством говорения. Таким образом, введение познавательной контекстуальности, прежде всего, означает смену правил «языковой игры», по мнению Р. Рорти, часто сопутствующую использованию различного рода метафор, представляющих собой «использование слова с целями, отличающимися от тех, которые осуществляются в языковой игре. С помощью метафоры можно, правда, иногда создать новую языковую игру» [9, С. 141].

Следует согласиться с тем, что установление ситуации «понимания» обеспечивает удержание положения познавательного равновесия, позволяющего производить «описания истины и окончательной структуры реальности» [19, С. 221]. Однако применительно к искусству речь, по-видимому, должна идти не столько о правильном или неправильном разъяснении, сопровождающем поиск истины, сколько о ложности самой мысли, направленной на поиск здесь какого-либо смысла. «Все хотят понимать искусство, — писал Пикассо, — почему бы тогда не попытаться понять пение птиц?.. Большинство людей, пытающихся разъяснить смысл картин, идут по ложному пути» [17, С. 421]. К этому прибавляется еще и то, что поиск смысла, соблазняющий нас возможностью овладения истиной, не является единственной целью достижения столь важного и необходимого понимания, поскольку не менее значимым для нас становится такое его качество, как солидаризация. Хотя все это и позволило теории адаптировать пространство искусства к специфике собственного поля, само искусство оказалось в проигрыше, трансформируясь в синтетическое поле взаимодействия мира и человеческого бытия средствами языка.

Истоки такого подхода лежат в области «герменевтического опыта» как пространства разворачивания изначальной взаимопринадлежности «Я» и «мира», осуществляющей свою данность в языке. Под эгидой именно такого рода тенденции складывалась общая позиция традиционного искусствознания, одним из основоположников которой по праву считается «Король Заимствований» — Аби Варбург, для которого гениальные проявления древних артефактов, найденные им в культурных проявлениях Ренессанса, казались не отражением прекрасных форм, а специфической энергией «переселения прошлого», что подвигало ученого посвятить свою жизнь изучению передвижения/заимствования образов не только внутри исторического пространства искусства, но и через перетекание образов из искусства в нехудожественные области и наоборот [3]. Известно, что человек неспособен к непосредственному проникновению в мир, поэтому он вынужден использовать опыт, но лишь как пространство первичного столкновения с миром. При этом не столько сам непосредственный опыт, сколько его значение является возможностью связи между человеком и миром. Язык же, призванный обнаруживать особенности этой связи, соотнобразует с собственной манерой, поскольку связь эта проявляется именно в языке. Можно даже согласиться с тем, что язык обнаруживает себя как первичное социально ориентированное действие, поскольку произрастает из социального опыта (практики), в связи с чем, полагается в качестве оптимального средства овладения социальным знанием [12]. Для этого опыт рассматривается исключительно в контексте консенсуса между представителями языкового сообщества и таким образом, что соглашения предположительно фундируются не языковыми средствами взаимопонимания (в подобном случае наличие языка уже предполагалось бы), а ориентируются на совокупный ряд основных норм жизни, допускающих саму возможность совместного существования людей. Как следствие такая согласованность, прежде всего, ориентирована на соглашения, неизбежно требующие своего истолкования, понимания и применения, которые являются базовыми структурными составляющими языкового опыта мира, и здесь мы должны согласиться с Х.-Г.Гадамером, что «истолкование — это не какой-то отдельный акт, задним числом и при случае дополняющий понимание; понимание всегда истолкование, а это

последнее соответственно есть эксплицитная форма понимания. <...> применение есть такая же часть герменевтического процесса, как понимание и истолкование» [4, С. 364—365].

Так, по мнению Х.-Г.Гадамера, понимание есть некая изначальная установка обращения человека к миру, заключающаяся в конкретизации самого смысла, выявляющегося в связи с соотносительностью с тем положением, которое занимает понимающее «Я». И здесь водружается герменевтическая ситуация, о которой по свидетельству Ф.Анкерсмита весьма нелестно отзывался В.Беньямин, ратуя за преодоление герменевтического метода, именуемого им «герменевтической «машинерией» [1, С. 260]. По его мнению, именно с дозволения герменевтического метода устанавливается реальность «подпорок» и «подсказок», в результате дающая всего лишь и исключительно свое собственное отображение, как в зеркале. С учетом этого, В.Беньямин призывает к тому, чтобы в моменте достижения, так называемого, понимания (например, стихотворения), стараться оставаться на поверхности, и тогда, быть может, настанет время освобождения от постоянного и неизбежно сопутствующего разгадыванию глубинных тайн всматривания в «собственное занудное я» [16, С. 36].

Возвращаясь к понятию «герменевтическая ситуация», следует заметить, что с одной стороны, такая ситуация организуется в рамках определенного пред-понимания, а в ее основе лежит риторичность как онтологическое свойство языка, которое следует считать универсальным механизмом языкового функционирования, представляющим собой важнейший принцип словообразования, непосредственно связанного с функцией соединения языка и действия, что выявляется в процессе установления первичных отношений к миру посредством языка, поскольку, согласно Х.-Г.Гадамеру, «тот, кто имеет язык, “имеет” мир» [4, С. 524]. Как следствие, язык, выполняя «мирооткрывающую функцию» [10, С. 170—175], раскрывает перед нами саму функцию пред-понимания в том числе и посредством социально-исторического аспекта. Согласно Х.-Г.Гадамеру, данный аспект проистекает из предрассудков, то есть таких представлений и авторитетных мнений, которые всегда актуализируются в связи с отношением к «прошлому» в форме традиций и преданий. Примером здесь может послужить, в частности, поле эстетической антропологии, актуализирующее событийность так называемого «социального времени», по мнению М.Н.Щербинина, проистекающей еще со времен эпохи Возрождения: «потребность в гармонизации социального времени окончательно созрела под давлением необузданной индивидуализации человеческого духа, охватившей собою эпоху Возрождения» [15, С. 79—80]. Однако следует согласиться с тем, что данная позиция является тупиковой (в смысле: *Pluralitas non est ponenda sine necessitate* (лат.). — «Без необходимости не следует утверждать многое» (принцип «Бритвы Оккама»)), поскольку влечет за собой вероятность образования еще одной плоскости, а именно — примитивной социальности, сохраняющей всю содержательную составляющую примитивного индивидуализма, но отличающейся от него своим методом обращения к действительности, который, в конечном счете, придерживается исключительно описательной интенции. К тому же, социальные проявления любого рода, прежде всего, являются языковыми проявлениями, а потом уже эстетическими, антропологическими, социальными, что обязывает прежде анализировать фундаментальные аспекты, особо не увлекаясь их внешним проявлением.

С другой стороны, данная ситуация есть становление смысла в процессе понимания, не имеющего своей целью окончательного, фактического свершения, а скорее подлежащего изменению, уточнениям и дополнениям, влекущим за собой вполне конкретную особенность выстраивания «действительности», поэтому невозможно говорить о правильном или неправильном понимании, но всегда лишь об ином понимании. К тому же, «правильное» является производным от «правила», поэтому, когда речь заходит о чем-то, что может называться «правильным» или «неправильным», то предполагается, «что в разговоре человек должен направляться. Должно быть нечто под рукой, что показывает ему, как говорить, как соединять слова согласно грамматике и получения смысла <...>. Здесь объясняется познание — знание что и знание как. Наличие у человека языковых структур или же системы правил языка предполагается в качестве объяснения его познания — объяснения, как он знает» [18, С. 389]. То есть опять же, требуется обращение к языку именно в аспекте его структурообразующей и грамматической функциональности. А поскольку применение операции «понимания» к конкретной ситуации, в которой находится понимающий, определяется как аппликативное понимание (термин Х.-Г.Гадамера), характеризующееся способностью к выработке значимости в текущих условиях понимания [4, С. 402—403], соответственно, весь процесс «понимания» осуществляется в смысловой области, опосредованной той языковой реальностью, которая в данный период времени обретает свое вполне конкретное образование.

Как следствие, требование понимания искусства обрекает нас на бесконечное продуцирование взаимосвязи такого понимания с определенным образом жизни, а поскольку создание любого искусственного языка (в том числе и языка наук) непосредственно зависит от естественного языка как источника жизни, мы в связи с этим обречены гоняться за призраками тех значений, без которых как нам кажется не справиться с созданной нами же самими проблемой обретения контакта с искусством. Поэтому вполне понятным оказывается стремление теоретиков искусства к выявлению взаимоотношений между звуковым выражением и наглядным изображением вещей. Однако известно, что Ф. де Соссюр в своих размышлениях о языке настаивает на строгом рассмотрении соединений терминов между собой, а не терминов и любого рода внешних

объектов (к таковым следует относить также произведения искусства вплоть до простой последовательности звуков) уже в силу того, что «лишь случайно языковой знак соответствует предмету, производящему определенное воздействие на органы чувств <...>. Какова бы ни была важность таких случаев, нет никаких очевидных оснований считать их типичными для языка, совсем наоборот. Несомненно, для того, кто придерживается именно такого мнения, эти случаи в некотором смысле всего лишь плохо подобранные примеры. Но здесь мы имеем дело с некоторой имплицитной тенденцией, которую нельзя недооценивать и которой нельзя позволить повлиять на окончательное определение языка, а именно с тенденцией считать язык номенклатурой предметов. <Данных заранее предметов>. Сначала дан предмет, затем знак; следовательно (и это положение мы всегда будем отрицать), у знака существует внешняя опора, и отношения в языке можно изобразить следующим образом: <...> [предметы ↔ имена. — И.Н.]. В действительности же схему надо строить так: <...> [имя-имя-имя. — И.Н.], отвлекаясь от реальной связи <...> [предметы — имена. — И.Н.], направленной на предмет» [11, С. 120—121].

В результате мы можем констатировать наличие такого противоречивого в своей основе феномена, как искусствоведческая ситуативность, способного внести раскол в теоретическое поле искусства. Специфика такой ситуативности тождественна представлению Ю.Хабермаса о герменевтике, понимаемой им следующим образом: «Всякое осмысленное выражение — будь то вербальное или невербальное высказывание, любой артефакт (например, орудие труда), какое-либо человеческое установление или отрывок текста — может быть идентифицировано в двоякой установке: и как доступное наблюдению событие, и как доступное пониманию объективированное значение. Мы можем описать, объяснить или даже предсказать, как будет звучать шум, который совпадает со звуковым выражением какой-либо произнесенной фразы, не имея понятия о том, что это выражение означает. Чтобы понять (и сформулировать) его значение, нужно принять участие в определенных (действительных или воображаемых) коммуникативных действиях, в ходе которых упомянутая фраза употребляется таким образом, что оказывается понятной для говорящего, слушателей и случайно присутствующих при этом членов той же языковой общности. У Ричарда Рорти приводится крайний случай: «Даже если бы мы могли предсказать, какие звуки будет издавать сообщество исследователей в 4000-м году, мы все же были бы не в состоянии поучаствовать в их разговоре». Противоположность между «предсказанием их языкового поведения в будущем» и «соучастием в их разговоре» указывает на важное различие между двумя отличными друг от друга модусами языкового употребления. Мы либо говорим о том, что имеет или не имеет места, либо говорим что-нибудь кому-нибудь другому, так что последний понимает то, что говорится. Только второй способ употребления языка внутренне или понятийно связан с условиями коммуникации. <...> Для того же, чтобы понимать, что говорится, требуется участие в коммуникативном действии. Должна сложиться некая языковая ситуация (или по крайней мере ее следует себе представить), в которой говорящий, находясь в коммуникации со слушателем, говорит о чем-то и выражает то, что он сам об этом думает. <...> [Поэтому. — И.Н.] Герменевтика сразу должна иметь дело с тройным отношением высказывания [по сути, идентичном давным-давно существующей в искусствознании модели отношений — композитор/исполнитель/слушатель. — И.Н.], которое служит, во-первых, выражением намерений говорящего (в обозначенной выше модели эта позиция соответствует "композитору". — И.Н.), во-вторых, выражением межличностного отношения, устанавливаемого между говорящим и слушателем [соответственно, «исполнитель». — И.Н.] и, в-третьих, выражением, в котором говорится о чем-то, имеющем место в мире [соответственно, «слушатель». — И.Н.]. И кроме того, при каждой попытке прояснить значение того или иного языкового выражения мы сталкиваемся с четвертым, внутриязыковым или лингвистическим отношением, а именно с отношением между данным высказыванием и совокупностью всех возможных высказываний, которые могут быть сформулированы в том же самом языке [это, по сути, и есть искусствоведческий дискурс, в котором разворачиваемое представление об искусстве всегда является языковым, о чем как правило, и забывает аналитик искусства, анализируя произведение искусства так, как если бы речь шла о чем-то, существующем в действительности; на самом деле, разговор идет о языке, и только о языке, что выражается посредством установления четвертого отношения. — И.Н.]. Герменевтика рассматривает язык, так сказать в работе, то есть так, как его употребляют участники коммуникации с тем, чтобы достичь общего понимания какого-либо вопроса или общего взгляда на вещи» [13, С. 38—40].

Парадокс здесь заключается в том, что пребывание в четвертом измерении, конечно же, дает столь необходимое для нас понимание искусства, однако, именно в точке достижения такого понимания мы навсегда теряем искусство.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
2. Арановский М.Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. М., 1998.
3. Варбург А. Великое переселение образов. СПб., 2008.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
5. Дики Дж. Определяя искусство // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Екатеринбург; Бишкек, 1997. С. 243—252.
6. Жирар Р. Насилие и священное. М., 2010.

7. Коэн Т. Возможность искусства: замечания к предложениям Дики // Американская философия искусства: основные концепции второй половины XX века — антиэссенциализм, перцептуализм, институционализм. Екатеринбург; Бишкек, 1997. С. 253—270.
8. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 57—157.
9. Рыклин М. Философия без оснований. Беседа с Ричардом Рорти // Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002. С. 139—163.
10. Соболева М. Философия как «критика языка» в Германии. СПб., 2005.
11. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М., 2001.
12. Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой // Социологический журнал. 2006. № 1—2. С. 5—39.
13. Хабермас Ю. Реконструктивные и понимающие науки об обществе // Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006. С. 34—66.
14. Холопова В.Н. Икон. Индекс. Символ // Музыкальная академия. 1997. № 4. С. 159—162.
15. Щербинин М.Н. Феномен музыки в европейском смыслогенезе // Метафизика музыки и музыка метафизики: Сб. статей. СПб., 2007. С. 79—91.
16. Caygill H. Walter Benjamin. The colour of experience. London and New York, 1998.
17. Goldwater R., Treves M. Artists on art. New York, 1945.
18. Malcolm N. «The Myth of Cognitive Processes and Structures» in Cognitive Development and Epistemology. New York and London, 1971.
19. Quine W. Word and Object. Cambridge, 1960.

Д.А.Николаев

г.Нижний Новгород

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского

Н.И.ХРАМЦОВСКИЙ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ «БОЛЬШОЙ» ИСТОРИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Николай Иванович Храмцовский (1818—1890) — выдающийся представитель нижегородской интеллигенции XIX в., историк, литератор, общественный деятель, по праву именованный современниками «отцом истории Нижнего Новгорода», по праву входит в пантеон выдающихся нижегородцев, прославивших родной край своими талантами. Он родился 15 декабря 1818 г. в Вологде в семье Ивана Васильевича и Марии Александровны Храмцовских. Согласно семейному преданию (не подтверждаемому фактическими данными), род Храмцовских происходил от польских дворян Храмцевичей. Начальный уровень систематического образования и знаний будущий историк приобрел в доме своей бабушки, под прямым влиянием сестры матери (Е.А.Пушниковой) и «чиновника из семинаристов, священнического сына Александра Михайловича Прилежаева» [5, С. 12]. Таким образом Николай Иванович получил лишь домашнее образование, но любовь к чтению и привитая ему привычка к самообразованию постепенно сделали его человеком начитанным и грамотным.

В 1828 г. И.В.Храмцовский поступил на службу в соляное правление в Нижнем Новгороде, куда и перевез семью, которая зажила на новом месте в относительно неплохом материальном достатке и даже платила «купеческую гильдию». Иван Васильевич добросовестно трудился на должности помощника комиссионера по перевозке казенной соли и корабельных лесов, за что был неоднократно поощряем начальством [5, С. 12]. Оказавшись в среде (нижегородской) более насыщенной в культурном отношении, семья Храмцовских часто посещает славившийся в то время нижегородский театр и любовь к Мельпомене Николай Иванович пронесет через всю свою жизнь.

Повзрослев и будучи уже восемнадцати лет от роду, Николай Иванович пошел по стопам своего отца, поступив на службу в нижегородское соляное правление сначала письмоводителем, а затем последовательно пройдя должности казенного приказчика, и, как отец его, помощника комиссионера по перевозке соли. По долгу службы ему пришлось побывать во многих уголках Российской империи, что впоследствии позитивно сказалось на его историко-географическом кругозоре; по службе же Николай Иванович аттестовывался самым наилучшим образом: «при похвальном поведении, исправляя все возлагаемые на него поручения с особым усердием, был самым исправным и благонадежным человеком» и был неоднократно премирован значительными денежными суммами [5, С. 13].

Как отметил нижегородский краевед Ю.Г.Галай: «во время частых поездок по делам службы Николай Иванович вел служебные записи и дневники. Постепенно накапливался интересный бытовой материал, который требовал выхода» [1, С. 6]. В 1846 г. в Москве в типографии Августа Семена Н.И.Храмцовский напечатал свое первое произведение — книгу «И русское сердце не камень. Были из жизни на святой Руси», весьма прохладно встреченной столичными литературными критиками. Авторитетные литературно-публицистические издания, такие, как «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и другие обратили внимание на произведение молодого (в то время Храмцовскому было 28 лет) автора и чрезвычайно негативно

оценили его. Возможно, что для Николая Ивановича это послужило своеобразным толчком к тому, чтобы он расстался с мыслями о литературе «изящной» и приобрел известность на поприще научно-историческом, продолжая, впрочем, считаться в нижегородской читающей среде именно писателем. Известные в то время энтузиасты изучения нижегородской истории — архимандрит Макарий и П.И.Мельников вкупе с Н.И.Храмцовским составили в Нижнем Новгороде своеобразный интеллектуальный кружок, занимавшийся сбором и обработкой письменных источников. Занявшись историей родного края, Храмцовский стал искать сведения о нем в различных специализированных изданиях, таких, как «Древняя Российская Вивлиофика», «Акты исторические», «Акты археографической экспедиции», «Собрание государственных грамот и договоров» и пр., что создало ему славу знатока местной истории

Во второй половине 50-х гг. XIX в. Н.И.Храмцовский служил письмоводителем в нижегородской судовой расправе у маклера Д.Г.Усова — богатого человека, любителя старины и коллекционера, собравшего вокруг себя интеллектуальную элиту Нижнего Новгорода, где бывали, наряду с местной интеллигенцией, и губернаторы (М.А.Урусов, Ф.В.Анненков, А.Н.Муравьев).

Крымская война 1853—1856 гг., как и, в свое время, Отечественная война 1812 г., вызвала серьезный подъем общественной мысли, одним из факторов которого явилось стремление к новому осмыслению исторического прошлого. «В это время, вероятно, явилась впервые мысль в нижегородском обществе составить обстоятельную и добросовестную историю Нижнего Новгорода», и «явилась», вполне возможно, именно в доме Д.Г.Усова, где, в ходе многочисленных дискуссий, Н.И.Храмцовскому сумели внушить идею о необходимости написания «большой» истории Нижнего Новгорода [5, С. 17]. В 1855—1856 гг. Николай Иванович усиленно работал над этим сочинением, ставшим первым и самым объемным трудом по местной истории. Труд вышел в печать в 1857—1859 гг. под названием «Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода» [3, С. 39].

Работа Н.И.Храмцовского, в отличие от его литературных произведений, была благожелательно встречена читающей публикой и сразу стала «официально-презентабельной» — преподносилась в дар важным персонам, посещавшим Нижний Новгород в разные годы. Например, в 1866 г. книга была подарена великим князьям Александру Александровичу (будущему императору Александру III) и Владимиру Александровичу, а автор впоследствии удостоился неофициального, но чрезвычайно почетного звания (очевидно, по аналогии с Геродотом) «отца истории Нижегородского края» [4, С. 7]. Тем не менее, несмотря на успех своего труда у читающей публики, Н.И.Храмцовский не считал его серьезным научным исследованием, а рассматривал «как сборник сведений для будущего историка, т.е. как труд черновой, подготовительный» [5, С. 17]. Это было вполне справедливое самокритичное замечание: и тогда, и сейчас серьезные исследователи отмечают и отмечают сугубо описательный характер работы, «летописное» хронологическое изложение фактов без выявления глубинных взаимосвязей между ними, «приукрашенное той картинной и искусственной манерностью, которая так заметно бросается [в глаза — Д.Н.] в истории Карамзина» [3, С. 40].

Тем не менее, несмотря на объективное критическое отношение к труду Н.И.Храмцовского, ему нельзя отказать в знании предмета своего исследования: за период написания работы им было изучено огромное количество источникового материала — письменных памятников, архивных дел, хранившихся в канцелярии губернатора и губернском правлении, сотен единиц прочих исторических источников и научных сочинений. Именно Храмцовскому удалось, впервые в местной историографии, собрать и систематизировать, во многом, уникальный материал по истории края, и изложить его, в итоге, во вполне утвердившейся «карамзинской» литературно-исторической традиции и в доступной массовому читателю форме пресловутого «Очерка». Материал этот по праву считается сегодня весомым источниковым комплексом не только в контексте изучения локальной историографической традиции, но и в конкретной фактографической реконструкции.

Последующую историко-краеведческую деятельность Храмцовского можно рассматривать как продолжение и дополнение его «Очерка». Заметки и труды Храмцовского стали печататься как в местной (газеты «Волга», «Нижегородские губернские ведомости», «Нижегородский ярмарочный справочный листок», «Нижегородские епархиальные ведомости» и др.), так и в центральной прессе. В 1878—1879 гг. он сотрудничает со столичной газетой «Новости», публикуя на ее страницах серию статей под названием «Нижегородские письма». Круг краеведческих изысканий Николая Ивановича был весьма широк: история Нижнего Новгорода и его отдельных районов в разные эпохи, памятники старины, биографии выдающихся деятелей Нижегородского Поволжья, история нижегородского театра и макарьевской ярмарки и пр. Всего им было опубликовано свыше 50 статей, заметок, сообщений и справок по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края.

Заслуживает внимания и общественная деятельность Н.И.Храмцовского. В 1865 г. он избирается, «как желанный и полезный работник», действительным членом нижегородского губернского статистического комитета, где разбирал материалы по истории, статистике и этнографии Нижегородской губернии. Именно Николай Иванович стоял во главе очень важной общественной инициативы — создания в городе так называемого «Нижегородского всесословного клуба», сыгравшего значительную роль в деле народного просвещения и «воспитания нравов». Именно в этом учреждении Храмцовский озвучил идею увековечения памяти И.П.Кулибина (в 1868 г. исполнилось 50 лет со дня его кончины) — выдающегося нижегородского механика-самоучки — основанием училища имени великого изобретателя. И поныне Нижегородское речное училище

(ставшее в наши дни филиалом Волжской государственной академии водного транспорта) носит имя И.П.Кулибина. Имеются сведения и о других общественно-полезных инициативах Храмцовского: участие в выпуске (кратковременном) газет «Нижегородские известия» и «Нижегородские биржевые ведомости», содействие в открытии нижегородской колонии для малолетних преступников и пр.

Общественная и литературно-историческая деятельность не принесли Храмцовскому, помимо известности, сколь-либо существенных доходов. Он вынужден был служить то помощником капитана в парходном товариществе «Нептун», то приказчиком и заведующим частной конторой по управлению имениями, пока в 1864 г. не было издано «Положение о земских учреждениях», открывшее путь к реализации земской реформы, и Николай Иванович обрел для себя новое поприще уже в земской среде. Почти семь лет он служит секретарем, делопроизводителем и бухгалтером в балахнинском, васильском и семеновском уездных земствах Нижегородской губернии, обобщив впоследствии свои личные впечатления от этой службы в своих мемуарных записках [2]. В 1872 г. Н.И.Храмцовский уходит с земской службы, после чего трудился на различных должностях в Нижнем Новгороде и вел более чем скромное существование. В 1879 г. он переселился в Вологду, где и проживал на попечении родственников до своей кончины в 1890 г.

Литература

1. Галай Ю.Г. Историк Нижнего Новгорода // Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н.Новгород, 1998.
2. Государственный архив Нижегородской области (ГАО). Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 2083.
3. Звездин А.И. Об исторических трудах Н.И.Храмцовского // Памяти Н.И.Храмцовского, историка Нижнего Новгорода. Н.Новгород, 1899.
4. Речь председателя комиссии А.А.Савельева // Памяти Н.И.Храмцовского...
5. Родзевич Г.И. Николай Иванович Храмцовский, его жизнь, литературная и общественная деятельность // Памяти Н.И.Храмцовского...

Н.Ю.Николаев

г.Волжский

*Волжский гуманитарный институт (филиал)
Волгоградского государственного университета*

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДАХ Н.И.КАРЕЕВА НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Среди представителей отечественной исторической мысли, отдавших дань изучению проблем войны и мира, обращает на себя внимание фигура Николая Ивановича Кареева (1850—1931). Следует признать, что пацифистская проблематика в его работах представлена достаточно лапидарно и «разбросана» по многочисленным социологическим и историческим работам. Проведенный им анализ вопросов войны и мира представляет интерес прежде всего как иллюстрация позиции крупного ученого-историка, напрямую не связанного с миротворческим движением, но, бесспорно, ему горячо сочувствовавшего.

Кареев формулировал основные принципы общественного мира в рамках социологической концепции. «На всех ступенях своего развития, — писал ученый, — ...общество имеет своим принципом солидарность, отличающуюся от солидарности между частями организма тем, что индивидуумы сплавиваются здесь в одно целое без непосредственной физической связи; последнюю заменяет психическое взаимодействие» [1, С. 79].

Кареев противопоставлял борьбу и солидарность, видя в них полярные признаки общественного развития. Борьба представляла собой «факт антисоциальный» и если в обществе она присутствовала, значит «принцип солидарности находится все-таки в деятельном антагонизме с принципом борьбы». Естественный отбор нацеливал на наследование качеств разъединяющих людей, в то время как социальный прогресс выступал механизмом объединения и кооперации [5, С. 285]. В то же время ученый признавал необходимость борьбы за существование, но прежде всего в виде объединенного сообщества против природы. Борьба же одних людей против других должна постепенно исчезнуть из человеческого общежития. Вопреки мнению, объявлявшему борьбу за существование неискоренимым и извечным спутником всемирной истории, Кареев считал, что интеллектуальный, нравственный и социальный прогресс позволят в будущем гармонизировать человеческие потребности и возможности [5, С. 393—394].

Истинный человеческий прогресс происходил прежде всего в сфере психологии, на основе на которой развивалось духовное взаимодействие и необходимые для человеческого общежития качества и навыки. «Прогресс, — писал ученый, — то, что дает человеку новые средства в борьбе за существование, но не с ближним, а с окружающей природой, то есть знания, технические изобретения в добычании средств к жизни;

прогресс — то, что развивается внутри человека, как помеха для борьбы с ближним, — симпатия, альтруизм, совесть, чувство справедливости; прогресс — то, что в социальной организации создает такие формы быта, которые делают для него борьбу излишней, ненужной, вредной, — солидарность, регулирование отношений, кооперацию» [5, С. 286]. Подобный прогресс был возможен лишь там, где психически развитые особи вступали в духовное взаимодействие и объединялись в общество и если в нем присутствовала борьба, это лишь свидетельствовало о недостаточном интеллектуальном и нравственном развитии человечества и его социальной незрелости.

Важным условием социального прогресса являлось постоянное усовершенствование общественной организации. Именно благодаря наличию социальных учреждений принцип солидарности мог распространиться на все человечество, уничтожив в итоге борьбу между различными обществами. Иначе говоря, международные войны должны исчезнуть «путем соединения государств в обширную всемирную конфедерацию» [5, С. 386—387].

В общих исторических сочинениях Кареева можно найти и подробные оценки современного ему милитаризма, поразившего в конце XIX в. прежде всего ведущие европейские державы. Под понятием «милитаризм» ученый понимал такое направление политики, «при котором если не все, то очень многие отправления государственной жизни подчиняются, даже в мирное время стремлению к военному преобладанию или, по крайней мере, к военному могуществу». Развитие милитаризма напрямую зависело от политических вызовов эпохи и особенностей национально-государственной политики. Например, Великобритания в силу своего островного положения всегда могла обходиться сравнительно небольшой армией, в то время как Пруссия весь новейший период своей истории постоянно наращивала военную мощь, которую достаточно успешно конвертировала в геополитическое влияние. На протяжении XIX в. сменилось несколько этапов в развитии милитаризма. В начале столетия, в связи с наполеоновскими войнами, на континенте наблюдался значительный рост милитаризма, который несколько снизился в середине века и вновь заметно усилился в его конце [2, С. 122—123].

При этом гонка вооружений происходила «приблизительно с одинаковой быстротой» и в «почти одинаковых размерах» во всех европейских государствах, в независимости от их уровня культурного или экономического развития. Тем самым рост милитаризма в корне отличался от эволюции производительных сил, «которая совершалась далеко не с одним и тем же темпом и не в одинаковых размерах в странах различного экономического и культурного развития». В результате бедные государства тратили на вооружения такие суммы, которые и в богатых государствах рассматривались бы как весьма и весьма значительные [2, С. 126—127].

Одной из причин развития милитаризма Кареев называл введение всеобщей воинской повинности [2, С. 128—129]. Еще одной силой влияющей на рост вооружений он считал капитализм. Капиталистическая экономика постоянно сталкивалась с проблемой сбыта произведенных товаров и вывоза капиталов. Одним из механизмов разрешения данной дилеммы, наряду с выходом на внешние рынки и захватом колоний, за которые ожесточенно соперничали великие державы, являлся милитаризм [2, С. 129—131].

Негативно отзывался Кареев и о «вооруженном мире», ставшем неотъемлемой частью международных отношений на рубеже XIX—XX вв. Истоки напряженности на европейском континенте в начале XX в. он видел в итогах франко-прусской войны. Третья республика не смирилась с понесенными территориальными потерями и жаждала реванша. В то же время объединенная Германия рассматривалась европейскими государствами как опасный и беспокойный сосед, чьи заверения о стремлении к «общему миру» не соответствовали ее реальной политике [2, С. 118—120]. Члены образованных в конце XIX в. Тройственного и русско-французского союзов публично декларировали приверженность ко всеобщему миру однако инициированные Россией попытки разоружения закончились полным провалом и государства «по прежнему продолжали усиливать свои вооружения и на суше, и на море». С момента окончания франко-прусской войны великие державы находились в неустойчивом состоянии «вооруженного мира», страшась войны и в то же время непрерывно увеличивая свои военные расходы. Свою лепту в усиление международной напряженности вносили и постоянные военно-технические изобретения, заставляя «европейские государства находится как бы в хроническом состоянии перевооружений».

В то же время постоянная угроза войны служила своеобразной гарантией сохранения мира. Усложнявшаяся международная обстановка и накопленные огромные запасы вооружений требовали скрупулезных подсчетов соотношения сил в случае гипотетического столкновения. В результате, противоборствующие стороны старались политические конфликты по возможности разрешать компромиссом. Сторонниками мира выступал и класс капиталистических предпринимателей, который становился все более влиятельным в политическом отношении. Несмотря на определенные выгоды милитаризма для отдельных отраслей капиталистического производства господствующие классы, как считал Кареев, осознавали тот колоссальный вред, который нанесла бы европейская война хозяйственному развитию континента, особенно с учетом сложившиеся тесные торгово-экономические связи. В выигрыше от войны между враждебными союзами оказалась бы Америка, «и это также заставляло господствующие классы и правительства задумываться над вопросами войны и мира и над вопросами общеевропейских интересов». Свою роль играло и постепенное усиление антивоенных настроений в обществе, главным образом, среди представителей интеллигенции и пролетариата [2, С. 521—522].

Помимо общественного существовал и правительственный пацифизм, чья активность выразилась в созыве двух гаагских мирных конференций. Инициированный Россией первый «парламент мира», по мнению Кареева, был встречен Западом недоверчиво, как по причине недоверия к искренности миролюбивых устремлений Петербурга, так и в силу серьезных сомнений относительно достижения на конференции значительных результатов. Собственно последние предположения в дальнейшем во многом оправдались. Итоги мирного собрания Кареев оценивал не слишком высоко, выделяя лишь создание международного третейского суда. Свидетельством общей неудачи стало и то, что конференция так и не смогла предотвратить ни англо-бурской войны, ни конфликта на Дальнем Востоке, не удалось ей приостановить и столь тяготившую население гонку вооружений [2, С. 21—23]. Еще более критически ученый характеризовал результаты работы второй мирной конференции, по окончании которой, гонка вооружений не только не прекратилась, но приняла еще более «колоссальные размеры» [3, С. 21].

Начало Первой Мировой войны Кареев, как и подавляющее большинство представителей либеральной интеллигенции встретил с горечью и недоумением. Разумеется, в его работах военного периода присутствовали отчетливая «антантофильская точка зрения». Однако в отличие от горячих поборников мира и членов пацифистских обществ, историк не требовал ни каких территориальных приращений для России и не призывал к быстрейшему разгрому «агрессивного германского милитаризма». В сборнике «Чего ждет Россия от войны?» Кареев поместил статью, чье содержание заметно отличалось от общей тематики книги. «Я позволю себе перевернуть вопрос, — писал он, — и говорить не о том, чего ждет Россия от войны, а что ждет Россию после войны, и ограничу притом свою тему областью науки» [4, С. 81]. Кареев сожалел, прежде всего, о разрыве научных связей, в результате чего российские ученые лишились возможности знакомиться с последними достижениями своих зарубежных коллег. Как следствие, «научные сношения расстраиваются, научная продуктивность падает» [4, С. 83].

Недоумение вызывало у него и высокомерное желание некоторых публицистов увидеть в войне против Германии цивилизационно-освободительную миссию России. Подобные взгляды Кареев считал опасным заблуждением, в основе которого лежало стремление «считать себя лучше других и на этом основании признавать себя в праве их исправлять от того самого зла, в которое мы рискуем впасть сами». Обвиняя Германию в национализме, предупреждал ученый, не следовало самим проявлять ненависть и злобу по отношению к другим национальностям, даже при условии военного с ними столкновения [4, С. 96—97].

Таким образом, представляется, что проблематика войны и мира заметно присутствовала в историко-социологических работах Н.И.Кареева. Историк не являлся активным пропагандистом миротворческих идей, однако весьма негативно относился к увеличению милитаризма и усилению международной напряженности. С социологической точки зрения вопрос замирения он рассматривал в контексте роста человеческой солидарности путем психологического взаимодействия. Исчезновение войн Кареев связывал с объединением государств в международную конфедерацию, которую он объявлял вершиной социального прогресса. Достойной выглядела позиция ученого в период Первой мировой войны. В его выступлениях, в отличие от призывов иных «официальных миротворцев», отсутствовали шовинистические лозунги и экспансионистские планы. Будучи патриотом, Кареев, тем не менее, отрицательно относился к тем отечественным публицистам, что отвергали заслуги германской культуры или рассматривали войну с Центральными державами как цивилизационную миссию России.

Литература

1. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1897.
2. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. VI. Последняя треть XIX века. Ч. 1—2. СПб., 1909.
3. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. VII. Ч. 1. (Международные отношения до 1907 г. Внутренняя политика отдельных стран до 1914 г.). СПб., 1916.
4. Кареев Н.И. Мысли о русской науке по поводу теперешней войны // Чего ждет Россия от войны: Сб. статей. 2-е изд. Пг., 1915. С. 81—97.
5. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. 3-е изд., сокр. СПб.; М., 1897.

Ф.В.Николаи

г.Нижний Новгород

Нижегородский государственный педагогический университет им К.Минина

КОНЦЕПЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ДЖЕЯ УИНТЕРА

К столетию начала первой мировой войны как в Европе, так и в США наблюдается бум публикаций и проектов, уточняющих и корректирующих наше представление об этом важнейшем событии новейшего времени. Долгое время в центре внимания исследователей находились его дипломатические, социально-экономические и собственно военные аспекты. Однако в последнее время на передний план выходят скорее социально-психологические вопросы: проблемы репрезентации окопного опыта и «шелл-шока», стратегии

адаптации ветеранов к мирной жизни и т.д. Эти проблемы активно обсуждаются на многих международных конференциях: «Наследие и память о войнах в Европе 1918—1945—1989 гг.» (Бирмингем, сентябрь 2010); «Политика прошлого: коммеморации Великой войны в международной перспективе» (Канберра, апрель 2012); «Война и память: репрезентации личной, коллективной и национальной памяти о войне в культуре и искусстве Европы XX в.» (Варшава, сентябрь 2012); «Оцифрованные свидетельства войны и травмы» (Роттердам, июнь 2013) и др. Сторонники *memory studies* справедливо подчеркивают важность антропологического измерения войны, которая радикально изменила не только социально-политические системы стран-участниц, но и сознание обычных людей.

Одним из наиболее известных исследователей памяти о мировой войне в англо-американской историографии считается профессор Йельского университета *Джей Уинтер* (род. 1945). Он напрямую связывает современный «мемориальный бум» с кризисом *fin-de-siècle* рубежа XIX—XX вв. По его мнению, «Великая война» превратила дискурс памяти из достаточно элитарного нарратива интеллектуалов и богемы в доминирующее самописание модерна, вошедшее в кровь и плоть обычных людей [5, р. 8—11]. Впрочем, Уинтер признает и существенные отличия между послевоенным «бумом памяти» и современными *memory studies*. Они обращаются к разной аудитории: первый — к семьям погибших и выживших, второй — скорее к академическому сообществу. Кроме того, существенно изменились и медиумы памяти: место текстов и монументов заняли аудио- и видео-интервью — *testimony* [свидетельские показания]. Изменился и социально-политический контекст: «Война во Вьетнаме стала для американцев [своей собственной] первой мировой войной — войной, которая превратила простодушие в опыт, наивность — в иронию; благородство языка — в физическую экспрессию разочарованных солдат» [2, С. 162]. Война не только распространила дискурс памяти вширь, но и существенно изменила его: если в XIX в. преобладала «память нации», то после 1918 г. востребованной оказывается семейная и социальная память о павших солдатах: «Она позволила обычным людям соотнести этот ключевой момент истории Британской империи [мировую войну] со своей собственной семейной историей» [4, С. 178]. Память нации вызвала во всех европейских странах патриотический подъем августа 1914 г.; память о павших перенесла акцент на разочарование и шок «потерянного поколения», сформировав новый язык иконоборчества. Д.Джойс и П.Пикассо сменили Ч.Диккенса и К.Моне.

Впрочем, Уинтер не склонен абсолютизировать противопоставление модернизма «классической традиции». Его интересуют сложные трансформации *практик коммеморации* после первой мировой войны: создание мемориалов и социально-политическая полемика об эксгумации павших; живопись, поэзия и музыка ветеранов; их фотографии и образы в кино. И везде он обнаруживает поиск форм выражения траура. Акцент на практиках коммеморации предполагает многосторонность индивидуальных и коллективных контактов с прошлым. Память не просто отражает или автоматически воспроизводит опыт прошлого, но реконструирует и воспроизводит его с вариациями: «Чаще всего в процессе реконструкции мы додумываем ощущения, убеждения и даже мысли, которые мы бы получили с неким опытом. Другими словами, мы перестраиваем нашу память о прошлом, соединяя ее с эмоциями или знанием, которые мы получили после [дальнейших] событий» [4, С. 4]. При этом важно отметить, что Уинтер говорит именно о *коллективной памяти*, субъектом и носителем которой является не общество в целом («память нации»), но, прежде всего, небольшие социальные коллективы, — «сообщества вымышленного родства» [*fictive kinship groups*].

В числе других практик коммеморации Уинтер обращается и к полемике 1920-х гг. о «военном неврозе» или «*артиллерийском шоке*» [*shell shock*] — выходящем за рамки медицины дискурсе, центральной фигурой которого становятся страдания и психо-соматическая память ветеранов. «В Британии (в гораздо большей степени, чем во Франции или Германии) последующие поколения унаследовали целый набор 'икон' и ключевых метафор из широкого спектра рассказов, поэзии и особенно образов, связанных с войной. *Shell shock* стал одной из таких метафор. Метафоры всегда открыты интерпретации. Но внутри них всегда есть некая истина, о которой свидетельствует само их выживание. Одна из таких истин в том, что война не заканчивается с прекращением огня, — она продолжается в сознании многих вернувшихся вроде бы здоровыми и невредимыми, а также в страданиях тех, чьи воспоминания оказываются материализованы и повторяются на телесном уровне» [4, С. 60—61]. Уинтер рассматривает полемику вокруг «артиллерийского шока» как специфическую англо-саксонскую модель памяти о войне, построенную вокруг этой центральной метафоры, предполагающей сбой классического линейного нарратива и переводящей его на уровень физического воплощения памяти: «Тела [ветеранов] несут следы войны... Эти солдаты интернализировали память. Она внутри них, и когда ее затрагивают. — их тела отвечают словно сжатая пружина... Тела солдат хранят следы памяти; они вызывают к нам, хотя и не в той форме, к которой мы привыкли. Здесь история становится плотью; здесь физические действия происходят без [конкретной] цели или направления, если вообще их можно назвать действиями» [4, С. 56—57]. По сути Уинтер говорит об аффективном повторении или отыгрывании, — памяти, которая постоянно воспроизводится в сознании ветеранов и на уровне их тел [7, С. 185]. Причем следующие поколения наследуют этот набор образов, метафор и моделей телесного поведения, также становясь невольными участниками «некролируемого театра памяти».

Однако, в отличие от большинства теоретиков *trauma studies* — Ш.Фелман, К.Карут и Р.Лэйз — он выступает против широкого распространения понятия *травмы*, которым должны заниматься скорее физиологи и

невропатологи. Чаще всего, оно оказывается слишком широким «зонтичным понятием», склонным стирать различия между разными формами и практиками коммеморации. Более продуктивным Уинтеру представляется концепт «травмированной памяти»: «... ‘травмированная’ память не является отдельной категорией памяти, но лишь крайним явлением нашего общего процесса воспоминания» [8, С. 16].

Уинтер подчеркивает постоянную работу коммеморации, которая является не устойчивым образом, но подвижным процессом или *перформативом* — ре-актуализацией событий прошлого в настоящем. «Перформатив лежит в центре коллективной памяти. Когда индивиды и группы воспроизводят, выражают, воплощают или интерпретируют тексты прошлого, они оживляют в своем сознании групповые связи и следы памяти о прошлом» [6, С. 11]. Таким образом, memory studies на протяжении всего XX в. не только несут функцию коллективного посредничества в восприятии войн XX в., но и постепенно меняют персональный и коллективный исторический опыт.

Однако многие исследователи подвергают сомнению выводы Уинтера. В частности, М.К. Масуда в работе «Память модерна» (1996) последовательно доказывает, что сама логика «материализации памяти» начала усиливаться в Европе (и особенно во Франции) еще до мировой войны — в 1870—1914 гг. [1, С. 11—14]. АС. Траут из университета Алабамы в работе «Поле боя памяти» (2010) утверждает, что единой памяти о первой мировой войне вообще не существовало: региональные различия в практиках коммеморации были сильнее общих тенденций [3, С. 5].

Отдельные аргументы этой критики следует признать справедливыми. Но они упускают из виду принципиальную задачу Уинтера — проследить гетерогенные взаимодействия разных практик коммеморации «Великой войны» в XX веке. Кроме того, подобная критика не учитывает огромную роль контекста теоретической полемики между trauma- и memory studies, снять оппозицию между которыми Уинтеру удастся на «среднем» уровне, соединяющем теоретические и конкретно-исторические исследования.

Литература

1. Matsuda M.K. The Memory of the Modern. N.Y.: Oxford University Press, 1996. P. 11—14.
2. The Legacy of the Great War: Ninety Years On. / Ed. by Jay Winter. University of Missouri Press, 2009.
3. Trout S. On the Battlefield of Memory: The First World War and American Remembrance, 1919—1941. Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 2012.
4. Winter J. Remembering War: the Great War between Memory and History in the Twentieth Century. Yale University Press, 2006.
5. Winter J. Shell-Shock and the Cultural History of the Great War. // Journal of Contemporary History. 2000. Vol. 35. No. 1.
6. Winter J. The Performance of the Past: Memory, History, Identity // Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe. / Ed. by Karin Tilmans, Frank van Vree and Jay Winter. Amsterdam University Press, 2010.
7. Winter J., Prost A. The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2005.
8. Winter J., Sivan E. Setting the Framework // War and Remembrance in the Twentieth Century. / Ed. by Jay Winter. Cambridge University Press, 1999. P. 16.

К.К.Нуркина

г.Омск

Омский государственный технический университет

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В русле историко-антропологического поворота в западной науке последней трети XX века, когда исследовательский интерес смещается в сторону изучения небольших групп, стратегий поведения индивидов и обычный человек становится частью истории, становление переживает и история детства. «Дети имманентно присутствуют везде» и «без учета их наличия и участия невозможно изучение общества в целом», «как в силу своей массовости, так и в силу предначертанной им миссии трансляторов человеческого опыта они не могли и не могут не оказать существенного воздействия на развитие общества» [19, С. 6, 15]. Следовательно, «общество не может познать себя, не поняв закономерностей своего детства» [12, С. 6]. Исследование повседневной жизни детей в частности, позволяет представить условия и уровень жизни населения в определенном историческом периоде, взаимообусловленность макро- и микропроцессов исторического развития.

Исследовательскую литературу по изучению детства как культурно-исторического явления в рамках истории повседневности сложно представить единым блоком. В данном случае интересно то, каким образом представлена в отечественной историографии тема повседневной жизни детей.

История детства, как и история повседневности, берет свои корни от французской школы анналов, и родоначальником ее считается французский демограф, историк Филипп Арьес. Именно с выходом его труда, где обосновывается становление «детства», зарождаются споры вокруг его идей, что послужило толчком к новым научным изысканиям, и, как следствие, к выделению истории детства в отдельную область исторического знания [1]. В отечественной науке, значение имел перевод его работ на русский язык выдающимися медиевистами, ранее других обратившихся к опыту зарубежных историков, и не менее выдающимся социологом [3], [4], [13]. Однако полноценное приобщение к тенденциям развития мировой исторической мысли стало возможно лишь в конце 1980—1990-х гг., в связи с распадом СССР и утверждением методологического плюрализма в отечественном гуманитарном знании.

На протяжении конца XX — начала XXI века наблюдается изменение представлений и о детстве, и о повседневности, как предмете исследования. Значительно расширяется спектр источников, арсенал методов получения знания в этой сфере. Повседневность перестает отождествляться с понятием «быт», включая в себя не только материальную сторону, но и восприятие людьми той реальности, в которой они живут, их эмоции и частные переживания.

С начала 2000-х годов в отечественной исторической науке произошло выделении детства в самостоятельную область исторического знания, дети становятся самостоятельными объектами исследования. Если раньше специальные исследования детства отражали, прежде всего, государственную политику в области образования, в отношении детских учреждений, в отношении сирот и беспризорников, идеологическое воспитание (подобная традиционная направленность в осуществлении ряда исторических практик присутствует и сегодня) [6], [21], то теперь, дети понимаются как «маленькие», наряду с «взрослыми», субъекты исторического процесса. Признается их значимость, ведь «каково детство, таково и общество» и наоборот «каково общество, таково и детство» [7, С. 160]. Исследования детства все более приобретают многоплановый характер.

Значимую роль в трансформации представлений о детстве, как объекте исторического исследования сыграли такие специалисты в области изучения детства как Е.М.Балашов, В.Г.Безрогов, О.Е.Кошелева, А.А.Сальникова, К.Келли. Благодаря их трудам активно внедряется принцип междисциплинарности, расширяются теоретические и методологические основания исследований. Исследователи переносят акцент на переживания самих детей и на то, каким образом принципы обучения и образования, властные стратегии воспринимались и реализовывались в действительности.

Е.М.Балашов стремится представить не только идеальное представление о «новом человеке», выработанное партийными идеологами, но и его реальное воплощение, что он демонстрирует на основе анализа данных анкетного опроса Московского педологического института в 1920-е годы и дополнительно привлекаемых источников личного происхождения и фольклора (дневники, школьные сочинения, детские частушки, стихи) [2].

А.А.Сальникова отображает восприятие детьми событий, их чувства, эмоции, симпатии и антипатии, на основе анализа детских текстов, используя в своей исследовательской практике устные и письменные, документальные и нарративные, и вещественные источники [19]. Это анкеты, школьные сочинения, школьные рукописи, школьные летописи, личные дневники, письма. Как пишет автор, «за кажущейся простотой можно найти тайное знание, скрытый подтекст, который подлежит обязательной расшифровке» [19, С. 70]. Она обосновывает необходимость и значимость изучения феномена детства, обозначает основные проблемы в историческом исследовании феномена детства в целом. Автор не оригинальна в выборе периода для своей исследовательской деятельности — «эпоха российских катастроф» (1910—1920-е годы, конец 1980—1990-х гг.). Но методологию и инструментарий можно определить как поворотные, новейшие. Да и обращение к этим годам обусловлено скорее объектом ее исследования — вербальные «детские» тексты.

Особый интерес представляют и статьи Катрионы Келли по исследованию повседневной жизни ребенка в постсталинский период [9], [10]. Она также акцентирует внимание на изучении детских переживаний, ситуаций воспитания и обучения, рассматривает повседневную жизнь детей определенного периода многопланово, с учетом гендерных особенностей [8]. Ее работы имеют значение и оказали заметное влияние на отечественных исследователей.

Отдельные проблемы повседневности детства затрагиваются в ряде работ отечественных исследователей. Особое значение при исследовании материального и духовного мира ребенка имеют исследования детской литературы, кинематографа, их особенностей, намерений и влияния на сознание детей организации детского досуга [5], [15], [17]. Искусствоведы, историки литературы, фольклористы не раз обращались к теме детства в своих исследовательских проектах. Анализ образа детства в произведениях изобразительного искусства, в кинематографе, в литературных источниках, в народном фольклоре раскрывает новые грани социального статуса детства в разные исторические эпохи. Кроме того, имеются статьи по истории детских телепередач, советской школьной формы [11], [14]. Все это важные составляющие повседневной жизни детей, такого рода исследования вносят важное дополнение в представление о каждодневных практиках детей в тот или иной период.

Благодаря опытам и разработкам предшественников, отечественных этнографов, педологов и зарубежных исследователей, изучение детской повседневности, переходит на качественно новый уровень. Темы детства оформляются в отдельный лекционный курс, в котором рассматриваются важные аспекты развития ребенка в социокультурном контексте [12], [20]. На протяжении последних лет целые номера периодических изданий, таких как «Теория моды», «Новое литературное обозрение», «Новый мир» «Лабиринт», сборник «Социальная история» обращаются к теме детства в рамках исследования советской повседневности, детской литературы, гендерных исследований. В РГГУ на протяжении нескольких лет работает семинар «Культура детства: нормы, ценности, практики», на базе Университета российской академии образования (УРАО) с 1996 года создается архив воспоминаний о детстве (здесь откладываются и материалы интервью, и анкеты, и письменные воспоминаний людей разных поколений).

На данный момент, различные аспекты и проблемы повседневности детства, по большей части, освещены в научной периодике, статьях, а также в трудах по истории повседневности вообще, и в гендерных исследованиях [16], [18].

Достаточно хорошо представлено в хронологическом срезе детство советского периода, особенно в курсе экстремальных условий жизни (время становления советской власти, войн и т.д.), но мало внимания уделено периоду «счастливого» детства, когда в поле зрения исследователя оказывается период достаточно благополучный для развития ребенка. На мой взгляд, такая тенденция демонстрирует необходимость обращения к новым вопросам при освещении повседневной жизни детей, расширяет горизонты для исследования повседневности детства.

Литература

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Пер. с фр. Екатеринбург, 1999.
2. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917—1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003.
3. Бессмертный Ю.Л., Арьес Ф. Ребенок и семья при старом порядке. Дети и общество в средние века. Обзор // Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1980.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 278—279.
5. Димке Д. Советские детские игры: между утопией и реальностью // Антропологический форум. СПб., 2012. № 16. С. 309—333.
6. Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945—1955) // Вопросы истории. М., 1999. № 1. С. 127—136.
7. Зинченко В.П. Детство — ценность, а не объект проектирования и воспитания // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 168—174.
8. Келли К. «Маленькие граждане большой страны»: интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. М., 2003. № 60 (2). С. 218—251.
9. Келли К. Роскошь или первая необходимость? Продажа и покупка товаров для детей в России в постсталинскую эпоху // Теория моды. М., 2008. № 8. С. 141—181.
10. Келли К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь школы в послесталинское время // Антропологический форум. СПб., 2004. № 1. С. 104—155.
11. Когатко А.Г. История Отечественного телевидения для детей (на примере программ для дошкольников, младших и средних школьников) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. М., 2007. Вып. 1. С. 79—85.
12. Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие / Под ред. И.С.Кон. М., 2003.
13. Кон И.С. Юность как социальная проблема // Общество и молодежь / Сост. В.Д.Кобецкий. 2-е изд., доп., перераб. М., 1973. С. 22—51.
14. Леонтьева С. Советская школьная форма: канон и повседневность // Теория моды. М., 2008. № 9. С. 47—79.
15. Маругина Н.И. Дискурсивно-тематическая направленность детского журнала XVIII—XX вв. // Язык и культура. Томск, 2011. № 2 (14). С. 29—35;
16. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001.
17. Нушинова Н. Теперь ты наша: ребенок в советском кино, 20—30-е годы // Искусство кино. М., 2003. № 12. С. 81—87.
18. Пушкарева Н. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X—XV вв.) // Этнографическое обозрение. М., 1996. № 6. С. 93—106.
19. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.
20. Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства: лекции по историографии и культурной истории детства: Учеб. пос. для высшей школы. М., 2004.
21. Черник С.А. Советская школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1975.

MENS SANA IN CORPORE SANO, ИЛИ ПОЧЕМУ НАДО МОЛИТЬ БОГОВ, ЧТОБЫ ДУХ ЗДОРОВЫЙ БЫЛ В ТЕЛЕ ЗДОРОВОМ

Знаменитое крылатое выражение «В здоровом теле — здоровый дух» является перифразом строки из сатиры римского писателя Децима Юния Ювенала «Надо молить богов, чтоб дух здоровый был в теле здоровом» [6]. Существует точка зрения, что Ювенал обыграл известную в Древнем Риме поговорку: «В здоровом теле здоровый дух — явление редкое». Впоследствии выражение так и понимали, что наличие здорового тела не гарантировало наличие здорового духа. И это не случайно. Как свидетельствует традиция, не только со здоровым духом у римлян были трудности. Не меньшие трудности возникали и со здоровым телом. Об это свидетельствует непростая история становления врачебного дела и медицинских знаний в Древнем Риме.

Вплоть до II века до н.э. в Риме обходились без профессиональных врачей. Несмотря на то, что греческая медицина к этому времени достигла заметных высот, в римском обществе ее считали проявлением изнеженности и роскоши. Римляне продолжали лечиться по старинке, дома, народными средствами: травами, кореньями и плодами; настоями и отварами, не чураясь при этом магии и заговоров. Рецепты были универсальны. Например, для остроты зрения следовало натирать глаза луковым соком, а при язвах во рту — тот же лук, но уже с хлебом, и во внутрь. К разряду универсальных относились также свекла и свекольный сок: отваром красной свеклы мыли голову при парше; сырой свекольный сок помогал при головной боли и головокружении, а при болях ушах его капали в ухо. При зубной боли использовался все тот же свекольный сок и отвар горлянки. При простуде нужно было пить крапивный отвар и есть редьку с медом, а при насморке — делать компресс из настойки семян крапивы на виноградном соке, уваренном до половины.

Все эти незатейливые рецепты приводит Марка Порций Катон в своем трактате «Земледелие». Множество рецептов и заговоров, которые мы находим в его трактате, попали в него отнюдь не случайно, поскольку медицина того времени была неразрывно связана с сельским хозяйством. Главным овощем, равно как и лекарственным средством, он считает капусту. «Капуста изо всех овощей — первая. Ешь ее вареной или сырой. Если будешь есть сырой, макай в уксус, она чудо как помогает пищеварению, устанавливает желудок, а моча того, кто ее ест, служит лекарством от всего» [1, С. 75]. С помощью капусты можно вызвать рвоту, приготовив специальный отвар. Ее можно использовать для предотвращения алкогольного опьянения. Капуста также полезна тем, у кого колики и проблемы с мочепускающей системой, она хорошо вытягивает гной и затягивает раны, лечит вывихи и кровоподтеки. Тертая капуста помогает при язвах, вздутой селезенке, если болит сердце, печень, легкие или диафрагма, половые органы, суставы, то есть лечит практически все большие внутренности. Самым сильным лекарственным средством является дикая «ползучая» капуста.

Лечение не обходилось без заговоров и магии [1, С. 80]. Знатоками заговоров, свойств целебных трав традиционно были отцы семейств. При лечении важное место занимала здоровая пища: овощи и мясо; особенно полезной Катон считал зайчатину.

Римляне длительное время довольствовались таким положением вещей. Об этом свидетельствует тот факт, что аптеки в Риме появились достаточно поздно, в период Республики их еще не было. Сбором трав и приготовлением лекарств занимались либо самостоятельно, либо покупали снадобьяу «фармокополов». Они представляли собой бродячих торговцев травами, порошками и настойками и имели репутацию откровенных шарлатанов [4, С. 35]. Но были и серьезные знатоки своего дела.

Первыми фармокополами были греки. Вообще, нишу «интеллигентных профессий» первоначально занимали только греки, и лишь потом их начали вытеснять римляне, когда государство стало обращать пристальное внимание на профессию врача. Но это происходит не столько от заботы государства о своих гражданах. Профессия врача становится доходной, практикующие греческие врачи получают римское гражданство и освобождаются от налогов.

Первым профессиональным врачом в Риме становится грек из Пелопоннеса по имени Архагат [3, С. 39]. Он был практикующим хирургом, и поскольку появился в Риме накануне войны с Ганнибалом, встречен был с радостью. Ему было предоставлено римское гражданство и помещение для пациентов. Но вскоре Архагат навлек на себя всеобщую ненависть, так как при лечении использовал методы, которые не пришлись римлянам по душе. Действительно, хирургия была далека от лечения свеклой и капустой, и вскоре и к медицине, и ко всем врачам в Риме начали относиться с пренебрежением.

Но, несмотря на это, меньше греческих врачей в Риме не стало. Кроме того, во время Пунических войн каждый богатый римлянин всеми способами пытался заполучить себе раба-врача из числа военнопленных. Раб лечил хозяина и всех его родственников. Иногда по милости господина, раб мог стать вольноотпущенником, заплатив при этом выкуп, или он обязан был лечить своего бывшего хозяина до конца его жизни. Юридически такие рабы оставались зависимыми от рабовладельцев, и римское общество долго относилось к ним с презрением. Достаточно почитать Марциала и можно увидеть, сколько гневных строк он написал про врачей [2, С. 34].

Даже надгробные надписи свидетельствуют о том, что ни в Риме, ни в других городах Италии почти не было врачей-римлян. Врачами были греки, возможно выходцы с эллинистического Востока. Наличие одного имени, к которому было присоединено имя господина, на надгробии свидетельствует о том, что это были рабы. Также встречаются отпущенники, к имени которого добавлялась буква l (libertus). И, наконец, свободные, которые являлись сыновьями первых врачей-отпущенников.

Категорию отпущенных рабов в основном пополняли императорские рабы. Поскольку императорский двор обслуживался множеством рабов, рабы-врачи исключением не являлись. Они были разделены на декурии, во главе которых стоял декурион. При дворе было представлено три медицинских специальности, которые на современный лад можно обозначить как хирурги, офтальмологи и ларингологи. Остальные врачи лечили весь многочисленный императорский штат: библиотекарей, актеров, гладиаторов и т.д. Появляется специализация врачей, связанная с определенной сферой деятельности.

Врачей восхваляли и одновременно боялись, пользовались их услугами и не доверяли им. Постепенно профессия врача в Риме становится весьма доходной, но вместе с этим и весьма ответственной. Врач не мог допустить ошибки, допустив ее раз, он мог оказаться без клиентуры. Это касалось не только начинающих, но и опытных врачей, так как многие римляне с большим трудом доверяли им свою жизнь.

Страх перед врачами объяснялся многими причинами, и не только психологическими. Врачи применяли еще не известные римлянам методы лечения. В качестве лекарств они нередко применяли смертоносные яды, что естественно, не добавляло римлянам оптимизма. Многих раздражало и то, что лекарства были дорогостоящими, часто привезти их было можно только из заграницы. Гораздо проще и дешевле было лечить травами и кореньями, которые находились под боком.

Государственное обучение врачей началось в Риме только в III веке н.э., а до этого обучение было стихийным и бесконтрольным. Опытный врач набирал себе группу учеников и помощников, брал их с собой при посещении больных и обучал непосредственно на практике. Об этом свидетельствует Марциалл, упоминая учеников известного в ту пору врача Симмаха [2, С. 34]. Врачи набирали к себе в ученики не только свободных юношей, но и рабов, так как состоятельные римляне отправляли своих рабов на учебу к известному врачу, чтобы раб потом лечил их и всех их родственников бесплатно.

Понадобилось несколько веков, чтобы греческая медицина получила признание в Риме. Гораздо быстрее медицина укрепилась как раз в маленьких итальянских провинциях.

Греческие врачи постепенно вливаются в жизнь римского общества и завоевывают все больше доверия и уважения к своей профессии. На смену примитивным методам лечения в домашних условиях приходят профессионалы, которые занимаются лечебной практикой и постоянно совершенствуют свои знания. Наравне с развитием медицинских знаний процветало и мошенничество, которое усиливало недоверие скептически настроенного римского общества к этой новой профессии. Однако постепенно греческие врачи стали неотъемлемой частью римского общества. Вскоре были созданы и благоприятные условия для появления врачей-профессионалов. Важной вехой в этом отношении стал эдикт Юлия Цезаря, который в 46 г. до н.э. [5, С. 163] предоставил почетное право римского гражданства как приезжим врачам — выходцам из Греции, Малой Азии, Египта и других провинций государства, так и местным жителям.

Литература

1. Катон М.П. Земледелие. М.; Л., 1950.
2. Медицина в поэзии греков и римлян / Сост. Ю.Ф.Шульц. М., 1987.
3. Менье Л. История медицины. М.; Л., 1926. С. 39.
4. Сергеев М.Е. Простые люди древней Италии. М.; Л., 1964.
5. Сорокина Т.С. История медицины. М., 2004.
6. Ювенал. Сатиры, 10, 356.

Б.В.Петелин

г. Череповец

Череповецкий государственный университет

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ХАОС XXI ВЕКА

В современной политике часто употребляется термин «цивилизация», или «борьба цивилизаций» без упоминания имени известного американского политолога Сэмюэля Хантингтона (18.04.1927 — 24.12.2008). Его статья «Столкновение цивилизаций» впервые была опубликована в 1993 г., которая, когда дошла до России, вызвала подлинный фурор. Политики и политологи, потерявшие опору после окончания холодной войны, получили определенное осмысление своего предназначения и предстоящего будущего: впереди у человечества куда более крутой сценарий, чем «холодное» противостояние «капитализма и социализма» —

столкновение цивилизаций. К ним, американский политолог отнес западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую цивилизации. По его мнению, в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран.

В 1996 г. Хантингтон издал книгу с тем же названием, что, однако, вызвало волну критики, причем достаточно сильную, так что автору пришлось свой тезис «мир как столкновение цивилизаций» снять. Впрочем, увлечение «столкновением цивилизаций» осталось, тем более что конфликтность в современном мире значительно возросла, особенно по «линии разлома цивилизаций», как и предсказывал Хантингтон. Правда, эти «столкновения» были названы «борьбой с международным терроризмом», в которой вместе с США — лидером «западной цивилизации», принимают участие и другие государства.

В реалии, принадлежности «терроризма» к «исламской цивилизации» фактически никем не ставится под сомнение. Даже в Европе, где случались террористические акты, все большую напряженность вызывают не они, а мусульманские традиции, уже закрепившиеся в повседневной жизни иммигрантов в Германии или Франции. Что же в действительности переживает современный мир? Действительно ли идет борьба за утверждение определенных цивилизационных ценностей, или мы имеем повторяющуюся в истории картину соперничества стран за мировое лидерство, территории и ресурсы, затянувшееся из-за глобальности вставших перед человечеством проблем?

Полагаем, что «тезис» Хантингтона лишь отчасти отражает происходящее в мире. США, шире — Запад, утратили свои основные цивилизационные характеристики. Нет и научного интереса. Проблема цивилизационного развития, поднятая в свое время французской школой «Анналов», осталась в прошлом. Подход признан устаревшим. Связывающим звеном в «ядре цивилизации» всегда являлась религия, но христианство в Европе давно утратило свою живительную силу, о чем свидетельствуют главные акты Европейского союза, в котором уже состоят 28 государств. Так, в Голландии, Франции, Германии в массовом порядке закрываются католические и протестантские церкви. Часть из них просто сносятся, некоторые отходят под торговые заведения, а другие — под мечети. Уже многие кварталы западноевропейских крупных городов заселены мусульманами, которые живут вовсе не по законам данной страны.

Да, есть несогласные: католики, эвроскептики, защитники национальных традиций, но их влияние на принимаемые политические решения ничтожно мало. Когда в центре повседневной жизни и современной европейской культуры становятся не евангельские, а другие, противоположные им «ценности», меняется сама культура, а с нею уходит национальная идентичность. Западный образ жизни с узаконенными в нем однополыми браками привлекает многочисленных мигрантов из бедных стран не этим, а уровнем потребления, как оказалось, они не в состоянии, а по ряду обстоятельств это просто оказывается и не нужным. Мультикультурность, в чем пришлось признаться европейским лидерам, фактически провалилась. Однако посеянный в Европе цивилизационный хаос, по-видимому, сохранится, если не произойдет возвращения к подлинным ценностям христианской цивилизации, что представляется маловероятным.

Уже более века в исламском мире, в различных мусульманских государствах предпринимаются попытки так истолковать ислам, чтобы он стал созвучен ритму научно-технического и социального прогресса и модернизации. Возможно, в прошлом это и имело какое-то оправдание, но сейчас уже не время сопрягать ислам с принципами модернизации. Сейчас для мусульман идет эпоха возрождения и возобновления Завета. Однако, исламские интеллектуалы пугают возрождение исламской эпохи с привнесением модернизационной субстанции в исламскую форму, предлагая своеобразный компромиссный вариант. Конечно, многие из них не преследуют никаких отрицательных целей. Они считают, что если соединить ислам с западными принципами, возникнет цивилизация, согласующаяся с исламской цивилизацией. И что же тогда останется для последних европейцев? Явь романа Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богородицы: 2048 год», когда Евросоюз в одно прекрасное утро объявит ислам государственной религией. Пример Святой Софии в Константинополе должен же в чем-то убеждать.

Религиозная хаотичность свойственна всем странам: христианским и мусульманским. Об том писал Хантингтон в другой книге, посвященной США [2]. Американцы по опросам и исследованиям остаются одним из самых религиозных народов в мире. Но насколько «христианскими» могут быть секты мормонов или менонитов? Даже католики в США не могут рассчитывать на понимание и поддержку в обществе. Убитый 22 ноября 1963 г. президент США Дж. Кеннеди, кстати, был католиком, хотя причиной его смерти было скорее всего не только это. Стоит обратить внимание на то, что черное население Америки — афроамериканцы, после долгих лет «религиозных шатаний» остановились на исламе, и пока американские борцы с терроризмом воюют в Афганистане, Ираке, Ливии, тайно в Сирии и т.д., «Лига ислама» крепнет в самих США. Стоит видимо напомнить, что главным лозунгом «негритянской революции» 1950-х гг. было — «смерть белым».

Однако за расовыми и национальными различиями кроются социальные противоречия. Именно они сегодня сеют мировой хаос. Безжалостная логика развития глобализма и финансового капитализма, выталкивая миллионы людей в разряд лишнего, обездоленного населения, неминуемо превратит изрядную их часть

в коммунистов, бритоголовых штурмовиков и «стражей исламской революции». Над Западом встанут тени не только Ленина и Гитлера, но и Хомейни — учитывая процент мусульманской злой молодежи в европейских странах... Для примера: в 2000 г. самая богатая (одна пятая) часть населения Земли обладала 90% мирового внутреннего продукта, в то время, как на самую нищую часть людей (тоже одна пятая населения) приходился всего 1% этого продукта. Богатейшие кланы поглощали 70% прямых иностранных инвестиций — а беднейшие довольствовались все тем же одним несчастным процентом. Даже если взять протяженность главных телекоммуникаций, телефонных линий, то и тут у богатых было 75%, а у голодранцев — все тот же мистический 1%.

Всемирный валовой продукт за последние полстолетия вырос с 3 триллионов до 30 триллионов долларов. Но за исключением нескольких стран (Бразилия, Индия, Польша, ЮАР, Южная Корея, Китай, Аргентина, Мексика и Индонезия) население Африки, Азии и Латинской Америки испытало понижение жизненного уровня. Развитые страны Севера (менее одной десятой населения планеты) ориентируются на доход в 30 тысяч долларов на душу населения в год, тогда как жизненный уровень 85 процентов человечества не достигает и трех тысяч долларов в год на человека. Специализированные агентства ООН подсчитали, что в 1950 г. богатство 20 процентов — наиболее состоятельной части мирового населения — в 30 раз превосходило имущество 20 процентов наиболее бедных людей планеты. А к концу XX века это соотношение дошло до критического уровня «80 к одному».

Цивилизационного выхода из подобного социального расслоения на планете не существует. И религия в этом ничем помочь не может. Христианство, и ислам «зовут к богу» — Христу или Аллаху, но для этого надо покинуть землю, и именно среди бедноты эти призывы находят отклик. За этим следует религиозная вражда, с ожесточенной непримиримостью которой человечество сталкивалось и ранее. Выход может быть только в ином социальном устройстве. Реальный социализм, который в XX веке был альтернативой западному капитализму, давал надежду на справедливое социальное устройство народам Азии, Африки, Латинской Америки. В XX веке, прежде всего, в его второй половине доминировали международный порядок, международное право и международная безопасность. Печально, что Россия сегодня перестала быть авангардом человечества. Начиная еще с перестройки, несмотря на все заявления об «ускорении», «модернизации», «планах» Путина, Медведева и т.п. — нет настоящего развития [1, С. 48]. Примитивный, сырьевой капитализм стал уделом для страны, которая когда то была первой в космосе, науке, образовании, искусстве, спорте... Превращение России в объект внешнего воздействия лишь усиливает международный хаос, которым можно управлять, в чем мы уже могли убедиться.

Литература

1. Петелин Б.В. Экономический кризис и будущее капитализма в дискуссиях историков и политологов // Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. № 3. Т. 2. Череповец, 2013. С. 46—50.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2008.

*Г.Г.Пиков
г.Новосибирск*

Новосибирский государственный университет

Ф.И.ТЮТЧЕВ И СЛАВЯНОФИЛЬСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЯНЕ ГУСЕ

Девятнадцатый век занимает особое место в истории Европы. На континенте окончательно сложилось капиталистическое общество, стали оформляться новые политические и экономические структуры. Это нашло отражение в поисках новых культурных стандартов, попытках непротиворечивого соединения в новую единую конфигурацию границ политической, этнической и культурной идентичностей. Век прошел под знаком мощнейшего кризиса пяти великих монархий. К середине его произошел реальный распад французской империи и впоследствии серия «революций» потрясла Британскую, Австро-Венгерскую, Германскую и Российскую сверхдержавы. В их пределах о стремлении к «свободе» заговорили многие народы.

Одной из составляющих диалектично идущих процессов общеевропейской интеграции и национального самоопределения было глубокое сканирование всей предшествующей этнокультурной истории. Славянский мир, уже в значительной степени освоив общеевропейскую и общехристианскую картины истории, обратился к анализу своего прошлого.

Однозначного отношения к истории в это время нет и не может быть, ибо многочисленные славянские этнические группы еще не представляют четко ни своей будущей судьбы, ни параметров своих взаимоотношений. Налицо сразу несколько тенденций. Это оформление панславистских целей, поддерживаемое далеко не всеми народами, и одновременно стремление обрести «свободу» от политического и культурного диктата империй. Оживляется национально-освободительное движение в Центральной Европе, формируются

этноцентричные и националистические призывы к национальным меньшинствам внутри государственных левиафанов, в том числе в России. Проявляется сложное отношение к традиционным «великим» культурам, в том числе и к общеевропейской. Славяне ищут свою «античность», своих великих культурных героев. Все это породило мощные дебаты внутри культур, выяснение межкультурных взаимоотношений. Одной из колоритнейших фигур прошлого, к которой оказалось приковано внимание фактически в каждой из славянских культур, оказался Ян Гус (1371—1415). Далеким итогом этих размышлений станет то, что образ Яна Гуса породит множество самых различных оценок и трактовок в исторической науке и литературе: еретик, революционер, миссионер, философ-ученый, народный бунтарь, последователь Фомы Аквинского и т.д. Двадцатое столетие в какой-то степени ликвидирует это «наводнение», объявив его предреформатором, но тогда это можно будет отчасти объяснить уже противоположным стремлением «вернуться» в Европу, прошедшую через гигантские катаклизмы и увидевшую блестящую перспективу своего развития. Этот век перешел от разрушения прежних социально-политических конструкций к строительству новых, по форме и характеру, естественно породив широкий их спектр (национальные государства, социалистическое содружество, «третий рейх» «соединенные штаты Европы» и т.п.). Этот акцент на строительстве вместо разрушения требовал найти свое место в векторе общеевропейского развития таким неординарным личностям, как Гус.

Позиция XIX в., однако, может представлять большой интерес в наше время, когда исторические события и лица начинают пониматься сложно и комплексно, неоднозначно и внеидеологически. Общая ее картина еще далека от окончательного завершения, ибо историографический весьма обширен и неоднозначен. Тем не менее, можно выделить несколько знаковых и влиятельных точек зрения, причем не только в исторической или общественно-публицистической сфере, но и в литературе. В данном случае хотелось бы остановиться на забытом сегодня, а когда-то очень известном стихотворении Федора Ивановича Тютчева (1803—1873).

ЯН ГУС НА КОСТРЕ

Костер сооружен, и роковое
Готово вспыхнуть пламя. Все молчит.
Лишь слышен легкий треск — и в нижнем слое
Костра огонь предательски сквозит.
Дым побежал — народ столпился гуще,
Вот все они — весь этот темный мир:
Тут и гнетомый люд — и люд гнетущий,
Ложь и насилье — рыцарство и клир.
Тут вероломный кесарь — и князей
Имперских и духовных сонм верховный,
И сам он, римский иерарх, в своей
Непогрешимости греховной.
Тут и она — та старица простая,
Не позабытая с тех пор,
Что принесла, крестясь и воздыхая,
Вязанку дров, как лепту, на костер.
И на костре, как жертва пред закланьем,
Вам праведник великий предстоит,
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится — и голос не дрожит.
Народа чешского святой учитель,
Бестрепетный свидетель о Христе
И римской лжи суровый обличитель,
В своей высокой простоте
Не изменив ни Богу, ни народу,
Боролся он — и был необорим —
За правду Божью, за ее свободу,
За все, за все, что бредом назвал Рим.
Он духом в небе — братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственною кровью
Христову кровь он отстоял для них.
О чешский край — о род единокровный!
Не отвергай наследья своего —
О, доверши же подвиг свой духовный
И братского единства торжество!
И цепь порвав с юродствующим Римом,

Гнетущую тебя уж так давно,
На Гусовом костре неугасимом
Расплавь ее последнее звено.
15—17 марта 1870 г. [5; 6]

Стихотворение было впервые прочитано 26 марта 1870 г. на литературном вечере вместе с славянофильскими сочинениями А.Майкова и Я.Полонского. Они были приготовлены ими к живым картинам на Пасху. Все они недурны, особенно стихотворение Тютчева». Окончательно тютчевское стихотворение было отредактировано для прочтения на вечере с живыми картинами, данным в пользу Славянского Благотворительного Комитета 1 апреля 1870 г.

Вплоть до нашего времени многие стихотворения поэта и, в частности, стихи, отражающие его религиозность и понимание религии в становлении и развитии европейского общества, оставались неизвестными. В данном случае, понятно, интересны не столько литературные достоинства этого текста, сколько сам образ Гуса, формировавшийся в то время в славянофильской литературе и благодаря авторитету поэта ставший весьма популярным в российском обществе. Действительно, «он таил в себе огромные силы патриотических и социальных устремлений, ставших для последующих веков источником вдохновения. События XV в. были по-новому пережиты и творчески воплощены — начиная от эпохи романтизма — поэтами, писателями, музыкантами и художниками» [1].

Вопрос об отношении Тютчева к славянам в самых общих чертах рассматривался при анализе его взглядов на судьбы Европы и России, однако специального освещения он почти не получил [3]. Это отчасти связано и с тем, что источников информации очень мало — это стихи, упоминания в письмах и рассуждения славянофильского характера в публицистике. В данном стихотворении образ Я.Гуса получил, пожалуй, наиболее полное и адекватное отражение.

Фактически Гус, и это отмечает Ф.И.Тютчев, говорит о коренном различии между обоими «мирами». Объясняется это «искажением христианства» католиками, излишним прагматизмом западной религии, стремлением к насилию, неоднократно проявлявшимся в политических конфликтах и революциях. Акцент на значимости славянской народной культуры и ее противопоставление «лживой» римской культуре очень важен в воззрениях Яна Гуса. В словах «За все, за все, что бредом назвал Рим» видна явная переключка со стихотворением «Encyclica», написанным в связи с посланием папы Пия IX 26 ноября 1864 г., которое осуждало среди различных «заблуждений века» свободу совести. Стихотворение завершается словами папы: «Свобода совести есть бред!». По мнению Тютчева, католицизм был навязан чехам насильственно. Еще в статье «Россия и революция» он высказал мысль, что идейной основой современной национальной жизни Богемии был именно гусизм с его протестом угнетенной славянской нации против римской церкви и немецкого господства.

Поэта привлек, прежде всего, внешнеполитический аспект гусизма, связанный, по его мнению, с мессианской ролью славянства, вооруженного православием. Как показывает более тщательный анализ трудов Гуса, его отношение к панславизму и православию не было столь однозначным. Налицо определенная модернизация воззрений чешского мыслителя, стремление найти ему место именно в восточнохристианском мире, коль такого не нашлось в западном.

В западной культуре сложилось представление о Гусе как борце, жертвующем жизнью за все человечество. Так в образе героя своей новеллы молодой Ф.Энгельс хотел Фауста «соединить с Яном Гусом» [2], хотя само его учение назвал «бюргерской ересью» [8]. Русская культура более конкретна. Именно благодаря активной позиции Ф.И.Тютчева, нашедшей отражение в его поэзии, славянофильская трактовка фигуры Яна Гуса и его взглядов «пошла в народ», глубоко проникнув в сознание не только исследователей, но и простых людей, стала тиражироваться в художественном творчестве. Так происходило заимствование чешской фольклорной основы этого образа и в соединении с евангельскими мотивами (святое учительство, любовь к ближнему, призыв к умеренности, мученичество) революционными устремлениями, критикой западничества в целом и папства в частности перенесение его на русскую почву. Хотя Тютчев свои публицистические статьи писал по-французски, однако именно стихи стали идеальными проводниками его идей. В результате образ Яна Гуса станет одним из артефактов и отечественной культуры. Ян Гус интересовал Т.Г.Шевченко, М.А.Балакирева и многих других [7].

Вольно или невольно сцены приговора и казни, которым посвящено стихотворение Тютчева, стали ассоциироваться с судьбой Иисуса Христа.

Он духом в небе — братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственной кровью
Христову кровь он отстоял для них.

Отсюда и призыв к чешскому народу в последних четверостишиях порвать цепь с юродствующим Римом.

Литература

1. Голенищев-Кутузов И.Н. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1959. С. 170—173.
2. Из письма Ф.Энгельса В.Греберу (1839) // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
3. Лаптева Л.П. Ф.И.Тютчев и его отношение к западным славянам // Славянский альманах. 2006. С. 312—323.
4. Тютчев Ф.И. Гус на костре // Тютчев Ф.И. Стихотворения. М., 1972. С. 278—279.
5. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М., 2002. Т. 2.
6. Тютчев Ф.И. Стихотворения и объяснительный текст к живым картинам. СПб., 1870. С. 19—21.
7. Флоровский А.В. Ян Гус в русской оценке // Научные труды русского народного университета в Праге. Т. 3. Прага, 1930. С. 38—39.
8. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1952.

М.И.Романова

г.Хабаровск

Дальневосточный государственный гуманитарный университет

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В ТРУДАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГОВ XVIII В.

В сочинениях «умеренных» и так называемых «радикальных» деятелей английского либерализма XVIII столетия имеется ряд важных вопросов философии истории таких как проблема исторического прогресса, вопрос о движущих силах истории, о соотношении эволюционного и революционного путей развития общества, которые рассматриваются отдельными представителями каждого из этих направлений.

Так «умеренный» либерал А.Смит трактовал исторический прогресс как рост производительности труда, определяя четыре стадии в истории человечества: охота, скотоводство, земледелие и торговля. Цель исторического прогресса — достижение богатства народов, а средство — рост производительности труда (в основном за счет разделения труда).

Разбирая вопрос о движущих силах истории, Смит предложил «теорию причинности». Он выделил два вида причин событий: внешние (климатические, географические условия) и внутренние («исследования человеческого ума в различных обстоятельствах, которые влияют на чувства людей»), т.е. идеи и теории. Но определяющим фактором развития государства и общества является фактор экономического развития [7, С. 93, 337—338]. Именно прогресс в экономике выступает у А.Смита в качестве главной движущей силы истории.

Говоря о соотношении эволюционного и революционного путей развития общества, Смит в качестве основного пути выделял эволюционный путь экономических и политических реформ. Однако он не был сторонником исключительно эволюционного пути развития. Как и Дж. Локк, А.Смит считал абсолютно законным восстание против тирана [7, С. 434—435; 1, 17].

Сходные взгляды на эту проблему, конкретизируя их применительно к современному ему политическому устройству Англии, высказывал другой «умеренный» либерал Дж. Пристли. Как и большинство просветителей, он полагал, что общество и правительство являются орудием прогресса. Пристли считал короля слугой народа, который получает свои привилегии и полномочия от народных масс при заключении договора, и поэтому у народа есть право сопротивляться и свергать правителя, если он действует против закона [2, С. 243].

Пристли видел преимущества республики в том, что эта форма государственного устройства дает больше гарантий для сохранения естественных прав личности. С его точки зрения, для успешного существования республики необходимы два условия: строгое соблюдение законов и постоянная смена лиц, занимающих высшие государственные посты. Однако Пристли, в первую очередь, был сторонником постепенного реформистского перехода к республиканской форме правления и допускал революционную ломку существующего политического строя как крайний, нежелательный вариант [3, С. 381—383].

И «умеренные» и «радикальные» авторы в своих трудах переходили от проблем политической теории к отдельным вопросам политической практики, обращаясь, в первую очередь, к теме гражданских свобод. Здесь мнения расходились. «Умеренные», признавая необходимость введения политических свобод, вместе с тем выступали за их некоторые ограничения для «необразованных граждан», под которыми они понимали, прежде всего, рабочих. Так, Шефтсбери ограничивал свободу слова только свободой клубов для джентльменов, которые могут обсуждать любые вопросы [6, Vol. 2, С. 109].Толанд высказывался против обучения детей бедняков тем профессиям, которые не имели их родители. По его мнению, это принесло бы огромный вред государству [8, Vol. 2, С. 250—251].

«Радикал» Р.Прайс, напротив, выступал против нарушения гражданских свобод в современном ему обществе, требуя отмены рабства как главного нарушения права личной свободы [4, С. 51].

В целом следует отметить консервативный характер воззрений «умеренных» либералов на практическую реализацию гражданских свобод, которые, по их мнению, могла получить в полном объеме только образованная элита английского общества. Вместе с тем, «радикалы» не уделяли достаточно внимания этим важным вопросам. По сути, только Прайс активно поддерживает аболиционистское движение. Правда, можно предположить, что основная политическая доктрина «радикалов» о введении всеобщего избирательного права, предполагала также наделение граждан и политическими свободами в полном объеме, но конкретно об этом трудах «радикалов» не упоминается.

К вопросам социально-экономического развития общества обращались только «умеренные». В их трудах разбирались идеи, которые стали в последующий период XIX в. основой для разработки социально-экономической программы либералов. Это вопросы социального прогресса, частной собственности, фритрейда, налоговой и колониальной политики государства.

Рассматривая пути достижения социального прогресса, А.Смит был убежден, что с развитием капитализма и укреплением частной собственности социальные противоречия уменьшаться и положение рабочих улучшится. По его мнению, историческая миссия капитализма состоит в том, чтобы, сберегая значительную часть доходов и расширяя производство, капиталисты давали работу дополнительному количеству рабочих и тем самым способствовали росту богатства общества.

Основой процветания общества Смит считал частную собственность [5, С. 82—83, 265, 180]. Причину отсутствия собственности он видел в низкой производительности труда. А.Смит утверждал, что труд выступает «первоначальным источником всякой собственности» [7, С. 315]. По его мнению, именно рост производительности труда привел к появлению частной собственности в обществе.

Другой «умеренный» либерал Г.Филдинг полагал, что частная собственность является основанием власти. Он считал, что собственность была неравномерно распределена еще до возникновения государства, и, следовательно, она независима от власти. Поэтому защита исконного права человека на частную собственность, с точки зрения Филдинга, должна стать важной задачей государства [3, 315]. Это мнение разделял и Дж. Пристли, который утверждал, что при равных политических правах люди могут иметь различную по размеру собственность [2, С. 208].

В трудах «умеренных» авторов была также выдвинута концепция фритрейда, ставшая в XIX в. главной частью экономической программы либералов.

Адам Смит одним из первых обосновал идею лессефаризма, под которой он понимал: во-первых, отмену феодальных пережитков, которые ограничивают мобильность рабочей силы; во-вторых, полную свободу торговли землей; в-третьих, отмену правительственной регламентации промышленности и внутренней торговли; в-четвертых, свободу внешней торговли. Последний принцип Смит применял даже к врачам, университетским профессорам и священникам. Так, например, он писал, что «если предоставить священникам всех вероисповеданий возможность свободно конкурировать между собой, то они будут наиболее безвредны» [5, С. 208]. Вместе с тем, Смит признавал необходимость сохранения государственного контроля, чтобы не допускать монополизации отдельными лицами различных отраслей торговли и промышленности.

Сходных воззрений придерживался Дж.Мэсси, который, ратуя за свободу торговли, утверждал, что государство не должно превращаться в опекуна предпринимателей и торговцев. Он считал, что реализации фритрейда препятствовали землевладельцы и аграрные предприниматели. Мэсси выступал против торговых монополий, в частности резко высказывался против Ост-Индской кампании, утверждая, что ее деятельностью наносит финансовый ущерб государству. Его поддерживал Дж.Пристли, критиковавший протекционизм, поскольку он считал, что свобода предпринимательства и торговли являлись главными условиями развития экономики.

Еще одним важной темой, которая присутствует в сочинениях «либеральных вигов» был вопрос о налоговой политике государства. Распределяя шкалу налогов, Дж.Мэсси советовал облагать максимальным налогом тех землевладельцев, которые не участвуют в процессе производства, и выступал за налоговые льготы для лиц, занимавшихся социально полезной производственной деятельностью, например мануфактуристам. Кроме того, он отдавал предпочтение косвенным налогам, в первую очередь на предметы роскоши (импортные ткани, мебель, украшения) [3, С. 338—339, 386—387].

Дж. Пристли полагал, что в первую очередь должны облагаться налогами владельцы земли и недвижимой собственности, и одновременно должны сокращаться налоги с промышленников. Он выступал против налогов, которые идут в пользу церкви, на уплату государственного долга и на содержание бедняков. Последнее, по его мнению, отрицательно сказывается на экономике страны и приучает бедняков к паразитическому образу жизни [2, С. 386].

По вопросам колониальной политики высказывались представители как «левого» («либеральные виги»), так и «правого» («виги») крыла «умеренных». Причем их взгляды расходились.

«Виги» поддерживали колониальную политику английских властей. Так, Толанд считал, что наличие колоний способствует активизации внешней торговли. Он справедливо полагал, что торговля играет большую роль в экономике Великобритании. Толанд предлагал, что для ее расширения Англия должна использовать свой флот для утверждения своей гегемонии в океане, на Балтике, в Средиземном море [8, Vol. 1, С. 174—175].

«Либеральные виги», напротив, выступали против колониальной политики правительства, считая, что она диктуется кучкой торговцев. А.Смиттакже считал невыгодной для английской экономики политику сдерживания развития промышленности в Ирландии и в североамериканских колониях [5, С. 42, 424].

В целом, характеризуя экономические воззрения либералов XVIII в., следует отметить, что к этим сюжетам обращались только «умеренные». Они выражали интересы «среднего класса» и, прежде всего, формирующейся торгово-промышленной буржуазии. Отсюда обостренное внимание к вопросам частной собственности и фритрейда, которые стали основой для разработки в 30—40 гг. XIX в. экономической доктрины «классического» либерализма.

Литература

1. Абрамова И.И. Исторические взгляды Адама Смита: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1988.
2. Пристли Дж. Избранные сочинения / Под ред. А.А.Ческиса; пер. с англ. М., 1934.
3. Просветительское движение в Англии / Под ред. профессора Н.М.Мещеряковой. М., 1991.
4. Семенов С.Б. Политические взгляды английских радикалов XVIII века. Самара, 1995.
5. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М., 2009.
6. Shaftesbury A. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times. In 2 vol. Basil, 1790.
7. Smith A. The works and Correspondence of A.Smith. Oxford, 1978.
8. Toland J. A Collection of Several Pieces of Mr. John Toland. In 2 vol. L., 1726.

М.В.Стрелец

г.Брест

Брестский государственный технический университет

ГЕРМАНСКИЙ МАТЕМАТИК ЭММИ НЕТЕР И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ МИРОВОЙ НАУКИ

При анализе биографии, научно-педагогической деятельности Амáлии Эмми Нетер, прежде всего, обращают на себя внимание следующие моменты.

Первый момент: она — единственная женщина в еврейском сегменте германской научной элиты за период, включавший кайзеровский рейх и Веймарскую Германию.

Второй момент: Амáлия Эмми Нетер, по весьма удачному выражению академика АН СССР П.С. Александрова, «самая крупная женщина-математик, когда-либо существовавшая» [1].

Третий момент: математические способности передались этой яркой женщине по наследству. Макс Нетер, профессионально задействованный в математической отрасли, был весьма удовлетворен тем, что в этом качестве выступали дочь, Амáлия Эмми и сын, Фриц [2, С. 9].

Четвертый момент: она появилась на свет 23 марта 1882 году в королевстве Бавария, в котором как и во всем кайзеровском рейхе еврейской женщине приходилось испытывать двойную дискриминацию. При этом важно иметь в виду, что у начинавшей жизненный путь девочки из Эрлангена были исключительно еврейские корни. Еврейство было общим знаменателем отца Макса Нетера, матери Иды Амáлии Кауфман. Макс Нетер очень хотел, чтобы его первый по счету ребенок получил образование в местном университете. Глава семьи был непосредственно причастен к последнему. Это было его место работы. Причастность же Эмми Амáлии к данному университету различалась. В 1900—1904 гг. она здесь — всего лишь вольнослушательница. Кстати, переступая в 1900 году именно таким образом порог университета, она совсем не думала о математическом образовании. Девушка отдала предпочтение лингвистике, а точнее двум иностранным языкам, имевшим государственный статус в Англии и Франции. Разумеется, у вольнослушательницы был выбор. Она могла послушать лекции любого профессора. Со временем Эмми в шкале приоритетов поставила на первое место лекции профессоров математики, расставшись с мечтой о карьере профессионального лингвиста. Желание стать профессиональным математиком было однозначным в 1904 году, когда девушка получила статус официально зачисленной студентки. Получение данного статуса оказалось возможным в результате кардинального изменения отношения компетентных органов к женскому обучению. Они наконец-то согласились с тем, что оно имеет право на существование. Это явилось мощным импульсом для объекта настоящего анализа. Эмми перманентно вызывала восхищение своего учителя Пауля Гордана. Эмми Нетер оказалась самой сильной ученицей за всю его педагогическую карьеру. Итог работы Пауля Гордана с этой ученицей известен: блестящая защита диссертации в 24 года. В диссертационной работе, вызвавшей заметный интерес научной общественности, человек, реально ощутивший на себе двойную дискриминацию, внес серьезный вклад в исследование теории инвариантов. Подобного рода дискриминация будет в той или иной мере давать о себе знать и после защиты диссертации [3, С. 320].

Пятый момент: стартовая принадлежность к социальному слою, который никак не назовешь бедным. Купцы Нетеры и Кауфманы, к которым уходит своими корнями Эмми, неизменно были успешными в своем

деле, что, естественно, определяло уровень их благосостояния. Поэтому их детям, создавшим семью, вполне было по силам не ограничиться только одной Эмми. В итоге получилась семья, включавшая 4 детей [4, С. 84].

Защитив диссертацию, Эмми никак не желала останавливаться на достигнутом, сосредоточившись на освоении новых проблемных полей, связанных с теорией инвариантов. Освоение этих полей предполагало интенсификацию внутродисциплинарных и междисциплинарных исследований. В этой связи оказались весьма продуктивными многочисленными рабочие контакты с коллегами по цеху, учеными-физиками, включая звезд первой величины. Именно к таковым относились Давид Гильберт, Феликс Клейн, Альберт Эйнштейн. Из школьных учебников по физике хорошо известна ключевая причастность последнего к Общей теории относительности. В поле зрения Альберта Эйнштейна постоянно находились причастные к ней представители физико-математического сообщества. С 1915 года среди них оказывается объект настоящего анализа. Именно в этом году она обнародовала соответствующие научные результаты, сразу же оцененные специалистами как весомые. «Эйнштейн в письме к мировому лидеру математиков Давиду Гильберту выразил восхищение «проницательным математическим мышлением» Нетер» [1].

Оценка великого Эйнштейна будет полностью подтверждена и на геттингенском этапе биографии этой уникальной женщины. Хронологические рамки данного этапа: 1916—1933 гг. Если его рассматривать сугубо с точки зрения официально зарегистрированного трудоустройства, то он не совпадает с причастностью к Геттингенскому университету. Если же в качестве критерия избрать причастность к научно-исследовательской работе, проводимой в университете, то это совпадение окажется полным. С самого начала пребывания Эмми Нетер в Геттингене завязалось ее теснейшее сотрудничество с университетскими мэтрами Давидом Гильбертом, Феликсом Клейном. К взаимному удовлетворению сторон, областью пересечения интересов оказалась теория относительности. Мэтры видели в качестве одного из резервов для углубления исследовательского процесса включение в него банка данных, связанных с теорией инвариантов и, естественно, изыскания 34-летней исследовательницы органически вписывались в возникшую научную кооперацию. В рамках анализируемой кооперации она испытывала двойное чувство. С одной стороны, Эмми Нетер ощущала себя субъектом исследовательского процесса с целью снятия проблемного комплекса, с другой стороны — ученицей, проходившей школу Давида Гильберта. «Гильберт оказал на Нетер огромное влияние, сделав ее сторонницей аксиоматического метода. Он пытался сделать Нетер приват-доцентом Геттингенского университета, но все его попытки провалились из-за предрассудков профессуры, в основном в области гуманитарных наук. Стала известна фраза Гильберта:

«Не понимаю, почему пол кандидата служит доводом против избрания ее приват-доцентом. Ведь здесь университет, а не мужская баня!!

Нетер тем не менее, не занимая никакой должности, часто читала лекции за Гильберта. Лишь по окончании Первой мировой войны она смогла стать приват-доцентом в 1919 году, затем сверхштатным профессором (1922).

Самый плодотворный период научной деятельности Нетер начинается около 1920 года, когда она создает целое новое направление в абстрактной алгебре. С 1922 года она работает профессором Геттингенского университета, возглавляет авторитетную и быстро растущую научную школу» [1].

Профессор Геттингенского университета неизменно подкупала органическим сочетанием мощнейшего интеллекта, исключительнейшей порядочности, искренней доброжелательности, способности сопереживать с другими людьми их дела, их проблемы. Именно такой запомнилась Нетер входившими в ее узкий круг Давиду Гильберту, Герману Вейлю, Эдмунду Ландау, то есть представителям германской математической элиты. Имея в виду перечисленные черты, дорожили дружбой с женщиной-профессором зарубежные коллеги. Достаточно назвать имена представителя голландской математической школы Л. Брауэра, входивших в научную элиту СССР Павла Сергеевича Александрова, Павла Самуиловича Урысона [7, С. 214—217].

Есть смысл специально остановиться на причастности Нетер к советскому вектору германской народной дипломатии в период существования первой германской республики. Ее особый интерес к этому вектору в известной степени детерминировался четким позиционированием на политическом поле левее от центра. Нетер не скрывала, что симпатизирует рабочему движению и представлявшей его СДПГ. Но, конечно, главным мотивом при обращении к этому вектору было наличие профессиональных интересов. Профессор Геттингенского университета была хорошо осведомлена о достижениях советской математической школы. «На протяжении 10 лет жизни она сотрудничала с математиками СССР; в 1928—1929 учебном году читала лекции в Московском университете, где она оказала влияние на Л.С. Понтрягина и особенно на П.С. Александрова, до этого часто бывавшего в Геттингене. П.С. Александров вспоминал:

«Вершиной всего услышанного мною в это лето в Геттингене были лекции Эмми Нетер по общей теории идеалов... Конечно, самое начало теории заложил Дедекин, но только самое начало: теория идеалов во всем богатстве ее идей и фактов, теория, оказавшая такое огромное влияние на современную математику, есть создание Эмми Нетер. Я могу об этом судить, потому что я знаю и работу Дедекин, и основные работы Нетер по теории идеалов.

Лекции Нетер увлекли и меня, и Урысона. Блестящими по форме они не были, но богатством своего содержания они покоряли нас. С Эмми Нетер мы постоянно виделись в непринужденной обстановке и очень много с ней говорили, как на темы теории идеалов, так и на темы наших работ, сразу же ее заинтересовавших.

Наше знакомство, живо завязавшееся этим летом, очень углубилось следующим летом, а затем, после смерти Урысона, перешло в ту глубокую математическую и личную дружбу, которая существовала между Эмми Нетер и мною до конца ее жизни. Последним проявлением этой дружбы с моей стороны была речь памяти Эмми Нетер на собрании Московской международной топологической конференции в августе 1935 года» [1].

Конечно, если бы Нобелевская премия присуждалась и в области математики, то Нетер скорее всего стала бы ее лауреатом. Она войдет в историю германской науки как лауреат другой премии, известной как премия Аккермана-Тейнера. Важно обратить внимание на то, что такой же чести и в том же самом решении субъекта присуждения премии удостоится Эмиль Артин. Нетер и Артин — это учительница и ученик. Наличие объекта присуждения именно в такой связке явилось отличным подарком Нетер в год ее 50-летнего юбилея [5, С. 96].

К сожалению, через 10 месяцев после этого юбилея великая германка окажется ненужной своей стране. У нее был только один выход: эмиграция. Конечно, не мог не стоять вопрос: куда эмигрировать? У Эмми Нетер и Фрица Нетера оказались разные ответы. Эмми отдала предпочтение демократическим США, Фриц — сталинскому Советскому Союзу. Экс-профессор Геттингенского университета сразу же оказалась востребованной. Успешной была ее работа в женском колледже в Брин-Море (Пенсильвания), Институте перспективных исследований в Принстоне. В первом из названных заведений эмигрантка из Германии отметилась как штатный преподаватель, во втором — как приглашенный. Преподавательский процесс продолжался и после того, как Эмми Нетер точно узнала, что у нее рак. В надежде на то, что удастся спасти ситуацию, она ложится на операцию. Однако сбылись самые худшие ожидания. 23 апреля 1935 года в Брин-Море будет зафиксирован летальный исход. Эмми Нетер умрет своей смертью, а ее младший брат будет расстрелян как «враг народа» сталинскими палачами. Произойдет это через шесть лет после ухода из жизни выдающейся женщины-ученого [7, С. 218—219].

Главные моменты места объекта настоящего анализа в истории математики представляются следующими.

«В основном труды Нетер относятся к алгебре, где они способствовали созданию нового направления, известного под названием абстрактной алгебры. В эту область Нетер внесла решающий вклад (наряду с Эмилем Артином и ее учеником Б.Л. ван дер Варденом). Герман Вейль писал:

Значительная часть того, что составляет содержание второго тома «Современной алгебры» (*Теперь про-сто «Алгебры»*) ван дер Вардена, должно принадлежать Эмми Нетер

Термины «нетерово кольцо», «нетеров модуль», теоремы о нормализации и теорема Ласкера-Нетер о разложении идеала теперь являются основополагающими.

Большое влияние оказала Нетер на алгебризацию топологии, показав, что т. н. «числа Бетти» являются всего лишь рангами групп гомологий.

Большой вклад внесла Нетер в математическую физику, где ее именем называется фундаментальная теорема теоретической физики (опубликована в 1918 году), связывающая законы сохранения с симметриями системы (например, однородность времени влечет закон сохранения энергии). На этом плодотворном подходе основана знаменитая серия книг «Теоретической физики» Ландау-Лифшица. Особенно важное значение имеет теорема Нетер в квантовой теории поля, где законы сохранения, вытекающие из существования определенной группы симметрии, обычно являются главным источником информации о свойствах исследуемых объектов» [1].

Литература

1. Нетер, Эмми Википедия. 2012. URL: ru.wikipedia.org/.../Нетер,_Э
2. Dick, Auguste: Emmy Noether. 1882—1935. (= Elemente der Mathematik; Beih. 13; Kurze Mathematiker-Biographien) / Auguste Dick. Basel: Birkhäuser 1970.
3. Fritsch, Rudolf. Noether (Nöther), Amalie Emmy / Rudolf Fritsch // Neue Deutsche Biographie (NDB). Band 19. Berlin: Duncker & Humblot, 1999. S. 320 f.
4. Karl, Michaela: Emmy Noether: Die Mutter der Neuen Algebra / Michaela Karl // Bayerische Amazonen — 12 Porträts. Regensburg: Pustet, 2004. S. 84—96.
5. Radbruch, Knut. Emmy Noether: Mathematikerin mit hellem Blick in dunkler Zeit / Knut Radbruch // Er-langer Universitätsreden. Nr. 71/2008. 3. Folge. S. 87—98.
6. Tobies, Renate. Emmy Noether «Meine Herren, eine Universität ist doch keine Badeanstalt!» / Renate Tobies // Spektrum der Wissenschaft. August 2004. S. 70—77.
7. Tollmien, Cordula. „Sind wir doch der Meinung, daß ein weiblicher Kopf nur ganz ausnahmsweise in der Mathematik schöpferisch tätig sein kann ...“ — eine Biographie der Mathematikerin Emmy Noether (1882—1935)

М.П.Торшин

г.Москва

Российский государственный университет нефти и газа им. И.М.Губкина

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПОЛИТОЛОГИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В освоении научно-технических знаний в ВУЗах значительное место уделяется гуманитарным дисциплинам. Изучение истории, философии, социологии, политологии и др., способствует формированию специалиста с широким кругозором, аналитическим мышлением, высокой культурой поведения и общения в современном обществе.

В учебной программе по политологии по выбору для студентов старших курсов «Мировая политика и международные отношения» большое внимание уделяется укреплению связи социально-экономического и политического образования с нефтегазовым профилем ВУЗа. В современном, быстро меняющемся мире и принципиальной модернизации международных отношений, значительно усиливается взаимозависимость политики, энергетической и глобальной безопасности.

С развитием научно-технической революции, заметно возрастают потребности мировой экономики в энергоресурсах. Учитывая это, Российская Федерация еще в 2006 г., когда председательствовала в «Группе восьми», основной темой в повестку заседаний внесла вопрос о глобальной энергетической безопасности.

Известно, что Россия занимает особое место среди поставщиков энергии с точки зрения объемов запасов, транзита энергоресурсов и стабильности поставок. Мировой энергетический рынок сегодня немыслим без России (второе место в мире по экспорту нефти и первое по торговле природным газом).

В этой связи, главная причина, по которой тематика энергобезопасности была вынесена Россией в качестве ключевой на саммит «восьмерки» в Санкт-Петербурге, заключается в том, что благосостояние, образ и качество жизни огромного числа людей, само устойчивое социально-экономическое развитие мира напрямую зависит от доступа к энергии, система обеспечения которой стала глобальной.

По итогам российского председательствования в «восьмерке», была одобрена совместная политическая декларация по энергобезопасности, сформулированы цели и задачи, а также конкретный план действий по их реализации. Впервые, в мировой практике, удалось выработать комплексный концептуальный документ, который ориентирован на глобальную энергетическую безопасность и в основном учитывает интересы, как стран-потребителей, так и производителей энергоресурсов, а также дать четкое определение понятию глобальной энергобезопасности. *Глобальная энергетическая безопасность* — обеспечение эффективного, надежного и экологически безопасного энергоснабжения по ценам, отражающим фундаментальные принципы рыночной экономики.

В 2007 г. «восьмерка» под председательством Германии продолжила начатый в 2006 г. многосторонний диалог по энергобезопасности и пригласила присоединиться к нему «пятерку» ведущих развивающихся стран (Китай, Индию, Мексику, Бразилию и ЮАР). В 2008 г. Япония, принявшая эстафету председательствования в «Группе восьми», на саммите в Токио продолжила развитие идей, прозвучавших на саммитах в России и Германии. Вместе с тем был сделан акцент на энергосбережение и энергоэффективность, а также альтернативные источники энергии. Японская сторона пригласила для участия в диалоге Китай, Индию и Южную Корею. Данная проблема обсуждалась и на других заседаниях «восьмерки».

По мнению аналитиков, в среднесрочной перспективе результатами реализации инициатив «восьмерки» по обеспечению глобальной энергетической безопасности должны стать: более сбалансированные и транспарентные рынки энергоресурсов, основанные на диалоге поставщиков, транзитеров и потребителей (в первую очередь речь идет о нефтяном рынке), привлечение новых масштабных инвестиций в развитие энергетического комплекса, широкий обмен современными технологиями между странами, повсеместное внедрение энергоэффективных и энергосберегающих технологий, также диверсификация используемых источников энергии, включая развитие новых и возобновляемых ее видов, искоренение энергетической бедности в развивающихся странах, повышение физической безопасности объектов инфраструктуры и ряд других.

Становится ясно, что современная устойчивая мировая экономика невозможна без решения проблемы глобальной энергетической безопасности. Обсуждение этой проблематики в рамках «Группы восьми» привело к активизации взаимодействия России с ведущими игроками мирового энергетического рынка, дало возможность более предметно подключиться к формированию правил игры в мировой энергетике. В этой связи, важное значение имеет максимальное расширение круга участников обсуждения глобальных энергетических проблем.

Россия — активный участник диалога по энергопроблематике в рамках «Группы восьми». Кроме того, есть прогресс во взаимодействии с Международным энергетическим агентством (МЭА), которое представляет интересы нетто-импортеров энергоресурсов, и с Организацией стран-экспортеров нефти (ОПЭК), защищающей интересы ведущих экспортеров нефти. Россия является одним из учредителей новой международной организации Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ), активным участником Международного энергетического форума и ряда других международных организаций в сфере ТЭК.

Россия выступает за широкий обмен современными технологиями между странами, повсеместное внедрение энергоэффективных и энергосберегающих технологий, диверсификацию используемых источников энергии, включая развитие новых и возобновляемых ее видов. От того, насколько успешным будет прогресс в этих областях, зависит состояние будущих энергетических рынков, а следовательно, стабильность всей мировой экономики. Для решения указанных вопросов создано Международное партнерство по сотрудничеству в области энергоэффективности. Документы о его формировании были подписаны «на полях» встречи Министров энергетики «восьмерки» 24 мая 2009 г. в Риме. В число его участников наряду со странами «восьмерки» вошли КНР и Бразилия.

В числе приоритетов российской внешней энергетической политики — содействие диверсификации направлений экспорта углеводородного сырья, поддержка реализации проектов газопроводов «Северный поток» и «Южный поток», нефтепроводов Восточная Сибирь — Тихий океан, БТС-2, Самсун-Джейхан и др.

Имевший место в 2009 году кризис с транзитом российского газа в европейские страны через территорию Украины, стал для мирового сообщества уроком и проверкой существующих инструментов обеспечения глобальной и региональной энергобезопасности.

С учетом этого, российская сторона, нацелена на «инвентаризацию» действующих механизмов на этом направлении, их обновление с учетом международных реалий или выработку новых инструментов, более комплексных, которые бы, среди прочего, учитывали в полной мере весь спектр вопросов, связанных с транзитом энергоресурсов и обеспечением прав государств-экспортеров. На это же направлена и выдвинутая Россией в апреле 2009 г. в Хельсинки инициатива выработки международного юридически обязывающего документа, который охватывал бы все аспекты глобального энергетического сотрудничества и сбалансировано отражал интересы заинтересованных сторон. На ее базе подготовлен и представлен в Правительство России проект Конвенции по обеспечению международной энергетической безопасности.

Ее ключевые положения были представлены в ходе целого ряда международных форумов и, прежде всего, на таких площадках, как ОБСЕ, ЕЭКЭ, ООН, Европейская энергетическая хартия, Международный энергетический форум и др. Текст проекта Конвенции направлен в адрес основных партнеров.

Актуальные проблемы геополитики и глобальной энергетической безопасности находят отражение в лекциях, обсуждаются на семинарских занятиях и университетском дискуссионном клубе «Эврика». Студенты выступают с презентациями докладов по тематике учебного курса на семинарах, ежегодных университетских научных конференциях, олимпиадах по политологии. Таким образом, образовательный процесс по политологии, дает возможность будущим специалистам нефтегазовой отрасли России логически мыслить, глубоко анализировать процессы, происходящие в современном мире, становится одним из основополагающих элементов для формирования базисных компетенций.

С.В. Фоменко

г. Омск

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Никто не может точно сказать, когда латинское *nostrum aevum* (наше время) превратилось в *nova aetas* (новое время), а затем было обозначено европейцами как *modern times*, *temps modernes* и т.п. Но уже Петрарка в 1341 г. различал *storia antica* и *storia nova*, помещая между ними «темные века». Что касается *modernus*, то понятие было впервые употреблено в конце V в. [12, С. 7], а *modern* в историографическом смысле, «приложимое ... ко времени, следующему за средними веками», зафиксировано «Оксфордским словарем английского языка» путем цитирования одной работы 1585 г. [5, С. 124]. Хабермас, однако, полагает: поскольку «... рубеж эпох, пролегающий около 1500 г., в качестве такого начала был воспринят ретроспективно только в XVIII столетии» [13, С. 11], прилагательное *modern* в европейских языках нового времени «было субстантивировано очень поздно, примерно с середины XIX столетия» [13, С. 13—14].

Как бы там ни было, но в большинстве европейских языков (за исключением немецкого с его *neue Geschichte*) историческая эпоха, начиная с Возрождения, стала обозначаться с определением *modern* (*modern history*, *l'histoire moderne*), а в русском — как новая история. Этот термин позволил избежать двусмысленности

определения *modern*: «современный» во всех языках означает не только «более позднее по времени», но и «передовое». С другой стороны, перевод *modern* как «новый» породил и проблемы. Из переводной работы часто невозможно понять, что имеет в виду автор: новую историю вообще или лишь один из ее периодов; всемирную историю по 1914 г., которым современная отечественная историография ограничивает новую историю, или история общества вплоть до наших дней.

Даже в СССР, «несмотря на все попытки создания твердых официальных схем, полной унификации в области периодизации истории достигнуть не удалось» [6, С. 130]. А что уж говорить о «развитых» странах, которые представляют собой поле лингвистической и дискурсионной разнородности! Хотя среди гуманистов и Реформация, часть исследователей ограничивает собственно модерн периодом истории с XVII в. по 60—70-е годы XIX в. Некоторые из тех, кто смотрит на модерн глазами Бодлера, датируют его начало серединой XIX в. Другие же, наоборот, раздвигают исторические границы модерности, противопоставляя ее обществу традиционному.

В первую очередь это относится к сторонникам теории модернизации, которая играла ведущую роль в общественных науках Запада в конце 1950-х — начале 1960-х годов, хотя уже «с 1970-х годов ... была подвергнута серьезной критике и во многом признана несостоятельной» [8, С. 263].

Появление в 1974 г. «Современной миросистемы» Валлерстайна, а затем и последующих работ автора, считавшегося надеждой американской школы модернизации, ознаменовало настоящие «похороны теории модернизации». (Но в России, поскольку эпистемологически и структурно теория модернизации оказалась «удивительно близка советскому варианту обществоведения» [7, С. 26], с 1990-х годов была предпринята попытка реанимации модернизационных идей).

Основной тезис теории модернизации, как его сформулировал Инглегарт, заключается в том, что «индустриализация связана с конкретными социально-политическими преобразованиями, которые осуществляются повсеместно: если между доиндустриальными обществами имелись огромные различия, то есть все основания говорить о единой модели «современного», или «индустриального», социума, к которой придет любое общество, вставшее на путь индустриализации» [8, С. 264].

Теория модернизации предполагала «изолированное изучение и лишь частичное сравнение отдельных стран, якобы двигающихся параллельно, но с опережением или отставанием друг от друга по ступеням «прогрессивного развития» от «традиции» к «современности» либеральной экономики и демократии» [4, С. 27—28]. Как следствие, данная теория придала понятию «модерн» характер абстракции, отделив модерн от его истоков — Европы нового времени и стилизовав его «как образец для процесса социального развития вообще, нейтрализованный в пространственно-временном отношении» [13, С. 8].

С исследованием модернизации во многом оказалось связано и начавшееся с конца 1970-х годов распространение в американско-европейской культуре понятия «постмодерн» («постмодернизм», «постмодерность»), которое «в политический боевой клич в 1970-е годы превратили неоконсерваторы» [15, С. 5]. Уровня международной теории постмодернизм достиг в середине 1980-х годов [16, С. 185], но и в 1990-х годах дискуссии о предполагаемом переходе от модерна к постмодерну «все еще пребывали в начальной стадии — для более абстрактных спекуляций явно недостает эмпирических данных» [1, С. 232—233].

Ю.Хабермас отстаивает тезис, что «модерн — это все еще незавершенный проект». Э.Гидденс с 1990 г. заговорил — по аналогии с «высоким Средневековьем» — о наблюдаемом ныне «Высоком модерне». У.Бек также ведет речь не о постмодерне, а о «развитом модерне» и «Втором модерне» [3, С. 688, 695].

Причины настороженного отношения западных обществоведов к термину «эпоха постмодерна» прекрасно охарактеризовали Эйзенштадт и Шлюхтер, не сомневающиеся в отсутствии ситуации, «которую можно было бы собственно назвать постсовременной»: «Хотя различные измерения первоначально западной кристаллизации Модерна образуют ключевую отправную точку и исходный пункт для тех процессов, которые происходили в разных обществах по всему миру, эти процессы тем не менее не могут быть сведены к гомогенизирующему и экспансионистскому воздействию исходной модели современности... Хотя общей отправной точкой многих из этих сдвигов была, конечно, та культурная программа современности, которая возникла в Европе, ее творческое восприятие в других точках мира ознаменовало рождение «множественных современностей» [14].

Как бы подытоживая итог многочисленным дискуссиям, С.Мэлпес заключает: «Постмодерность является не новой эпохой, а скорее обозначением группы критиков ... это критический взгляд изнутри модерна, нежели его, модерна, замещение» [15, С. 44]. Минимум десятилетием ранее этот вывод сформулировал и Валлерстайн. «... постмодернизм ... вовсе не означает *пост*-современный». Это лишь движение «преимущественно в гуманитарных и социальных науках. ... Это способ отрицания современности ради современности освобождения».

Категорично заявляя, что «в качестве экспликативного понятия постмодернизм невразумителен», Валлерстайн, однако, добавляет: но «как возвестительная (*annunciatory*) доктрина постмодернизм без сомнения наделен даром предвидения» [5, С. 140]. Рональд Инглегарт также считает: «... термин «постмодернистский» оказался нагружен столь многими значениями, что ему грозит опасность означать все подряд и одновременно ничего не означать». Тем не менее этот термин «имеет важное значение, поскольку в нем заложен

определенный концептуальный смысл, согласно которому процесс, называемый модернизацией, уже не является самым последним событием в современной истории человечества и социальные преобразования развиваются сегодня совершенно в ином направлении» [8, С. 269, 268].

Сказанное двумя американскими авторитетами в области гуманитарных наук, на наш взгляд, может быть применено и к некоторым понятиям отечественной историографии, например, к термину «новейшая история».

Как известно, сначала отечественная историография делила новую историю на 2 периода, но с 1920-х годов стала выделять и третий период, начало которого связывалось, конечно же, с Октябрьской революцией. Но в 1954 г. на совместном заседании кафедры новой истории МГУ с сотрудниками АН СССР было решено ввести в обращение термин «новейшая история». Правительственным постановлением 1958 г. соответствующий период всемирной истории был поделен на новую и новейшую историю и в учебном процессе. При этом довольно скоро начало «новейшей истории» стало связываться не с 1917 г., а с 1918 — годом окончания Первой мировой войны.

Поскольку в западных историографиях нет понятия «новейшая история», в постсоветский период наметилась тенденция к отказу отечественных авторов как от этого термина, так и, по словам некоторых, от всей «периодизации новой и новейшей истории, навязанной исторической науке во времена партийно-тоталитарного диктата» [10, С. 81].

То, что новистам удалось отстоять понятие новейшей истории, было не случайным. В XX в. французские авторы стали широко использовать термин *l'histoire contemporaine*, немецкие — *zeitgeschichte*, *neuere Geschichte*, а англоязычные — *contemporary history*. В англоязычном мире получил распространение также термин «*current history*» и даже «*present history*».

Contemporary, current, present history — это понятие новейшего времени — конечно, является не столько содержательным, сколько временным, хронологическим. Но в том же 1954 г., когда в СССР стал «вводиться» термин «новейшая история», Арнольд Тойнби в своем фундаментальном труде «Постижение истории», возможно, впервые использовал понятие «постмодерность» в смысле, перекликающемся с русским термином.

Постсовременностью Тойнби назвал историческую эпоху, начавшуюся в последней четверти XIX в. На смену длительному и устойчивому прогрессу человечества от времен «темных веков» (675—1075) через Средневековье (1075—1475) к Современной эпохе (1475—1875), писал он, пришла «пост-современная эпоха (*post-Modern Age*) западной истории», которая обнаруживает «нарушение свойственной западному модерну ритмичности войны и мира»: ныне «предзнаменование одной всеобщей (*general*) войны настоятельно следует по пятам другой» [15, С. 33]. Модерность, согласно Тойнби, — это зенит прогресса и развития, поскольку это «период подъема «гуманизма». Постмодерн же — «период упадка, когда непрерывно бушуют войны и в националистических конфликтах ... отбрасываются гуманистические проекты Возрождения» [15, С. 33—34].

В сокращенном варианте труда Тойнби «Постижение истории» причина перехода к постмодерну трактовалась несколько по-иному: «Индустриализм и национализм (более чем индустриализм и демократия) суть две силы, которые фактически господствовали в западном обществе в течение века (приблизительно до 1875 г.)». Они «действовали сообща, созидая великие державы. После 1875 г. начался обратный процесс. [...] Это изменение безошибочно указывает на конец прилива, достигшего своей высшей точки в 1875 г., и начало отлива, который будет протекать в течение четырех веков, если он предвещает повторение предыдущей, так называемой средневековой, фазы в западной истории» [11, С. 18—20].

Внимание заслуживает и еще одно обстоятельство: уже в межвоенный период, пытаясь определить границу нового постсовременного мира, Тойнби вначале пометил ее начало Первой мировой войной и лишь затем сдвинул планку к 1870-м годам [9, С.86]. (Мы же переход к новейшей истории датируем тоже началом либо концом Первой мировой войны).

Этот пример еще раз убеждает: не следует спешить с отбрасыванием старых понятий и внедрением новых, хотя вслед за Ульрихом Беком хочется сказать: «Настоятельнее, чем когда-либо прежде, мы нуждаемся в понятийном аппарате, который — без ложно понятого обращения к вечно старому новому, исполненный печали прощания и не утративший хорошего отношения к нетленным сокровищницам традиции — позволит заново осмыслить надвигающиеся на нас новые явления и научиться жить и работать с ними» [2, С. 12—13].

Литература

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ.; под ред. С.А.Ерофеева. М., 1999.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну [1986] / Пер. с нем. В.Седельника и Н.Федоровой; Послел. А.Филиппова. М., 2000.
3. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию? // Геополитика. Антология. М., 2006. С. 677—695.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. с англ. Н.Тюркиной. М., 2006.
5. Валлерстайн И. После либерализма. [1995]. М., 2003.

6. Гросул В.Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С.122—139.
7. Дерлугьян Г. Вступительная статья // Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Пер. с англ. Н.Тюркиной. М., 2006. С. 5—38.
8. Инглеарт Р. Модернизация и постмодернизация [1990] // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 261—291.
9. Наследие Хосе Марти и современный цивилизационный кризис // Латинская Америка, 2003, № 9. С. 74—92.
10. «Круглый стол». Проблемы периодизации новой и новейшей истории // Новая и новейшая история, 1995. № 1. С. 77—85.
11. Тойнби А. Постижение истории / Пер. с англ. М., 1991.
12. Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект [1980] // Хабермас Ю. Политические работы / Сост. А.В.Денежкина. М., 2005. С. 7—31.
13. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. [1985] / Пер с нем. 2-е изд., испр. М., 2008.
14. Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис: журнал о будущем. 2007. № 2 (10). URL: http://intelros.ru/pdf/prognosis2_07/Eyzenshtine.pdf
15. Malpas S. The Postmodern. The New Critical Idiom. Routledge. L., N.Y. 2005. 149 p.
16. Smith S., Ovens P. Alternative approaches to international theory // Baylis J., Smith S., Ovens P. The globalization of world politics. An introduction to international relations. Fourth edition. Oxford, 2008. P. 178—199.

М.З.Хабибуллин, Р.Р.Батыршин

г.Казань

*Институт Татарской энциклопедии Академии наук
Республики Татарстан*

ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

В Европейской части России, на территории Среднего Поволжья и Приуралья, располагается семь национальных республик (Башкортостан, Марий Эл, Коми, Татарстан, Удмуртия и Чувашия). Изучение вопросов происхождения проживающих здесь народов имеет не только научное и практическое значение. Их прошлое, настоящее и будущее неразрывно связано с историей России и является неотъемлемой частью современных этнокультурных процессов.

Среднее Поволжье и Приуралье — обширный по территории полиэтнический регион, издавна населенный двумя этноязыковыми группами. Западную и северную часть этого региона занимают народы *финно-угорской группы уральской языковой семьи*, марийцы, мордва, удмурты, коми-зыряне и коми-пермяки. Восточную и юго-восточную часть региона населяют народы *тюркской группы алтайской языковой семьи*: чувашаи, татары и башкиры. Все из перечисленных этносов имеют свою национальную государственность в форме "республики" (бывшие автономные республики РСФСР), кроме коми-пермяков, которые образуют округ в составе Пермского края. Все эти народы прошли сложный путь этногенеза, в процессе совместного проживания происходило взаимовлияние и взаимопроникновение культур, поэтому каждый народ подразделяется еще на ряд локальных групп, имеющих свои особенности в культуре.

Мордва. Самый многочисленный в России народ финно-угорской группы. Основное регион проживания — Среднее Поволжье (Республика Мордовия). Мордва расселена также в южной части Среднего Поволжья от Тамбовской области на западе до Оренбургской области на востоке. Выделяется два мордовских языка — эрзя и мокша.

Марийцы. Большая часть проживает в Республике Марий Эл, расселены также в северных республиках и областях Поволжья и Приуралья. Выделяются три этнографических группы с диалектами языка — горные марийцы, луговые и лесные марийцы, восточные марийцы.

Удмурты. Основным регионом расселения является территория Республики Удмуртия. Они делятся на две группы по диалектным отличиям языка: северные — ватка и южные — калмез. Имеется также этнографическая группа бессермян (проживают в районе р.Чепца).

На Средней Волге, Нижней и Средней Каме, а также в бассейне рек Белой и Урала проживают преимущественно тюркоязычные народы: башкиры, татары и чувашаи.

Татары в основном проживают в Татарстане и соседних республиках и областях Поволжья и Приуралья, а также в Москве, Санкт-Петербурге. Татары Поволжья и Приуралья по языку и особенностям культуры подразделяются на две основные группы (диалекта). Средний диалект (казанские татары, кряшены, касимовские, бартымские, глазовские татары, тептяри) и западный (мишарский).

Башкиры компактной группой проживают на территории Республики Башкортостан, преимущественно в восточных районах, а также Челябинской, Пермской, Свердловской и Оренбургской областях. До начала XX в. сохраняли дробное родоплеменное деление. Имеется два основных диалекта: куваканский, (горный) —

восточные (уральские) районы Башкирии, и юрматинский (степной), распространенный в юго-западной и центральной Башкирии. Башкиры и татары в языковом отношении составляют кыпчакско-болгарскую подгруппу кыпчакской группы тюркских языков.

Чуваши относятся к болгарской группе тюркских языков. В основном проживают в пределах Республики Чувашия. Имеются группы в Самарской, Ульяновской, Саратовской областях и Республике Татарстан. Подразделяются на две группы: низовые чувашы (анатри) юг и юго-восток республики, и верховые чувашы, или вирьял, живущие в северных и северо-западных районах.

В 1552 г. пало крупное государство на территории Среднего Поволжья и Приуралья — Казанское ханство. С этого времени для народов Поволжья и Приуралья начинается новый этап в развитии. Основной особенностью региона является то, что ко времени его присоединения к России нерусскими был основан лишь город Казань. В 1557 г. были построены Чебоксары, затем Лаишев, Тетюши, Самара, Уфа. Эти города появились со времени переселения туда русских, поэтому долгое время они развивались как русские города, а с середины XIX в. даже в Казани русское население превосходило по численности татар. Именно поэтому этно-консолидационные процессы в данном регионе не получили полного завершения. В прошлом свою государственность имели только казанские татары, но после присоединения к Московской Руси, подобно ранее вышедшим группам мишарей, быстро адаптировались к новым условиям, включившись в длительный процесс этнокультурной ассимиляции. Небольшое сопротивление русской экспансии в Приуралье оказали исламизированные башкиры. Все другие этносы региона не особенно сопротивлялись присоединению к Московской Руси, приняв постепенно православие. Этот процесс в целом оказал позитивное влияние на их дальнейшее этнокультурное развитие. Тесное общение коренного населения с русскими, часто приводившее к смешанным бракам, способствовали прогрессивным хозяйственно-культурным заимствованиям и повсеместному овладению русским языком, а в ряде районов и к явлениям полной языковой ассимиляции.

Наряду с этим присоединение Поволжья и Приуралья к России сопровождалось осуществлявшейся царизмом политикой национально-колониального угнетения. Учрежденная в Казани епархия проводила христианизацию местного населения. Православная церковь получила большие земельные угодья в Поволжье. Наделялись землями и русские помещики. Местное население, сохранившее свои земли, было обязано платить ясак в царскую казну. Выступления крестьян и горожан Поволжья были направлены как против русских помещиков, так и против местных феодалов.

Взаимодействие и взаимовлияние народов Среднего Поволжья и Приуралья, их быт, язык, культура, история, религиозные воззрения, сложный этнический и антропологический состав всегда привлекали внимание российских исследователей и в настоящее время эта тема является актуальной и востребованной. Во второй половине XIX в. изучением истории, этнографии и языка народов Среднего Поволжья и Приуралья занимались преподаватели Казанского университета, Общества археологии, истории и этнографии и Казанской духовной академии. Дополнительные возможности для выявления некоторых особенностей формирования полиэтнического и поликонфессионального российского сообщества дают исследования, имеющие регионально-этнический характер. В этой связи актуально обращение к истории изучения этнографии, культуры и языка народов Среднего Поволжья и Приуралья преподавателями миссионерских отделений Казанской духовной академии.

Казанская духовная академия (1842—1921 гг.) внесла существенный вклад в изучение истории, этнографии, культуры и языка татар, марийцев, чувашей, удмуртов и других народов. Ее преподаватели создали ряд интересных трудов по истории нерусских народов, об их взаимоотношениях с русскими, по истории распространения среди них христианства. Инициированные властями меры по усилению миссионерской политики в Среднем Поволжье и Приуралье стимулировали руководство академии к образованию в ее структуре в 1854 г. единственных в России миссионерских отделений. Они создали прочную основу для становления Казанской духовной академии как научного центра по изучению истории, этнографии и языка нерусских народов дореволюционной России. Так, в противомусульманском отделении изучались история и этнография татар, киргизов, башкир, чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы, в черемисско-чувашском и противобуддистском отделениях — история и этнография монголов, бурят, калмыков, остяков, самоедов, якутов, чукчей, тунгусов, маньчжур, корейцев, гольдов, гиляков, коряков и др. Таким образом, отделения стали востоковедческими и этнографическими центрами, активно проводившими исследования по изучению истории, этнографии, культуры и языка нерусских народов дореволюционной России. Большая часть творческого наследия преподавателей Казанской духовной академии до сегодняшнего дня остается в архивах, либо стала библиографической редкостью. В Национальном архиве Республики Татарстан и в библиотеках Казани сохранилось большое количество документальных источников, научных отчетов преподавателей академии, в которых отражены культура, быт, обычаи, национальные праздники, свадебные и похоронные обряды многих нерусских народов. Изучение истории, этнографии, языка народов в Казанской академии было продиктовано, прежде всего, миссионерскими целями, однако не стоит недооценивать научную значимость накопленных сведений. Такие известные ученые, как Н.И.Ильминский, В.П.Вишневский, А.А.Бобровников, Г.С.Саблуков, Е.А.Малов, Н.П.Остроумов, М.А.Машанов, П.К.Жузе, Н.Ф.Катанов, сохраняя общую для всей казанской школы миссионерскую направленность, осуществили большой объем научно-исследовательской работы в области этнографии нерусских народов России, истории ислама и сравнительного

богословия. В их работах содержатся интересные сведения о взаимоотношениях представителей разных народов, об их этнокультурном взаимодействии. Авторы выясняют причины большого влияния татар на другие нерусские народы, на общность их культур, языка и другие факторы. Данные труды позволяют воссоздать реальную межэтническую и межконфессиональную обстановку того времени.

Преподаватели миссионерского противомусульманского отделения Казанской духовной академии уделяли большое внимание изучению истории, этнографии и языков нерусских народов России. Первым такую практику в отделении начал осуществлять Н.И.Ильминский. Многие статьи Ильминского, знакомящие с народной словесностью нерусских народов, их обычаями, обрядами, а также много лингвистических исследований помещены в «Известиях Археологического общества», «Бюллетенях Академии наук», «Ученых записках Казанского университета», «Журнале Министерства народного просвещения», «Православном обозрении» (с 1863), «Православном собеседнике», «Церковно-приходской школе» (1888 и 1889) и «Известиях по Казанской епархии». Среди основных работ можно выделить «Из переписки по поводу применения русского алфавита к инородческим языкам» (Казань, 1883), «Казанская крещено-татарская школа. Материалы для истории просвещения татар» (1887) и др.

Активную работу по изучению истории, этнографии и языка татар проводил Е.А.Малов. Его просветительская деятельность отразилась и в направленности его литературно-научных сочинений, являющихся преимущественно полемическими. Так, необходимо назвать: «Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергавшихся влиянию мухаммеданства» (1871), «Сличение мухаммеданского учения об именах Божиих с христианским о них учением» (1874), «О крещеных татарах (из миссионерского дневника)» (1891), «Мухаммеданский букварь (миссионерско-критический очерк)» (1894) и др.

Среди преподавателей Казанской духовной академии особое место занимает Н.П.Остроумов. По роду своей профессиональной деятельности ему приходилось осуществлять инспектирование учебно-воспитательной деятельности школ для нерусских народов, оказывать содействие их открытию. Большое внимание он уделяет подготовке учительских кадров из татар, чувашей, удмуртов, марийцев и других народов в Казанской учительской семинарии в 1872—1877 гг. [3, С. 6–7]. Огромное значение Остроумов придает миссионерским поездкам по деревням и селам Казанской губернии. Результатом командировок Н.П.Остроумова стало издание в «Первого опыта словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии» (1876 г.), «Татарско-русского словаря» (1892) и др.

Другому преподавателю академии М.А.Машанову принадлежит большое количество работ, миссионерских отчетов, в которых он описывает жизнь, традиции, язык и быт татар и других нерусских народов Казанской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. Эти труды представляют огромную ценность для воссоздания религиозного облика татар, отношения татарского населения к русскому и о силе и могуществе ислама в среде как крещеных, так и татар, не принявших христианство. М.А.Машанову часто приходилось бывать в деревнях, беседовать с жителями, наблюдать за их повседневной жизнью. Вся эта информация сохранилась в его записках, письмах и отчетах. Поэтому по данным сведениям мы можем судить о жизни многонациональной деревни Казанской губернии, о религиозной приверженности и отношении татар к представителям других вероисповеданий и народов. Машанов совершил более 10 командировок, участвовал в основании храмов и школ. Свои наблюдения за нерусскими народами он обобщил в своем докладе «Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам», с которым выступил на миссионерском съезде в Казани в 1910 г.

Первая командировка М.А.Машанова по деревням крещеных татар Казанской губернии состоялась в 1874 г. с целью изучения религиозно-нравственного облика населения. Он побывал в Томасовом-Починке и Шемортбашах Мамадышского уезда [1, С. 3]. Результаты своих наблюдений Машанов изложил в «Заметке о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда», которая была опубликована в Казани в 1875 г. Следующая командировка Машанова к крещеным татарам состоялась в 1881 г., по случаю обнаружения массовых волнений в деревне Никифорово Мамадышского уезда [2, 18 л.]. В отличие от поездки 1874 г., во время которой ему пришлось в основном заниматься наблюдением и сбором религиозной информации о нерусских народах, цель этой командировки заключалась в проведении мероприятий, связанных с устранением и предотвращением «отпадений» крещеных татар в ислам.

Таким образом, во второй половине XIX в. изучением истории, этнографии и языка народов Среднего Поволжья и Приуралья активно занимались преподаватели Казанского университета, Общества археологии, истории и этнографии и Казанской духовной академии. Особенно преуспели в этом направлении преподаватели Казанской духовной академии, которые внесли большой вклад в изучение истории, этнографии и языков нерусских народов Казанской губернии во второй половине XIX — начала XX вв. В трудах Н.И.Ильминского, Е.А.Малова, Н.П.Остроумова, М.А.Машанова и других содержатся интересные этнографические материалы о повседневной жизни многонациональной деревни, сведения о взаимодействии представителей различных этнических групп. Преподаватели академии внесли весомый вклад в сохранение и развитие чувашского, марийского и других языков, в подготовку филологов из среды нерусских народов, в разработку учебников и словарей, в процесс образования национальных школ и т.д.

Литература

1. Машанов М.А. Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань, 1875. С. 3.
2. НА РТ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 8. Отчет о поездке в деревню Никифорову, Мамадышского уезда для увещания отпавших от христиан
3. Отчет о деятельности Совета Братства святителя Гурия от 4 октября 1873 года по 4 октября 1874 года. Казань, 1876. С. 6—7.

Т.П.Хлынина

г.Ростов-на-Дону

*Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южный научный центр Российской академии наук*

О КРИЗИСЕ ЖАНРА СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ И ОДНОЙ ИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

История как наука и практика социального преобразования окружающей нас действительности все меньше и меньше интригует воображение массового читателя. Потеря знанием о прошлом некогда монопольного положения в его постижении, увеличивающаяся дистанция между потребностями дня сегодняшнего и реакцией на них профессионального сообщества переводят историю в разряд «клуба для посвященных». Отсюда и частые сетования на отсутствие по-настоящему увлекательных и добротных описаний прошлого, внятных и доступных объяснений природы когда-то произошедших событий, моральных примеров для подражания. Неудовлетворенность читателей, как основных потребителей такого рода продукции, по мере возможностей учитывается специалистами и находит отражение в воссоздаваемых ими образах прошлого.

Однако перемены эти не столь быстротечны, а потребительские вкусы весьма разнообразны и неустойчивы. Кроме того, они не всегда совпадают и с самой логикой развития исторического познания, организованного в соответствии с определенными и строгими правилами научного жанра. Но читателю азы профессионального мастерства историка, по большей своей части, не любопытны, да и ждет он от него совершенно иного. В этом ожидании и рождаются, как правило, всевозможные фантазии на тему о том, отчего история не литература и как было бы здорово, если бы она воспитывала не негодяев, а достойных граждан своего Отечества.

Действительно, если бы истории как науке удалось преодолеть свою родовую зависимость от источников, повествующих о событиях прошлого, и всецело положиться на «глубокомыслие и остроумие» ее современных рассказчиков, она во многом выиграла бы. Однако смогла ли она остаться в данном случае наукой — судить однозначно отважатся немногие. Тем не менее подобные перспективы и возможности видения прошлого весьма охотно обсуждаются на страницах академических и образовательных изданий. В данной связи, собственно, и хотелось бы поговорить о том, почему вообще подобные представления бытуют вокруг истории как специфической процедуры освоения прошлого, насколько они полезны для его усвоения и каким образом историческое знание, не разрушая собственной дисциплинарной основы, могло бы удовлетворить эмоциональный голод читателя.

Историческое познание как особая разновидность освоения человеком окружающего его мира прошло в своем развитии довольно долгий и не лишенный драматический переживаний путь. Его длительность свидетельствовала о становлении истории как определенного типа знания, а драматизм отражал напряженный поиск механизмов его организации и передачи. Обретя статус науки в век торжества человеческого разума и безраздельного господства естествознания, история постепенно утрачивала статус гуманитарного знания, все более претендуя на выражение закономерностей общественного развития. Именно эта «высокая претензия», в конечном итоге, и послужила одной из причин «несомненного кризиса современной историографии, научные традиции которой формировались еще с эпохи Просвещения и даже с Возрождения, а основы закладывались с античного времени» [4, С. 5].

Проблема кризисного состояния исторического жанра вот уже не одно десятилетие активно обсуждается в отечественной и зарубежной историографии. При всей разности отмечаемых исследователями причин, вызвавших его к жизни и повлекших за собою разнообразные последствия, в качестве одной из них отмечается и утрата историческим повествованием «вкуса к деталям и подробностям воскрешаемого прошлого». Столь незначительное, на первый взгляд, обстоятельство привело не только к социологизации исторического познания, но и к выхолащиванию самой сути исторического развития, сведенной к выявлению неких универсалий «общественного бытия». Их незримое присутствие в изучаемой эпохе и закономерная смена в течение долгого времени определяли и продолжают определять собою общепринятый образ прошлого, в пространстве которого «живые люди из плоти и крови» обычно замещаются или «народными массами», или

«их выдающимися представителями». В итоге история стала напоминать собою некий монолитный памятник ушедшему времени, где с большим трудом различимы составляющие его части.

Следует отметить, что подобное положение дел никогда полностью не удовлетворяло исследователей, неоднократно пытавшихся обновить сам памятник или дополнить его фактуру. Одной из таких попыток как раз и послужило возвращение истории в лоно когда-то породившей ее филологии. «Теоретический мятеж» в лингвистике последней трети XX в. со всей очевидностью обозначил проблему родового сходства литературного и исторического повествований, одновременно потребовав и выявления их различий. Не претендуя на всеобъемлющее пояснение ее содержательных особенностей, к тому же получивших самостоятельное воплощение в виде «прорывных нарратологических» исследований [1], позволю себе небольшое частное замечание, сводящееся к принципиальной невозможности «оживить» сугубо литературными приемами реальность прошлого.

На родовое сходство истории и литературы обращали внимание еще древние авторы. Уже античная историография понимала, что история представляет собою не просто перечень событий прошлого, а повествование о них. Тем самым, предполагалось, а в настоящее время получило повсеместное признание, некоторое тождество в структурировании и изложении сюжетов исторического и литературного свойства. Однако сходство в организации материала не предполагает одинаковости в выборе средств достижения поставленных целей. Историк, в отличие от писателя, не волен домысливать судьбу своего персонажа или изучаемого события, ибо они не плод его творческой фантазии, а порождение реальных обстоятельств недоступного ему времени. Жанровые ограничения неизбежно сказываются и на выборе выразительных средств запечатления прошлого. Ведь недаром «отцом истории» по праву считается основательный Геродот, а не красноречивый Ксенофонт или остроумный Тацит.

Попытки придать историческому тексту занимательный характер, сблизив его с лучшими образцами приключенческой и романической прозы, заслуживают искреннего уважения. Тем более что тяжеловесные описания объективных закономерностей «неизбежного столкновения интересов больших групп людей в процессе смены их производственной деятельности», историю ближе не делают, да и саму производственную смену, честно говоря, «доступностью понимания» не наделяют. Между тем, существует одно досадное препятствие, не позволяющее в полной мере справиться с поставленной задачей. Таким препятствием служит грамматическая ограниченность переводимых на язык литературного повествования реалий прошлого.

Как бы нам того не хотелось, историческое событие может быть расслышано только в контексте породившего его времени, которое мыслило себя в соответствующих его духу понятиях. Ведь нельзя же всерьез полагать, что смысл отечественного крепостничества полностью покрывает и разъясняет собою такой новояз советской эпохи, как «классовая эксплуатация помещиками крестьян». И дело не в том, чтобы привести всю историю к языковым нормам прошлого, а в осознанном понимании невозможности для исследователя вырваться из очерченных ими рамок восприятия произошедших событий. Рамки эти и служат тем опознавательным знаком, за границей которого кончается историческая достоверность, и начинается автономная от него жизнь литературного повествования с весьма правдоподобным сюжетом.

Посему, прежде чем сетовать на то, «отчего история не литература», следует подумать, к каким последствиям приведет их жанровый взаимообмен и не пострадает ли от него достоверность в истории и «красота слога» в литературе? Представляется, что предметное взаимопроникновение, повлекшее за собою исследовательскую увлеченность междисциплинарностью, интертекстуальностью и прочими пограничными вещами, не должно разрушать барьеры, разъединяющие науки друг от друга. Иначе совершенно непонятно, зачем «воскрешать» бунт Пугачева, если «Капитанская дочка» А.С.Пушкина рисует его психологически более убедительно, нежели многочисленные исследования, которые заведомо уступают ей в эстетическом отношении. Сотрудничество различных дисциплин не равносильно их взаимозаменяемости, и каждая из них предельно ограничена в своих возможностях.

Прошлое само по себе вполне увлекательно и способно продемонстрировать немало ярких и зажигательных примеров. Так почему же каждый раз, обращаясь к нему, мы всегда ставим перед собою «высокую» цель чему-нибудь у него научиться и непременно научить других? Нельзя ли, вслед за замечательным французским историком М.Блоком, ограничиться при его изучении «утолением интеллектуального голода» и привить это качество своим читателям? Ведь путешествие по лабиринтам прошлого ничуть не уступает приключенческим романам М.Рида или Ф.Купера, необходимо только выбрать надлежащий маршрут и опытного проводника.

Таким проводником, на мой взгляд, и могла бы стать история повседневной жизни советского человека — жизни, «осуществляемой изо дня в день, всегда; бывающей, происходящей всюду и везде» [5, С. 520]. Наглядная и практически неподверженная изменению, она до определенного времени оставалась в тени исторического исследования, «изымаясь» из нее лишь по необходимости в качестве «занимательной картинки» или иллюстративного комментария к законосообразностям общественного развития. Ее выход на авансцену «большой» истории совпал с так называемым «историческим поворотом», повлекшим за собою «живые проявления смены приоритетов в теоретико-методологическом пространстве развития исторической науки и гуманитарного и социального знания на рубеже XX—XXI веков» [6, С. 32]. Характерной особенностью его

проявления на современном этапе развития гуманитарного знания признается «историчность происходящих изменений в области методологии. Она проявляется в эпохальном повороте против науки об обществе, сформировавшемся в послевоенный период как историографическое направление, оппозиционное традиционной истории; в повышенном внимании к истории как к процессу, как к прошлому, как контексту, но не обязательно как к научной дисциплине. Наконец, эти изменения способствуют постановке кардинальных вопросов методологии истории, таких, например, как вопрос о предмете истории и его структуре, вопрос “дисциплинарного дискурса” и т.д.» [6, С. 33].

Современный методологический сдвиг с его пристальным вниманием к разнообразным формам человеческой жизнедеятельности в прошлом привел к закономерному раздроблению предметной области исторического познания. Среди его многочисленных «дочерних» ответвлений история советской повседневности, в отличие от своих более ранних периодов, только получает свою дисциплинарную прописку. При этом, становясь полноправным участником «большой» истории, она все еще, по образному замечанию современного исследователя, разделяет судьбу «критических периодов» развития нормального знания. Они время от времени появляются на «широком поле исторической науки» и проявляются «в каких-то узких областях, как, например, в модных сейчас гендерных исследованиях или в исследованиях многочисленных привычек и “странностей”, составляющих основу истории повседневности» [7, С. 37]. Вместе с тем, упомянутые в качестве основного содержимого повседневной жизни «привычки и странности» едва ли могли бы претендовать на выражение исследовательской сущности повседневной истории — этого плохо уловимого и неотъемлемого спутника бытия человека. Вероятнее всего, ближе к ее пониманию те внимательные слушатели прошлого, которые «стремятся исследовать все стороны повседневной жизни мужчин и женщин: от питания до преломления политической конъюнктуры в судьбах обычных людей» [3, С. 372]. Замечательный французский историк Ф.Бродель, подыскивая для себя веские оправдания относительно «включения в сферу исторического изучения повседневной жизни», писал: «Из маленьких путешествий, путевых заметок вырисовывается общество. И никогда не бывает безразлично, каким образом на различных его уровнях едят, одеваются, обставляют жилища. Эти “мимолетности” к тому же фиксируют от общества к обществу контрасты и несходства вовсе не поверхностные. Воссоздавать такие картинки — увлекательная игра, и я не считаю ее пустым занятием» [2, С. 5].

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003; Его же. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: В 3 т. М., 1986. Т.1.
3. Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.
4. Мининков Н.А. Методология: пособие для начинающего исследователя. Ростов н/Д, 2004.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.
6. Селунская Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка // Новая и новейшая история. 2004. № 4.
7. Феллер В. Введение в историческую антропологию. Опыт решения логической проблемы философии истории. М., 2005.

Л.В.Алексеева

г. Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

ИСТОРИЯ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1945 гг.): РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Закончен очередной скромный труд, посвященный истории Ханты-Мансийского автономного округа [1]. В монографии, выполненной на основе привлечения широкой группы источников и новейшей исторической литературы, впервые комплексно изучено рыбное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939—1945). В книге исследованы условия, ресурсы рыбодобычи, развитие консервного производства, структура рыбного треста, управление, кадры, условия труда и зарплата, соцсоревнование, производственная деятельность колхозов по добыче рыбы; выявлены результаты и определены факторы формирования экономики мобилизационного типа в Югре на примере рыбной отрасли. Монография предназначена студентам, аспирантам и преподавателям; специалистам, исследователям Севера, всем, кто интересуется новейшей историей Северо-Западной Сибири.

В развитии рыбного хозяйства Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны можно выделить 4 этапа: I. сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.; II. 22 июня 1941 г. — январь 1942 г.; III. 6 января 1942 г. — май 1945 г.; IV. май 1945 г. — сентябрь 1945 г.

Для первого этапа было характерно стабильное развитие отрасли в устоявшихся условиях. Это отражало общую тенденцию развития рыбной промышленности СССР. В СССР произошло техническое перевооружение отрасли, добыча морской рыбы была механизирована, также произошел ряд преобразований при ее обработке. В период с 1929 по 1940 года сформировался рыбопромышленный флот, в состав которого вошли рыболовные траулеры, специализированные суда, сейнера, дрейфтеры, рыболовные тралботы и боты, китобойные и зверобойные суда.

Что касается рыбного хозяйства ХМНО, то рыбодобыча в округе осуществлялась в пределах сложившихся объемов (130—150 тыс. ц в год). Обработка и переработка рыбы сохраняла традиционные черты. Консервное производство было организовано на Самаровском комбинате. *Среднегодовые объемы выпуска консервов составляли в 1939 г. — 7 400 тыс. банок, в 1940 г. — 3 140 тыс. банок, в 1941 г. — 6 029,2 тыс. банок.*

Второй этап отличался от первого, прежде всего стремлением выполнить производственные задания в условиях начавшейся Отечественной войны, с очевидным стремлением увеличить рыбодобычу. Промысловые виды рыб составляли в водоемах округа три группы: полупроходные, разноводные, пресноводные, распределенные неравномерно на всей протяженности рек и озер. Промысловые виды условно подразделялись на две категории: ценные виды: белая и красная рыба (осетр, стерлядь, муксун, нельма, налим, сосвинская сельдь) и малоценные виды: черная рыба (преимущественно окунь, щука, язь, карась). Объектом интенсивного промысла являлись сорта малоценных пород, составлявших в уловах не менее 70%. В округе использовалось 3 764 рыбных угодья. Для организации лова недоставало необходимых снастей. Не произошло и технических изменений в отрасли. В 1941 г. было добыто 150 551 ц рыбы. Это было больше, чем в 1940 г. на 15 тыс. ц. Однако, несмотря на увеличение добычи, производственный план оказался не выполнен.

Третий этап — ключевой в развитии рыбного хозяйства указанного периода. Принятие Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири...» способствовало вначале созданию Главсибпрома и его трестов, а затем его разукрупнения и формирования Государственного Ханты-Мансийского рыбного треста. Перед Трестом была поставлена задача увеличить добычу рыбы в 2—3 раза. Для этого требовалось освоить новые рыбные угодья, завезти рабочую силу, укрепить отрасль технически. Для округа выполнение поставленных задач можно рассматривать как участие в боевых действиях. «Рыбный» фронт требовал только рыбу. Вся работа округа была подчинена этому, все остальные отрасли производства носили вторичный по отношению к рыбе, характер. Условия для рыбодобычи оставались очень тяжелыми как с точки зрения природно-климатических условий, так и наличия рабочей силы, оснащенности рыбопромыслов орудиями труда, снабжения рыбаков спецодеждой и обувью. Перешли к круглогодичному лову рыбы. **Основная рабочая сила** в округах была представлена труд- и спецпоселенцами, эвакуированными. Общая численность работающих на рыбопромыслах **составляла в максимальном исчислении в среднем в год около 10 тыс. человек. Ханты-Мансийский округ дал стране 1 млн. 111 тыс. 638 ц рыбы.**

* Результаты работы были получены в рамках государственного задания Минобрнауки России № 2014/801.

Добытую рыбу нужно было сохранить, обработать, переработать и отправить. **Технические ресурсы отрасли** оставались весьма слабыми, несмотря на предпринятые попытки их укрепления, выразившиеся в поставке оборудования некоторых эвакуированных предприятий (например, Одесская консервная фабрика). **Обработка и переработка рыбы** осуществлялась на рыбозаводах и консервных предприятиях. Ассортимент рыбной продукции включал четыре основные группы: свежая, соленая, консервы и совсем немного копченой продукции. Из-за преобладания малоценных видов рыб, наиболее целесообразной продукцией из них являлись различные консервы. Пищевая и биологическая ценность отходов рыбопереработки не позволяла ими пренебрегать и подлежала переработке (внутренности, чешая и желчь), как потенциальное сырье для получения кормовой и технической продукции (клей, мука). Рыбоконсервные предприятия национального округа произвели 32 млн. 170 тыс. 200 штук консервов, что составило 70% всех консервов, поступивших на фронт.

Для четвертого этапа было характерно снижение объемов производства рыбы, некоторое ослабление административного давления на ресурсы отрасли, а в связи с реэвакуацией, в отрасли наблюдалось резкое сокращение трудовых ресурсов. План 1945 г. по добыче рыбы был выполнен на 68,5%, было выловлено 170 722 ц рыбы.

За годы Великой Отечественной войны рыболовной промышленности СССР был нанесен значительный урон, который был возмещен в последующие годы, а вот рыбному хозяйству Ханты-Мансийского округа урон был нанесен невосполнимый. Мобилизационный тип экономики, сформировавшийся в СССР обеспечил Победу в тяжелейшей войне, обнаружил свою жизнеспособность, сосредоточив все имевшиеся ресурсы для достижения главной цели — разгрома врага. Вклад рыбаков округа в общее дело Победы очевиден.

Литература

1. Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.): Монография. Рукопись. Нижневартовск, 2014.

Е.А.Васькина

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

БОЛЬНИЦЫ И БОЛЬНИЧНЫЕ ПУНКТЫ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В России вплоть до середины XIX века не существовало единого централизованного органа управления медицинской сферой. Лечебные учреждения и персонал находились в составе разных ведомств: Приказа общественного призрения, городского, инородческого обществ. В Тобольской губернии была создана врачебная управа, которая контролировала учреждения здравоохранения и санитарное состояние городов и сел. Она же выдавала разрешения на открытие медицинских учреждений. Преобладающими постройками в структуре стационарной помощи являлись казарменный и павильонный типы.

Старейшим лечебным учреждением на Севере Западной Сибири была Березовская городская больница казарменного типа, построенная в 1835 году. Содержалась она на средства Приказа общественного призрения, обслуживалась одним врачом, одним фельдшером (он же был и фармацевтом). Первым смотрителем Березовской больницы являлся Максим Кузьмич Первов. В 1907 г. здание сгорело. Восстановить его смогли только лишь к 1916 году.

К концу XIX в. в городе Березов появилась инородческая больница на 40 коек, но здание было старым и ветхим, что подтверждает А.Я.Штернберг — молодой энергичный врач, направленный в Березов в начале 1898 года [2, л. 37]. Именно он и два приезжих врача впервые за все время существования Березовской больницы провели операцию лапаротомии (чревосечения) [8, с. 2]. Стационарное лечение было платным, только инородцев и больных сифилисом обслуживали без оплаты.

Березовский врачебный участок был достаточно обширен, в него входило 6 волостей. Ни в одной из волостей больниц не имелось, работали лишь фельдшеры и акушеры в селах Елизаровское, Кондинское, Со-свинское, Щеркальское. Наибольшее расстояние от населенных пунктов до городского врача достигало 420 верст, наименьшее — 22 версты [5, л. 54].

О больнице в Обдорске упоминается в 1844 г. в дневниках венгерского путешественника А.Регули, и в 1846 г. в письмах финского исследователя М.А.Кастрена. Здесь работали врач, фельдшер и акушерка. Врачебный участок занимал свыше 350 тыс. кв. верст. Ни больниц, ни фельдшерских пунктов за пределами Обдорска не было. Лишь в с.Мужи жил лекарский ученик. Наибольшее расстояние от врача до населенного пункта составляло 1000 верст, наименьшее — 5 верст [5, л. 11]. К 1904 г. ситуация здесь не изменилась [4, л. 22].

В г.Сургуте находилась одна больница для инородцев, находившаяся в ведении городского врача. Оснащение ее было очень скудное, само здание требовало ремонта. При больнице функционировала аптека, снабжавшаяся медикаментами по требовательному каталогу Приказа общественного призрения [1, Л. 29]. Лекарства отпускались за плату, кроме инородцев и сифилитиков. Операционной комнаты не было, но имелся хирургический и анатомический набор, «оба стары и никуда не годны» [1, Л. 29]. Все хозяйственные постройки больницы находились в удовлетворительном состоянии [1, Л. 29]. Содержание больницы, включая аптеку, хирургические инструменты и аппараты составляло 1124 руб. 13 1/4 коп. в год. К 1913 г. на содержание Сургутской инородческой больницы выделялось 2975 руб. [1, Л. 29], Березовской инородческой больницы — 3284 рубля [5, Л. 52].

В Сургутском округе больниц не имелось [1, Л. 52], что подтверждается сведениями местного полицейского управления за 1901 г.: в «уезде ни больниц, ни аптек нет, только фельдшерские пункты» [3, л. 24]. В уезде действовало 4 самостоятельных сельских фельдшерских пункта. Кроватей и приемных покоев при фельдшерских пунктах не было. Врач периодически и по необходимости, летом и зимой выезжал на фельдшерские пункты для ревизии и приема больных [6, Л. 157]. Расстояние от населенных пунктов до городской больницы доходило до 700 верст [6, Л. 157].

Одним из богатейших и известнейших сел края, было Самарово. К 1877 г. там действовала только аптека. По словам Х.М.Лопарева, в Самарово произошло 2 эпидемии холеры: в 1848 г. и в 1892 г. [7, С. 57]. Но только после второго случая, летом 1892 г., было решено построить медицинский барак около паровой пристани [7, С. 102]. Также возводятся «сушильня, прачечная и дезинфекционная камера» [7, С. 103].

К концу XIX — началу XX вв. руководители органов и учреждений здравоохранения начали более серьезно воспринимать проблемы оказания медицинской помощи, повышения качества и доступности медицинских услуг, пропаганде и охране здоровья населения, подготовке квалифицированных врачей, финансирования больниц. Решение вышеназванных и других проблем отражало необходимость реформ в управлении охраной здоровья на Севере Западной Сибири.

Литература

2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее — «ГБУТО ГА в г. Тобольске»). Ф. И-352. Оп. 1. Д. 408.
3. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 445.
4. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 778.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 984.
6. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 1168.
7. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 1830.
8. Лопарев Х. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997.
9. Сибирский листок. 1901. 1 апреля.

В.Н.Зубов

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

ПРИСОЕДИНЕНИЕ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ К РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ 30—50-х гг. XX в. (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ Л.Е.ВЕРЕИНА)

В 1552 и 1556 гг. к России были присоединены Казань и Астрахань. Успехи внешней политики неофициального околоправительственного кружка сподвижников Ивана Грозного («Избранной Рады») в Поволжье обратили на себя внимание «пропагандистской машины» И.В.Сталина, что проявилось в формировании отечественной историографией 30—50-х гг. XX века набора идеологем [1, С. 396—416; 8]. В данной работе представлена попытка персонифицированного изучения роли и места отдельного историка в русле указанного процесса.

Л.Е.Вереин (который работал в вузах Астрахани, преподавал политэкономии, защитил в 1947 г. кандидатскую диссертацию, с этого времени и по 1966 г. являлся заведующим и доцентом кафедры марксизма-ленинизма в медицинском институте Астрахани) в 1958 г. издал брошюру «Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству. Начало строительства русской, по словам автора «Астрахани», очевидно, приуроченную к юбилею города: 400 лет назад «в низовьях Волги была построена небольшая русская крепость, обнесенная деревянным тыном». В данной работе представлено развитие Астрахани в XV — начале XVII вв. [3, С. 2].

Л.Е.Вереин основывается на общепринятых идеологических конструкциях современной ему историографии, апеллируя при этом к работам К.Маркса и В.И.Ленина. По мнению Л.Е.Вереина, «Русское централизованное государство на феодальной основе сложилось в конце XV в., а русская монархия с сословным представительством сложилась в России в середине XVI в. в период правления Ивана IV Грозного. В эти же годы Русское государство с включением в его орбиту народов Севера и Востока превращается в многонациональное» [3, С. 6].

Ссылаясь на В.И.Ленина, историк пишет о том, что «к концу XVI в. процесс экономической консолидации русской народности еще не был закончен. Национального государства как такового не существовало. Предстояла еще длительная борьба с пережитками и большими остатками феодальной раздробленности, политическим выразителем которой было русское боярство» [3, С. 6].

Отражением незавершенности строительства русского национального государства Л.Е.Вереин считает то, что оно «к началу XVI в. оказалось в неблагоприятной международной обстановке... было отрезано от южных и западных морей». Соответственно, по мнению историка, к середине XVI столетия перед российской внешней политикой стояли такие задачи, как «борьба с набегами татарских ханов, укрепление от них южных и восточных границ, оборона этих границ. Предстояла борьба за возвращение в состав русского государства отторгнутых ранее Польшей и Литвой русских земель, борьба против Ливонского ордена — стародавнего врага народов Прибалтики и славян» [3, С. 6]. Л.Е.Вереин повторяет тезис С.В.Бахрушина о русском и антирусском лагерях среди элиты татар, возводя, однако, это явление ко временам Золотой Орды.

Л.Е.Вереин указывает на то, что «Астраханское ханство к началу 50 годов шестнадцатого века было одним из наиболее слабых татарских ханств. Оно по существу не было даже самостоятельным. Частые набеги еще более его обессиливали. В Астрахани правили часто те, кого сажали на престол победители. С падением Казани и присоединением Казанского ханства к русскому государству в Астрахани особенно активизируется при поддержке Турции крымская политика, рассчитанная на присоединение Астраханского ханства к Крыму» [3, С. 9].

Историк впервые в историографии отмечает, что «господство как Крыма, так и ногаев подрывало экономику Астраханского ханства». Этим он подчеркивает естественность образования промосковской партии в составе местной элиты: «Частые набеги крымских татар, вытеснение астраханских татар ногаями с лучших земель вынудили астраханских татарских князей искать защиты у Москвы ... образовалась прогрессивная группа татарской знати, искавшей выхода из междоусобиц, погромных набегов в союзе с Москвой» [3, С. 14]. Историк особо делает акцент на то, что подобного союза искали «ногайские мурзы в лице Измаила ... и некоторые народы Северного Кавказа». Подкрепляет это заключение историк так: «Их заставляла делать это агрессия со стороны Турции, Крыма и Ирана... Народы Кавказа видели в лице России защитника и покровителя торговли, центром которой для народов Северного Кавказа была Астрахань» [3, С. 15]. Из этого можно сделать вывод о том, что Л.Е. Вереин солидарен с основополагающими идеями, изложенными в трудах Е.Н.Кушевой и М.В.Фехнер [5—7]. Но при этом он пытается дополнить их противоречивым, но крайне современным для историографии того времени тезисом о том, что «в Нижнем Поволжье и на всем Юго-Востоке Россия находила поддержку народных масс». Периодическое похолодание в отношениях между Москвой и Астраханью он связывает не только с деятельностью крымского хана, но и турецкого султана [3, С. 17].

Л.Е. Вереин пишет о временном потеплении этих отношений при Ямгурчее в 1551 г., что выразилось в отправке русского посла С. Авраамова в Астрахань. Историк отмечает, что ногайский князь Исмаил давно «лелеял мысль о захвате Астрахани, но за отсутствием собственных военных сил решил захватить ее при помощи русских войск» [3, С. 18]. Традиционно Л.Е.Вереин указывает на то, что преемником Ямгурчя Москва видела в Астрахани Дервиш-Али. Историк особо указывает на то, что, как осознавало русское правительство, «Астрахань стала яблоком раздора между татарскими ханствами», а это «мешало Сулейману Великолепному создать единый татарский союз против Москвы», почему «междоусобица татарских ханов может быть использована для более самостоятельной внешней политики в отношении Нижнего Поволжья» [3, С. 19]. Именно этим объясняет историк миссию Тургенева в Ногайскую Орду, а вовсе не попыткой добиться изоляции Казани накануне ее «взятия», да и то, что на переговорах в 1552 г. в Москве «на просьбу Дервиша об оказании ему помощи в возврате Астраханского ханства он получил ответ, что необходимо повременить... как только представится удобный случай, он с русскими войсками будет направлен для завоевания Астрахани, а пока его пожаловали Звенигородом». При этом указывается, что Москва выполнила данное обещание уже после «Казанского взятия» [3, С. 19]. Вдобавок историк пишет о том, что тогда же Исмаилу было сообщено о согласии русского правительства на совместный поход на Астрахань: «Намечен был план совместного похода, по которому русские войска с Дервишем Али должны были отправиться к Астрахани водой и встретиться с конницей мурзы Измаила у Переволоки» [3, С. 20].

Историк обращает внимание на колебания Исмаила. Ученый указывает на вынужденность отправки Москвой небольшого корпуса для захвата Астрахани в 1554 г.: «Ямгурчей после присоединения Казани все же вошел в союз с Крымом», а «восстания на Средней Волге и постоянная угроза со стороны Крыма не дали возможности послать большую армию». Исследователь утверждает, что Москва изначально не планировала

отдавать Астрахань Исмаилу. Историк связывает с «астраханским взятием 1554 г.» последующее разрешение «мурзе Измаилу ... в течение трех лет беспошлинно торговать в Москве» [3, С. 21].

Естественно, Л.Е.Вереин подробно освещает астраханское взятие, как он считает, осуществленное сборным войском из дворян, детей боярских, стрельцов, а также казаков (под командованием атамана Ф.Павлова) и вятичей (под предводительством князя Вяземского) во главе с Ю.И.Пронским-Шемякой, причем без поддержки ногайского князя Исмаила. Историк отмечает, что «Астраханское взятие» произошло без боя, носам Ямгурчей до подхода московских войск сумел воспользоваться их задержкой и бежать на Терек. Историк замечает, что среди захваченных вместе с ханским гаремом «было много татарского духовенства, которое также признало власть Дервиша Али» [3, С. 20].

Последний, по указанию историка, «при всех» дал присягу русскому царю, обещая «собирать и отправлять в Москву ежегодную дань в размере сорока тысяч алтын и трех тысяч рыб... Все русские пленные возвращались на родину... решался вопрос о правах рыболовства русских в пределах Астраханского ханства... «безданно и явочно» на равных правах с татарским населением». Историк явно поторопился, заявив, что «Астраханское ханство теперь находилось в полной зависимости от русского государства». Правда, он поясняет, что «Дервиш Али не получил права престолонаследия и в случае его смерти хан назначался по усмотрению русского правительства» [3, С. 21]. Историк указывает на то, что представителями Москвы в Казани стали воевода П.Тургенев и атаман Ф.Павлов с отрядом казаков.

В представлении Л.Е.Вереина полное присоединение Нижнего Поволжья к России произошло в 1556 г, опять-таки «без боя». Историк отмечает, что недолгое правление Дервиш-Али связано с тем, что тот перешел на сторону Крыма после того, как вероломно расправился со своими противниками в борьбе за астраханский престол: «Дервиш Али уничтожил своего противника Ямгурчю и вынудил Измаила к бегству далеко за пределы Астраханского ханства». При этом Л.Е.Вереин отмечает, что Ямгурчей собрал разнородную коалицию «из крымцев, турецких янычар и небольшого отряда, возглавляемого изгнанными из Шийдяковской Орды детьми Юсуфа». Историк сообщает, что в низовья Волги дополнительно из Москвы был послан отряд «на помощь Тургеневу и Павлову ... под командованием Григория Кафтырева» [3, С. 22].

Л.Е.Вереин признавал своеобразие позиции Москвы по отношению к Дервиш-Али, которая заключалась в том, что «не имея должных вооруженных сил в низовьях Волги, в Москве решили выйти из конфликта мирно. Было объявлено о неизбежности власти Дервиша, на год была снята дань, в Астрахань возвращены пленные жены астраханской знати». Историк подчеркивает, что именно из-за решительной позиции ногайского князя Исмаила состоялось окончательное присоединение Астраханского ханства к Москве в ходе «второго взятия» города в 1556 г. русскими войсками под командованием И.Черемисинова. Историк подчеркивает, что вначале вступили в бой с силами Дервиш-Али казаки, и, едва ли не впервые в советской историографии прямо пишет о том, что «население — простолудины — черные люди, говорит летопись, добровольно признали необходимость присоединения к Русскому государству». При этом Л.Е.Вереин единственный раз позволяет себе не просто сослаться на мнение ученого, а привести и название работы Е.П.Карновича «Покорение царства Астраханского». Историк заимствует из этой работы обширную цитату, при этом не оговаривая, что Карнович — дореволюционный исследователь [3, С. 23].

Л.Е.Вереин не только указывает на то, что «к осени 1557 года и закончилось существование Астраханского ханства», но и прямо заявляет: «... народы Нижней Волги — ногаи и астраханские татары, мирно присоединились к Русскому государству», более того, «присоединение Казани и Астрахани и ряда приволжских народов, совместно с русским народом боровшихся с крымско-турецкими феодалами, является большим успехом внешней политики русского государства», а «у русского населения, прибывшего на поселение, а новый край, вскоре устанавливаются добрососедские отношения с коренным населением...» [3, С. 24]. Обоснование необходимости строительства русской Астрахани как крепости историк видит и в крымской опасности, и в набегах с Северного Кавказа.

Именно отдаленностью края, слабым развитием сообщения с Москвой из-за «действий» не только крымцев и ногаев, но и казаков, историк объясняет то, что первый воевода Астрахани И. Черемисин получал лишь самые общие инструкции: «распоряжения из Москвы сводились к тому, «чтобы жили себе бережно» и незамедлительно сообщали в Москву о всем происходящем в крае и по его соседству, «без вести не держали».

Историк отмечает, что «для управления Астраханским краем было организовано в Москве высшее правительственное учреждение, ведавшее делами казанскими и астраханскими, — «Казанская изба», правда, не приводя дату возникновения этого органа управления.

Ссылаясь на Ключаревскую летопись, Л.Е.Вереин указывает, что «строительство новой крепости началось весной 1557 года, и к 1558 году новая крепость была готова». Именно поэтому 1558 г. для историка — это время становления «русской Астрахани» [3, С. 26].

Л.Е.Вереин привлекает свидетельство английского дипломата А.Дженкинсона для описания начального этапа существования русской Астрахани. Со строительством русской крепости, по мнению историка, не только «стали прибывать купцы из Шемахи, Дербента, Тюменя и других городов Кавказа и Средней Азии», но и «потянулись через Астрахань посольства от народов Северного Кавказа — Кабарды, пятигорских черкесов и других, что способствовало мирному присоединению некоторой части народов Северного Кавказа к русскому государству» [3, С. 26].

Тяготение Исмала к Москве в 1558 г. Л.Е.Вереин связывает с наступившим у ногаев голодом. Именно желанием сохранить дружбу с Исмалом ученый объясняет замену И.Черемисинова И.Г.Выродковым на посту астраханского воеводы. Историк считает причиной этой замены практику укрывательства в Астрахани беглых из Ногайской Орды, а не, например, переход к оборонительной политике. При этом не указывается на роль талантливого дьяка в истории русского Поволжья. Недовольство Исмала, а не, например, падение «Избранной Рады», историку кажется главной причиной отстранения И.Выродкова и передачи функций астраханского воеводы его заместителям И. Заболоцкому и Г.Злобину. К лету 1561 года воеводой в Астрахань был назначен князь Ф.В.Сисеев [3, С. 27—28].

Прогрессивное значение интеграции Поволжья в состав Московского государства, по мнению историка, заключается главным образом в том, что «в русской торговле» основное место «...принадлежало вывозу товаров русского происхождения и ввозу товаров иностранного производства... Астрахань в ввозе и вывозе товаров с Востока и на Восток занимала одно из первых мест». Историк акцентирует внимание на том, что Астрахань сделалась центром торговли европейцев с Востоком: «В 50-х годах XVI века через Россию в Персию ездили итальянские купцы. Права транзитной торговли с восточными странами от России добывались и купцы шведские. Наиболее удачно развивалась транзитная торговля с Востоком у английских купцов. Они завязали торговые сношения с Ираном. Торговые отношения с Ираном у них установились в результате путешествия Дженкинсона. Английские купцы от транзитной торговли «Московской компании» с Ираном получали большие доходы. Это заставило русское правительство отменить беспошлинность торговли и была установлена обязательная уплата половинной пошлины при проезде через Казань и Астрахань» [3, С. 36].

Таким образом, Л.В.Вереин развивает концептуальные выводы «сталинской» историографии включения Среднего и Нижнего Поволжья в состав России, привлекая фактические данные, собранные еще в дореволюционной исторической науке, в основном используя выводы из книг современников, особенно положения Е.Н.Кушевой и С.В.Бахрушина [2; С. 4].

Литература

1. Анчабадзе Ю.Д. Е.Н.Кушева и русское кавказоведение XX века // Русско-чеченские отношения второй половины XVI—XVII вв.: Сб. док. / Сост. Н.Кушева. М., 1997.
2. Бахрушин С.В. Расширение русского государства при Иване IV // Пропагандист. 1939. № 1.
3. Вереин Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству: Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958.
4. Вишпер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922; Ташкент, 1942; М., 1944.
5. Кушева Е.Н. Северный Кавказ и международные отношения XVI—XVII вв. (Обзор материалов русских архивов) // Исторический журнал. 1943. № 1.
6. Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // Исторические записки. М., 1950. Т. 34.
7. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVII веке. М., 1952.
8. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

Г.А.Кообар

г.Омск

*Омский государственный университет
путей сообщения*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В 1891 году началось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Эта стройка, а после и начавшая функционировать железная дорога, полностью изменили лицо огромного региона. Историки отмечают, что именно строительство Транссиба положило на рубеже XIX—XX веков начало капиталистической модернизации Сибири [8, С. 201].

Начавшийся процесс, прежде всего, привел к масштабным экономическим переменам (развитие производства, торговли, инфраструктуры, появление новых отраслей промышленности), но а как следствие, стремительно стало меняться и социокультурное пространство края (появляются новые социальные группы и профессии, растет население городов, меняется городское пространство и т.д.).

Между тем, непосредственный контакт железной дороги и общества происходит именно в момент реализации железной дорогой своего главного предназначения — оказания транспортной услуги. Для успешного осуществления этой миссии создается целый комплекс условий, организация которых носит название «сервисного обслуживания». Железнодорожный сервис становится тем механизмом, с помощью которого железная дорога оказывает непосредственное влияние на модернизацию окружающего пространства.

Так, одним из элементов начавшейся модернизации стала демократизация общественных отношений. Как известно, в процессе модернизации устоявшиеся и замкнутые сословные группы традиционного общества размываются, начинается постепенный переход к бессословному обществу, разделенному по формальным признакам, к обществу равных прав и возможностей. На транспорте этому переходу способствовала возможность клиентов оплачивать сервис разного уровня, получать разные по широте и детализации наборы услуг, предусматривающие использование разного оборудования и материалов. При этом доступ к сервису осуществлялся не на основании социального статуса пассажира, а на основании его платежеспособности. Эта возможность осуществлялась в ходе реализации принципа классности [1, С. 191].

Прежде всего, этот принцип проявлялся в разделении вагонного парка Сибирской железной дороги на четыре класса: в наличии имелись вагоны I, II, III и IV классов. Они отличались друг от друга степенью комфорта и обустройства, уровнем обслуживания и качеством используемых материалов.

Вагоны I—II класса отличались особым комфортом и тщательной отделкой. Например, на Парижской выstavке 1900 было представлено два вагона, предназначенных для Сибирской железной дороги. В вагоне-салоне № 724 имелось купе с ванной и купе для гимнастики (в нем был установлен диковинный по тем временам аппарат: велотренажер — это был велосипед, в котором езда заменялась вращением педалей, при этом вводилось желаемое сопротивление, а счетчик указывал число пройденных километров) [6, С. 55]. Пассажиры подобных вагонов также имели возможность пользоваться библиотекой, бильярдной, салоном. Во внутреннем убранстве использовались дорогие и благородные материалы: красное дерево, позолота, бархат. Доступ в вагоны первого класса имели все, у кого была материальная возможность оплатить подобный сервис.

Наиболее распространенными были вагоны III и IV классов. В вагонах III класса купе отсутствовали, спальные места были двухъярусными с верхними багажными полками. Внутреннее убранство тоже отличалось большей скромностью [9, С. 122]. Вагоны же IV класса представляли собой тип самого распространенного на Сибирской железной дороге вагона и были задействованы в местных перевозках [3, С. 35].

Вагоны первых трех классов были снабжены дверьми, окнами в обеих продольных стенах, вентиляционными аппаратами и подножками с поручнями для входа. Внутри устраивались сидения для пассажиров и приспособления для ручного багажа. Вдоль каждого вагона имелся сквозной проход. Обязательно имелось отхожее место и приспособления к освещению внутри. Если вагон предназначался для перевозки пассажиров в холодное время, то он был обеспечен приборами отопления [9, С. 123]. Вагоны IV класса тоже были оборудованы неплохо — в них были предусмотрены окна, вентиляция и освещение, но спальных и багажных мест в них не было, местами для сидения служили установленные вдоль вагона узкие деревянные скамьи [11, С. 553]. Иногда под пассажирские вагоны этого класса использовались переоборудованные крытые товарные вагоны. Предоставлялись они, главным образом, артелям рабочих числом 40 и более человек, едущих совместно от станции отправления до станции назначения. Как правило, эти рабочие ехали на крупные строительные объекты (в первую очередь на строительство самой Сибирской железной дороги), на уборку хлеба и т.д. [3, С. 35].

Пассажирский поезд обычно составлялся из вагонов разных типов и классов — это делалось для того, чтобы удовлетворить запросы всех групп пассажиров. Для обслуживания пассажирского движения на Сибирской железной дороге к 1910 году имелись: одна пара скорых поездов № 1 и 2 следующих три раза в неделю; одна пара пассажирских поездов № 5 и 6; одна пара почтово-пассажирских поездов № 3 и 4; одна пара товаропассажирских поездов № 11 и 12; одна пара переселенческих поездов № 21 и 22 (в которых в период ослабления переселенческого движения, а так же в случаях не занятия таковых переселенцами полностью перевозились пассажиры IV класса) [4, С. 148].

Реализацию принципа классности можно также увидеть и на примере организации процесса питания на Сибирской железной дороге. Этому вопросу уделялось большое внимание, так как вагоны первых трех классов находились в непрерывном движении с поездами не менее 5 суток и «представляли для пассажиров как — бы временную квартиру». Управление железной дороги осознанно ставило перед собой цель «облегчить пассажирам и без того трудный 3 000 верстный переезд по Сибирской железной дороге» [Там же, С. 150].

Организация питания пассажиров в поездах прямого сообщения происходила преимущественно в специально отведенных для этого вагонах-ресторанах или, как их тогда часто называли вагонах-буфетах. Эти вагоны принадлежали железным дорогам и сдавались на откуп частным подрядчикам. Управление железной дороги подписывало с арендатором договор установленного образца. Буфетосодержатель брал на себя обязательства «содержать буфет не хуже самого хорошего ресторана» [5, Д. 623. Л. 15]. Оговаривались все мельчайшие подробности и детали: от списка продуктов до правил поведения обслуживающего персонала. Для пассажиров первого класса питание в таком ресторане во время поездки могло обходиться примерно по пять рублей в день [10, С. 397]. Помимо вполне демократичных продуктов (сыр, масло, разнообразные хлебобулочные изделия) состоятельные пассажиры могли заказать омаров, куропаток, зернистую и паюсную икру [5, Д. 623. Л. 15—26].

В сентябре 1913 года появились правила регламентирующие поведение публики в вагонах-ресторанах. Пассажир мог обедать по личному желанию отдельно, или вместе с остальными пассажирами, в том случае, если обед или завтрак были предусмотрены общие. Общие обед или завтрак производились согласно записи в очередь, а преимущество первой записи принадлежало тем пассажирам, которые едут I или II классом [11, С. 437].

Естественно, что питание в вагоне-ресторане могли себе позволить далеко не все пассажиры поезда. По причине большой протяженности Сибирской железной дороги и значительных расстояний между станциями, для пассажиров низших классов в поездах так же организовывались буфеты. Меню в них было скромнее, владельцы обязывались содержать их в чистоте, порядке и исправности («чтобы стены не были загрязнены, пол во всех помещениях часто подметался») [5, Д. 623. Л. 15]. Для пассажиров III класса устраивались «здоровые обеды по дешевым ценам». Что касается пассажиров IV класса, то они в пути находились, как правило, недолго и поэтому и решать проблему их питания Управление железной дороги не считало необходимым. Хотя, конечно, как и все другие пассажиры, они могли воспользоваться пристанционными буфетами или приобрести готовую пищу у торгующих на перроне окрестных жителей [11, С. 470].

Социальный состав пассажиров Сибирской железной дороги был достаточно пестрым. Именно благодаря реализации принципа классности в одном вагоне могли находиться представители разных сословий. Особенно демократичными были вагоны III класса. «Дамы с детьми, дамы с картонками, франтоватые коммивояжеры, претендующие на франтовство рабочие, дорожные купцы, окруженные бесчисленными чемоданами, деревенские мужики без малейших признаков багажа» — так описывал на страницах газеты «Омский вестник» типичную публику вагона данного класса современник [7]. Пассажиры I и II классов были, конечно, в социальном отношении более однородной публикой, но и среди них помимо представителей традиционных для Российской империи привилегированных сословий появляются разбогатевшие выходцы из других социальных групп. Сближали же пассажиров всех этих классов долгое нахождение в пути, общее пространство, выполнение обязательных для всех норм и правил поведения.

Таким образом, можно говорить о том, что принцип классности удовлетворял потребности самых разных социальных групп, стирал между ними границу и как следствие ускорял процесс демократизации общественных отношений.

Литература

1. Аванесова Г.А. Сервисная деятельность: историческая и современная практика, предпринимательство, менеджмент. М., 2004.
2. Акмолинские областные ведомости. 1898. № 17.
3. Вековой путь на службе отечеству. Страницы истории Западно-Сибирской железной дороги / Под ред. В.И.Старостенко. Новосибирск, 2001.
4. Высочайше учрежденная особая Высшая комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. Выпуск LXIX. Материалы по обследованию железных дорог. Сибирская железная дорога. СПб., 1912.
5. ГАТО. Ф. 215. Оп. 1. Д. 623.
6. Георгиевский В. Вагоны на Парижской всемирной выставке 1900 года // Инженер. 1901. № 2. С. 234—242.
7. Омский вестник. 1910. № 162.
8. Очерки истории города Омска. Т. 1. Дореволюционный Омск / Под ред. А.П.Толочко. Омск., 1997.
9. Правила технической эксплуатации железных дорог, открытых для общего пользования. МПС, Омская железная дорога. Омск, 1913.
10. Саблер С.В., Сосновский М.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк. К десятилетию Комитета Сибирской железной дороги (1893—1903). СПб., 1903.
11. Сборник, относящихся к железным дорогам узаконений или распоряжений. Ч. I. Общий устав российских железных дорог с изданными в его изменение и развитие по 1 ноября 1917 года постановлениями, правилами и распоряжениями. Петроград, 1917.

Н.В.Сапожникова

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный университет

«УГЛЕВОДОРОДНАЯ СТРАТЕГИЯ» РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ И НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 2008—2013 гг.

«Лихое пятилетие» 2007—2011 гг. стало по-настоящему *ключевым моментом* поиска экономическими контрагентами стран, континентов, регионов, промышленных консорциумов и бизнес-трейдеров — выхода из странно затяжного «валютящего» кризисного состояния экономики, ориентированной преимущественно на сырьевой характер развития. Поэтому неслучайно на международном «гайдаровском» форуме-2011 «локомотивами» экономического роста 2000-х гг. и были названы сырьевой сектор и «неторгуемые» отрасли (строительство и торговля, не зависящие от внешней конкуренции) при хроническом отставании обрабатывающей промышленности и слаборазвитой инфраструктуре.

Опыт ведущих нефтедобывающих западных стран убедительно доказал, что наличие крупных запасов нефти и газа могут выступать конкурентным преимуществом при условии осуществления государством сбалансированной стратегии экономического развития [1]. В отношении России с ее «топливно-сырьевыми стратегическими рисками» в предлагаемых конкретно-исторических условиях нужны политическая воля правящей элиты и продуманное экономическое проектирование более эффективного варианта использования накопленных и создаваемых рентных доходов с их не только экономико-правовой, но и *этико-нравственной составляющими*.

С другой стороны, специфика структурно-хозяйственного «обустройства» России и «своеобразие» «экономически сырьевой» доктринальной «логики» доказывают исторически сложившуюся принадлежность страны к самостоятельному архетипу цивилизации Севера в его «со» и «противопоставлении» с Востоком и Западом. Причем не столько с точки зрения наличия уникальных природных богатств и способов их освоения, сколько — *ретрансляции социально-экономических перспектив в будущее, а именно — понимания важности преодоления сырьевого характера экономики страны с ее рентной моделью и возможным выходом на новые для страны амбивалентные, т.е. порой диаметрально противоположные, но развивающиеся параллельно модели регионального развития* при грамотно выстроенной общенациональной стратегии развития. Примерно так, как это существует в ряде развитых стран: во Франции с ее «Региональным планом социально-экономического развития и устройства территорий»; Германии — «Федеральной программой организации пространства»; Японии — «Планом всестороннего развития территории страны» [2].

В комплексную оценку результативности современной экономической деятельности России включены итоговые индексы ее развития на разных управленческих уровнях — федеральном, региональном и муниципальном (местном) [3]. Причем, начиная с 2008 г. российские регионы первыми ощутили на себе массивную тяжесть мировой кризисной симптоматики с наступлением нового этапа «переустройства» товарного хозяйства и «корректировок мирового экономического пространства». Хотя, по мнению американского экономиста С.Грина, экономический спад в нашей стране начался задолго до ощутимых последствий мирового экономического кризиса 2007—2008 гг. В результате внутриэкономических проблем с металлургической кампанией «Мичел» в июле—августе 2008 г., войны с Грузией, обвалом курса акций с мая 2008 г. — по январь 2009 г. с пиковой величиной падения в 55% от своего максимума, степень диверсификации рынка уменьшилась, а отток капитала из страны стал поистине крупномасштабным с показательной резкой девальвацией рубля, потерявшего против доллара 57% своей стоимости [4].

Затратив почти треть инвалютных резервов, ЦБ удержал рубль под контролем, сведя уже к середине того же 2009 г. девальвационные потери рубля до 35%. По мере роста нефтяных цен финансовые резервы постепенно восстанавливались и темпы роста инфляции ослабли. Согласно официальной статистики, выпуск промышленной продукции на первый квартал 2009 г. упал на 14,9% в годовом исчислении. Уровень безработицы в середине 2009 г., учитывая региональные особенности, варьировался в пределах 10—14% численности экономически активного населения [5].

Российская экономическая модель отличается традиционно высокой территориальной концентрацией. Так, на Москву в 2008 г. приходилось 24,6% суммарного валового регионального продукта (ВРП), а доходы москвичей и бюджет столицы составляли 20% от доходов всего населения и бюджетов всех регионов России при семипроцентном удельном весе столицы в численности населения. Москва вместе с Тюменской областью в 2008 г. давали 33,8% суммарного ВРП, а 10 крупнейших регионов — 57% ВРП.

Правда, Россия в этом плане не исключение. Заметное региональное неравенство имеет место как в ЕС, так и странах «догоняющего» развития — Китае и Бразилии. Но последствия подобной «концентрации» исключительно серьезны именно для российской экономической архитектоники, давая о себе знать также на всех уровнях [6]. Поэтому проблема поддержания оптимальных пропорций между регионами является по существу центральной и относится к числу сложнейших *макроэкономических задач* как в индустриальных, так и трансформационных экономиках, особенно таких, как российская. В свою очередь, *исторически сложившаяся неоднородность территорий* оказывает парадоксальное влияние *напрямую* на эволюцию государственного устройства, структуру и эффективность экономики, стратегию и тактику институциональных преобразований и социально-экономическую политику России в целом [7].

«Изначальный традиционализм» экономической модели развития *нефтеносного Нижневартковского региона* «органично вписался» в контекст мирового экономического «реформатирования» (точнее, очередного топливно-энергетического передела мира) еще с середины 80-х гг. XX в., пришедшегося на зарождение так называемой «повышательной фазы» 5-го большого гиперцикла мировой экономической конъюнктуры, продолжавшегося почти двадцать лет — с 1990 по 2008 гг. и предсказанного еще в 1920-е гг. великим русским экономистом Николаем Дмитриевичем Кондратьевым [8].

Данные Росстата позволяют проследить динамику движения иностранных инвестиций в период 2007—2011 гг., недвусмысленно свидетельствуя о серьезных деформационных процессах в российской экономике и политике. Так, в 2008 г. при 27-ми миллиардных поступлениях прямых иностранных инвестиций отток капитала из страны выразился в скандальной сумме почти в 134 млрд. долл. Только за 1-й квартал 2012 г. чистый отток капитала из России превысил 35 млрд. долларов [9]:

Года	Прямые иностранные инвестиции (млрд. долл.)	Чистый приток / отток капитала (млрд. долл.)
2007	27,8	81,7
2008	27	-133,9
2009	15,9	-56,9
2010	13,8	-38,3
2011	18,4	-84,2

Поэтому естественно, основная степень инвестиционной тяжести неизбежно оказалась на плечах нефтедобывающих регионов страны (прежде всего такого, как Нижневартовский), вынужденных решать огромный конгломерат социально-экономических проблем с «выживанием» в условиях отнюдь не рыночной модели экономики, решая по существу государственные проблемы формирования госбюджета и пытаясь сохранить основные сектора региональной экономики, равно как и уровень жизни населения.

Нижневартовский район, как известно, «формирует» значительную «нефтяную» долю общероссийского бюджета, добывая в округе треть нефтяных богатств. Но сегодня встают принципиально новые задачи, как об этом и было заявлено новым губернатором Н.В.Комаровой на открытой пресс-конференции 2 декабря 2012 г. По данным Росстата, наивысшие пики роста «российского» ВВП в 2008 и 2011 гг., составившие около 200% к уровню ВВП 1999 г., синхронно совпадали с ценовым максимумом за баррель нефти — соответственно 100 и более 100 долл. При этом структура доходов населения за этот период видоизменялась в сторону уменьшения доходов от собственности и предпринимательской деятельности (с 18,4% в 2008 г. до 15,3% 2011 г.) и понижении оплаты труда (с 68,4% до 66,2%) при росте социальных выплат как своеобразного социоамортизатора (13,2% против 18,5% в 2011 г.) [10].

Нижневартовский район, как нефтяной форпост, вновь стоит перед перспективой определения собственного будущего, поскольку в последние годы добыча нефти в Югре падает из-за истощенности старых месторождений. Конкурентом становится Восточная Сибирь, где за период 2008—2010 гг. были введены несколько крупных месторождений. К тому же «инновационно-технологический» и «демпинговый прорыв» США с нашумевшей «сланцевой революцией» и «бросовыми» ценами на нефть и газ (в 4 раза дешевле российских) позволил американским компаниям добывать ранее считавшиеся неперспективными сланцевый газ и сланцевую нефть, что поставило под вопрос судьбу ряда серьезных российских проектов последних лет, бросив очередной технологический вызов нашей стране по разработке трудноизвлекаемого сырья [11]. И станет ли Югра Северной Дакотой с перспективами роста или стагнации — на этот вопрос пытался ответить обсуждаемый Стратегический проект развития Югории до 2030 г.

Позиция руководства Нижневартовского района заключалась в комплексном взаимодействии между хозяйствующими субъектами, муниципальными образованияами в границах района, контроле использования земель и местных природных ресурсов, экологическом контроле, создании условий для участия бизнеса в решении социальных проблем района, помощи в предоставлении рабочих мест жителям района и формировании инвестиционных ресурсов для развития территории. Начало реализации утвержденной решением Думы Нижневартовского района от 14.05.2008 г. «Комплексной программы социально-экономического развития Нижневартовского района на 2007—2017 гг.» как раз совпало с мировым экономическим кризисом и ростом инфляции 2008 г. до 13%.

Несмотря на общее снижение объемов добычи углеводородного сырья, объемы оказываемых услуг в нефтедобывающей отрасли района выросли в 1,5 раза, а сама добывающая отрасль в структуре промышленного производства составила 93,6%. Районными предприятиями было добыто 13,7 млн. тонн нефти (97,4% к уровню 2011 г.); газа естественного (без учета потерь и сжигаемого на факельных установках) — 1,2 млрд. куб. м, что на 10,1% больше чем в январе—сентябре 2011 года. Индекс промышленного производства только за девять месяцев 2012 г. сложился на уровне 111,6% по сравнению со всем 2011 г. с его 97% роста.

На месторождениях, расположенных на территории района, осуществляли производственную деятельность хозяйствующие субъекты, входившие в структуры 7 крупнейших вертикально-интегрированных компаний России, а также часть независимых производителей. По данным Департамента по недропользованию Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, за 9 месяцев 2012 года добыча нефти составила 48,0 млн. тонн (96,2% к объемам добычи аналогичного периода 2011 года); газа 9,4 млрд. куб.м. (106% к показателю 9 месяцев 2011 г.). Социально-экономическая стабильность района находилась в прямой зависимости от результатов их деятельности и тех форм сотрудничества с районной властью, которые помогли нефтяным гигантам, вести, действительно, *социально-ответственный бизнес*.

Разрабатываемые в последние годы комплексные программы и подпрограммы развития экономики района охватывают масштабный перечень проблем, требующих своего первоочередного решения. С 6 июня 2012 г. стартовал процесс общественного обсуждения «пилотного проекта» «Стратегии социально-экономического развития ХМАО — Югры до 2020 года и на период до 2030 г.».

Литература

1. Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике: Сб. ст. СПб., 2009. С. 100, 201, 314.
2. Боброва Е.Ф. Состояние и перспективы трансформации современной специализации регионов России. Ставрополь, 2011. С. 20—25; Антикризисная политика России. Сводный реферат. М., 2011. Ч. 2. С. 1—2.
3. Очкин О.А., Сухорукова Т.А. Современная оценка результатов экономической деятельности Российской Федерации. Ростов н/Д, 2011. С. 10—15.
4. См.: Антикризисная политика России. С. 1—2.
5. Там же.
6. Факторы устойчивого развития регионов России (Центр развития научного сотрудничества) / Под общ. ред. С.С.Чернова Новосибирск, 2011. С. 100—103.
7. См.: Боброва Е.Ф. Указ. соч. С. 35.
8. Кондратьев Н.Д. (1892—1938) посмертно был признан западной наукой гениальным русским ученым, заложившим основания к открытию фундаментальных законов цикличной множественности мирового экономического развития, получивших всемирное признание и названных «большими кондратьевскими циклами мировой конъюнктуры». Работы Н.Д.Кондратьева стали теоретико-прикладной основой для появления ряда научных школ, в частности, Йозефа Алоиза Шумпетера (1883—1950), получившего Нобелевскую Премию за открытие им т.н. «малых волн конъюнктуры».
9. Текущий курс. Разбор полетов // Деньги. 2012. № 18 (875). С. 12, 14.
10. Там же. С. 13.
11. РИА Рейтинг. Новости Приобья. 2012. 22 ноября. № 130 (4014).

Я.Г.Солодкин

г. Нижневартовск

Нижневартровский государственный университет

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОВОГО ЛЕТОПИСЦА СТАРШЕЙ РЕДАКЦИИ*

Среди десятков летописных памятников XVII в. одно из центральных мест занимает появившийся в конце 1620-х гг. в официальных кругах Новый летописец (далее — НЛ). Многие вопросы его творческой истории остаются дискуссионными не одно десятилетие, хотя служили предметом более или менее тщательного рассмотрения в трудах С.Ф.Платонова, Л.В.Черепнина, В.И.Корецкого, В.Д.Назарова, А.М.Зотова, В.Г.Вовиной-Лебедевой.

По убеждению Л.В.Чекурина, НЛ получил такое название потому, что «берет свое начало не от сотворения мира, как обычно, а с новой династии», и от того, что ей «предшествовало после того, как старая династия Рюриковичей трагически пресеклась», к тому же в этой летописи налицо «переход от погодного к проблемному, тематическому изложению» [1]. Однако НЛ открывается повествованием о событиях не 1598 г., а конца царствования Ивана Грозного; вряд ли стоит говорить и о трагическом пресечении династии, появившейся еще в Киевской Руси. К XVII в. многие летописи уже не начинались рассказом о сотворении мира, а отражали события лишь последних десятилетий. В НЛ, как легко убедиться, наблюдается вовсе не переход от погодного изложения к тематическому, а их сочетание.

Скорее всего, название «Книги, глаголемой Новый летописец» объясняется тем, что она являлась продолжением повествования, отражающего события царствования Грозного [1а]. Ведь летописец счел нужным напомнить о «Казанском взятии» и не пояснил, кто такой Богдан Бельский.

В названии НЛ читаем: «нача писати съ 92 (7092, т. е 1583/84. — Я. С.) году и доньне». В его двух первых («сибирских») статьях нет хронологических определений, только сказано о смерти Грозного и пожаловании сеунчиков Ермака уже Федором Ивановичем, который не опалился на казаков, оставивший завоеванный ранее край, и послал туда своих воевод. К 7092 г. уже в следующей статье летописец приурочил начало «Черемисской войны» (31 год спустя после «Казанского взятия») [2]. Но она вспыхнула в 1581 г. [3]. Возможно, официальный книжник середины царствования Михаила Федоровича намеренно отнес начало «Черемисской войны» к году смерти Ивана IV, дабы приступить к рассказу о событиях последних десятилетий именно с этого времени.

Как недавно отметила (думается, не избежав преувеличения) В.Г.Вовина-Лебедева, ныне «на острие спора» о происхождении НЛ оказался вопрос о том, использовались там или нет разрядные записи [4]. Многочисленные летописные сообщения о воеводах Брянска и Коломны в 1607—1608 гг., воеводах, которые участвовали в сражениях на Вырке, Пчельне, Восме, во взятии Переяславля-Залесского, «сходе» военачальников в Александровой слободе (4, С. 73—75, 77, 81, 92, 93), между прочим, дают основание включить «разряды» в число основных источников рассматриваемого памятника. Может сложиться впечатление, что по раз-

* Результаты работы были получены в рамках государственного задания Минобрнауки России № 2014/801

рядным записям в НЛ говорится о штурме Ругодива (в феврале 1590 г.), т.к. среди погибших тогда русских военачальников в отличие от других источников помимо князя И.Ю.Токмакова указаны окольный И.И.Сабуров и стрелецкий голова Г.Маматов (4, С. 38—39). Однако И.И.Сабуров следом был назначен воеводой в Ивангород, который России вернули шведы, и разбил их, когда они попытались осадить эту крепость [5].

Между записями за 103 и 104 гг. (в действительности эти события относятся к весне 1584 г. [6]) в НЛ повествуется о нападении крымцев на мещовские, козельские, воротынские и перемышльские места (сходный перечень имеется в «разрядах» и Безнинском летописце [7]); следом сообщается, что отправленный Федором Ивановичем воевода М.А.Безнин на реке Выси «татар побиша наголову и языки многие пойма» (7, С. 48), о чем мы тоже узнаем из «разрядов», хотя между ними и летописной заметкой, ошибочно включенной в статью «О мору о псковском и о Ивангороде», есть расхождения, выявленные В.И.Корецким.

По наблюдению Л.Е.Морозовой, в НЛ вопреки «разрядам» говорится об отъезде в Астрахань перешедшего на русскую службу крымского царевича Мурад-Гирея с воеводами князем Ф.М.Трокуровым и И.М.Пушкиным, а не думным дворянином Р.М.Пивовым и М.И.Бурцовым [8]. Летописное известие явно ошибочно: царевич отправился в Астрахань летом 1586 г., тогда как Ф.М.Трокуров в 1586 и 1587 гг. ездил в Речь Посполитую, возглавлял Ямской приказ, и получил назначение на воеводство в город, где по воле московских властей стал проживать один из ханских сыновей, в апреле 1588 г. [9]. О пребывании Ф.М.Трокурова в Астрахани упоминается и в летописной статье, посвященной смерти крымского царевича (37, 39) (предположительно весной 1591 г. [10]). Книжник, который мог пользоваться следственным делом о кончине Мурад-Гирея [11], думается, рассудил, что если Ф.М.Трокуров в ту пору находился в Астрахани, то и сопровождал туда царевича. Кстати, в т.н. Московском летописце приведена «ропись» отправленных в этот город администраторов (включая Трокурова), с упоминанием о «дядьках» Мурад-Гирея [12]. Возможно, подобная «ропись», где шла речь и о И.М.Большом Пушкине, имела в распоряжении создателя НЛ.

В 51-й статье этого памятника читаем о прибытии в Москву при «святоцаре» Федоре посольств от папы, «юрьгенчских» и горских князей, из Дании, Швеции, Англии, Голландии, Бухары, Грузии. В 78-й статье — «О послехъ къ Москве розныхъ земель» — сообщается о приезде уже к следующему российскому самодержцу представителей папы, персидского и английского правительств, теперь с некоторыми подробностями. Летописец указал и на возвращение обратно ездившего в Турцию посланника Д.Исленьева, с которым к царскому двору приехали крымские послы. В 74-й статье сказано о поездке в Речь Посполитую боярина М.Г.Салтыкова, В.О.Плещеева и десяти дворян — М.С.Дмитриева «с товарищи» (13, С. 47—48, 55, 56; ср.: 132). Вероятно, «списатель», близкий к окружению патриарха Филарета, располагал выдержками из дипломатической документации, что подтверждает заключение Л.В.Черепнина о причастности Посольского приказа к созданию НЛ.

Вряд ли можно сомневаться в том, что летописные заметки о «богомольных» походах Федора Ивановича, сменившего его на троне шурина, да и Михаила Федоровича (13, С. 44—46, 51, 56, 150; ср.: 62), имеют документальную основу [14].

Наряду с этими материалами «книга летописец о изменах и выслугах московских и новгородских» обнаруживает зависимость от протографа Краткого описания о Сибирстей земли (что наиболее убедительно продемонстрирована В.Г.Вовиной-Лебедевой). Скорее всего «слогатель» НЛ пользовался и сказаниями об угличском деле и репрессиях, обрушившихся на Романовых и их сторонников в царствование Бориса Годунова [15].

Вслед за В.Г.Вовиной-Лебедевой можно полагать, что в сочинении анонимного «слогателя» отразились и слухи, толки, к примеру, о судьбе головы московских стрельцов С.Ю.Маматова, участвовавшего (о чем известно по многим источникам) в неудачном для русских «шеввальском» походе. Как читаем в НЛ, попавший в плен «въ Торкахъ» к горским черкасам Маматов «у нихъ убусурманился», а царь (очевидно, Борис Федорович. — Я. С.), узнав про это, «повеле ему дати розные муки, а напоследи же ево окаянново велель обдати невтию и повеле зажечь. Тутъ окаянный скончася» (57, 58). Согласно же ПЛ, Маматов «из Грузей побежал в Кизылбаши (Персию. — Я. С.) и там обусурманился, понял жену. И царь его велел за то казнить розными муками», что «покинул веру християнскую» [16]. Эти свидетельства скорее всего восходят к одному источнику [17], вероятно, устному. Известия о разных мучениях, которым по приказу царя, надо думать, Бориса, подвергся Маматов за то, что «обусурманился», совпадают в обеих летописях, но в ПЛ не прочтем о страшной смерти стрелецкого головы, и сказано про его бегство и женитьбу в Персии. Русское войско было разбито на Северном Кавказе весной 1605 г. [18], так что гибель Маматова относится уже ко времени после кончины Бориса Федоровича [19]. Оба летописца, но каждый по-своему, воспроизвели предание, которое могло бытовать, прежде всего, в кругах служилого люда.

В 4-й статье НЛ читаем про знамение «на небесехъ на Москве: межъ Благовещения и Ивана Великого явися крестъ ... да звезда съ хвостомъ», по словам Грозного, предвещавшее его смерть (С. 34; ср. 146). Скорее всего, эта статья запечатлела слух, передававшийся в среде придворных.

К созданию НЛ, возможно, был причастен дьяк Максим Куликов [20]. По данным И.А.Устиновой, в декабре 1628 г. за недостачу, допущенную в патриаршем Казенном приказе, этого дьяка сослали в Каменный монастырь [21]. Не был ли НЛ в основном закончен к этому времени?

Итак, «слогатель» этого крупнейшего летописного сочинения периода царствования Михаила Федоровича помимо устных источников обращался и к документальным материалам, в частности, «разрядам», «справкам», составленным по посольским делам, да и нарративным памятникам.

Литература

1. Чекурин Л.В. Рязанский край в начале XVII века («Летопись о многих мятежах») // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века: К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П.Ляпунова: Сб. тр. Всерос. науч. конф. (далее — СВЗО). Рязань, 2011. С. 208.

1а. См.: Солодкин Я. Г. «Межуособная кровь пролилась»: Очерки по истории публицистики и летописания в России конца XVI — первой трети XVII вв. Нижневартовск, 2011. С. 129—131, и др.

В одном пространным «извете», к примеру, «новая книга» отличалась от прежних (О «неправдах и непригожих речах» новгородского митрополита Киприана (1627—1633 гг.) / Сообщ. А.Н.Зерцалов. М., 1896. С. 4). См. также: Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 295, 296, 301. Примеч. 1; С. 320, 330; Он же. Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии. СПб., 1894. С. 26, 83. Примеч. 3. Ср.: С. 60, 65, 79; Прилож. С. 7, 10, 14, 77; Бакланова Н.А. Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 177; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 107, 114 («старые» книги, «новые» книги, «старый летописец»).

2. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 14. М., 1965. С. 33, 34. Следом ссылки на это издание НЛ приводятся в тексте.

3. См., напр.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 432; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 33; Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 84. Ср.: С. 79; Бахтин А.Г. Марийский край в XIII—XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола, 2012. С. 546, 655. Один соловецкий книжник упомянул о начале «Черемисской войны» под 7090 (1581/82) г. См.: Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники: 1980 г. М., 1981. С. 240.

4. Вовина-Лебедева В.Г. Иван Иванович Смирнов — исследователь Смуты // СВЗО. С. 283. Указание на завершение НЛ около 1635 г. (Морохин А.В. Личность и деятельность Кузьмы Минина в работах нижегородского историка П.И.Мельникова // Там же. С. 239) — скорее всего опечатка.

5. Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. М., 1989. Стлб. 65; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 40, 49. Примеч. 138; Володихин Д. Царь Федор Иванович. М., 2011. С. 183, 187, 241. Примеч. 18.

О гибели И.Ю. Токмакова при штурме Рюгодива см.: Псковские летописи / Под ред. А.Н.Насонова. Вып. 2. М., 1955. С. 264; ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 196; Разрядная книга 1475—1605 (далее — РК). Т. 3. Ч. 2. М., 1987. С. 159—160; Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 322, и др.

6. См.: Корецкий В.И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С.О.Долгова // Зап. Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Вып. 38. М., 1977. С. 195; Он же. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 79.

7. См.: Корецкий В.И. История ... С. 208; Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 48, и др.

8. Морозова Л.Е. Смута начала XVII века глазами современников. М., 2000. С. 375. Р.М.Пивов и М.И.Бурцов были «прикомандированы» к Мурат-Гирею (Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами ... С. 35).

9. См.: Корецкий В.И. История ... С. 92, 215. Ср.: С. 89; Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». С. 54; Зимин А.А. В канун грозных потрясений ... С. 140, 142—144, 146, 275. Примеч. 119; С. 285. Примеч. 45, и др.

10. См., напр.: Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 1570—1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 274, 296, 297.

11. Солодкин Я.Г. «Межуособная кровь пролилась»: Очерки по истории публицистики и летописания в России конца XVI — первой трети XVII вв. Нижневартовск, 2011. С. 156. В начале второй четверти XVII в. в посольском архиве хранился наказ боярину Ф.М.Троекурову, Р.М.Пивову и М.И.Бурцову о Мурат-Гирее (Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 316). Возможно, располагая выдержкой из этого документа, создатель НЛ и рассудил, что крымского царевича сопровождал в Астрахань ее новый воевода.

12. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 233.

13. В Пискаревском летописце (далее — ПЛ) помимо М.Г.Салтыкова и В.О.Плещеева назван при этом дьяк А.И.Власев, но о дворянах не говорится. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 203.

14. Сведения такого рода встречаются и в «разрядах». См., напр.: Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 45, 78, 166; Вып. 2. М., 1976. С. 293, 323, 366; РК. Т. 4. Ч. 1. М., 2003. С. 18; Анхимюк Ю.В. Разрядная книга 1598—1602 годов // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 389.

Возможно, если только летописец не помнил об этом, документальный источник имеет и заметка о том, что за победой над Казы-Гиреем под Москвой Борис Годунов получил «имя» слуги (43). Ср.: Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 88; Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». С. 111.

15. Обратим внимание на допущенное в начале НЛ противоречие: там утверждается, будто сразу после смерти Ивана Грозного все Нагие были арестованы, и вместе с тем их (опять-таки всех) послали в Углич с царевичем Дмитрием (35; ср.: 42).

О единстве стилистической манеры «слогателя» НЛ, не раз отмечавшейся исследователями, свидетельствует, например, употребление в нем (по меньшей мере дважды) таких выражений, как «говорити (глаголаше) ... встрешно» (68, 104), «людей осилеваху (людей ... осилувати)» (143, 145), «начаша битись (... битися)» (72—74, 79, 94, 95, 98, 108, 120, 136).

16. ПСРЛ. Т. 34. С. 204.
17. Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 287. Примеч. 32. Считать, что составитель НЛ сократил, и не вполне удачно, текст «Истории» келейника патриарха Иова монаха Иосифа, посвященный обстоятельству смерти Мамагова (Корещкий В.И. История ... С. 172), не приходится, эту летопись «о разорении русском», которую вопреки скептицизму А.В.Сиренова (см.: Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 486. Примеч. 85. Ср.: Он же. История текста Латухинской Степенной книги // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 60. СПб., 2009. С. 360) держал в руках В.Н.Татищев, причислять к источникам анализируемого памятника явно опрометчиво.
18. См.: Платонов С.Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 236; Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в.: «Смута». М., 1988. С. 74—75, и др.
19. Козляков В. Борис Годунов: Трагедия о добром царе. М., 2011. С. 304. Примеч. 44. С.Мамагов, вероятно, не случайно стал «героем» этого предания. Современники обвиняли его в гибели попавших в опалу князя А.И.Шуйского и В.Н.Романова (54; Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». С. 59).
- Вопреки мнению И.О.Тюменцева, в НЛ вовсе не говорится о том, будто казаки потребовали от Лжедмитрия I освободить престол для «царевича» Петра как прямого наследника Грозного (71), что исследователь оценил как домысел (Тюменцев И.О. Лжедмитрий I и вольное казачество // Казачество в южной политике России в Причерноморском регионе. Ростов н/Д, 2006. С. 119). Зато А.П.Синелобов недавно обратил внимание на ошибочность версии НЛ о предательстве Я.М.Змея и А.Д.Челищева во время обороны Пафнутьево-Боровского монастыря. См.: Синелобов А. Яков Змей и Афанасий Челищев: история одной «измены» // Российская история. 2013. № 6. С. 106—110.
20. Солодкин Я.Г. К атрибуции Нового летописца // Вопросы мировой истории в исследованиях отечественных ученых. М., 2001. С. 8, и др. О М.Куликове см., напр.: Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 607.
- Многие статьи НЛ (132, 135—138, 140, 142—147. Ср.: Лисейцев Д.В. Смутное время: происхождение, содержание и хронологические рамки понятия // Сб. Рус. Ист. общества. № 8 (156). М., 2003. С. 325) противоречат восходящему к выводу Л.В.Черепнина представлению, будто согласно НЛ, Смута закончилась с воцарением Михаила Федоровича (Васильев Ю.С. Борьба с польско-литовской интервенцией на Русском Севере в начале XVII в.: Уч. пос. по спецкурсу. Вологда, 1985. С. 4).
21. Устинова И.А. Книги патриарших приказов 1620—1649 гг. как исторический источник. М., 2011. С. 86—87, 97; Она же. Удостоверительные пометы в делопроизводстве первой половины XVII в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии: Мат-лы XXIV Международ. науч. конф. М., 2012. С. 520.

А.Б.Храмцов

г. Тюмень

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДА БЕРЕЗОВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В последние годы северные города Тобольской губернии все чаще становятся объектом исследования, о чем свидетельствуют опубликованные труды [1]. Однако анализ этих исследований показывает, что далеко не все вопросы изучены, в особенности это относится к финансовому положению малых поселений. Проблемы развития экономики г.Березова лишь частично затронуты. В этой связи основой для данной работы послужили архивные документы и публикации печатных изданий дореволюционного периода.

Город Березов вследствие природно-климатических, территориальных, торгово-экономических, социально-демографических и прочих условий существенно отличался от других поселений: низкая плотность населения, малочисленность дворянства, купечества и чиновничества, малограмотность большей части жителей, сезонность промысловых занятий, отсутствие промышленности и должных путей сообщения, высокий процент скупщиков, военных, казаков, политических ссыльных, разночинцев и пр. Все эти факторы, так или иначе, сказывались на деятельности органов административной власти и городского управления, их взаимодействия с населением и в целом на характере развития экономики города. Причем, очевидно, что финансовое состояние уездного центра не соответствовало его экономическому потенциалу, ресурсности края, богатого рыбой, пушниной, кедровым орехом, оленевой, древесиной и пр., чем не обладали другие местности [2].

С 1895 г. березовские домовладельцы избирали городское собрание уполномоченных, члены которого выбирали из своего состава городского старосту и двух помощников. Собрание действовало от имени общества по всем вопросам развития местного хозяйства. Однако в своей деятельности городская власть была значительно урезана в правах и поставлена под пристальный надзор губернского управления. Собрание городских уполномоченных и староста не могли издавать обязательные для местных жителей постановления (разработка и утверждение таких постановлений была в компетенции губернского начальства); составлять и изменять планы своих территорий; вести надзор за производством питейной и другой торговли; самостоятельно устанавливать налоги и сборы, а также таксы на продукты, на работы лигеров, якорщиков, весовщиков и др. Лишение бюджетного права, принудительных и контрольных функций препятствовали эффективному управлению территорией и реализации мер социально-экономического характера.

Государственная власть также не уделяла развитию северных районов должного внимания. К тому же отсутствие разграничения полномочий между административным управлением в лице полиции и органами городского управления приводило к частым служебным конфликтам, созданию различных бюрократических препон, путанице и дублированию их деятельности, найти оптимальный баланс взаимодействия не удавалось, из-за чего в итоге «чахнул» город и его жители. Например, Сибирский листок в «письмах из Березова» характеризовал хозяйство города как «совершенную аномалию»: в 1889 г. доходы составили 1433 руб., расходы — 1433 руб.; основная статья доходов — сбор с патентов и торговых документов — 656 руб.; содержание городского управления — 715 руб. (50%), из них 480 руб. жалование секретаря [3].

Долги города в 3 раза превышали его доходы. Более того, городская управа не могла взыскать даже мизерные сборы с жителей, что повторялось из года в год, а из-за несвоевременного зачисления обращалось в недоимку бюджета. В частности, местная управа 21 мая 1888 г. обратилась в окружное полицейское управление о взыскании недоимок городского оценочного сбора с домовладельцев. В списке должников числились 48 человек, а общая сумма долга составляла 88 руб. [4].

Тобольский губернатор в 1889 г. ввиду неудовлетворительности финансового положения г. Березова ходатайствовал о прекращении действия в нем Городового положения 1870 г. «с предоставлением обществу этого города, как малоллюдному и состоящему почти исключительно из мещан, управляться через мещанского старосту». Формирование с 1876 г. органов местного самоуправления в лице городской думы и управы не принесло «существенной пользы в интересах правильного устройства и развития городского хозяйства», которую ожидало от него правительство. Главными препятствиями развития города, по мнению губернатора, являлись его отдаленность, малочисленность, «отлучка немалой части его обывателей с промышленной целью на продолжительные периоды времени из города» и «совершенная ничтожность городских средств». Министр внутренних дел нашел «несвоевременным сделать какое-либо распоряжение к удовлетворению указанных выше предположений впредь до ожидаемого в ближайшем времени обнародования нового Городового положения». Следовательно, г.Березов тогда избежал обращения в сельское поселение. Более того, ему была оказана финансовая помощь из казны [5].

Однако, в начале XX века положение только усугубилось. Корреспондент так описывал положение в городе: «Интеллигенция сидит без работы, что же возможно здесь делать? Есть учителя, но учить детей «не разрешается», есть регенты и певчие, но собрать хор «не разрешается», есть представители разных технических отраслей, инженеры и агрономы, возможно бы устройство чтений курсов бесплатных для широкой публики «не разрешается». Положение отчаянное. Есть люди, привыкшие к работе, тоскующие без нее, обреченные здесь на безделье и вынуждены требовать от правительства пособие на прожитие. Положение всех усложняется «добытием» пропитания. Мяса нет. Появляется оно и растаскивается массой народа небольшими кусками. Чтобы добыть кусок надо справляться, где колют корову и дежурить. Картофеля нет. Зелени никакой. Рыбу тоже достать не так легко, поскольку местные рыбаки и остяки сдают ее скупщикам. Такие продукты как масло и белый хлеб совершенно исключены из меню стола» [6].

В Березове ни ярмарок, ни базаров не проводилось. В результате чего цены здесь на отдельные товары устанавливались выше, чем в центрах земледельческой полосы и зависели как от времени года, так и от монопольного положения отдельных торговцев, которые повышали цены сразу после отплытия пароходов, доставивших товар. Наряду с этим, перебои наблюдались в материальном обеспечении работы административных учреждений, в частности, местной полиции, причем эта проблема была хронической, о ней неоднократно рапортовали уездные начальники. В частности, в 1910 г. об отсутствии в полиции нужного количества лошадей и оленей докладывал исправник Евсеев: «меня — говорил он — можно обвинить не в бездействии, а в бессилии» [7]. Березовский староста предлагал «город превратить в село — чем виноваты жители его, что создалось такое положение, при котором город нужен только его жителям» [8].

Местных жителей встревожило такое положение, при котором долгие годы никак не решаются проблемы развития городского хозяйства и жизнедеятельности. На сходах 7 и 8 декабря 1905 г. собралось свыше 100 человек из разных сословий: крестьяне, мещане, рабочие и чиновники. Собрание горожан приняло программу мер, содержащую 16 вопросов как местного, так и общего значения.

Местные вопросы:

- 1) земельный надел городскими и загородными участками;
- 2) организация кредита для промышленности и торговли;
- 3) уничтожение пошлин на лесные материалы для всех жителей и учреждений города (за исключением промышленных);
- 4) врачебная помощь: отдельные городской врач, акушерка, фельдшер, ветеринар. Больница и аптека с достаточным жалованием для персонала от казны. Бесплатное лечение для всего населения;
- 5) улучшение путей сообщения и почтовых станций. Удешевление почтового проезда до прежнего размера $\frac{1}{2}$ коп. с лошади и версты. Уничтожение постового государственного сбора. Правильное почтово-пассажирское рейсирование казенных пароходов по р.Оби. Правильное и более частое движение почты. Проведение телеграфной линии от Самарова через Березов на Обдорск на счет казны. Учреждение в Березове портфранко (прим. «свободная таможенная зона в портах»);

6) отмена закона о срочности аренды рыболовных мест у инородцев;
7) натурализация зырян. Наделение зырян участками наравне с прочими;
8) улучшение экономического быта инородцев. Борьба с пьянством. Передача винной монополии в руки местного общества;

9) передача полиции и пожарной части в ведение города.

Вопросы общего значения:

10) реформа народного образования. Обязательность начального обучения. Бесплатное обучение. Общий тип начальных школ. Преобразование Березовского городского училища. Учреждение женской прогимназии. Интернаты при школах. Обучение ремеслам и сельскому хозяйству. Достаточное материальное обеспечение учительского персонала от казны. Уничтожение отметок наказаний и экзаменов кроме выпускных. Выборное начало в среде преподавателей;

11) широкое городское самоуправление. Введение земства, не исключая Березовский уезд;

12) обеспечение духовенства жалованием от казны. Независимость духовенства. Выборное начало в среде духовенства;

13) уничтожение прямых налогов повсеместно. Уничтожение косвенных налогов хотя бы на предметы первой необходимости;

14) уравнивание в правах всех граждан Российского государства;

15) установление рабочего законодательства. Учреждение общей и санитарной инспекции промышленных учреждений. Установление минимума заработной платы и максимума рабочих часов. Точное установление взаимоотношений прав и обязанностей нанимателей и рабочих;

16) повсеместное введение общих основ судопроизводства. Суда присяжных и выборных мировых судей. Равенство всех перед законом. Для подробной разработки этих вопросов предполагалось по отдельным пунктам составить особые комиссии [9].

Однако губернская администрация данную инициативу березовцев осудила, отреагировав ни чем иным как наложением карательно-запретительных мер, о чем корреспондент в последствии сообщал: «На таком глухом угле как Березов особенно наглядно отражаются господствующие у нас порядки». Неблагоприятно на энергии и предприимчивости общества отражаются «не разрешать», «запретить», «испросить разрешения». Запутавшееся в лабиринте невыясненных взаимных отношений население города, обедневшее, утомленное ежедневной борьбой за кусок насущного хлеба, было возбуждено Манифестом 17 октября о свободах. Город ожил, стали собираться подводить итоги своим нуждам. Но, увы, тобольские аресты, а затем запрос генерал-губернатора Тройницкого исправнику — что за собрание? кто их разрешил? кто был? — так перепугал участников этих собраний, что и до сего времени о них говорят, чуть ли не шепотом, оглядываясь кругом» [10]. Стало быть, недолгий период оживления общественной жизни в г. Березове под административным «прессингом» и другими быстро сменившимися событиями времени оказался «пустым выхлопом». Эта акция не способствовала улучшению финансового положения города.

В начале XX века уездный город «застыл» в своем развитии: численность жителей не увеличивалась, а подчас снижалась (высокий процент вымирал из-за пьянства, нищеты, заразных болезней, а молодые и более активные переселялись в южные районы), доходы бюджета не росли, ни ярмарок, ни заводов не было, новые объекты социальной инфраструктуры практически не открывались. Из финансовых институтов в г. Березове действовали лишь казначейство и сберкасса. В частности, о необходимости открытия кредитных учреждений в Березовском и Сургутском уездах неоднократно докладывал в столицу управляющий тобольским отделением Госбанка. 10 марта 1910 г. он писал: «такая поддержка, выведя северного обывателя из вековой зависимости от капиталистов и подняв энергию и дух предприимчивости, повела бы к оживлению и развитию торгово-промышленной жизни всего края» [11].

В таких условиях город не мог обойтись без финансовой поддержки. В 1911 г. березовский староста направил в МВД прошение о выдаче городу из казны ежегодно в течение 5 лет безвозвратного пособия в 1500 руб. на «общие по городу расходы». Согласно справке о финансовом положении Березова, городу по его ходатайствам уже неоднократно выдавались безвозмездные пособия: в 1896 г. на содержание пожарной команды 500 руб. в год из казны; в 1897 г. — 550 руб. на усиление пожарной команды; в 1902 и 1903 гг. по 500 руб. в год на эти же нужды; в 1908 г. — 1000 руб. на содержание пожарной команды, а также ежегодно 500 руб. из казны отпускалось на содержание инородческой больницы. В 1909 г. город взял ссуду 2000 руб. сроком на 20 лет на устройство городской пристани. Кроме того, город был освобожден от расходов на содержание нижних чинов полиции и центральных учреждений МВД. 14 мая 1912 г. Минфин все же дал согласие на выдачу пособия на два года, но не свыше 1000 руб. в год [12].

В 1911 г. министрами рассматривался также вопрос о преобразовании г. Березова в село, о возможности и целесообразности его существования в разряде городских поселений. Ведь, не смотря на финансовую помощь, положение не улучшалось. Таковы были «бытовые условия малого города, в котором нет ни фабрик, ни заводов, ни даже самых малозначительных ярмарок». В то время все операции по рыбной и звериной торговле производились в селе Обдорском, где в январе проходила ежегодная значительная по своим оборотам ярмарка.

14 января 1914 г. Главное управление по делам местного хозяйства МВД запросило у губернатора сведения о финансовом положении г. Березова и необходимости его перевода в разряд сельских поселений. Губернатор в своем ответе указал, что у городского управления есть в наличии небольшие капиталы, хранящиеся на книжках в сберкассе, а именно городской запасный капитал 80 руб. 64 коп.; на устройство богадельни 2016 руб. 23 коп. и продовольственный капитал — 683 руб. 80 коп. В 1913 г. доходы местного бюджета составили 3475 руб. 81 коп. Для сравнения — бюджет г.Новониколаевска (Новосибирска) в 1912 г. «перевалил» за 1 млн. руб. [13].

Среди основных местных налогов губернатор выделил городской оценочный сбор с недвижимости (1913 г. — 865 руб., 1914 г. — 994 руб.); сбор с торговых документов (1913 г. — 387 руб., 1914 г. — 322 руб.) и сбор с пользователей городской пристанью (1913 г. — 753 руб., 1914 г. — 695 руб.). В целом же налоговая база поступлений в городскую кассу была крайне скудна. При этом губернатор отметил, что г. Березов до настоящего времени не наделен выгоном, а потому лишается дохода с сенокосных лугов. Примечательно, что березовский староста в отношении от 28 октября 1915 г. возбудил ходатайство об отводе городу выгонной земли. В 10 верстах от города имелась никому не предоставленная выгонная земля. Вопрос разрешался положительно [14].

К числу значительных расходов относились: содержание пожарной команды (1913 г. — 608 руб., 1914 г. — 747 руб.) и содержание воинской команды (1913 г. — 672 руб., 1914 г. — 747 руб.). Долгов у города перед казной значилось на 1739 руб. 29 коп. из ссуды в 2000 руб. на устройство городской пристани. По мнению губернатора, хотя финансовое состояние не удовлетворительно, нет достаточных оснований для перечисления Березова в село. В городе как центральном пункте уезда были сосредоточены уездные административные учреждения — полиция, казначейство, тюрьма, инородческая больница, высшее и начальное училища, воинская команда [15].

В последний раз (в имперский период) вопрос об упразднении городского управления в Березове с обращением его в сельское поселение разбирался в МВД 18 апреля 1916 г. Перевод был признан «не целесообразным». Тем более, что в Государственную Думу был внесен законопроект о поселковом управлении [16]. Березов все же утратил городской статус, но уже в советское время, в 1926 г.

Из этого следует, что городской статус присваивался малым северным поселениям отнюдь не по экономическим показателям их развития, а для решения административных задач управления территорией. Северный край традиционно использовался как место политической ссылки. Правительством как минимум трижды (в 1889 г., 1911 г. и 1916 гг.) не удовлетворялись прошения о перечислении г. Березова к сельским пунктам. В то же время, дефицит его бюджета и мизерность финансов явно не отвечали потребностям горожан, не соответствовали городскому статусу, не позволяли развивать социальную сферу и благоустройство. Местная власть не могла действительно решать даже текущие проблемы. Финансовая помощь в виде пособий и займов из казны была незначительна и ситуацию не улучшала.

Литература

1. Например: Гриценко В.Н. История Ямальского Севера в очерках и документах: В 2 т. Омск, 2004; Тяпкина О.А. Северные города Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII — начала XX в. Барнаул, 2001. С. 65—98; Фарносова В.В. Березово: история и современность. М., 2002.
2. Подробнее см.: Храмов А.Б. «Угасающий и оживающий» центры тобольского севера: характер развития экономики края в последней трети XIX — начале XX века // Городское управление. 2007. № 3. С. 23—29.
3. Сибирский листок. 1891. 24 февраля. С. 2.
4. Государственный архив в г.Тобольске. Ф. 693. Оп. 1. Д. 1. Л. 111—111 об., 119.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. О. 38. Д. 2117. Л. 7, 36, 42, 58 об.
6. Сибирский листок. 1906. № 17. С. 3.
7. Фарносова В.В. Березово: история и современность. М., 2002. С. 40.
8. Сибирские вопросы. 1909. № 39—40. С. 23.
9. Сибирский листок. 1906. № 1. С. 3.
10. Сибирский листок. 1906. № 11. С. 4.
11. Вычугжанин А.Л. История банковского дела Тюменской области. Тюмень, 2004. С. 528.
12. РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 135. Л. 8—8 об.
13. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 1. Л. 139—140 об.
14. РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 135. Л. 25—25 об.
15. Там же. Л. 12—14.
16. Там же. Л. 21—22 об.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАЛОМНИЧЕСТВА ЖИТЕЛЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПАЛЕСТИНУ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.*

Паломничество к святыням Палестины во все времена было заветной мечтой истинного христианина. Однако для жителя Сибири вплоть до конца XIX в. на пути к местам земной жизни Спасителя существовало множество препятствий, делавших такое путешествие почти неисполнимым. Лишь с созданием в 1882 г. Императорского Православного Палестинского общества (далее — ИППО) ситуация стала постепенно меняться. Его учредители понимали, что паломничество будет полезной духовной школой для верующих. Поэтому одной из основных задач ИППО являлось облегчение пути богомольцев к святым местам, устройство их быта.

Как происходило само паломничество? Человеку, желающему отправиться в Палестину, необходимо было оформить «вид на жительство» или внутренний паспорт, а также «свидетельство о неимении препятствий на выезд за границу». Мужчинам кроме того нужно было иметь свидетельство об отбытии воинской повинности или «о зачислении в ратники ополчения», замужней женщине — письменное разрешение от мужа. Указанные документы следовало отправить вместе с прошением на имя губернатора для выписки «паломнического билета», получение которого считалось достаточным основанием для начала путешествия.

Путь в Палестину из Западной Сибири пролегал сначала по железной дороге через Челябинск, Воронеж и Киев до Одессы. На Одесском железнодорожном вокзале приезжающего встречали, затем сопровождали на расположенные, неподалеку, монастырские подворья послушники Афонских монастырей. Проживание и питание на подворьях было бесплатным. Привезенные с собой документы и 4 рубля передавались для прописки паломника в полицию, оформления заграничного паспорта и получения визы турецкого консула.

Когда, наконец-то, все документы были в порядке, там же в Одессе паломнику покупали билет на пароход до Яффы. Заграничные паспорта выдавались жандармами на пристани перед самым отплытием.

Для перевозки пассажиров использовались различные по размерам суда, вмещавшие от нескольких десятков до двух тысяч человек. В начале XX в. установилось стабильное расписание, предполагавшее отправление пароходов из Одессы каждую неделю по средам в 4 часа дня. Само путешествие по морю длилось от 10 до 14 дней в один конец.

Представитель ИППО в Иерусалиме своевременно информировался о дате и числе прибывающих паломников телеграммой из Одессы. Поэтому на берегу в Яффе богомольцев встречали проводники — сотрудники Императорского Православного Палестинского общества. От Яффы паломники добирались до Иерусалима по железной дороге.

Какова была стоимость проезда? Многое зависело от расстояния, отделявшего исходный пункт маршрута и Одессу, а также от уровня комфорта, который мог себе позволить путешественник. Туринский священник И.А.Селихов в 1906 г. приобрел паломническую книжку от Уфы до Иерусалима и обратно за 61 руб. 50 коп. Билет на пароход от Одессы до Яффы и обратно в 3-м классе стоил 25 руб.

Третий класс предполагал путешествие либо в трюме на дощатых нарах, либо в крытых помещениях на верхней палубе без мебели. Условия размещения были весьма далеки от современных представлений о комфорте: «Обращаю внимание читателей, что... на «Корнилове» — нет даже нар, поэтому расположились все вместе, прямо на полу, при полном электрическом освещении во всю ночь. Одни преспокойно крепко спят, издавая хриплые звуки, другие в укромном уголке в полголоса читают что-нибудь Божественное, а иные — в полу-лежачем положении — мирно ведут религиозную беседу» [11, С. 30].

Еще в 1870-х гг. сибирские губернии не значились в качестве места, откуда направляются паломники к святым местам. Основной контингент поставляли юг и средняя полоса России. За 4 года 7 месяцев между 1893 г. и 1899 г. из 28255 русских паломников Тобольскую губернию представляли 84 чел. (в среднем чуть более 18 чел. в год) [Подсчитано по: 8, С. 712; 10, С. 654–655; 13, С. 152–155]. Об общем количестве паломников в начале XX в. имеются пока отрывочные сведения. Известно, что подали прошения за разрешением на выезд в Палестину и получили паломнические паспорта в 1911 г. — 37, в 1912 г. — 26, в 1913 г. — 28, в 1914 г. — 20 жителей Тобольской губернии [Подсчитано по: 3, 4, 5, 6].

Несомненную роль в увеличении количества паломников сыграло развитие путей сообщения, прежде всего, железнодорожного транспорта. Другой фактор — повышение качества обслуживания паломников благодаря деятельности ИППО, заключавшееся в обустройстве подворий, организации паломнических караванов, медицинской помощи, дешевом питании, налаживании механизма приема, сопровождения и отправки на родину богомольцев.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 13-61-01001.

Важным представляется урегулирование финансового вопроса, снижение общей стоимости дорожных расходов. «Теперь недель в шесть можно легко и удобно съездить в Св. Землю, поклониться ее святыням и вернуться обратно домой... и 100—150 руб. совершенно достаточны, чтобы его совершить, ни в чем не нуждаясь», — писал В.Н.Хитрово в 1896 году [14, С. 308—309]. Однако жителю Западной Сибири путешествие обходилось несколько дороже: «На проезд из Тобольской губернии до Иерусалима и обратно с содержанием одному паломнику нужно, по крайней мере, 200—250 р.; в компании из двух-трех человек путешествие обойдется, конечно, дешевле» — отмечал в 1902 г. священник В.М.Федюшин [12, С. 72].

Паломники, имевшие в своем распоряжении значительные суммы, могли оставить деньги на хранение у уполномоченного ИППО в Одессе, или же перевести их через того же уполномоченного в Иерусалим. К началу XX в. русский рубль воспринимался как надежная валюта, обмен которой не представлял никакой проблемы. В.М.Федюшин отмечал, что в Святой земле к свободному обмену принимаются российские кредитные билеты, золотые и серебряные монеты [12, С. 72].

К сохранившимся трудностям можно отнести эпидемии, из-за которых устанавливались карантинные в портах по маршруту следования, военные конфликты, прерывавшие на время сообщения между Одессой и Яфпой. Проблемы создавались из-за скученности паломников на пароходах, сильной качки, непогоды. Многие паломники были людьми бедными и не имели средств для полноценного питания, ограничиваясь привезенными из России сухарями и кипятком.

Каков был социальный и половозрастной состав паломников? По данным В.Н.Хитрово во второй половине 1890-х гг. около 90% паломников составляло «простонародье» [15, С. 278]. Другое явление — преобладание женщин, которых насчитывалось в среднем до 2/3 от общего числа богомольцев, «изломанных жизнью и условиями ее, остальная треть — мужчины, и при таких же условиях жизни» [16, С. 254].

Западная Сибирь в данном отношении мало отличалась от Европейской России. Нами проведен анализ данных по 107 паломникам — жителям Тобольской губернии, оформивших выезд в Палестину в 1911—1914 гг. Среди них крестьяне составляли 79,2%, мещане — 6,5%, монашествующие — 10,4%, прочие (дворяне, инородцы, казаки) — 3,9%. Среди паломников имелось женатых (замужних) — 36,2%, неженатых (незамужних) — 29,8%, вдовых — 34%; горожан — 7,5%, жителей села — 92,5% (без монашествующих); грамотных — 40,8%, неграмотных — 59,2%. Средний возраст мужчин и женщин был почти одинаков: 54,6 лет и 54,3 года соответственно (в среднем — 54,4 года). Лица старше 50 лет составляли 70% паломников.

Само пребывание в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете в рассматриваемый период перестало представлять какую-либо опасность. Как свидетельствовал священник П.Архангельский, «Ныне наш богомolec может свободно ходить по ближайшим окрестностям Иерусалима (напр., в Вифлеем, Горнее и др.) один, без проводника, не опасаясь подвергнуться оскорблениям, а тем более грабежу, что прежде было не редкость. Турки и туземцы-арабы вообще стали относиться к русским с большим уважением» [1, С. 115].

Прибыв в Иерусалим, богомольцы размещались на русских подворьях. В общих палатах подворий в первые две недели проживание было бесплатным, затем нужно было вносить за ночлег по три копейки в сутки. По нашим подсчетам, основанным на сведениях, опубликованных на страницах «Сообщений ИППО» за 1898—1914 гг., средний срок пребывания жителей Тобольской и Томской губернии в Иерусалиме составлял примерно полмесяца (15,7 дней).

Из Иерусалима для паломников организовывались караваны по святым местам: на Иордан, в Вифлеем, Назарет, к Мамврийскому дубу, в Горнюю. Продолжительность поездки составляла от 1 до 14 дней. Караваны обязательно сопровождали священник Русской духовной миссии, медик, проводники-черногорцы и турецкая милиция. В Тобольском архиве сохранился билет за № 824 одного из паломников — Д.Зазулина, выданный 13 марта 1903 г. для совершения поездки в Назарет. Судя по данным учреждений ИППО, караван в Назарет с Д.Зазулиным отправился 16 марта. В его составе насчитывалось 939 человек [9, С. 153].

Паломники в большинстве своем были людьми немолодыми. К дорожным трудностям, непривычному климату, питанию, добавлялось и то, что многие из них соблюдали пост. Как следствие, ослабленному организму сложно было сопротивляться болезням, что могло сказаться на здоровье паломников. Поэтому Императорским Православным Палестинским обществом организуется бесплатная медицинская помощь. По данным медицинских учреждений общества за 1899 г. и 1900 г. из 10809 паломников заболело в пути 785, из них умерло 65. Средний возраст больных составлял 56—57 лет. Так, в 1913 г. умерла в Иерусалиме крестьянка Нагорно-Ивановской волости Тарского уезда Тобольской губернии Наталья Андреевна Кислицына. С парохода «Царица» больная крестьянка Томской губернии Акулина Аладина была сдана в консульство в Константинополь [8, С. 18].

Таким образом, следует отметить, что поездки тоболяков в Палестину хотя и не стали массовым явлением, но, тем не менее, утратили характер экстраординарного события. Из полулегендарной страны, известной по текстам Священного писания, Палестина превращалась в реальный географический объект, населенный живыми людьми, вполне доступный для посещения. Организация паломничества в Святую землю на рубеже XIX—XX вв. являлась прекрасным примером успешного сотрудничества государства и общества, направленного на достижение созидательных целей. В результате в рассматриваемый период количество паломников — россиян значительно превышало аналогичный показатель любой другой Европейской страны.

Литература

1. Архангельский П., священник. О паломничестве духовенства к Святым местам Востока // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества за 1899 год (далее — СИППО за... год). Т. 10. Январь—февраль.
2. Горбунов Г. Несколько дней в Палестине. Впечатления туриста // СИППО за 1913 год. Т. 24. Вып. 1. Январь—март.
3. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г.Тобольске (далее — ГУТО ГА в г.Тобольске). Ф. И-152. Оп. 25. Д. 94.
4. ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. И-152. Оп. 26. Д. 32.
5. ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. И-152. Оп. 27. Д. 117.
6. ГУТО ГА в г.Тобольске. Ф. И-152. Оп. 28. Д. 81.
7. Отчет Императорского Православного Палестинского Общества за 1908/9 г. СПб., 1910.
8. Отчет Уполномоченного Императорского Православного Палестинского общества в Иерусалиме Н. Гр. Михайлова за время с 1 марта 1893 по 1 марта 1894 года // СИППО за 1894 год. Т. 5.
9. Сведения об учреждениях Общества // СИППО за 1903. Т. 14. Вып. 1.
10. СИППО за 1900. Т. 11. Ноябрь—декабрь.
11. Туринский свящ. С-л-х-в. О паломническом странствовании моем на ближний Восток в Турции // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1907. № 2. Отдел неофиц.
12. Федюшин В. Из дневника священника-паломника // ТЕВ. 1902. № 7. Отдел неофиц.
13. Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники // СИППО за 1900. Т. 11. Май—июнь.
14. Хитрово В.Н. Русские паломники Святой Земли // Собрание сочинений и писем. СПб., 2012. Т. 2: Статьи о Святой Земле.
15. Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники // Собрание сочинений и писем. Т. 1. «Православие в Святой Земле». М., СПб., 2011.
16. Хитрово В.Н. Доклад о положении Русских подворий в Иерусалиме. 1899 г. // Собрание сочинений и писем. СПб., 2012. Т. 2. «Статьи о Святой Земле».

В.А.Арасланова

г.Сургут

СурГПУ

ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ АРХИВНОГО ОТДЕЛА АДМИНИСТРАЦИИ г.СУРГУТА ДОКУМЕНТАМИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР

Организации, действующие на территории Российской Федерации, различаются по видам собственности и полномочиям по распоряжению имуществом на государственные, муниципальные и частные. Если государственные и муниципальные организации являются источниками комплектования государственных и муниципальных архивов, имея соответствующую форму собственности, то с частными организациями все намного сложнее, так как документы, образующиеся в деятельности таких организаций, являются частной собственностью. Негосударственные организации могут быть включены в списки источников комплектования только на основе заключения договора между собственником или владельцем архивных документов и государственным или муниципальным архивом.

Главной целью любого архива является выявление и сохранение документов, отражающих материальную и духовную жизнь общества, имеющих историческое, научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение, являющихся неотъемлемой частью историко-культурного наследия народов Российской Федерации.

Архивный отдел Администрации г.Сургута является одним из самых крупных архивов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Его фонды включают управленческую документацию, а также документы, отражающие социально-экономическое, политическое и культурное развитие г.Сургута и Сургутского района с 1863 г.

Архивный отдел Администрации г.Сургута создан в целях осуществления приема и хранения архивных документов с целью их использования [3]. Для этого каждые пять лет специалисты отдела готовят списки источников комплектования и определяют, какие организации города будут сдавать документы на хранение в городской архив. ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» содержит следующее определение: «Источники комплектования — юридические и физические лица, чьи документы поступают или могут поступить на хранение в архив». Списки организаций — источников комплектования государственных, муниципальных архивов ведутся по установленной форме [2].

Государственные органы, органы местного самоуправления отнесены к числу источников комплектования государственных, муниципальных архивов, так как они осуществляют функции руководства, организации, контроля в установленной сфере деятельности. В их фондах концентрируется информация (документы) других организаций.

При определении организаций — источников комплектования государственных, муниципальных архивов рекомендуется учитывать место организации среди других организаций в зоне комплектования государственного, муниципального архива, в том числе, градообразующие организации и наиболее типичные для данной территории организации.

Одной из таких (градообразующих) является открытое акционерное общество «Сургутнефтегаз», которое осуществляет добычу и переработку нефти и газа месторождений на территории Сургута и Сургутского района.

В конце 70-х годов произошло реформирование нефтегазовой отрасли: добывающие управления были преобразованы в мощные производственные объединения, в их состав вошли десятки предприятий. В их состав входит компания «Сургутнефтегаз», с чьим именем связано начало освоение Большой нефти Западной Сибири. В октябре 1977 года «Сургутнефтегаз» получил статус многопрофильного производственного объединения, а в 1993 году объединение преобразовано в акционерное общество открытого типа.

Открытое акционерное общество «Сургутнефтегаз» — одно из крупнейших предприятий нефтяной отрасли России. На его долю приходится около 13% объемов добычи нефти в стране и 25% газа, добываемого нефтяными компаниями России. Документы, образующиеся в деятельности этой организации, имеют историческое, социальное, культурное значение и являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия не только сургутян, но и в целом народа Российской Федерации [4].

В настоящее время архив комплектуется документами, согласно спискам, составленным на период 2013—2018 годы. Они подготовлены в соответствии с методическими рекомендациями «Определений организаций-источников комплектования государственных и муниципальных архивов», которые были подготовлены ВНИИДАД и согласованы ЦЭПК при Росархиве 30 ноября 2012 года. В этих списках отражена отрасль промышленности, топлива и энергетики, которой не было в списках за период 2008—2012 годы.

Одним из важных отличий новых списков от предыдущих как раз и является включение организаций, имеющих частную форму собственности, в один список с государственными организациями.

В архиве города хранятся документы объединения «Сургутнефтегаз» за период с 1978 по 1993 гг. Документы были приняты на основании того, что в 1978 г. было образовано производственное объединение «Сургутнефтегаз» главного Тюменского производственного управления по нефтяной и газовой промышленности «Главтюменнефтегаз» Министерства нефтяной промышленности СССР, следовательно, предприятие имело государственную форму собственности и основания для передачи документов в архив.

В 1990-е гг. наблюдается устойчивая тенденция к «разгосударствлению» всех сфер управления. Роль государственных структур постоянно сокращалась в таких отраслях как экономика, культура, общественно-политическая жизнь. В 1993 г. объединение «Сургутнефтегаз» было преобразовано в акционерное общество, а значит, поменялась и форма собственности с государственной на частную, в связи с чем, передача документов, образующихся в деятельности объединения, в архивный отдел Администрации г.Сургута была прекращена.

С целью сохранения ценных источников истории современности, архив принимает меры по сохранению документов негосударственных структур, одна из которых — оформление договорных отношений между муниципальным образованием городской округ город Сургут и негосударственными организациями.

На наш взгляд, оформление такого договора может стать универсальным решением данной проблемы, так как он направлен на регулирование различных видов правовых отношений, предполагающих совместную деятельность ради достижения общих целей.

Согласно методическим рекомендациям договоры негосударственной организации, общественного объединения с государственным, муниципальным архивом фиксируют согласие негосударственной организации, общественного объединения на включение их документов в состав Архивного фонда Российской Федерации с безвозмездной передачей данных документов на постоянное хранение в государственный, муниципальный архив [1].

Предметом договора являются отношения сторон по вопросам организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов, образующихся в деятельности Организации.

Разделы договора:

Стороны договор.

Предмет договора.

Порядок реализации договора.

Права и обязанности сторон.

Ответственность сторон.

Срок действия и порядок расторжения договора.

Дополнительные условия.

Реквизиты сторон.

В случае заключения такого договора, в архивном отделе г. Сургута будут храниться документы, имеющие историческое, социальное, культурное значение и являющиеся неотъемлемой частью историко-культурного наследия не только сургутян, но и в целом народа Российской Федерации.

Литература

1. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Введ. 1998-02-27. М., 1998.
2. История компании. Официальный web-сервер ОАО «Сургутнефтегаз». URL: <http://www.surgutneftgas.ru/ru/about/history>.
3. Определение организаций-источников комплектования государственных и муниципальных архивов. Методические рекомендации / Росархив, ВНИИДАД. М., 2012.
4. Положение об архивном отделе Администрации города Сургута / Официальный web-сервер Администрации г.Сургута. Екатеринбург: веб-студия CASTCOM», 2003. URL: <http://www.admsurgut.ru/state.php?ttop=120087&top=210265> htm

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ПО НАПРАВЛЕНИЮ
034700 «ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ И АРХИВОВЕДЕНИЕ»)**

Информатизация современного общества и тесно связанные с ней процессы информатизации всех форм образовательной деятельности характеризуются процессами совершенствования и массового распространения современных информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) [1].

Бурное развитие ИКТ совпало по времени с так называемым кризисом классической бюрократической системы государственного управления в виду неэффективности последней (эта тенденция проявилась в ряде экономически развитых стран англосаксонского мира и Западной Европы в 60—70-х годах XX века). Проникновение в общественную жизнь новых ИКТ и Интернета в этот период явилось мощным толчком для продвижения идей электронного правительства как способа реализации реформ и формирования у государства новых характеристик, связанных с новыми принципами в системе взаимоотношений власти и граждан.

Информатизация стала важной областью экономики, определяющей сферой общественной жизни и одновременно важнейшей функцией всех государств, фактором обеспечения их безопасности и суверенитета. Одним из первых стратегических документов современной России в направлении построения информационного общества стала «Концепция государственной информационной политики» [2], разработанная и одобренная Комитетом Государственной Думы по информационной политике и связи, а также Постоянной палатой по государственной информационной политике при Президенте РФ в конце 1998 г. Концепция определила информационную политику РФ как важную составную часть внешней и внутренней политики государства, охватывающую все сферы жизнедеятельности общества. Вслед за концепцией информационной политики в 1998—1999 гг. была разработана Концепция федеральной целевой программы «Развитие информатизации в России на период до 2010 года» [3]. В качестве одного из трех стратегических направлений движения России к информационному обществу в концепции выделена информатизация системы образования. В 2002 г. была запущена ФЦП «Электронная Россия 2002—2010» [4]. Во многом разработчики стратегии «Электронная Россия» ставили своей целью описать те преимущества, которые получит Россия при условии успешного использования ИКТ как ключевого фактора повышения эффективности государственного управления. Т.о. «Электронная Россия» представляла государственную стратегию для осуществления проектов электронного правительства [5, С. 4—13].

Внедрение «электронного правительства» и межведомственного электронного документооборота не могло не оказать влияние на систему образования, и, не в последнюю очередь, на профессиональную подготовку студентов-документоведов.

Активное использование электронных документов в управленческой деятельности организаций поставило перед ВУЗом задачу соответствующей подготовки кадров. В связи с этим, основной целью подготовки бакалавров по направлению 034700 «Документоведение и архивоведение», в соответствии со стандартами третьего поколения и концепцией их профиля, является обучение их основным принципам и методам применения электронных документов в деятельности различных организаций, с учетом юридических, организационных и технологических факторов управления электронными документами. Большое внимание также уделяется изучению основных методологических подходов и решений в области работы с электронной документацией организаций и правовому регулированию вопросов работы с электронными документами [6, С. 3—6]. В учебном плане НВГУ, разработанном для данного профиля, эти проблемы изучаются в рамках таких учебных дисциплин как «Интернет-ресурсы в документоведении и архивоведении», «Компьютерные технологии в документоведении и архивоведении», «Защита информации в документоведении и архивоведении», «Практикум по электронному документообороту», «Информационно-коммуникационные технологии в образовании», «Правовые основы профессиональной деятельности», «Нормативно-правовое обеспечение профессиональной деятельности» и др.

Подготовка студентов в соответствии с современными требованиями общественно-экономического развития позволит им быть востребованными и конкурентоспособными на рынке труда.

Литература

1. Информационные технологии в образовании. URL: <http://physics.herzen.spb.ru/teaching/materials/gosexam/b25.htm>.
2. Концепция государственной информационной политики. URL: <http://www.iis.ru/library/sip/sip.ru.html>.
3. Концепция федеральной целевой программы «Развитие информатизации в России на период до 2010 года». URL: <http://www.iis.ru/library/isp2010/isp2010.ru.html>.

4. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002—2010 годы)» // СЗ РФ, 04.02.2002. № 5. Ст. 531.

5. Артеменко Е.А., Борисова И.А. и др. Вопросы оптимизации предоставления муниципальных услуг с использованием информационно-коммуникационных технологий: Учебные материалы. М., 2010.

6. Кузнецова Т.В. 2011 год — новая ступень подготовки документоведов // Делопроизводство. 2011. № 3.

Е.В.Булюлина, А.С.Кан

г.Волгоград

Волгоградский государственный университет

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО АРХИВА: СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

Свидетельство о рождении — это свидетельство государственной регистрации акта гражданского состояния — факта рождения ребенка. В этом документе содержится информация об имени ребенка, дате его рождения, а также именах его родителей. Как правило, свидетельство о рождении является основным и единственным документом до момента достижения ребенком возраста, когда выдается общегражданский паспорт [2].

За свою историю свидетельство о рождении не раз менялось. Первое законодательное оформление практика ведения метрических книг в России получила в решениях Московского церковного собора 1666—1667 г. Первым светским узаконением был указ Петра I от 14 апреля 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей ородившихся и умерших». В мае 1722 «прибавления к Духовному регламенту» установили обязательное повсеместное ведение метрических книг в Российской империи. Указ Синода от 20 февраля 1724 г. впервые ввел графические формы метрических книг и уточнил особенности их ведения. А после Указа Синода от 23 ноября 1779 г. «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях» наличие книг в приходах и консисториях стало обязательным. Указ Синода от 17 мая 1802 г. «О содержании в предписанном порядке метрических книг» запретил хранение книг в домах священников и их раздельное ведение: отныне в приходах регистрация осуществлялась в одной общей книге [3].

В 1831 г. по Указу Синода в формуляре метрических книг были уточнены названия отдельных граф, введена раздельная нумерация по полу в записях о рождении. Формуляр метрических книг, просуществовавший всю дальнейшую их историю, окончательно был утвержден в 1838 г. Формуляр записи о рождении имел следующие графы: № записи (раздельно для мужчин и для женщин); полная дата рождения и крещения ребенка; имя с указанием дня святого (метрики конца XIX — нач. XX вв.); место жительства, сословие, род деятельности, фамилия, имя, отчество отца ребенка и имя и отчество матери с указанием на законность брака и вероисповедание; место жительства, социальная принадлежность воспитанников, их фамилии, имена и отчества; имя священника, совершившего таинство; подписи свидетелей (по желанию) [3].

Метрические книги неправославных конфессий в России законодательно оформились позднее: обязательное ведение метрических книг распространилось на католическую церковь с 1826 г., на магометанские общины Оренбургского края — с 1828 г., Таврического — с 1832 г., Закавказского — с 1872 г. В 1832 г. регистрация введена для евангелическо-лютеранской церкви и в 1835 г. — для еврейских общин, а значительно позднее для раскольников (1874 г.), баптистов (1879 г.), остальных сектантов (1906 г.). Велись эти метрические книги полицейскими управлениями, волостными правлениями (с 1874 по 1905 г. браки раскольников, баптистов), городскими думами (метрики евреев). С 1906 г. книги старообрядческих и сектантских общин вели их духовные лица, настоятели и наставники. В Финляндии, как и в Царстве Польском, метрические книги также велись духовенством (в Варшаве для лиц нехристианских исповеданий — полицией) [3].

Ведение актов гражданского состояния перешло к государству по декрету ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния».

Внешний вид свидетельства о рождении также претерпел изменения. Ранее свидетельство предоставляло из себя книжку небольшого формата в переплете, в настоящее время это просто страница формата А4, снабженная водяными знаками. Свидетельство имеет серию и номер. Бланк вкладыша изготавливается на русском языке. В случае установления республикой — субъектом Российской Федерации — своего государственного языка, бланк вкладыша может изготавливаться на русском языке и на государственном языке республики по образцу, утвержденному МВД РФ.

Свидетельство о рождении может заполняться как рукописным способом, так и с использованием технических средств (пишущих машин, компьютеров). Если заполнение бланка осуществляется рукописным способом, то все записи производятся разборчивым почерком чернилами или пастой синего либо черного цвета. В случае применения компьютера либо пишущей машинки краситель должен быть черного цвета. Качество пасты, чернил, красителя, используемых при заполнении документов, должно обеспечивать сохранность текста документов в течение установленного срока их хранения. При заполнении свидетельства о рождении не допускается наличие в нем исправлений, помарок и подчисток, сокращений [3].

Свидетельство о рождении подписывается руководителем органа ЗАГСа или иного государственного органа, выдавшего свидетельство (например, консульства). Подпись руководителя загса должна иметь расшивровку (инициалы, фамилия) и скрепляется гербовой печатью [2].

В настоящее время информация о национальности родителей вносится в свидетельство по желанию. По умолчанию в данной графе ставится прочерк [2].

При оформлении гражданства раньше выдавался специальный вкладыш к свидетельству о рождении. На самом свидетельстве ставилась отметка. 6 февраля 2007 года Вкладыши о гражданстве были отменены и на обратной стороне Свидетельства стали ставить штамп о гражданстве ребенка. Это правило касается новорожденных или тех, кто меняет или восстанавливает документы. Старые вкладыши действительны по достижении ребенком 14 лет и менять их нет необходимости [2].

Свидетельство о рождении ребенка могут получить родители (не лишенные родительских прав), сам ребенок, достигший совершеннолетия, опекун или попечитель. Выдача документа производится в отделениях ЗАГС.

При утрате свидетельство выдается в ЗАГС по месту их первоначального получения на основании письменного заявления. Вопросы ведения актовых книги выдачи свидетельства о рождении регулируется в Российской Федерации в настоящее время Федеральным Законом «Об актах гражданского состояния», действующий с 1997 года [1].

Итак, российское свидетельство о рождении в настоящее время содержит следующие важнейшие для будущей жизни человека поля: гражданство отца; гражданство матери; место рождения самого человека. Сведений о том, является ли данный малыш гражданином России по рождению или нет, в современном свидетельстве о рождении напрямую не содержится [3].

Литература

1. Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ (ред. от 12.11.2012) «Об актах гражданского состояния».
2. Волкова Н.Б. Работа с документами личного происхождения // Отечественные архивы. 1994. № 4. С. 88—90.
3. URL: <http://www.dporudn.com/article/75>.

А.Г.Быкова

г.Ноябрьск

Центральный архив ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз»

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ НОМЕНКЛАТУРЫ ДЕЛ В ОАО «ГАЗПРОМНЕФТЬ-НОЯБРЬСКНЕФТЕГАЗ»

Сводная номенклатура дел организации, предприятия или учреждения является одним из основных локальных нормативных документов. Ее формирование — процесс сложный, включающий взаимосвязь распорядительных, нормативных правовых и нормативно-методических документов разных уровней: от федерального до локального. Учитывая современные тенденции создания, развития и внедрения новых технологий в области управления, руководства и контроля исполнения, а вместе с тем и в процессе организации документооборота, необходимо проанализировать традиционный подход к формированию сводной номенклатуры дел организации и найти более качественный и эффективный подход к ее формированию, совершенствуя исполнение делопроизводственных процессов. Формирование сводной номенклатуры дел в ОАО «Газпромнефть-ННГ» является функцией центрального архива Общества.

Анализируя формирование сводной номенклатуры дел ОАО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» (далее Общества) в последние годы можно выделить следующие виды работ, выполнение которых имеет свои специфические особенности:

1. Порядок присвоения индексов структурным подразделениям (СП);
2. Состав привлекаемых документов для разработки номенклатуры;
3. Совмещение разных видов номенклатур в сводной номенклатуре по Обществу;
4. Формирование номенклатуры в условиях децентрализации управленческих функций.

Номенклатура дел до 2010 года формировалась традиционно, где разделы соответствовали структурным подразделениям согласно штатному расписанию, расположенные по мере значимости для предприятия. Структуры отражены в номенклатуре без выделения отделов, групп и служб.

В Номенклатуре дел Общества, утвержденной 31 января .2005 года, введены сложные индексы, которые обозначают вертикальное подчинение внутри производственной структуры. Например: 18/2/1 — сектор по работе с персоналом ТПДН «Холмогорнефть», где 18 — Управление по работе с персоналом, 18/1 — Отдел кадрового администрирования, которому подчиняется 8 секторов. Последняя цифра «1» утверждена приказом о присвоении секторам номеров для использования в печатях и в регистрации.

19/1/2 — Группа по расчетам, где 19 — индекс департамента по бухгалтерскому учету и отчетности, который состоит из 2х отделов; 19/1 — отдел по учету основной деятельности, в состав которого входит группа, как и остальные 7 групп.

В 2007 в Обществе на основании утвержденной и введенной в действие приказом ОАО «Газпром нефть» от 15 июня 2007 № 168, ПК 11.50/1.0 «Политика документационного обеспечения управления», разработана, утверждена и введена в действие приказом генерального директора от 03 октября 2007 № 433-П, Политика «Документационное обеспечение управления», которая ввела и нормативно закрепила вертикально-интегрированную систему с применением методов процессного управления.

В 2009 году после реструктуризации была пересмотрена система присвоения индексов структурным подразделениям. Все подразделения, согласно утвержденной структуре, поделены на блоки с функциональным подчинением генеральному директору и его заместителям по направлениям деятельности, которые получили каждый свой индекс. Например: 01 — Блок заместителя генерального директора (ЗГД) по организационным вопросам; 02 — Блок главного инженера первого ЗГД и т.д.

Далее отражается вся вертикаль структуры с системой подчинения. Например: Главному инженеру подчиняется ряд управлений, которые в своих составах имеют отделы, цеха, группы, службы, лаборатории. Индексация будет выглядеть следующим образом:

02/6/4/1 — физико-химическая лаборатория № 1, где

02 — главный инженер

02/6 — управление метрологии, автоматизации, связи и информационных технологий

02/6/4 — цех химического анализа.

Таким образом, переход от простого присвоения индексов по порядку к сложным индексам с дробями, позволяет учитывать каждое структурное подразделение с учетом его подчиненности по всей вертикали управления. В соответствии с этим подробно отражены все заголовки дел с указанием структуры-владельца документов.

Следующая особенность — состав документов для разработки номенклатуры дел. Согласно «Основным правилам работы архивов организаций» номенклатуры дел структурных подразделений составляются на основе изучения состава и содержания документов, образующихся в деятельности структуры, Устава Общества, положение структурного подразделения (разделы: задачи и функции), номенклатурой дел за прошлый год, ведомственными и типовыми перечнями документов с указанием сроков их хранения.

В Обществе, кроме того, при подготовке номенклатуры дел используется дополнительный состав документов:

Локальные нормативно-методические документы (далее НМД) Компании и Общества. НМД регламентируют все процессы управления деятельностью. Они представлены следующими документами: политика, стандарты на процесс, инструкции, методики, каталоги, организационно-правовые документы (положения о рабочих органах) по отдельным функциям. Для упорядочения этого процесса в Компании, включая все дочерние и зависимые Общества (ДЗО), ежегодно утверждается «План стандартизации», в котором прописаны все позиции формирования НМД: наименование, версия, сроки, руководитель и автор разработки, основание. В НМД раскрывается состав документов, образующихся в процессе, их шаблоны и путь документооборота (движение от начала создания до передачи на хранение или уничтожение).

Программное обеспечение (далее ПО), применяемое в работе структурных подразделений. В результате анализа были выделены следующие направления СЭД:

а) Программы, используемые всеми структурами Общества.

В ПО LotusNotes осуществляется единая сквозная регистрация распорядительных документов, договоров, поступающей и отправляемой корреспонденции и хранение скан. образов всех регистрируемых документов. Таким образом, необходимость ведения журналов регистрации корреспонденции в каждой структуре становится неактуальной. Документы поступают в электронном виде и соответственно не нужно распечатывать документы оперативного характера и формировать в дела временного срока хранения. Все поручения формируются в программе и направляются исполнителю взамен визы руководителя на бумажном носителе. Таким образом, номенклатура дел структурного подразделения уменьшается в количестве от однотипных учетных и копий информационных документов, временного срока хранения и не имеющих исторического значения для организации.

б) Программы — информационные базы данных, в формате СУБД. Базы данных представлены как общекорпоративные, так и индивидуальные для Общества. Необходимы для повышения эффективности труда и снижения затрат на поиск нужной информации.

в) Программы специальные по направлениям производственной деятельности. В данных программах формируются как промежуточные, так и окончательные формы (виды) консолидированных документов в разрезе одной вертикали управления тем или иным процессом, что позволяет включать в номенклатуру дел только окончательный вариант документа для визирования, утверждения и хранения у держателя процесса с последующей передачей на архивное хранение. Промежуточные варианты, составные части отчетных документов структурных подразделений в данном случае можно выводить из номенклатуры дел, путем ссылки

на место хранения в ПО и указания на структуру — ответственную за конечный результат процесса и хранение подлинника документа на бумажном носителе. Такой вариант качественной оптимизации бумажных носителей приемлем не только на уровне одной организации, но и в группе Обществ Компании, благодаря стандартизации процессов, вертикально-интегрированной системе управления и формирования единой системы ДООУ.

3. Требования контролирующих служб к обязательному наличию и формированию дел в различных структурах. Данные требования до разработки НМД доводились до сведения структурных подразделений в разном виде: путем издания приказа, оповещения служебной запиской. Изучая НМД Общества также можно выявить список обязательных документов, но он будет разрозненным. С этой целью центральным архивом, перед формированием номенклатуры дел, делается запрос в такие структуры как Отдел делопроизводства, Отдел охраны труда, промышленной и пожарной безопасности, с целью предоставления единых требований для всех или определенной части СП Общества обязательного наличия и правильного ведения документов, которые проверяются контролируемыми государственными учреждениями. В данной ситуации снижаются риски наказаний из-за отсутствия обязательных документов. Указанные в списках виды документов включаются в номенклатуры СП под сквозными номерами.

Изучение и анализ дополнительного состава документов, при формировании номенклатуры дел какого-либо структурного подразделения, позволяет выявить наличие полного объема формирующихся дел в структуре, а также правильно зафиксировать заголовок, определить подлинность документов и место их хранения.

Третья особенность формирования сводной номенклатуры дел Общества, которую выделил автор данной статьи, это совмещение разных видов номенклатур, а именно в индивидуальной номенклатуре дел присутствуют типовая номенклатура однотипных по функциям и задачам структурных подразделений. Решение о таком формировании номенклатуры было принято после анализа состава документов однотипных по задачам и функционалу СП. Например, цеха, которые делятся по территориальному принципу. В сводную номенклатуру дел Общества включается раздел для цехов добычи нефти и газа с указанием в начале индивидуальных индексов для каждого цеха. Таким образом, первая часть индекса при оформлении дел в каждом цехе индивидуальная, утвержденная приказом, а вторая часть — порядковый номер дела по номенклатуре единая для всех цехов, независимо от их количества до или после реорганизаций в структуре Общества. Такой подход позволяет решить несколько задач: стандартизация видов документов для однотипных структур, унификация заголовков и порядка расположения дел, что позволяет быстро ориентироваться контролирующим службам, вышестоящим и параллельным структурам в процессе взаимоотношений при решении производственных задач. Для сводной номенклатуры дел — немаловажное сокращение объема.

В условиях поиска и внедрения современных технологий в системе управления бизнесом, с целью повышения эффективности и оперативности, неизбежным становится процесс децентрализации управленческих функций, что оказывает непосредственное влияние на формирование номенклатуры дел. Так, в 2009 году из структуры Общества выведены функции бухгалтерского и налогового учета и отчетности в аутсорсинг. Образовано открытое акционерное общество «Газпромнефть Бизнес-Сервис», которое по договору оказывает услуги по бухгалтерскому и налоговому учету отчетности предприятиям системы «Газпромнефть». Общество является собственником части документов, касающихся учета его деятельности, а исполнитель формирует, выполняет текущие запросы и осуществляет оперативное хранение до 5 лет. А далее передает Обществу на дальнейшее хранение или уничтожение, согласно графику документооборота (ГДО).

Возникает вопрос о включении в сводную номенклатуру дел всех документов бухучета или только части дел с длительным и постоянным сроками хранения. В 2010 году в качестве эксперимента в сводной номенклатуре был выделен индекс № 17 для раздела «Документы бухгалтерской отчетности», куда включены документы длительного и постоянного сроков хранения. Это является основанием для приема документов.

Таким образом, развитие новых технологий в управленческих и информационных сферах неизбежно влекут за собой необходимость поиска более рациональных путей формирования номенклатуры дел организаций, являющимися одним из звеньев большой корпоративной системы со сложной внутренней структурой.

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА ПРИ АНАЛИЗЕ КАЧЕСТВА УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В НИЖНЕВАРТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

2011 год в Нижневартовском государственном гуманитарном университете ознаменовал себя, годом перехода высшего учебного заведения в новые рамки качественного образовательного процесса, а так же, внедрение системы внутреннего аудита основанного на международном стандарте менеджменте качества.

Администрацией вуза организована серия спецкурсов и мастер классов по технологии проведения внутренних аудиторских проверок, проведен анализ эффективности деятельности основных структур образовательного учреждения. На основе анализа, создана и продолжает совершенствоваться книга процессов, в том числе их документационное обеспечение.

В декабре 2011 года проведены первые самостоятельные, аудиторские проверки, направленные на анализ качества деятельности структурных подразделений — деканатов и кафедр НГГУ.

Состав внутренних аудиторов, структурные подразделения, подлежащие, аудиту определяло учебное управление вуза, в том числе, были назначены руководители и участники аудиторских групп, утверждены даты, цели и задачи проведения, аудита, а так же их документационное обеспечение.

Аудиторы должны были, организовать свою работу, основываясь на следующих критериях;

- оценивать по фактам;
- оценивать наблюдения;
- сформулировать особый подход к людям;
- сосредоточиться на аудите;
- не позволять оказывать на себя давление;
- делать достоверные и объективные выводы;

Первым этапом начало работы аудиторов стали — общие собрания участников аудиторских групп. На собраниях рассмотрены процессы, которые подлежали проверке, составлены документы, в которых отражались вопросы для проверяемых, а так же определен перечень документов подлежащих анализу на их наличие, полноты и правильности оформления.

На втором этапе руководители структурных подразделений были извещены о начале проведения внутреннего аудита. Проведена вступительная беседа, которая включала в себя:

- Приветствие;
- цель, задачи и объем анализируемого материала;
- обоснование причин и необходимости аудита;
- средства и оборудование;
- партнеры и сроки аудита.

Необходимо отметить, что, несмотря на некоторую осторожность в плане оценки новых методов анализа качества образовательного и воспитательного процесса руководители структурных подразделений с пониманием и уважением отнеслись к коллегам — аудиторам.

Членам группы были розданы опросные листы, включающие критерии, контрольные вопросы и свидетельства аудита.

В ходе проведения, анализа учебного процесса задавались следующие вопросы:

- какими нормативно — правовыми актами пользуются деканы и заместители деканов, в своей работе организуя учебный процесс;
- каким образом, и в какие сроки обновляются учебные планы специальностей и направлений подготовки бакалавров и магистров.
- каковы правила и документы учета учебной нагрузки преподавателей;
- каковы правила и документы учета выполнения учебного плана студентами факультета;
- на чем основывается контроль явки студентов на занятия;
- на основе, каких документов ведется учет балльно-рейтинговой системы оценивания знаний студентов;
- каким образом внедряется система электронного документооборота в учебный процесс и т.д.

Методы сбора информации включали в себя:

- опросы руководителей и заместителей руководителей, а так же методистов и лаборантов;
- наблюдения за деятельностью;
- анализ документов.

Результаты аудита показали, что факультеты, работают в целом по единому регламенту, принятому в НГГУ, но в то же время, вносят в свою работу и инновационные элементы. В частности, факультет

информационных технологий большей частью организует работу с документами с помощью системы электронного документооборота.

После проведения внутреннего аудита, руководителями групп были обработаны и проанализированы материалы проверки, а так же подготовлен отчет, который включал в себя:

- постановку цели аудита;
- объем аудита, идентификацию проверяемых процессов;
- идентификацию заказчика аудита;
- идентификацию участников группы и ее руководителя;
- даты и места проведения аудита;
- критерии аудита;
- наблюдения аудита;
- выводы по результатам аудита.

По результатам аудита руководителями групп проведены заключительные беседы, в ходе которых были обсуждены выявленные нарушения, например, не правильное ведение журналов по ознакомлению с входящей документацией, нарушение правил ведения ведомостей по балльно-рейтинговой системе и т.д.

Отмечены положительные стороны в работе структурных подразделений, а так же была достигнута договоренность о сроках проведения корректирующих действий.

Таким образом, проводимый внутренний аудит включал в себя выборочное обследование учебного процесса и устанавливал соответствие направления деятельности структурного подразделения (факультета) требованиям менеджмента качества принятого в Нижневарттовском государственном гуманитарном университете, связанные с ним документы СМК, их реализация, достижение целей и результатов.

Схема 1. Документационное обеспечение внутреннего аудита

1. Книга процессов СМК
2. Состав и документирование процедур СМК
3. Документационный оборот проверяемого подразделения
4. Опросный лист
5. Заключительные документы анализа проведенного аудита
6. Рекомендации о корректировке деятельности структурного подразделения, а так же его документационного обеспечения

В.Н.Ерохин

г.Нижневарттовск

Нижневарттовский государственный университет

ДИСКУССИИ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК» И «ДОКУМЕНТ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В рамках отечественной исторической науки в советский период в результате открытия в 1930 году Историко-архивного института и появления в 1966 году Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) сложились основы для оформления документоведения как учебной дисциплины и научной специальности. Любая власть нуждается в организации эффективного функционирования системы документооборота. Как считала О.М.Медушевская, «развитию источниковедения в советское время способствовало еще и то, что занятие источниковедческими проблемами давало возможность ухода от идеологического диктата и сохранения профессиональной преемственности» с дореволюционной русской историографией в стремлении к академичности, научности исторического исследования [2, С. 185—188].

Хотя документоведение по своей роли и задачам в первую очередь выполняет функцию документационного обеспечения управления, у документоведения есть общность в рассматриваемой этой дисциплиной проблематике с историческими науками. Есть вполне рациональные основания для того, что документоведение в современной номенклатуре научной специализации включено в исторические науки. Среди исторических дисциплин у документоведения видны сферы соприкосновения, в первую очередь, с источниковедением. В связи с этим среди историков и документоведов обсуждается вопрос о смысловом содержании понятий «исторический источник» и «документ».

Латинское по происхождению слово «documentum» (свидетельство, доказательство), в толковании многих историков, близко или даже синонимично по значению понятию «исторический источник». Так, по словам известного отечественного историка А.Б.Каменского (РГГУ), «понятия документа и источника практически

тождественны ... никакого научного знания о прошлом вне исторических документов / источников не существует» [4, С. 157—158].

Как отмечает еще одна известная исследовательница отечественной истории О.Е.Кошелева (ИВИ РАН), «историческим документом является любой текст, относящийся к прошлому... Я понимаю документ в широком смысле — как письменный источник. Для обозначения материалов документального делопроизводства в источниковедении есть понятие «документальные источники», наряду с повествовательными (нарративными) источниками, источниками личного происхождения (письмами и воспоминаниями)... Понятие «источник» шире понятия «документ». Источник может быть визуальным или материальным, тогда как документ — это все же бумага, исходящая из учреждения. Но термин «документ» может употребляться и в более широком смысле, синонимично термину «письменный источник»... За каждой, казалось бы, пустяковой бумажкой стоят культурные смыслы и практики прошлого. Увидеть их позволяет опыт. То есть тут дело не в документах, а в исследователях» [4, С. 164—166].

К.Н.Цимбаев (РГГУ) считает, что «исторический документ» — это письменный артефакт, имеющий историческую ценность. Историческим документом может быть признано практически все, что угодно... но документ для меня — все же именно письменный» [4, С. 167—168].

Интересны рассуждения о соотношении значений понятий «источник» и «документ», высказываемые Н.Д.Потаповой (Европейский университет в Санкт-Петербурге), и позволяющие пролить свет на происхождение оттенков смысловых различий в значении этих понятий в отечественной исторической науке. Становление изучения всеобщей истории в России в 1830—1840-е годы происходило под влиянием западноевропейской исторической науки, в рамках которой наиболее значимыми национальными историографическими традициями для русских историков были французская и немецкая историография. Во Франции в XIX веке «документом» называли то, что в немецкой традиции (относительно больше повлиявшей на язык русской исторической науки XIX века) именовали «источником» (*quelle*). Знаменательно, что в одном из наиболее известных методологических манифестов европейской позитивистской исторической науки второй половины XIX века, книге «Введение в изучение истории» Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса, их знаменитый афоризм «История пишется по источникам» во французском оригинале использует слово «документ» (*L'histoire se fait avec des documents*). В то же время весьма примечательно, что при работе над переводом этой книги французских историков в опубликованном русском издании 1898 года переводчица А.Серебрякова перевела понятие «документ» как «источник». Так что русский перевод этой книги в понятийном отношении в некотором смысле, так сказать, «онемечен» и сам по себе как источник свидетельствует о влиянии немецкой историографической традиции на русскую историческую науку.

За понятиями «документ» и «источник», считает Н.Д.Потапова, видны разные историографические традиции. В послереволюционной Франции XIX века работа с историческими источниками, критика текстов были генетически связаны с бюрократической судебной практикой и необходимостью обслуживать национализированные революцией архивы с документами. В государственные архивы в послереволюционное время обращались бывшие владельцы той или иной пострадавшей, конфискованной в результате революции собственности. Архивисты, историки в архивах профессионально работали с архивными материалами, которые в некоторых случаях начинали прямо играть роль документа, обосновывавшего право собственности или, напротив, не дававшего возможности удовлетворить чьи-то материальные претензии. Эти материалы архивисты и называли документами, во французской традиции XIX века документ «свидетельствует» нередко прямо в юридическом смысле слова, что оказало влияние на историческую научную лексику.

В немецкой исторической науке формирование понятия «источник» происходило в ином контексте, так что ассоциативные коннотации здесь иные. Многие немецкие университетские городки расположены по соседству с горнорудными промыслами, районами добычи полезных ископаемых. В немецкой исторической традиции в результате понятие «источник», как можно предполагать, буквально передает осколочные представления о прошлом, вынося их как руду наружу для немецкого историка.

В то же время между французскими и немецкими историками уже в 1840—1950-х годах возник диалог и обмен идеями, так что, например, известный немецкий исследователь И.Г.Дройзен в своем методологическом труде «Историка» (1858) писал, что историк в изучении прошлого имеет дело с посредниками — восприятими, представлениями, воспоминаниям. Этих посредников нужно исследовать, как исследуют доказательства в суде.

С течением времени французская традиция менялась. Для основателя Школы «Анналов» М.Блока и его единомышленников была важна идея об изучении истории как о «ремесле», так что эти историками стали говорить о «материалах» как основе для исторических исследований. Во второй половине XX века французские историки, особенно под влиянием постмодернизма, стали говорить уже не о «документах», а о «текстах» [4, С. 160—161].

В результате в современной отечественной исторической науке историки-исследователи, осознавая связь и определенное наложение смыслов в понятиях «источник» и «документ», все же предпочитают использовать понятие «источник».

Размышления о смысле понятий «источник» и «документ» характерны также и для современной зарубежной исторической науки [5; 6]. В последние два десятилетия самым заметным поводом, побуждающим исследователей задаваться вопросом «что такое документ?», стало развитие компьютерных технологий и формирование принципиально новых практик хранения и передачи информации, новых медийных сред, в конечном счете — новых типов социального взаимодействия. Появление электронной документации, новые образы документа (бумажный/цифровой) могут поколебать представление о материальности, устойчивости, неизменности документа. Возник под влиянием постмодернизма и стал также обсуждаться вопрос о том, что придает документу, так сказать, «документность», что именно в культуре обозначается понятием «документ».

Под углом зрения постмодернистского подхода документ — это то, что репрезентирует нас, наше знание, опыт, память или личность как таковую в социальном мире. Документ — это способ выстраивания социального «я», социальных связей, социальной общности, социальной реальности. Документы наделены способностью поддерживать воображаемые общности, в которых вырабатываются согласованные интерпретативные нормы. Статус документа присваивается теми или иными социальными институтами, закрепляется при помощи специфических маркеров (далеко не всегда эксплицированных столь же явно, как печать и подпись, архивный номер и каталожный шифр). Навык распознавать и прочитывать нечто как документ поддерживается определенным набором культурных норм, которые конституируют тот или иной артефакт как «документ». Документ становится явным и видимым тогда, когда функционирует в определенной социальной среде и том или ином культурно-историческом контексте. В другой же социальной среде со специфическими социальными нормами документ, не меняя своего содержания, может оказаться социально бесполезным.

В свете такого подхода к рассмотрению документа в широком социальном контексте французский исследователь П.Отле определяет документ как «представление реальности в форме либо литературной (библион, запись, текст), либо графической и скульптурной (образ, изображение)» [3, С. 288]. В результате документу приписывается множество функций: информационная, социальная, коммуникативная, управленческая и др. О значении понятий «исторический источник» и «документ» с точки зрения различия их социальных функций рассуждал также один из крупнейших современных отечественных источниковедов С.М.Каштанов. Интересна мысль С.М.Каштанова о том, что главная социальная функция документа состоит в том, чтобы «служить определенным средством воздействия на определенную сферу общественных отношений» [1, С. 15—16]. То есть главное в документе — это его целевое назначение, органически присущее ему, даже, как считает С.М.Каштанов, независимо от того, осознает это автор документа или нет. Документ, несомненно, выполняет целый ряд социальных функций: информационную, социальную, коммуникативную, культурную, управленческую, учетную, правовую. Документ также имеет значение исторического источника и выполняет соответствующую функцию. Но существенным отличием документа от источника в свете данных рассуждений является то, что документ, как правило, стремится регулировать общественные отношения в той или иной сфере общественной деятельности, в то время как исторический источник, как правило, не является артефактом, целью которого является такое регулирование. Это подмеченное С.М.Каштановым различие и можно признать одним из самых существенных различий между источником и документом.

Литература

1. Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988.
2. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
3. Отле П. Библиотека, библиография, документация: избранные труды пионера информатики / Пер. с англ. и фр. Р.С.Гиляревского и др. М., 2004.
4. Статус документа: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / Сборник статей. М., 2013.
5. Levy D.M. Scrolling Forward: Making Sense of Documents in the Digital Age. New York, 2003.
6. Sellen A.J., Harper R.H.R. The Myth of the Paperless Office. Cambridge (Mass.); London, 2001.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМ ДОКУМЕНТАЦИИ В СФЕРЕ МАЛОГО БИЗНЕСА

Предприятие малого бизнеса — небольшое предприятие любой формы собственности, характеризующееся, ограниченным числом работников и занимающее небольшую долю в общем по стране и региону объеме профильной деятельности [1].

Правовой базис по регулированию вопросов систематизации документов в сфере малого предпринимательства включают в себя: Конституцию РФ, Кодексы, федеральные законы, государственные стандарты и т.д. Так Конституция закрепляет гарантии граждан на реализацию прав на свободное использование своих способностей для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [2, С. 14]. Кодексы Российской Федерации. КоАП РФ определяют наказания, связанные с нарушениями в работе с документами [3]. В УК РФ включены статьи, косвенно регулирующие ответственность за нарушение правил ведения предпринимательской деятельности без надлежащих документов (ст. 171) [4]. ГК РФ содержит положения по работе с авторскими разработками, патентами и другими авторскими документами, наделяющими правообладателя исключительным правом [5].

Системообразующим законом в сфере предпринимательства Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [6]. Федеральный закон РФ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» регулирует отношения в сфере создания и распространения информации [7]. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» [8] в деятельности малых предприятий поставил вопрос о роли и значимости архивных документов образующихся в их деятельности.

Нормативные акты, косвенно затрагивающие вопросы регулирования документооборота малого бизнеса: Указ Президента «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» [9] и принятый в его исполнение Федеральный Закон «О защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [10].

Государственная система документационного обеспечения управления определяет основополагающие требования к документированию на предприятиях [11]. Деятельность предприятий в России в области документационного обеспечения управления основывается на государственной системе рекомендательных государственных стандартов [12; 13]. Одними из основных методических документов при построении системы документации на предприятии являются: «Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти» [14], «Основные правила работы архивов организаций» [15].

Нормативно-правовые акты муниципального уровня в сфере малого предпринимательства определяют государственную политику в направлении развития малого и среднего предпринимательства [17; 16]. К нормативно-правовым актам муниципального уровня в сфере малого предпринимательства на территории муниципальных образований можно отнести целевые программы на территории муниципальных образований [18; 20]. Во многих муниципалитетах действуют Долгосрочные целевые программы по развитию малого предпринимательства [21].

Реализацией внутренней политики в сфере малого предпринимательства, на предприятиях разрабатываются Инструкции по делопроизводству [22]. Инструкция по делопроизводству составляется в соответствии с ГОСТ Р 6.30-2003 [23], Типовой инструкцией по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти, утвержденной приказом Федеральной архивной службы России от 27.11.2000 № 68 [24], Уставом предприятия и другими нормативно-правовыми актами по вопросам порядка изготовления, пользования печатями, штампами и бланками предприятия малого бизнеса.

Для эффективной деятельности предприятия и его успешного взаимодействия со сторонними ведомствами и учреждениями необходима четкая система документации и нормативная регламентация не только документационных процессов их деятельности, но и разработка новых форм взаимодействия для перехода на новый — автоматизированный уровень управления предприятием.

Литература

1. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
2. Конституция Российской Федерации. М., 2004.
3. Кодекс РФ от 30.12.2001 № 195-ФЗ Об административных правонарушениях.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ, часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ, часть третья от 26.11.2001 (с дополнениями и изменениями.)
6. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) .
7. Федеральный Закон РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» .
8. Федеральный закон от 22.10.2004 м«Об архивном деле в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) №125-ФЗ. URL: <http://www.termika.ru/dou/docs/fzl125/html>.
9. Указ Президента России № 797 от 15.05.2008 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности».
10. Федеральный закон № 294-ФЗ от 26.12.2008 «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».
11. Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения управления. М., 1997.
12. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М., 2003.
13. ГОСТ Р 6.30-2003. УСД. УСОПД. Требования к оформлению документов. М., 2003.
14. Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти. Утверждена Приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 08 ноября 2005 г. № 536 URL: www.termika.ru/dou/docs/na536.html.
15. Основные правила работы архивов организаций Одобрены решением Коллегии Росархива от 06 февраля 2002 г. М., 2002. URL: <http://www.termika.ru/dou/>
16. Постановление Правительства ХМАО — Югры № 352-п от 27.12.2007 «О Совете по развитию малого и среднего предпринимательства в ХМАО — Югре».
17. Положение «О совете по развитию малого и среднего предпринимательства в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (в редакции постановления Правительства ХМАО — Югры от 20.12.2010 № 363-п).
18. Долгосрочная целевая программа «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства на территории города Ханты-Мансийска» на 2011—2013 годы и на период до 2015 года. Утверждена Постановлением Администрации города Ханты-Мансийска от 04.04.2011 № 412.
19. См. там же.
20. Официальный web-сервер Администрации г.Сургут. URL: <http://www.admsurgut.ru>.
21. Долгосрочная целевая программа «Развитие малого и среднего предпринимательства на территории города Нижневартовска на 2011—2015 годы» (с изменениями от 30.12.2010 №1529, от 19.07.2011 № 792, 28.09.2011 №1122)
22. Инструкция по делопроизводству ООО «Инэрэс» от 22.09.2009
23. ГОСТ Р 6.30-2003 Унифицированные системы документации Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов. М., 2003.
24. Типовая инструкция по делопроизводству в федеральных органах исполнительной власти. М., 2001.
25. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
26. Сокова А.Н. Из истории стандартизации управленческих документов в СССР (стандарты 1920-х — 1930-х годов) // Советские архивы. 1971. № 5.
27. См. там же С. 48—49.

А.Э.Кириченко

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

ВВЕДЕНИЕ В ТЕХНОЛОГИЮ ПОСАДОЧНЫХ СТРАНИЦ

Посадочные страницы (Landing pages) известные в информатике как целевые или входные страницы [1] и используются в целях получения максимальной конверсии от перехода пользователя по контекстной рекламе на сайт. Стоит пояснить, что процент конверсии, при работе с посадочными страницами стоит во главе угла. Конверсия регистрируется в том случае, когда пользователь нажимает на ваше объявление и выполняет действие, которое представляет для вас ценность [2].

Конверсия высчитываются как отношение пришедших пользователей с рекламы, к числу пользователей выполнивших необходимое действие [3]. Например, это может быть покупка в интернет-магазине или звонок с мобильного телефона.

Посадочные страницы со стороны пользователей, последние годы набирают популярность в связи с тем, что являются наиболее быстрым и удобным способом получить необходимую информацию или услугу по интересующей их области. На первый взгляд посадочная страница выглядит, чем то простым и не сложным, по сравнению с крупным многостраничным сайтом, но достигается такой эффект и высокая конверсия благодаря тесному переплетению технологии из области маркетинга, дизайна и программирования. И дело даже не в совмещении знаний, а в их высокой концентрации и качестве. Для каждого из специалистов это

возможность сделать один раз свою работу и приблизив ее идеалу, выполнить качественно то, что умеешь и увидеть результат в виде высокого показателя конверсии. Имеются современные инструменты комфортного создания посадочных страниц для специалистов из этих областей.

В статье предлагается кратко рассмотреть процесс разработки посадочной страницы с точки зрения маркетолога, дизайнера и программиста.

Маркетинг — это процесс, заключающийся в прогнозировании потребностей потенциальных покупателей и в удовлетворении этих потребностей путем предложения соответствующих товаров — изделий, технологий, услуг и т.д. [4]

Поскольку посадочная страница не подразумевает написание длинных текстовых материалов, все текстовое содержимое страницы производится руками маркетолога. Предварительно производится исследование, анализ и оценка нужд реальных и потенциальных потребителей продукции фирмы в областях, интересующих фирму. Анализ, оценка и прогнозирование состояния и развития рынков, на которых оперирует или будет оперировать фирма, включая исследование деятельности конкурентов. На основании этих данных формируется ассортиментная и ценовая политика.

Рассмотрим материалы и их свойства, использование которых повышает конверсию страницы.

Заголовок — вводная фраза, которая будет первым текстом, который прочтает пользователь, поэтому она должна пробудить желание пользователя как можно дольше оставаться на странице и просмотреть ее содержимое [5].

Фотографии или их спецификации для дизайнера — на ряду с заголовком и первыми словами абзацев, в первую очередь притягивают взгляд пользователя и составляют общее впечатление о вашем продукте [6]

Элементы, призывающие к действию — цены, акции, таймеры, счетчики, изменение которых в совокупности с впечатлением от остальной страницы приведет, к немедленному действию пользователя.

Предпросмотр — возможность попробовать продукт или просмотреть его видео обзор.

Социальные доказательства — отзывы или статистика по различным социальным сообществам, пробуждает чувство доверия и вовлеченности жизнь продукта.

Элементы безопасности — лицензии, гарантии, сертификаты и прочие материалы, создающие чувство безопасности при выполнении целевого действия, заложенного в страницу.

После того как необходимые материалы подготовлены нужно их разложить в логическую последовательность и передать дизайнеру.

Дизайн — искусство компоновки, стилистики и украшения [7].

Дизайнер достигает повышения конверсии целевой страницы путем создания эргономичного интерфейса, позволяющего как можно быстрее пройти ключевые этапы просмотра страницы к выполнению действия. Для этого существует множество визуальных инструментов.

Механизм инкапсуляции — расположить ключевые элементы и действие на экране, изолируя от элементов второстепенной важности [8]. В случае с посадочными страницами, область видимости на экране, которую в первую очередь обозревает пользователь, должна содержать как минимум заголовок, фотографию и призыв к действию. Исследования с помощью айтрекера [9]. (Айтрекеры определяют ориентацию глазного яблока относительно некоторой системы координат) наглядно отражают перемещение взгляда пользователя по странице и ключевые моменты, на которые он обращает внимание.

Психология цветовосприятия определяет, какую эмоциональную predisposition создаст цвета, используемые в дизайне страницы. Изучает ее Цветоведение [10] — наука о анализе процесса восприятия и различения цвета на основе систематизированных сведений из физики, физиологии и психологии.

Психология восприятия фотографии. Учеными давно доказан тот факт, что восприятие информации человеком происходит по большей части не за счет слов, а за счет ее эмоционального и зрительного содержания — позы, жестов, интонации, движения, мимики, цвета одежды и т.д. Влияние оказывают многие факторы, такие как ракурс съемки, направление движения, место расположения объекта, их форма и цвет. Подбирая и располагая фотографии по определенным параметрам можно усилить эмоциональную окраску других важных элементов страницы.

Контраст изображений, иконок и кнопок — выделив яркостью, необходимые элементы поможет пользователю быстрее сориентироваться и понять, что от него требуется.

Дизайн страницы, который выглядит дорого и профессионально увеличит доверие пользователя к продукту. Главное помнить, что простота использования и лаконичность одно из основных свойств посадочной страницы.

Когда дизайн страницы готов, время программиста верстать страницу.

Программирование одной посадочной страницы на первый взгляд простой процесс относительно создания много страниц. Это действительно так, более того существует множество инструментов, которые позволяют и вовсе обойтись без программирования, вопрос лишь в цене использования таких инструментов. Хочу обратить внимание на некоторые особенности современной верстки и возможности новых технологий.

Количество пользователей мобильных устройств постоянно растет и, как правило, именно для них ключевой является скорость получения нужной информации со страницы, что означает, что посадочная страница

должна быть сверстана с учетом корректного отображения на экранах различной диагоналей. При этом просмотр страницы на мобильных устройствах происходит в двух режимах, в вертикальной и горизонтальной ориентации. Современные html5 фреймворки используют технологий css3 и javascript для динамической подмены стилей различных элементов с учетом размера окна браузера. Развитие этих технологий привело к ряду важных изменений, таким как возможность, использование программируемой векторной графики, отказ от flash анимации в пользу анимации на css3 и javascript. К сожалению, доля устаревших браузеров на персональных компьютерах еще достаточно велика для повсеместного использования css3 анимации и векторной графики. Ответ на вопрос стоит ли использовать эти технологий лежит в современности программного обеспечения целевой аудиторией продукта посадочной страницы.

Есть мнение можно заниматься наукой, разработками и ждать признания, ожидать, что кто-то прочитает вашу работу или найдет продукт в архивах или на выставках и к вам придет слава и признание, но в современном мире все больше людей занимаются умственной деятельностью и ваши труды могут быть так и никем не замечены. Посадочная страница не только способ продавать, но и хороший способ заявить о себе, своей работе или продукте, при сравнительно низких затратах на домен и хостинг. Современные тенденции веб-дизайна диктуют моду на плоские элементы дизайна, что упрощает создание элементов оформления и уменьшает требования к художественным способностям дизайнера. Более того, многие фреймворки изначально ориентированы на плоский дизайн и имеют готовые шаблоны оформления элементов.

Литература

1. Пастухов П.М. Входные страницы. URL: <http://www.tigir.com/computerdic.htm>.
2. Мут Дж. Входные страницы. URL: <https://support.google.com/adwords/answer/6365?hl=ru>.
3. Размещение информации. URL: <http://www.seo-dream.ru/konversia/>
4. Информационные технологии сегодня. URL: <http://www.grandars.ru/student/marketing/marketing.html>.
5. Покупатели и спрос. URL: http://www.elitarium.ru/2011/10/24/zagolovok_vsemu_golova.html.
6. Мут Дж. Входные страницы URL: <http://www.smartbugmedia.com/blog/bid/159359/5-Landing-Page-Best-Practices-for-Image-Selection>.
7. Розенсон И. Основы теории дизайна. СПб., 2006.
8. Шефер А.В. Входные страницы. URL: <http://blog.hubspot.com/marketing/principles-of-conversion-centered-landing-page-design>.
9. Лисицын В.В. Входные страницы. URL: <http://usableworld.com.au/2009/03/16/you-look-where-they-look>.
10. Лисицын В.В. Входные страницы. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Психология_восприятия_цвета.

Е.В.Котова

г.Нижевартовск

*Региональный центр в г.Нижевартовске,
Филиал ООО «РН-Информ» в г.Нефтеюганск*

КЕЙС-МЕНЕДЖМЕНТ В ОРГАНИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Кейс-менеджмент совершенно новый подход к организации управленческих процессов, в мировой практике уже давно применяется в целях значительного улучшения показателей деятельности предприятий. Документационное обеспечение управления — один из важнейших и неотъемлемых частей общего процесса управления, следовательно, и в этой сфере использование кейс-менеджмента является актуальным.

В России эта технология только начала свое развитие и поэтому нормативного определения кейс-менеджмента на сегодняшний день в государстве не существует.

В соответствии с определением в зарубежной литературе, кейс-менеджмент — это процесс, в котором объединяется оценка, планирование, помощь и поддержка в получении услуг, соответствующим потребностям клиента, осуществляющим посредством общения и поиска доступных ресурсов для достижения качественных результатов [1, С. 213]. В настоящее время среди российских специалистов, в том числе в сфере документационного обеспечения управления, дискуссионным является вопрос о сути кейс-менеджмента — это данные или процесс.

По мнению автора данного материала, нельзя так однозначно толковать это явление: наиболее оптимальным представляется понимание кейс-менеджмента как объединения определенных действий и совокупности данных, связанных с тем или иным объектом.

Интенсивное развитие информационных технологий в настоящее время позволяет констатировать, что классические системы электронного документооборота (СЭД) теряют свою значимость — в современном высокотехнологичном обществе необходимо учитывать современные тенденции в управлении предприятием, чтобы обеспечить его полноценную конкурентоспособность.

В обычном документообороте все сконцентрировано вокруг одного документа, поступающего один за другим к исполнителю. В СЭД не предусмотрено собирать всю работу по конкретному вопросу в одном месте. Вся логику по переписке с документами специалист должен отслеживать самостоятельно. Использование кейс-менеджмента позволяет создать единую гибкую систему, оперативно реагирующую на все изменения внешней среды.

Реализация концепции кейс-менеджмента в системы электронного документооборота позволит структурировать информацию в виде конкретных заданий (кейсов), где для достижения целей можно будет обрабатывать несколько документов, поручений и т.д. различными сотрудниками в разное время. Позволит не детализировать шаги, которые должен сделать в пределах его полномочий. Для работы сформировать необходимые документ, события, людей для решения нужной ему задачи.

Использование кейс-шаблонов позволяет вносить все, что можно использовать многократно, а это связанные документы по вопросу, переписку, информацию по людям, которые с ними работали, метаданные и события. При возникновении нестандартной ситуации участникам данного кейса предусматривается менять все, что требуется, в конкретных жизненных ситуациях и с соблюдением разграничения доступа.

Кейс — это работа, которая должна быть выполнена. Процесс — это путь по которому должна быть выполнена работа. Все кейсы имеют хотя бы один связанный процесс, даже если он не формализован. Кейс и процессы не могут существовать друг без друга, это одно из основных различий между традиционным управлением бизнес-процессом (BusinessProcessManagement) и кейс-менеджментом. Управление бизнес-процессами (BPM) — концепция процессного управления организацией, рассматривающая бизнес-процессы как особые ресурсы предприятия, непрерывно адаптируемые к постоянным изменениям, и полагающаяся на такие принципы, как понятность и видимость бизнес-процессов в организации за счет моделирования бизнес-процессов с использованием формальных нотаций, использования программного обеспечения моделирования, симуляции, мониторинга и анализа бизнес-процессов, возможность динамического перестроения моделей бизнес-процессов силами участников и средствами программных систем [2].

Разделение кейсов и процессов самая важная причина почему кейс-менеджмент это такой мощный инструмент в управлении процессов. Понимая разницу в этих двух концепциях сам кейс и его процессы может управляться, как большая общая часть работы. Кейс может содержать большое количество процессов, которые выполняются от имени этого кейса. Они часто проходят параллельно и многие кейсы могут содержать подкейсы, которые имеют множество процессов внутри себя. Если содержимое кейса меняется, то процессы, которые выполняются от его имени должны будут переделываться или перезапускаться.

В BPM системах процессы выполняются отдельно и они особо не влияют на выполнение друг друга, что нельзя сказать про кейс-менеджмент, где все процессы лежащие внутри кейса организованы и работают ради одной цели.

Традиционные системы электронного документооборота и бизнес процессами (BPM) не справляются со всеми нуждами, которые нужны современным организациям. Организации ищут информационную систему, которая позволит им управлять всеми видами работ: автоматизированная работа, работа, которую выполняют люди вручную, специализированная деятельность или работа с большим количеством данных и т.д.

Кейс-менеджмент позволяет управлять всеми частями процесса, которые необходимы для результата выполнения обрабатываемого задания и дает возможность создавать взаимосвязанную сеть кейсов, где изменение в одной части процесса всегда фиксируется, если это необходимо, и влияет на другие процессы внутри самого кейса. Управление работой становится более целостной. Кейс-менеджмент позволяет организациям значительно улучшить результаты их работы. Это достигается за счет избегания дублирования работы и из за этого улучшается работоспособность, что позволяет использовать максимально человеческие факторы в существующей системе.

Кейс-менеджмент имеет нужный и удобный инструментарий, который позволяет грамотно организовать социальную деятельность людей на предприятии, и автоматизировать ее.

Традиционные системы бизнес процессов нацелены на процессы, а системы кейс-менеджмента нацелены на результат, при этом алгоритм достижения цели может быть неизвестен на момент создания задач, а определяется в момент самого бизнес процесса это и добавляет жизнь в традиционные системы BPM.

Организация кейс-менеджмента легка в понимании: возникает запрос от клиента либо возникает потребность в товаре или услуге на самом предприятии, этот запрос приходит руководителю, либо автор этого кейса имеет полномочие взять на себя эту задачу. Следом кейс создается вручную или берется из библиотеки шаблонов, далее назначаются исполнители задач и поручений, исполнители создают подзадачи и обслуживания.

Примером для использования реализации концепции кейс-менеджмента может выступать продукция компании «ИнтерТраст» — ведущего производителя типовых и заказных систем электронного документооборота (СЭД) на российском рынке, — новая четвертая версия системы электронного документооборота [3].

Кейс-менеджмент это — более современный подход к организации документов и коллективной работы, что позволит заметно повысить скорость работы с документами и сделать ее более комфортной.

Литература

1. Tom Koulopoulos. Taming the Unpredictable. Real World Adaptive Case Management: Case Studies and Practical Guidance, 2011.
2. URL: <http://ru.wikipedia.org>
3. URL: <http://www.intertrust.ru>

М.В. Кугаевских
г. Ханты-Мансийск
директор ООО «Энерголайн»

ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОМПАНИИ ООО «ЭНЕГРГОЛАЙН»

В законодательстве Российской Федерации перечислено множество различных видов тайн к ним относятся: профессиональная, государственная, служебная, коммерческая, врачебная, адвокатская, налоговая, нотариальная и др. В практической деятельности коммерческие организации сталкиваются с рядом трудностей в плане организации конфиденциального делопроизводства в частном предприятии.

Важную роль играет сам процесс организации работы с конфиденциальной информацией, процесс работы с документами, личные качества сотрудников организации их порядочность и профессиональные навыки, а так же хорошо защищенный электронный документооборот.

Сотрудник, работающий с конфиденциальной информацией должен обладать следующими знаниями, умениями и навыками:

- осознавать социальную значимость своей работы,
- обладать материальной мотивацией к выполнению своего функционала;
- владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации;
- иметь навыки работы с компьютером как средством управления информацией;
- уметь анализировать проблемы своей организации, быть в курсе происходящих процессов и событий;
- уметь самостоятельно работать с различными источниками информации;
- обладать способностью, анализировать ценность документов с целью их хранения;
- владеть навыками работы с документами ограниченного доступа;
- знать методы защиты информации.

В том числе современный сотрудник организации должен знать и ориентироваться:

- в правовой основе деятельности государственных и коммерческих организаций;
- в нормативно правовой основе организации конфиденциального делопроизводства;
- в видах конфиденциальных документов;
- в грифах секретности;
- в основных мероприятиях, проводимых в рамках безопасного документооборота в организации;
- в способах защиты документов;
- в способах хранения конфиденциальных документов;
- в способы регистрации входящих и исходящих конфиденциальных документов.

Статья 139 Гражданского кодекса Российской Федерации подробно излагает, какая информация составляет служебную или коммерческую тайну. Например, если сведения:

- имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам;
- к ним нет свободного доступа на законном основании;
- обладатель информации принимает меры к охране ее конфиденциальности.

В законе Российской Федерации «О коммерческой тайне» излагается, что коммерческая тайна — конфиденциальная информация, позволяющая ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду.

На примере, рассмотрим организацию работы с конфиденциальной информацией в ООО «Энерголайн».

Основным видом деятельности организации является — деятельность в области энергосбережения.

Необходимо отметить, что данный вид коммерческой деятельности стал актуальным достаточно недавно, поэтому в ходе его организации потребовалось немало усилий, получения разрешительного пакета документов для осуществления деятельности по энергосбережению.

В ООО «Энерголайн» введен режим коммерческой тайны, для этого Общество разработало определенный пакет документов и провело ряд организационных мероприятий.

Во-первых, Организация определила и регламентировала в сведения конфиденциального характера, которые и составили основу коммерческой тайны.

К конфиденциальным сведениям относятся:

- стратегический бизнес — план на 3 года и 12 лет;
- информация о крупных клиентах и их направлениях деятельности;
- конкурсная документация по работе с государственными заказами;
- научные разработки;
- персональные данные работников и клиентов;
- электронные пароли и ключи;
- информация финансового характера.

Во-вторых, руководство организации определило в виде положения, каким образом будет осуществляться защита коммерческой тайны, как будут обозначаться носители коммерческой тайны, кто будет иметь право доступа к ним, как это будет учитываться, на кого будет возложена функция контроля, какова будет ответственность за разглашение коммерческой тайны и т.д.

В-третьих, были разработаны и внесены соответствующие изменения в должностные инструкции работников, в дополнительные трудовые соглашения о материальной ответственности за распространение конфиденциальной информации.

У каждого работника берется письменная расписка о сохранности конфиденциальных сведений, составляющих коммерческую тайну, которые стали известны в процессе работы.

В-четвертых, в ОАО «Энерголайн» создаются все необходимые условия для соблюдения, установленного Обществом, режима коммерческой тайны, например, внедрена система круглосуточного видеонаблюдения, имеются шкафы-сейфы для хранения конфиденциальной информации, электронных ключей, печатей и штампов.

Все технические средства имеют пароли, которые вовремя обновляются и имеют защиту от несанкционированного доступа и компьютерного саботажа

На практике существуют проблемы такие как: копирование информационных писем другими предпринимателями, утечка выставляемых цен на выполнение государственных заказов, сбои в работе Интернет сети и т.д.

Несмотря на все трудности принимаемый комплекс мер, позволяет организации чувствовать себя уверенно на рынке услуг по энергосбережению, получать прибыль и развиваться дальше.

Схема-памятка работы с конфиденциальной информацией ООО «Энерголайн»

Ознакомление с нормативно-правовой информацией о деятельности ООО «Энерголайн»
Подписание листов ознакомления
Получения необходимых технических средств для работы, оборудование рабочего места
Получение необходимых паролей, знакомство с работой электронного документооборота организации
Ежедневный отчет руководителю о работе, в том числе о использовании конфиденциальной информации (при необходимости)
Ежедневная сдача рабочего места сотрудника на охрану

А.В.Савельева

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Проблема нормативного правового регулирования управления электронными документами является актуальной для большинства современных стран мира. Этот факт констатируется многими российскими исследователями. М.В.Ларин, Н.А.Храмцовская, А.В.Савельева определяют, что государственная власть, в большей степени, должна осуществлять основные функции по управлению документацией. Отдельное внимание при этом стоит уделить электронным документам, число которых ежегодно увеличивается. Это позволит рационализировать процессы создания, использования и хранения электронной документированной информации [1—2; 3—4].

В США под термином «управление документами» понимается процесс регулирования жизненного цикла документов — с момента их рождения, выполнения ими соответствующих задач в управлении до уничтожения или передачи на архивное хранение.

Процесс управления документацией всегда занимал важное место в деятельности государственных органов США. В настоящее время приобрела особую значимость проблема управления системами электронной документации. Это подтверждается регулярной разработкой и совершенствованием специального законодательства, регламентирующего работу с электронными документами.

В США существует целый ряд нормативных правовых актов, затрагивающих проблему управления электронными документами. Одним из первых законов, определяющих необходимость увеличения объемов использования электронных документов в системе управления, является закон «О снижении бумажного документооборота» (1995 г.). Он обосновывает необходимость внедрения электронного документооборота в деятельность государственных и муниципальных органов. В частности он определяет необходимость:

- снижения бумажной нагрузки на граждан, малый бизнес, образовательные и некоммерческие организации, власти штатов, местные власти и других лиц;
- координации, интеграции и в практически достижимых пределах унификации политики и практики по управлению информационными ресурсами;
- снижения издержек по сбору, созданию, поддержке, использованию, распространению и размещению информации;
- предоставления необходимой информации своевременно, объективно и в удобном виде;
- обеспечения того, чтобы создание, сбор, поддержка, использование, распространение и размещение информации проводились на основании защиты частных интересов и конфиденциальности, защищенности информации, доступа к информации.

В 1998 году был принят закон «О ликвидации бумажного документооборота в государственных органах» (Government Paperwork Elimination Act of 1998). Он наделяет Административно-бюджетное управление полномочиями по обеспечению поддержания, представления и раскрытия информации федеральными регулирующими органами в электронном виде (вместо бумажного). Так, все федеральные ведомства в США должны были обеспечить прием информации от граждан и заключение сделок в электронном виде.

Закон направлен на то, чтобы обеспечить гражданам однократный (one-step) доступ ко всей информации и услугам, обеспечить большую оперативность таких услуг и сделать деятельность правительственных органов более открытой. Также закон поощряет использование разнообразных форм электронного доступа [5].

Однако перед государственной властью встала проблема придания юридической силы электронным документам. В связи с этим в 2000 году был принят закон «Об электронных подписях в международной и внутренней торговле». Он посвящен общим принципам регулирования электронной торговли, в том числе, правовому признанию электронных сделок, а также включает большое число норм, регламентирующих применение электронных документов и электронных подписей.

Подразумевается, что закон должен применяться только в тех случаях, когда электронные подписи используются для совершения коммерческих операций. Он закрепляет правило, в соответствии с которым электронные документы и подписи приравниваются к документам и подписям в письменной форме. Исключением является ограниченное число случаев. Например, федеральные органы власти могут потребовать предоставить документ в письменной форме в случаях, диктуемых соображениями национальной безопасности.

В 2002 году был принят новый закон — закон Сарбейнса-Оксли (Sarbanes-Oxley Act, SOA). Он должен был способствовать улучшению отчетности предприятий, пользующихся услугами кредитного рынка США. Главным его требованием является создание внутренней системы контроля для всех данных, имеющих отношение к отчетности. Среди прочего предполагается введение электронных средств документооборота [2, С. 54—56].

Логическим дополнением к вышеназванным законам стал Президентский меморандум «Управление государственными документами» (2011 г.). Причинами, послужившими для его подготовки, стали устаревшие подходы в системе управления электронными документами.

Цель данного меморандума заключается в изменении процесса управления документами в электронную эпоху, с тем, чтобы американская общественность могла иметь доступ к ясной и точной информации о решениях и действиях федерального правительства [4].

В пресс-релизе и в материалах, опубликованных в связи с изданием меморандума, приводились данные, показывающие масштабы электронной архивации государственных документов. Электронные архивы правительства хранят 142 терабайта данных, или 142 тысячи гигабайт. Библиотека Конгресса США накопила 254 терабайта данных, а объем массива изображений, полученных более чем за 20 лет с космического телескопа «Хаббл» Национального аэрокосмического агентства (NASA), составляет более 45 терабайт.

Национальные Архивы ежегодно принимают на хранение порядка 475 миллионов страниц электронных документов, и при этом архивная служба постоянно напоминает, что федеральные органы власти отстают в своих усилиях по переходу на электронные документы, что означает неисполнение ими требований закона о федеральных документах.

На основании меморандума «Управление государственными документами» директор Административно-бюджетного управления администрации США (ОМВ) и Архивист США, в координации с Генеральной прокуратурой, и консультируясь с заинтересованными агентствами, межведомственными группами и внешними заинтересованными сторонами, разработали *Директиву по управлению документами* (Records Management Directive). В ней содержатся указания руководителям агентств относительно конкретных мер по реформированию и улучшению политики и практики управления электронными документами в их ведомствах [6].

Данная Директива создает надежную, соответствующую законодательно-нормативным требованиям основу для управления документами с целью получения отдачи, предусмотренной меморандумом Президента США.

Директива требует, чтобы федеральные органы исполнительной власти в максимально возможной степени отказались от бумажных технологий и перешли на электронное делопроизводство. Это требование относится ко всем органам исполнительной власти и ко всем документам, независимо от их грифа секретности и любых иных ограничений.

Таким образом, в США создана достаточно обширная нормативная правовая база по управлению электронными документами. Это способствует тому, что именно США являются разработчиками рациональных технологий управления документами. В связи с этим американский опыт используется и другими ведущими странами мира.

Литература

1. Ларин М.В. Управление документацией: теория и практика / DIRECTUM. URL: <http://www.directum.ru/425841.aspx>.
2. Савельева А.В. Особенности управления документацией в Соединенных Штатах Америки // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 8 февраля 2013 года) / Отв. ред. А.В.Коричко. Нижневартовск, 2013. Ч. III. С. 54—56.
3. Степанова В.В., Савельева А.В., Якубова Л.А., Судник Т.В. Управление документацией за рубежом: Учебное пособие. Нижневартовск, 2012.
4. Храмцовская Н.А. Открытое правительство США: основные идеи и практика реализации // Информационные системы для научных исследований: Сборник научных статей. Труды XV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». Санкт-Петербург, 10—12 октября 2012 г. / НИУ ИТМО. СПб., 2012. С. 316—322.
5. Government Paperwork Elimination Act of 1998. URL: <http://www.reginfo.gov/public/reginfo/pract.pdf>.
6. Memorandum for Heads of Departments and Agencies, August 24, 2012 / The White House. URL: <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/omb/memoranda/2012/m-12-18.pdf>.

О.Р.Серба

г. Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

ВНЕДРЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА

Современными учреждениями и организациями признано, что автоматизация документооборота необходима, это связано с тем, что системы электронного документооборота (СЭД) позволяют автоматизированными средствами оптимально решить наиболее актуальные делопроизводственные задачи учреждения, повысить общие управленческие задачи, сделав их более прозрачными и понятными как для руководства, так и для подчиненных. Внедрение автоматизированной системы обеспечивает рациональную организацию делопроизводства и снижает психологические нагрузки в управлении.

Сегодня на рынке присутствуют мировые и отечественные разработки СЭД, поэтому любая организация имея свои нюансы в сфере документооборота, изучив основные характеристики предлагаемого продукта, легко может найти оптимальный для себя. Главное отличие зарубежных от отечественных СЭД заключается в том, что первые обеспечивают не только сохранение информации, но и целостность и аутентичность электронных документов. Различия российского и зарубежного документооборота приводят к тому, что прямое использование популярных западных продуктов возможно лишь для использования делопроизводственных задач частного характера. Авторы отечественных СЭДов уже давно предлагают собственные решения по данному вопросу.

Российские программные продукты сохраняют все традиции и нормы делопроизводства, принятые в российском документообороте, сопровождая бумажный документооборот и уменьшают трудоемкость операций по обработке документов. Такая система существенно расширяет рамки традиционного документооборота за счет электронной обработки и исполнения документов.

Системы западного делопроизводства ориентированы на максимально полное использование электронных документов, что предполагает изменение устоявшихся отечественных традиций в системе документационного обеспечения управления.

Внедрение систем автоматизации документооборота преследует множество задач: повышения оперативности и качества работы с электронными документами; упорядочение документооборота; обеспечение контроля исполнения документов с различных уровней управления; создание благоприятных условий для перехода от бумажного документооборота к электронному документообороту; организацию необходимых условий для повышения производительного труда по работе с документами и снижения трудозатрат; обеспечение повышения качества создания документов; исключение дублирования операций по созданию, исполнению и уничтожению/передаче документа на различных участках работы с ним.

В области контроля за исполнительской дисциплиной документа СЭД обеспечивает: автоматизированный контроль за прохождением документов в подразделениях учреждений с момента их получения/создания до завершения работы с ними; своевременное информирование сотрудников и руководства о поступивших и создаваемых документах, исключение потерь документов; контроль за исполнением документов, поручений различных уровней руководства; оперативное получение информации о состоянии исполнения и месте нахождения любого документа; минимализация сроков прохождения и исполнения документов. В области организации доступа к информации обеспечивается централизованное хранение документов, подготовленных в электронной форме, и их графические образы, иных сопутствующих материалов — регистрационных карточек документов, резолюций, сопроводительных документов [1, С. 2].

Процесс внедрения СЭД состоит из: экспертиза бизнес-процессов организации, выявляются все элементы структуры предприятия, связанные с процессом хождения, движения и особенностей учета документов. Результатом таких действий является максимально полная фотография бизнес-процессов в разрезе делопроизводства и документооборота.

Для внедрения СЭД и ее адаптации к условиям и требованиям предприятия создается рабочая группа [2, С. 3]. Рабочая группа составляет план внедрения проекта, включающий все технологические и организационные шаги, разрабатывает нормативную и методическую базу, среди которых особое место занимают следующие документы: инструкция по делопроизводству и организации документооборота с учетом эксплуатации СЭД; положение о внутреннем электронном документообороте; порядок внутреннего электронного документооборота; приказы и распоряжения по организации о внедрении СЭД с использованием электронной подписи; электронные материалы по работе в СЭД для самостоятельного изучения сотрудниками.

На основании результата выполнения этого этапа производится настройка системы электронного документооборота на схему делопроизводства и документооборота и всего управления компании. Срок реализации зависит от количества автоматизированных рабочих мест.

Далее предполагается осуществление мероприятий по техническому оснащению СЭД: установка кластеров СЭД; тиражирование комплектов баз и банков данных; настройка функционирования и взаимодействия удаленных серверов СЭД; установка рабочих мест программного комплекса системы на компьютеры участников СЭД [3, С. 4].

Административной группой совместно с руководителями задействованных в проекте подразделений проводится значительная организационная работа по: составлению списков участников СЭД с закреплением исполняемых функций, отработке технологий электронного документооборота, консультированию и обучению сотрудников работе в системе; тестированию и эксплуатации системы.

По завершению обучения персонала проводится тестирование системы, где сотрудники ведут двойной учет документов: бумажный и электронный. В тестовом режиме выявляются недочеты, исправляются ошибки и добавляются неучтенные функции.

В случае успешного тестирования, СЭД запускается в промышленную эксплуатацию. Внедрение полноценной СЭД требует затратных средств, обеспечивающих в первую очередь необходимый функциональный базис.

В целом же, внедрение отечественных и зарубежных СЭД преследуют одни и те же цели по рациональной организации электронного документооборота.

Литература

1. Баласанян В.Э. 2006 год — год электронного документооборота // Справочник секретаря и офис-менеджера. 2006 г. № 5. С. 32.
2. Золотых И. Программные продукты отражают особенности отечественного документооборота. URL: <http://www.csys.ru/delo/docs/034>.
3. Пшенко А.В. Делопроизводство: Документационное обеспечение работы офиса: Учебное пособие для студ. учреждений сред. проф. образования. 2-е изд., стер. М., 2003. С. 166.

ДОКУМЕНТЫ ГУТО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В Г. ТОБОЛЬСКЕ» ПО ОРГАНИЗАЦИИ РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В 1862 г. был принят новый устав о воинской повинности, в соответствии с которым производились рекрутские наборы до конца 1874 года. Документы рекрутских присутствий в настоящее время хранятся в современных исторических архивах Российской Федерации. Состав этих документов обширен, их содержание дает полное представление об организации рекрутских наборов. В ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске» имеются на хранении фонды Тобольского окружного по воинской повинности присутствия и Тобольского уездного по воинской повинности присутствия, в которых объединены переписка присутствий, журналы заседаний, метрические выписи на рекрутов, прошения об освобождении от воинской повинности, алфавитные списки рекрутов и др. [1]. Следует отметить тщательное оформление указанных документов, благодаря чему они являются ценнейшими источниками информации.

Время проведения рекрутских наборов, количество рекрутов каждый раз определялись Высочайшими указами. Ими же определялся характер набора: обыкновенный (4—5 рекрутов с 1000 лиц мужского пола), усиленный (7—10 человек с каждой тысячи) или чрезвычайный (более десяти рекрутов).

Набор производился поочередно с восточной и западной полос Российской империи, в особых случаях — со всего государства.

Рекрутскую повинность обязаны были нести все сословия, платившие в казну подушную подать: мещане, государственные, удельные и вышедшие из крепостной зависимости крестьяне. По объявлении набора, Казенная палата составляла так называемое «Расписание», где указывала, сколько рекрутов должен поставить каждый участок.

Для приема рекрутов на время набора в каждой губернии назначалось до четырех приемных мест: одно — в губернском городе, другие — в городах уездных. К каждому приписывалось 2—3 уезда. Назначение приемных мест производил особый Рекрутский комитет, в который входили: губернатор, губернский предводитель дворянства, председатель Казенной палаты и управляющий Палатой государственных имуществ. На протяжении всего периода набора эти должностные лица не имели права уходить в отпуск.

О местах и сроках приема рекрутов начальство каждого рекрутского участка извещалось через городскую и земскую полицию.

Представляя рекрутов, общество каждого участка должно было платить в казну деньги, которые шли на обмундирование, провиант, жалование рекрутам и на гербовую бумагу.

Для сопровождения рекрутов в участках избирались доверенные лица — отдатчики. Привезенных рекрутов отдатчики сдавали в Рекрутские присутствия, которые утверждались в каждом приемном месте.

Прибывшие рекруты самостоятельно размещались на квартирах. На время набора Думы городов, в которых находились приемные пункты, устанавливали умеренные цены на квартиры, продукты, а также на сено и овес. Лист с этими ценами вывешивался при входе в Рекрутское присутствие и требовать денег сверх указанных обывателям запрещалось.

Присутствие принимало рекрутов с рассвета и в случае необходимости — до сумерек. Но «при свечах» (т. е. в позднее время суток) прием вести не разрешалось.

В Присутствие рекруты заходили по одному, где и проходили медицинское освидетельствование. Их данные и вся подноготная заносились в специальные Формулярные списки. Одобренного рекрута выводили в особую комнату, где стригли голову и сбривали бороду, оставляя бакенбарды и усы (если таковые имелись). Если же какой-либо кандидат на военную службу отдавался в рекруты за побег от воинской повинности или за другие проступки, ему обривали переднюю часть головы, не оставляя ни усов, ни бакенбардов. В первом случае председатель Присутствия провозглашал: «Лоб стричь!». Во втором: «Лоб брить!». Неудостоенному приема в рекруты, выбривали затылок. Позже, в 1866 году, эти правила были отменены.

При исполнении рекрутской повинности допускался добровольный наем желающих служить, а также замена одного лица другим. Вопрос о разрешении замены решался на заседаниях Рекрутского присутствия.

Если замена была разрешена, то на руки лицу, представившему нового рекрута, выдавалась специальная квитанция. Кроме того, допускалось выполнение воинской повинности деньгами (за рекрута выплачивали выкуп).

Принятые рекруты переходили под начало военного приемщика, который устраивал им переключку. За тем рекрутов сразу же приводили к присяге духовные лица того вероисповедания, которому они принадлежали. Присягал каждый на своем родном языке.

Принявшие присягу рекруты разделялись на артели — не менее 10 человек в каждой. Составлявшие одну артель должны были следить друг за другом: круговая порука пресекала попытки к бегству.

По мере приема, рекрутов обмундировывали, затем делили на партии от 500 до 1000 человек и в сопровождении офицера или унтер-офицера из состава внутренней стражи, и команды нижних чинов, отправляли к месту службы.

Не только порядок проведения рекрутских наборов отражены в документах Тобольского окружного по воинской повинности присутствия, но и сведения о самих призывниках: место и дата рождения, описания внешности, включая особые приметы, вероисповедание и проч. Таким образом, данные документы могут выступать в качестве ценнейших источников генеалогической информации при проведении соответствующих изысканий.

Литература

1. ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске» Ф. 688: Тобольское окружное по воинской повинности присутствие. 1874—1902 гг., 248 ед. хр.; Ф. 455: Тобольское уездное по воинской повинности присутствие. 1902—1919 гг., 163 ед. хр.

Н.А.Тюрикова

г.Волгоград

Волгоградский государственный университет

НАПРАВЛЕНИЯ УПОРЯДОЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО И АРХИВНОЕ ДЕЛО»

Значение классифицирующей, унифицирующей и стандартизирующей деятельности в области терминологии делопроизводства и архивного дела велико как с точки зрения теории представления понятийной динамики интегральной и гибридной области деятельности, так и с позиций документной практики, для которой перечисленные операции являются формами фиксации языковых средств, принятых в профессиональной коммуникации.

Процессы упорядочения и стандартизации межотраслевой терминологии, в результате которых выделяется подсистема единиц, включающих базовые понятия предметной области, выполняют определенные функции: оптимизационную, нормативную, систематизирующую, познавательную, практическую, прогностическую, идеологическую, коммуникативную, оценочную, регулятивную, контрольную. Некоторые из этих функций (познавательная, коммуникативная) выполняет стандарт на термины и определения, рассматриваемый с точки зрения его документных характеристик. Считаем возможным включить все остальные перечисленные функции в список основных функций терминологического стандарта как лексикографического источника со следующими пояснениями [4, С. 141—142]:

- оптимизационная — заключается в поиске наиболее оптимальных терминологических единиц с точки зрения их формы и содержания, способов описания и расположения;
- нормативная — проявляется в формулировании норм, правил и рекомендаций по терминопотреблению с целью совершенствования практической деятельности человека;
- систематизирующая — связана с процедурой объединения терминологических единиц по некоторым признакам, в результате которой возникает иерархизированное единство, система;
- практическая — состоит в том, что стандарт выступает как прикладной инструмент в процессе коммуникации между членами профессионального сообщества;
- прогностическая — заключается в возможности использования терминологического стандарта как средства преобразования терминосистемы, как материала для разработки возможных альтернатив ее развития;
- идеологическая — обуславливается самим существованием государства, государственной идеологии и может проявляться в маркированности терминологии;
- оценочная — позволяет стандарту на термины и определения выступать в качестве критерия правильности при необоснованном использовании терминов;
- регулятивная — выражается в воздействии стандарта на коммуникативные отношения путем определения правил терминопотребления;
- контрольная — осуществляется на основе наблюдения за состоянием терминосистемы с целью обеспечения ее оптимального функционирования.

Для реализации этих функций, **во-первых**, необходимо выявление предметной области, которую представляют терминологические единицы, а также определение функционально-смысловых отношений между терминами, входящими в смежные понятийные классы. Составляющие предметной области управления документацией, состав основных (базовых и дополнительных) и привлеченных классов, а также логико-понятийная структура класса «документная составляющая» подробно рассмотрены в диссертационном

исследовании Е.С.Белоус [1, С. 8—9]. И.Ю.Булгакова пишет о том, что «документоведение представляет собой открытую систему, связанную с другими социальными системами: экономикой, политикой, правом, историей и т.д.», причем это взаимодействие «находит свое отражение и в терминологии данной области знаний» [2, С. 21]. При решении вопроса о включении или невключении нового элемента в корпус лексики, описывающей предметную область, важно учитывать ключевые понятия этой сферы, выявленные в результате сравнения нескольких источников терминологии документоведения и архивного дела.

Во-вторых, именно документная коммуникация с ее постоянной ориентацией на унифицирующие и стандартизирующие регуляторы требует строгого отношения к составу и логико-семантическим качествам единиц, образующих метаязык предметной области. Неполнота терминологических данных, их фрагментарность и недостаточный для исследовательских целей уровень описания делают актуальной задачу создания новых терминологических стандартов предметной области делопроизводства и архивного дела, а также разработки инновационных по своему содержанию унифицирующих инструментов. Наиболее технологичными и эффективными формами таких инструментов могут быть, на наш взгляд, терминологические словари, лексикографические части стандартов, тезаурусы, объединяющие базовые единицы предметной сферы. Именно поэтому важны оптимизация и систематизация понятийно-терминологического аппарата и совершенствование методики работы с реализацией обязательного этапа — формированием экспериментального терминологического массива, который должен обладать свойством качественной и количественной репрезентативности. Формирование и представление такого массива может осуществляться двумя основными способами: первый заключается в обработке документных текстов в целях получения упорядоченного словника терминов, выбранных из документных текстов; второй — в использовании надежного готового набора единиц, представленного в терминологическом словаре или предшествующем стандарте. Относительные достоинства и недостатки этих способов необходимо учитывать в дальнейшем, поскольку они могут проявиться на последующих этапах исследования.

В-третьих, для полноценной реализации коммуникативной функции при создании лексикографического источника возникает необходимость последовательного и однородного по своей методологической основе ограничения для входящих в словарь единиц тех их лингвистических качеств, которые рассматриваются во внедокументных формах коммуникации как естественные (синонимия, многозначность, вариативности реализации). Одновременно устраняется присущая терминологии асимметрия связей между объектами, понятиями и явлениями, с одной стороны, и именующими их терминами, с другой стороны: снимаются (или, по крайней мере, поясняются) противоречия между толкованием одних и тех же единиц в разных языках (т.е. осуществляется процесс гармонизации).

В Украине в соответствии с планами национальной стандартизации параллельно с существующими русскоязычными терминологическими стандартами разрабатываются национальные терминологические стандарты с учетом современного уровня развития различных сфер общественной деятельности. На сегодня в Украине разработано около 600 украиноязычных терминологических стандартов (ДСТУ) для разных отраслей науки и техники. В России и Беларуси небольшие по объему словари терминов входят в качестве составных частей в ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 «СИБИД. Управление документами. Общие требования» и СТБ П ISO 15489-1-2012 «Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Общие требования». Однако многие исследователи отмечают основную проблему — адаптированность иноязычной терминологии к русскому, украинскому и белорусскому языкам [5, С. 90–94].

В-четвертых, в связи с решением нормативного описания терминологии требуется анализ отобранных терминологических единиц с точки зрения логики. Для решения этой задачи целесообразно использовать схему, предложенную В.М.Лейчиком [3, С. 39], которая предполагает, во-первых, использование системы логических операций для выявления сущности терминов путем приписывания им дефиниций, зависящих от выбранной теории; обоснование языковой и логической системности термина, входящего в определенную терминологию. Причем, логическая точность термина, достигаемая реализацией логических операций, означает, что в его логической структуре содержится обозначение стольких предложенных признаков понятия (в рамках выбранной теории), сколько оптимально необходимо для отграничения соответствующего термина от смежных, выше- и нижележащих. Следующим этапом работы над терминологическими единицами становится реализация языковых операций, ориентированных на определение степени мотивированности единиц. Преимущество должно отдаваться полностью мотивированным терминам, включающим максимум дифференциальных признаков обозначаемого понятия (при этом термин становится весьма протяженным); немотивированные, частично мотивированные и ложномотивированные единицы должны быть исключены.

В результате проведенной оценки терминологического состава словариков национальных стандартов были выявлены базовые понятия предметной области делопроизводства и архивного дела и соответствующие им термины. К ним относятся, прежде всего, те термины, которые совпадают во всех трех терминологических стандартах и, следовательно, являются интернациональными. Это **89 терминов**, среди которых основные понятия (например, *делопроизводство, архивное дело, документ, внешние признаки документа, письменный документ, текстовый документ, юридическая сила документа, дубликат документа* и т.д.); понятия, связанные с процессом документирования (*документирование, система документации, реквизит документа,*

формуляр документа, бланк документа, табель унифицированных форм, гриф согласования, дата официального документа, текст документа, и т.д.); с организацией работы с документами (документооборот, объем документооборота, входящий документ, регистрация документа, контроль исполнения документов, формирование дела, номенклатура дел и т.д.); с организацией документов в Архивном фонде (архив, архивохранилище, архивный документ, архивный фонд, документальный фонд, архивная коллекция, экспертиза ценности документов и т.д.); с обеспечением сохранности документов (хранение архивных документов, реставрация архивного документа, фонд пользования, учет архивных документов, единица учета архивных документов, внутренняя опись документов дела и т.д.) и, наконец, понятия, связанные с научно-информационной деятельностью архивов (архивный справочник, архивная опись, обзор архивных документов, архивный каталог, архивная справка, архивная выписка, архивная копия и т.д.).

Аналитическая оценка лексикографических источников и Интернет-ресурсов, фиксирующих терминологию делопроизводственной и архивной сфер, дает основание для выведения из состава ключевых терминов русского языка группы единиц. К ним относятся термины, называющие реквизиты документа: *подпись, гриф ограничения доступа к документу, гриф согласования, гриф утверждения, текст официального документа, виза официального документа, резолюция документа, дата официального документа, регистрационный номер документа*. Данные термины представлены непоследовательно и в ограниченном количестве, причины их включения в терминологические стандарты ничем не обоснованы.

Литература

1. Белоус Е.С. Структурно-семантическая организация понятийно-терминологического аппарата предметной области управления документацией: Автореф. дисс. канд. филол. наук : 05.25.02. Волгоград, 2011.
2. Булгакова И.Ю. Формирование терминологии английского документоведения в донаучную эпоху // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 20—26.
3. Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г. Терминоведческие проблемы редактирования. Львов, 1986.
4. Тюрикова Н.А. Словарь национального терминологического стандарта как отражение предметной области «Делопроизводство и архивное дело» (на примере терминологических стандартов России, Украины и Беларуси): Дис. ... канд. филол. наук по специальности 05.25.02 — документалистика, документоведение, архивоведение / Наталия Анатольевна Тюрикова. Волгоград, 2013.
5. Швецова-Водка Г.М. Наукова терміносистема під загрозою бюрократичної і псевдоінноваційної терміновтворчості // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань: Зб. наук. пр. / Київ. нац. ун-т культури і мистецтв. Київ, 2011. Вип. 5. С. 90—94.

М.В. Узрюмова

г. Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ АРХИВНОГО ДЕЛА РОССИЙСКИХ ЗЕМСТВ

Архивное дело — одно из направлений деятельности земских органов самоуправления на протяжении всей земской истории, благодаря которому мы и сегодня имеем возможность использовать в исследовательских целях огромное множество превосходно сохранившихся архивных документов.

В России вряд ли найдется архив (за исключением нескольких единиц), где имеются документы второй половины XIX — начала XX вв., и ни было документального комплекса, связанного с различными направлениями деятельности земских учреждений. Всю важность своих архивов органы земского самоуправления осознали уже в первые годы деятельности [2].

Состояние нормативной базы архивного дела, представлявшей собой разрозненные акты, регламентирующие отдельные направления архивной деятельности оказало влияние на формирование архивного дела земств. На центральном уровне деятельность архивов органов местного самоуправления специально не регламентировалась, законодательством не предусматривались особые правила о порядке хранения в архивах дел, в вопросе организации архивного хранения документов органы земского самоуправления придерживались отдельных норм «Общего учреждения губернского». В этой связи некоторые земства были вынуждены самостоятельно разрабатывать правила и инструкции для своих архивов, определявшие вопросы хранения и уничтожения документов. Порядок организации архива и хранения и использования архивных документов зачастую был обусловлен уровнем, занимаемым учреждением в иерархии самоуправления, определявшим его кадровые возможности.

Работа по формированию научно-справочного аппарата к земским архивным документам в разных земствах велась с разной степенью эффективности. Как правило, специалистами губернских органов самоуправления составлялись описи и «алфавиты», иногда осуществлялась работа по их оптимизации. Как правило, в уездных учреждениях земского самоуправления, «алфавитов» не было, а описи начали составляться

лишь с начала XX в., что было связано с общим улучшением работы по «разбору» документов в земском самоуправлении.

Образование губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) со второй половины 80-х гг. XIX в. оптимизировало организацию архивного дела в губерниях. Сформированные ГУАК методические принципы систематизации документов, их описания, хранения, публикации были взяты земствами во внимание. ГУАК вплотную занялись подбором земских документов на постоянное хранение. Деятельность ГУАК стала неотделимой частью процесса истории создания, хранения и использования архивных фондов, содержащих документы по земскому самоуправлению.

Социально-экономическое развитие органов земского самоуправления являлось определяющим фактором в деле организации своих архивов и обеспечении их сохранности. Далеко не все органы самоуправления располагали собственными зданиями, либо имели возможность оборудовать под архивохранилища соответствующие помещения. Содержание архивов не всегда предусматривалось сметой расходов, утверждаемой на земских собраниях, которые в различных исторических условиях неоднократно отказывались финансировать свои архивные службы.

В земствах, где архивы функционировали, ими руководили архивариусы, которые входили в штат земских управ. Зачастую должность архивариуса совмещал секретарь, делопроизводитель, или регистратор. Там, где штат долгое время не предусматривал единиц, ответственных за архив, следствием становилось снижение эффективности работы земских архивов в целом. Наблюдались ситуации, когда должности земских архивариусов упразднялись, но проходило время и, земцы признавали, что совершили ошибку и вынуждены были вновь выделять финансы на содержание архивариуса, либо на приведение в порядок всех архивных дел.

Губернские земские архивы всегда находились в более выгодном положении по отношению к архивному хранению документов уездными и волостными органами самоуправления. Например, в 1905—1906 гг. ХLI сессия Тульского губернского земского собрания утвердила «Правила архива губернской земской управы» в соответствии с которыми: делопроизводитель обязан сдавать в архив по «сдаточной описи»; архивариус под роспись сдающего дела, выписывал квитанции из квитанционной книжки архива; все поступившие в архив дела записывались во «входящий реестр», где указывалось время поступления дела, номер выданной квитанции о приеме дела, количество документов; архивариус составлял подробные описи дел архивных документов по всем отделам земской управы (с описанием дела, номером по входящему реестру, номером связок дел или самих дел, обозначением места хранения (шкаф, полка); каждая связка дел или отдельное дело снабжалась пронумерованным ярлыком и ссылкой на входящий номер; при выдаче дел из архива для справок, все данные должны были записываться в «исходящий реестр» с подписью выдающего и получающего дело [1, С. 40].

В земские архивы передавались дела, завершённые текущим земским делопроизводством, дальнейший отбор и уничтожение документов осуществлялись уже в самом архиве. Архивы губернских земских органов самоуправления пополнялись делами собственных структурных подразделений — управлений и отделов и делами учреждений, которые находились в ведении земств, например, учреждения земского образования, здравоохранения, агрономических организаций, что создавало предпосылки для переполнения объемов архивной службы и путаницы в ее работе. В земские архивы поступали документы в результате постоянных передач действующими учреждениями и документы единовременных передач упраздненных, либо реорганизованных учреждений.

Особые сложности возникали в уездных органах местного самоуправления, которые ощущали недостаток в кадровом и техническом обеспечении архивов. Бесконтрольная ситуация со стороны руководства земства, низкая персональная ответственность делопроизводителей и архивариусов накладывали отпечаток на состояние приема-передачи, первоначального хранения документов в земском архиве. Немаловажным моментом в вопросе передачи дел в архив являлось профессиональное и личностное отношение земцев к архивариусам — сведения о составе дел, отбираемых на уничтожение, списки дел, подлежащие постоянному хранению, особенно значимые в научном отношении, сегодня стали четкими выразителями позиции местной самоуправленческой бюрократии земцев.

Документы органов земского самоуправления во многом отлично сохранились благодаря тому, что уже в момент своего создания предназначались для публикации и тиражирования. Более того, сотрудники земских управ своим участием в работе ГУАК, финансированием их работы, постоянной публикацией сборников трудов и методических разработок по архивному делу, бережным отношением к своим архивам (исключения встречались редко) немало сделали для развития всего архивного дела в России. Архивы российских земств на протяжении всего существования, осознавая важность своих исторических документов, стали основой для развития земского музейного дела, деятельности местных обществ исследователей региональной истории.

Литература

1. Журналы XLI очередной сессии Тульского губернского земского собрания. Приложение к докладу № 13 Общего отдела. Тула, 1906.
2. Архивное документальное наследие органов земского самоуправления России // Теория и практика общественно-го развития 2012 № 5. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-5-2012/history/ugryumova.pdf>.

О.Ф.Яковлева

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

НОРМАТИВНАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО И ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСОВ ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ

Сегодня инвестиционная политика является важным рычагом воздействия на предпринимательскую деятельность субъектов Российской Федерации: с ее помощью государство непосредственно может воздействовать на темпы и объемы производства, уровень инфляции, ускорение НТП, изменение структуры общественного производства и решение многих социальных проблем.

В связи с тем, что инвестиционный процесс играет значительную роль в экономике страны, региона, предприятия, то необходимо обеспечение активного функционирования всех участников данного процесса. Особое внимание здесь необходимо уделить процессу документирования инвестиционного процесса, от которого зависит эффективное формирование документационных ресурсов инвестиционной деятельности и, следовательно, сам процесс управления указанной деятельностью.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что исследование проблем инвестирования находится в центре внимания, в основном, экономических наук. В своих исследованиях авторы раскрывают такие вопросы как специфика и содержание инвестиционной деятельности, функции и структура инвестиционного менеджмента, процесс принятия инвестиционных решений, проблемы внедрения и использования системы планирования, контроля и регулирования деятельности [2, С. 3]. В сфере документирования данной деятельности следует отметить недостаточную разработанность проблемы не только в регионах, но и в Российской Федерации в целом. В настоящее время отсутствуют исследования специалистов в области ДОУ, отражающие методические подходы и инструменты по формированию и движению «инвестиционного пакета» документов, что усиливает актуальность данной проблематики.

В соответствии с ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ, определяются правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, инвестиционная деятельность — это вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [8]. Федеральный закон определяет следующий пакет документов, необходимый для инвестиционной деятельности: государственный контракт и/или договор, инвестиционный проект. Ст. 8 Закона определяет, что отношения между субъектами инвестиционной деятельности осуществляются на основании договора и/или государственного контракта, однако ни форма договора, ни порядок его разработки, согласования и утверждения в нормативном акте не отражены. В отношении инвестиционного проекта п. 2 ст. 11 Федерального закона закрепляет общий порядок разработки и утверждения федеральной адресной инвестиционной программы [8].

Конкретизируют указанные положения Правила формирования и реализации федеральной адресной инвестиционной программы от 2010 г., утвержденные Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2010 г. № 716 [4]. Помимо понятийного аппарата Правила устанавливают единый порядок формирования и реализации федеральной адресной инвестиционной программы:

- требования, предъявляемые к информации, содержащейся в инвестиционной программе: перечень данных, которые обязательно должны быть указаны в программе;
- перечень документов, представляемых субъектами бюджетных ассигнований для их включения в программу, и порядок их представления;
- порядок разработки, согласования и утверждения инвестиционной программы.

Данные правила детализируют процесс сбора, анализа и отражения информации в инвестиционной программе и сопутствующих документов. Однако, такой важный аспект, как унифицирование формы программы, не отражен.

Инвестиционная деятельность на предприятиях округа регулируется Законом ХМАО — Югры от 31 марта 2012 г. № 33-оз «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» [1]. Указанный Закон регламентирует общие принципы, формы государственной поддержки, полномочия органов государственной власти автономного округа в сфере инвестиционной деятельности, порядок формирования целевых программ [1].

В настоящее время более актуальным в сфере инвестирования является экономическое направление, потому что для Правительства региона одна из приоритетных задач — развитие производственного комплекса округа.

В сфере документирования процесса инвестиционной деятельности Окружной закон закрепляет полномочия исполнительных органов государственной власти округа по заключению договоров на государственную поддержку, но, стоит отметить, что ни форма договора, ни порядок его заключения не отражены.

По каждому направлению экономической деятельности Правительством округа разрабатываются и утверждаются целевые программы инвестиционных проектов, которые конкретизируют порядок инвестирования предприятий на территории округа и вводятся в действие соответствующими постановлениями Правительства региона. В настоящее время целевые программы разработаны в сферах минерально-сырьевой базы ХМАО, жилищно-коммунального хозяйства, проектирования инженерных сетей, развития агропромышленного комплекса, охраны окружающей среды и другие.

Так, например, целевую программу по развитию агропромышленного комплекса регулирует Постановление Правительства ХМАО — Югры от 19.10.2010 № 263-п «О целевой программе ХМАО — Югры «Развитие агропромышленного комплекса, заготовки и переработки дикоросов ХМАО — Югры в 2011—2013 годах и на период до 2015 года» [5], Постановление Правительства от 16 ноября 2011 г. № 427-п «О внесении изменений в постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19 октября 2010 г. № 263-п «О целевой программе ХМАО — Югры «Развитие агропромышленного комплекса ХМАО — Югры в 2011—2013 гг.» [6]. Указанные нормативные акты закрепляют виды поддержки, источники финансирования, размеры субсидий, условия реализации программы и предоставления субсидий. Согласно программе процесс документирования инвестирования в сфере агропромышленного комплекса включает в себя следующий комплекс документов:

— документы для получения субсидии: копии учредительных документов, справка-расчет. Данные документы представляются в соответствующий департамент одновременно заявителями на получение субсидий. Форму справки-расчета юридические лица, в соответствии с Постановлением, могут получить в Департаменте, но, по мнению автора, более рациональным было бы приведение ее формы в качестве приложения к нормативному акту. Также, по мнению автора, в любом процессе экономической поддержки, органам государственной власти необходимы также такие документы, как заявление субъекта инвестирования, план его развития, которые в указанном Постановлении не отражены.

— документы, отражающие порядок рассмотрения представленных документов. Постановлением закреплён срок рассмотрения документов, проверка достоверности сведений в представленных документах, которая, по мнению автора, выражается в представлении соответствующих запросов в налоговые органы, банковские учреждения об отсутствии задолженности.

— документы, отражающие принятое решение. На этапе принятия решения о предоставлении или не предоставлении государственной поддержки Департамент формирует причины отказа в предоставлении государственной поддержки в форме письменного уведомления.

В сфере развития лесопромышленного комплекса региона процесс инвестиционной деятельности определяет программа «Развитие лесного хозяйства и лесопромышленного комплекса ХМАО — Югры на 2014—2020 годы», утвержденная Постановлением Правительства ХМАО от 05 сентября 2013 г. № 345-п [7]. В указанной программе закреплены цели и задачи Программы, дана характеристика текущего состояния лесного пространства, определены направления для развития производств в сфере лесопромышленного комплекса, механизм реализации программы. Программа также определяет комплекс документов в соответствии с этапами документирования инвестиционного процесса:

— документы от претендентов на получение субсидии: заявление согласно утвержденной форме, копии учредительных документов, справки об отсутствии финансовой поддержки. Все документы представляются в соответствующий департамент посредством почтовой или электронной связи, заявление регистрируется в специальном журнале в день его поступления. В течение 3-х рабочих дней департамент обязан направить уведомление о принятии документов к рассмотрению;

— документы, регламентирующие порядок принятия решения: протокол заседания комиссии, приказ о предоставлении субсидии или об отказе в ее предоставлении, уведомление о принятом решении и сроки оформления данных документов;

— документы, подтверждающие предоставление субсидии: утвержденная департаментом форма договора, письменное согласие получателя субсидии на осуществление финансового контроля целевого расходования предоставленных денежных средств и сроки подписания документов.

Программа по развитию лесопромышленного комплекса, в отличие от целевой программы по развитию агропромышленного комплекса ХМАО — Югры, отражает полностью процесс документирования инвестиционной деятельности в данной сфере, что повышает эффективность данного процесса.

Таким образом, нормативно-правовая база процесса инвестирования представлена сложной многоуровневой системой нормативных актов федерального и регионального уровней, которые закрепляют различные стороны инвестиционного процесса, в том числе процесс документирования. В нормативных актах федерального уровня вопросы документирования инвестиционной деятельности представлены путем определения

«базового» состава документов. Такие вопросы как порядок разработки и утверждения инвестиционных программ, разработки и предоставления в соответствующие органы заявления на получение государственной поддержки и сопутствующих ему документов, принятия решения о предоставлении субсидии, заключения договора регламентированы в нормативных актах регионального уровня. Однако на региональном уровне отсутствует единый алгоритм документирования данного процесса, что может привести к снижению эффективности труда, материальным и финансовым издержкам.

Литература

1. Закон ХМАО — Югры «О государственной поддержке инвестиционной деятельности в Ханты-мансийском автономном округе — Югре» от 31 марта 2012 г. № 33-оз. URL: http://www.dumahmao.ru/zclass/budgetarysystem/invest/invest_983.html
2. Крутик А.Б., Никольская Е.Г. Инвестиции и экономический рост предпринимательства. СПб., 2000.
3. Мурзина О.М. Экономическая сущность инвестиционной деятельности и ее государственного регулирования на региональном уровне // Молодой ученый. 2011. № 10. Т. 1. С. 133—137.
4. Постановление Правительства РФ от 13 сентября 2010 г. № 716 «Об утверждении правил формирования реализации федеральной адресной инвестиционной программы». URL: <http://base.consultant.ru>
5. Постановление Правительства ХМАО — Югры от 19.10.2010 N 263-п (ред. от 24.11.2012) «О целевой программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры “Развитие агропромышленного комплекса, заготовки и переработки дикоросов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2011—2013 годах и на период до 2015 года”». URL: <http://base.consultant.ru>
6. Постановление Правительства от 16 ноября 2011 г. № 427-п «О внесении изменений в постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19 октября 2010 г. № 263-п «О целевой программе ХМАО — Югры «Развитие агропромышленного комплекса Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2011—2013 гг.»». URL: <http://base.consultant.ru>
7. Постановление Правительства Ханты-Мансийского АО — Югры от 5 сентября 2013 г. N 345-п "О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Развитие лесного хозяйства и лесопромышленного комплекса Ханты-Мансийского автономного округа — Югры на 2014—2020 годы». URL: <http://www.garant.ru>.
8. ФЗ «Об инвестиционной деятельности в РФ, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 № 39-ФЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901727484> (электронный фонд правовой и нормативно-технической документации).

Л.А.Якубова

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

РАБОТА С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В ОТДЕЛЕ ВОЕННОГО КОМИССАРИАТА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ ПО г.НИЖНЕВАРТОВСКУ И НИЖНЕВАРТОВСКОМУ РАЙОНУ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Проблематика организации эффективной работы с обращениями граждан в органы государственной и муниципальной власти представляется в достаточной степени интересной и актуальной. В настоящее время на первый план выходят вопросы наполнения работы с обращениями граждан качественным содержанием, повышения ее действенности, оперативности и эффективности. Вопросы выработки и применения единых подходов к организации и документированию этого процесса в государственных учреждениях Российской Федерации и его совершенствования обуславливают исследовательский интерес к данной теме.

Вопрос организации работы с обращениями граждан и особенностей документирования этой работы изучен автором на примере Отдела военного комиссариата Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по г.Нижневартовску и Нижневартовскому району является территориальным органом Министерства обороны Российской Федерации.

Нормативно-правовой основой деятельности Отдела военного комиссариата в целом и в частности по работе с обращениями граждан, являются Конституция Российской Федерации, федеральные законы, приказы, инструкции и директивы. В настоящее время, как граждане, так и органы, куда направляются обращения, руководствуются федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» № 59-ФЗ от 02.06.2006 [4].

Основным актом для отдела военного комиссариата является Приказ Минобороны РФ «Об утверждении Инструкции по работе с обращениями граждан в Вооруженных Силах Российской Федерации» от 28.12.2006 № 500, определяющий порядок регистрации и учета, отчетность и организацию работы с обращениями граждан, поступивших в военные комиссариаты [3].

На локальном уровне работа по документированию обращений граждан в Отделе военного комиссариата Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по г. Нижневартовску и Нижневартовскому району регулируется Положением об отделе военного комиссариата, инструкциями, должностными инструкциями сотрудников. Эти документы позволили сформировать целостное представление о деятельности отдела военного комиссариата, структуре управления, распределении обязанностей, установить системы и виды применяемой документации, выявить пробелы в нормативном регулировании вопросов документирования, в том числе и работы с обращениями граждан.

Были исследованы документы Отдела военного комиссариата Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по г. Нижневартовску и Нижневартовскому району по работе с обращениями граждан: заявлений граждан — 2154, карточек личного приема гражданина — 50, актов — 10, аналитических справок — 8, докладов — 8. Анализ источников данной группы дополнил информацию о работе с обращениями граждан в отделе военного комиссариата Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по г. Нижневартовску и Нижневартовскому району, позволил выявить используемые системы документации, определить степень соответствия оформления видов документов требованиям нормативных актов.

Под обращениями граждан принято понимать направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменные предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления. Обращения граждан имеют определенные формы, широко применяемые на практике и традиционно закрепляемые в законодательстве: устные и письменные, индивидуальные и коллективные в форме заявления, предложения и жалобы [4].

Работа с обращениями граждан включена в состав функций службы документационного обеспечения управления (или иного подобного подразделения), имеет свои особенности и ведется отдельно от общего делопроизводства. В Отделе военного комиссариата Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по г. Нижневартовску и Нижневартовскому району работа по документированию работы с обращениями входит в профессиональную компетенцию документоведа.

В Отделе военного комиссариата прием граждан ведут: начальник отдела военного комиссариата, начальник отделения подготовки и призыва граждан на военную службу; начальник отделения планирования, предназначения, подготовки и учета мобилизационных ресурсов, начальник отделения социального и пенсионного обеспечения, помощники начальников отделений.

При организации работы с обращениями необходимо руководствоваться порядком работы с этой категорией документов, который прописан в «Инструкции по работе с обращениями граждан в Вооруженных Силах Российской Федерации» [1]. Таким образом, технология работы с обращениями граждан в Отделе военного комиссариата Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по г. Нижневартовску и Нижневартовскому району включает в себя следующие составляющие:

- прием устных обращений граждан;
- прием и первичная обработка письменных обращений;
- регистрация обращений;
- направление обращений на рассмотрение;
- уведомление заявителя о направлении обращения в другие учреждения;
- уведомление заявителя о длительном расследовании обращения;
- контроль за сроками исполнения документов и выполнением принятых по ним решений;
- информационно-справочная работа по обращениям;
- извещение заявителя о вынесенных решениях с одновременным, в случае необходимости, направлением решений для исполнения в соответствующие органы;
- группировка в дела и текущее хранение обращений;
- анализ поступивших обращений [1].

В настоящее время в процессах организации и документирования обращений граждан в отделе военного комиссариата существуют проблема отсутствия функционального программного обеспечения, позволяющего автоматизировать работу по документированию обращений граждан. В настоящий момент эта работа построена по традиционной бумажной технологии. Оформление документов осуществляется посредством ручного ввода информации в готовые формы, созданные делопроизводителем в программах стандартного пакета Microsoft Office (приложения Word, Excel). При такой организации документооборота работа с обращениями граждан требует больших временных и трудовых затрат от всех участников этого процесса и связана с возможностью допущения ошибок.

С целью повышения скорости и продуктивности документирования работы с обращениями граждан может быть рекомендовано внедрение системы электронного документооборота «ДЕЛО» (с наличием модуля «Обращения граждан»). Выбор данной автоматизированной системы обоснован тем, что СЭД «ДЕЛО» уже длительное время является одним из фактических стандартов для автоматизации документооборота государственных структур Российской Федерации. В свете этого в подобной строго регламентированной отрасли, которой является система управления Министерства обороны Российской Федерации, применение СЭД

«ДЕЛО» видится нам вполне закономерным. Данная система электронного документооборота соответствует законодательным и нормативно-методическим требованиям в области управления документами, как российской, так и международной нормативной правовой базы документационного обеспечения управления и информационной безопасности [2].

Система электронного документооборота «ДЕЛО» с модулем «Обращения граждан» имеет своей целью обеспечение автоматизации процессов документирования работы с обращениями граждан в отделе военного комиссариата. Это позволит, на взгляд автора, решить стандартные задачи такого порядка, как автоматизация регистрации обращений, обеспечение необходимого уровня контроля исполнения документов и поручений руководства, повышение исполнительской дисциплины, исключение вероятности утраты документов и сведение к минимуму внутреннего бумажного документооборота [2].

Таким образом, в связи с тем, что система электронного документооборота «ДЕЛО» с модулем «Обращения граждан» используется во многих государственных и ведомственных структурах, то ее использование в Отделе военного комиссариата Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по г. Нижневартовску и Нижневартовскому району весьма обоснованно и позволит интегрировать документооборот данного учреждения с работой других структур в его несекретной части, каким и является работа с обращениями граждан.

Литература

1. Инструкция по работе с обращениями граждан в Вооруженных Силах Российской Федерации. Утверждена приказом Министра обороны РФ от 28 декабря 2006 г. №500 «Об утверждении Инструкции по работе с обращениями граждан в Вооруженные Силах Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru>.
2. Организация документооборота с помощью СЭД ДЕЛО // Компания «Электронные офисные системы». URL: http://www.eos.ru/eos_products/eos_delo.
3. Приказ Министра обороны РФ от 28 декабря 2006 г. № 500 «Об утверждении Инструкции по работе с обращениями граждан в Вооруженные Силах Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru>.
4. Федеральный Закон № 59-ФЗ от 2.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». URL: <http://www.garant.ru>.

А.Е.Белькова
г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный университет

КОММУНИКАЦИЯ В PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ

Термин «коммуникация» широко используется в гуманитарных науках, в том числе, в таких дисциплинах как реклама и связи с общественностью.

«Коммуникация — социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по разным каналам при помощи различных коммуникативных средств». Связи с общественностью, используя различные коммуникационные средства, «представляют собой динамическую и гибкую систему управления общественностью в самых разнообразных областях человеческой деятельности — в бизнесе, политике, образовании, медицине, благотворительности, развлечениях, спорте и др.» [2, С. 242—243].

Связи с общественностью в реализации своей деятельности используют широкий набор коммуникационных средств, т.е. каналов, которые связывают отправителя и получателя информации. Письменная коммуникация занимает центральное место среди них. Специалист по связям с общественностью должен уметь точно, правильно и лаконично выражать на письме мысли и задавать им соответствующую форму (жанр), которая диктуется видом письменной коммуникации и ситуацией.

Массмедиа способствуют актуализации проблем конструирования социальной реальности и социальных взаимосвязей, имеющих коммуникативное измерение, где коммуникацией (ее основанием и средством) выступает язык: речь и письмо. То есть в центр проблемного поля выходит вопрос о «говорящем» обществе и человеке, формирующих пространство массовой коммуникации [1, С. 24].

Г.Лассуэл выделяет три функции массовой коммуникации: информационная функция (обозрение окружающего мира); воздействие на общество через обратную связь (корреляция с социальными структурами общества); культурно-познавательная функция (передача культурного начала). К.Райт добавил развлекательную функцию. Современные исследователи дополняют этот ряд, предлагая мобилизующую функцию [4, С. 125].

«По мере происходящих в обществе изменений, меняются и функции института массовой коммуникации». Исследования показывают, что «массовое сознание не успевает за функциональными изменениями и подходит к оценке данного института исходя из стереотипов прошлого» [3, С. 43—45].

PR-материалы любой организации создаются с целью продвижения информации, с помощью которой организация намерена достичь понимания, адекватного отношения и желаемого поведения со стороны групп общественности.

Существует три основных аспекта в деятельности PR-специалистов в плане подготовки ими письменных материалов: *задачи, аудитория, каналы коммуникации*.

1. *Задачи*. Деятельность PR-специалиста в организации направлена на использование СМИ для налаживания как односторонней, так и двусторонней коммуникации с различными целевыми аудиториями, важными для этой организации при реализации ею очередного проекта. Целью такой коммуникации является убеждение, создание мотивации и призыв к действию.

2. *Аудитория*. PR-специалист готовит письменные материалы, учитывая цель коммуникации, состав и интересы своей целевой аудитории и т.д. Соблюдение интересов и снятие обеспокоенности целевой аудитории определяют стиль и манеру представления материалов в подготавливаемых письменных сообщениях. Поэтому в основе таких сообщений всегда лежит глубокое исследование целевых аудиторий. PR-специалист должен подготовить материал, который достигнет целевой аудитории, вызовет интерес и доверие, настроит ее на определенные действия.

3. *Цели использования каналов коммуникации*. PR-специалист выбирает любое средство массовой информации, руководствуясь принципами выбора средств массовой коммуникации для передачи информации целевой аудитории.

PR-специалист использует все возможные пути доведения письменной информации до целевой аудитории. В рамках одного и того же проекта он не только определяет формат и содержание каждого письменного материала для каждой отдельной целевой аудитории, но также всегда обеспокоен поиском наиболее надежного и быстрого средства передачи этого материала адресату. И его выбор не ограничен только средствами массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет), он может использовать также формат писем, листовок, брошюр, которые можно распространять и не используя каналов средств массовой коммуникации.

Вся масса текстов и документов делится на две категории: *контролируемые* и *неконтролируемые средства передачи информации*. Термины «контролируемые» и «неконтролируемые» означают, кто в конечном счете контролирует содержание, объем и форму письменных материалов в том виде, в котором его получает целевая аудитория.

Контролируемыми называют письменные послания, тексты, документы, которые доходят до целевой аудитории в том виде, в каком их подготовила служба по связям с общественностью самой организации. При этом никто, кроме сотрудников данной организации, не имеет ни права, ни возможности вносить какие-либо изменения в эти материалы. К контролируемым организацией письменным материалам, составляемым для внешней аудитории службой по связям с общественностью или при участии специалистов этой службы, относятся: письмо, информационный релиз, приглашение, буклет, проспект, брошюра, листовка, заявка и предложение, текст речей и выступлений.

В особую группу в разряде контролируемых организацией PR-материалов следует отнести внутрикорпоративные виды письменной коммуникации: отчет, информационный листок, ньюс-леттер, бюллетень, медиа-план, медиа-карта, пресс-дайджест.

Неконтролируемыми письменными материалами называются те, которые направляются в средства массовой информации для распространения. Они являются информационной основой для подготавливаемой в редакциях печатной продукции или программ для радио или телевидения. К неконтролируемым организацией письменным материалам относятся: письмо в редакцию, заявление для СМИ, медиа-, ньюс-, пресс-релиз, бэкграундер, биографическая справка, статья, факт-лист, медиа-, ньюс-, пресс-кит.

Специалисты по связям с общественностью, подготавливая деловые документы, являются составителем, контролирующим органом, отвечающим за содержание, качество подготовки и оформление этих документов. Требования, предъявляемые к качеству информации: ясность изложения и цели создания документа; полнота информации; краткость, сжатость текста; точность; вежливость; ответственность.

Существует две основные группы методов в подготовке деловых документов: эмпирические и теоретические. Результат эмпирического исследования предстает как поток информационных публикаций. Применение теоретического уровня познания приводит к созданию аналитических публикаций. Применение художественного метода идет параллельно с применением рационально-познавательных, что приводит к созданию художественно-публицистических произведений.

Современное общество пронизано коммуникативными сетями, в которых происходит радикальная субъ-ективация реально действующих структур и институтов, характеризующаяся, с одной стороны — сложной дифференциацией сетевого социального неравенства, с другой — доминированием процесса индивидуализации. PR-коммуникации — это основной механизм, обеспечивающий становление и воспроизводство социальных и общественных связей и отношений нового типа.

Литература

1. Буковская Н.В. Социология и лингвистика: эвристика стратегии междисциплинарной коммуникации // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российской общество и социология в XXI веке социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. М., 2003. Т. 2.
2. Конечкая В.П. Социология коммуникации. М., 1997.
3. Коломиец В.П. Телевидение и социальная мимикрия // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М., 2003.
4. Харитонов М.В. Реклама и PR в массовых коммуникациях. СПб., 2008.

В.В.Бесценная, Е.В.Федяева

г.Омск

Омский автобронетанковый инженерный институт

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ: ПАКЕТ КЕЙСОВ ДЛЯ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УРОВЕНЬ)

На современном этапе развития лингводидактики во главу угла ставится коммуникативность процесса обучения: отказавшись от знаниевого подхода методика обучения языкам перешла к формированию компетенций, в первую очередь, коммуникативной. Между тем студенты, даже блестяще окончившие высшие учебные заведения, не вполне подготовлены к реальной жизни, поскольку усвоенные теоретические знания по языку не подкрепляются практическими речевыми умениями, то есть коммуникативная компетенция сформирована не в полной мере. Одной из таких методик, которая направлена на выработку практических навыков анализа, принятия решений и оценки последствий, является метод кейсов.

На занятиях по русскому языку данный метод может применяться для развития навыков ведения дискуссий, переговоров, умения общаться в команде, а также для использования в речи и закрепления изучаемого лексического и грамматического материала.

Основные идеи кейс-метода [1]:

Метод предназначен для получения знаний по дисциплинам, истина в которых плюралистична, т.е. нет однозначного ответа на поставленный вопрос.

Акцент обучения переносится не на получение информации в готовом виде, а на формирование личного, индивидуального знания, на сотворчество студента и преподавателя.

Технология метода заключается в следующем: по определенным правилам разрабатывается модель конкретной ситуации, произошедшей в реальной жизни, и отражается тот комплекс знаний и практических навыков, которые студентам нужно получить; при этом преподаватель выступает в роли ведущего, генерирующего вопросы, фиксирующего ответы, поддерживающего дискуссию, т.е. в роли диспетчера процесса сотворчества.

Несомненным достоинством метода ситуационного анализа является не только получение знаний и формирование практических навыков, но и развитие системы ценностей студентов, профессиональных позиций, жизненных установок, своеобразного профессионального мироощущения и миропреобразования.

Метод способствует развитию у обучаемых самостоятельного мышления, умения выслушивать и учитывать альтернативную точку зрения, аргументированно высказать свою. С помощью этого метода обучаемые имеют возможность проявить и усовершенствовать аналитические и оценочные навыки, научиться работать в команде, находить наиболее рациональное решение поставленной проблемы.

Приведем примеры кейсов по темам для обучаемых с Первым сертификационным уровнем (ТРКИ-1) [2], разработанных для курсантов-иностранцев Омского автобронетанкового инженерного института. Кейс представляет собой проблему, сформулированную с помощью вводящего в ситуацию текста. Далее курсанту предлагаются ключевые задания, помогающие овладеть лексическим, грамматическим материалом и речевыми моделями, которые позволяют решить проблему. И, наконец, называется тот материальный объект (газета, альбом, интернет-страница, аудиозапись и проч.), в форме которого обучающийся должен оформить свои идеи.

Тема «О себе».

Кейс № 1 (ТРКИ-1). «Моя интернет-страничка».

«Офицер монгольской армии Гантулга Доржготов 2 года назад окончил Омский танковый инженерный институт. Сейчас он живет и трудится в Улан-Баторе. Но каждый вечер он имеет возможность общаться с бывшими однокурсниками и теми, кто учится в институте сейчас, потому что он зарегистрирован в социальной сети Facebook. Курсант подготовительного курса из Монголии Амарболд хотел бы подружиться с Гантулгой и другими ребятами из института, чтобы дружить и обмениваться новостями».

Ключевые задания:

1. Продумай информацию по пунктам электронной анкеты. Если вы уже являетесь пользователем этого сайта, зарегистрируйтесь на аналогичных русских сайтах «Одноклассники» или «Вконтакте».
2. Выберите главное фото или картинку, которая будет выражать ваше настроение на сегодня (аватарка). Добавьте фото, которые кажутся вам самыми важными и/или интересными.
3. Найди любимую музыку, закачай ее (запиши названия песен по-русски).
4. Придумай или вспомни несколько интересных фраз, которые можно было бы поставить в качестве статуса.

Кейс № 2 (ТРКИ-1). «Я через 10 лет» (альбом или газета).

«Когда-то маленький Али учился в школе и мечтал о сотовом телефоне. А еще он хотел поскорее вырасти и стать военным. Сегодня он учится в России в танковом институте. У него появились новые мечты, но мечту о военной карьере он не оставил и воплощает в жизнь каждый день».

Ключевые задания:

- 1) Подумайте, хотите ли вы через 10 лет иметь свою семью? Если да, то какой вы видите свою жену (возраст, профессия, внешность, характер), своих детей?
- 2) Каким вы видите ваш дом? Где он находится, в городе или в деревне? Что вы видите около дома (гараж? огород? сад? бассейн?)
- 3) Представьте себя в профессии. Чем вы занимаетесь? Чего достигли?
- 4) Как вы проводите свободное время? Есть ли в вашей жизни место спорту? путешествиям?
- 5) Создайте иллюстрированный альбом или газету «Я через 10 лет».

Тема «Моя семья».

Кейс № 1 (ТРКИ-1). Презентация «Семейный праздник».

«Завтра в Лаосе Новый год. Он будет идти целых 3 дня. Семья Интхавонга активно готовится к празднику. Старшие уже купили подарки. Папу и маме — новую красивую одежду, младшим — водяные пистолеты. Ведь Новый год в Лаосе — это праздник воды. Кончается сухой сезон, скоро пойдет долгожданный дождь. Завтра весь Лаос будет обливаться водой, чтобы «смыть» все плохое, стать чистым, новым и войти в

новый год без старых проблем. А еще вся семья пойдет завтра в храм. Это праздничная традиция — ходить в храм с цветами. После этого вся семья поедет на водопады, чтобы отдохнуть, посмотреть на воду и купаться.

Ключевые задания:

1) Подготовь материалы — тексты и фото — о празднике в вашей стране. Как ваша семья к нему готовится?

2) Оформи материалы в презентацию. Покажи ее друзьям из других стран, ответь на их вопросы.

Кейс № 2 (ТРКИ-1). «Дом моей мечты» (план).

«Антонио мечтает... Через 10 лет он майор, живет на родине, наверное, у него большая семья: жена и пятеро детей. Для большой семьи нужен большой дом. Сколько нужно комнат? Сколько этажей? Где его построить? Нужно не забыть про гараж, бассейн, тренажерный зал... А на что похож дом вашей мечты?»

Ключевые задания:

1) Нарисуй план будущего дома. Подпиши комнаты по их назначению: где кухня? гостиная? туалет и душ? детская? ваш кабинет? комната жены?

2) Что вокруг дома? Есть ли гараж? огород? сад? бассейн?

3) Составь рассказ о своем доме, расскажи о нем своим друзьям.

Тема «Учеба. Мой институт».

Кейс № 1 (ТРКИ-1). Реклама института.

«Галбадрах окончил школу. Куда пойти учиться? Папа хочет, чтобы сын стал врачом. Это престижная и высокооплачиваемая работа. А еще врачи помогают людям. Мама хочет, чтобы Галбадрах стал инженером. Это интересно и перспективно. А брат прислал ему письмо из военного института. Галбадрах, приезжай в наш институт! Будешь танкистом!»

Ключевые задания:

1) Создайте рекламный буклет нашего института. Соберите информацию по таким вопросам, как «Специальности, которые можно получить в институте», «День курсанта», «Свободное время», «Новые друзья (страны, представленные на специфакультете)».

2) Подбери фотографии, иллюстрирующие эти темы.

3) Объедини тексты и фотографии в рекламном буклете «Приезжай учиться к нам!»

Кейс № 2 (ТРКИ-1). Школьный альбом (фото или рисунки и интересные истории из школьной жизни).

«Ахмед вспоминает о школе в Алжире с большой теплотой. В школе были замечательные друзья, любимый учитель, концерты, библиотека... К сожалению, у Ахмеда нет школьного альбома. Но он привез в Россию несколько фотографий из школы. Это было бы интересно, сделать альбом, как это делают в России. Дополнить его фотографиями и интересными историями...»

1) Подберите фотографии, рассказывающие о вашей школе, вашем классе и учителях. А может быть, вы хорошо рисуете? Попробуйте нарисовать их!

2) Вспомните о друзьях и учителях, какие они были по характеру? Почему вы их любили?

3) Вспомните 2—3 интересные истории из школьной жизни.

4) Оформите эти воспоминания в альбоме.

Тема «Моя страна/мой родной город».

Кейс № 1. Экскурсия (Разработка плана путешествия).

«Хамза и Бухмис — друзья. Хамза из Иордании, а Бухмис из Алжира. Скоро летние каникулы. Хамза пригласил Бухмиса к себе в гости. Он хочет познакомить его со своей семьей и показать ему Иорданию. Хамза планирует интересное путешествие. Бухмис увидит древний город Петру, столицу Иордании — город ... и будет купаться в Мертвом море!. Это будет незабываемое путешествие! А что бы вы хотели показать друзьям в своей стране?»

Ключевые задания:

1) Распечатайте или нарисуйте карту своей страны.

2) Отметьте те места, которые вы хотите показать.

3) Составьте план экскурсии (календарь, пункты остановки, небольшие рассказы об интересных местах).

4) Обсудите с друзьями по группе ваш план. Что они одобряют, а что добавляют или советуют убрать?

Кейс № 2. Фестиваль «Радуга культур» (выступление).

«В прошлом году наши курсанты участвовали в фестивале «Омск — город встречи». Посмотрите на эти фотографии. К нам приезжали студенты из университета им. Достоевского, из технического университета и медицинской академии. В фестивале приняли участие молодые люди из 15 стран! Для участия нужно было подготовить концертный номер и представить небольшую, но яркую презентацию о своей стране. Сегодня к нам в институт пришло приглашение на фестиваль «Радуга культур», который состоится в апреле в техническом университете. Давайте готовиться!»

Ключевые задания:

1. Придумайте концертный номер. Что вы будете делать? Петь или танцевать? А может быть, вы готовы читать стихи или показать драматический номер?

2. Создайте презентацию о своей стране, отобрав самый интересный материал. Это может быть информация по истории или географии, культуре или туризму в вашей стране.

3. Проведите репетицию вашего выступления, скорректируйте содержание и длительность, если это необходимо. Удачного вам выступления!

Таким образом, обучение русскому языку как иностранному может проходить активно, интересно и коммуникативно при эффективном сочетании традиционной системы обучения и кейс-метода. При построении процесса обучения следует обратить внимание на выбор подходящих кейсов, их соответствие современным реалиям, возможность применения знаний, полученных на занятиях, а также психологической готовности курсантов для работы с кейсами.

Литература

1. Государственные стандарты по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. СПб., 2009.

2. Гуманитарные образовательные технологии в вузе: методическое пособие / Под ред. С.А.Гончарова. СПб., 2007.

Т.Ю.Винокурова

г.Ханты-Мансийск

Югорский государственный университет

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Проблемы онтологического анализа рассматривались в работах Л.В.Карасева, В.Н.Евсеева, С.Ж.Макашевой и других исследователей. Термин впервые употребил в 1993 г. в статье «Гоголь и онтологический вопрос» Л.В.Карасев, уточнив смысл термина: «В литературе онтологические интуиции сказываются и в самой потребности автора в создании “второй реальности”, и в особенностях устройства текста, в сюжетных ходах, мотивах поступков персонажей и в различных деталях. Исследование этого особого смыслового слоя (обычно закрытого для автора текста) я назвал онтологической поэтикой или онтологическим подходом к литературе» [3, С. 84]. В литературоведческой практике такой подход был позже использован В.Н.Евсеевым при определении художественного метода Е.И.Замятина [1; 2].

Как показывает исследовательская практика, онтологический подход дает возможность увидеть точки соприкосновения творчества разных авторов, размышляющих о бытийных аспектах существования человека. Так сравнительно-типологический анализ драматической пенталогии Бернарда Шоу «Назад к Мафусаилу» (1921) и романа Е.Замятина «Мы» проясняет онтологические основания их творчества. Образ вероятного «будущего», к которому может прийти человечество в процессе своего развития у Б.Шоу и Е.Замятина предполагает столкновение двух начал: Жизненной силы и мертвой материи. Вечная борьба этих двух сил и определяет эволюцию бытия духа и материи.

Жизнь, считает Шоу, бесконечна в своем развитии и прекращается вместе с ним. Эволюция началась с чистой жизненной энергии, чистой силы, чистой воли, для которой материя служила необходимым средством реализации. Люди существуют, пока они реализуют свою жизненную энергию и совершают работу по изменению материи. Если этой работы не будет, то не будет и развития, движения, настанет вечный покой — «энтропия». Такое противостояние Жизненной силы и мертвой материи соответствует противостоянию энергии и энтропии у Е.И.Замятина.

Столкновение энергии и энтропии в романе «Мы» реализуется в отношениях между I-330 и Д-503. Движимая энергией бунта, героиня врывается в энтропийную жизнь Д и пытается ее изменить. Отождествляя революцию с энергией, I говорит: «Вот: две силы в мире — энтропия и энергия. Одна — к блаженному покою, к счастливому равновесию; другая — к разрушению равновесия, к мучительно-бесконечному движению» [3, С. 110]. Для I жизнь — это вечная борьба, противостояние энтропии, бесконечные революции: «Последней — нет, революции — бесконечны. <...> Тебе, математику, — разве не ясно, что только разности — разности — температур, только тепловые контрасты — только в них жизнь. А если всюду, по всей Вселенной, одинаково теплые — или одинаково прохладные тела... Их надо столкнуть — чтобы огонь, взрыв, геенна. И мы — столкнем [3, С. 116].

В первой части пенталогии Шоу перед Адамом и Евой, привыкшим к неизменности своего вечного существования в раю, появляется змея, которая все меняет. (Некоторые детали позволяют провести аналогию между образами змеи в пьесе Б.Шоу и революционерки I в романе «Мы». Во внешности I-330 Д выделяет змеобразное, улыбку-укус. В жизни главного героя I играет ту же роль, что и змея в жизни первых людей героев пьесы).

У Шоу змея появляется как дух противоречия, как воплощение диалектики и носитель Жизненной силы. Она начинает говорить с Адамом и Евой, когда те приходят к мысли о конечности бытия. Эта мысль вызывает в

них спорные чувства: страх перед небытием и страх перед вечным существованием. Змея учит первых людей не бояться смерти, объясняет им, что смерть — это не конец всего, а лишь конец старого и начало нового. Смерть — это то, что отбрасывается в процессе обновления жизни: «Я изобрела слово “мертвый” и называю так старую кожу, которую сбрасываю, обновляясь. Обновляться же и значит родиться» [10, С. 71]. Таким образом, смерть — это необходимое условие появления новой жизни. Воображение придает новой жизни смысл и цель: «...воображение и есть начало созидания. Ты воображаешь себе то, чего хочешь; ты хочешь то, что вообразила, и в конце концов творишь то, чего хочешь» [10, С. 73]. Адам одновременно боится и желает смерти, в разговоре с Евой он признается: «Мне страшно всегда жить наедине с собой. Тебя я люблю, себя — нет. Мне хочется быть иным, лучшим, чем сейчас, хочется вновь и вновь начинать все сначала, меняясь, как змея меняет свою кожу. Я сам себе надоел» [10, С. 9].

Именно змея, одержимая духом противоречия, пробудила в Адаме желание быть другим, лучшим, каждый раз начинать все сначала, усилием своей воли породить новую жизнь. Она показала Адаму и Еве, что их статичное вечное существование, к которому они так привыкли в раю, еще не есть жизнь. Настоящая жизнь непредсказуема, она постоянно меняется и заканчивается смертью. Разрешение первоначального конфликта между «быть» и «не быть» порождает новые противоречия; каждое открытие, к которому змея подталкивает Адама и Еву, привносит в их жизнь свою противоположность. Мысль о рождении, обновлении жизни связана с идеей о смерти. Надежда связана со страхом и отчаянием, любовь — с ревностью, добро — со злом.

Общаясь с I-330, D-503 открывает для себя те же противоречия. Благодаря I герой понимает, что нет счастья без страдания, истинного знания — без творческого воображения, фантазии.

Онтологический подход оказался наиболее продуктивным при изучении творческого наследия М.И.Цветаевой. Так его применила в своих работах С.Ж.Макашева — в исследовании раннего периода творчества М.И.Цветаевой [4]. Изучение лирики М.И.Цветаевой в таком ракурсе дало возможность исследователю прояснить некоторые особенности становления и эволюции поэтической онтологии. В монографии С.Ж.Макашевой «Лирика и драматургия М.И.Цветаевой (1907—1920 гг.)» показано, что дневниковый принцип как жанрово-стилевая доминанта у М.И.Цветаевой сформировался именно в ранний период [4]. Дневниковый принцип давал возможность М.И.Цветаевой выразить экзистенциально-романтическое мироощущение, сформированное на ранних этапах творчества увлечением символизмом.

Онтологический подход в изучении творчества М.И.Цветаевой вывел С.Ж.Макашеву на философский контекст: Ф.Ницше, В.Розанова, Н.Бердяева, Л.Шестова [5; 6]. В более поздних своих исследованиях исследователь твердо придерживается онтологического подхода в изучении творчества поэта, полагая, что применительно к М.И.Цветаевой именно этот метод наиболее продуктивен [7, С. 8].

По мнению Л.В.Карасева онтологическая поэтика выявляет «индивидуальную мифологию» писателя, такие ее черты, которые способны быть «моделью, образцом, эмблемой для обозначения целого типа онтологического смыслостроительства, имеющего отношение к очень многим людям» [3, С. 7].

Большим писателям свойственно акцентировать внимание на бытийных аспектах своей поэтической картины мира, поэтому онтологический подход в качестве метода исследования наиболее перспективен в осмыслении творческого наследия многих художников.

Литература

1. Евсеев В.Н. Художественная проза Евгения Замятина: проблемы метода, жанровые процессы, стилевое своеобразие: Учебное пособие. М., 2003.
2. Евсеев В.Н., Макашева С.Ж. Творчество Е.И. Замятина и М.И.Цветаевой в контексте персонализма русской философии первой трети XIX века. Тюмень, 2012.
3. Замятин Е.И. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. Замятин Е.И. Цель // Избр. произведения: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 412.
4. Карасев Л. В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 9. Литературно-художественные архетипы и универсалии).
5. Макашева С.Ж. Лирика и драматургия М.И.Цветаевой (1907—1920 гг.): становление и эволюция поэтической онтологии. Ишим, 2002.
6. Макашева С.Ж. М.И.Цветаева и русский предэкзистенциализм. Марина Цветаева: эпоха, культура, судьба / С.Ж.Макашева // Десятая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9—11 октября 2002 года): Сборник докладов. М., 2003. С. 93—98.
7. Макашева С.Ж. Идеи Ф.Ницше в творчестве М.Цветаевой // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 2. С. 53—59.
8. Макашева С.Ж. Онтологическая поэтика сборника «Версты-2» М.И.Цветаевой // Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования: Материалы международной конференции «Пушкинские чтения» (ЛГУ им. А.С.Пушкина, 6 июня 2004 г.). СПб., 2004. С. 193—198.
9. Макашева С.Ж. Поэзия и проза М.И.Цветаевой 1920—1930-х гг. (онтология, концепция личности)». М., 2005.
10. Шоу Дж. Б. Полное собрание пьес: В 6 т. Т. 5. Л., 1980.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК PR-ИНСТРУМЕНТ РОЗНИЧНОЙ СЕТИ

Благотворительность можно расценивать не только как одно из проявлений, но и как один из важнейших атрибутов гражданского общества. Благотворительность позволяет обществу обслуживать свои интересы напрямую, без посредничества государства. Таким образом, реализуются стратегии межсекторного взаимодействия. Благотворительность делает возможным помощь как физическим лицам, так и юридическим, при этом перераспределение доходов от наиболее имущих к наименее имущим гражданам происходит исключая ненужных посредников, в кратчайшие сроки. Благотворительность все больше становится инструментом, посредством которого общество удовлетворяет свои основные социальные, общечеловеческие потребности. В то же время, как отмечает Ф.А.Чепуров, новое видение бизнесом своего места в развитии общества неизбежно влечет за собой изменение подхода к оценке роли благотворительности в стратегии развития корпораций [6, С. 191].

Благотворительность в России определяется и регулируется законом РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», принятом в 1995 году: «Под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки» [2, С. 2]. Спонсорский словарь трактует благотворительность, как добровольную, безвозмездную помощь (финансовая, имущественная, интеллектуальная, организационная и т.п.) людям (организациям), которые в силу различных причин не могут обеспечить себе достойное существование (нормальное функционирование). Благотворитель (благотворительная организация) не заявляет (не определяет) заранее рассчитанную выгоду от своего благотворительного действия, даже если эта выгода наступает. Благотворительность, в отличие от спонсорства, может быть скрытой (тайной или анонимной) [4].

Благотворительность можно расценивать как инструмент связей с общественностью — т.к. она приносит финансовую выгоду благополучателю, и «психологический доход» — организации-донору. Репутационное преимущество появляется тогда, когда в результате реализации благотворительных проектов увеличивается стабильность бизнес-среды, снижаются операционные риски, укрепляется доверие со стороны лиц и организаций, которые тем или иным образом влияют на деятельность компании или испытывают ее влияние (так называемые стейкхолдеры), и, как следствие, увеличивается капитализация.

Крупные российские компании оценили важность корпоративной филантропии как инструмента публицити во второй половине 90х годов, когда благотворительные программы строились по принципу бессистемного реагирования на запросы по возможности большего числа нуждающихся в помощи людей и организаций. Но эффективная для обеих сторон благотворительность возможна при следовании научному подходу. Дальнейшее успешное развитие деятельности компаний в сфере корпоративной благотворительности, укрепление доверия общества к самим благотворительным проектам бизнеса, как представляется автору, возможны при создании ряда необходимых условий, из которых мы выделим главные: рост прозрачности и информационной открытости компаний и поддержка культуры благотворительности со стороны СМИ.

К сожалению сегодня, большинство представителей розничных сетей и иных коммерческих структур сталкиваются с непониманием благотворительных программ средствами массовой информации. Журналисты и редакторы не разделяют рекламную информацию о компании и пост-релизы об итогах благотворительного проекта, приглашение к потребителям стать частными жертвователями благодаря участия в программах «отчисления от продаж».

Специалист по связям с общественностью в бизнесе, призваны создать окружение, в рамках которого собственники и инвесторы будут удовлетворены возвратом инвестированного капитала. Поэтому, традиционной сферой связей с общественностью в бизнесе стала благотворительность, рассчитанная на внешнюю аудиторию организации.

Из современных мотивов корпоративной благотворительности можно назвать следующие: 1) дополнительная положительная реклама, способствующая созданию благоприятного имиджа, хорошего имени, что особенно важно для предприятий, работающих с массовым потребителем; 2) дополнительная положительная характеристика при взаимоотношениях с государственными, финансовыми структурами; 3) получение особых наград, почетных званий и иных знаков отличия за заслуги в области благотворительности (вплоть до государственных орденов); 4) укрепление репутации в глазах партнеров: партнеры, видя, что корпорация оказывает помощь, будут знать, что она достаточно твердо стоит на ногах, развивается, рентабельно существует; 5) возможность вкладывать деньги непосредственно, минуя государственные институты, в те или иные непроизводственные сферы [3, С. 11].

Но бизнес имеет не только внешние коммуникативные задачи, но и внутренние. Спонсорская и благотворительная деятельность также оказывает большое влияние на внутренний имидж организации. Среди таких внутренних задач наиболее актуальны:

- создание атмосферы доверия между нанимателем и служащим;
- организация потока искренней информации, который должен свободно развиваться как по вертикали, так и по горизонтали;
- обеспечение удовлетворенности своим статусом и участием в общем деле для каждого сотрудника;
- обеспечение работы без конфликтов;
- создание здорового окружения;
- достижения успеха для предприятия;
- поддержание оптимизма в отношении будущего [7, С. 187].

Так, в Краснодаре «Леруа Мерлен» работает с общественной организацией «Вторая мама». При этом в акциях непосредственно принимают участие сотрудники компании — например, они делали ремонт для многодетных семей, а тех сотрудников, кто пожелал в этом участвовать, отпускали на полдня с работы.

Рассмотрим благотворительную деятельность закрытого акционерного общества «Эссен продакшн АГ». «Эссен продакшн АГ» представляет собой холдинг, в состав которого, кроме предприятия по производству продуктов питания входят:

1. ООО «Оптовик» — торгово-розничная сеть из 12 гипермаркетов в крупных городах Татарстана, где 99% Уставного капитала принадлежит ЗАО «Эссен продакшн АГ»;
2. Развлекательно-досуговый центр «Манхеттен-Бруклин»;
3. Туристическое агентство «Эссен туристик»;
4. База отдыха;
5. Благотворительный фонд.

На современном конкурентном рынке преимущество в борьбе за покупателя получает не только производитель лучшей по качеству продукции, но с большей вероятностью тот производитель, который может грамотно позиционировать этот продукт и свою организацию. Потребителю широко известна торговая марка «Махеевъ», но лишь узкий сегмент этой аудитории осведомлен о том, что производственный комплекс, включающий предприятия по производству масложировой продукции под данным именем принадлежит закрытому акционерному обществу «Эссен продакшн АГ». В свою очередь, в Эссен продакшн входит благотворительный фонд «Поколение», который осуществляется помощь детям сиротам, инвалидам и социально-незащищенным слоям общества. Задача специалиста по связям с общественностью в данном случае состоит в том, чтобы осуществить определенную отстройку от конкурентов и связать торговую марку «Махеевъ» с благотворительной деятельностью Эссен продакшн в сознании потребителя. Продвижение благотворительной деятельности организации, а в дальнейшем и самой организации через ее благотворительную деятельность является весьма актуальной, так как зачастую компании осуществляют слабую информационную поддержку благотворительных мероприятий, а население часто воспринимает благотворительную деятельность, как должное. Поэтому участие в данной деятельности специалиста по связям с общественностью неоспоримо.

Благотворительность — одно из важнейших направлений компании. Фонд осуществляет помощь детям сиротам, инвалидам и социально-незащищенным слоям общества.

Свою работу Благотворительный фонд «Махеевъ. Поколение» начал в 2007 году. Миссией фонда является способствовать решению общественно-важных социальных проблем [1].

Для дальнейшей корректировки деятельности благотворительного фонда необходимо рассмотреть проводимые фондом мероприятия и уровень их организации.

Программа помощи детям инвалидам «Кто, если не мы?»

Цель программы — оказание адресной помощи детям с тяжелыми заболеваниями. Для осуществления данной цели во всех торговых центрах «Эссен» установлены благотворительные ящики для сбора денежных средств. Программа работает с 2008 года. Программа постоянная. На данный момент оказана адресная помощь более 100 семьям с детьми с тяжелыми заболеваниями.

Таким образом, данная программа объединяет усилия самой организации (сеть магазинов) и ее клиентов. Такое воздействие, общее благое дело призвано повысить лояльность покупателей сети.

Благотворительный проект «Готовить — здорово!»

Цель проекта — помочь детям с ограниченными возможностями в адаптации в социально-бытовой сфере и привлечение общественности к проблемам детей-инвалидов. Дети с ограниченными возможностями совместно с родителями и под руководством шеф-повара предприятия общественного питания готовят два блюда. За состоянием здоровья детей наблюдает приглашенный специалист из реабилитационного центра. Вводный этап — знакомство участников акции, приготовление несложных блюд европейской кухни (март); 1 этап акции — приготовления блюд японской кухни (апрель); 2 этап — приготовление блюд восточной кухни (май); 3 этап — приготовление блюд итальянской кухни (июнь); 4 этап — конкурс среди участников акции на приготовление собственных блюд понравившейся кухни (сентябрь).

По окончании конкурса жюри, в составе директоров ресторанов, где готовили дети, выберет троих победителей. Все участники будут награждены памятными подарками и грамотами предоставленными организациями акции.

Выбор именно такой целевой группы благополучателей не случаен. Дети как объект благотворительности способствуют получению наибольшего резонанса среди общественности. Кроме того, необходимо учитывать и своеобразие предложенной программы, направленной не просто на улучшение материального положения детей, но на их социализацию.

Праздник для детей в рамках международного дня защиты детей «День здоровых улыбок». Ежегодное мероприятие, проводимое в реабилитационном центре «Солнышко» в рамках международного «Дня здоровья»

Акция «Подари тепло нуждающимся» так же направлена на объединение усилий торговой сети и покупателей. Магазин в данном случае выступает в качестве посредника, что позволяет снизить недоверие частных жертвователей к проблеме открытости пожертвований, отправки собранных вещей по назначению. Чтобы повысить эффективность данного мероприятия, необходимо сопроводить его информированием на сайте компании на всех этапах: от объявления о начале акции, ее ходе, до отзывов благополучателей.

Эта акция была запущена в июне 2009 года. Цель акции помочь социально незащищенным слоям населения одеждой, обувью, игрушками, книжками. Лозунг акции — «Ненужное вам подарит тепло нуждающимся». На территории Торговых Центров «Эссен» размещены пункты для сбора вещей, куда каждый желающий житель города может принести свои вещи.

Праздник старшего поколения, проводимый в Парке Победы в рамках декады пожилого человека

Акция «Здоровье детей — бесценно!»

Адресная помощь семьям с детьми-инвалидами в предоставлении бесплатных поездок на машинах служб такси.

Также фонд помогает детским домам и домам сирот по всей республике. Благодаря фонду было посажено деревьев во дворах 5 жилых домов г.Набережные Челны, установлено 9 детских площадок. Фонд содействовал облагораживанию территории Свято — Вознесенского собора. В 2013 году Благотворительный фонд Махеев подарил Елабужской районной больнице новое оборудование для гинекологического отделения. Фонд оказал помощь в приобретении видеоконноскопа, видеопроцессора, монитора и медицинской стойки на общую сумму 1,4 млн руб. Летом при поддержке благотворительного фонда открылась новая спортивная площадка во дворах дома 25/18 г.Набережные Челны и Елабужском Реабилитационном центре «Астра». В рамках акции «Подари книге вторую жизнь», которая прошла в Елабуге, фонд «Махеев» оказал помощь в приобретении книг для школьных библиотек города. В течение 2012 года фонд направил на благотворительную деятельность более 13 млн рублей.

Таким образом, благотворительность несет пользу как сетям розничной торговли (узнавание, лояльность клиентов, повышение продаж), так и благополучателям. Как указывает Дарья Шадрина, координатор благотворительного фонда «Линия жизни», «розничные сети — эльдорадо для благотворительности, а также для взращивания гражданского общества. В условиях товарного многообразия дать возможность человеку выбрать ту зубную пасту, от которой часть прибыли пойдет детям или инвалидам означает дать возможность при минимальных усилиях почувствовать себя гражданином, принести пользу» [2].

Литература

1. Благотворительность в ЭССЕН// ЭССЕН. Сеть гипермаркетов URL: <http://essen-retail.ru/blagotvoritelnaya-kompaniya>.
2. Благотворительный фонд для розничных сетей. URL: <http://derevnya-ru.ru/vneshnie-novosti/116-blagotvoritelnui-fond-dlja-roznicnih-setei.html>.
3. Лобова С.В. Теоретические аспекты корпоративной благотворительности в современной экономике // Вестник Алтайской Академии экономики и права. 2013. № 32.
4. Словари благотворительности // Благотворительность в России. URL: <http://infoblago.ru/charity/guide/dictionary>.
5. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»: [Федер. закон: принят Гос. Думой 7 июля 1995 г.: по состоянию на 9 ноября 2010 г.]. М., 2008.
6. Чепуров Ф.А. К вопросу об экономической сущности явления «благотворительность // Вестник Тамбовского университета. 2007. Вып. 5
7. Чумиков А.Н. Связи с общественностью: теория и практика. М., 2004.

ОПЕРАТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИП РАБОТЫ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Все средства массовой информации, прежде всего, формируют общественное мнение. Но, при этом и телевидение, и газета, и радио имеют свою специфику работы и являются неотъемлемой частью окружающей действительности. Каждое СМИ индивидуально и имеет достоинства и недостатки.

К преимуществам телевидения можно отнести его развлекательный сегмент, познавательную функцию, информативность. Недостатками же данного СМИ являются: вред здоровью за счет излучений, наполненность телепередач сценами насилия, негативное влияние коммерческой рекламы.

Преимущества радио как средства массовой информации: доступность (дом, машина, работа, торговые центры и др.), охват большой целевой аудитории, рентабельное размещение рекламы, ненавязчивая подача информации за счет определенной категории слушателей, познавательная и развлекательная функция, большой спектр выбора музыкальных форматов, оперативность подачи информации. Недостатками являются: отсутствие визуализации, недостаточная информативность в новостной сфере, нет возможности отложенного слушания.

Преимущества сети Интернет: оперативная подача информации, большой отток информации, трансляции в онлайн-режиме, участие в конференциях и дискуссиях в режиме реального времени, находясь в отдаленных территориях, доступность услуг покупок. Недостатками являются: незащищенность сети от сайтов, содержащих порнографические сцены и сцены насилия, зависимость, отрицательное влияние на живое общение, недостоверная информация.

Преимущества печатных СМИ: удобство использования, полнота информации, возможность воспринимать информацию в индивидуальном темпе, использование различных форм рекламной продукции. К недостаткам можно отнести: затраты на печать и распространение, возможность нераспространения тиража, недостаток оперативности, отсутствие непосредственной интерактивности.

Печатные средства массовой информации относятся к самой первой подсистеме журналистики. Печатные средства массовой информации базируются, в первую очередь, на сборе, переработке и хранении информации.

Выпуск печатного издания в первую очередь основывается на сборе актуальной и интересной аудитории информации [3, С. 122]. Сбор информации — это повседневная работа журналиста. Информация является основой для написания журналистских произведений различных жанров. Она направлена на ориентацию работников печати в конкретной социально-культурной среде, экономической и политической ситуации в стране и мире. Сбор информации осуществляется посредством источников: внешние и внутренние. К внешним источникам относятся: государственные органы, органы судебной власти (информацию предоставляют пресс-секретари и пресс-аташе), государственные информационные агентства, внештатные информаторы, общественные корреспонденты. К внутренним: штатные корреспонденты, почта, приходящая в печатное издание.

Естественно, что каждое печатное средство массовой информации имеет свою индивидуальность в зависимости от тематики и наполненности материалов. Соответственно, указанные источники информации играют неодинаковую роль. Таким образом, каждая редакция составляет приоритетный список источников информации, важных для выпуска издания.

Вся информация, поступающая в издательство печатного издания, подвергается переработке, целью которой является обеспечение оперативности подачи информации, облегчение ее восприятия целевой аудиторией. Так, наряду с проблемными и публицистическими выступлениями, которые не всегда доступны для восприятия группой общественности, немаловажное значение имеет короткая информационная заметка, которая заставляет читателей обратить внимание на то или иное событие или явление. Еженедельнику уже не столь необходима высокая оперативность, зато здесь чрезвычайно уместны обзоры, аналитические материалы [1, С. 75].

Тем не менее, печатные СМИ во многом уступают другим средствам массовой информации. Так, радиовещание и телевидение способны оперативно подать информацию, в то время как печать самой технологией обречена на дискретность выпуска печати. Сегодня частота выпуска печатной периодики колеблется от ежедневного (газета) до ежегодного (альманах). Трудности в экстренных выпусках печатной продукции заключаются в проблеме ее распространения [2, С. 115].

Таким образом, пресса проигрывает в оперативности информирования, так как существует разрыв во времени между подготовкой номера и доставкой его до потребителя. В первую очередь, пресса, распространяемая по всей стране. Даже несмотря на то, что некоторые издательства имеют свои филиалы в регионах и материалы печатаются на месте. Разница временных поясов в нашей стране накладывает свой отпечаток, и во многих регионах доставка периодического издания аудитории получается на день-два позже столичной.

Обратившись к существующим принципам работы редакции печатных средств массовой информации, можно выявить следующие причины, замедляющие процесс оперативности:

Редакторская правка — обязательная процедура обработки материала перед поступлением в печать. Редактор должен придерживаться определенных правил редактирования текстов. Необходима тщательная работа над словом, четкость выводов и обобщений, проверка фамилий, имен, цитат.

Соблюдение актуальности и отражения действительности происходящего.

Дизайн и верстка — придание изданию законченного вида. Верстка требует большой скорости, затрудняет работу над дизайном издания и делает невозможным внесение быстрых поправок. Помимо этого, затрудняет возможность передать работу от одного сотрудника другому, сильно затрудняется несогласованность стандартов производства и несовершенство систем информационного обмена.

Как и в любой сфере деятельности, в системе структур средств массовой информации существуют звенья, за которыми закреплены соответствующие сфере деятельности задачи. Собственно, для выполнения этих задач и созданы редакционно-технические структуры. Они особенны по-своему и выполняют определенные функции. Таким образом, редакционные структуры, а именно редакторская правка, верстка печатного издания, подача материала на подпись и допуск в печать, проверка достоверности и актуальности информации, создают своего рода торможение важной функции существующих всех средств массовой информации — оперативности. Но, несмотря на серьезность этой причины, нельзя строго судить редакционную работу массовой информации. Ведь в первую очередь именно редакция СМИ является первой ступенью формирования общественного мнения. Для качественного выполнения этой функции средствами массовой информации следует использовать в работе новейшие технологии и высококвалифицированные кадры. Необходимо сознание ответственности перед аудиторией в момент формирования общественного мнения.

Литература

1. Корконосенко С.Г. Основы творческой деятельности журналиста. СПб, 2000.
2. Резников М.Р. Радио и телевидение вчера, сегодня, завтра.
3. Рэндалл Д. Универсальный журналист. М., 1996.

Е.С.Долгина

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛЫХ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ

С развитием рыночных отношений *репутация и имидж регионального предприятия* приобретают все большее значение. Имидж и репутация являются, несомненно, взаимосвязанными понятиями. Зачастую социум пользуется ими как синонимичными, не разграничивая их. Тем не менее, в свое основе понятие имидж несет смысловую нагрузку ОБРАЗА, а репутация, в свою очередь, ОЦЕНКИ.

В научной терминологии, репутация является сложившимся образом у общественности, который подразумевает мнение общества о достоинствах и недостатках предприятия. В условиях рыночных отношений потерять репутацию сродни его краху. Таким образом, следует постоянно поддерживать положительную репутацию как среди потребителей, так и в конкурентной среде. Сохранению репутации способствуют эффективная рекламная деятельность предприятия, система PR-мероприятий, направленных на благоприятное отношение к потребляемым товарам и услугам.

В основе репутации компании лежит визуальный имидж предприятия: логотип, слоган, фирменный знак, шрифт, цветовая гамма. Основными каналами, формирующими репутацию предприятия, являются текстовый и слуховой.

Имидж предприятия — это желаемый образ компании. Создание имиджа направлено на положительное восприятие целевой аудиторией, властными структурами, конкурентной средой предприятия. Имидж должен соответствовать массовому сознанию.

Носителями имиджа могут выступать:

- личность — политический деятель, руководитель предприятия, представитель шоу-бизнеса;
- общественное объединение;
- организация, предприятие, компания (корпоративный имидж);
- товар или услуга (имидж торговой марки);
- мероприятие, акция (например, имидж фестиваля, аукциона);
- территория, город, страна [2, С. 305].

Имидж предприятия может нести позитивную, негативную или нечеткую окраску, ввиду того, что общественность, спонсоры и конкуренты по-разному могут воспринимать компанию. Это относится к внешнему

имиджу предприятия. Внутренний же имидж отражает отношение и представление сотрудников о своем предприятии. Современная действительность диктует свои условия рынка продаж. Общество переходит от «рынка продавца» в «рынок покупателя». Поэтому основной целью любого регионального предприятия является достижение благоприятного имиджа компании.

Основой в формировании благоприятного имиджа предприятия является работа с общественностью и средствами массовой информации [3, С. 213]. Для успешного формирования имиджа необходима четкая организация управления планированием, организацией и контролем.

При формировании имиджа следует учитывать количественные (затраты, сроки, экономическую эффективность и результативность) и качественные (достижение цели, четкая структура, содержание деятельности, исполнители, PR-технологии) измерители.

PR-технологии, направленные на формирование и поддержание благоприятного имиджа регионального предприятия, в своей основе должны решать две основные задачи: продвижение имиджа и коррекция репутации.

Имидж должен соответствовать основным требованиям, а именно:

- быть адекватным и соответствовать потенциалу предприятия;
- сохраняя основные черты уметь трансформироваться в соответствии с изменениями социума и культурной среды;
- быть ориентированным на целевую аудиторию [2, С. 306].

В настоящее время в сфере public relations сложился определенный понятийный аппарат, позволяющий четко ориентироваться при решении практических задач при продвижении имиджа предприятия. К терминологии относятся: видение (четкое представление о социуме и окружающей действительности), миссия (социально значимая в социуме роль предприятия), корпоративная индивидуальность (нормы поведения, ценности и суждения, которые определяют корпоративную культуру предприятия), корпоративная идентичность (представление предприятия на рынке продаж посредством формальных и неформальных коммуникаций).

Обратимся к составным частям имиджа регионального предприятия. В первую очередь, это кадровая политика. В ее основе лежит компетентность и авторитет руководителя в подборе высококвалифицированных сотрудников, разработке системы повышения квалификации, корректировке межличностных отношений.

Во-вторых, это дизайн предприятия, который предполагает единство фирменного стиля.

В-третьих, исходящая документация, качество которой должно соответствовать нормам современного делопроизводства, стилистике русского литературного языка, выдерживать фирменный стиль предприятия [4, С. 136].

Следует отдельно отметить благотворительную деятельность регионального предприятия, в основе которой лежит добровольная деятельность компании по безвозмездной помощи, предоставлению услуг отдельным гражданам или учреждениям [1, С. 207].

Благотворительность осуществляется предприятием с целью оказания социальной поддержки, реабилитации отдельных социальных групп, оказания помощи жителям территорий после стихийных бедствий, содействия укреплению престижа и роли семьи в обществе и др.

Таким образом, рассмотрев основные инструменты имиджа и репутации регионального предприятия, можно сделать вывод о необходимости владения механизмами управления корпоративной культурой, имиджем. Это обеспечит предприятию благоприятную репутацию в социуме, средствах массовой информации. Позволит поддержать предприятия на высоком конкурентоспособном уровне. Обеспечит эффективность функционирования деятельности компании. Хороший имидж и прочная репутация являются неотъемлемыми компонентами успешного функционирования предприятия. Особенно в наше время, когда любые творческие идеи и организационные технологии моментально подхватываются всеми производителями рынка, предлагая аналогичные услуги, практически неотличимыми по качеству и по цене. В такой ситуации критерием выбора становится имидж предприятия, над которым следует постоянно работать и поддерживать. Имидж — несомненно, инструмент достижения стратегических целей компании, которые затрагивают основные стороны его деятельности и ориентированы на перспективу.

Литература

1. Варакута С.А, Егоров Ю.Н. Связи с общественностью: Учебное пособие. М., 2003.
2. Марков А.П. Проектирование маркетинговых коммуникаций. Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность. Ростов н/Д, 2006. С. 305
3. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.; Киев, 2002.
4. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика: Учеб.пособие. М., 2003.

«ВООБРАЖАЕМЫЙ МИР ГЕРОЯ» КАК ПОНЯТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Феномен присутствия в литературном произведении воображающего героя, настолько активного в своей воображающей деятельности, что с ее помощью он создает образ реальности, с которым взаимодействует по ходу развертывания сюжета, насколько нам известно, никогда не становился специальным предметом рассмотрения теоретической поэтики.

Мы предлагаем 1) определить феноменологию такого присутствия посредством понятия «воображаемый мир героя»; 2) выявить категориальный потенциал понятия «воображаемый мир героя» в рамках теоретической и исторической поэтики и наметить возможные сферы его «инструментального» использования.

История нахождения этого явления как своего объекта теоретической поэтикой гораздо скромнее, чем опыт осмысления его как объекта исторической поэтики. Ряд этапов обнаружения воображаемого мира персонажа исторической поэтикой в литературных произведениях разных эпох оговорим специально.

В известном эссе Х.Ортеги-и-Гассета Дон Кихот (пожалуй, самый знаменитый воображающий герой в мировой литературе) описывается во взаимосвязи с вопросом о том, в каком «мире» (реальном или воображаемом) этот персонаж действует. Ортега-и-Гассет, обращает внимание читателя на общий, по его мнению, принцип эпохи Возрождения, сопрягающий сферы реального и воображаемого в единое целое [2, С. 129]. И трагичность, и комичность Дон Кихота связаны с *сосууществованием* его в реальном и воображаемом мирах. Однако рефлексия этой *одновременности* самому герою не дана.

Воображающий герой Сервантеса обращает нас к проблеме осмысления значимости проекции «внутреннего мира» персонажа во «внешний» мир произведения в исторической поэтике литературного героя. И в то же время позволяет выделить особую разновидность проекции «внутреннего мира» героя во «внешний» — воображаемый образ реальности. Воображаемый образ реальности, имея своим источником внутренний мир персонажа, представляет собой отличный от проекции «внутреннего мира» элемент поэтики литературного произведения: его феноменология связана с воображением. Необходимость выделения такой разновидности диктуется самим процессом развития литературы: на определенных этапах характерной частью образа человека в литературе становится воображение, воображающая деятельность.

Таким этапом, выдвинувшим взаимоотношение реального и воображаемого на первый план, стал романтизм. Проникновение «внутреннего мира» героя во «внешнюю действительность» подразумевалось концепцией личности, согласно которой человек признавался «источником аналогий для Вселенной» (Новалис). Поэтика романтизма выработала ряд художественных принципов, оформляющих такое специфическое видение человека: например, в основу организации системы персонажей лег принцип «двойничества», который с помощью «фантастического допущения» определял во внешне выраженный образ разные внутренние облики «я» героя (н-р, в «Вильяме Вильсоне», «Лигейе» Э.А. По, «Двойниках» Э.Т.-А.Гофмана) или устанавливал «соответствующие» сознанию романтического героя, наделенного «сверхдаром» творческого воображения, ипостаси «чудесного» мира (н-р, в «Песочном человеке» Э.Т.-А.Гофмана, «Генрихе фон Офтердингене» Новалиса).

Романтизм драматизировал идею *совмещения* двух сознаний в одной личности и *разделения* одного сознания на физически воплощенных «двойников». Драматический конфликт разделял и «миры» (реальный — чудесный, воображаемый, идеальный), создавая устойчивое романтическое «двоемирие». На этом этапе проекция «внутреннего мира» героя, в том числе в виде воображаемого образа действительности, во «внешний мир» произведения порождает драматическое, как правило, осознаваемое героем и подвергаемое «романтической иронии» столкновение личного и безлично-общего, свободного и обусловленного, предопределенного, воображаемого как «идеального» — и реального.

Проблема самоидентификации героя, воплощенная в феномене двойничества, показывает, как индивидуальность или деиндивидуализация становятся новыми параметрами определения личности, основой которых является способность к воображению. Воображающий герой романтического этапа важен потому, что открывает *внутрихудожественную рефлексию* проблем соотношения воображаемого и реального, «внутренних» и «внешних» границ личности. Он обращает нас к ситуации осмысления литературой воображаемого образа реальности героя в аспекте его *подлинности* или «вторичности» как *творческой неподлинности*. То есть актуализирует проблему металитературной функции присутствия воображаемого образа реальности в произведении.

Особого внимания заслуживает постромантический реалистический этап освоения поэтикой возможности изображения в литературном произведении проекции «внутреннего мира» героя, в том числе воображаемого образа реальности, во «внешний». Здесь ключевой становится способность такой проекции внутренние противоречия и внутренние этапы развития одного человека, «развертывая экстенсивно», «драматизировать в пространстве» [1, С. 34].

Приведенное определение, данное М.М.Бахтиным, обозначает такой принцип изображения, который позволяет автору предельно раскрыть внутреннее ядро личности героя, не прибегая к прямым характеристикам. «Материализация» разных аспектов внутренней жизни персонажа вовлекает эти аспекты в диалогические отношения с миром, способствует порождению рефлексии героя. Воображаемый образ реальности на этом этапе не имеет специфической значимости по сравнению с другими проекциями внутреннего мира героя. Вместе с тем, этот этап чрезвычайно значим потому, что обнаруживает способность воображаемого образа реальности открывать недоступную «внешнему», «постороннему» взгляду сущность человека, воплощать внутренние кризисы личности, а также способность иначе, чем в поэтике романтизма, (диалогически) драматизировать положение персонажа в изображенном мире и позицию его относительно этого мира. Авторский взгляд на героя открывается поэтикой на этом этапе как разновидность «внешнего» и даже «постороннего» взгляда по отношению к внутренней автономности героя. Это актуализирует такую проблему поэтики проекции воображаемого образа действительности во «внешний мир» в литературном произведении, как взаимодействие точек зрения повествующего субъекта и воображающего персонажа, а также проблему взаимоотношения автора и воображающего героя.

Возможности изображения *воображаемого образа реальности* как разновидности проекции «внутреннего мира» героя во «внешний», как понятно из выше сказанного, в эпических, драматических и лирических произведениях существенно различаются.

Возможности воплощения «внутреннего мира» героев в драматических произведениях, как известно, ограничены (традиционно для этого используются монологи персонажей). И если «вставные тексты», в общем, не чужды композиционной структуре драматического произведения [3, С. 325], то воображаемый «мир в мире», непосредственно разворачивающийся перед читателем / зрителем, в драме выразить сложно. Драматическое произведение с огромной долей условности способно выразить мгновенный переход от непосредственно развертывающегося «воображаемого» к «реальному», их «неразличение» воспринимающим субъектом, «раздвоение» субъекта на «воображаемого» и «реального», телесное «развоплощение» героя в воображаемом мире, его позицию «все-присутствия» относительно «воображаемого мира», «психологическое время», разного рода «синэстетические» образы. В общем и целом, воображаемый образ реальности персонажа, видимо, возможен в драме, но при условии воплощения посредством «буквализированной» (опредмеченной) метафоры [3, С. 307] и выхода в пространство «аллегоричности» и символизации.

Лирика, напротив, «обладая» по родовой сути своей словом «монологическим», лишь «условно» воплощает «внешний мир», будучи сосредоточена на переживании этого мира как раз «внутренним» человеком. Родовая специфика лирики не подразумевает противопоставления пространственных и временных «миров» по принципу их «реальности»-«фиктивности»: любое «сновидческое» или «воображаемое» пространственно-временное событие «актуально» в переживании «лирического героя» или «лирического субъекта», *любой опыт переживания* мира может воплотиться в лирический сюжет. В целом лирика «оконтурена» «единством» *лирического переживания*, тогда как, например, «сфера эпических жанров не ограничена какими-либо типами переживаний и мирозерцаний» [4, С. 513—514].

Это позволяет предположить, что описываемое литературное явление вероятнее всего в полной мере присуще не лирике и драме, а эпике, что связано с ее родовой спецификой. Согласно предварительной гипотезе, воображаемый мир героя размыкает пространство и время изображенного действия (творя альтернативные пространство и время) и расширяет спектр возможных точек зрения на события (представляя собой «точку зрения, воплощенную в образ мира); событие, перенесенное в сферу субъективного восприятия героя, «пересоздает» изображенный мир, усложняя субъектную и повествовательную структуру произведения. То есть, воображаемый мир героя участвует в воплощении присущего эпосу стремления к отражению многообразия языков и обликов реальности в единой и сложной картине бытия. Предположительно воображаемый мир героя — это синтетическое явление, чье включение в поэтику эпического произведения открывает особые способы изображения героя и воплощения присущих эпике целостности и многообразия бытия.

К постановке проблемы воображающего героя и нахождению воображаемого мира персонажа как объекта теоретической поэтики в значительной степени причастна также «неклассическая» эпическая литература XX века. Анализ произведений М.Пруста, Дж.Джойса, Г.Гессе, Х.Л.Борхеса, Х.Кортасара, Г.Г.Маркеса, В.Набокова, В.Брюсова, Ф.Соллогуба, А.Грина, М.Павича, С.Кржижановского, Р.Бредбери, Р.Желязны, Р.Шекли показывает, что изображение воображающего героя, создающего образ реальности, с которым он взаимодействует по ходу развертывания сюжета, — своего рода метатема «неклассической» эпической литературы XX века, открывающая новые возможности и смыслы в проблеме воплощения проекции «внутреннего мира» человека во «внешний». Осознание *неабсолютности* позитивистски понимаемой картины мира с ее стационарностью пространственно-временного континуума, открытие множественности *субъективных* обликов реальности, ее «интрасубъективной» природы; осознание *нестационарности* человеческого «я», не обладающего собой как «налично данным» и всегда доступным набором *постоянных* черт и свойств (такое истолкование внутреннего мира человека можно найти в «Улиссе» Дж.Джойса, в «Демиане» и «Степном волке» Г.Гессе, в «Назову себя Гантебайн» М.Фриша, «Человеке без свойств» Р.Музиля, романном цикле М.Пруста и мн. др.); осознание *сложной референции* искусства относительно действительности,

осмысление специфики литературного вымысла и особенностей его воплощения в художественный текст, — эти темы оказываются связаны с изображением в литературном произведении воображающего субъекта.

Специфичным для «неклассической» эпической литературы XX века является такой подход к изображению проекции внутреннего «образа реальности» героя во внешнюю действительность, который абсолютизирует значимость воображения и локализует возникающий и развертывающийся образ в воображаемый мир; воплощая во внешне выраженный по отношению к герою элемент «окружения», ставит этот мир в диалогические отношения как с героем, так и с «внутрихудожественным» миром; акцентирует проблему соотношения субъектности и объектности персонажа, чья воображающая деятельность выводит его на границы собственной субъективности, в том числе и к осмыслению себя как героя жизненного или художественного сюжета.

Обзор включенности воображаемого мира персонажа в поэтику литературных произведений разных эпох показывает, что определение воображаемого мира героя как понятия теоретической поэтики наиболее продуктивно производить через анализ поэтики героя и сюжета, а также особенностей субъектной организации и повествовательной структуры эпического литературного произведения.

Поэтика героя и сюжета как аспекты значимы при рассмотрении интересующего нас явления, поскольку позволяют отразить специфику изображения человека и сюжетного выявления универсальных жизненных смыслов, увиденных литературой в воображающей деятельности. Поэтика воображающего героя или персонажа, переживающего событие встречи с воображаемым миром, несомненно выходит за рамки романтического истолкования воображающей деятельности как поэтической избранности или реалистического истолкования воображения как материализации внутренних кризисов личности и определяется через открытие литературой более широкой значимости воображения как «основного феномена человеческого бытия».

Анализ субъектной структуры произведения как феноменологически значимого аспекта рассмотрения воображаемого мира героя определяется следующими соображениями. В рассматриваемом явлении «я» героя, показанное «изнутри», оформляется не только с помощью условной границы, опирающейся на разницу точек зрения и языков (героев и повествующего субъекта, например), но и с помощью трансформации образов внутреннего мира персонажа в отдельный локус изображенного мира («воображаемый мир»). Это происходит как переход изображенного элемента из плана «кругозора» героя в план «окружения» (М.М.Бахтин): образы внутреннего мира персонажа выделяются «вовне», в отдельный локус или хронотоп, обретают изображенную буквально пространственную или временную границу. Перевод изображенного элемента из плана «кругозора» героя в план «окружения», видимо, будет провоцировать не только смену точки зрения персонажа (персонажей), но и смену способа изображения (способа повествования — в эпических произведениях).

Разные воображаемые образы реальности, сознательно или неосознанно воплощаемые персонажем в художественном мире литературного произведения, могут быть оформлены в сон, видение, галлюцинацию, мираж, воспоминание, в формирующийся в воображении автора-творца или читателя-сотворца образ произведения (стихотворения, романа, картины, музыкального произведения), в проекцию в виртуальном мире, в желаемое, воплощенное в целостную фантазию / мечту. *Оформленность воображаемого мира в одну из этих конкретных форм представляется менее значимой, чем сущностное присутствие двух характерных моментов: с одной стороны воображаемый мир наделен иллюзией достоверности, с другой — достоверность проявляет свою иллюзорность*, что создает потенциал для сюжетно значимой реакции субъектов разных уровней (воображающего героя, воспринимающего персонажа, повествующего субъекта, автора) на «внутреннее» героя, выходящее на границы с «внешним».

Случаи присутствия «готовых» «вставных текстов» в литературном произведении (писем, произведений разных искусств) не входят в область «воображаемого мира героя», — так же, как и разного рода «готовые», извне заданные «семиотические» построения, «открывающиеся» герою посредством сна, галлюцинации или «видения» («вещие сны», «трансцендентные» сферы). Только в том случае, когда «вставные» тексты представляют описание сюжетно развертывающегося «воображаемого мира» (как, н-р, в новелле В.Брюсова «В зеркале (из архива психиатра)»), а не извне заданного «готового» сюжета, можно говорить о пересечении областей этих понятий.

Специфика «воображаемого мира героя» связана с его «мирностью» и «воображаемой природой». «Мир» не изучается ни одной наукой (статья «мир» отсутствует в научных словарях), философское полагание связывает содержание категории «мир» с внутренним субъективно определяемым личным местом в бытии, из которого «мир» как система личных смыслов выстраивается вокруг «я» (здесь мы ориентируемся на труды М.Хайдеггера «Бытие и время», М.Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности», «К философии поступка», В.Бибихина «Мир»). Так понятый (как целостное явление, а не отдельность сторон и аспектов) «мир» воспроизводим только в произведении искусства. Деятельность автора как субъекта творчества состоит в творении художественной реальности, переоформляющей жизненное содержание в соответствии с определенной ценностной установкой в целостный «мир». Часть этого жизненного содержания, представляющая собой акт воображения, оформляется в произведении как «мир в мире».

Занимая в ценностной структуре литературного произведения место феномена, чья воображаемая природа становится предметом авторской эстетической рефлексии, воображаемый мир обнаруживает важную проблему *ирреализации реального в образе*, которая в то же время представляет собой *актуализацию значимого в образе*, а также обнажает вопрос о существовании и сущности воображаемого как такового.

Изображение персонажа, воплощающего в образ реальности оцеленную сферу смыслов, не означает его неперменного уподобления «автору». Авторская реакция на такого персонажа не имеет обязательного «металитературного» характера, поскольку «воображаемый мир героя» выходит за границы конкретной способности воображения творить мир произведения к общей способности воображения делать внутреннее «я» подвижным, нестационарным, изменять не столько границы внешнего окружения, сколько «ощупывать» границы внутреннего кругозора, границы «я» и «другого». Мечтания, вызванные бессознательным воображением, образы в памяти или сновидения, миражи, или галлюцинации, порожаемые бессознательным воображением, претворяясь в образ мира и взаимодействуя с буквальностью «наличного настоящего» и данностью сознания, делают акцент на актуальности в авторской интерпретации мира *воображения как универсального модуса существования человеческого «я»*.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
2. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте» // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 113—151.
3. Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы: В 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М., 2004.
4. Хализев В.Е. Эпос (как род литературный) // ЛЭС. М., 1987. С. 513—514.

И.Ф.Ежукова

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный университет

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ЛИЦ, НЕ ИМЕЮЩИХ ГРАЖДАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БАЗЕ НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» одним из условий приема в гражданство Российской Федерации в общем порядке является владение иностранными гражданами и лицами без гражданства русским языком [2].

Указом Президента РФ от 14 ноября 2002 г. № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» определено, что заявитель при подаче документов на прием в гражданство представляет документ, подтверждающий его владение русским языком на уровне, достаточном для общения в устной и письменной форме в условиях языковой среды. Владение русским языком подтверждается одним из следующих документов: сертификатом о прохождении государственного тестирования по русскому языку (базовый уровень и выше); документом государственного образца о получении образования, выданным образовательным учреждением; документом об образовании, выданным на территории иностранного государства и имеющим в приложении запись об изучении курса русского языка [3].

Нижевартовский государственный университет (НВГУ) осуществляет проведение сертификационных экзаменов по русскому языку как иностранному в соответствии с Российской государственной системой тестирования по русскому языку как иностранному (TORFL-ТРКИ). Основанием для проведения тестирования является заключение договора «О сотрудничестве в сфере организации и проведения тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ)» между ФГБОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет» и ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Экзамены по русскому языку проводятся по следующим направлениям:

1. Тестирование по русскому языку граждан зарубежных стран и лиц без гражданства для приема в гражданство Российской Федерации
2. Тестирование по русскому языку лиц, осуществляющих трудовую деятельность на территории Российской Федерации (трудоустроенные мигранты).

Тестирование проводят квалифицированные преподаватели кафедры филологии и массовых коммуникаций НВГУ и специалисты, прошедшие специальную подготовку в Голольном центре тестирования (МГУ им. М.В.Ломоносова, г.Москва) и имеющие специальные удостоверения тестера.

Тестирование на гражданство РФ представляет собой тестирование на подтверждение уровня владения русским языком, достаточного для общения в условиях языковой среды. При успешной сдаче экзамена выдается государственный сертификат о прохождении тестирования.

Тестовый экзамен состоит из 5 частей: чтение (45 минут); письмо (45 минут); лексика-грамматика(45 минут); аудирование (30 минут); устная речь (30 минут).

После успешной (удовлетворительной) сдачи тестового экзамена (более 66% по каждому субтесту) тестируемый получает сертификат государственного образца, в котором указан уровень владения русским языком «Базовый уровень». Предполагается, что данный сертификат не имеет срока действия. При неудовлетворительных результатах (менее 60%) тестируемому выдается справка о прохождении тестирования.

Тестирование трудящихся мигрантов. В соответствии с Федеральным Законом от 12 ноября 2012 г. № 185-ФЗ трудящиеся мигранты, которые работают или планируют работать в сфере жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли или бытового обслуживания, должны подтверждать владение русским языком в объеме не ниже базового уровня. Владение русским языком подтверждается одним из следующих документов:

- а) сертификатом о прохождении тестирования по русскому языку;
- б) документом государственного образца об образовании, выданным образовательным учреждением на территории государства, входившего в состав СССР до 1 сентября 1991 года;
- в) документом об образовании, выданном на территории иностранного государства и имеющим в приложении запись об изучении курса русского языка.

Тестовый экзамен состоит из 5 частей: чтение (15 минут, 10 заданий); письмо (15 минут, 1 задание); лексика. Грамматика (15 минут, 25 заданий); аудирование(15 минут, 10 заданий); устная речь (10 минут).

Прошедшим тестовый экзамен считается тестируемый, выполнивший каждый из субтестов не менее, чем на 66%. При удовлетворительных результатах тестового экзамена кандидатам выдается сертификат государственного образца, в котором указан уровень владения русским языком «Базовый для трудящихся мигрантов». Предполагается, что данный сертификат будет действовать в течение 5 лет. При неудовлетворительных результатах (менее 60%) тестируемому выдается справка о прохождении тестирования.

Рассмотрим некоторые примеры тестовых заданий теста по русскому языку как иностранному.

Лексика. Грамматика: тест включает 25 позиций. При выполнении теста пользоваться словарем нельзя. Нужно выбрать правильный вариант и отметить соответствующую букву.

1. Он работает ... стройке.
(А) в (Б) на
2. Я поеду в домой весной, в
(А) феврале (Б) мае (В) июне
3. Скажите, пожалуйста, директор ... ?
(А) сюда (Б) туда (В) здесь

Чтение: При выполнении теста нельзя пользоваться словарем.

Прочитайте объявления и дайте правильный ответ:

Выход в город

1. Вы можете увидеть это объявление в
(А) самолете (Б) магазине (В) метро
- Руками не трогать
2. Вы можете увидеть это объявление в
(А) библиотеке (Б) банке (В) музее

Письмо: при выполнении субтеста можно пользоваться словарем. Нужно заполнить предложенный бланк заявления

Аудирование: при выполнении теста пользоваться словарем нельзя. Все тексты звучат два раза.

Нужно ответить в данной ситуации.

1. Возьмите ваши документы!
(А) Спасибо! (Б) Спокойной ночи! (В) Пока!
2. Скажите, пожалуйста, где находится почта.
(А) Идите прямо, это недалеко. (Б) Магазин дальше по улице. (В) Вот, пожалуйста.

Говорение: тест состоит из 2 заданий (10 позиций). Ответы записываются на пленку. Задание выполняется без предварительной подготовки. Нужно принять участие в диалогах; слушать реплику преподавателя и отвечать. Ответ должен быть полным.

1. Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени?
2. Ваш друг хочет хорошо отдохнуть. Посоветуйте ему, как это сделать.
3. Пригласите подругу пойти с Вами в театр или на концерт [1].

Деятельность по лингводидактическому тестированию в НВГУ осуществляется с февраля 2013 года. Всего в 2013 году в протестировано 323 человека.

Количество протестированных (чел.)			Количество получивших сертификаты (чел.)		
Всего	из них,		Всего	из них,	
	для получения гражданства РФ	для трудоустройства на работу		для получения гражданства РФ	для трудоустройства на работу
323	187	136	251	139	112

Рис. 1. Общее количество слушателей, прошедших тестирование по русскому языку в 2013 году на базе НВГУ

Проведенный анализ по географическому признаку свидетельствует о том, что 187 человек, прошедших тестирование по русскому языку для получения Гражданства РФ являлись гражданами следующих стран: Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Турция, Узбекистан, Украина. Наибольшее количество тестируемых представлены странами Таджикистан (60 человек) и Украина (56 человек). Анализ географического признака тестируемых по русскому языку для получения разрешения на работу на территории РФ показал, что 136 граждан являлись следующие страны: Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Украина. Наибольшее количество тестируемых представлено страной Узбекистан (108 человек).

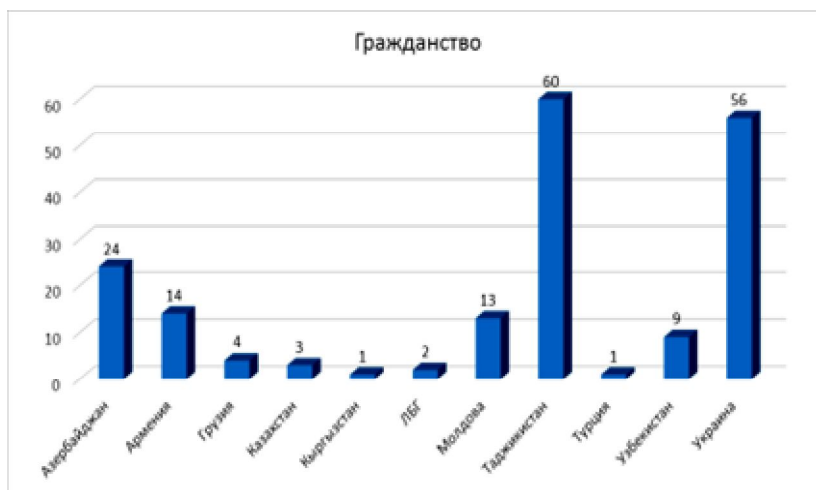

Рис. 2. География слушателей, прошедших тестирование по русскому языку в 2013 году на базе НВГУ
Из 343 человек на базе НВГУ успешно сдали тест и получили сертификаты 251 человек.

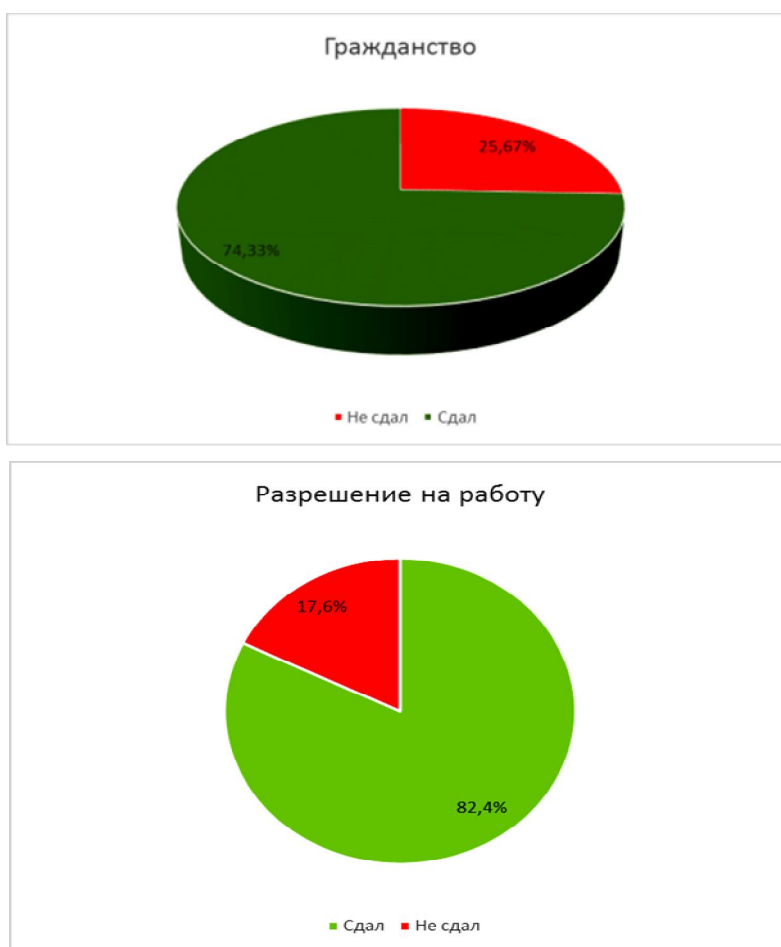

Рис. 3. Результаты тестирования по русскому языку как иностранному на базе НВГУ за 2013 год

Для слушателей, недостаточно подготовленных к тестированию, а также для желающих улучшить знание русского языка или изучить русский язык НВГУ предлагает программы по изучению русского языка как иностранного для слушателей с разным уровнем подготовки: Вводно-фонетический курс. Правила чтения и письма; Правила чтения и письма. Элементарный разговорный курс. Основы русской грамматики; Правила чтения и письма. Элементарный разговорный курс. Базовый курс русской грамматики; Русский язык в профессиональной деятельности.

Литература

1. URL: www.russian-test.com — официальный сайт Центра подготовки и тестирования иностранных граждан по русскому языку МГУ имени М.В.Ломоносова.
2. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ от 14 ноября 2002 г. № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 12 ноября 2012 г. N 185-ФЗ «О внесении изменений в статью 13.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и статью 27.2 Закона Российской Федерации «Об образовании».

А.В.Зеленовская

г. Челябинск

Челябинский Государственный Университет

ЖАНРЫ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

В последнее время компьютерные и Интернет технологии занимают все более значимое место в жизни современного человека. Однако Интернет — нечто большее, чем просто суперсовременная технология, ускоряющая распространение информации. Благодаря Интернету существенно расширилась как межличностная, так и социально значимая коммуникация. Язык становится не только средством общения, но и средством создания виртуальной реальности, так как искусственные языки программирования являются лишь технологическим средством, благодаря которому Интернет работает, а подлинным языком виртуального сообщества оказываются естественные языки аудитории пользователей.

Важной характеристикой интернет-дискурса является разнообразие жанров. Интернет в качестве особой коммуникативной среды вырабатывает собственные жанры, отличающиеся от уже существующих жанров (как устных, так и письменных) требованиями к количеству участников общения, к темпу речи, к нормативности текста, к возможности его редактирования авторами и цензорами, к цели коммуникации и т.д. Выделение жанров может рассматриваться как «вид речевого произведения, характеризующийся единством конструктивного принципа, своеобразием композиционной организации материала и используемых стилистических структур» [2, С. 156]. При этом основной языковой чертой жанров интернет-дискурса является синтез письменной и устной речи.

Интересную классификацию жанров Глобальной сети предложил Л.Ю.Иванов. Он выделяет следующие жанры:

1. Общеинформационные жанры, или жанры новостей. СМИ в Глобальной сети разделяются на имеющие традиционные «бумажные» аналоги и на собственно сетевые СМИ, которые на бумаге вообще не издаются. Для обозначения электронных СМИ иногда используются английские термины: e-zine, e-news.

2. Научно-образовательный и специальные информационные жанры (электронные научные и учебные издания, интерактивные учебные курсы и т.д.).

3. Художественно-литературные жанры. Пополнение происходит, в основном, за счет традиционных литературных произведений, которые были опубликованы на бумаге, а затем перенесены в Сеть, но существует и ряд писателей, пишущих лишь в Интернете.

4. Развлекательные жанры Интернета. Среди них — жанры, объединенные юмористической или эротической направленностью. Это многочисленные анекдоты, юмористические и эротические рассказы, часто с анимацией, словесные игры, эротические доски объявлений, чаты для виртуального флирта, отдельные юмористические цитаты и их подборки, эпитафии к сайтам, наконец, юмористические сайты как жанрово-композиционные единства.

5. Жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение. К ним относятся всевозможные дискуссионные группы, чаты, гостевые книги, письма электронной почты, избранные почтовые рассылки.

6. Деловые и коммерческие жанры. Это — профессиональные и непрофессиональные коммерческие доски объявлений, аналитические обзоры рынков и отраслей, информационные письма и тематические журналы по отдельным направлениям бизнеса, информация на сайтах крупных компаний, биржевые информационные бюллетени, объявления в службах трудоустройства, баннеры [1].

Кроме того, Л.Ю.Иванов предлагает разделить жанры интернет-дискурса на жанры, исконно сетевые, т.е. порожденные самим использованием языка в сети, и жанры, заимствованные из других сфер общения. К первым относятся, прежде всего, жанры неспециального общения — чаты и дискуссионные группы. Ко вторым, например, аннотации научно-технических статей или передовицы электронных СМИ.

Наиболее характерные особенности языка Интернета и интернет-дискурса исследователи выделяют как раз на базе исконных сетевых жанров. Именно в них наиболее полно реализуются языковые новации. На

базе их изучения проще выявляются возможные направления воздействия языка Интернета на общелитературный язык.

Итак, рассмотрим наиболее распространенные формы обмена информацией в Интернете и приведем анализ их лингвистических и экстралингвистических особенностей.

Электронная почта — самый ранний и распространенный вид связи, при этом сохраняются привычные атрибуты почтовой переписки. Существенные отличия заключаются в скорости доставки сообщений. Чтобы показать, что электронную почту можно выделить в самостоятельный жанр сетевого общения, нужно обратить внимание на стиль, характерный для электронной переписки. Прежде всего, она может носить как официальный, так и личный характер. Важным определяющим фактором в электронной переписке (как и в других жанрах электронной коммуникации) становится экономия усилий отправителя и получателя: первый заинтересован в том, чтобы написать меньше, но при этом быть понятым вторым. Поэтому электронному общению присуща краткость и лаконичность.

Одним из ведущих жанров интернет-дискурса является **чат**, для которого характерно общение онлайн, мгновенная передача сообщений. Чат ориентирован на устную речь, но содержит признаки и письменной речи. Притягательность чата — в возможности представить себя кем угодно, но так, чтобы заинтриговать, рассмешить, удивить чат-компанию и вызвать ответную реакцию. Кроме того, важно отметить фатическую (контактоустанавливающую) функцию чата [4, С. 445]. Например:

Оух: How are ya, Fella?

skylet: hang on show u a pic

MzSunshine: Morning all.

hiker: hopefully Mr sODA, NOW, how have you been today [8].

Форум — синтетический вид общения, который можно сравнить с беседой, семинаром, конференцией. Он объединяет диалогические и монологические свойства. Одновременно в форуме может участвовать несколько человек; предполагается полилог, при котором каждое сообщение видит каждый участник. Структура форума представляет собой множество веб-страниц, разграниченных на определенные темы; каждая тема представлена на главной странице форума. Высказывание в общем окне появляется в момент его завершения или спустя некоторое время. Основные отличия заключаются в письменном характере общения, в возможности использования медиа-объектов (изображения, звуки и т.д.), в искусственном хронологическом упорядочивании нити беседы, в возможности отложенного ответа. Форумы различны по тематике, структуре, степени демократичности, программному исполнению и оформлению. Например, следующий форум посвящен девушке, которая пожалела о поспешном решении выйти замуж ради визы: ***k1 visa regret pls help***

I was denied a b2 visa last year... I am regretting my decision to get married and moved to the states. I am wondering if anyone knows the procedure if I wanted to stop the process immediately. Would this affect me getting a b2 visa in the future?

Re: *k1 visa regret pls help*

not get married at all. I want to know if I would in general be able to enter America as a tourist, but what penalties I would suffer by stopping the process.

Re: *k1 visa regret pls help*

I just thought that if they know I was in the process then they would definitely my ties aren't strong enough as I was preparing to do a k1 visa. My circumstances have changed in terms of my job and rental on a place, not sure if that's enough still [7].

ICQ (I Seek You) — это программа, позволяющая общаться с другими людьми on-line в реальном времени при помощи компьютера. Общение происходит по принципу пейджинговой связи. Можно посылать сообщения, файлы, вызывать на чат, посылать приглашение друзьям для запуска сетевых программ. При этом для связи с собеседником не требуется его обязательное присутствие в сети Интернет. В любом случае, сообщение дойдет до адресата при следующем выходе в Сеть. В то же время, ICQ позволяет общаться и в режиме реального времени. ICQ совмещает возможности электронной почты и чата. Кроме того, не нужно определяться с местом встречи и каждый раз искать своего собеседника: пользователь запускает программу и уже может начинать общаться (конечно, при условии, что у собеседника также установлена данная программа) [3].

Блог — веб-обозрение, виртуальный дневник, который содержит регулярные записи наблюдений, представленные в обратном хронологическом порядке и содержащие короткие высказывания, а также комментарии к ссылкам на сторонние ресурсы. К основным признакам, способствующим популярности блогов, исследователи относят — оперативность обмена информацией, простоту и доступность [5, С. 68]. Блоги обычно публичны и предлагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором. Все большую популярность приобретает жанр **микроблога**. Наиболее распространенным сервисом микроблогов является Twitter. Запись в Твиттере ограничена 140 символами, что обуславливает специфику общения. Акцент на экономии языковых средств определяет архитектуру текстов в микроблоге [6]. Очень много известных людей имеют свой аккаунт в Твиттере. Даже президент США Барак Обама регулярно делает записи на своей странице: *"This week, Congress finished up some important work before heading home for the holidays", "I firmly believe that this can be a breakthrough year for America"* [10].

Социальная сеть — еще один жанр интернет-дискурса, являющийся в своей основе обширной базой данных. Социальная сеть используется для поиска друзей, одноклассников, одногруппников, знакомых, коллег по работе. Люди во всем мире пользуются социальными сетями, такими как facebook.com, vk.com, myspace.com. Внутри социальных сетей часто создается специфический жаргон, используются нетрадиционные сокращения. Данная модель общения предполагает как публичное общение (записи на «стене»), так и приватное (личные сообщения).

Sam Geall shared a link. 23 January

Announcing my new column for the China Policy Institute

45 people like this.

Ralph Litzinger Cool!

23 January at 20:44 · Like · 1

Wendy Millyard Nice pic!

23 January at 21:09 · Like · 1

Chris Wood hey big face

24 January at 00:45 · Like · 1

Robert Cawston Big face Sam sounds like a Mafia hit man [9].

Самонаполняемые сайты, основанные на технологии wiki, представляют собой еще один популярный жанр интернет-дискурса. Вики- это интернет- издательский комплекс программ, которые позволяют из сбивчивых текстов, отрывочный справоч делая логически стройные сайты, связанные страницы блогов или энциклопедические статьи. Вики-технологии позволяют простому пользователю участвовать в разработке содержания статьи в качестве автора и редактора [4, С. 454].

Особую значимость в Интернете приобрели так называемые комментарии. Это сообщения на тему, заданную иницилирующим текстом — блогом, статьей, новостной заметкой — публикуемые его читателями ниже на той же странице. Согласно названию, такие сообщения представляют собой комментарии к основному материалу, но различие взглядов читателей зачастую обуславливает превращение комментариев в полемический полилог, что сближает характер текстов с форумными. Но комментарии чаще оставляются незнакомыми друг с другом читателями, поэтому высказывания более ориентированы на тему обсуждения, подробно представленную иницилирующим текстом, чем на собеседников. Язык комментариев обычно составляется из стилистически нейтральных форм, логичных и полных синтаксических конструкций, грамматически верного словоупотребления и может давать представление о языковой компетенции целого слоя общества.

Таким образом, разнообразие жанров является важной характеристикой интернет-дискурса. В них ярко проявляется специфика интернет-дискурса, его фонетико-графические, синтаксические, лексические характеристики. Вышеперечисленные жанры обладают лингвистическими и экстралингвистическими особенностями, определяющими уникальность интернет-дискурса.

Литература

1. Иванов Л.Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста. URL: <http://www.faq-www.ru/lingv.htm>.
2. Кожин А.Н. Функциональные типы русской речи. М., 1982.
3. Макаров М.Л. Жанры в электронной коммуникации: quo vadis? // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 336—351.
4. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации. От клинописи до интернета. М., 2009.
5. Морослин П.В. Структурносемантические параметры веб-блогов как особого речевого жанра // Вестн. Тамб. Ун-та. Тамбов, 2009. Вып. 12. С. 332—337.
6. Ушаков А.А. Интернет дискурс как особый тип речи. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. Вып № 4.
7. Britishexpats.com. URL: <http://britishexpats.com/forum/showthread.php?t=822953>.
8. URL: <http://www.chat-avenue.com/generalchat.html>.
9. URL: https://www.facebook.com/sam.geall?hc_location=friend_browser&fref=pymk.
10. URL: <https://twitter.com/BarackObama>.

ГИПЕРТЕКСТ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО САЙТА

На современном этапе развития для укрепления своего имиджа организацией и фирмой вне зависимости от своей направленности в полной мере используют ресурсы интернета. Позиционирование во всемирной сети происходит через формирование собственного стиля, информирование общественности — предоставления оперативной, качественной и полной информации, установление и поддержание эффективного двустороннего общения, а также создание механизма обратной связи и изучения общественного мнения.

В глобальной информационной сети предприятия, организации и фирмы представлены общественности через сайт. Его создание и функционирование требует выполнения совокупности сложных последовательных действий, направленных на результат. Конечный итог зависит от цели сайта — части информационной компьютерной системы, где размещены какие-либо сведения [3].

Создание сайта проходит в несколько этапов:

1. Определение целей.
2. Определение целевой аудитории.
3. Создание информационной архитектуры.
4. Подбор материалов.
5. Разработка дизайна.
6. Обработка материалов.
7. Техническая реализация.
8. Обновление информации.
9. Отслеживание обратной связи [1, С. 115].

На этапе подбора материалов начинается работа по созданию гипертекста и включению его в общую канву формирования массива информации сайта.

В сети интернет явление «текста» как речевого произведения, в котором используются языковые единицы всех уровней языка, отходит на второй план. На корпоративном сайте предприятия, организации или фирмы функционирует гипертекст — то есть текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов [4]. На сайте гипертекст обычно проявляет себя в виде отдельных слов, выделенных другим цветом — красным, синим, коричневым — и подчеркнутых, которые, как правило, при их выборе пользователем переносят к связанному с ними материалу.

Автором термина «гипертекст» (1965) является американский социолог, философ, исследователь в области информационных технологий Теодор Холм (Тед) Нельсон. «Под гипертекстом я понимаю не последовательное сочинение (non-sequential writing) а текст, который разветвляется и позволяет читателю выбирать <...>. Проще говоря, это ряд кусков текста (a series of text chunks), соединенных linkами, предлагающими читателю различные пути» [5, С. 28]. Отражение гипертекста в печатном варианте можно найти, например, в словарях или справочниках.

А.А. Калмыков, с точки зрения состояния актуальной реальности, выделяет следующие свойства гипертекста:

1. Дисперсность структуры.
2. Нелинейность.
3. Разнородность и мультимедийность.
4. Экстериоризация связей.
5. Голографичность.
6. Виртуальность.
7. Ризоморфность [2, С. 24—25].

На разрабатываемом предприятием или организацией информационном ресурсе наличествует система гипертекстов, то есть текстов, связанных ссылками с другими текстами. Это имеет как положительные, так и отрицательные стороны взаимодействия целевой аудитории сайта с информационным объемом.

Первоначальный текст разветвляется и позволяет субъекту речи самому осуществлять выбор необходимой ему в дальнейшем информации, а также путей изучения этой информации: в текстовом, графическом или аудио-визуальном виде. Таким образом, осуществляется концепция независимости отбора информации. Однако в таком случае существует возможность переключения внимания читателя на стороннюю информацию, полученную при переходе по гиперссылкам и не имеющую прямого отношения к первоначальной теме.

Гипертекст осуществляет единение смысловой структуры и технической среды, что дает возможность субъекту речи проследить систему смысловых связей и осуществить практический переход между элементами этой системы. Однако нелинейная ветвящаяся взаимосвязанная информация, отраженная в структуре сайта в виде гипертекста, предоставляет возможность формирования произвольной и индивидуальной сборки необходимых данных в единое целое. Соответственно, далее требуется проведение классификации и систематизации полученных сведений уже на уровне самого пользователя. Упорядочение полученных данных связано с дополнительными временными потерями.

Система гипертекстов, благодаря своим особенностям, позволяет осуществить пользователю ассоциативный просмотр материалов, который в большинстве случаев будет производиться исходя из учета наклонностей, интересов, особенностей типа мышления субъектов коммуникации. Однако в этом взаимодействии не последнюю роль будут играть некоторые объективные факторы, которые с учетом уровня информатизации общества в целом, можно отнести к техническим:

1. Наличие/отсутствие свободного доступа в глобальную информационную сеть.

2. Наличие/отсутствие возможности/умения взаимодействовать с гипертекстом, представленным на конкретном сайте той или иной корпорации, организации или учреждения.

3. Качество и скорость услуг, предоставляемых интернет-провайдером.

Вышеизложенные технические сложности создатели сайта могут в определенной степени минимизировать, чтобы обеспечить максимально возможный уровень доступа к сайту в целом и к гипертексту в частности.

Так, например, элементы гипертекста должны быть обработаны и представлены в удобных для использования форматах, графический материал, а также видео и аудио контент, расположенный на страницах информационного ресурса, должен соответствовать общепринятым правилам разработки сайтов. Это касается, в первую очередь, качества изображения, его соответствия текстовому материалу. Возможно также полное соответствие корпоративному стилю сайта по цветовой гамме, однако это не является обязательным требованием. В большинстве случаев достаточно отрегулировать взаимосоотнесенность фона и изображения таким образом, чтобы одно не затемняло другое.

Целесообразно разделить гипертексты по целевым аудиториям. В большинстве случаев информация, предназначенная для персонала, будет излишней для клиентов или партнеров корпорации и не будет представлять для них особой ценности. К тому же, тематическая направленность для разных целевых аудиторий будет различной, и потенциальный процесс сбора в единую систему информации будет связан с определенными трудностями.

Объединение информации для разных целевых аудиторий в единый гипертекст может быть неосуществимо также по причине введения на сайте возможной системы учета контроля доступа пользователей.

Следует отметить, что после создания гипертекста и ввода его в режим функционирования, необходима постоянная регулировка, обновление и координация информации. Также следует обращать внимание и на техническую сторону выполнения гипертекстом своих функций: все ссылки должны быть в активном, рабочем состоянии.

Изначально, при создании гипертекста, необходимо определиться с тем, каким образом будут проводиться изменения в его системе. Чаще всего за соответствием информации требованиям актуальности, подлинности и функциональности следит программист, однако возможен вариант, при котором конкретные, четко обозначенные пользователи с установленным уровнем допуска будут участвовать в изменении гипертекста. В таком случае, в обязанности программиста будет входить также и отслеживание результатов таких изменений (удаление, выкладка новой информации). Это, безусловно, расширит функциональные обязанности технического работника.

Таким образом, гипертекст, представляя собой особый способ организации текста и позволяя с легкостью сочетать разные виды информации — текст, рисунок, звук, изображение, является неотъемлемой частью функциональной системы любого корпоративного сайта и позволяет выполнять качественное позиционирование предприятия, организации или фирмы во всемирной информационной сети.

Литература

1. Ворошилов В.В. Теория и практика массовой информации: Учебник. СПб., 2006.
2. Калмыков А.А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ. М., 2009.
3. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/87657>
4. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/830
5. Nelson T. Literary machines. Sausalito, CA: Mindful Press, 1993.

ПОНЯТИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РОДНОЙ», «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК НЕРОДНОЙ» И «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В настоящее время в образовательном процессе все чаще можно встретить в рамках обсуждения какого-либо теоретического или практического вопроса понятия «русский язык как родной», «русский язык как неродной» и «русский язык как иностранный». Каким же образом происходит взаимодействие перечисленных понятий?

Существует несколько направлений в определении дефиниции понятия «русский язык как родной». Основным дифференцирующим компонентом для направлений выступает дескриптор «родной язык». Авторами, придерживающимися данной точки зрения, являются Д.С.Ушаков, В.И.Беликов, Л.П.Крысин и Д.Кристал. Согласно трактовке указанных авторов, родным языком является язык, усваиваемый с раннего детства без специального обучения [1].

Согласно другой концепции, родной язык отождествляется с функционально первым языком, то есть таким, на котором человек может легко и естественно выражаться свои мысли в письменной и устной формах и которым человек «владеет с максимальной глубиной и полнотой, на котором легче, быстрее и проще ему мыслится, который является для него наиболее привычной и удобной формой выражения мысли и языкового общения» [2].

Третье направление трактовки родного языка отождествляет его с этнической группой или языком народа, к которому относится человек. В.И.Беликов и Л.П.Крысин определяют такое понятие как «этнический язык» [1].

Таким образом, понятие «русский язык как родной» можно в целом определить как «основной, зачастую функционально первый язык, на котором человек наиболее свободно может излагать свои мысли в устной и письменной форме». Соответственно обучение родному языку происходит двупланово: как целенаправленно (на уроках, лекциях и т.д.), так и спонтанно (в быту, в дружеском и деловом общении и т.д.).

Понятие «русский язык как иностранный» появилось и стало разрабатываться в Научно-методическом центре русского языка при Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова, начавшем свою работу с 1966 года. В 1973 году центр был преобразован в Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина.

Центр, ставший впоследствии институтом, занимается преподаванием русского языка как иностранного, а также подготовкой и повышением квалификации преподавателей русского языка как иностранного [3].

В рамках преподавания русского языка иностранцам институт русского языка проводит вечерние курсы, международные летние курсы, курсы русского языка в деловом общении, курсы русского языка в международном туристском бизнесе и ряд других, а также экзамены в системе ТРКИ — тесты по русскому языку как иностранному.

«Проблемами сертификации уровней владения русским языком как иностранным, организацией и проведением сертификационных тестовых экзаменов в Государственном институте русского языка им. А.С.Пушкина занимается Центр сертификационного тестирования» [4]. Центр организует и принимает экзамены в России и за рубежом в 15 странах мира, таких как Австрия, Болгария, Германия, Греция, Италия, Китай, Турция и другие.

Таким образом, понятие «русский язык как иностранный» в рамках современного образовательного пространства включает в себя две основные составляющие: обучение русскому языку как иностранному и проведение экзаменов, тестирование с последующей выдачей документа установленного образца.

Понятие «русского языка как неродного» разрабатывается в рамках проекта «Русский язык как неродной». Этот проект является частью федеральной целевой программы «Русский язык» Российского нового университета. «Цель проекта — разработка, апробация и реализация программ повышения квалификации специалистов и преподавателей по вопросам преподавания русского языка как неродного в образовательных учреждениях разных типов и видов» [5].

Участниками реализации проекта стали Министерство образования и науки РФ, федеральные и региональные органы управления образованием, вузы, ссузы, учреждения дополнительного образования, а также заинтересованные научно-исследовательские учреждения и преподаватели.

Проект «Русский язык как неродной» выполняет следующие задачи:

— разработку и апробацию «единой (федеральной) системы компетенций и средств их оценивания у преподавателей, прошедших повышение квалификации и переподготовку по программам преподавания русского языка как неродного;

— разработку и апробацию программы профессиональной переподготовки преподавателей ссузов, вузов и образовательных учреждений дополнительного образования по вопросам преподавания русского языка как неродного для различных языковых групп и разных типов и видов образовательных учреждений;

— создание с помощью информационно-коммуникационных технологий интерактивной профессиональной среды общения в сфере русского языка как неродного» [3].

Таким образом, понятие «русский язык как неродной» затрагивает профессиональную сферу и не связано напрямую с практической реализацией программы адаптации мигрантов в России или обучением русскому языку иностранных граждан.

Соотношение понятий «русский язык как родной», «русский язык как неродной» и «русский язык как иностранный» в современном образовательном пространстве можно выразить следующим образом.

Понятие «русский язык как родной» является основным в современном образовательном процессе школ, ссузов и вузов, на нем базируется вся система российского образования. Понятие «русский язык неродной» нашло свое выражение в сфере профессиональной переподготовки преподавателей и является в первую очередь инструментом теоретической терминологии образования. Понятие «русский язык как иностранный» включает в свое содержание понятие «русский язык как неродной» в качестве теоретической основы, тогда как практическую основу составляет применение полученных знаний и навыков в процессе тестирования иностранных граждан.

Литература

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М, 2002.
2. URL: <http://www.zhely-dom.narod.ru/linguistics/txt/0001.htm>
3. URL: http://www1.pushkin.edu.ru/publ/institut/info/nasha_istoriya/2-1-0-1
4. URL: http://www1.pushkin.edu.ru/publ/sertifikaciya/centry/cct_info/15-1-0-60
5. URL: <http://www.forum.rusner.ru/index.php/topic/617>

Р.А.Кулашкина

г. Нижневартовск

Нижневартровский государственный университет

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕЖЕВЫХ ВЫПИСЕЙ КАК ОСОБОГО ТИПА ДОКУМЕНТОВ

Выпись как разновидность документов официального делопроизводства всегда представляла интерес для языковедов и являлась предметом лингвистического анализа. До настоящего времени различные виды выписей достаточно изучены не только историками (Ю.А.Тихонов, Н.Н.Оглоблин), но и лингвистами: таможенные выписи (С.И.Котков, О.В.Баракова, И.А.Мальшева). Межевые выписи Тверской области рассматривались в диссертационном исследовании И.Е.Макаровой «Лексика межевания в памятниках официально-деловой письменности XV—XVII вв.». Впервые в настоящей статье лингвистическому анализу подвергаются межевые выписи Тюменской области (Государственный Архив Тюменской области (далее — ГАТО)).

Выпись как самостоятельный документ появился в XVI веке. Он удостоверял «не только существование определенного текста, но и словарный состав части документа» [1, С. 147].

Термин «выпись» в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» охарактеризован так: «Выписка, извлечение из какого-либо документа, копия документа. А выписи-де имѣ с тѣхъ писцовых книгъ на тѣ угоды не дано; а хто-де тѣми угоды насильствомъ владѣть, и на тѣхъ люди бити челомъ и искать имъ не по чему.

Гр. Кольск, 524. 1683 г. И даны нам на те наши товары выписи, и те выписи в отпускные книги вписаны. Гр. Башк., 83. 1695г.» [5, С. 234].

Выписи существенно выделялись среди прочих документов. Они были составлены на основе разного рода актов, деловых бумаг и книг и, следовательно, являлись одним из главных юридических документов. «Выписи получали значение документов, дающих право владеть поместьями и вотчинами. В этом смысле они стояли в одном ряду с жалованными грамотами, ввозными грамотами, купчими» [6, С. 57].

Правила составления и выдачи межевых выписей определялись целым рядом законодательных документов. Выписи по своей сути представляли собой извлечение из писцовых, мерных и межевых книг и полностью или частично повторяли записанную в них статью. Они были объединены общей темой «землеустройство» и локализовались на территории Тюменской области. В настоящей статье к рассмотрению привлекались следующие межевые документы ГАТО: «Выпись из межевой книги об отводе сенного покоса крестьянинам Ивану Пяткову да Осипу Стебекову», «Выпись из писцовых книг писца Афонася Михалевского о землях жителей села Малкова», «Выпись из межевой книги о свидетельстве спорного сенного покоса сына боярского Ивана Серебренникова».

Выписи имели определенную структуру и формуляр. В их формуляре выделялись устойчивые сочетания (формулы) начального протокола (заголовок, вводная часть выписей), основная часть (документально-информационная), конечный протокол (заключительная формула) [4, С. 70]. В.Я.Дерягин дает определение формулы как «фразеологизма номинативного или коммуникативного характера, а также словосочетания, синтаксической конструкции с более или менее постоянным лексическим составом» [2, С. 725]. Формулы включают в себя следующие опорные элементы: термины деловой речи, слова и словосочетания, имеющие функционально-стилистическую окраску.

Формула начального протокола межевой выписи состоит из следующих структурных элементов: 1) название документа, на основе которого составлена выпись; 2) локализация, которая показывает межевую территорию; 3) указание на личность писцов и межевщиков; 4) хронологическая справка.

В названии указывался документ, на основе которого была составлена выпись, а также давалась информация о ее содержании: «Выпись из межевой книги об отводе сенного покоса крестьянинам Ивану Пяткову да Осипу Стебекову» [ГАТО. Ф. И-47. Оп 1. Д. 62. Л. 1].

Далее следовало указание на локализацию, показывающую межевую территорию «...у Проски Мutowкина у всех по чети сенных покосов... ихнего конца от Малого озера по острову да вниз по стоку по обе стороны до речки Таловки пониже кладбища, анна том кладбище береза...». [ГАТО. Ф. И-47. Оп 1. Д. 44. Л. 1]. Для обозначения места локализации межевой территории употреблялось топонимическое название в сочетании с существительным, обозначающим единицу административно-территориального деления: *уезд, волость, город, село*: «Выпись из писцовых книг писца Афонася Михалевского о землях жителей села Малкова».

Начальный протокол выписей включал в себя также названия лиц, составляющих данные межевые документы. При обозначении лица прослеживаются вассальные отношения: принадлежал автор к простым крестьянам или входил в разряд служилых людей.

Писец — должностное лицо, выполнявшее работу по составлению и написанию разного рода деловых документов. Формула этикета писцов в данном случае включает двучленные наименования лиц: Афонасий Михалевский, Иванъ Милкеевѣ. Имена конных казаков, ямских охотников, крестьян, упоминавшихся в межевых документах, представляют собой деминутивы: Проска, Ортюшка, Ивашка, Петрушка, Степка, Мишка [ГАТО. Ф. И-47. Оп 1. Д. 44. Л. 2].

Хронологическая справка — обязательный элемент каждой межевой выписи. Написание даты не противоречило дальнейшему изложению основной части. Напротив, это работа опытного, хорошо знающего свое дело приказного служащего, который умеет составить деловую справку и быть точным в своих утверждениях: «В писцовых книгах писца Тобольского Афонасия Михалевского *прошлого 1689 и 1688 годов* писано...».

Тематическое содержание основной части выписи в целом однообразно: указывался владелец земли, перечислялись межевые знаки, вносились дополнительные сведения о количестве людей во дворах, единицы измерения земли. Содержание этой части можно охарактеризовать как точное и информативное, логичное и четкое. Главная цель содержания — указать границы, утвердить владельца территории. При установлении границ необходимым было отметить начало, продолжение, конец межевой земли. В данной части выписи указывались все лица, которые когда-либо были связаны с этим местом: «... у конных казаков у Ильи Кокорина, у Степки Савина, у Снепки Игнатъева, у стрельцов у Петрушки Бутакова, у Васки да у Мишки Кокоринных, у ямских охотников у Дмитрия да у Васки, да у Оски Онкудиновых, у Митки Обросимова, у Якуски да у Васки да у Ортюшки, да Юджи Кичаковых, у Ивашки да у Киприяшки Панфиловых, у посадских людей у Родки да у Петрушки Чеченкиных, у пашенных крестьян у Ромаши Шелудкова, у Паишки Зырянова, у Ондрюшки Пинжакова, у Петрушки Мutowкина, у оброчных крестьян у Якушки да у Инашки Чюкачевых, у Дроски Амосова, у Проски Мutowкина у всех...». [ГАТО. Ф. И-47. Оп 1. Д. 44. Л. 2].

В обязательной формуле основной части выписи фиксировался межевой знак, служивший для обозначения межи, границы между угодьями. Межевые знаки выполняли функцию пространственного ориентира и

указывали маршрутное направление при межевании земельных владений: «... ихнего конца от *Малого озера* по ... *острову* да вниз по стоку по обе стороны и до *речки Таловки* пониже *кладбища*, а на том *кладбище береза...*».

Заключительная часть документа удостоверяла подпись должностного лица (подканцеляриста), точность и подлинность представленной выписки: «Сия выпись сочинена верно ꙗ исправно бес проронки в чемѣ ꙗ подписал подканцеляристѣ Иванѣ Милкеевѣ». [ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2541. Л. 9 об.].

Перспективным считаем рассмотрение межевых выписей в аспекте интертекстуальности в дихотомии с межевыми книгами.

Литература

1. Волков С.С. Развитие административно-деловой терминологии в начале XVIII в. (по документам «Слова и дела») // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 147.
2. Дерягин В.Я. Русская деловая речь на Севере в XV—XVII вв.: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. Т. 1. С. 725.
3. Котков С.И. О лингвистическом источниковедении // Вопросы языкознания, 1977. №6. С. 51—59.
4. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 70.
5. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 3. М., 1975. С. 234.
6. Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. С. 57.
7. Материалы Государственного Архива Тюменской области (ГАТО):
 7. 1. Выпись из межевой книги об отводе сеного покоса крестьянинам Ивану Пяткову да Осипу Стебекову. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 62. Л. 1—4.
 7. 2. Выпись из писцовых книг писца Афонася Михалевского о землях жителей села Малкова. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 44. Л. 1—15.
 7. 3. Выпись из межевой книги о свидетельстве спорного сеного покоса сына боярского Ивана Серебренникова. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2541. Л. 9 об.

О.М.Култышева

г. Нижневартовск

Нижневартовский государственный университет

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕЧАТЬ О В.МАЯКОВСКОМ И ФУТУРИЗМЕ

Импульсом дореволюционного творчества В.Маяковского был футуризм. Встреча в сентябре 1911 года с «идеологом российского футуризма», организатором футуристической группы «Гилея» Д.Бурлюком послужила рождению в Маяковском «гениального поэта»-футуриста («Я сам» (1922. 1928) [1, I, 20]). Маяковский нашел в футуризме сферу выражения «бродивших» в нем идей принципиально нового искусства, противопоставляемого классической «скуке». Он «с головой» уходит в пропаганду движения.

В декабре 1912 года совместно с Д.Бурлюком, А.Крученых и В.Хлебниковым участвует в выпуске альманаха «Пощечина общественному вкусу», в который помимо его стихотворений «Ночь» и «Утро» (1912) вошел и манифест «русских кубофутуристов», как называли себя авторы. Основное положение манифеста — нигилистическое отношение «провозвестников искусства будущего» к русской литературе не только прошлого (Пушкина, Достоевского, Л.Толстого), но и настоящего (Блока, Сологуба, Ремизова и даже М. Горького, рассмотревшего впоследствии, что в футуристах «определенно что-то есть»). Декларации манифеста, естественно, нашли отражение в газетно-журнальной критике, подчас буквально воспринявшей клич кубофутуристов и отзывавшейся о них крайне неодобрительно. Последовавшие за «Пощечиной» выход индивидуального сборника Маяковского «Я» (цикл из 4-х стихотворений, 1913), постановка его программной трагедии «В. Маяковский» в Петербурге в том же году (Маяковский: «Просвистели ее до дырок» [1, I, 22]) и особенно предпринятое футуристами турне по городам России с докладами и пропагандой «левого» искусства разожгли газетно-журнальную «искру», вызванную манифестом, в целое «пламя», подпитываемое в своем неравном, но стабильном «горении» позднейшими столь же неординарными и частыми проявлениями кубофутуристов.

По словам В.Маяковского, «газеты стали заполняться футуризмом» («Я сам» [1, I, 21]). Однако вопреки стремлению поэта представить все отклики на творческие опыты футуристов и «дореволюционного» Маяковского отрицательными, неодобрительными — «Тон был не очень вежливый. Так, например, меня просто называли «сукиным сыном» [там же] — все было не столь однозначно. Попытаемся проследить основные тенденции в отзывах российской критики о дореволюционном творчестве Маяковского и о футуризме.

Несомненно, была и неприкрытая злоба, подаваемая под маской «принципиального неприятия». Много шума наделало в газетной хронике эпатажное турне футуристов по России в 1913—14 годах. В РГАЛИ в фонде Л.Ю.Брик и В.А.Катаняна (№ 2577) хранится опись №1 (ед. хр. 1303), содержащая публицистический материал, отображающий реакцию критики на выступления футуристов в ходе поездки. В чем только не

обвиняла «объективная критика» футуристов! Газета «Голос Кишинева» от 23 января 1914 года статьей некоего «Кия» «Удостоились» вменяла в вину гастролерам непочтительное отношение к публике, собравшейся на выступление футуристов. Указывалось, что последние (называемые «обнаглевшими типами») «...издевались, глумились, ...отлично понимая прошлую истину, что — публика дура!» [2]. Некто «К.Б.» сообщал читателям «Пензенских ведомостей» от 19 февраля того же года, что, оказывается, «футуристы, называющие себя художниками и писателями будущего, несомненно *психически больные люди*» и выражал надежду, что «психиатрия, встретив на своем пути такую форму умопомешательства, придет человечеству на помощь...» [3].

Участвовавший по приглашению футуристов в вышедшем в 1915 году их сборнике «Стрелец» Ф.Сологуб нисходил до такой компании «новаторов от искусства», отрекшаяся в статье «Биржевых ведомостей» от 23 апреля 1915 года «Ф.К.Сологуб о футуристах» от факта творческих сношений с ними как от крамольного: «Не я к ним иду, — они находят какое-то удовольствие в том, чтобы время от времени постучаться в мои двери... что за странное отсутствие самолюбия, — считать победою уже и то, что от них не... бегут» [4]). В своем старательном отмежевании от «стрельцовцев» Сологуб возводит непонимание их творчества в ранг объективной оценки «человека искусства» и со всей непреложностью заявляет: «Я считаю почти всех их людьми очень мало одаренными и путь их совершенно ложным» [там же]. Надо признать, что в целом он оказался прав. «Почти», видимо, относилось к В.Маяковскому.

В едко-ироничной статье «В защиту Маяковского. Необходимое последствие к его исповеди», опубликованной в «Журнале журналов» от 12 августа 1915 года, Арк. Бухов отказывал Маяковскому в том, в чем впоследствии его будет обвинять советская критика, — в наличии творческой индивидуальности и ярком индивидуализме. Сравнивая (впрочем, вслед за самим Маяковским) поэта с извозчиком, автор статьи явно стремится унижить первого, ставя на порядок ниже этого работника, у которого есть индивидуальный номер, благодаря чему его можно отличить от «других его товарищей по этой скромной и печальной профессии» [5]. Маяковскому же отказывается в наличии даже этого признака индивидуальности. Бухов доходит до прямого оскорбления в адрес поэта, называя его «чирием на здоровом теле» по аналогии заметности такового на общем фоне. Так же, считает критик, будет заметна и «мазня» Маяковского, если ее поместить в хорошее, солидное издание. Далее Бухов почему-то берет «на тон ниже», перейдя в режим «кнута и пряника»: «Маяковского нужно защитить от самого себя: он слишком рано хоронит себя, принимая на свою голову столько обидных определений» [там же]. Критик-юморист предостерегает Маяковского от судьбы заурядного производителя реклам: «...Была масса случаев, когда не мало поэтов, отчаявшись в чистой поэзии, шли писать для табачных фирм».

Однако, несмотря на обилие резких отзывов (подчеркнутое Маяковским в автобиографии «Я сам», где он укрепил свою и со товарищей по футуризму репутацию «обсмеянного у сегодняшнего племени»), столь однозначные оценки творчества футуристов не были правилом. Большинство отзывов совмещали в себе два «полюса» — и плюс, и минус. К числу таких относится статья В.Брюсова «Год русской поэзии», опубликованная в № 5—6 журнала «Русская мысль в России и за границей» в 1914 году [6]). Сокрушенно констатируя факт обеднения современного российского литературного рынка, наполненного «бессодержательными и бесформенными стихами», «безнадёжной прозой» или «повторением давно сказанного», поэт-символист с удовлетворением выделяет «счастливое исключение» из общей безрадостной ситуации — стихи, написанные В.Маяковским. Поэту ставится в заслугу «свое восприятие действительности», наличие воображения и «умения изображать», но... вместе с тем Брюсов, брезгливо морщась, находит в творчестве Маяковского черты «нашего «крайнего футуризма»» [6, С. 30].

Статья Брюсова явилась одной из первых попыток непредвзятого анализа поэтической системы начинающего поэта в противовес множеству появившихся в печати зарисовок, воспринимающих поэта-футуриста поверхностно, с внешней стороны — как личность скандально-эпатажную. Так, в один и тот же день (23 марта 1914 года) две разные саратовские газеты — «Саратовский вестник» и «Саратовский листок» — поместили на своих страницах две до удивления похожие нежеланием вникнуть в суть преподносимых поэтом-футуристом идей статьи, в которых Маяковский обрисовывается единодушно-портретно. «Очень молодой человек в красном пиджаке, с бутоньеркой. Походка несколько развинченная, манера говорить — намеренно небрежная» (статья «Лекция футуристов» («Саратовский вестник») [7]); «Весьма развязный молодой человек, типа современной «тангизированной молодежи, ... в розовом пиджаке», — вторит «М. Р-в» (статья «Настоящие футуристы» («Саратовский листок») [8]). О том, что говорил этот «развязный молодой человек» — ни слова.

Явным ответом на обвинения футуристов в психической ненормальности, периодически появлявшиеся в по-гастрольной печати, представляется рецензия Ал. Ожигова (псевдоним Николая Петровича Ашешова) на выход сборника «Стрелец» (1915) «О книге словесного пустозвонства», опубликованная в «Журнале журналов» в 1915 году [9]). В противовес утверждениям критики об эпатажности, несерьезности выступлений футуристов и преподносимых ими идей критик находил, что «футуристы серьезно приняли за пропаганду своих идей. Полоса чудачеств внешних, как глухая шелуха, со многих из них спадает» [9, С. 42]. Все же признавая правомерным употребление понятия «сумасшествие» в отношении футуристов, Ожигов новой, неожиданной стороной преподносит «сумасшествие» футуристов как признак «гениальности»: «Отчего...

сумасшедшие не могут говорить с нормальными людьми, если нормальные люди часто глупее сумасшедших?.. безумие стоит на границе с гениальностью...» [9, С. 51]). Однако, используя все тот же принятый в критике футуристов и в их числе Маяковского принцип «кнута и пряника», автор статьи неожиданно срывается на грубость: «Футуристы — здоровнейший народ, и вряд ли есть им, с чего с ума сойти. ...Просто, они желают быть безответственными в искусстве. А это признак большой бездарности» [9, С. 52—53]. Отметим, что маски отчаянных «скандалистов от поэзии», надеваемые русскими футуристами, вызвали подозрение в безвкусице как следствии бездарности.

Уже дореволюционной критикой в молодом футуристе Маяковском была замечена ставшая позднее характерной его склонность к театральности своих проявлений, к игре в «разного себя». Однако разные эти «я» Маяковского не воспринимались как отражение его многосторонности, которая не отрицала, впрочем, цельности натуры этого «человека играющего». Критики дореволюционного Маяковского считали, что главная причина открыто демонстрируемой «многообразности» поэта — стремление «не быть самим собой» с целью запутать публику, поиздеваться над ней, не явить ей свое истинное лицо. Однако Виктор Ховин в статье «Великолепные неожиданности», опубликованной в зимнем номере альманаха «Очарованный странник» в 1915 году, за воплощенной в «Облаке в штанах» «театральностью» Маяковского сумел рассмотреть «величайшую откровенность»: «Так вот он какой, этот Маяковский. О, как наивна, ...смешна эта устрашающая маска... Она может быть ласковой, эта жилистая громадина, и из нее ... много лучистых глаз просится выглянуть». Эти «парадоксы творческого духа» удивляют и восхищают критика, но вместе с тем вызывают и искреннее сожаление, что Маяковский изнуряет себя-человека и себя-поэта чередой бесконечных перевоплощений: «Довольно, Вл.Маяковский, вы сами не выдержали гримас своих, вы уже не говорите, а стонете:

Мама!

Ваш сын прекрасно болен...» [10, С. 15].

Подлинная тревога за будущее поэта слышится в этих строках. Вместе с тем отметим, что статья Ховина явилась одной из первых попыток разглядеть за внешним криком скандалиста-футуриста чистейшей воды лирика с трагической судьбой.

Тревога за Маяковского прослеживается и в статье-рецензии Михаила Левидова на выход футуристического «Стрельца» (статья «Сборник «Стрелец» // журнал «Наши дни». № 4. 1915 [11]), и вызвана она губительным, по мнению критика, воздействием на поэтический дар грязи и пошлости действительности, в соприкосновение с которыми раз за разом приходит поэт. В жажде «прикоснуться к земле, к реальности» Маяковский, по мнению Левидова, во-первых, «обманывает себя, думая, что это достижимо при помощи резких, грубых слов», а во-вторых, попадает вследствие этого, как в силки, в объятия «ненавистного» ему «бессильного словесного романтизма» (отметим, что ненависть Маяковского к романтизму утверждается несмотря на явный романтизм его творчества!). В этих двух крайностях — грязь брани и романтизм — видит критик зачаток намечающейся трагедии творчества Маяковского, сила которого для Левидова есть лишь «спелый плод невращения» [11, С. 10—12].

Новый медицинский диагноз-приговор, однако, не притупил интереса Левидова к поэту, и он выступил в № 3 «Журнала журналов» за 1915 год со статьей «Мания популярности. Диагноз болезни» [12]. Совершенно в ином ключе, нежели у В.Ховина, истолковывается здесь стремление раннего Маяковского к «игре собственными образами». Приверженность поэта «сочетать в своей персоне и Венеру Медицейскую, и утопленника, и балерину, и «Облако в штанах» объясняется мечтой, чтобы «ходили за ним, смотрели в рот, хлопали...», то есть стремлением к популярности, пусть даже скандальной. «Лавры рыжего... не дают ему покоя», — иронизирует Левидов [12, С. 6], имея в виду, скорее всего, славу К.Д.Бальмонта.

На эту странную на первый взгляд манию Маяковского-скандалиста «нравиться» толпе указывал и Л.Андреев (статья «Л.Андреев о футуристах», газета «Биржевые ведомости» от 4 мая 1915 года. По его мнению, эта парадоксальная потребность «противопоставляющего себя массе» раннего Маяковского в то же время «влюбить в себя» проистекает из самой сути течения, коему посвятил себя поэт, — футуризма. Девиз футуристов эпатировать мещанина — чистейшей воды ложь, считает Андреев: «Они живут ... мещанином, служат только ему, и их мечты — это любовь мещанина, всегда щедрого для тех, кто умело его развлекает» [13].

Слова Андреева о якобы имеющем место корыстолюбии футуристов (устраиваемые ими многочисленными и многолюдными лекциями и выступлениями — тому подтверждение) и о проистекающем отсюда желании «позабавить» публику своими выходками находят неожиданное развитие в анонимной статье «Пути карьеры» («Журнал журналов», № 10 за 1915 год. [14]). В ней общее корыстолюбие кубофутуристов проецируется в гипертрофированном виде непосредственно на Маяковского, приобретая определения «продажности» и «непатриотизма». Читателю сообщается, что известный крикун «проходит сейчас в Куоккале под руководством К. Чуковского «курс хорошего тона» («Футуристическому поэту... вменено в обязанность каждую неделю написать пару *понятных* строчек... Маяковский проделывает все это очень старательно» [14, С. 24]), но преподносится это известие в таком свете, будто поэт переломил свои дикие установки в пользу мечты увидеть свое имя в солидной центральной печати: «И неудивительно: всякому лестно попасть в «Ниву». Ради такой перспективы можно и футуризмом пожертвовать» [там же]. Мало того, что Маяковский оказывается в таком случае «не верен себе», он еще и «предает» идеи футуризма.

Несмотря на обилие как чисто ругательных, так и в целом положительных, хотя и двойственных отзывов о творческих опытах раннего Маяковского, обращает на себя внимание факт наличия в дооктябрьской печати и хвалебных статей, написанных по разным поводам, но одинаково признающих величие и разносторонность поэтического дара молодого футуриста.

Одной из первых статей, одобрительно отреагировавших на выступление группы футуристов во время их знаменитого тура по стране в 1913 году, стала заметка В.Нежданова «Футуристы», опубликованная в «Трудовой газете» г. Николаева от 26 января 1914 года [15]). После того, как градоначальник Николаева предложил футуристам в своих докладах не касаться двух «запретных» тем — начальства и Пушкина (на сей факт указывает и Маяковский в автобиографии «Я сам» [1, I, 22]), а также после дерзкого заявления поэта («Я — человек талантливый, ... и вы, господа, проводите меня аплодисментами») кажется естественной описываемая в заметке первоначальная предубежденность задетой такой самоуверенностью публики. Однако, несмотря на подчеркнутую, как всегда, Маяковским скандальность подобных вечеров, в этот раз публика по окончании чтения действительно разразилась аплодисментами. Нежданов делает комплимент Маяковскому-психологу («Футурист Маяковский лучше знает публику, чем публика футуриста Маяковского») и ... признает право поэта смеяться над публикой. К такому выводу газетный критик приходит в силу того, что та самая пресловутая публика, издевательство над которой часто ставили Маяковскому в укор, сама оказалась «не на высоте» в смысле элементарной человеческой культуры. Она шла «смотреть на «живых» футуристов ... с такими же ожиданиями, с какими идут смотреть дикарей. Именно ... не слушать футуристов, а смотреть», — пишет автор [15, С. 3]. Оказывается, не футуристы раздражили толпу, а «публика уже определенным образом настроена, предубеждена и загнипнотизирована ... приготовилась негодовать, возмущаться» [там же]. Подобное «предубеждение» людей против «заморских страусов-футуристов», быть может, только прибавило бы их выступлениям желаемого «огня», если бы не одно «но». Полноценный спор возможен только при готовности сторон воспринимать друг друга, публика же в большинстве своем «не понимала и — самое характерное для нее — не хотела понимать» [там же]. И это при том, что гастролеры говорили о футуризме «понятно, интересно, а порой даже ... красиво» [там же].

Подобные «хвалебные» отзывы о футуристах и о Маяковском, в частности, вовсе не были «музейной редкостью» в печати дореволюционных лет, о чем свидетельствует Константин Большаков в рецензии на выход в свет «Облака в штанах» в Петербурге в 1915 году (рецензия опубликована во «Втором сборнике Центрифуги» в Москве в 1915 году [16]). Он предваряет свой анализ тетраптиха ссылкой на восторженный тон многочисленных рецензий на книгу («совсем не из одного лагеря!») как на показатель ее доброкачественности. Критик соглашается с восторженным восприятием в печати «мелодичности (! — О.К.), жизненности, здоровья книги», приветствует «сильную безболезненную молодость, идущую на смену неврастенической дряблости декадентства» [16, С. 64]. Мерность «хвалебного слова» нарушает неоднозначный, но характерный для времени комплимент рецензента: Маяковский, в его представлении, как лирик «в своем поступательном движении неуклонен и методичен, как какой-нибудь *газогенератор в 60 лошадиных сил*» [там же]. Большаков, подобно В.Нежданову, «уличает» «грубияна» Маяковского в ... уважении к читателю, в «удивительной любезности к читательскому вниманию». Чем же угодил Маяковский читателю? Простотой (а значит, подлинностью и жизненностью) метафор (!), чуткостью к малейшим нюансам восприятия читателем поэтического текста: «Это все, иногда яркое до ослепительности и бьющее до боли, как образ, никогда не обременительно, не тяжело в самом процессе восприятия» [там же].

Маяковского признали даже мэтры, против которых он в числе других футуристов ополчался в «Пощечине общественному вкусу»! Подтверждает осознание великого дара молодого поэта высказывание М.Горького в № 1 «Журнале журналов» за 1915 год: «Возьмите ... Маяковского ... — он молод, ... криклив, необуздан, но у него, несомненно, под спудом есть дарование. Ему надо работать, и он будет писать хорошие, настоящие стихи» [17].

Таким образом, подводя итог анализу высказываний в дореволюционной газетно-журнальной критике о раннем творчестве Маяковского и футуристах, можно заключить следующее. Несмотря на желание поэта представить свои отношения с «публикой» (читающей, воспринимающей на слух, рецензирующей) в свете «вечного скандала» с целью снискать для себя репутацию «отверженного» поэта, попытка эта натывается на очевидное преобладание над мнениями ругательного характера точек зрения, стремящихся более к объективности в оценке, чем к оскорблению. Налицо замечания, носящие хороший аналитический, непредвзятый характер, содержащие аргументированную критику, и явно «хвалебные» отзывы современников. Нельзя отказать многим из них в попытке понять суть поэзии футуристов и отыскать нишу для дара Маяковского в поэзии.

Литература

1. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. / Подгот. текста и примеч. В.А.Катаняна и др. М., 1955.
2. РГАЛИ. Фонд № 2577. Брик Лиля Юрьевна, Катанян Василий Абгарович. Опись 1. Ед. хр. 1303. Статьи, заметки, информация о жизни и творчестве В.Маяковского (1914—1915). 121 л. Кий. Удостоились // Голос Кишинева. 1914. 23 января.

3. Там же. К.Б. По поводу объявленной лекции футуристов // Пензенские ведомости. 1914. № 46 (19 февраля).
4. Там же. Ф.К. Сологуб о футуристах // Биржевые ведомости. Вечерн. вып. 1915. № 14802 (23 апреля).
5. Там же. Бухов Арк. В защиту Маяковского. Необходимое последствие к его исповеди // Журнал журналов. 1915. № 17.
6. Там же. Брюсов В. Год русской поэзии // Русская мысль в России и за границей. 1914. № 5—6. С. 25—31.
7. Там же. Лекция футуристов // Саратовский вестник. 1914. № 67 (21 марта).
8. Там же. М. Р-в. Настоящие футуристы // Саратовский листок. 1914. № 67 (21 марта).
9. Там же. Ожигов Ал. О книге словесного пустозвонства // Журнал журналов. 1915. С. 42—53. (Копия).
10. Там же. Ховин В. Великолепные неожиданности // Очарованный странник. 1915. Альманах зимний. С. 14—16.
11. Там же. Левидов М. Сб. «Стрелец» // Наши дни. 1915. № 4 (29 марта).
12. Там же. Левидов М. Мания популярности. Диагноз болезни // Журнал журналов. 1915. № 3.
13. Там же. Л. Андреев о футуристах // Биржевые ведомости. Вечерн. вып. 1915. № 14824 (4 мая).
14. Там же. Пути карьеры // Журнал журналов. 1915. № 10.
15. Там же. Нежданов В. Футуристы // Трудовая газета. Николаев. 1914. № 1419 (26 января).
16. Большаков К. Рец.: В.В.Маяковский. Облако в штанах. Тетраприх. С. 64. Пгр. 1915. Ц. 1 р. // Втор. сб. Центрифуги. М., Третий Турбогод (1915).
17. Там же. М. Горький о футуристах // Журнал журналов. 1915. № 1.

Л.Р.Мартыненко

г.Нижевартовск

Нижевартовский социально-гуманитарный колледж

ФЕНОМЕН СЛОВЕСНОЙ МУЗЫКАЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XX ВЕКА

Исследования феномена словесной музыкальности являются частью научного дискурса, посвященного вопросам соотношений искусств, их воздействия друг на друга. Отметим, что исследовательские работы по проблеме взаимодействия литературы и музыки вообще характеризуются фундаментальной двойственностью ракурса изучения — взаимоотношения, взаимовлияния двух искусств рассматриваются как «со стороны слова», так и «со стороны музыки». С точки зрения культурологической рефлексии, наиболее плодотворным представляется обращение к изучению влияния музыки на словесное искусство и культуру в целом.

Этот ракурс исследования позволяет превратить узкопрофессиональное (литературоведческое или музыковедческое) исследование в культурологическое, так как в сфере проявления музыкального в словесном искусстве речь идет об эстетической, а еще шире — философской рефлексии. При этом, как пишет Н.М.Мышьякова, хотя обозначение литературного произведения как «музыкального» чаще всего основано на восприятии услышанного слова, принципиальным в культурологическом исследовании является обращение к слову как к письменному тексту, а не к звучащей речи, так как именно текст является объективной культурной реальностью [1, С. 4].

В этой связи представляет интерес обращение к понятию «*музыки слова*» — «вторичного, отраженного представления о музыке, опосредованного не столько историей музыкального искусства, сколько идеями о музыке» [2, С. 15]. Понятийная область музыки слова в теоретических исследованиях была сформирована как способ описания основных способов «омузыкаливания» вербальных текстов и репрезентации музыки в литературном или поэтическом тексте, поскольку феномен «музыкального», «звучащего» в слове традиционно вызывал попытки его структурировать и привести разнообразие музыкального в словесном тексте в некую стройную систему.

Так, впервые термином *verbal music* (который традиционно не переводится) предложил обозначить ситуацию, когда словесное искусство стремится овладеть художественным миром музыкального искусства С.П.Шер: «Под *verbal music* я понимаю литературную репрезентацию (в поэзии или прозе) существующих или вымышленных сочинений: поэтическая структура, тематизирующая музыку. Помимо словесного приближения к реальной или выдуманной партитуре, такие тексты часто предлагают характеристику музыкального исполнения или субъективного восприятия музыки» [5, С. 149].

При этом ученый, создавая классификацию литературно-музыкальных связей, разграничивает понятия *verbal music* и *word music* («словесная музыка»), под которой подразумевает литературную имитацию звучания музыки. Приведем классификацию С.П.Шера, раскрывающую способы репрезентации музыки в словесном тексте: 1 — словесная музыка (*word music*) — литература пытается заимствовать средства выражения музыки, стремится к музыкальности слога, стиха; 2 — уподобление словесного текста той или иной музыкальной форме или структуре; 3 — *verbal music* — литература стремится воссоздать музыкальный художественный мир, передать специфику музыкального переживания.

Три варианта перекодировки музыки в слово предлагает Т.В.Цивьян в статье о поэзии Анны Ахматовой: 1 — словесное описание музыки (реально существующей или воображаемой), уподобляемое словесной нотации, создающей дополнительный звуковой уровень литературного произведения; 2 — использование авторской, необщепринятой музыкальной терминологии; 3 — структурные схождения: тот случай, когда словесное произведение структурно строится таким образом, что вызывает ассоциации с построением музыкального произведения [3, С. 188—189].

Н.М.Мышьякова в области словесной музыкальности выделяет две сферы: «во-первых, это сфера музыкального звука как такового, основанная на восприятии услышанного слова, т.е. это музыкальность слышимого звукового ряда. Во-вторых — появление, собственно музыкальных реалий, отраженные в слове как письменном художественном тексте, а не в звучащей речи (названия музыкальных инструментов; музыкальная терминология; имена композиторов; названия музыкальных произведений, их фрагментов, персонажей и т.п.), как уже отмечалось, именно текст является объективной культурной реалией. Это видимая музыкальность литературы» [1, С. 15]. Таким образом, отмечает исследователь, при сравнении структуры письменного словесного и музыкального произведений музыкальность оказывается категорией видимой, тогда как первоначальным к наименованию словесного произведения музыкальным остается слуховая ассоциация.

Понятие «*музыка слова*» исследуется в том смысле, в котором оно бытует в трудах филологов и искусствоведов, то есть как особый тип соотношения слова и музыки; ситуация, когда искусство (литература) стремится овладеть образом художественного мира музыкального искусства, музыка специально репрезентируется в тексте: описывает (реальные или вымышленные произведения), кодирует особую информацию, важную для текста, передает специфику музыкального переживания. Таким образом, «музыка слова» может рассматриваться как один из способов репрезентации музыки в письменном тексте, как область своеобразной инвентаризации, каталогизации способов проявления музыки в искусстве слова, синоним поэтики лирической музыкальности.

Отметим, что в современных текстологических исследованиях новый смысл обретает понятие музыкальности стиха. В 20-х годах XX в. в теории Б.М.Эйхенбаума и его последователей «музыкальность», как известно, приравнивалась к «мелодике» — «развернутой системе интонирования, с характерными явлениями интонационной симметрии, повторности, нарастания, кадансирования и т.д.», а синтаксис при этом рассматривался как «служебное» средство, призванное «реализовать сочетание определенных интонационных фигур». Сейчас доказывается, что музыкальность стиха не только внешняя его примета, но, прежде всего, структура, преобразующая конечное (воплотившееся, обретшее границы, материальное) в бесконечное (невоплотившееся, безграничное, объятые вечным движением, духовное). Важно не то, как произносится, а то, что выражает слово, введенное в интонационно-звуковой космос текста. По словам Е.Г.Эткинда, «музыкально-образные звуко сочетания помогают преодолеть смысловую ограниченность конкретно-материального слова» [4, С. 154].

Понятие «*трансмюзикальность*» — относительно новое для культурологических исследований, его ввел А.Е.Махов, который в литературоведческом исследовании идей о музыке в истории европейской культуры все многообразие «музыкального» в текстах средневековых авторов определяет этим термином. «Трансмюзикальность» Махов использует вслед за немецким искусствоведом Вальтером Виорой, который называет «трансмюзикальным» круг представлений, связанных с расширенным значением слова «музыка», отмечая, что слово «музыка» со времен античности нередко применялось к тому, что имело сходство с музыкой и использовалось как метафора [2, С. 22].

Суть концепции А.Е.Махова состоит в том, что он исследует присущее словесному искусству стремление стать «другой музыкой», выработать собственными средствами свою, словесную музыкальность в разные эпохи европейской культуры через призму развития ключевых идей о музыке, сформированных в античной и средневековой философии.

По мысли А.Е.Махова, музыка едва ли могла оказывать прямое, непосредственное влияние на словесность. Это влияние, как правило, было глубоко опосредованным: между музыкой и словом — огромная область музыкального (ее Махов и определяет термином «трансмюзикальное»), которая и находилась в постоянном интенсивном взаимодействии со словесным искусством. Термином «трансмюзикальное», по нашему мнению, возможно обозначить комплекс идей и представлений о музыке, который «распылен» в большом массиве словесных текстов, включающем музыкально-теоретические трактаты, философские, эстетические труды, прозу и поэзию, письма, дневниковые записи. И в этом контексте применение термина достаточно полно выражает промежуточный, посредующий характер сферы, расположенной между словом и музыкой.

Таким образом, исследования феномена словесной музыкальности, продемонстрированные в работах, посвященных полихудожественности, многоязычности культуры показывают, что музыкальные образы, переведенные на язык слова, не только представляют собой «своеобразное эстетическое образование» (М.Бахтин), но и выводят проблему за рамки только музыкального или литературного текста. Это открывает перспективу изучения целостного «текста» культуры, так как по Лотману, культура искусствоводна и может быть рассмотрена как единое целостное художественное произведение.

Литература

1. Мышьякова Н.М. Литература и музыка в русской культуре XIX века: Автореф. дис. ... докт. искусствоведения. СПб., 2003.
2. Махов А.Е. Musica literaria. Идея словесной музыки в европейской поэтике. М., 2005.
3. Цивьян Т.В. Ахматова и музыка // Russian Literature. Amsterdam. 1975. № 10/11. С. 173—212.
4. Федоров Н.Ф. Жуковский: слово и звук // Сочинения. М., 1982.
5. Sher St.P. Notes Toward a Theory of Music // Comparative Literature, 1970. Vol. XXII. № 2.

*А.С.Мухина
Нижевартовск*

Нижевартовский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКОВ)

В настоящее время периодические детские журналы являются важным компонентом социализации ребенка. Конечно, эта мысль не нова, о роли детского журнала в формировании и воспитании юного читателя писали еще в 20-х годах XX века известные педагоги С.Т.Шацкий и А.С.Макаренко. Классификации, характеристики и типологические особенности детской периодики стали предметом рассмотрения в работах М.И.Алексеевой, О.Е.Коханой, С.А.Петровой, Л.Н.Колесовой, Е.В.Вологиной, З.Г.Кривоусова и др. Исследователи отмечают, что жанровый репертуар детских журналов для дошкольников богат и разнообразен. Он представлен несколькими направлениями, ориентированными на конкретную аудиторию.

Первая группа — это развлекательные журналы, созданные по мотивам популярных американских и российских мультфильмов или игрушек. К этому типу можно отнести журнал «Том Джери». В формате комикса на страницах детского издания оживают полюбившиеся герои. Надо заметить, что комикс — это жанр массовой культуры, представляющий собой сочетание графических и повествовательных компонентов. Комикс ориентирован на невзыскательного читателя, поскольку в самой упрощенной форме предоставляет информацию, не оставляя ребенку возможности для развития воображения. Вербальная часть детского комикса, по сравнению с графической, играет служебную роль, об этом свидетельствует количество слов на странице — от 20 до 50. Дополняют этот формат общения интересные задания для детей, например, «Раскрась картинку» или «Разгадай веселые задания», «Найди тень», которые обозначают границы между короткими историями.

К этому же типу издания относится и журнал «Барби», специально выпускаемый для девочек. Он служит для популяризации знаменитой куклы Барби и сопутствующих товаров, а также знакомит маленьких читательниц с последними новинками и тенденциями в мире детской моды. Постоянные разделы «В ателье мод», «Показ мод», «Школьная мода», «Платье мечты» в формате раскраски, пазла или ребуса. Основное содержание — это история о Барби и ее друзьях, переданная в жанре комикса. Дополняют журнал игры, загадки, раскраски, пазлы. Можно сказать, что это журнал не для чтения, поскольку количество визуально поданной информации в несколько раз превышает количество информации, переданной с помощью слов. Для сравнения «комикс» составляет всего 160 слов, а на других страницах количество слов варьируется от 15 до 50. Этот журнал близок по жанру к альбому, то есть книге, в которой преобладают иллюстрации. Необходимо отметить, что доминантным цветом в оформлении журнала выступает розовый и его оттенки — это любимый цвет одежды популярной куклы, а также модной одежды и аксессуаров для девочек, то есть цвет гендерноотриетированный. Цель детского развлекательного журнала — сформировать невзыскательный читательский вкус и воспитать из читателя потребителя гламурной информации об эффективных диетах, новинках в мире индустрии красоты, о любовной магии, гаданиях и секретах кулинарии и т.д.

Следующую группу представляют детские периодические журналы для умелых ребят. Цель этих изданий — познакомить детей и их родителей с занимательными поделками, научить проводить досуг весело и интересно. Например, журнал «Коллекция идей» представляет собой сборник инструкций по изготовлению поделок из различных материалов. Пошаговое руководство написано доступным языком и снабжено иллюстрацией, а при необходимости и выкройками. Одним из оригинальных направлений можно считать кулинарию. Журнал предлагает необычные рецепты изготовления фигур из фруктов и овощей. Еще одна особенность этого издания — информация о подвижных играх. У журнала есть постоянный герой, который комментирует поделки, задает читателям вопросы, знакомит с новыми образцами конструкторов. Истории о мышонке Тиме написаны в формате комикса, а дополняют периодическое издание игровые странички, ребусы и кроссворды.

Еще одно направление в детской периодике — это познавательные, или познавательно-развлекательные журналы. Их цель — познакомить юного читателя с интересными новинками в мире литературы, рассказать

об удивительных фактах окружающего мира, о важных событиях в жизни общества, воспитать хороший читательский вкус и привить любовь к русскому языку и русской культуре.

В этой группе можно отметить старейший журнал «Мурзилка», представленный в бумажном и электронном варианте. Рассказы и сказки, публикуемые на страницах журнала, небольшие по объему, однако очень увлекательные, примерно 400—500 слов. Издатель строго соблюдает правила гигиены чтения. Шрифт разборчивый, черные буквы на белом фоне для того, чтобы процесс чтения не вызывал затруднений. Иллюстрации, как правило, обрамляют текст и помогают юному читателю легче проникнуть в смысл произведения, наглядно представить героев и основную сюжетную линию.

Статьи, освещающие актуальную информацию, снабжены цветными фотографиями, в тексте применяются выделения. Редакция журнала стремится познакомить детей с писателями и поэтами, поэтому рубрика «Наши любимые писатели» открывается краткой библиографической справкой, обязательно помещена фотография детского автора, а потом следует его произведение. Журнал быстро впитывает новые формы общения с читателями, поэтому на страницах «Мурзилки» можно встретить комиксы, посвященные главному герою, однако они играют только дополнительную роль, основное же место отводится познавательной информации. Интересной находкой этого детского издания можно считать рубрику «Галерея искусств Мурзилки». В рамках этой рубрики журналисты рассказывают детям о творчестве русских художников. Статьи дополнены прекрасными репродукциями картин. «Мурзилка» — это детский журнал, поэтому на его страницах есть место для ребусов, загадок и игр. Редакция журнала старается найти новые загадки для детей, например, японский кроссворд или адаптированные для детей психологические тесты.

Журнал организует обратную связь с читателями. Письма детей помогают внести в его облик некоторые корректировки, например, в предпраздничных выпусках появляются выкройки для поделок, а также рубрика «Почитать» знакомит ребят с новинками детской литературы или рассказывает о незаслуженно забытых книгах.

К познавательным журналам для дошкольников можно отнести детский иллюстрированный журнал «Отчего и почему». Само название объясняет появление в журнале рубрики «100 вопросов и 100 ответов». Небольшие по объему статьи открывают интересный вопрос, например: Какая книга самая маленькая или где на Земле самое холодное место. Журнал по аналогии с «Мурзилкой» имеет своих героев: девочку зовут Отчего, а мальчика Почему. Именно с ними и происходят интересные приключения, описанные в небольших по объему историях. Журнал знакомит юных читателей с рассказами о природе, народными приметами, пословицами и поговорками. Рубрика «Копилка знаний» представляет собой коллекцию интересных фактов о нашей планете, о животных, растениях, народах. Новым жанром можно считать «Советы дядюшки Градусника», а также игры в тестовой форме с фразеологизмами. На страницах этого периодического издания можно найти отрывки из произведений современных детских писателей, например, «Истории про динозаврика» Т.Крюковой.

В группу познавательных изданий входят детские журналы «Веселые медвежата», «Читайка», «Миша». Они имеют как лингвистическую так и культурную ценность, поскольку открывают ребенку мир воображаемого. Вербальная и невербальная информация для детей находятся в тесной взаимосвязи: иллюстрации дополняют и проясняют содержание рассказов и сказок, превращая процесс постижения смысла текста в увлекательную игру. Эти журналы формируют культуру чтения: дошкольник изучает иллюстрации, переворачивает страницы, пытается узнать в заголовках первые буквы. Этот этап знакомства со словом — первый шаг к успешному овладению техникой чтения. Детский журнал помогает сформировать коммуникативные навыки ребенка. Он становится проводником дошкольника во внешний мир и способствует становлению его картины мира, осуществляя процесс социализации как с помощью изобразительной, так и с помощью вербальной составляющей через совместную деятельность и общение с родителями. Интересные фразы, загадки, смешные реплики героев или забавные эпизоды в семейном общении приобретают статус пароля, за которым в сознании родителя и ребенка стоит эмоциональная ситуация проживания художественного слова. Такие слова быстро помогают наладить психологический контакт, создать гармонию в общении и настроить на доверительный лад.

Литература

1. Алексеева М.И. К вопросу о социальной миссии СМИ для детей. URL: <http://www.detlitlab.ru/?cat=7&text=87>
2. Вологина Е.В. Становление детской периодики в России: трансформация издательской модели: Дисс. ... к.ф.н. Краснодар, 2011.
3. Колесова Л.Н. Детские журналы Советской России: Учеб.пособие. Петрозаводск, 1993.
4. Коханая О.Е. Детская журналистика как творческий процесс. URL: <http://www.detlitlab.ru/?cat=7&text=87>
5. Кривоусова З.Г. Детские журналы как фактор формирования читательской культуры // Филология и человек. 2007. №4. С. 129—134.
6. Макаренко А.С. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1987.
7. Петрова С.А. Детский сетевой журнал в Рунете: становление проблемы, методы организации: Дисс. ... к.ф.н. М., 2013.
8. Шацкий Т.С. Избранные педагогические сочинения. Т. 1—2. М., 1980.

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ЮГРЕ

Сегодня Югра — один из самых динамично развивающихся регионов мира — благодаря экономической и социальной стабильности является и одним из самых привлекательных регионов для мигрантов. На его территории на 1 января 2013 года было зарегистрировано 44 488 иностранных граждан, что на 26% (9 132 чел.) больше, чем в 2012 г., когда количество граждан других стран составляло 35 316 чел. Основная доля — 20 452 чел. (или 46% от нынешнего состава иностранцев в нашем округе) — это люди, работающие у юридических лиц, 9 822 (22%) приезжих работают по трудовому договору на основании патента. С частной целью в Югре находятся — 11 101 человек (25%), а оставшиеся 3 073 чел. (7%) имеют иные цели пребывания [9].

По данным департамента образования округа общее количество детей из семей иностранных граждан, зафиксированных на территории муниципалитетов автономного округа, в 2012—2013 учебном году составило 2524 человека, или 1,5% от всех учащихся Югры. Больше всего детей из Азербайджана (28%), Таджикистана (21%), Киргизии (11%).

Наибольшее число детей из семей иностранных граждан в муниципальных образованиях автономного округа отмечено в Сургуте — 816 детей (32% от общего количества детей мигрантов), Нижневартовске — 273 человека (11%) и Ханты-Мансийске — 234 человека (9%) [2].

По данным ежегодного мониторинга, ведущегося с 2009 года, количество детей, не владеющих или слабо владеющих русским языком, сохраняется в пределах 400. В 2012 году этот показатель уменьшился до 333 человек, 30 человек (1%) из числа которых совсем не разговаривают на русском языке [2].

В начале февраля 2013 г. в Ханты-Мансийске состоялся круглый стол, посвященный проблемам обучения детей мигрантов в Югре.

В обсуждении приняли участие депутаты Думы округа, представители национальных общин и объединений, органов исполнительной власти, руководители федеральных государственных служб, а также авторы коллективной монографии «Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах» [6].

Исследования ученых под руководством профессора Сургутского государственного педагогического университета Г.Е.Зборовского показали, что учащиеся мигранты позитивно относятся к обучению, этот вид деятельности является для них привлекательным. Школьное образование для них — важный адаптационный фактор, связанный с профессиональным образованием и перспективой получения в будущем хорошей с их точки зрения профессии [1]. Одним из вопросов, который задавали исследователи мигрантам: какова ориентация детей на дальнейшую жизнь, более 70% опрошенных отвечали, что и они намерены остаться в Югре [10].

Вместе с тем выяснилось, что есть определенные трудности, препятствующие языковой адаптации учащихся. В семьях мигрантов дома на русском языке не разговаривают, в связи с тем, что родители сами не владеют русским языком на достаточном уровне и не всегда понимают, что ребенку нужно будет продолжать обучение в вузе или профессиональном образовательном учреждении средней ступени. Более 56% родителей не видят, что ребенку нужна дополнительная помощь в освоении языка, не стремятся наладить контакт с учителями [4].

Поднимались проблемы неравномерного распределения мигрантов по школам: в одних школах — каждый шестой ребенок — иностранец, в других — они составляют 10—15%. В исследовании были приведены примеры, рассказанные учителями: «Некоторые директора школ сознательно не принимают детей мигрантов к себе, придумывая для этого разные основания, хотя это незаконно» [10]. Нет и однозначного ответа на вопрос, кого считать мигрантом. Главная проблема, которая возникает у школы, связана с незнанием детьми русского языка. Если ребенок родился и вырос в Югре, говорит по-русски, следует ли считать ли его мигрантом? Относить ли к категории мигрантов слабо владеющих русским языком выходцев из российских субъектов Северного Кавказа, приезжающих на постоянное жительство в округ?

Участники исследования отметили несовершенство правового регулирования процесса обучения детей мигрантов, отсутствие необходимых правовых норм на этапе дошкольной подготовки, приема ребенка в школу и собственно адаптации к образовательной деятельности. Опрос учителей показал, что необходимы дополнительные учебные часы для работы с детьми мигрантов, закрепленные законодательно. Кроме того, педагоги считают, что мигранты — это специфическая группа, и она требует специального подхода в определении образовательного курса и методик обучения. Поэтому работники образования нуждаются в возможности повышения квалификации: не хватает знаний в преподавании русского языка как иностранного, требуются консультации историков, психологов, культурологов о том, как рассказывать о культуре и истории страны без шаблонов и стереотипов. Исследование констатирует и то, что каждый третий педагог считает,

что школа не должна решать вопросы языковой и социокультурной адаптации детей мигрантов. По их мнению, требует взаимодействия с родителями и активного привлечения сторонних организаций — социальных служб, УФМС, диаспор [7].

По оценкам респондентов, уровень остроты отношений между детьми в школе, степень их сложности и многоплановости педагоги часто недооценивают и замалчивают. Они не всегда склонны выстраивать межличностные отношения с иностранными учащимися. Сами родители считают, что в школе нет межэтнических конфликтов. Такой позиции придерживаются 81% опрошенных взрослых. Существует и скрытые причины конфликтов в школьных коллективах — осознание социального неравенства, правовой незащищенности мигрантов и их детей [8].

В ходе обсуждения было высказано мнение о том, что в округе необходимо развитие таких новых форм языковой и социокультурной адаптации как специальные школы, программы, классы [8]. Однако некоторые участники дискуссии выразили опасения по поводу того, что создание отдельных мигрантских школ или классов, может привести к тому, что дети мигрантов могут объединяться по национальному признаку и противопоставлять себя местному населению [4]. В целях организации адаптации детей мигрантов в образовательных учреждениях округа начиная с 2011 года в двенадцати общеобразовательных учреждениях восьми муниципалитетов Югры, в которых обучалось наибольшее количество детей мигрантов, началась реализация проекта «Школа адаптации», который был призван помочь детям преодолеть языковой барьер, ускорить их социальную адаптацию, обеспечить психолого-педагогическое сопровождение. Согласно этому проекту в учебные планы включено большее количество часов на изучение русского языка, организацию индивидуальных и групповых занятий по чтению, даже совместных уроков с родителями [5].

На сайте департамента образования ХМАО — Югры отмечается, что в Югре реализуются специальные программы :

- в г.Сургуте действует программа «Школа адаптации»;
- в Кондинском районе реализуется план мероприятий «Профилактика экстремизма, гармонизация межэтнических и межкультурных отношений. Укрепление толерантности на территории Кондинского района на 2011—2013 годы»;
- в Белоярском районе — программа «Поддержка и защита учащихся-мигрантов в образовательном пространстве»;
- в Сургутском районе действует программа «Толерантность».

Положительно оценивается работа департамента образования г.Сургута по данному направлению. Кроме программ по социальной адаптации, психолого-педагогическому сопровождению детей-мигрантов в образовательных учреждениях г.Сургута реализуются программы дополнительных индивидуально-групповых занятий «Развитие устной русской речи» для 1 класса, дополнительных индивидуально-групповых занятий «Развитие письменной русской речи» для 2 класса.

Отмечается, что в департаменте образования г.Нижневартовска имеется проект программы «Школа адаптации» для детей мигрантов в образовательных учреждениях [2]. На официальном сайте органов местного самоуправления г.Нижневартовска содержится информация о том, что в пилотные проекты реализуют школы № 1, 7, 32. В 2012—2013 учебном году в «Школе адаптации» обучается 201 ребенок из семей-мигрантов, их обучают более 100 педагогов, прошедших специальные подготовительные курсы [3].

В целом обзор имеющихся источников показал, что в округе вопросы создания системы образовательной и воспитательной деятельности, направленной на языковую и социокультурную адаптацию детей мигрантов находятся в стадии разработки.

Литература

1. В Ханты-Мансийске обсудили проблему обучения детей мигрантов. URL: <http://www.naurfo.ru/news/10937>.
2. Дети-мигранты в общеобразовательных учреждениях Югры. URL: <http://www.doinhmao.ru/Edu-in-Ugra/Statistics/childrenmigrants>.
3. Жить в мире и согласии. URL: <http://www.n-vartovsk.ru/news/30-11-2012/rubric-16/8729.html>.
4. Журавлев В. Я русский бы выучил, но... Какие проблемы возникают у детей-мигрантов. URL: <http://www.ugra.aif.ru/society/article/32071>.
5. Журавлев В. Школа — территория толерантности. URL: <http://www.t-i.ru/article/25709>.
6. Засыпкин В.П., Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах: Монография. Ханты-Мансийск, 2012.
7. Панкратова Д. В ХМАО решают проблемы адаптации детей мигрантов. URL: <http://www.gosrf.ru/news/8420>.
8. Резвова А. Русский язык станет родным? В Югре учатся более двух тысяч детей мигрантов. URL: <http://www.informugra.ru/news/society/russkiy-yazyk-stanet-rodnyy-v-yugre-uchitsya-bolee-dvukh-tysyach-detey-migrantov>.
9. Роль образования в национальной политике. URL: <http://www.siapress.ru/news/blogs/23272>.
10. Северская Т. Я тебя не понимаю. URL: <http://www.ugra-news.ru/article/25012>.

РЕКЛАМА КАК РЫНОЧНЫЙ СИГНАЛ

Информация является важным условием эффективности решений, принимаемых экономическими агентами. Все экономические агенты заинтересованы либо в получении той или иной достоверной информации, либо в создании и распространении информации о товарах, иначе — рыночных сигналов.

Рыночные сигналы, согласно определению Майкла Спенса, — это механизм, позволяющий продавцам и покупателям снижать информационную асимметрию [2, С. 103]. Иначе говоря, рыночные сигналы — это результат специализированного производства информации о товарах на рынке, что, по сути, является рекламной деятельностью и деятельностью по созданию имиджа. Теория рыночных сигналов базируется на предпосылке, что сама информация о товаре не несет полезности для потребителя, но сигнализирует о том, что может иметь для него полезность. В целом, проблеме доведения до сведения потребителей информации о действительной ценности продукции на рынке, посвящено немало исследований (таблица 1, составлено по [1, С. 271—278; 4; 5, С. 159]).

Существующие на сегодняшний день подходы к теории рыночных сигналов ограничиваются несколькими моментами. Так, лежащая в основе теории сигналов логика предполагает, что роль рекламы после апробации качества товаров незначительна, однако многие фирмы, напротив, продолжают дорогие интенсивные рекламные кампании. Кроме того, отношение расходов на рекламу к объему продаж заметно выше для опытных товаров сферы потребительских товаров, чем сферы промышленных товаров, что не находит объяснения в теории рыночных сигналов.

Тем не менее, реклама как рыночный сигнал, как посыл рынку даже о небольшом изменении, может оказывать сильное воздействие на поведение экономических агентов.

Таблица 1

Рыночные сигналы в исследованиях ученых

Автор	Содержание
Майкл Спенс (1970-е гг.)	Разработал концепцию рыночных сигналов; установил, что на некоторых рынках продавцы подают сигналы покупателям продуктов; исследования посвящены рекламе и ценам.
Джозеф Стиглиц (1970-е гг.)	Рыночный сигнал — информация для участников рынка о качестве услуг или товаров
Джордж Акерлоф (1970-е гг.)	Рыночными сигналами определял цену и качество товара
Филипп Нельсон (1970-е гг.)	Выделил 2 группы товаров: изученные товары — их качество можно определить до использования (свитера, посуда, продукты питания). «опытные товары» — их качество можно определить после приобретения (автомобили, электроприборы, вино, медицинские приборы); являются объектом для рекламной деятельности по созданию имиджа. Только производитель качественной продукции может быть уверен, что реклама позволит получить дополнительный доход, поскольку, чем выше качество товаров, тем больше покупателей будет возвращаться в будущем к их приобретению. Соответственно, чем лучше качество продукта, тем больше рекламных посланий фирма будет стремиться делать.
Ричард Шмалензи (1980-е гг.)	Высказал мысль о возможном несоответствии качества и уровня рекламирования товара, поскольку существует зависимость от разницы между ценой и издержками качественных товаров по отношению к аналогичному показателю низкокачественной продукции. Так, фирмы-однодневки заинтересованы в привлечении новых покупателей и не заботятся о повторных покупках, часто дают недобросовестную (ложную) рекламу. Вполне возможно, что расходы фирм-однодневок на рекламу превысят аналогичные расходы производителей высококачественной продукции, так как такие фирмы могут получить доход от каждой первой покупки, вполне достаточный для того, чтобы оправдать свои траты на рекламу, имея очень низкие издержки производства.
Ричард Килстром и Майкл Риордан (1980-е гг.)	Предложили двухпериодную модель: реклама фирмы в первом периоде определяет, поверят ли покупатели, что товар будет высоко- или низкокачественным продуктом. Цены на товар определяются потом путем

Автор	Содержание
	анализа соотношения спроса и предложения. стимул для производителей высококачественного товара привлечь покупателей повторно во втором периоде ведет к положительной корреляции между расходами на рекламу и качеством продукта.
Пол Милгром и Джон Робертс (1980-е гг.)	Соединили в анализе модели рекламу и ценовые решения как сигналы качества, сконцентрировались на эмпирических исследованиях степени связи качества продукта с отношением реклама — объемы продаж. Выявили сложность в оценке качества товара, пришли к выводу о большом количестве измерителей качества.
Р.Кейвс и Дж.Грин (1990-е гг.)	Выявили слабо заметные тенденции во взаимосвязи между рекламой и качеством бренда (на основе исследования 196 отраслей): для большинства отраслей корреляция расходов на рекламу и качества является негативной существует положительная взаимосвязь между рекламой и качеством новых, инновационных товаров (и в меньшей степени — положительная корреляция между рекламой и качеством опытных товаров)
И.Т.Балабанов (2000-е гг.)	Определил рыночные сигналы как дополнительную информацию, идущую в виде сообщения от продавца к покупателю и позволяющую последнему лучше разобраться в товаре и в своих интересах к нему
М.И.Одинцова (2000-е гг.)	Исследует сигнализирование как понятие в экономической теории, обозначающее косвенные способы передачи информации о товарах, возможностях или людях.

Помимо сигнала о качестве товара, реклама может давать иные сигналы. Современная теория и практика маркетинга [3, С. 74] сформировали основные виды рекламы, которым можно соотнести свои направления «сигнализования» (таблица 2).

Таблица 2

Виды рекламы и их содержание сигнала

Вид рекламы	Содержание сигнала
информативная	о новом товаре, выводимом на рынок, о том, как пользоваться товаром или услугой более эффективно
увещательная	о преимуществах конкретного продукта в сравнении с практикой использования товаров конкурентов
напоминающая	о достоинствах товаров и услуг
подкрепляющая (как разновидность напоминающей)	о правильности сделанного потребителями выбора в отношении конкретного товара

Реклама в современной экономике представляет собой неличное целенаправленное информативное воздействие на контактную аудиторию для продвижения товаров или услуг на рынке. Ранее было отмечено, что реклама как рыночный сигнал оказывает влияние на экономическую систему, что обуславливает ее экономические функции. Экономические функции рекламы, согласно исследованиям А.И.Ростовцева, «заключаются в ее воздействии на хозяйственную деятельность людей на уровнях макро- и микроэкономики, в обеспечении информирования о товаре или услуге, их популяризации, повышении спроса и товарооборота. Реклама обеспечивает налаживание связей между субъектами хозяйствования на товарном рынке, производителями и потребителями товаров, способствует росту деловой активности, повышению объемов капиталовложений и числа рабочих мест. Развитие рекламы обостряет конкуренцию на рынках товаров и услуг, позволяя потребителям расширить их выбор, что способствует расширению рынков сбыта, ускорению оборачиваемости средств и повышает эффективность экономики в целом» [6, С. 7—8]. Таким образом, среди экономических функций рекламы можно выделить: информационно-коммуникативную, ФОССТИС (формирования, стимулирования и управления спросом); распределения продукции; дифференциации товаров; ускорения оборота капитала; содействия экономическому развитию; функции ценообразования и поддержания конкуренции. В целом, следствием действия рекламы является ускорение экономического цикла воспроизводства.

Последние исследования, посвященные информационной роли рекламы, свидетельствуют о снижении эффекта ее воздействия на потребителей. Это, прежде всего, связано с усилением общего информационного потока, объем которого удваивается в последнее время каждые год-полтора. Кроме того, в период ухудшения общеэкономической конъюнктуры расходы на рекламу имеют тенденцию к снижению. В сложившихся обстоятельствах требуется качественное изменение рекламы, прежде всего повышение ее информативности.

Первостепенной задачей коммуникационной политики фирм становится создание сильных брендов, которые гарантировали бы высокий уровень лояльности потребителей к товарам и услугам фирмы в условиях ужесточающейся конкуренции на внутреннем и внешнем рынках.

Литература

1. Анализ отраслевых рынков: Учебник / Л.В.Рой, В.П.Третьяк; МГУ им.М.В.Ломоносова (МГУ). М., 2009.
2. Вечканов Г., Вечканова Г. Экономическая теория. СПб., 2010.
3. Котельникова О.А. Актуализация проблемы возрастания роли рекламы в развитии рыночных отношений в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 7. 2007. № 7. С. 73—75.
4. Матвеев И.А. Информационные сигналы: сущность и виды // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. URL: www.uecs.ru/uecs43-432012/item/1432-2012-07-04-06-57-56.
5. Одинцова М.И. Институциональная экономика: Учеб. пособие. 3-е изд. М., 2009.
6. Ростовцев А.И. Рынок рекламы как часть экономической системы: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.

И.В.Рец

г.Волгоград

Волгоградский Государственный Университет

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКОВ

Язык, созданный человеком, «является бесценным хранилищем древней культуры и истории людей», он «отражает все колебания и особенности нравов, обычаев, верований, способов мышления; в нем, как в зеркале, непосредственно отражаются различные модели «видения мира», характерные для отдельных человеческих коллективов на протяжении истории» [2, С. 16]. Именно в языке — знаковой символической системе, получают свое выражение как временные, сиюминутные ценности и идеалы, так и базовые духовные ценности народа, поддерживающие непрерывность и преемственность его культурной традиции. Изучение языка, его словарного состава важно не только для понимания человека и этноса как субъектов культуры, но и для понимания всей культуры в целом.

В рамках нашего исследования была поставлена задача выявить национально-культурную специфику новых слов английского и нидерландского языков. Работа носит сопоставительный характер, т.к. лингвокультурный компонент новообразований проявляется именно при сравнении лексических фонов единиц разных языков.

Актуальность исследования обусловлена постоянным развитием, трансформациям, которым подвергается язык. Лексика представляет собой самый подвижный пласт языка, который формируется в первую очередь под влиянием экстралингвистических факторов. Каждое поколение дает жизнь новым словам, производным от современной действительности. По словам Н.Л.Шамне, «конец XX в. был отмечен формированием в сознании людей новой картины мира, в которой нашли отражение серьезные изменения во всех сферах жизни человечества, в том числе и в коммуникации» [5, С. 66].

При анализе неологизмов одним из маркеров несовпадения двух исследуемых языков, который свидетельствует о наличии лингвокультурного компонента в значении новых слов, оказалась семантика эвфемизмов. Выборка показала, что некоторые новообразования английского и нидерландского языков являются эвфемизмами по своему значению и сфере употребления. Хотя часть эвфемизируемых явлений в данных языках совпадает, наблюдаются отличия в качестве и количестве эвфемизмов, их стилистической окраске.

Как утверждает В.И.Заботкина, «эвфемизмы – тропы, основанные на непрямом, вежливом, смягчающем слове или словосочетании, возникающие по ряду прагматических причин (вежливость, деликатность, щепетильность, благопристойность, стремление завуалировать негативную сущность отдельных явлений действительности)» [1, С. 53]. В зарубежной лингвистике даются похожие определения эвфемизмов. Согласно кембриджскому интернациональному словарю английского языка, «*euphemism is a word or phrase used to avoid saying an unpleasant or offensive word*» ('эвфемизм — это слово или словосочетание, используемое во избежание употребления неприятного или обидного слова'). В общелитературном словаре нидерландского языка Van Dale эвфемизм определяется как «*opzettelijk verzachtende of verhullende woorden of uitdrukkingen*» ('намеренное использование слова или фразы с целью сокрыть или смягчить смысл высказывания'). Во всех трех определениях подчеркиваются прагматические принципы вежливости, которые обуславливают употребление данной группы лексических единиц.

В корпусе из 3000 неологических единиц, отобранных в рамках исследования, было выявлено 22% эвфемизмов в английском языке и 7% эвфемизмов в нидерландском языке соответственно. Возникновение эвфемизмов

зачастую вызвано стремлением носителя языка к политической корректности, явлению, которое, по мнению С.Г.Тер-Минасовой, проявляется в поиске «новых способов языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [3, С. 216].

Столь заметная разница в количестве эвфемизмов в двух исследуемых языках связана, на наш взгляд, с тем, что само явление политической корректности зародилось и получило мощное развитие именно в мире английского языка, когда более 30 лет назад афроамериканцы начали борьбу за свои гражданские права в США и потребовали дерасилизации (*deracilization*) английского языка. Так, единица *negro* ‘негр’, имеющая расистские коннотации, была заменена на единицу *coloured* ‘цветной’, затем на *black* ‘черный’, и, наконец, на *Afro-American* ‘афроамериканец’.

По мнению ряда голландских лингвистов (Я.Фрис, М.Валь, Ф.Звартс и др.), нидерландский язык менее насыщен эвфемизмами, а явление политической корректности не получило в нем столь широкое развитие, как, скажем, в английском языке. Данная тенденция, а также исторические факты породили культурные стереотипы о прямолинейности и грубости голландцев в представлении представителей других народов [6, С. 1001].

Например, в нидерландском языке отсутствует эвфемизм ‘афроамериканец’, вместо него используется единица *zwart* ‘черный’ или *neger* ‘негр’, которая является стилистически нейтральной. Интересна семантика глагола *negeren* ‘игнорировать, не признавать’, который имеет общую морфему со словом *neger* ‘негр’. Единица *zwart* ‘черный’ присутствует даже в названии широко известного рождественского героя *Zwarte Piet* ‘Черный Пит’, который, согласно легендам Нидерландов и Фландрии, является экзотическим слугой и помощником Санта-Клауса и доставляет подарки хорошим детям. Актер, изображающий Пита, всегда по традиции красит лицо в черный цвет и надевает курчавый парик. Но в последние годы все больше голландцев считают образ черного Пита расистским и предлагают исключить этого традиционного персонажа из рождественского праздника.

За последнее десятилетие в английском и нидерландском языках в результате процессов эвфемизации изменились названия некоторых профессий, потенциально принижающих достоинство человека: англ. *dustman* — *refuse collector / sanitation engineer* ‘мусорщик /дословно санитарный инженер’; *secretary* ‘секретарь’ — *personal assistant* ‘личный помощник’; нидерл. *dienstmeisje* ‘служанка’ — *hulp in de huishouding* ‘горничная’; *werkster* ‘уборщик’ — *interieurverzorgster* ‘дословно уход за интерьером’ и т.д.

Нидерландский лингвист, специалист в области социолингвистики Тен А. ван Дейк заметил, что «если в нидерландской культуре ценится прямота и откровенность, в американской на первый план выходят сообщения вежливости, которые заставляют говорящих прибегать к иносказаниям, уклончивым оборотам, разного рода смягчениям» [7, С. 124].

Наличие большего количества эвфемизмов в корпусе новых слов английского и нидерландского языков свидетельствует об интенсивности процесса эвфемизации и формировании новых общественных установок в соответствующих социумах. Как было показано выше, многие современные эвфемизмы возникают в результате распространения новых социально-политических доктрин (как, например, доктрины политической корректности). Согласно Н.В.Тишине, «эвфемизмы, с одной стороны, отражают уже произошедшие сдвиги общественного сознания, а, с другой стороны, сами способствуют закреплению в обществе новых идей» [4, С. 19].

Литература

1. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М., 1989.
2. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 2006.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
4. Тишина Н.В. Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2006.
5. Шамне Н.Л. Социолингвистическое пространство региона и проблемы глобализации: Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции «Язык и глобализация». Алматы, 2013 г. С. 66—69.
6. Stowe L.A., Haverkort, M., & Zwarts, Rethinking the neurological basis of language, 2005. pp. 997—1042.
7. Teun A. Van Dijk Discourse and power. Houndsmills, UK: Palgrave, 2008.

Словари

1. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 2001.
2. Groot woordenboek der Nederlandse taal. Utrecht-Antwerpen: Van Dale lexicografie, 1995.

ДИСКУРС В ОЦЕНКЕ ЛИНГВИСТОВ — ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЫ АНАЛИЗА ДИСКУРСА»

«Французская школа анализа дискурса» возникла в 60-е годы [5] как попытка превратить анализ дискурса «в подлинную дисциплину текстового анализа» [2, С. 17], устраняя недостатки американского «контент-анализа». Решение этой задачи, по мнению П.Серио, осуществлялось на основе сложившейся в XIX веке традиции филологического анализа текста и под влиянием интеллектуальной среды. Речь идет об интеграции позиций социологического языкознания первой половины XX века, лингвистического структурализма 60-х годов, марксистской философии Л.Альтюссера и психоанализа З.Фрейда и Ж.Лакана [2, С. 18—19]. Именно их идеи в целом и легли в основу формирования «французской школы анализа дискурса».

В 70—80-е годы анализ дискурса (текста) развивался во Франции в духе идей теории высказывания Э.Бенвениста, парижской семиотической школы А.-Ж.Греймаса и Р.Барта, герменевтики дискурса, метафоры и нарративности П.Рикера, семантико-прагматического аспекта дискурса под углом зрения теории полифонии и аргументации О.Дюкро, а также в русле размышлений об отношении между языковым и когнитивным, знаками и текстами, текстами и жанрами как своеобразная попытка преобразовать анализ дискурса в дисциплину текстового анализа. В истории развития французского анализа дискурса значительная роль отводится творческому наследию философа М.Пеше и историка, социолога и лингвиста М.Фуко.

«Французская школа анализа дискурса» по праву считается одной из наиболее значимых и фундаментальных школ исследования дискурса. Исследователи именно этой школы впервые начали изучать дискурс в широкой сфере действия, соединяя анализ дискурса с другими направлениями и разрабатывая новые подходы к изучению текста. Рассматривая всю многозначность термина «дискурс», П.Серио отмечает, что в настоящее время «в рамках теорий высказывания или прагматики дискурсом называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в “высказывательную” ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания)» [2, С. 26].

«Дискурс» во французской школе часто определяется как термин, синонимичный понятию *parole* (parole) и противопоставляемый понятию *langue* (langue), определяемому как «система виртуальных значимостей» [5, С. 185], «общая для всех членов языкового сообщества» [5, С. 186]. Содержание данного понятия предполагает включение таких понятий, как «речь» (*parole*), «текст» (*texte*), «высказывание» (*énoncé*) и «высказывание» как процесс (*énonciation*). В этом смысле под дискурсом понимается «речевое произведение, рассматриваемое во всей полноте своего выражения (вербального, невербального, паралингвистического) и определяемое экстралингвистическими факторами (социальными, культурными, психологическими и т.д.), существенными для успешного речевого взаимодействия».

Дискурс предстает как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств — знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего [4 и др.]. Поэтому дискурс предполагает определенную организацию языковых единиц в соответствии с правилами и нормами данного языка и целевыми установками и нормами поведения субъекта. Динамический характер дискурса как конкретной манифестации устной или письменной речи, как конкретного сложного и упорядоченного процесса или результата речепроизводства, как индивидуального речевого акта и объекта межличностной коммуникации необходимо включает информацию о ситуации и теме общения, об участниках общения и о процессах интерпретации дискурса. Другими словами любой дискурс осуществляется в контексте и не существует вне контекста.

Особое место в ряду теоретических исследований по теории дискурса занимает концепция М.Фуко. В 60-е годы, развивая идеи Э. Бенвениста, он предлагает свое видение целей и задач дискурсивного анализа. По его мнению, приоритетным является установление позиции говорящего, но не по отношению к порождаемому высказыванию, а по отношению к другим взаимозаменяемым субъектам высказывания и выражаемой ими идеологии в широком смысле этого слова. Основная идея его теории заключается в том, что инструментом освоения окружающей действительности является речь, речевая практика людей, в ходе которой не только осваивается, «обговаривается» мир, но и складываются правила этого «обговаривания», правила самой речи, а значит, и соответствующие мыслительные конструкции. Исходя из концепции языкового характера мышления, М.Фуко сводит деятельность людей к их «речевым», то есть *дискурсивным практикам*. Речь в таком ее понимании и есть, по М.Фуко, дискурс, представляющий собой множество высказываний, принадлежащих одной формации. При этом под высказыванием понимается не собственно вербальное высказывание, а некий сегмент человеческого знания. По мнению М.Фуко, дискурсивные отношения не являются внутренне присущими дискурсу, они не связывают между собой концепты и слова, не устанавливают между фразами и

пропозициями дедуктивные или риторические структуры. Вместе с тем, эти отношения ограничивают дискурс, навязывая ему определенные формы или принуждая в некоторых случаях выражать определенные вещи, не являющиеся чем-то внешним по отношению к данному дискурсу. Все они в каком-то смысле располагаются в пределах дискурса: они предлагают ему объекты, о которых он мог бы говорить. Это предполагает, что объекты формируются независимо от дискурса, они определяют пучки связей, которым дискурс должен следовать, чтобы возможно было говорить о различных объектах, трактовать их имена, анализировать, классифицировать, объяснять и т.п. Такие отношения характеризуют не язык, который используется в дискурсе, не обстоятельства, в которых он разворачивается, а сам дискурс, понимаемый как чистая практика [3, С. 46]. Интерес и цель дискурсивного анализа, по М.Фуко, заключается в том, чтобы определить историческое место каждого дискурсивного события, выявив «историческое бессознательное» различных эпох, начиная с возрождения и по XX век включительно. Ученый считает, что каждая научная дисциплина обладает своим *дискурсом*, выступающим в виде специфической для данной дисциплины «форме знания» — понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями. И как следствие, экстралингвистические факторы выдвигаются на первый план и становятся определяющими по отношению к лингвистическим.

Термин *дискурсивные практики*, активно употребляемый постструктуралистами и деконструктивистами, получив теоретическое обоснование в работах Ж.Дерриды и Ю.Кристевои, как правило, применяется социологически ориентированными критиками в духе М.Фуко. В «Объяснительном словаре теории языка» А.-Ж.Греймаса и Ж.Курте представлено теоретическое обоснованное структурно-семиотического понимания концепции дискурса. Дискурс интерпретируется, с одной стороны, как «семиотический процесс», реализующийся в различных видах *дискурсивных практик*, включая языковую практику (способы словесного поведения) и практику неязыковую (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах, — жесты и т.п.) [4, С. 51—65; 1, С. 483—488]. С другой стороны, изучая «только собственно языковую практику», ученые рассматривают дискурс как объект научной дисциплины «лингвистики дискурса или дискурсивной лингвистики (*linguistique discursive*), подчеркивая, что в данном смысле дискурс будет являться синонимом текста: «...В самом деле, в некоторых европейских языках, не имеющих термина, эквивалентного франко-английскому “дискурс”, его вынуждены были заменить термином *текст* и, соответственно, говорить о лингвистике текста (*linguistique textuelle*). Кроме того, путем экстраполяции, в качестве полезной гипотезы, термины “дискурс” и “текст” стали употреблять также для обозначения неязыковых семиотических процессов (ритуал, кинофильм, рисованный комикс рассматриваются в таком случае как дискурсы или тексты)» [1, С. 488—489]. Дискурс отождествляется также с «высказыванием—результатом» (*énoncé*) и «дискурсом—высказыванием» (*énonciation; énoncé—discours*), что, однако, не противоречит предыдущим определениям: «... способ, каким более или менее имплицитно понимается высказывание (как то, что высказано), определяет два теоретических подхода и два различных типа анализа. Для *фразовой лингвистики* (*linguistique phrastique*) базовой единицей высказывания является фраза, а дискурс рассматривается как результат (или операция) связывания (конкатенации) фраз. *Дискурсивная лингвистика* (*linguistique discursive*), < ... >, напротив, принимает за исходную единицу дискурс, рассматриваемый как значимое целое (*un tout de la signification*): в таком случае фразы будут только сегментами (или фрагментами) *дискурса—высказывания* (это, разумеется, не исключает того, что дискурс может иногда, в силу конденсации, принимать размеры одной фразы)» [1, С. 489].

Порождение дискурса происходит в процессе высказывания (*énonciation*), который может рассматриваться, по мнению А.-Ж.Греймаса, во-первых, как языковой акт, учитывающий коммуникативную ситуацию и психосоциологический контекст, и, во-вторых, как этап, обеспечивающий преобразование виртуального языка в высказывание—дискурс, выступающее как результат данного процесса. Принимая вторую позицию, А.-Ж.Греймас рассматривает этот процесс как автономную составляющую теории языка, как переход от лингвистической компетенции к ее реализации (*performance*) [4, С. 64]. Понятие высказывания (*énonciation*), введенное Э.Бенвенистом, позволяет включить промежуточный этап в процессе перехода от парадигматики языка к синтагматике речи. А.-Ж.Греймас рассматривает виртуальное пространство языка как множество семио-нарративных структур, которые, актуализируясь в процессе высказывания, составляют семиотическую компетенцию субъекта высказывания. Процедуры построения дискурса как пространства и времени, населенного субъектами, отличающимися от говорящего, составляют дискурсивную компетенцию. Высказывание характеризуется интенциональностью (*l'intentionnalité*), или, по А.-Ж.Греймасу, «устремленностью к миру» (*visée du monde*), направленным отношением, благодаря которому субъект строит мир как объект, формируя, таким образом, самого себя. Высказывание—процесс (*énonciation*) формулируется как высказывание—результат (*énoncé*), функцией—предикатом которого является интенциональность, а объектом — высказывание—дискурс [4, С. 65].

Для французской школы дискурс — это, прежде всего, конкретная манифестация устной или письменной речи, конкретный процесс или результат речепроизводства и определенный тип высказывания, присущий определенной социально-политической группе или эпохе. Дискурс представляет собой не просто набор дискретных единиц языковой системы, но функционально организованное объединение, совокупность контекстуализованных единиц употребления языка. Отсюда следует, что подобная трактовка понятия *le discours*

представителями «французской школы анализа дискурса» влечет за собой понимание дискурса как интенционально обусловленного гетерогенного единства, реализующегося либо в виде устной речи как результат процесса взаимодействия коммуникантов в некотором социально-культурном контексте, либо в виде письменного текста в разных его аспектах.

Литература

1. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М., 1983. С. 483—489.
2. Серио П. Как читают тексты во Франции. Вступительная статья // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12—53.
3. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
4. Greimas A.-J., Courtès J. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. Т. 1. Paris, 1979.
5. Maingueneau D. Discours // Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Seuil, 2002. P. 185—190.
6. Moirand S. Une histoire du discours... : une analyse des discours de la revue «Le français dans le monde» 1961—1981. Paris, 1988.

С.А.Сальникова

г.Москва

Московский педагогический государственный университет

КРИТИКА ЦЕРКВИ И ВЛАСТИ В СОЧИНЕНИИ СЕБАСТИАНА БРАНТА «КОРАБЛЬ ДУРАКОВ»

Сатирико-дидактическая поэма Себастиана Бранта «Корабль дураков» была издана в Базеле в 1494 году. Основная идея произведения заключалась в персонификации пороков общества в различных образах дураков. Героями «Корабля дураков» стали представители всех сословий, они олицетворяли все грехи и пороки своего времени. На одном корабле, направляющемся в страну вездесущей Глупости, автором собраны все ее проявления: невежество, жадность, стяжательство, распутство, подхалимство и многие другие, тяжкие и не очень. Парад глупцов кажется бесконечным, во главе его шествуют мнимый ученый, скряга, король-дурак, окруженный верными слугами, нечистый на руку поп, а завершают самовлюбленный модник и мот-гуляка. «Книгу Бранта наполняют гротескные образы дураков, олицетворяющих разнообразные пороки современности. Автор набросал широкую сатирическую картину немецкой жизни кануна Реформации» [2, С. 35].

В Германии того времени ненависть к папскому клиру была повсеместной. Повсюду звучали требования упразднения авторитета папы и высшего католического духовенства, прекращения деятельности церковных сборщиков и продавцов индульгенций, ограничения числа монахов и разоблачения нравов духовенства. Задолго до Реформации в Германии стали распространяться памфлеты антикатолического характера.

Одной из характерных особенностей немецкого гуманизма являлся повышенный интерес к религиозно-философским вопросам. Но немецких гуманистов занимали не только теологические споры и рассуждения, особое внимание в их сочинениях уделялось критике современной им церкви, нравственного облика духовенства, как высшего, так и низшего.

Представителей духовенства мы можем встретить на брантовском корабле. Как и простые смертные, эти «святые мужи» пьют, танцуют, играют, прелюбодействуют, стяжают, завидуют, злятся:

Но и попы играть садятся
С мирянами — и не стыдятся!
Вот этому прощенья нет!
Им как-никак подумать след,
Что чувства зависти и злобы
У лиц духовных — грех особый:
Чуть проиграл — и злоба вспыхнет,
А с нею зависть не утихнет.
И вообще не со вчера
Запрещена попам игра! [1, С. 95]

Бранта возмущает образ жизни служителей церкви. Попы порочны и невежественны, а духовный сан для них — всего лишь источник сытой и привольной жизни. Монахи ради наживы готовы пойти на любой обман, их алчности нет предела. Будучи самими богатыми в стране, они нагло твердят о своей бедности:

Глупцов мы и среди нищих сыщем,
Числа теперь не стало нищим:
Их братия не голодна,

Богатые есть ордена!
Но как ни велики богатства,
На бедность жалуются братства
И кланчат, не жалея слез:
«Подайте, как учил Христос!»
Завет о бедных и убогих
Обогащает ныне многих [1, С. 79].

Суеверия и торговля «реликвиями» процветают. В надежде на чудо люди обращаются к астрологам, знахарям, покупают разнообразные «святыни», в которых святости меньше, чем в простом камне или полене.

Глупцов безмозглых предсказанья
Мозг обрекают на терзанья.
Что бог судил нам в мире этом,
То по созвездьям и планетам,
Забыв, что ими правит бог,
Предречь нам тщится астролог,
Как будто мы постигнуть можем,
Что уготовил промысл божий...
...Хоть не язычник он, слепец,
Но он христианин-глупец... [1, С. 85].

От века продавцы реликвий
Народ обманывать привыкли.
На паперти шумит базар,
Разложен плутовской товар —
Все тут священо, драгоценно:
Из вифлеемских сел сено,
От Валаамовой ослицы
Кусок ребра; перо хранится
Архистратига Михаила
(Не сякнет в нем святая сила);
Тут есть уздечка боевого
Коня Георгия святого;
Одна сандаля святой Клары... [1, С. 80].

Себастиан Брант, как и впоследствии Эразм Роттердамский, в подобном положении вещей обвинял саму церковь. О современном ему духовенстве Брант писал:

Ну, а духовные столпы —
Монахи, схимники, попы?
Их благочестье — фальшь, игра:
Нельзя от волка ждать добра,
Хоть шкура будь на нем овечья!.. [1, С. 100].

Здесь, на наш взгляд, уместно обратиться к картине Босха «Корабль дураков». Ведь утлая лодчонка, изображенная на картине, символизирует, по замыслу художника, дореформационную церковь, которую он считал вместилищем всех пороков. И именно поэтому центральными фигурами на картине являются монах и монахиня.

Себастиан Брант чувствовал приближение грозных и трагических событий в истории и Германии, и католической церкви. Гуманист писал: «Кораблик св. Петра сильно качается, я боюсь, как бы он не пошел ко дну, волны с силой бьют в него, будет большая буря и много жертв» [2, С. 39].

Для Германии XVI столетие — время социально-экономических преобразований. Но бурное экономическое развитие не привело к объединению Германии. В XVI веке Священная Римская империя германской нации продолжала оставаться раздробленной страной, в которой господствовали клики территориальных князей. В обстановке раздробленности экономический подъем привел к усилению и обострению противоречий среди различных слоев населения.

Себастиан Брант главными пороками современности считал алчность и стяжательство. Брант подвергает осуждению властителей и судей, которые попирают правду и закон, которые, забыв об общем благе, пекутся только о своем благополучии:

Блаженны страны, в коих славят
Князей за то, что мудро правят,
И где в совете нет мздоимства,

Где не в почете подхалимство
И нет распутства кутежей
Средьвласть имеющих мужей.
Но горе странам, чей правитель
Глупец и правды не ревнитель:
С утра совет там кутит, пьет,
Не ведая других забот [1, С. 66].

Поведение князей возмущает гуманиста, они забыли о нуждах Отечества, их заботят лишь свои, частные интересы:

Бывало, мудр был государь,
Ученые, бывало, встарь
В совет старейшин избирались,
А преступления карались;
В довольстве люди жили, мирно.
Но глупость полог свой обширный
Простерла над землею всей,
В свою вербуя рать — князей,
Чтоб здравомудрость угнетать,
Любостяжанью волю дать
И чтоб неопытный совет
Гнездовьем был народных бед,
Которых множится число.
Вот глупости всесветной зло!.. [1, С. 67].

Обрушивается гуманист и на дворян. Погоня за титулом стала смыслом их жизни, военные «заслуги» этих «храбрецов» мало, чем могут послужить Отечеству:

Тот рыцарь, тот аристократ,
Кто из-под Муртена позорно
Так улепетывал проворно,
Что выше пояса, со страху,
Штаны загадил и рубаху,
Но все ж — со шлемом и щитом —
В дворяне выскочил потом... [1, С. 92].

... Таких болванов много есть,
Которым воздается честь,
Которым выдают награды
За возглавление ретирады,
Когда на всем бегу назад
Врагу седалищем грозят,
Хваля впоследствии свою
Отвагу в том лихом бою:
«Стрелял, колол — всех наповал!»
Но сам так далеко бахвал
Бежал от схватки, что едва ли
И пулей бы его достали! [1, С. 92]

Но для Бранта-гуманиста знатность не синоним благородства и доблести. Для него лишь образованный человек, пусть даже и простого происхождения, готовый трудиться на благо своего государства, соблюдающий законы морали, может считаться истинно благородным: Пергамент и печать добыл —

Ты «голубую кровь» купил!
Все нынче жаждут подтвержденья
Дворянского происхожденья.
Но только нравов благородство
Есть грамота на превосходство.
Тот благороден, на мой взгляд,
Кто честь блюдет, трудиться рад,
А кто сих доблестей лишен,
Ленив, распущен, неучен, —
Не благороден, прямо скажем,

Хоть графским сыном будь, хоть княжим... [1, С. 93].

Двор у Себастиана Бранта — приют лжи, зависти, подхалимства. Лыстецы, подхалимы, лизоблюды. При дворе их неисчислимо множество, там они могут найти применение своим талантам:

Лыстецов бесстыжих обожают,
Их за дворцовый стол сажают;
Они в фаворе, потому что
Двор не имеет в чести нужды [1, С. 97].

В «антихристовом царстве» Бранта всем управляют «фальшь, обман, коварство». Поэтому гуманист призывает к народу, призывает изжить в себе Глупость, встать на путь Разума, и тогда в государстве установятся мир и порядок. В первую очередь это касается князей:

И дольше б княжил князь иной,
Когда б не стал на путь дурной,
И защищал бы справедливость
И льстивость бы карал, и лживость
Советников, которых надо
Еще задабривать наградой!
Кто взял подачку — прихлебатель,
Кто принял взятку — тот предатель [1, С. 67].

Слова гуманиста, написанные более пятисот лет назад, не утратили актуальности, с Себастианом Брантом трудно не согласиться:

Но там, где глупость не в фаворе,
Там власть и благо не в раздоре.
В чести и силе та держава,
Где правят здравый ум и право,
А где дурак стоит у власти,
Там людям горе и несчастье [1, С. 66].

Литература

1. Брант С. Корабль дураков / Пер. Л. Пеньковского. БВЛ. М., 1971.
2. Пуришев Б.И. Очерки немецкой литературы. М., 1955.

Е.А. Селянская
г. Челябинск

Челябинский государственный университет

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В последнее время рекламные публикации занимают более значительное место в нашем обществе. Рекламная деятельность рассматривается в разных сферах жизни: культурологической, экономической, психологической, социологической, лингвистической, юридической, социально-философской и др.

Понятие «дискурс» приобрело необычайную популярность в современной лингвистике, трактуется неоднозначно ввиду его переосмысления в виду тенденций к междисциплинарному рассмотрению языка и в зависимости от задач исследования [5, С. 158].

Текст, погруженный в ситуацию рекламного общения, является основой для выделения самого общего значения термина реклама — **рекламный дискурс** [1, С. 306].

Изучение мира системно, оно тесно связано с неразрывностью знаний, в языковом отношении выражающихся посредством дискурса — динамического процесса, с помощью которого осуществляется предикативная связь явлений окружающего мира с непосредственным выражением ее при помощи языка.

Чтобы изучить язык в динамическом плане занимает первостепенное значение для изучения языка рекламы, обязательны знания о языковом динамизме: в первую очередь необходимы знания о динамике развертывания речи в определенной прагматической ситуации; во-вторых, знания о соотносительности высказываемого с действительностью.

В рекламном дискурсе необходимо различать устный и письменный дискурсы, организация которых имеет свои различия. В устном дискурсе разрешается большая лексическая и грамматическая вариативность, просодия занимает немаловажную роль. Многие явления, которые принадлежали к устному дискурсу, впоследствии входили в систему языка, фиксировались словарями и становились частью письменного дискурса.

Среди таковых можно назвать однословные предложения, использование эллиптических конструкций, различные нарушения порядка слов, что особо значимо для такого языка, как английский, где имеется фиксированный порядок слов. Данные явления могут быть поняты только на основе контекста, как собственно лингвистического, так и экстралингвистического [3, С. 98].

У рекламного дискурса есть свои особенности. В рекламном дискурсе помимо вербальных элементов присутствуют аудиовизуальные, которые воспринимаемые нами как единое с письменными или устными выражение. Данные элементы могут принадлежать к различным темам и не иметь четкой структуры. Тексты, в структурировании которых помимо вербальных средств используются иконические (рисунок, фотография), а также средства прочих семиотических кодов (таких, как цвет, шрифт), называются креолизованными. Их фактура состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык). Как правило, наличие невербальной составляющей воспринимается как неприменный атрибут полноценного рекламного текста [4, С. 100].

Когнитивная лингвистика — это ветвь лингвистического функционализма, который считает, что языковая форма создается благодаря функциям языка. Однако разные направления функционализма фокусируются на различных функциях — например, семантических ролях, связности текста, коммуникативных установках и т.д. Когнитивное направление функционализма особо распределяет роль когнитивных функций и предполагает, что остальные функции выводимы из них или сводимы к ним.

За последние годы появилось достаточно большое количество разрозненных когнитивных исследований в области дискурсивного анализа. С У.Чейфом связан подход к дискурсу, который можно назвать “информационный поток и сознание”. Когнитивные, культурные и языковые аспекты порождения повествования описывались в исследовании, в котором в методологию теоретической лингвистики были включены элементы эксперимента.

Чейф выделил центральный феномен, который контролирует использование языка — это сознание. Сознание фокусируется в каждый момент на каком-то фрагменте мира, и этот фокус постоянно перемещается. Сфокусированность сознания на некоторой информации означает, что данная информация активирована. Чейф придерживается троичной классификации состояний активации: активная информация, полуактивная и неактивная.

Чейф говорит о том, что фундаментальное эмпирическое наблюдение заключается в том, что устный дискурс порождается толчками, квантами.

Когнитивный образ предметно-референтной ситуации опирается на знания о предмете общения, связанном с ним предшествующем опыте и вероятностном прогнозировании. Не одна только предметно-референтная ситуация влияет на процесс диалогического взаимодействия и реализуется в дискурсе. В соответствии со значением самого этого слова — взаимодействии — предполагается наличие некоторой коммуникативной общности, диады, малой группы или большого социума, т. е. совокупного субъекта деятельности и общения.

Когнитивный образ ситуации взаимодействия в ее динамике (аспект коммуникативного контекста), являясь общим знанием, функционирует в качестве одного из главных условий успешного акта общения, производства и интерпретации диалогического дискурса, шире — совместной деятельности. Этот когнитивный образ содержит знания о конвенциях, нормах, ритуалах, ролях коммуникативной деятельности, о том, что Витгенштейн назвал «языковыми играми», и о том, что в этнографии коммуникации именуется «коммуникативными практиками» (*communicativepracticies*), играющими в акте общения роль intersубъективных, социокультурных факторов. Участвующая в речи информация социокультурного характера, как правило, организована в виде сценариев и моделей.

Прагматика (от греч. *pragma* — дело, действие) представляет собой широкую область лингвистики. Основная идея прагматики заключается в том, что язык может быть понят и объяснен только в широком контексте его использования, т.е. через его функционирование. Понятие функциональности является базовым в прагматическом подходе к языку, как в зарубежном, так и отечественном языкознании [2, С. 124].

Именно функциональный аспект подчеркивают в своих определениях прагматики Г.В.Колшанский и Н.Д.Арутюнова.

Прагматика изучает все те условия, при которых человек использует языковые знаки, при этом под условиями использования понимаются условия адекватного выбора и употребления языковых единиц с целью достижения конечной цели коммуникации — воздействия на партнеров в процессе их речевой деятельности.

Н.Д.Арутюнова относит прагматику к области «исследования в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи, включая комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации и с ситуацией общения» [2, С. 116].

Рекламный дискурс является «прагматическим дискурсом» на том основании, что в нем актуализируются определенные коммуникативные стратегии. Теория речевых актов (один из главных разделов лингвистической прагматики) связана, в первую очередь, с именем Дж.Остина, который привлек внимание к тому, что произнесение высказывания может представлять собой не только сообщение информации, но и другие действия (например, просьбу, совет, предупреждение). В рамках теории лингвистической философии Дж. Остина и Дж. Серля было предложено разграничение локуции (акта говорения), иллокуции (осуществления какого-то

акта в ходе говорения) и перлокуции (воздействия на чувства, мысли и действия других лиц и получение результата — преднамеренного/непреднамеренного эффектов воздействия) [6, С. 74].

При совершении речевого акта осуществляются одновременно два действия: собственно произнесение высказывания (локутивный акт) и иллокутивный акт, например, выражение просьбы и т.п. Иначе говоря, помимо передачи сообщения происходит реализация коммуникативного намерения говорящего.

Согласно Дж.Остину, высказывание может быть предназначено, кроме того, для осуществления того или иного воздействия на слушателя, т.е. иметь перлокутивный эффект.

Ряд вопросов, которые изучает прагматика, актуален и для рекламной деятельности, в частности, воздействие высказывания на адресата. Каждый рекламный текст рассчитан на определенный перлокутивный эффект. Прагматическая направленность любого рекламного текста заключается в необходимости побудить адресата к ответным действиям. Эффективность коммуникации посредством рекламы заключается именно в том, насколько удалось это воздействие [6, С. 74].

Н.Д.Арутюнова, обсуждая проблему фактора адресата в речевом акте, ставит прагматическое значение речевого акта в зависимости не только от говорящего субъекта, но и от речевой ситуации, а также в существенной мере от получателя. Именно согласованность параметров коммуникантов и обеспечивает правильное ведение коммуникации. Всякий акт рассчитан на определенную модель адресата [2, С. 108].

При этом роль получателя такова, что заставляет говорящего заботиться об организации своей речи.

Таким образом, широкое понимание прагматики охватывает комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации и с ситуацией общения. «Субъект и адресат как начальная и конечная точки коммуникативного акта, неизбежно входят в сущностную характеристику речевого произведения, они составляют органическое единство, не могут быть расчленимы, если не оговорить условную формулу какого-либо лингвистического приема исследования. Совокупность условий, определяющих формирование того или иного речевого произведения субъектом и соответствующее восприятие его адресатом, включающее условие адекватности речевого воздействия на коммуниканта, составляет неразрывную целостность и сущность самой коммуникации» [4, С. 139].

Понимая под прагматикой теорию речевого воздействия, мы отмечаем, что именно позитивная прагматическая направленность рекламного дискурса является тем фактором, который во многом обуславливает его специфику и оказывается решающим для формирования других отличительных черт печатной рекламы. Прагматическая ориентация текстов данного типа определяет логический и/или эмоциональный стержень высказывания, общую тональность дискурса, диктует отбор языковых и неязыковых средств и способ их подачи и организации.

Прагматические особенности занимают немалую роль в дискурсе социальной рекламы. В них входят речевые пресуппозиции, надстройка по ценностям, комплексные эквиваленты и мислевирусы.

Речевые пресуппозиции. Технология речевых пресуппозиций позволяет строить предложения, смещая фокус внимания с необходимых утверждений на детали так, что необходимые утверждения начинают подразумеваться, как само собой разумеющееся. Тогда эти утверждения принимаются клиентом как данность, не подлежащая сомнению, и выбор происходит уже внутри этой рамки. Простой пример: «*Think! Don't use your cell phone while drive, or you'll kill conversation*». Еще один пример: «*Sleep before driving or you will sleep forever*».

Прагматическая пресуппозиция является центральным элементом характеристики контекста рекламы. Во всяком высказывании можно выделить содержащееся в нем утверждение (эксплицитная информация) и пресуппозиции (имплицитная информация) — телефонные аспекты содержания высказывания, которые не подлежат сомнению. Пресуппозиции образуют условие осмысленности высказывания, так как касаются знаний и убеждений адресанта и адресата.

В РФ приемом речевых пресуппозиций пользуются довольно часто, так как адресант хочет передать частность сообщения социальной рекламы. Например: «*Зависимость 15 лет, 20 лет — зубной налет, язва — 30, импотенция — 40 лет, рак — 50 лет и смерть — 60 лет*». В данном случае в рекламном сообщении не упоминается, что курение убивает, а просто перечисляются факты жизни курильщика. «*Проглотил «Собачьё сердце» в 14 лет*». Данное рекламное сообщение современная молодежь поймет всерьез, хотя создатель имел в виду, что Илья Лагутенко прочитал книгу «Собачьё сердце» М.А.Булгакова.

Чтобы избежать недоразумения, предпочтительнее, чтобы участники одного и того же контекста разделяли одни и те же пресуппозиции. Пресуппозиции, разделенные собеседниками в ситуации лингвистической коммуникации, являются важными элементами контекста рекламы. Если адресату ничего не известно о каком-либо суждении, пресуппозиция оказывается несостоятельной. Эта несостоятельность не приводит к коммуникативной неудаче, более того, неразделенные пресуппозиции часто используются в рекламных коммуникационных моделях, где информация дифференцирована и подается поэтапно, провоцируя интерес к предмету рекламы.

Таким образом, в прагматической структуре рекламной коммуникации локутивный акт представлен двумя составляющими: утверждающим актом через эксплицитное дескриптивное и информирующее содержание и направляющим актом через аргументирующее и убеждающее воздействие. Причем, иллокутивный направляющий акт доминирует и завалирован утвердительно-оценочным актом. Рекламное сообщение

представляет собой сложный косвенный речевой акт, где имплицитная информация имеет ярко выраженную прагматическую функцию — воздействие на адресата.

Подстройка по ценностям. Простой и сильный прием. Базовые ценности целевой аудитории напрямую связываются с рекламируемым товаром, делая его «привилегированным». В брендах «*ChildFriendly*» и «*Family*», например, ценность заложена прямо в нем самом.

Для россиян существует множество ценностей, такие как «*Здоровый образ жизни*», «*Наш город — наш дом*», «*Семья*», «*Образованность*». Например: «*Читай книги — будь ЛИЧНОСТЬЮ*», «*У мусора есть дом*», «*Пьянство отрывает от семьи*», «*Папа, не уходи!*», «*Мы за настоящие эмоции*».

Создание комплексных эквивалентов. Комплексные эквиваленты — это объединенные друг с другом факты, но не имеющие четкой причинно-следственной связи, а соединенные предполагаемой (домысливаемой) логической связью. Например: *The Faster you go, the faster you arrive there... Choose life. Как это связано go, arrive с choose life?* Каждый найдет в этом свою логику, подтвердив тем самым мета-сообщение связи: допустим, чем быстрее ты едешь, тем быстрее попадешь на небеса, значит, ты выбрал неверный путь. В большинстве случаев мета-сообщение воспринимается на бессознательном уровне.

Создатели социальной рекламы в России довольно часто используют прием создания комплексных эквивалентов, потому что следует учитывать менталитет русского народа. Комплексные эквиваленты дают целевой аудитории подумать и прийти к своему решению. Например: «*Защити то, что тебе дорого*», «*Наркотикам три веселых буквы*», «*Минздрав России от предупреждений переходит к соболезнованиям*», «*Романтическое свидание...*», «*А еще говорят, что мы свиньи...*». Каждый человек домыслит данные примеры по своему в меру своей образованности и развращенности.

Создание «мыслевирусов». Мыслевирус — это информация, существующая в сознании людей по принципу вируса, т.е. хранящаяся в их памяти, выполняющая какую-либо функцию и автономно распространяющаяся между людьми за счет усилий самих же людей. Распространение происходит за счет наличия в мыслевирусе механизма мотивации: чем большую выгоду человек получает от передачи мыслевируса, тем сильнее эффект его распространения. Простыми мыслевирусами являются слухи, захватывающие идеи, мечты, анекдоты. Мотивацией их распространения для людей является обмен эмоциями в общении для создания интереса: «есть о чем рассказать». Сама идея о мыслевирусах тоже является мыслевирусом: «*Stopsmoking*», «*Drivecarefully*», «*Useseatbells*», «*Usecondoms*».

В современном российском обществе часто встречаются мыслевирусы в сообщении социальной рекламы, которые распространяются по сарафанному радио. Например: «*Хватит бухать!*», «*Бросай курить! Вставай на лыжи — здоровьем будешь не обижен*», «*Чистота города в наших руках*», «*Пейте пиво с юных лет! У дебилов — проблем нет!*», «*Сбрось скорость*», «*Скажи наркотикам нет*», «*Курение убивает*». Механизм распространения мыслевирусов в РФ хорошо развит и происходит за счет обмена эмоциями между людьми.

Таблица 1

Прагматические особенности дискурса США и РФ

Прагматические особенности	США	РФ
Речевые пресуппозиции	35,89%	15,78%
Мыслевирусы	30,12%	35,96%
Комплексные эквиваленты	18,58%	28,94%
Подстройка по ценностям	15,38%	19,29%

Изучив диаграмму прагматических особенностей дискурса социальной рекламы РФ и США видно, что российские рекламодатели большее внимание уделяют мыслевирусам, в это же время это место отводится речевым пресуппозициям. Второе место в российской рекламе отводится комплексным эквивалентам, а в США его занимают мыслевирусы. Третье место в российской рекламе отводится подстройкам по ценностям, в США его занимают комплексные эквиваленты. И четвертое место в рекламе РФ занимают речевые пресуппозиции, в США его занимает подстройка по ценностям.

Одна из главных причин неразвитости социальной рекламы — низкое качество технического и творческого исполнения, т.к. в России крайне мало специалистов по рекламе среди тех, кто занимается социальными маркетинговыми проектами. В конечном счете, все это отражается на результате.

На Западе социальная реклама уже давно является тем средством, которое действительно помогает решать сложные общественные проблемы. Широкайшая антитабачная кампания в США имела огромный успех. Утверждают, что столь высокий ее результат был достигнут после того, как в кампанию был введен слоган: «*Курят только бедные!*». Американцы вообще склонны к тому, чтобы использовать социальную рекламу в качестве основного коммуникационного инструмента. По крайней мере, именно с этим видом рекламы американское правительство связывает будущее своих отношений с гражданами США. Это становится заметно после того, как в США отреагировали на события 11 сентября и гибель шаттла «Колумбия».

После 11 сентября в Америке была запущена антинаркотическая кампания, где рекламные ролики сообщали аудитории: «Покупая наркотики, вы помогаете террористам».

Литература

1. Алешина И.В. Паблик Рилейшнз для менеджеров: Курс лекций. М., 2001.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс. М., 1990.
3. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. Миронова П.О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: диссер. канд. фил. наук: 10.02.01. Омск, 2003.
6. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
7. Панкратов Ф.Г., Баженов Ю.К., Серегина Т.К., Шахурин В.Г. Рекламная деятельность: Учебник для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

Г.В.Сильченко

г.Ишим

Ишимский государственный педагогический институт им. П.П.Ершова

СКАЗОЧНОЕ И БЫТОВОЕ В ПОВЕСТИ П.П.ЕРШОВА «ДЕДУШКИН КОЛПАК»

Прозаический цикл П.П.Ершова «Осенние вечера» был создан в начале 1850-х годов и представляет собой последнее крупное произведение данного автора. В.Г.Утков отмечает, что данный цикл — это «последняя вспышка литературного таланта Ершова, после которой уже погас его творческий огонь, и муза навсегда покинула автора «Конька-Горбунка»» [7, С. 119]. Данное утверждение достаточно категорично, но оно несомненно в том плане, что Ершов, действительно, больше не создаст произведение такого объема, настолько своеобразного в жанровой, структурной и тематической организации. В «Осенних вечерах» Ершов остается верен романтическому началу, что проявилось в содержательном и формальном плане повестей, автор следует литературной и фольклорной традиции: ряд повестей ориентированы на фантастическую, светскую разновидность повести, присутствует движение к жанру пасхального рассказа, другие следуют сказочной традиции или ориентированы на предания. Исследователи творчества Ершова отмечают, что «русский литературный романтизм успешно освоил специфику национального образного мышления» [1, С. 183]. Этим можно объяснить последовательное обращение Ершова к фольклорной поэтике на протяжении всего творчества. И.П.Лупанова отмечает, что «из всех рассказов цикла несомненными достоинствами обладают именно те, что соотносятся со сказочным жанром» [4, С. 45]. Подобной же точки зрения придерживается И.Ф.Платонова: «Наиболее художественно значительны в книге те рассказы, которые созданы под влиянием фольклорных традиций русских сказок и татарских исторических легенд» [5, С. 84]. Таким образом, использование сказочной традиции в цикле оценивается исследователями, как несомненное достоинство, а одним из произведений, в котором сказочные элементы заявлены достаточно четко, является повесть «Дедушкин колпак».

Данная история рассказывается Академиком в первый вечер, он рекомендует ее как «былину доброго старого времени». Построенная по контрасту с предыдущей повестью «Страшный лес», она содержит элементы сказочного начала, что присутствует уже в своеобразном зачине: «В некотором царстве, в некотором государстве, в Сибирском королевстве жил-был когда-то один купецкий сын по имени Иван Жемчужин» [2, С. 94]; ей свойственны юмористические моменты. В основе сюжета лежит история превращения купеческого сына Ивана Жемчужина, который по неопытности и молодости лет промотал родительское наследство в известного и уважаемого купца в городе. Благодаря своей находчивости и смекалки, а также помощи Якова Степановича Петрикова Иван через какое-то время стал заниматься сбытом пушнины и вскоре женился на Аннушке.

Исследователями отмечалось, что в данном произведении повествователем используется «форма волшебной сказки об Иванушке-дурачке» [3, С. 104]. Это можно проследить в развитии сюжета, отдельных образах. Например, Петриков может рассматриваться в качестве героя-дарителя, если следовать типологии героев волшебной сказки В.Я.Проппа. Иван встречается с ним случайно, в тот момент, когда не знает, как ему поступить дальше, а случайная встреча, как отмечает В.Я.Пропп — это «каноническая форма» появления дарителя [6, С. 213].

Дедушкин колпак, который Петриков дарит Ивану, может рассматриваться в качестве волшебного предмета, помогающего герою. Подобную характеристику дает ему и Петриков: «Коли хочешь о чем подумать, стоит только надеть этот колпак на голову и просидеть в нем час-другой, не думая более ни о чем, кроме своей думы. И скажу тебе — откуда мысли возьмутся!» [2, С. 407]. Пропп указывает, что количество и

разнообразие волшебных предметов в сказке почти неисчислимо, их можно разделить на группы, среди которых выделяются предметы одежды: рубашки, шапки, сапоги, пояса. То есть колпак может быть рассмотрен в качестве традиционного волшебного предмета, который герой пользуется в строго ограниченных целях.

Колпак помогает Ивану сосредоточиться на собственных мыслях, позволяет осознать всю неправильность предыдущей жизни, и в дальнейшем Жемчужин говорил, что именно «этот колпак научил его умному и был после Петрикова и Аннушки первой виной его счастья» [2, С. 417].

В сказочной традиции решено и имя главного персонажа, если в начале повести его называют только по имени — Иван (а в момент, когда Иван намеревался утопиться, Петриков называет его дураком), то по мере развития событий, становления характера он начинает именоваться Иван Петрович. В этом можно увидеть связь повести со сказкой Ершова «Конек-Горбунок», в которой также происходит смена социального статуса центрального персонажа. Таким образом, сказочное начало играет значительную роль в данном произведении.

Вместе с тем, в повести дается широкая картина сибирской жизни, особенно это касается показа купеческой среды, автор обращается к изображению быта Якова Степановича и хозяина лавки, где работает Иван, Поликарпа Ермолаича, дается описание их повседневных и торговых дел. Существенно расширена география повествования, помимо Тобольска автор показывает Обдорск и упоминает об Ирбите, что связано с деятельностью Ивана. Бытовизация повествования стала характерным явлением в литературе 40-х — 50-х годов XIX века, она была вызвана развитием «натуральной школы», однако Ершов относил себя к романтической традиции в литературе, что он неоднократно подчеркивал в письмах: «Я не враг анализа, но не люблю анатомии» [2, С. 566]. Это подчеркивает тот факт, что поэт интуитивно чувствовал новую эстетику и не отрицал ее значимость для развития литературы.

В подчеркнута романтических тонах в повести показаны особенности северной природы, это природа суровая, в которой человек предстает лишь маленьким существом, весьма зависимым от различных проявлений судьбы, ее прихотей: «И теперь еще в зимнее время из Березова в Обдорск ездят по указанию светил небесных, а тогда эта астрономическая беспутница начиналась гораздо ближе. Пыльни в аршин, суметы в сажень, недостаток корма, холода за 40, убийственные бураны, незнание языка инородцев, приятные встречи с волками и медведями, собачья езда и другие разные разности составляли не слишком веселую обстановку дороги» [2, С. 413].

Для данной повести характерно сказовое начало, которое отчетливо проступает в манере повествования Академика, он употребляет просторечия, слова и выражения, характерные для сибирской речи: «хозяйство его было — разлюли», «суметы» и т.д. Рассказчик часто сам задает вопросы, ориентируясь на предполагаемого слушателя, и отвечает на них, например: «А дедушкин колпак? — спросите вы. Колпак всегда хранился в шкапулке Жемчужина» [2, С. 417]. Он может свободно переходить от одного события к другому, так рассказав о том, как идут дела у Ивана во время покупки пушнины, он свободно переключается на рассказ о жизни Петриковых: «Теперь посмотрим, что делают Петриковы» [2, С. 414].

Таким образом, данная повесть органично сочетает в себе и романтически-сказочное, и бытовое начало. Сказочный элемент проявляется в наличии в произведении героев и образов, которые сопоставимы с типологией персонажей волшебной сказки, предложенной В.Я.Проппом, это герой (Иван Жемчужин), герой-даритель (Петриков), волшебный предмет (колпак). Бытовая составляющая связана с подробным описанием купеческой жизни Тобольска 30-х годов XIX века: автор упоминает о ярмарке в Ирбите, рассказывает, как происходит закупка и продажа пушнины, дает подробное описание повседневной жизни тобольского купечества, в какой-то мере идеализируя данный общественный класс. Являясь романтиком, Ершов создает универсальное повествование, в котором сказочное начало оттеняет бытовое, и наоборот.

Литература

1. Евсеев В.Н., Макашева С.Ж. «Сня казачки» П.П.Ершова (к вопросу о фольклоризме раннего творчества писателя) // От текста к контексту. 2013. № 1. С. 183—190.
2. Ершов П.П. Конек-Горбунок: избранные произведения и письма / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В.П.Зверева. М., 2005.
3. Калинина М.Ф., Лукошкова О.И. Жизнь и творчество Петра Павловича Ершова: семинарий: Научно-методич. пособие к спецкурсу и спецсеминару для студентов, учителей и преподавателей вузов. 3-е изд., переработ. Ишим, 2006.
4. Лупанова И.П. П.П.Ершов // Конек-Горбунок. Стихотворения / П.П.Ершов. Л., 1976. С. 5—52.
5. Платонова И.Ф. Тобольская проза Ершова // Ершовские чтения: Тез. докл. межвуз. конф., 22—24 нояб. 1990. Тобольск, 1990. С. 83—85.
6. Пропп В.Я. Русская сказка. М., 2000.
7. Утков В.Г. Гражданин Тобольска. О жизни и творчестве П.П.Ершова, автора сказки «Конек-Горбунок». Свердловск, 1979.

АНАЛИЗ ЭКСПЛИКАТОРОВ КОНЦЕПТА «РАЗЛУКА»

В данной статье наша задача — выявить ведущие текстовые смыслы, характеризующие концепт «Разлука» в поэзии Б.Ахмадулиной путем анализа парадигматических приращений лексем.

Нужно отметить, что ядерная лексема «разлука» особенно часто встречается в ранний период творчества поэтессы, так как по сравнению с последующими, наиболее широко представлены стихотворения, посвященные теме любви. Существует мнение, что у Б.А.Ахмадулиной «нет любовной лирики в общепринятом значении слова», что «...чаще всего она передает чувство любви не к конкретному человеку, а к людям вообще, к окружающему миру, друзьям, деревьям, собакам, зиме и так далее» [3, С. 255].

По отношению к раннему творчеству поэтессы данное утверждение оказывается неверным. Стихотворения «Мы расстанемся и одновременно...», «Твой дом...», «Нас одурачил нынешний сентябрь...», цикл «Сентябрь» и другие являются несомненными образцами любовной лирики и принадлежат к числу лучших произведений Б.А.Ахмадулиной [3, С. 255].

Поэтесса весьма сдержанно говорит о любви как страсти. Любовь понимается как душевное единение, общность судьбы. Интимная лирика Б.А.Ахмадулиной отмечена печатью страдания, горести, тихой печали. Средством выражения чувств лирических героев становятся предметы обстановки, образы «вещного» мира, пейзажные зарисовки [3, С. 255].

В стихотворении «Мы расстанемся и одновременно...» передано восприятие действительности лирической героиней после расставания с любимым человеком. Оно имеет два плана: реальный и метафорический, связанный со сферой человеческих чувств. К реальному плану относятся первые два и последние три слова стихотворения: «Мы расстанемся» и «по вине разлуки меня с тобой», которые образуют кольцевую композицию. Центральная часть стихотворения демонстрирует развернутый психологический параллелизм, где душевная драма лирической героини выражена через изменения в мире природы, а также в природном цветовом спектре [3, С. 256].

Для создания пейзажной зарисовки Б.А.Ахмадулина использует образы неразрывно связанные друг с другом (река и берега, небо и облака, правая и левая руки, широта и долгота); представляющие собой единое целое (иван-да-марья, белый цвет); следующие друг за другом (апрель и май) или антагонистичные (отлив и прилив). Все они, взятые в своем исконном, естественном состоянии, символизируют былую гармонию, единство, любовь. Происходящие с ними метаморфозы отражают процесс расставания: *Берегами брезгает река, охладевают к небу облака, кивает правой левая рука и ей надменно говорит: — Пока! Апрель уже не предвещает мая, и распадается иван-да-марья...* [2, С. 65].

Дисгармония наступает и в цветовом спектре природы: *«И белого не существует цвета — // остались семь его цветных сирот»*. [2, С. 65]. Белый цвет — символ гармонии. Семь цветов радуги, ставших автономными от него, — свидетельство ее утраты. Растение с названием «иван-да-марья» символизирует цельность прошлой жизни, былое единство героев. Иван-да-марья распадается на желтый и синий цвета, то есть две его составляющие становятся отдельными: Иван и Марья — как появившиеся самостоятельные части растения и как герои разыгравшейся любовной драмы. Б.А.Ахмадулина предстает здесь как художник с аналитическим типом мышления. Анализ выступает основным средством восприятия мира, который она расчленяет на малейшие составные части [3, С. 257].

Необычно употребление слова «разруха» по отношению к природе: *Природа подвергается разрухе, отливы превращаются в прибой, и молкнут звуки — по вине разлуки меня с тобой* [2, С. 65].

Оно необходимо для того, чтобы выразить чувство опустошенности, потери смысла жизни у лирических героев. Изображая противоположные изменения, происходящие в природе, автор подчеркивает абсурдность расставания.

Последняя композиционная часть, перекликающаяся с первой, возвращает к реальному миру. Она, так же, как и первая, отделяется от средней части при помощи тире. В конце вместо начального «мы» появляются местоимения «я» и «ты», становящиеся в данном контексте свидетельством разрыва и страдания. Таким образом, местоимения служат здесь основным средством выстраивания композиции. Их оппозиция включает в себе смысл произведения. Слово «разлука» выражает значение результата процесса, обозначенного словом «расстанемся», то есть каждый из героев остался сам по себе [3, С. 257].

Это стихотворение является показательным в отношении способов воплощения любовной тематики в ранней лирике Б.А.Ахмадулиной. В дальнейшем, обращаясь к проблеме взаимоотношений мужчины и женщины, автор все чаще говорит о дружбе. Поэзия дружеского чувства составляет сквозной мотив ее лирики. Поэтесса возводит дружеские чувства в ранг самых таинственных и сильных и переносит акцент в область личностного, глубоко духовного:

*Я подумала — скоро конец февралю —
и сказала вошедшему: "Радость! Люблю!
Хорошо, что меж нами не быть расставаньям!"*
(«Б.Окуджаве») [1, С. 246].

*Гостей неизбывных его обрекло на разруху.
Люблю всех, кто жив.
Только не расставаться давайте,
сквозь слезы смотреть
и низжайше дивиться друг другу.*
(«А.Вознесенскому») [1, С. 45].

*Как во мраке лица серебрился зрачок,
как был рус африканец и смугл россиянин?
Со мной с утра не расставался Дождь.
— О, отвяжись! — я говорила грубо.
Он отступал, но преданно и грустно
вновь шел за мной, как маленькая дочь.*
(«Евгению Евтушенко») [1, С. 189].

Итак, в результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в поэзии Б.Ахмадулиной концепт «Разлука» наиболее полно развертывается в теме «Любовь — Дружба», обретая психологическую сложность и выражая чувства и желания. В отношении к поэтической модальности отдельные значения данного концепта являются своеобразным оператором, маркируя пространство, время, сферу добра, морали, истины, религии и природы.

Нужно отметить, что ядерная лексема «разлука» используется в форме разных частей речи — «разлучаться», «неразлучный», «расставаться», «расставанье». Использование богатого ряда производных и синонимичных разлуке слов создает эффект глубокого внутреннего переживания героев.

Проведенный концептуальный анализ лексем семантической группы «Разлука» в текстах Б.Ахмадулиной позволил выделить основные признаки концепта «Разлука», свойственные для художественной картины мира поэтессы: 1. Намеренное/вынужденное действие; 2. Количество сторон равно двум; 3. Окончательный разрыв; 4. Отрицательное влияние на эмоционально-психологическое состояние; 5. Бесконфликтность расставания; 6. Причина расставания — отъезд, смерть.

Литература

1. Ахмадулина Б.А. Стихотворения. М., 1995.
2. Ахмадулина Б.А. Соч.: В 3 т. М., 1997. Т. 1: Стихотворения: 1954—1979. Переводы из грузинской поэзии. Рассказы.
3. Мустафин Р. Поиск алгоритма. Заметки о поэзии Беллы Ахмадулиной // Дружба народов. 1985. № 6. С. 245—257.

М.Б.Баликаева

г.Тюмень

ТюмГАСУ

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В соответствии с требованиями, предъявляемыми к уровню профессиональной подготовки специалистов технического профиля («Национальная доктрина инженерного образования в Российской Федерации», «Концепция модернизации российского образования до 2010 г.»), неотъемлемыми качествами инженера нового поколения являются самоорганизованность, высокий интеллект, профессиональная мобильность, ответственность за последствия собственной деятельности, готовность к межкультурному взаимодействию, стремление к саморазвитию, творческая интуиция [1].

Отдельным аспектам подготовки студентов технической специальности средствами гуманитарных дисциплин в инженерно-технических вузах (ТюмГАСУ, ТюмГНГУ и др.) уделяется много внимания в работах преподавателей этих вузов; так, в частности, работы С.Ж.Макашевой, В.Н.Евсеева посвящены особенностям преподавания гуманитарных дисциплин в учебных заведениях технической направленности [4; 2]. В методике преподавания иностранных языков в высшей технической школе в целях формирования профессиональной компетенции будущего специалиста технического профиля мы ориентируемся на разработки С.Г.Тер-Минасовой [5], Я.Е.Кузнецова [3].

Особенностью современной профессиональной деятельности становится актуализация языковой подготовки. Практическое владение иностранным языком, с одной стороны, способствует повышению уровня профессиональной компетенции специалиста, с другой стороны, предполагает умение осуществлять некоторые аспекты профессиональной деятельности: ознакомление с новыми технологиями и тенденциями в сфере своей будущей профессии; установление контактов с зарубежными фирмами, предпринимателями; ведение диалога с иноязычными коллегами. В связи с этим студентам высших технических учебных заведений необходимо приобрести такой уровень иноязычной профессиональной компетентности, который позволил бы им пользоваться иностранным языком в качестве дополнительного средства повышения своей квалификации, формирования профессиональной мобильности инженера.

На наш взгляд, важную роль в этом процессе играет иноязычное профессиональное самообразование, имеющее следующие характеристики: 1) иноязычное профессиональное самообразование заключается в его ярко выраженном познавательном характере, когда через язык присваивается профессиональный пласт культуры носителей языка; 2) возможностями иноязычного профессионального самообразования, которые оно представляет для развития профессионально важных качеств личности будущего инженера, таких как самостоятельность, самооценка, самоконтроль, гибкость, способность к кооперации и групповой работе, интеллектуальные способности, стремление к успеху, социальная компетентность; 3) иноязычное профессиональное самообразование формирует у будущих инженеров образ «себя» как представителя определенной профессии, разделяющего присущие ей ценности и установки, т.е. профессиональную «Я-концепцию», профессиональный менталитет, активную гражданскую позицию, уважительное отношение к духовным ценностям других стран и народов.

Изучение понятия иноязычного профессионального самообразования позволило сделать вывод, что все его компоненты следует рассматривать как взаимосвязанные части целого: иноязычное образование — как составляющую иноязычного профессионального самообразования, иноязычное профессиональное самообразование — как составляющую профессиональной подготовки будущих специалистов технического профиля, иноязычную компетентность — как составляющую профессиональной мобильности.

Иноязычное профессиональное самообразование студентов направлено на формирование профессиональной мобильности будущего инженера. Все это создает предпосылки для использования иностранного языка в работе по специальности по следующим направлениям: а) как источник информации, необходимой для непосредственной работы по профессии; б) как средство коммуникации с зарубежными партнерами; в) как инструмент переводческой деятельности в области специальности; г) как возможность осуществлять преподавательскую работу в области специальности на иностранном языке; д) как основы дальнейшего послевузовского образования, в том числе за рубежом.

В этой ситуации необходимо разрабатывать новые технологии обучения этому предмету, расширяющие профессиональные знания выпускников и их квалификационные возможности в рамках основной специальности.

В этих условиях современному обществу требуются уже не просто переводчики или люди со знанием иностранного языка, а гораздо шире — квалифицированные специалисты, способные к межкультурному общению.

Целью, разрабатываемой нами технологии развития иноязычного профессионального самообразования является формирование профессионально мобильной личности инженера.

Технология развития иноязычного профессионального самообразования будущего инженера основывается на следующих педагогических принципах:

1) принципе *целеполагания и осознанной перспективы*, который предопределяет мотивацию студентов, направленную на осознанное восприятие учебного материала. Реализация этого принципа предполагает: а) усвоение знаний и умений и навыков; б) формирование профессиональной компетентности, метапрофессиональных качеств и квалификаций; в) создание условий для раскрытия творческого потенциала в профессиональной деятельности; г) формирование определенного уровня профессиональной мобильности;

2) принципе *модульности*. Содержание учебной программы изучаемого курса разделено на модули, изучение которых ведется в соответствии со специально разработанным графиком.

Каждый модуль представляет собой логически завершенный блок учебного материала, направленный на развитие того или иного компонента иноязычного профессионального самообразования;

3) принципе *динамичности и оперативности*. В каждом модуле предусматривается соответствие объема учебного материала программе дисциплины при одновременной возможности изменения его содержания с учетом социального заказа, а также дальнейшим развитием науки и техники.

4) принципе *интеграции*. Становление инженера с широким научным кругозором и высоким уровнем профессиональной мобильности наиболее успешно решается при интегрированном подходе к образовательному процессу в вузе.

5) принципе *интенсификации*. Под «интенсификацией» процесса иноязычного профессионального самообразования будущих инженеров мы понимаем комплексную систему, интегрирующую многосторонние меры (социального, психологического, методического, организационного порядка), направленные на повышение эффективности процесса обучения в соответствии с поставленными целями и задачами.

6) принципе *проблемности*. Развитие иноязычного профессионального самообразования будущего инженера на основе проблемного подхода к усвоению гуманитарных знаний, в результате чего обеспечивается творческое отношение студентов к учению и к своей будущей профессии, вырабатывается творческое воображение, формируется способность открывать новые знания, развивать метапрофессиональные качества;

7) принципе *индивидуализации* обеспечивает возможность приспособления содержания обучения и путей его усвоения к индивидуальным потребностям студентов, позволяет вести педагогический учет дифференциально-психологических и профессиональных особенностей. При выполнении самостоятельной работы от студента требуется достаточно высокий уровень самосознания, рефлексивности, самодисциплины, личной ответственности и, если эта самостоятельность удовлетворяет студента, то у него появляются потребности самосовершенствования и самопознания, что говорит о его непосредственной готовности к осуществлению профессиональной мобильности;

8) принципе *коммуникативного подхода*. Профессиональная деятельность любого специалиста немыслима без общения. При таком обучении учитываются личностные и профессиональные характеристики (природные свойства, умения, опыт, контекст деятельности, чувства, эмоции, интересы, статус), создаются условия общения, возникает коммуникативная мотивация, целенаправленность говорения, формируются взаимоотношения;

9) принципе *личностно-деятельностного подхода*, что позволяет реализовать комплексную дидактическую цель, определяющую структуру и содержание рабочих программ дисциплин.

Рассмотренные принципы обучения ориентируют нас на разработку профессионально-интегрированной интенсивно-коммуникативной технологии развития иноязычного профессионального самообразования будущего инженера, включающей следующие структурные компоненты: целевой, содержательный, операционный, деятельностный, результативный.

Целевой компонент связан с четким определением целей разрабатываемой технологии обучения, с осознанием и принятием этих целей студентами. Целевые установки оказывают существенное влияние на обучаемых, создавая мотивационные ориентации, активизируют учебно-познавательную деятельность, обеспечивая эффективное усвоение программного материала.

Содержательный компонент представляет собой объем научных знаний, умений и навыков, а также мировоззренческих и гуманистических идей, которые должны освоить студенты в вузе для дальнейшей производственной деятельности, а также для развития у них определенных компетенций, необходимых для осуществления профессиональной мобильности.

Операционный компонент включает в себя, с одной стороны, методы и формы обучения, способствующие развитию иноязычного профессионального самообразования будущих инженеров, с другой, ресурсы, необходимые для реализации разрабатываемой технологии в процессе обучения: учебную и методическую литературу, средства ТСО и др.

Деятельностный компонент отражает процессуальную сущность обучения деятельности педагогов и обучаемых, их взаимодействие.

Результативный компонент отражает эффективность применения профессионально-интегрированной интенсивно-коммуникативной технологии развития иноязычного профессионального самообразования будущего инженера и характеризуется достигнутыми успехами в реализации поставленной цели.

Предлагаемая нами технология развития иноязычного профессионального самообразования реализует гуманитарный потенциал дисциплины «Иностранный язык», направленный на формирование профессионально мобильной личности инженера, который включает: 1) развивающий потенциал — может быть реализован в процессе выполнения всего комплекса разнообразных действий, производимых обучающимися при изучении иностранного языка; 2) образовательный потенциал — реализуется путем насыщения учебного процесса актуальной информацией, касающейся непосредственно самих языковых явлений, и сведениями о людях, образе жизни, профессиональной активности, традициях, истории и культуры страны изучаемого языка.

Литература

1. ГОС ВПО (Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования) // Российское образование: федерал, портал. URL: <http://www.edu.ru>.
2. Евсеев В.Н. Ишимские иконописные мастерские: к изучению темы «Иконопись» в курсе «Культурология» // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин: сб. научно-метод. ст. и тезисов / Отв. ред. В.Н.Евсеев. Тюмень, 2003. С. 136—138.
3. Кузнецов Я.Е. Профессионально-языковая компетентность как фактор успешности учебной деятельности студентов технического вуза: Дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2005.
4. Макашева С.Ж. Русская литература в современном образовательном процессе: статья // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: материалы III Всероссийской научно-метод. конф. с международным участием (г. Санкт-Петербург, 26—28 окт. 2011 г.) / Гл. ред. В.С.Литвиненко. СПб., 2011. С. 183—185. Т. 193).
5. Тер-Минасова С. Г. Что мешает повышению качества преподавания иностранных языков как средства общения между профессионалами? // Критерии качества в преподавании иностранных языков в неязыковых вузах: Тез. докл. и выступлений Всерос. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 4—6 апреля 2006 г.). СПб., 2006. С. 4.

Н.Н.Калашник
г.Нижневартовск

СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

*«Образованный человек должен уметь
создавать собственный опыт»*

АЛГОРИТМ проведения мастерской построения знаний

Первый этап

Цель: Формирование информационного голода, запроса.

1. Слово мастера

Используя технологию проблемного обучения, мы можем провести проблемное изложение темы или проблемную эвристическую беседу для создания проблемной ситуации и определения задачи. С выходом на определение цели и задачи мастерской.

2. Индуктор (индукция — способ рассуждения от частных фактов к общим выводам) — первое задание, мотивирующее дальнейшую деятельность участников. Во-первых, задание должно актуализировать личный опыт участников, связанный, так или иначе, со смыслом дальнейшей деятельности. Во-вторых, задание должно предоставить выбор, что создает интерес, иногда раздражение.

3. Создание творческого продукта обычно основано на деконструкции и реконструкции. Разрушение, разъединение, а затем из полученных разрозненных частей создание нового представления, знания, которое надо предъявить всем участникам мастерской.

4. Социализация, т.е. предъявление созданного продукта всем участникам (выставка рисунков, выступление т.д.) Социализация позволяет понять направление, способы деятельности других участников, соотнести результаты, оценить идеи и гипотезы.

5. Промежуточная рефлексия и самокоррекция деятельности.

Второй этап

Цель: Формирование новых знаний.

1. Обращение к новой информации, и ее обработка.

2. Корректировка творческого продукта или создание нового варианта версии. Групповая или индивидуальная работа.
3. Социализация.
4. Общая рефлексия и выход на новую систему проблем.

По завершению ролевой игры или социализации творческого продукта участникам мастерской предлагается в группах рассказать о своих мыслях и ощущениях, вызванных пережитым в процессе работы.

Тема: Создание условий для развития критического мышления.

Цель:

1. Совершенствование профессиональной компетенции и творческой активности учителя, через организацию совместной деятельности по освоению технологии ТРКМ.

2. Развитие ассоциативного мышления; способности и умений сравнивать, анализировать, оценивать при освоении способов действия по технике ТРКМ «таксономия».

Первый этап

Цель: Формирование информационного голода, запроса.

Мастерская начинается с организации пространства и объединения участников в группы, выполняя задание «составить мудрое высказывание».

— «Каждый получает столько информации, в течение всего дня, что теряется здравый смысл». Гертруда Стайн.

— «Мы тонем в информации, в то время когда голодаем по мудрости». И.О.Вилсон.

— «Где Жизнь, которую мы потеряли в жизни? Где мудрость, которую мы потеряли в знании? Где знание, которое мы потеряли в информации?» Т.С.Элиот

Вступительное слово мастера:

Развитие критического мышления в первую очередь направлено на работу с информацией, поток которой непрерывно растет, и не просто уметь понимать, анализировать, принимать или не соглашаться с ней, но и САМОЕ главное уметь УПРАВЛЯТЬ информацией!

Индуктор.

Цель: Мотивировать дальнейшую деятельность и актуализировать личный опыт участников.

Стадия «Вызов» технологии ТРКМ.

— Уважаемые коллеги, “Thinking is driven by questions, not answers”, (Richard Paul. «Foundation for Critical Thinking»), Ричард Пол, в своей работе: «Основы критического мышления выразил следующую мысль: «Мышление движется вопросами, а не ответами».

— Согласны Вы или не согласны с этим утверждением, прошу аргументировать свой ответ.

Вот как ответил один из моих учеников, выполняя это задание: «Дайте мне текст, и я буду задавать вопросы».

— Что бы Вы ответили ему?

— Целеполагание: задайте, как можно больше вопросов, на которые вы бы хотели получить ответы по ТРКМ. (работа в группах).

Создание творческого продукта.

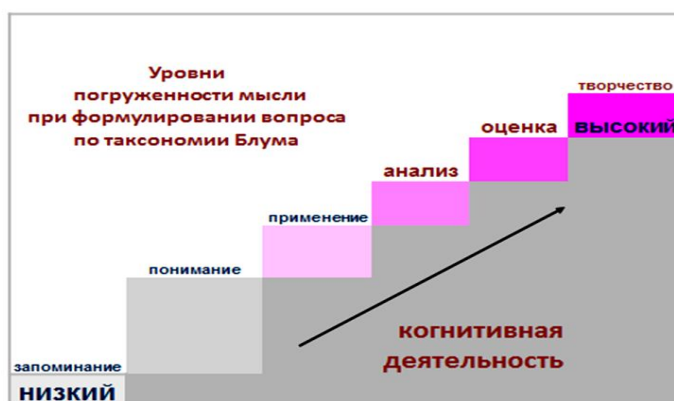
— Уважаемые коллеги, классифицируйте свои вопросы, используя любую классификацию, имеющую в Вашем педагогическом арсенале, или так, как вы считаете приемлемым.

Участникам предлагается классифицировать вопросы, создание знания, которое надо продемонстрировать участникам.

— Уважаемые коллеги, посмотрите на слайд и определите, на каком уровне погруженности мысли, Вы находились при формулировании вопросов, используя технику таксономии Блума.

Социализация, т.е. предъявление созданного продукта всем участникам

Участники мастерской кратко комментируют составленные вопросы и распределяют их по уровням таксономии.

Промежуточная рефлексия и самокоррекция деятельности.

— Уважаемые коллеги, сравните свой продукт, с продуктом других групп и оцените работу коллег, ответив на вопрос «Какие идеи я смогу использовать в своей практике?»

Второй этап

Цель: Формирование новых знаний.

Обращение к новой информации, и ее обработка.

Слово мастера:

Составляющие критическое мышление:

1. КМ есть мышление самостоятельное

Мышление может быть критическим тогда, когда носит индивидуальный характер. Можно выработать свою точку зрения, а можно согласиться с чужой.

2. Информация является отправным пунктом КМ.

«Трудно думать с пустой головой».

3. КМ начинается с уяснения проблем.

Главный вопрос по поводу ситуации или явления, есть вопрос о том, какого рода проблемы это явление порождает. «Жить — значит иметь проблемы, а решать их — значит расти интеллектуально»

4. КМ стремится к убедительной аргументации.

Умеет доказать, что выбранное решение логичнее и рациональнее прочих.

5. КМ есть мышление социальное.

Всякая мысль проверяется и оттачивается, когда ею делятся с другими.

Критическое мышление:

— это способность ставить новые вопросы,

— вырабатывать разнообразные аргументы,

— принимать независимые продуманные решения.

Цель технологии: обеспечить развитие критического мышления посредством интерактивного включения обучающихся в образовательный процесс.

Фазы образовательной технологии:

1. 1 стадия: ВЫЗОВ :

— актуализация имеющихся знаний;

— пробуждение интереса к получению новой информации;

— постановка собственных целей обучения.

2. 2 стадия: ОСМЫСЛЕНИЕ (реализация смысла):

- получение новой информации;
- корректировка поставленных целей обучения.

3. 3 стадия: РЕФЛЕКСИЯ:

- размышление, рождение нового знания;
- постановка новых целей обучения Таксономия.

Вопросы разных типов выполняют разные задачи.

Искусство задавания вопросов является очень важным:

* Оно поощряет самостоятельный поиск ответов, а также побуждает школьников задавать свои собственные вопросы

* Школьники с большей вероятностью станут заниматься самостоятельно, потому что им интересен поиск ответов на задаваемые вопросы

* Школьники видят взаимосвязи между изучаемым школьным предметом и реальным миром — это может изменить их взгляд на сам процесс обучения

Обработка новой информации.

— Уважаемые коллеги, на какие глаголы мы можем опираться при составлении вопросов и соответственно составлять задания для ответов на наши вопросы?

— Распределите глаголы по уровням таксономии. По окончании выполнения задания предлагается сверить правильность результата по ключу.

прикреплять ярлык Завершать делать суждение	экзаменовать представлять переводить	делать дизайн отдавать предпочтение иллюстрировать	классифицировать предсказывать соотносить
---	--	---	---

творчество	
оценка	
анализ	
применение	
понимание	
запоминание	

	Возможный вариант
творчество	представлять, делать дизайн
оценка	сделать суждение, отдавать предпочтение
анализ	экзаменовать, классифицировать
применение	завершать, иллюстрировать
понимание	переводить, предсказывать
запоминание	прикреплять ярлык, соотносить

2.2. Выполнение творческого задания «Апельсин». Работа в группах

- Классифицируйте глаголы и заполните все уровни таксономии.
- Поделитесь с участниками других групп, каким способом ваша группа решила выполнить задание.
- Определите, чей способ является самым эффективным.

2.3. Стадия 2 «Осмысление» по ТРКМ, задание «Опиши, проанализируй, оцени».

«Информация — это не знание». Альберт Эйнштейн.

«Даже если мы дадим родителям всю необходимую им информацию, улучшим школьное питание, построим новые современные супермаркеты на каждом углу, все это не будет иметь смысла, если семья, зайдя в ресторан, не может сделать здоровый выбор». Мишель Обама.

Просмотр видеоролика «благословение животных» или работа с фотографией, выполнение задания в группах.

3. *Корректировка творческого продукта или создание нового варианта версии.*– Впишите в таблицу свои вопросы и добавьте недостающие.

Групповая или индивидуальная работа. Участники вписывают свои вопросы и составляют вопросы тех уровней, которые не были сделаны.

помнить			понимать		
<i>Полезные глаголы</i>	<i>Образцы вопросов</i>	<i>Возможная деятельность и продукт</i>	<i>Полезные глаголы</i>	<i>Образцы вопросов</i>	<i>Возможная деятельность и продукт</i>
Расскажи, составь список, Опиши, Соотнеси, Расположи, Напиши, Найди, Сформулируй, назови	Что..? Где..? Когда...? Чтослучилосьпосле...? Сколько...? Можешь ли назвать имена...? Опиши, что случилось...? Кто разговаривал с..? Найди значение... Что верно и что неверно...? Можешь ли ты сказать почему...?	Составь список основных событий. Составь описание фактов... Напиши все, что помнишь о... Перескажи...	Объясни, обобщи, интерпретируй изложи вкратце, приведи примеры, обсуди распознай по характерному признаку, спрогнозируй, сформулируй иначе, преобразуй, переведи, сравни, нарисуйте схему	Сможешь ли ты рассказать своими словами... Что может произойти дальше...? Кто, как ты думаешь,...? Какая основная мысль? Кто основные герои...? Можешь ли ты отличить ...? В чем разница между...? Приведи пример того, что ты думаешь...? Что означает...? Что является определением... Сможешь ли ты описать...? Сможешь ли ты составить карту?	Объясни факты, правила, принципы; Нарисуй картину, демонстрирующую... Напиши пьесу, основанную на последовательности событий. Перескажи своими словами. Напиши обзор событий. преобразуй словесный материал в математические выражения; предположительно опиши будущие последствия, вытекающие из имеющихся данных.
применять			анализировать		
<i>Полезные глаголы</i>	<i>Образцы вопросов</i>	<i>Возможная деятельность и продукт</i>	<i>Полезные глаголы</i>	<i>Образцы вопросов</i>	<i>Возможная деятельность и продукт</i>
Выстраивать, воссоздавать, конструировать, моделировать предсказывать, Отредактировать	Что могло бы произойти если...? Знаешь ли ты примеры...? Могло бы это случиться в...? Можешь ли ты сгруппировать по характерным признакам...? Что бы ты изменил...? Мог бы ты применить данный метод в своей практике? Какие вопросы ты бы задал...? Смог бы ты составить инструкцию...?	примени законы, теории в конкретных практических ситуациях; используй понятия и принципы в новых ситуациях. Сконструируй модель и покажи, как она работает. Создайдиораму важныхсобытий. Сделай коллекцию фото, демонстрирующую определенное событие. Создай игру пазл, по событиям. Одень куклу в национальный костюм.	Сравнить/противопоставить, разбить, выделить, отобразить, разграничить группировать, обобщить, реконструировать, прорекламируй, объясни	Какие вещи ты бы использовал...? Какими иными способами можно было бы...? Какие вещи схожи/ различны? Что могло бы произойти в реальной жизни? Что за человек...? Что послужило причиной для такого действия? Какие события могли бы произойти? Если бы это произошло, какие были бы последствия? Какая основная мысль...?	вычлени части целого; выяви взаимосвязь между ними; определи принципы организации целого; найди ошибки и упущения в логике рассуждения; найди различие между фактами и следствиями; оценизначимость данных; разработай вопросник для сбора информации; напиши рекламу для продажи; проведи исследование; создай графическую иллюстрацию.

	<p>Может ли данная информация быть полезной если...? Сделал ли бы ты тоже самое...? Если бы ты был на месте событий, ты бы...? Как бы ты решил проблему...?</p>	<p>Напиши текст для... Найди информацию о...</p>		<p>Какие могут быть другие пути решения проблемы? Почему это произошло? Можешь ли ты сравнить с...? Какие мотивы послужили этому событию...? Что стало поворотным пунктом?</p>	<p>Нарисуй семейное дерево; напиши биографию... приготовь сообщение по теме.</p>
оценивать			создавать		
<i>Полезные глаголы</i>	<i>Образцы вопросов</i>	<i>Возможная деятельность и продукт</i>	<i>Полезные глаголы</i>	<i>Образцы вопросов</i>	<i>Возможная деятельность и продукт</i>
<p>Оценивать, критиковать, судить, оправдывать, оспаривать, поддерживать Отметить противоречие отвергать</p>	<p>Ты бы порекомендовал...? Почему да, почему нет? Выбери самые важные... Почему это самое важное? Что произойдет и почему? Расставь в порядке значимости. С каким героем ты бы захотел встретиться и почему? Понравилось, почему? Не понравилось, почему? В чем значимость...? Определи свою позицию...? Как бы ты поступил? Какие изменения ты бы предложил? Веришь ли ты? Как бы ты себя чувствовал если...? Насколько эффективно...? Что ты думаешь о...?</p>	<p>оценивает логику построения письменного текста; оценивает соответствие выводов имеющимся данным; оценивает значимость того или иного продукта деятельности. Составь критерии для оценивания... Определи приоритеты... Проведи дебаты. Составь буклет с 5 основными правилами. Убеди других в... Напиши письмо, рекламирующее, дающее совет...</p>	<p>предложите разработайте создайте придумайте изобретите сформулируй</p>	<p>Что было бы если...? Представь что ты...? Сможешь ли ты добавить новый пункт... Почему бы не написать песню о...? Можешь ли ты предложить решение проблемы? Если бы ты имел доступ к ресурсам, как бы ты их использовал? Почему бы не определить свой собственный путь...? Сколько способов решения этой проблемы...? Можешь ли ты создать новые способы использования...? Сможешь ли ты создать новый рецепт...? Сможешь ли ты сделать предложение, которое...?</p>	<p>Изобрети машину... Сделай дизайн здания... Создай новый продукт и про-рекламируй его. Опиши свои чувства по поводу... Разработай ТВ шоу... Сделайте дизайн обложки. Придумайте новый код языка и зашифруйте послание. Продайте идею. Сочините новый ритм или наложите новые слова на известную мелодию, Используя, воображение нарисуй... Составь другой конец рассказа.</p>

4. *Социализация.* Представление нового продукта участникам мастерской.

Каждая группа заполняет по 2 уровня таксономии, составляя вопросы и возможные действия учащихся по созданию продукта.

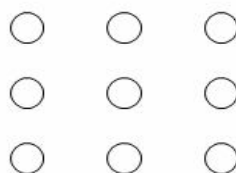
5. *Общая рефлексия.* Стадия «РЕФЛЕКСИИ» по ТРКМ и выход на новую систему проблем.

5.1. — Уважаемые коллеги, сравните свой продукт, с продуктом других групп и оцените работу коллег, ответив на вопрос «Какие идеи я смогу использовать в своей практике?»

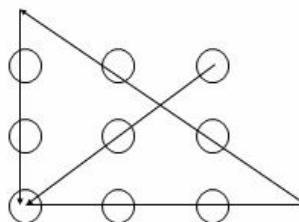
5.2 — И, в заключении в качестве выхода на новую систему проблем, прошу Вас выполнить следующее задание в группе: «Не отрывая руки начертить 4 линии, соединяющие 9 точек».

Задание заставляет мышление выйти за ограничивающие мышление рамки.

**Не отрывая карандаша от бумаги,
соедините четырьмя прямыми
линиями все девять точек.**

**Вы могли предположить, что при решении задачи
нужно оставаться в рамках заданной фигуры.
Решение заключается в том, чтобы выйти за ее
пределы и сломать границы.**

Общая рефлексия по результатам проведения мастерской.

АМО «Воздушные шары»

Синий — ожидания

Красный — опасения

Желтый — комментарий

Зеленый — пожелание

Сиреневый — предложение

Желаю Вам творческих успехов в реализации своих идей и воспитании поколения детей с развитым самостоятельным творческим мышлением!

«We need people who can be innovative, who can think differently».

«Нам нужны люди, которые могут быть инновационными, и которые могут мыслить по-другому».

Литература

1. Орлова О.В. История отечества 20 века. 10—11 класс. Методическое пособие. СПб., 2003.
 2. URL: www.italldepends.wikispaces.com
 3. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=L-Lhq0TKi0s>
 4. Blooming orange: Bloom's taxonomy helpful verbs poster
 5. URL: www.henryclayschool.com/.../bloomtaxonomy
 6. Bloom's Taxonomy: Prompts for Generating Questions
 7. Questions and Activities Aligned with Bloom's Taxonomy
 8. Презентация: «Развитие критического мышления, как образовательная технология в работе методиста».
- Н.В.Еговкина ИМО Сарапульского района
9. Презентация «Воздушные шары от модераторов». URL: www.moi-universitet.ru

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ СКАЗКАХ

Окружающий мир, природные объекты и явления совершенно естественно всегда входили в культурный мир людей. Деревья относятся к универсальным архетипическим образам, находящим свое отражение в подсознании каждого индивида, независимо от его предыдущего опыта. И это не случайно, так как именно деревья являлись центральным пунктом большинства древнейших религий и верований. Так, например, в германо-скандинавской мифологии священным древом считался ясень Иггдрасиль, в виде которого скандинавы представляли себе Вселенную.

Мировое дерево — характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Оно помещается в сакральном центре мира и занимает вертикальное положение. Оно является доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию пространства. При членении мирового древа по вертикали выделяются нижняя (корни), средняя (ствол) и верхняя (ветви) части. По вертикали обнаруживаются оппозиции (верх-низ, небо-земля, земля-подземный мир, огонь (сухое) — влага (мокрое) и другие), с достаточной полнотой и точностью идентифицирующие мифологические персонажи и мир, в котором они действуют. Особая роль мирового древа для мифопоэтической эпохи определяется, в частности, тем, что оно выступает как связующее звено между вселенной и человеком и является местом их пересечения.

Согласно «Сравнительному словарю мифологической символики в индоевропейских языках» М.М.Маковского, дерево в древности считалось вместилищем душ или духов (добрых или злых). Таким образом, значение «дерево» могло соотноситься со значением «загробный мир»: русск. *дуб*, но валл. *dwfn* «загробный мир» «бездна». Помимо этого оно могло символизировать Вселенную или соотноситься с понятием «середина» (Мировое дерево стояло посередине Мироздания). Понятие «дерево» могло соотноситься со значением «чудо, волшебство»: русск. *береза*, латыш. *brinums* «чудо», латыш. *kuoks* «дерево», но нем. *Hexerei* «волшебство».

Представляется интересным рассмотреть образ дерева и его актуализацию в таком жанре народного творчества как сказка. Согласно А.Н.Афанасьеву, «сказки — это свидетельства о древних верованиях; предмет их повествования — не человек, а разнообразные явления всей обоготворенной природы» [2, С. 464]. Сказки подчинены требованиям народной фантазии, согласуются с преданиями и поверьями. Как в немецкой, так и в русской сказках герой или героиня непременно попадают в лес. Герой сказки всегда оказывается в лесу. Этот лес никогда ближе не описывается. Наиболее часто встречающиеся эпитеты по отношению к лесу в немецких сказках — *großer, dunkler, wilder, dicker, finster, schwarzer Wald*, в русских — дремучий, темный, непроходимый, густой лес. Согласно В.Я.Пропцу здесь прослеживается «связь сказочного леса с тем лесом, который фигурирует в обрядах инициации» [2, С. 150]. Обряд посвящения производился всегда именно в лесу. Это — постоянная, непреходящая, универсальная его черта.

Лес в сказке играет роль задерживающей преграды. Лес, в который попадает герой, непроницаем. «Это своего рода сеть, улавливающая пришельцев. Такая функция сказочного леса ясна в другом мотиве — в бросании гребешка, который превращается в лес и задерживает преследователя» [2, С. 150].

Наиболее распространенными объектами поклонения людей из системы живой природы являлись разные виды древесной растительности, независимо от того, в какой природной зоне обитал человек: священными считались деревья, рощицы, а то и целые массивы лесов практически у всех народов мира.

Проведя сопоставление описаний леса в немецкой и русской сказке, было установлено, что наиболее высокой частотностью в немецкой сказке отмечаются такие названия деревьев, как дуб (*Eiche, Eichbaum*) и яблоня (*Apfelbaum*). Относительно русской сказки было отмечено наиболее частое упоминание таких видов деревьев как береза, дуб и яблоня.

Дуб является одним из почитаемых деревьев как в славянском, так и в германском дендрарии. Дуб с древнейших времен воспринимался как культовое дерево, служил местом совершения языческих и христианских обрядов. Как германцы, так и славяне, например, как отмечает А.Н.Афанасьев, следуя примеру богов, собиравшихся решать судьбы человечества под всемирным деревом, творили суд под старыми дубами. «Как соберутся судить и рядить о самых важных делах — идут в глубину леса — в такую чащу, куда бы не мог дойти луч солнца» [3, С. 400].

Существовал строгий запрет рубить священные дубы, нарушение грозило серьезными неприятностями, можно было лишиться здоровья, сил, и самой жизни («*вот как повыдерну все дубы с корнями — тотчас и смерть моя*» [1, С. 60]). Дубы считались местом обитания мифологических персонажей, «пограничьем между миром „своих“, миром живых и миром „чужим“, миром потусторонним» [4, С. 308]. В фольклоре дубу приписываются положительные значения. Как мировое дерево дуб связан с рождением и со смертью. Дуб связан с мужской символикой, выступает символом мужского начала, в то время как береза — женского.

Так согласно германской мифологии, женщина, желая родить мальчика, подходила к дубу и говорила некое заклинание.

В немецких сказках дуб характеризуется через такие эпитеты как могучий, огромный (*mächtig*), большой (*groß*), толстый (*dick*), высокий (*hoch*), старый (*alt*). Например: Dann sprach seine Mutter zu ihm: «*Gehe hin und reiße die dickste Eiche aus und stelle sie auf die Spitze*» (Der starke Hans). *Einer hielt um den andern Wacht, saß auf der höchsten Eiche und schaute nach dem Turm* (Die zwölf Brüder). Причем данные прилагательные практически всегда употребляются в превосходной степени. В русских сказках — дуб *старый, вековой, веший*.

Яблоня — дерево с древнейшей мифологической и магической историей. Оно считается символом жизни и любви, плодородия и женского начала.

Круглое по форме яблоко является одним из важнейших символов Земли, совершенства и власти. Так в сказке «Госпожа Метелица» (Frau Holle) яблоня в садах могущественной волшебницы кричит девушке и требует того, чтобы ее обтрясли: «*Ach, schüttelmich, schüttelmich, wir Äpfel sind alle miteinander reif*». С другой стороны данный пример как нельзя лучше иллюстрирует процесс как духовного, так и полового созревания героини, что передается семантикой слова «reif». В словаре Дудена находим следующее определение: «*erwachsen, durch Lebenserfahrung innerlich festigt*» (пер.: взрослый, морально закаленный жизненным опытом).

Яблоко было посвящено и греческой богине любви и красоты Афродите, которой в римской мифологии соответствовала Венера. В германской мифологии богиней-хранительницей чудесных молодильных яблок была Идунн. Данные представления находят отражение в том, что красота героини сказки иногда сравнивается с прелестью цветущей яблони: «*Ihre Wangenschimmer teninsanfter Röte wie die Apfelblüte*»; «*Sie war so weiß wie Schnee, so rot wie Apfelblüte*». Еще большее распространение в сказках получила ассоциация дерева жизни с яблоней: «*Wir hörten, dass du den goldenen Apfel suchtest, so sind wir über das Meer geflogen bis ans Ende der Welt, wo der Baum des Lebens steht, und haben dir den Apfel geholt*»; «*Da stand mitten inne der Baum des Lebens, und die roten Äpfel leuchteten an den listen*». Божественная коннотация яблок предположительно выражается через лексемы: золотой (*gold*), что означает нечто ценное (*wertvolles, rötlichgelbglänzendes Edelmetall* у Дудена); прекрасный (*schön*); красный (*rot*), что часто выступает синонимом к слову прекрасный.

С другой стороны яблоко часто использовалось в пентаграммах как символ черной магии и Преисподней. В сказке «Белоснежка» (Schneewittchen) королева угощает девушку отравленным яблоком, которое становится причиной ее временной смерти: «*Sie macht eda einen giftigen, giftigen Apfel. Äußerlich sah er schön aus, weiß mit roten Backen, aber wer ein Stückchen davon aß, der mußte sterben*». То есть лексемы, передающие смерть, — это прилагательное отравленный (*giftig*) и глагол умереть (*sterben*). О магических свойствах яблока свидетельствует явный контраст между его внешней оболочкой (прекрасное — *schön*) и той функцией, которую оно несет (плод смерти — *wer ihn isst, der muss sterben*).

Одно из наиболее почитаемых у славян деревьев — береза. В народной традиции береза может выступать как «счастливое» дерево, оберегающее от зла, и как вредоносное, связанное с женскими демонами и душами умерших. На Русском Севере место, где когда-то росли березы, признавалось несчастливым, на нем не ставили новый дом. Вместе с тем во многих местах березу специально сажали рядом с домом для благополучия семьи, по случаю рождения ребенка, для защиты от молнии, для отпугивания зла и т.п.

Женская символика березы проявляется в обрядах лечения детских болезней: например, веря в магическое исцеление, девочек носили к березе, а мальчиков — к дубу. В обрядовых приговорах при сватовстве береза и дуб выступали как символы невесты и жениха.

Связь березы с нечистой силой и душами умерших тоже указывает на женскую символику. О русалках говорили, что они «с березы спускаются» или «на березах качаются».

Береза в русских сказках обозначается через такие эпитеты как *белая, стройная*, с ней связан зачастую глагол *стегать*.

Таким образом, как в немецких, так и в русских сказках лес обладает универсальными свойствами задерживающей преграды, является частью оппозиции *дом — лес* и одновременно реализует оппозицию *свой — чужой*. Дуб в немецких и русских сказках представляет собой границу между миром живых и мертвых, связующее звено между небом и земным миром, символизирует силу и крепость, твердость и негибимость, мудрость. Береза, наиболее частотный растительный образ в русских сказках, представляет собой символ женского начала, может обладать как положительной, так и отрицательной коннотацией. Все эти растительные образы дерево присутствуют в сказках, но в немецкой сказке доминантой выступает дуб, отражающий преобладание мужского в культуре. В русской сказке доминантой является береза, что отражает преобладание женского элемента в русской культуре.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. М., 1957.
2. Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. М., 1982.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1995.

4. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
5. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1984.
6. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / Г.Н.Шелогурова. М., 2000.
8. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Düsseldorf; Köln, 1962.

Е.В.Мелехина

г.Нижневартонск

Нижневартонский государственный университет

РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ЧТЕНИЯ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

*Все, что мы знаем о нашем обществе и о мире, в котором живем,
мы узнаем из средств массовой информации.
(Никас Луманн, журнал «Spiegel» 41/1996)*

Знание социальных особенностей и различий, культуры сообщества является составной частью общих знаний о мире. На наш взгляд социокультурным знаниям в обучении иностранному языку следует уделять особое внимание, поскольку такие знания могут являться для обучающегося принципиально новыми, и незнание их может затруднить или сделать невозможной коммуникацию с носителем языка. В этом случае использование средств массовой коммуникации, а именно медийных текстов будет способствовать формированию и развитию межкультурных навыков и умений, способности соотносить собственную и иноязычную культуру, воспринимать различные культуры, уметь преодолевать сформировавшиеся стереотипы и гибко использовать разнообразные стратегии для установления и поддержания контакта с представителями иных культур.

В последнее время медийные тексты в обучении иностранному языку приобретают особое значение, а именно служат повышению мотивации обучающихся, способствуют коммуникации на основе аутентичного языкового материала и знакомят с миром носителя языка, с социокультурным аспектом, обязательным при изучении любого иностранного языка.

Понятие «медийный текст» служит обозначением для целой категории не литературных текстов, а скорее прагматических и информативных. Автор медийного текста излагает (описывает) событие, либо сам создает текст как стимул к размышлению.

Коммуникация медийных текстов является на сегодня самой распространенной массовой коммуникацией между людьми. В большинстве случаев эта коммуникация протекает одностороннее, где автор со своим текстом обращается к незнакомой публике.

В последнее время медийные тексты все чаще стали использоваться на занятии по изучению иностранного языка, как во время аудиторной работы, так и в качестве самостоятельной, при подготовке к занятию, что, несомненно, способствует эффективности учебного процесса. Наряду с развитием лингвистической компетенции обучающихся развивается их социокультурная компетенция, расширяются декларативные, социокультурные и межкультурные знания, повышается мотивация, так как интернет-ресурсы позволяют достаточно быстро и легко получить доступ к медийным текстам, которые зачастую сопровождаются визуальной картинкой или аудио- и видеорядом. Аутентичность и актуальность текстов положительно влияют на интерес к языку, медийные тексты дают страноведческую информацию из первых рук.

Вместе с внедрением медиатехники в учебные кабинеты и классы расширились возможности медийных текстов на занятии иностранным языком. Назовем преимущества использования медийных текстов. Медийные тексты являются:

Доступными. Любая газета или журнал, радио или телевизионный канал имеют свой сайт, поэтому преподаватель вместе с обучающимися может получить быстрый доступ к архивам, базе данных текстов и сразу приступить к работе по чтению. Например, на сайте Alumniportal (URL: <https://www.alumniportal-deutschland.org/ru/nachalnaja-stranica.html>) имеется большой выбор страноведческих текстов, которые содержат дефиниции новых слов. Задания к этим текстам преподаватель должен составить самостоятельно, в зависимости от целей занятия, языковой подготовки его группы.

Дискуссионными. Медийные тексты создают вариативность речевых ситуаций, которые могут выходить далеко за рамки учебной темы и использоваться в качестве ролевых игр, полилогов.

Культурно-ориентированными. Культурный контекст речи, возможная дискуссия по тематике текста, основанная на общности и различии двух культур позволяет рефлексировать собственную культуру и способствовать развитию толерантности через понимание иноязычной культуры. Если текст снабжен фотографией

или рисунком, то их описание приведет к интерпретации, комментарию своей и иноязычной культуры. Хорошо, если в группе присутствуют обучающиеся разных культур, это необходимо учитывать при разработке вопросов.

Мотивационными. Обучающиеся оказываются более мотивированны, когда имеют возможность активного обсуждения прочитанного аутентичного текста или сделать собственный выбор текста по заданной тематике. В таком случае речь идет о развитии учебной автономии обучающегося.

Обучающими. Обучающий потенциал медийных текстов велик. С одной стороны, они дают речевой образец и позволяют тренировать словарный запас по теме, грамматический материал. С другой стороны, информация, содержащаяся в тексте, может послужить дидактическим материалом для составления заданий, проверяющих не только понимание прочитанного текста, но и выводящих обучающихся на продуктивный уровень владения языком, а именно на говорение или письмо.

Проверка понимания прочитанного текста может быть разной и, как правило, зависит от целеполагания чтения — от поискового типа чтения (задания на установление соответствия или краткий ответ) через просмотровый тип чтения (заполнение пропусков) к заданиям высокого уровня, предполагающие полное понимание прочитанного текста (так называемое изучающее чтение), например, ответы на вопросы или выбор одного варианта ответа из нескольких предложенных. Как мы видим, задания, нацеленные на проверку содержания, являются стандартными и не отличаются по форме от заданий к другому типу текста, например, литературному. Но будут ли отличаться задания к медийным текстам на развитие компетенции, а именно социокультурной компетенции? По-видимому, да. На первое место в работе над речевым материалом выходит лингвострановедческая составляющая, являющаяся одновременно и целью чтения и ключом к пониманию текста.

Типология заданий к медийным текстам с целью развития социокультурной компетенции может быть следующей:

Лексические задания по снятию трудностей семантического характера, включающиеся в себя:

- дефиницию культурных реалий, фоновой лексики,
- работу со словарем,
- перевод на родной (второй иностранный язык) язык, поиск эквивалентной лексики,
- составление примера использования нового слова в другом контексте,
- подбор иллюстративного материала к новому слову или понятию,
- поиск этимологии понятия,
- составление плана-схемы с данным словом,
- работа с монолингвальным словарем с целью изучения семантического поля данного слова и др.

Задания по содержанию текста:

- подбор подходящего заголовка из данных преподавателей, придумывание собственного заголовка с аргументацией своего варианта, изменение авторского заголовка с обязательной аргументацией,
- трансформация типа текста, например, интервью превратить в сообщение, описание в рекламный текст или словарную статью,
- дискуссия на тему текста, где дискутирующие стороны принимают противоположные точки зрения, конфронтируют между собой и пытаются прийти к единому мнению,
- ролевые игры, в которых участники действуют в роли представителей иноязычной культуры,
- проблемные задачи, провоцирующие на коммуникацию,
- визуализация текста — построение опорных схем, плана, ассоциогаммы,
- написание комментария к прочитанному тексту,
- проектная работа.

Задания к медийному тексту должны иметь социальный характер и быть коммуникативно-направленными. Ядром коммуникации в данном случае служит ситуация, которая обыгрывает лингвокультурную реалию и знакомит обучающегося с иноязычной культурой, заставляет размышлять о подобном в собственной культуре, тем самым преодолевать трудности и непонимание в общении с носителями другого языка.

Литература

1. Монография «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике, Страсбург, 2003.
2. Kron, F. W., A. Sofos. Mediendidaktik: Neue Medien in Lehr- und Lernprozessen. München, 2003.
3. Wilfried Klute. Sachtexte erschließen. Cornelsen, 2006.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС: ВОПРОСЫ ТАКСОНОМИИ

Язык научной сферы коммуникации всегда вызывал интерес лингвистов и изучался, главным образом стилистами, как в синхронии, так и диахронии [Арнольд, 2004; Гальперин, 1958; Брандес, 2004; Скребнев, 2003; Разинкина, 1978]. Внимание к изучению стилей в целом и к научному стилю, в частности, не ослабевает и в настоящее время по ряду причин. Во-первых, новые научные парадигмы дают возможность интерпретировать и объяснять языковые явления по-новому. Так, в отличие от традиционного понимания функционального стиля как подсистемы языка, обладающей некоторыми специфическими чертами и используемыми преимущественно в ней средствами [Нелюбин, 2007, С. 43], когнитивное толкование стиля переключает внимание от объекта (языка) к субъекту (человеку) и «основывается не на самом мышлении, а на *информации* о мышлении» [Брандес, 2004, С. 26—28]. Стиль как категория субъективности связывается с внутренним миром человека и с такими категориями как «отражение, интенциональность, ценности, смысл, которые выражают социальную активность личности...» [Брандес, 2004, С. 19]. Это дает основания рассматривать стиль языка/речи, или жанр как дискурс.

Во-вторых, формы научной коммуникации в последние десятилетия заметно меняются. Данные изменения связаны с развитием информационных и коммуникационных технологий, которые проникают и в научную сферу, а также с процессом глобализации и интернационализации академической среды и образования. Как следствие этого процесса активизируется межкультурное научно-взаимодействие, которое пока недостаточно изучено [Хомутова, 2010, С. 3]. В связи с этим формы научного общения становятся объектом все более пристального внимания исследователей.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы рассмотреть современные формы научной коммуникации, их дифференциальные и классификационные признаки, а также определить место новых форм в системе научного дискурса.

Исходя из основания классификации дискурса по сфере употребления, научный дискурс можно определить как вид институционального общения, принятый в научной сфере. Научный дискурс представляет собой исторически и культурно обусловленный способ организации речевой деятельности, который детерминирован сложившимися стереотипами построения и интерпретации речевых произведений [Какзанова, 2011, С. 6—7; Марюхин, 2010, С. 4—5; Халтурин, 2007, С. 157—159; Хомутова, 2010, С. 22—23].

Главной функцией научного изложения считается интеллектуально-коммуникативная [Арнольд, 2004, С. 69]. Содержание научного текста составляет описание фактов, предметов, явлений и процессов действительности, истории их изучения и объяснения, обнаружение и формулирование закономерностей [Брандес, 2004, С. 171]. Наиболее характерными чертами научного стиля в содержательном плане считаются обобщенно-отвлеченный характер, отсутствие или минимум образности, тенденция к логичности и объективности, стремление к логической завершенности, терминологичность — наличие специфических для той или иной науки терминов и лексики с предметно-логическим и абстрактным значением. Отсутствие во многих случаях непосредственного контакта с адресатом требует особой синтаксической организации предложений — полноты, стереотипности, эксплицитной логико-семантической связности предложений [Арнольд, 2004, С. 69; Брандес, 2004, С. 171; Гальперин, 1957, С. 424—425; Халтурин, 2007].

Обобщенно-отвлеченный характер или безличность научного изложения создается с помощью форм глагола: пассивного залога без указания на субъект действия, формы 3-его лица множественного числа настоящего или прошедшего времени; «запрета» на использование местоимения 1-го лица единственного числа, вместо которого иногда допускается местоимение «мы», способствующее созданию «атмосферы авторской скромности и объективности» [Халтурин, 2007]; безличных предложений разных типов.

По мнению американских лингвистов Дж. Суэйлса и К.Фик, научный стиль изложения должен быть не просто логически последовательным и связным, он в равной степени обязан обеспечить нужную тональность при передаче информации читателю. Научная статья, написанная в неформальном, разговорном/ «упрощенном» стиле, может быть воспринята несерьезно, несмотря на сложность затрагиваемой автором проблемы.

Все упомянутые выше характеристики научного дискурса необходимы автору научной работы для уверенности в том, что процесс коммуникации осуществляется соответствующим образом, то есть средствами подходящего функционального стиля [Swales, Feak, 2010, С. 16—20].

Формальный научный стиль языка до недавнего времени считался общепринятым практически во всех научных дисциплинах. Так, Дж. Суэйлс и К.Фик приводят высказывание Альберта Эйнштейна, который в 1934 году писал, что в научной работе нет места авторскому «я». Однако современные исследования свидетельствуют, что приверженность такому стилю сохраняется не во всех научных областях, некоторые отходят от строгой формальности. Научный стиль употребляется далеко не во всех академических контекстах.

Исследование, проведенное на основе Мичиганского корпуса устного академического английского языка, показывает, что устный научный дискурс близок к разговорному по своей сути, в отличие от письменного научного дискурса.

Ю. Чэни Дж. Суэйлс исследовали ряд научных статей по статистике, лингвистике и философии на предмет частотности употребления «неформальных» элементов речи, определив наиболее часто встречающиеся, а именно местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа (*I, You*), сокращенных форм глаголов (*isn't*), разговорных выражений (*prettynice*), а также императивных конструкций “*Nowconsiderthiscase*” и предложений, начинающихся с союзов *but* и *and* [Chang, Swales 1999, приводится по: Swales, Feak, 2010, p. 17—18]. Данное исследование позволило заключить, что научные работы в разных областях знаний могут не совпадать в плане соблюдения требований стиля научного изложения и использования «неформальных» языковых средств.

Необходимым компонентом анализа научного дискурса является изучение типов дискурса на основе различных принципов классификации. В соответствии с общепринятым делением дискурса по модусу или каналу передачи информации научный дискурс подразделяется на устный и письменный [Ревзина, 2005, С. 67; Кибрик, Паршин, б.д.]. Каждый из них обладает как общими, так и специфическими чертами.

В зависимости от степени обобщения научных сведений выделяют первичные и вторичные научные документы. Первичные произведения содержат научные сведения, получаемые в ходе научных исследований (монографии, научные доклады, статьи). Вторичные же научные работы включают только конечные результаты «аналитико-синтетической переработки первичных научных документов» (рефераты, аннотации, тезисы, библиографические справки) [Брандес, 2004, С. 171—173].

Для научного стиля характерны достаточно жесткие регламентации относительно лексического состава и композиционного построения. С точки зрения степени ригоризации научный дискурс, включая устную и письменную формы, разделяют на собственно научный (от диссертационного исследования или журнальной статьи, строго канонизированных как по своей структуре, так и по отбору языковых средств) и научно-популярный, не ограниченный жесткими регламентациями языкового употребления [Разинкина, 1978, С. 5]. Отличия научно-популярного стиля изложения от собственно научного заключаются не только в отборе материала, но и в построении доказательств и манере изложения. При этом главными требованиями, предъявляемыми к научно-популярному изложению, являются требования доступности, понятности и достоверности [Сухая, 2011, С. 63].

Суэйлс Дж. и Фик К. предлагают выделять «открытые» (*open*) и «вспомогательные» (*supporting*) жанры научного дискурса. К открытым они относят жанры, доступные для общественности: материалы конференций, обзоры докладов конференций, тезисы, диссертации, научные статьи, монографии, главы книг, выступления и устные доклады, стендовые доклады (*posters*).

Вспомогательные жанры являются вторичными в профессиональной карьере ученого. Как правило, научный дискурс такого жанра остается «скрытым» от общественного взгляда и не предназначен для свободного доступа, за исключением заявки на грант (*grantproposal*), например: заявление и интервью при приеме на работу (*jobapplications, jobinterviews*), резюме (*CV*), биографические сведения (*bio-statements*), рецензирование и ответ рецензентам научной статьи [Swales, Feak, 2010, pp. 7—9].

Дискурсы одного жанра имеют общий набор коммуникативных целей, признаваемых дискурсивным обществом. Знание таких жанров, как научный доклад или научная статья, является необходимым условием создания соответствующего дискурса. Научиться создавать дискурс определенного жанра — значит войти в соответствующее дискурсивное сообщество [Swales, Feak, 2012].

Думается, что к вспомогательным, или вторичным жанрам можно отнести и слайдовые презентации, сопровождающие устные доклады, аннотации статей, а также получившие распространение в последнее время вебинары (*webinars*).

С точки зрения аудитории, на которую нацелены научные произведения, последние можно разделить на собственно-научные, рассчитанные на академическую профессиональную общественность, и научно-методические и учебно-методические, предназначенные для обучающихся.

Благодаря тенденции в современном научном мире к международному сотрудничеству в области науки и образования [Агранович 2010; Ларионова, Перфильева, 2013], возникают новые формы, или жанры научного дискурса, в частности письменный научный дискурс образовательных и научно-технологических международных проектов, которые направлены на развитие интернационализации высшего учебного заведения, например, заявка на участие ВУЗа в международном научно-образовательном проекте или реализацию ВУЗом международного проекта/получение гранта. Подобного рода заявки представляют собственно научный дискурс с высокой степенью ригоризации. Он относится к письменным вспомогательным документам и может содержать следующие речевые жанры или их сочетания:

- Повествовательный (нарративный)
- Описательный (дескриптивный)
- Объяснительный (экспозиторный)
- Убеждающий (аргументативный).

Таким образом, современные научные произведения отличает жанровое разнообразие и довольно динамичное обновление форм. В этом проявляется сущность научного дискурса как социально-исторически и культурно обусловленного способа организации речевой деятельности в научной сфере.

Литература

1. Агранович М.Л. [и др.] Интернационализация высшего образования (тенденции, стратегии, сценарии будущего): монография. М., 2010. С. 216—257.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык (стилистика декодирования). 6-е изд. М., 2004.
3. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. М., 2004.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
5. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 520.
6. Какзанова Е.М. Лингво-когнитивные и культурологические особенности научного дискурса (на материале математических и медицинских терминов-эпонимов): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
7. Кибрик А.А., Паршин П.Б. Дискурс // Онлайн Энциклопедия Кругосвет. URL: http://krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/diskurs
8. Императивы интернационализации / Отв. ред. М.В.Ларионова, О.В.Перфильева. М., 2013.
9. Марюхин А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
10. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка. М., 2007.
11. Разинкина Р.М. Развитие языка английской научной литературы. М., 1978.
12. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации. Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66—78.
13. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М., 2003.
14. Сухая Е.В. Жанровая специфика научно-популярной разновидности научного речевого регистра // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 63—64.
15. Халтурин Ю.Л. Научный дискурс // Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / Сост. и общ.ред. Н.В.Брянник; отв. ред. О.Н.Дьячкова. Екатеринбург, 2007.
16. Хомутова Т.Н. Научный текст: теоретические основы интегрального подхода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
17. Swales J.M., Feak Ch.B. English in Today's Research World. A Writing Guide. Michigan: The University of Michigan Press, 2010.
18. Swales J.M., Feak Ch.B. Academic Writing for Graduate Students. Essential Tasks and Skills. 3^d ed. Michigan: The University of Michigan Press, 2012.

Т.Е.Петрова, Э.М.Рянская

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный университет

ПОТЕНЦИАЛ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ВЫРАЖЕНИИ ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Время является одной из фундаментальных категорий лингвистики и находит свое выражение в языке различными способами. Связанное с мыслительной деятельностью человека, время может иметь и психологическое содержание — отражение конкретных восприятий и оценок времени. Психологическое время отличается от объективного времени тем, что «людям свойственно ощущать время как плавно текущее или скачкообразное, сжатое или растянутое, пустое или насыщенное» [5, С. 124]. В связи с этим уместно вспомнить высказывание И.И.Мещанинова, который относит время к числу категорий, «которые не только описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе» [4, С. 75]. Обращение к языковым данным позволяет выявить различные оттенки, свидетельствующие о многообразии восприятия и концептуального осмысления объективных временных ситуаций.

В литературе, посвященной проблеме языкового представления времени, чаще всего говорят о темпоральности глагола [2]. То, что за глагольными формами признается приоритет в описании языкового времени, позволяет высказывать мнение о том, что неглагольные выражения являются вторичными по отношению к глагольным. Как считает В.Е.Глызина, такое понимание отношений между различными формами выражения временных значений приводит к поиску сходства, а не различий между глагольными и неглагольными средствами выражения времени [там же].

В науке о языке оперируют как понятием времени, так и понятием темпоральности. Как правило, категория времени характеризуется как морфолого-синтаксическая по своему характеру, не совпадающая с категорией темпоральности, которая включает в себя и грамматические, и лексические средства выражения временных отношений, т.е. по объему больше категории времени [8].

Существует и более широкое понимание темпоральности — как временной сущности явлений, исследуемой различными науками и в различных координатах — исторических, биологических, физических и других [9].

Функционально-семантическое поле темпоральности понимается как двустороннее единство грамматических и лексических или лексико-грамматических средств выражения времени [3, С. 385]. Ядром поля темпоральности является грамматическая категория времени. Периферийную зону составляют другие части речи, которые, помимо глаголов, могут передавать идею времени. В связи с этим мы говорим о потенциале слов к реализации того или иного временного признака. Потенциальность выводится из значений слова и имеет эксплицитно или имплицитно выраженный характер.

Исследование В.А.Новосельцевой [6] показало, что в художественных текстах и во фразеологизмах русского языка средствами представления времени служат: универсальные темпоральные указатели, имена собственные, существительные, обозначающие времена года, части суток, дни недели, месяцы, называющие праздники, источники света, производные прилагательные, наречия, числительные, местоимения. Среди индивидуально-авторских средств отмечены существительные, называющие фазу времени года, приемы пищи, наименования организаций, социального положения лиц, названия исторических реалий, предметов быта, фасонов одежды, существительные и прилагательные, обозначающие отрезки биографического времени, слова, имплицитно передающие временные отношения.

Следует отметить, что периферийная зона темпоральности пересекается с периферийной зоной аспектуальности, поэтому, рассматривая потенциал частей речи в выражении временных значений, мы подразумеваем, в том числе, и способность выражать аспектуально-темпоральные оттенки. Обратимся к примерам, иллюстрирующим данное положение:

Давно день, ставни открыты, и на часах — половина десятого... (Бунин. С. 4)

Мне бы тоже давно пора идти — на службу, но я уже давно бросил думать о службе. (Бунин. С. 5)

В первом случае наречие *давно*, реализуя значение 'в течение долгого времени', содержит аспектуальный оттенок длительности. Во втором предложении в сочетании с наречием *пора* слово приобретает дополнительный оттенок проспективности, а в третьем случае *давно* означает 'много времени тому назад', т.е. прошедшее.

Исследования, посвященные проблеме выражения времени неглагольными частями речи, прежде всего, именами существительными и прилагательными [7, С. 194—211], свидетельствуют о необходимости применения определенных приемов, среди которых важную роль выполняет интерпретационный анализ.

Процедура нашего исследования включала выделение по электронным словарям слов, в дефинициях которых есть компонент «время» или его составляющие, например:

ВОСЬМИДЕСЯТИЛÉТИЕ, -я, ср. — Промежуток времени, срок в восемьдесят лет.

АКТУАЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна, -льно. Очень важный для настоящего времени, злободневный. *Актуальный вопрос. Содержание его [романа] настолько актуально, что читатель воспринимает это произведение не как фантастику, а как злободневное предупреждение о --- страшной угрозе человечеству.* Ю.Жуков, Из боя в бой.

Ссылка на временную ситуацию может быть конкретизирована, например:

ВОСПОМИНАНИЕ, -я, ср. — 1. Мысленное воспроизведение чего-н. сохранившегося в памяти. 2. *мн.* Записки или рассказы о прошлом. *Литературные воспоминания. Вечер воспоминаний.*

ТЕПÉРЕШНИЙ, -яя, -ее. *Разг.* Существующий теперь, в настоящее время; нынешний, современный. *Теперешнее время. Теперешняя жизнь. Теперешние люди. — Я — старик и, может, теперешнюю литературу уже не могу понять, но мне все кажется, что она — не русская.* М.Горький, Лев Толстой.

В целом задача выявления временного компонента в составе языковой единицы имеет свои сложности, поскольку не всегда интерпретация подобных слов отвечает указанному выше условию. Так, обладает ли признаком «будущее» существительное *прогресс*, означающее 'движение вперед'? Очевидно, обладает, поскольку толкование слова содержит компонент *вперед*, который, в свою очередь, может иметь значение 'на будущее время' (разговорное). Сходный случай наблюдаем с существительным *предчувствие*, значение которого — 'чувство ожидания чего-нибудь назревающего, предстоящего или неизвестного'. «Предстоящее» соответствует будущему, а сама ситуация может быть отнесена к аспектуальной характеристике проспективности.

В таких случаях представляется возможным использовать прием выявления ассоциативного семантического признака, описанный в работе Е.А.Блиновой, которая исследует способы базового, фонового, смежного и имплицитного наименования категории темпоральности: *завтрак* = «еда утром»; *карантин* = «временное закрытие учреждения» [1].

Нами была также предпринята попытка определить статус временного семантического признака и его прототипическую природу. В этом направлении некоторыми лингвистами были предложены свои классификации.

Так, Е.А.Блинова, проведя анализ языковых и речевых знаков с компонентом темпоральности на материале русского и английского языков, разграничивает базовый признак (*день; summer*), фоновый признак (*ночлег; weekly*); смежный признак (*летний лагерь; day-book*) и имплицитный признак (*расписание; generation*) [1].

В работе В.Е.Глызиной [2], посвященной изучению временной семантики имени существительного в современном английском языке, отмечены следующие временные признаки, которые могут отражаться в имени: короткий или продолжительный период; точка, (данный) момент; ритм; расположение событий в прошлом, настоящем и будущем.

G.Rubinstein, изучая темпоральные существительные, дает следующую классификацию временных признаков:

1) единицы времени, являющиеся продуктом культурно-исторического членения времени (*секунда, минута, неделя, месяц* и пр.);

2) отрезки нефиксированной длительности (*время, момент, эпоха* и пр.);

3) отрезки объективно заданного циклического времени, связанного с природными явлениями (*времена года, части суток*);

4) квази-собственные названия дней недели и месяцев;

5) длительные временные периоды, соотносимые с моментом речи (*старина, древность, настоящее, прошлое, будущее, грядущее*);

6) возрастные периоды жизни (*молодость, старость* и пр.);

7) отрезки времени, связанные с трудовой, академической, религиозной и прочей деятельностью (*будни, праздник, каникулы, рождество, пасха* и пр.) [10].

Как мы видим, в основе классификации временных признаков лежат разные принципы, обусловленные целями и задачами исследования и характером изучаемого языкового материала. Нам представляется целесообразным охарактеризовать временные компоненты как определенные понятийные ситуации темпорального, аспектуального или темпорально-аспектуального содержания.

Выборка нашего материала по словарям, а также анализ примеров из художественных произведений позволяет выделить следующие временные компоненты:

— неопределенный срок (*абонировать, временный, временно*):

Через некоторое время по деревянным мосткам противоположной стороны площади осторожно прошел мастер Безенчук. (Ильф, Петров. С. 19).

— «На днях позвоню». Знаем мы ваше «на днях». (Тэффи. С. 37)

— определенный срок (*час, век, декабрь, вторник*):

Сегодня золотую девушку видела, распущенную. (Ильф, Петров. С. 18)

Все это изящно и ядовито, но, к сожалению, очень избито. Поэтому многие предпочитают иллюстрировать свои первоапрельские шутки сами. (Тэффи. С. 29)

— период (*альманах, времена года, безвременье, вечер, вечерний*):

Вечером в обществе «Свободной эстетики» торжество чествования поэта было омрачено выступлением неофутуриста Маяковского <...>. (Ильф, Петров. С. 53).

Вечернее небо леденело над пустынной площадью. (Ильф, Петров. С. 20)

— настоящее (*актуальный, вот*):

А теперь, прямо скажу, — лучше моего товару нет. (Ильф, Петров. С. 22).

— прошлое (*анахронизм, встарь, больше не..., уже, вчера, вчерашний*).

Луна давно сгинула. (Ильф, Петров. С. 29).

— *Чтобы вы не подумали, милостивые государыни и, в особенности, милостивые государи, что теща есть вид ископаемого или просто некая земная окаменелость, каковой предрассудок существовал многие века<...>* (Тэффи. С. 21).

— будущее (*авансом, далее, впредь, вперед, впереди*).

Он считал, что к пятидесяти годам будет губернским предводителем, не зная того, что в 18-м году его выгонят из собственного дома <...>. (Ильф, Петров. С. 54).

<...>и мелкий лепет бубенчиков так шел к моим думам о бессвязной и бессмысленной жизни, которая ждала меня впереди... (Бунин. С. 21).

— течение времени, не имеющее ни начала, ни конца (*вечность, вечно, вечный, безвременно, всегда, вседневно*):

Отец Федор замыслил свести бульдожку с крутобоким, мордатым, вечно чихающим кобельком секретаря уисполкома, а регулярно получаемый от избранной четы приплод отвозить в Москву и с выгодой продавать любителям. (Ильф, Петров. С. 30).

— периодичность/ повторяемость (*второгодник, временами, вновь*):

<...> *хотя этими вопросами, по роду своей службы, он ведал с 9 утра до 5 вечера ежедневно, с получасовым перерывом для завтрака.* (Ильф, Петров. С. 15)

Это настоящий клубный посетитель, и про него непременно говорят, что он — умница, золотая голова, только спился, опустил и должен всем... (Бунин. С. 8)

— длительность (*битый час, временишь*):

Наших невест, — возразил дворник, давно на том свете с фонарями ищут. (Ильф, Петров. С. 56)

— кратковременность (*быстрый*):

Бюст зашатался, <...>, и Благословенный, постояв секунду под углом в сорок пять градусов, как самоубийца в реку, кинулся головой вниз. (Ильф, Петров. С. 44)

— мгновенность (*вдруг, сразу, немедленно, внезапно*):

Вдруг он слышит, под кроватью кто-то скребется. (Ильф, Петров. С. 37).

В одну минуту пролетела в его мозгах вся прошедшая жизнь. (Тэффи. С. 288).

— промежуток времени (*восьмидневный, всенощная*):

Приходишь к нему, положим буду говорить, на Новый год с поздравлением — трешку дает... (Ильф, Петров. С. 58).

<...> *когда темнеет субботний вечер и тихо реет над городом звон ко всенощной...* (Бунин. С. 11).

Служебный день подходил к концу. (Ильф, Петров. С. 20).

Как следует из приведенных примеров, потенциалом к выражению различных оттенков времени обладают не только отдельные части речи, но и словосочетания, фразеологические обороты, так например:

— *А я думал, что он мне живую лошадку подарит, — поднял голову Петя. — Да, черта с два! Когда рак свистнет.* (Тэффи. С. 124).

Свойственные языковой единице временные характеристики могут быть многозначными. Обращение к контексту, как мы убедились на примере использования наречия *давно*, позволяет уточнять детали описываемой временной ситуации. Следует также отметить, что наблюдаются и случаи омонимии, когда временное значение чередуется с невременным. Так, компонент *свеже-*, трактуемый в толковых словарях как «недавно, только что», образует не только слова с данным аспектуальным оттенком, например, *свежеиспеченный* (т.е. только что испеченный), но и не содержащие его — *свежесамороженный*, т.е. замороженный в свежем виде.

Таким образом, изучение потенциала частей речи, выступающих аналогами глаголов в выражении временных ситуаций, расширяет наше представление о семантической структуре языковых единиц и об их функционировании.

Литература

1. Блинова Е.А. Морфотемный анализ темпоральности как категории языкового сознания и речевого мышления в русском и английском языках: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Великий Новгород, 2009.
2. Глызина В.Е. Временная семантика имени существительного в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 1999.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., 1990.
4. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978.
5. Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. М., 2011.
6. Новосельцева В.А. Концептуализация времени в русской фразеологии и художественных текстах: на материале произведений 40-х — 80-х гг. XIX века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 2005.
7. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
8. Синкевич Д.А. Категория темпоральности в лингвофилософском освещении // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 41. № 7 (188). 2009. С. 148—152.
9. Чаплина С.С. Textoобразующая функция категории темпоральности в немецком языке: на материале кратких газетных сообщений: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2010.
10. Rubinstein G.O. концептуализации отрезков времени в русском языке // Issue 2, Winter 2002. URL: <http://seelrc.org/glossos/> The Slavic and East European Language Resource Center.

Источники

1. Бунин И.А. Темные аллеи: Рассказы. Повести. Кемерово, 1984.
2. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок / Под. ред. Д.В.Тевекеляна. М., 2001.
3. Тэффи Н. Избранные страницы. М., 2000.

АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕКСТУАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ДЖЕЙМСА ДУГЛАСА МОРРИСОНА)

Аллюзия описывается в исследованиях, среди которых присутствуют работы И.Р.Гальперина, Н.Г.Владимировой, Н.С.Олизько, И.В.Гюббенет, Г.Г.Слышкина и др. В данной статье явление аллюзии будет рассматриваться как многофункциональное явление с точки зрения его функциональных особенностей.

С точки зрения лингвистической литературы, аллюзия является недостаточно изученным явлением, что повышает актуальность изучения этого феномена.

Значение понятия аллюзии понимается учеными по-разному. По мнению И. Р. Гальперина, «аллюзии — это ссылки на исторические, мифологические, библейские и бытовые факты. Можно сказать, что аллюзия это речевой фразеологизм в отличие от языковых фразеологизмов, которые фиксируются словарями как единицы словарного состава языка. Аллюзии становятся фразеологическим словосочетанием только в том случае, если они соотносимы с теми произведениями, где они были использованы впервые. Иными словами, составные части свободного словосочетания в тексте, на который делается ссылка, становятся связанными, если они используются в другом контексте» [1, С. 75].

Н.Г.Владимирова считает, что аллюзия является приемом «двунаправленным, формируя многообразные по своим функциям и формам связи как с микроконтекстом отдельного образа и произведения, так и с макроконтэкстом литературной традиции, жанра, стиливого течения или литературного наследия и культуры в целом» [2. С. 186].

Выделим характерные черты приема аллюзии:

1. Аллюзия является ссылкой на конкретное литературное произведение, исторический факт, миф, библейскую историю.
2. О наличии аллюзии в литературном произведении свидетельствует прототексты.
3. Для понимания аллюзии необходимо наличие определенного контекста, в котором она употребляется.
4. Понимание аллюзии не сводится только к выявлению аллюзивного факта, из-за возникновения ряда дополнительных связей между двумя и более текстами.
5. Фоновые знания реципиента.

По мнению И.В.Гюббенет фоновые знания — это общие знания, включающие в себя исторические, политические, географические и др. знания, способствующие декодированию информации [3, С. 32—34].

Н.С.Олизько, в своем диссертационном исследовании, предлагает следующие виды аллюзии: упоминание, аллюзивные имена собственные, аллюзивные реалии, аллюзивные факты и аллюзивные сюжеты [4, С. 98]. Рассмотрим аллюзию как средство реализации интекстуальности на примере творчества американского поэта Джеймса Дугласа Моррисона. «Интекстуальность представляет собой текстовые включения, вносящие в данный текст информацию о различных прецедентных феноменах и отражающие «цитатность постмодернистского мышления» — насыщенность произведений постмодернизма различного рода реминисценциями» [4, С. 51].

Упоминание состоит в апелляции к прототексту путем нетрансформированного (прямого) воспроизведения языковой единицы, представляющей собой имя данного концепта [5]. Такой единицей может быть заглавие или имя автора.

Примером упоминания может выступить стихотворение Дж. Моррисна «An American Prayer (Американская молитва)». Первая часть названия (American) отсылает реципиента ко времени творчества поэта, то есть к Америке 60—70х годов и задает семантическое поле, свойственное культурной и политической обстановке того времени. Вторая часть названия этого стихотворение (Prayer) задает другое специфическое семантическое поле, которое связано с верой в Бога. Молитва — это обращение человека к Богу. Если рассмотреть две части этого названия вместе (An American Prayer), то они отсылают нас к протоназванию, а именно к «The Jesus Prayer (Иисусова молитва)», первую часть которого автор намеренно изменяет.

Аллюзивные реалии — элементы определенного текста или события, упоминание о которых вызывает у реципиента ассоциацию именно с этим конкретным текстом или событием.

When *the true King's murderers*
are allowed to roam free
a 1000 Magicians arise
in the land (An American Prayer)

В данном отрывке приведены ссылки на знаменитую евангельскую историю о Царе царей, и Его убийцах (the true King's murderers). Дж. Моррисон пишет слово *King* с заглавной буквы для того, чтобы придать уникальность этому царю, а чтобы усилить эффект, использует данное существительное с прилагательным *true* (настоящий, истинный). Согласно прототексту, Царем царей является Иисус Христос, которого распинают. Убийцы Христа, в последствие, «гуляют на свободе (are allowed to roam free)» и являются инициаторами гонений на христиан.

Аллюзивные имена собственные выступают средством описания единичных мифологических, литературных и других объектов, актуализируют иконические связи этих объектов с прецедентными феноменами, вызывают у реципиента ассоциации, способствуют более глубокому пониманию. Аллюзивными именами собственными являются антропонимы и топонимы.

Great screaming *Christ*
Upsy-daisy
Lazy *Mary* will you get up
Upon a Sunday morning (An American Prayer)

В данном отрывке также приведены ссылки на евангельский прототекст, однако здесь присутствуют уже оригинальные имена: *Christ* (Иисус Христос, по мнению христиан является мессией и искупительной жертвой за грехи людей) и *Mary* (Мария, мать Иисуса Христа). Дж. Моррисон является поэтом-бунтарем, который все подвергает сомнению — иронизирует по поводу традиции верующих посвящать воскресный день Господу. Таким образом, данный отрывок является примером аллюзивных имен собственных.

Аллюзивные факты — это мифологические, литературные, исторические факты, упоминающиеся в новом контексте и подвергающиеся в нем переосмыслению.

Do you know the warm progress under the stars?
Do you know we exist?
Have you forgotten the keys to the Kingdom?
Have you been borne yet & are you alive? (An American Prayer)

Слово *Kingdom* (Царство) пишется с заглавной буквы и перед ним стоит определенный артикль *the*, что подчеркивает его уникальность. Таким образом, под *the Kingdom* (Царство) можно понимать Царство Небесное (the Kingdom of Heaven), которое является упоминанием евангельского прототекста: «...и дам тебе ключи от Царства Небесного» [6]. Этим примером Дж. Моррисон демонстрирует потерю веры и придает противоположенное значение евангельскому тексту — ключи от Царства забыты, а значит туда не войти.

Аллюзивные сюжеты — это заимствование и видоизменение мифологического или литературного сюжета, отсылающего к конкретному прототексту. Для иллюстрации этого примера рассмотрим отрывок из другого стихотворения Дж. Моррисона “The End”:

The killer awoke before dawn,
he put his boots on
He took a face from the ancient gallery
And he walked on down the hall
He went into the room where his sister lived, and...then he
Paid a visit to his brother, and then he
He walked on down the hall, and
And he came to a door...and he looked inside
Father, yes son, I want to kill you
Mother...I want to... (The End)

Данный аллюзивный сюжет отсылает нас к трагедии Софокла «Царь Эдип». По сюжету трагедии Эдип, не зная того, убивает своего отца и женится на своей матери. Дж. Моррисон изменяет этот сюжет тем, что убийца действует осознанно. Для того чтобы понять мотивы поэта, обратимся к его биографии. Известно, что Дж. Моррисон живет в разладе со своим отцом из-за того, что тот не поддерживает его, когда Дж. Моррисон хочет создать рок группу. Мать не смеет встать на сторону сына. Поэтому во всех интервью Дж. Моррисон говорит, что его родители погибли. В последствие он разрабатывает свою собственную философию на этот счет. Дж. Моррисон считает, что на пути к внутренней свободе, человек должен обязательно освободиться от влияния своего отца. Свобода от отца, по его мнению, должна привести к уничтожению внутри себя всех чужих концепций, идей и вообще всего чужого. Однако мать, согласно поэту, выступает в роли «матери-природы», с помощью которой человек или возвращается ко всему естественному в своем существе, или уничтожает собственную природу. С другой стороны, автор связывает этот образ с идеями одного из своих любимых писателей Ницше: сверхчеловек развивает душу через страдания, что мы видим на примере царя Эдипа.

Аллюзия является средством передачи не только имплицитного содержания высказывания, но и смысла прототекста, что требует от реципиента глубоких фоновых знаний. Аллюзия стилистически украшает текст, делает его выразительным, более полно раскрывает внутренний мир автора и смысл его произведений. Абсолютно полной интерпретации аллюзий дать не возможно, поскольку, в этом случае, такая интерпретация должна исчерпывать все богатство произведений. Наиболее полной интерпретацией аллюзий считается та, которая охватывает художественную целостность произведения настолько полно, насколько это возможно.

Литература

1. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
2. Владимирова Н.Г. Категория интертекстуальности в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI в.: Материалы международной научной конференции. М., 1998.
3. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста. М., 1981.
4. Олизко Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса (на материале произведений Дж. Барта): Дис. ...канд. филол. наук. Челябинск, 2002.
5. Слышкин Г.Г. Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2000.
6. Толкование Священного Писания. Монастырь Оптины Пустынь. URL: <http://bible.optina.ru/new:mf:16:19>

М.А.Степанова, Н.А.Немчинова

г.Нижневартовск

Нижневартровский государственный университет

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ БАРЬЕРОВ ПРИ АДАПТАЦИИ К ИНОКУЛЬТУРНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В связи с вхождением России в Болонский процесс и постепенной интернационализацией высшего образования, произошла смена акцентов в учебном процессе высшей школы. В последнее время в российских вузах активно реализуется политика, направленная на активизацию международной академической мобильности преподавателей и студентов, отрабатываются механизмы по созданию условий для участия в международных конференциях, форумах, образовательных выставках, программах академических обменов. Таким образом, преподаватели и студенты вузов становятся основными «агентами» изменений, которым необходимо мобильно адаптироваться к новым требованиям в процессе интеграции российских вузов в международное образовательное пространство.

Однако приходится признать, что студенты, имеющие опыт участия в программах академической мобильности, отмечают наличие определенных трудностей, препятствий и барьеров, сопровождающих их пребывание в иноязычной академической среде. Подобные трудности могут быть связаны с личностными особенностями, наличием или отсутствием опыта межкультурного общения, уровнем владения иностранным языком, степенью готовности к взаимодействию с представителями разных культур, культурной близостью принимающей страны и т.д.

Вполне очевидно, что все возрастающий интерес к обучению за рубежом и стремительное увеличение количества программ международного студенческого обмена обуславливают необходимость детального анализа основных типов барьеров, возникающих в процессе адаптации российских студентов к инокультурной академической среде. Типологическое разделение позволяет определить фундаментальные причины возникновения тех или иных адаптационных барьеров, степень их влияния на конкретного индивида, а также возможные пути преодоления последствий дезадаптации.

Несомненно, барьеры и трудности возникают в первую очередь там, где есть принципиальные системные различия. Анализируя эти различия, мы выделяем следующие основные группы барьеров, каждая из которых характеризуется своими специфическими особенностями и требует соответствующих ее специфике способов преодоления:

1. Языковые барьеры основаны на различиях в языковых системах. Языковая составляющая процесса адаптации к инокультурной академической среде имеет сложную структуру и проявляется в целом ряде вербальных характеристик, которые определяют успешность или не успешность межкультурного общения. В процессе адаптации к иноязычной среде именно **языковые барьеры появляются первыми** и вызывают наиболее запоминающиеся сложности при общении с представителями других культур.

Возникновение языковых барьеров объясняется тем, что представители разных культур используют различные модели передачи социальной действительности, что отражается в использовании лексики, грамматических структур, стилей вербальной коммуникации и т.д. Очень часто в процессе межкультурного общения обнаруживается, что все его участники владеют неодинаковым объемом знаний языка. Такое обстоятельство

порождает языковые барьеры, которые принято разделять на стилистические (несоответствие языковых стилей коммуникантов), семантические (неверное истолкование значений языковых единиц), фонетические (неправильное произнесение звуков) барьеры [3].

Как правило, языковые барьеры появляются из-за страха и неуверенности в себе. Причиной всему является нехватка практики и недостаток общения. Поэтому для преодоления языковых барьеров рекомендуется быстрое погружение в новую языковую атмосферу. Посещение занятий, студенческих мероприятий, экскурсий, встречи с новыми друзьями, проживание в семье в значительной степени способствуют развитию устной речи и языковому мышлению.

Перед студентом должна быть поставлена задача получить не только лингвистические, но и экстралингвистические знания, которые помогут в процессе межкультурного общения и взаимодействия. При изучении языка студент должен быть готов к тому, что он столкнется с целым рядом фактов, которые не имеют отношения собственно к лексике, грамматике или стилистике, а зачастую связаны с историческими, социальными, бытовыми и иными реалиями другой культуры.

2. Культурные барьеры обусловлены принадлежностью к разным культурам и определяются ценностными ориентациями, моральными убеждениями, нормами и правилами поведения, спецификой национальных образовательных традиций. Процесс адаптации студентов к иной среде сопровождается рядом таких трудностей, как преодоление культурного шока, налаживание новых социальных контактов, развитие межкультурной компетентности и толерантности к участникам межкультурного общения, самореализация в новом социуме и интеграция в нем, избавление от стереотипного мышления.

Для преодоления культурных барьеров студенту *рекомендуется заранее определить уровень культурной близости страны*, в которую он направляется на обучение. Схожесть культур в процессе аккультурации во многом способствует ускоренному процессу адаптации к иноязычной академической среде. Знание индивидом основных традиций и обычаев другой страны поможет снизить культурную дистанцию и избежать попадания в сети культурного шока в процессе обучения в зарубежном вузе.

3. Психологические барьеры представляют собой различные психологические реакции на те или иные проявления других культур. При межкультурном взаимодействии психологическая вероятность непонимания участников общения существенно возрастает. К неудачам в процессе общения могут привести непривычные манеры поведения, нарушение дистанции общения, негативное отношение к собеседнику и его культуре, стиль одежды, различия в социальном положении, выбор невербальных средств, уровень психологической готовности к межкультурному взаимодействию и т.д.

Психологические барьеры проявляются тогда, когда индивид рассматривает свою культуру как некий всеобщий эталон и имеет склонность оценивать другую культуру сквозь призму традиций и норм своей культуры. Как следствие, возникает антипатия к той или иной нации, которая основана на ошибочных стереотипах и суждениях.

Психологические барьеры у студентов в первую очередь связаны с ожиданиями того, как будет проходить процесс коммуникации. В тех случаях, когда у студентов появляется неуверенность из-за способности предугадать ход процесса коммуникации, он становится подверженным эмоциональному стрессу. Далее возросшее осознание различий ведет к потере чувства собственного достоинства. Подобное эмоциональное состояние характеризуется потерей ориентации, замешательством, изоляцией, апатией, одиночеством, фрустрацией, враждебностью, тревожностью и, как следствие, приводит к негативному поведению, замкнутости и продолжительной депрессии, в которой студент может пребывать весь период обучения.

Для преодоления психологических барьеров, студенты должны обладать внутренними психологическими умениями и навыками, которые будут способствовать снятию излишнего психологического и эмоционального напряжения. В процесс межкультурного взаимодействия необходимо эмоционально настраиваться на ситуацию общения, выбирать адекватные формы невербального и вербального общения, использовать эмоции как эффективное средство общения. Не стоит забывать, что положительные эмоции, юмор и оптимизм являются эффективными средствами для преодоления психологических барьеров.

4. Институциональные барьеры. Принадлежность к разным культурам также является предпосылкой к развитию институциональных барьеров, которые усложняют процесс обучения студента в зарубежном вузе на организационном уровне (реализация индивидуальных образовательных траекторий, отличная от родного вуза система оценки успеваемости, различия в направлениях подготовки, иная методика преподавания, практическая направленность образования и т.д.). Все эти факторы отрицательно сказываются на адаптации студентов к иноязычной социокультурной среде.

Преодоление данной группы барьеров предполагает обращение студентов, которые проходят обучение за границей, в специализированные организации и центры, работа которых направлена на оказание помощи студентам в различных вопросах. Как правило, высокий уровень организации в зарубежных вузах подобных служб, которые оказывают психологическую, юридическую, медицинскую, социальную, финансовую поддержку иностранным студентам, помогает избежать трудностей на организационном уровне. Приведем несколько примеров таких служб в странах Евросоюза:

Deutsches Studentenwerk (German National Association for Student Affairs) (Германия) URL: <http://www.studentenwerke.de>

Associazione Nazionale degli Organismi per il Diritto allo Studio Universitario (National Association of Organisations for the Right to University Studies) (Италия). URL: <http://www.andisu.it>

Centre national des oeuvres universitaires et scolaires (National Centre for Student Social Services) (Франция). URL: <http://www.cnous.fr>

Studentsamskipnadsradet i Norge (Foundation for Student Services in Norway) (Норвегия). URL: <http://www.sio.no>

Tartu Student Village (Эстония). URL: <http://www.tartucampus.eu>

Εθνικό Ίδρυμα Νεότητας (ΕΙΝ) (National Youth Foundation) (Греция). URL: <http://www.ein.gr>

UngesBoligService (Danish Youth Housing Service) (Дания). URL: <http://www.ungesboligservice.dk>

KOAS (Finnish Association of Student Housing Organisations) (Финляндия). URL: <http://www.soa.fi>

Таким образом, преодоление целого ряда барьеров в процессе адаптации к инокультурной академической среде способствует повышению уровня социокультурной компетентности студентов, поскольку ставит их в условия острой необходимости получения новых знаний о культуре другой страны, побуждает студентов совершенствовать собственные коммуникативные навыки, развивать способность чувствовать особенности чужой культуры. Благодаря этим процессам студенты становятся способными адекватно предвосхищать перспективы общения с представителями других культур, эффективнее добиваться целей межкультурного взаимодействия, а также успешно проходить и завершать обучение в лучших зарубежных вузах.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 2005.
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. М., 2003.
3. Садохин А.П. Межкультурные барьеры и пути их преодоления в процессе коммуникации // Обсерватория культуры: Журнал-обозрение. 2008. № 2. С. 26—32.
4. Фалькова Е.Г. Межкультурная коммуникация в основных понятиях и определениях. СПб., 2007.
5. Чистохвалов В.Н., Филиппов В.М. Состояние, тенденции и проблемы академической мобильности в европейском пространстве высшего образования: Учебное пособие. М., 2008.

О.Н.Ярошенко

г. Челябинск

Челябинский государственный университет

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

В настоящее время в педагогической литературе широко используются такие понятия, как «педагогическая технология», «технология обучения», «образовательная технология».

Проблему педагогических технологий разрабатывали В.П.Беспалько, О.В.Долженко, М.В.Кларин, В.М.Монахов, Г.К.Селевко, Н.Е.Щуркова и др. Из анализа психолого-педагогической литературы виден широкий диапазон использования этого понятия. Наиболее широкое распространение получило определение понятия «педагогическая технология», предлагаемое В.П.Беспалько. Педагогическая технология — это «совокупность средств и методов воспроизведения теоретически обоснованных процессов обучения и воспитания, позволяющих успешно реализовать цели образования. Педагогическая технология предполагает соответствующее научное проектирование, при котором эти цели задаются достаточно однозначно, и сохраняется возможность объективных поэтапных измерений и итоговой оценки достигнутых результатов» [1, С. 31].

Некоторые подходы несколько сужают понятие педагогической технологии, низводят ее до «искусства прикосновения к личности», научно обоснованного воздействия на ребенка в контексте его взаимодействия с окружающим миром [10, С. 245]. Как правило, в этом случае педагогическая технология соотносится только с воспитательной работой и представляет собой прикладную педагогику. Педагогическая технология, с этой точки зрения, — это естественное и гармоничное поведение педагога в контексте современной культуры на уровне его высокой духовности и психолого-педагогического понимания разворачивающейся ситуации. Это операционное обеспечение гуманных, психологически оправданных функций взрослого по отношению к ребенку, входящему в мир.

Другие исследователи (И.Б.Котова, В.С.Кукушкин, Е.Н.Шиянов) понимают педагогическую технологию как «строго научное проектирование и точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий»

[9, С. 250]. Поскольку педагогический процесс строится на определенной системе принципов, то педагогическая технология может рассматриваться как совокупность внешних и внутренних действий, направленных на последовательную реализацию этих принципов в их объективной взаимосвязи и позволяющих полно проявляться личности педагога.

По мнению В.М.Монахова, педагогическая технология — это «иерархизированная и упорядоченная система технологических процедур проектирования учебного процесса, неукоснительное выполнение которых гарантирует достижение планируемого результата» [5, С. 61]. Принципиальными отличиями педагогической технологии от методики автор считает: гарантированность конечного результата и проект будущего учебного процесса.

В исследовании А.А.Плигина педагогическая технология рассматривается как «модель будущего педагогического процесса, который представляет собой конкретную цепь действий по доведению исходного состояния до того, в котором предмет обладает новым качеством — сформированным умением, навыком или ценностным знанием в определенной области» [7, С. 57]. Поскольку педагогическая технология, в отличие от методики, ориентирована на личность педагога, ее реализующего, то любая педагогическая задача может быть решена с помощью адекватной технологии. Педагогическая технология «предполагает разработку содержания и способов организации деятельности самих учащихся. Она требует диагностического целеобразования и объективного контроля качества педагогического процесса, направленного на развитие конкретной личности» [7, С. 63].

По М.В.Кларину, педагогическая технология представляет собой системную совокупность и порядок функционирования всех личностных, инструментальных и методологических средств, используемых для достижения педагогических целей. Причем, как справедливо отмечает М.В.Кларин, понятие «педагогическая технология» соотносится в отечественной педагогике с процессами обучения и воспитания, в отличие от зарубежной, где оно ограничено сферой обучения [4].

В документах ЮНЕСКО педагогическая технология рассматривается как педагогически и экономически обоснованный процесс достижения гарантированных, потенциально воспроизводимых запланированных педагогических результатов, включающих формирование знаний и умений, путем раскрытия специально переработанного содержания, строго реализуемого на основе НИТ и поэтапного тестирования.

Анализ определения понятий «педагогическая технология», «технология обучения», «образовательная технология» позволяют выделить критерии технологичности педагогических разработок: 1) концептуальность замысла; 2) четкость методологических позиций разработчиков; 3) системность в подходе к конкретным педагогическим явлениям; 4) отражение технологии двустороннего характера педагогического процесса; 5) определение места субъектов и их взаимодействия в педагогическом процессе; 6) диагностичность получаемых результатов; 7) воспроизводимость технологии в рабочих условиях однотипного образовательного учреждения другими субъектами.

В педагогической науке существует несколько классификаций педагогических технологий — В.Г.Гульчевской, В.П.Беспалько, В.Т.Фоменко и др. В наиболее обобщенном виде все имеющиеся в педагогической науке и практике технологии систематизировал Г.К.Селевко. Он классифицирует каждую технологию по ряду признаков: по уровню применения, по философской основе, по ведущему фактору, по научной концепции, по ориентации на личностные структуры, по характеру содержания и структуры, по типу организации и управления познавательной деятельностью, по подходу к ребенку, по преобладающему (доминирующему) методу, по направлению модернизации существующей традиционной системы, по категории обучающихся [8, С. 31].

Из всех видов технологий особый интерес для нашего исследования представляют интерактивные и информационные технологии, так как переводчика сложно подготовить в традиционной системе. Подготовка будущих переводчиков должна осуществляться в языковой среде максимально приближенной к реальной межкультурной коммуникации, к реальному взаимодействию носителей двух культур. Создание такой образовательной среды невозможно без информационных технологий обучения.

Вопросы создания, использования и развития информационных технологий рассматриваются в работах В.М.Глушкова, В.И.Гриценко, Б.Н.Пашнина, Г.Р.Громова, И.Г.Захаровой, Ю.Г.Данилевского, В.С.Шибанова и других авторов.

Использование новых информационных технологий с целью совершенствования подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности изучались в диссертационных исследованиях В.В.Алейникова, А.В.Гребенщиковой, А.Л.Денисовой, Г.Г.Жоглиной, Б.Ф.Лалова, А.Д.Чурсиной и др.

Теоретические и методические основы создания и использования новых информационных технологий в образовании анализируются Е.И.Дмитриевой, Ю.М.Насоновой, С.В.Панюковой, Д.Е.Прокудиным, Д.Э.Френки и др.

Исходя из системного анализа понятия информации (В.И.Крестьянский) и информационной технологии (Ю.Г.Данилевский, И.А.Петухов, В.С.Шибанов) К.Р.Овчинниковой создана концепция информационной технологии, которая включает в себя функциональные компоненты (конкретное содержание процессов циркуляции и переработки информации), содержательный компонент (базу знаний, состоящую из модели

предметной области, базы данных и прикладного программного обеспечения), и опорную информационную технологию, в основе которой находятся базовые аппаратные и программные средства хранения, переработки и обмена данными.

На наш взгляд, одной из востребованных информационных технологий является образовательная технология ТОГИС, предложенная В.В.Гузеевым [2], которая предполагает такое построение образовательного процесса, в котором студенту для усвоения предлагается не набор готовой информации, а моделируется деятельность по ее осознанному поиску, отбору и анализу. Современными являются не только методы и способы поиска новой информации. Значительно расширяется список источников информации, где, наряду с традиционными печатными изданиями используются Internet-ресурсы, компакт-диски и др. Интерактивные технологии развития коммуникативной компетентности рассматривались М.Ю.Бухаркиной, А.П.Панфиловой, Е.С.Полат и др.

Как показал анализ существующих исследований, имеют место разные подходы к пониманию интерактивной технологии. А.П.Панфилова дает им широкую трактовку, отмечая, что «они построены на целенаправленной и для реализации целей, специально организованной, групповой и межгрупповой деятельности, обратной связи между всеми ее участниками для достижения взаимопонимания и коррекции образовательного процесса, индивидуального стиля, вербального и невербального имиджа обучаемых с использованием рефлексивного анализа» [6, С. 18].

В то время как И.Г.Захарова понимает интерактивные технологии в узком смысле, как разновидность информационных технологий, когда обучение осуществляется с использованием «компьютерных программ, которые работают в режиме диалога с пользователем» [3, С. 183].

Мы считаем, что для развития профессиональной компетентности переводчика понятие интерактивные технологии следует рассматривать в широком смысле и придерживаемся первой точки зрения по данному вопросу.

Литература

1. Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. М., 1995.
2. Гузеев В.В. Образовательная технология ТОГИС — обучение в глобальных информационных сетях // Школьные технологии. 2000. № 5. С. 34—39.
3. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: Учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. Заведений. М., 2003.
4. Кларин М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. М., 1994.
5. Монахов В.М. Технологические основы проектирования и конструирования учебного процесса. Волгоград, 1995.
6. Панфилова А.П. Интерактивные технологии формирования коммуникативной компетентности руководителей социально-культурной сферы: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001.
7. Плигин А.А. Организационно-педагогические основы личностно-ориентированной технологии образования в современных условиях: Дис. ... канд. пед. наук. М., 1997.
8. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. М., 1998.
9. Шиянов Е.П., Котова И.Б. Идея гуманизации образования в контексте отечественных теорий личности. Ростов н/Д, 1995.
10. Щуркова Н.Е. Педагогическая технология. М., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Степанова М.А. ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	3
Видинеев В.Н. О ПРОБЛЕМАХ ГОДА КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА.....	4
Михайлова О.Ю. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	7
ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ	
Бельцер А.А. ПЕРИФЕРИЯ МОНАРХИИ ТЮДОРОВ В «ОПИСАНИИ АНГЛИИ» ДЖОРДЖА РЕЙНСФОРДА	10
Беспалова Л.Н. ВЛИЯНИЕ НАПОЛЕОНА III НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ О.БИСМАРКА.....	11
Василенко Л.В. ОПЕРАЦИЯ «БУРЯ В ПУСТЫНЕ»: ПРИЧИНЫ, ХОД И ИТОГИ.....	14
Вацук Л.В. ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ: КОРОНА И ПАРИЖСКИЙ ПАРЛАМЕНТ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ АБСОЛЮТИЗМА (ПО ЭДИКТАМ И ОРДОНАНСАМ ФРАНЦИСКА I).....	17
Волошин Д.А. ОНЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖКАХ ИМПЕРСКОГО БЫТИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОЗДНЕГО РИМА).....	19
Гайсина Л.Р. ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В «НОВЫХ ЧАСТЯХ» СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОРОДОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.).....	22
Глеб М.В. ИМПЕРСКИЙ ДИСКУРС В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: Р.КУПЕР	24
Горбунова С.В. УРЕГУЛИРОВАНИЕ РУССКО-КАЗАХСКИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В НОВОЛИНЕЙНОМ РАЙОНЕ (1835—1862 гг.).....	26
Гордиенко Д.О. «КОГДА ЛЮБАЯ ИНОСТРАННАЯ АРМИЯ ГОТОВА ВТОРГНУТЬСЯ В КОРОЛЕВСТВО»: ИРЛАНДСКАЯ АРМИЯ И ПРОЦЕСС ГРАФА СТРАФФОРДА.....	28
Демичев К.А. ФОРМИРОВАНИЕ МИРСКОГО АСПЕКТА ВЛАСТИ СИКХСКИХ ГУРУ В ПЕРИОД ГУРТА АРДЖУНА ДЭВА.....	33
Демичева И.Ю. СЕМАНТИКА ДЕКОРА ТЕРРАКОТ МАЙЯ I тыс. н.э.	35
Денисова Г.В., Жолудов М.В. ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830—1831 ГОДОВ	37
Добровольский Е.С. ХРИСТИАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ И «ДВИЖЕНИЕ ЗА НАРОДНЫЙ КОНГРЕСС» В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ	38
Еремин С.В. ОБРАЗ НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД.....	40
Ерохин В.Н. ЭДВАРД ВАДИ САИД И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	43
Жолудов М.В. К ВОПРОСУ О ЕВРОПЕЙСКОМ СЛЕДЕ В ДЕКАБРИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ.....	45
Изубчиков Д.М., Ерохин В.Н. ФОРМА ГОСУДАРСТВА В АНГЛИИ В XVI ВЕКЕ И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ.....	47
Косых Е.С. ПОЗИЦИЯ СТРАН АНТАНТЫ ПО РУССКОМУ ВОПРОСУ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919 г.	48

Котляров П.Н. РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ RESPUBLICA LITERARIA (ЗА ПЕРЕПИСКОЙ ФИЛИППА МЕЛАНХТОНА)	51
Креленко Н.С. МИР ПУРИТАНСКОЙ ДАМЫ (ПО «МЕМОАРАМ» ЛЮСИ ХАТЧИНСОН»)	54
Лабутина Т.Л. «АВГУСТИАНСКАЯ» КУЛЬТУРА АНГЛИИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ	58
Малюгин О.И. ПОСЛЕДНИЙ РИМЛЯНИН СРЕДИ БРИТТОВ (АМВРОСИЙ АВРЕЛИАН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ).....	61
Мостяев Ю.Н. ЗАХВАТ БИРМЫ ЯПОНСКИМИ ВОЙСКАМИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	63
Нурова М.Т., Жолудов М.В. К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ВЫХОДА ФРАНЦИИ ИЗ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАТО В 1966 ГОДУ	69
Петров Р.В., Ерохин В.Н. ПРЕДЫСТОРИЯ И ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ	70
Праздников А.Г. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ «СТОЯНИЯ» ПРИ ЛАДФОРД БРИДЖ 12 ОКТЯБРЯ 1459 ГОДА	73
Рокина Г.В. ГЕРМАНСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ.....	76
Савельева А.В. ДВУХПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА США И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНО-КОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СТРАНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	78
Савченко Н.М. ОПЫТ БОРЬБЫ С МАФИЕЙ В ИТАЛИИ	81
Сидякина А.Б. «КУРЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В РОССИЙСКО-ПРУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ЦАРСТВОВАНИЕ АННЫ ИОАННОВНЫ	83
Соколов А.С. ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА ДЖ. ВОЛЬПИ В ИТАЛИИ (1927 г.).....	86
Соколова Т.В. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ БЕДНЯКАМ В ПРИХОДАХ ЛОНДОНА В XVII ВЕКЕ.....	87
Станков К.Н. РАСКОЛ АНГЛИКАНСТВА В КОНЦЕ XVII в. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ «ЦЕРКВИ НЕПРИСЯГНУВШИХ»	89
Федорович М.Ю. РУДОЛЬФ II И ЕГО РОЛЬ В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XVI ВЕКА	92
Чернова Л.Н. ГОРОДСКОЙ ДЖЕНТРИ АДАМ ФРЭНСИ: К ИСТОРИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРИБРЕТЕНИЙ ЛОНДОНСКОГО КУПЦА XIV ВЕКА	94
Чорев М.М. К АТРИБУЦИИ ЗВЕЗДОВИДНЫХ НАДЧЕКАНОК НА МЕДИ БОСПОРСКОГО АРХОНТА АСАНДРА.....	96
Шаповалов М.С. МАРК САЙКС И БРИТАНСКАЯ ПОЛИТИКА В ПАЛЕСТИНЕ В 1898—1919 гг.	99
Шмелев Д.В. ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦИИ (XIX—XX вв.).....	101
Шмелева Л.М. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РИМА ЦАРСКОГО ПЕРИОДА В ОПИСАНИИ ТИТА ЛИВИЯ.....	104
Якубова Л.А. БРИТАНСКИЙ АНТИДИСКРИМИНАЦИОННЫЙ АКТ В ОТНОШЕНИИ ИНВАЛИДОВ 1995 г.: К ВОПРОСУ ОБ ИНКЛЮЗИВНОСТИ И СОЗДАНИИ ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ.....	105

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Артамонова Л.М. БЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ПРИЧИНЫ ПЕРЕВОДА В САМАРСКУЮ ГИМНАЗИЮ	109
Воробьева Н.В. ПСАЛТИРНЫЕ ЦИТАЦИИ В ТРУДАХ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА НИКОНА	111
Галанин С.Ф. ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ КРИТИКИ РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТНОЙ РЕКЛАМЫ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКИХ ГАЗЕТ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)	116
Григорьев А.Д. ОСОБЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1861—1917)	118
Дятлова Г.В. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ХОДЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА	123
Зварцев И.А. СИСТЕМА ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ А.И. ДЕНИКИНА	127
Калинов В.В. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРНЫХ И УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ	129
Калинова К.В. О ПРОТИВОРЕЧИВОМ ХАРАКТЕРЕ КОНЦЕССИОННЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ И ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЭТОЙ СФЕРЕ В ГОДЫ НЭПА	132
Мауль В.Я. ЗАГАДОЧНАЯ БОЛЕЗНЬ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА (ОБ ОДНОМ КАЗУСЕ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XVIII СТОЛЕТИЯ)	134
Пискунов Н.В. СЕЛО ВЕРХНЯЯ АХТУБА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	137
Смирнов Ю.Н. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПРЕССА О ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЕ (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)	139
Стељмак М.М. ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1919 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ «НАШЕЙ ГАЗЕТЫ»)	142
Степаненкова З.В. О ВОСПРИЯТИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ИДЕЙ В.В.БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО	144
Сушко А.В. «ИНТЕЛЛЕКТУАЛ-ЭЛИТА-ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ СУВЕРЕНИЗАЦИИ	147
Терехова С.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИДЕИ «НАРОДНОГО МОНАРХИЗМА» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ДЕКАБРИСТОВ	149
Хуторова Л.М., Салмина Д.С. РОЛЬ ФАБРИЧНЫХ ИНСПЕКТОРОВ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА	151
Чирков М.С. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ ПЕРИОДА «ХРУЩЕВСКОЙ ОТТЕПЕЛИ» (1950—1960-е гг.)	154

ТЕОРИЯ ИСТОРИИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Базанов М.А. А.А.ЗИМИН И А.С.ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ СОВЕТСКОГО ИСТОРИКА	157
Галямичев А.Н., Семенова А.А. ВЕНЕЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ В МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ»).....	159
Горькова Е.В., Иванцова Е.С. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА «ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ».....	161
Горькова Л.В. ИЗУЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ГУСТАВА ЭВЕРСА РОССИЙСКИМИ ЭМИГРАНТАМИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ	163
Дударев С.Л. ОБ ИДЕЕ «СОРАБОТНИЧЕСТВА» БОГА И ЧЕЛОВЕКА В ИСЛАМЕ И ХРИСТИАНСТВЕ	165
Евсеев В.А. К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ.....	167
Кобылин И.И. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И СЕМИОТИКА ЧУДА: ВЕРСИЯ ЭРИКА Л.САНТНЕРА.....	169
Нехаев А.В. SOME REMARKS ON THE PUZZLE OF RATIONALITY & SOCIALITY	171
Нехаева И.Н. ПАРАДОКС «ТЕОРИИ ИСКУССТВА»	175
Николаев Д.А. Н.И.ХРАМЦОВСКИЙ И РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ «БОЛЬШОЙ» ИСТОРИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА.....	179
Николаев Н.Ю. ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДАХ Н.И.КАРЕЕВА НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.	181
Николаи Ф.В. КОНЦЕПЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ДЖЕЯ УИНТЕРА	183
Нуркина К.К. ОСВЕЩЕНИЕ ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	185
Обидина Ю.С. MENS SANA IN CORPORE SANO, ИЛИ ПОЧЕМУ НАДО МОЛИТЬ БОГОВ, ЧТОБЫ ДУХ ЗДОРОВЫЙ БЫЛ В ТЕЛЕ ЗДОРОВОМ.....	188
Петелин Б.В. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ХАОС XXI ВЕКА.....	189
Г.Г.Пиков Ф.И.ТЮТЧЕВ И СЛАВЯНОФИЛЬСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЯНЕ ГУСЕ	191
Романова М.И. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В ТРУДАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГОВ XVIII в.	194
Стрелец М.В. ГЕРМАНСКИЙ МАТЕМАТИК ЭММИ НЕТЕР И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ МИРОВОЙ НАУКИ.....	196
Торшин М.П. ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПОЛИТОЛОГИИ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	199
Фоменко С.В. К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	200
Хабибуллин М.З., Батыршин Р.Р. ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	203

Хлынина Т.П. О КРИЗИСЕ ЖАНРА СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ И ОДНОЙ ИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ	206
---	-----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ

Алексеева Л.В. ИСТОРИЯ РЫБНОГО ХОЗЯЙСТВА ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939—1945 гг.): РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	209
Васькина Е.А. БОЛЬНИЦЫ И БОЛЬНИЧНЫЕ ПУНКТЫ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.	210
Зубов В.Н. ПРИСОЕДИНЕНИЕ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ К РОССИИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ 30—50-х гг. XX в. (НА ПРИМЕРЕ ВЗГЛЯДОВ Л.Е.ВЕРЕИНА)	211
Кообар Г.А. ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ	214
Сапожникова Н.В. «УГЛЕВОДОРОДНАЯ СТРАТЕГИЯ» РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ И НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ 2008—2013 гг.	216
Солодкин Я.Г. О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОВОГО ЛЕТОПИСЦА СТАРШЕЙ РЕДАКЦИИ	219
Храмцов А.Б. ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДА БЕРЕЗОВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА	222
Цысь В.В., Цысь О.П. ОРГАНИЗАЦИЯ ПАЛОМНИЧЕСТВА ЖИТЕЛЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПАЛЕСТИНУ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.	226

ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

Арасланова В.А. ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ АРХИВНОГО ОТДЕЛА АДМИНИСТРАЦИИ г. СУРГУТА ДОКУМЕНТАМИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР	229
Беспалова Л.Н. ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ПО НАПРАВЛЕНИЮ 034700 «ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ И АРХИВОВЕДЕНИЕ»)	231
Булюлина Е.В., Кан А.С. ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО АРХИВА: СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ	232
Быкова А.Г. ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ НОМЕНКЛАТУРЫ ДЕЛ В ОАО «ГАЗПРОМНЕФТЬ-НОЯБРЬСКНЕФТЕГАЗ»	233
Давыденко Е.А. ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА ПРИ АНАЛИЗЕ КАЧЕСТВА УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В НИЖНЕВАРТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	236
Ерохин В.Н. ДИСКУССИИ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК» И «ДОКУМЕНТ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	237
Иванова Д.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПОСТРОЕНИЯ СИСТЕМ ДОКУМЕНТАЦИИ В СФЕРЕ МАЛОГО БИЗНЕСА	240
Кириченко А.Э. ВВЕДЕНИЕ В ТЕХНОЛОГИЮ ПОСАДОЧНЫХ СТРАНИЦ	241
Котова Е.В. КЕЙС-МЕНЕДЖМЕНТ В ОРГАНИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА	243

Кугаевских М.В. ПРАКТИКА ЗАЩИТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В КОМПАНИИ ООО «ЭНЕГРГОЛАЙН»	245
Савельева А.В. НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ.....	246
Серба О.Р. ВНЕДРЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СИСТЕМ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА	248
Судник Т.В. ДОКУМЕНТЫ ГУТО «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В Г. ТОБОЛЬСКЕ» ПО ОРГАНИЗАЦИИ РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	250
Тюрикова Н.А. НАПРАВЛЕНИЯ УПОРЯДОЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО И АРХИВНОЕ ДЕЛО».....	251
Угрюмова М.В. СТАНОВЛЕНИЕ АРХИВНОГО ДЕЛА РОССИЙСКИХ ЗЕМСТВ	253
Яковлева О.Ф. НОРМАТИВНАЯ ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО И ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСОВ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ.....	255
Якубова Л.А. РАБОТА С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В ОТДЕЛЕ ВОЕННОГО КОМИССАРИАТА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ ПО Г. НИЖНЕВАРТОВСКУ И НИЖНЕВАРТОВСКОМУ РАЙОНУ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	257

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Белькова А.Е. КОММУНИКАЦИЯ В PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ	260
Бесценная В.В., Федяева Е.В. В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ: ПАКЕТ КЕЙСОВ ДЛЯ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УРОВЕНЬ)	261
Винокурова Т.Ю. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ.....	264
Галимуллина Н.М. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК PR-ИНСТРУМЕНТ РОЗНИЧНОЙ СЕТИ.....	266
Долгина Е.С. ОПЕРАТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИП РАБОТЫ ПЕЧАТНЫХ СМИ.....	269
Долгина Е.С. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛЫХ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ	270
Дрейфельд О.В. «ВООБРАЖАЕМЫЙ МИР ГЕРОЯ» КАК ПОНЯТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	272
Ежукова И.Ф. ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ЛИЦ, НЕ ИМЕЮЩИХ ГРАЖДАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БАЗЕ НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	275
Зеленовская А.В. ЖАНРЫ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА	279
Корнейчук Ю.В. ГИПЕРТЕКСТ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО САЙТА	282
Корнейчук Ю.В. ПОНЯТИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК РОДНОЙ», «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК НЕРОДНОЙ» И «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	284

Кулашкина Р.А. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕЖЕВЫХ ВЫПИСЕЙ КАК ОСОБОГО ТИПА ДОКУМЕНТОВ	285
Култышева О.М. ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕЧАТЬ О В.МАЯКОВСКОМ И ФУТУРИЗМЕ.....	287
Мартыненко Л.Р. ФЕНОМЕН СЛОВЕСНОЙ МУЗЫКАЛЬНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ XX ВЕКА	291
Мухина А.С. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ ДЛЯ ДОШКОЛЬНИКОВ)	293
Никишина С.А. ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В ЮГРЕ	295
Николаев В.В., Николаева Е.А., Полякова О.В. РЕКЛАМА КАК РЫНОЧНЫЙ СИГНАЛ.....	297
Рец И.В. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НИДЕРЛАНДСКОГО ЯЗЫКОВ.....	299
Савельева Е.Б. ДИСКУРС В ОЦЕНКЕ ЛИНГВИСТОВ — ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЫ АНАЛИЗА ДИСКУРСА».....	301
Сальникова С.А. КРИТИКА ЦЕРКВИ И ВЛАСТИ В СОЧИНЕНИИ СЕБАСТИАНА БРАНТА «КОРАБЛЬ ДУРАКОВ».....	303
Селянская Е.А. КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	306
Сильченко Г.В. СКАЗОЧНОЕ И БЫТОВОЕ В ПОВЕСТИ П.ПЕРШОВА «ДЕДУШКИН КОЛПАК»	310
Чулкина Д.В. АНАЛИЗ ЭКСПЛИКАТОРОВ КОНЦЕПТА «РАЗЛУКА».....	312

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Баликаева М.Б. ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ	314
Калашник Н.Н. СОЗДАНИЕ УСЛОВИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ	316
Кузнецова Н.Ю. РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ СКАЗКАХ	324
Мелехина Е.В. РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ЧТЕНИЯ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ	326
Перельгут Н.М., Яковишак О.Я. НАУЧНЫЙ ДИСКУРС: ВОПРОСЫ ТАКСОНОМИИ	328
Петрова Т.Е., Рянская Э.М. ПОТЕНЦИАЛ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ВЫРАЖЕНИИ ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ	330
Сергодеев И.В. АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕКСТУАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ДЖЕЙМСА ДУГЛАСА МОРРИСОНА).....	334
Степанова М.А., Немчинова Н.А. ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ БАРЬЕРОВ ПРИ АДАПТАЦИИ К ИНОКУЛЬТУРНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ	336
Ярошенко О.Н. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА	338

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 30.04.2014
Формат 60×84/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 43,5
Тираж 300 экз. Заказ 1572

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*